

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ

**теория
история
политика**

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты, чертежи...
2. Диссертации и научные работы
3. Школьные задания

Онлайн-консультации

ЛЮБАЯ тематика, в том числе ТЕХНИКА

Приглашаем авторов

www.учебники.информ2000.pф/student-aspirant.shtml

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ -
полные тексты

На сайте электронной библиотеки

www.учебники.информ2000.pф

Вернуться в каталог учебников

<http://учебники.информ2000.pф/uchebniki.shtml>

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ

**теория
история
политика**

2-е издание, электронное

Челябинск • Москва
СОЦИУМ

Вернуться в каталог учебников
2020
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

Перевод с английского:
А. Куряев, А. Мальцев, Г. Покатович, Гр. Сапов, Н. Эдельман
Научная редакция: А. Куряев

381 **Золотой стандарт. Теория, история, политика** / пер. с англ. А. Куряева, А. Мальцева, Г. Покатович, Гр. Сапова. — 2-е изд., эл. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — 1 файл pdf : 576 с. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-660-2

Золотой стандарт — денежная система, существовавшая на протяжении большей части истории человеческой цивилизации. Можно сформулировать своего рода исторический закон: если в некоем регионе добывалось золото или если он имел торговые связи с регионами, в которых добывалось золото, то в этом регионе рано или поздно устанавливается денежная система на основе золотых монет. Историки пишут о двух-тысячелетней истории золотых денег. Для сравнения: современная денежная система на основе неразменных (на золото или серебро) бумажных денег существует лишь с начала 70-х годов XX в., когда Ричард Никсон «закрыв золотое окно», т.е. всего 40 лет.

В последнее в мире время все чаще обсуждаются проекты учреждения золотых денег (например, проекты золотого динара в арабских странах или золотой валюты в Юго-Восточной Азии). В ближайшем будущем в связи с глобальным экономическим кризисом обсуждение альтернативных денежных систем неизбежно активизируется.

В сочинениях, включенных в настоящий сборник, описываются исторические и теоретические аспекты золотого стандарта, анализируются альтернативные проекты реформы современной денежной системы.

УДК 336.743.22
ББК 65.262.611

Электронное издание на основе печатного издания: Золотой стандарт. Теория, история, политика / Пер. с англ. А. Куряева, А. Мальцева, Г. Покатович, Гр. Сапова. — Челябинск : Социум, 2011. — 574 с. — ISBN 5-978-91603-045-7. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

И. М. Кулишер

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

**от Средних
веков
до Нового
времени**

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

ГЛАВА 1

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ДЕНЕЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В позднейшее Средневековье денежное хозяйство постепенно проникает во все сферы экономической жизни. Не только в городах обмен совершается при посредстве денег, но и в поместьях, как мы видели выше, натуральные повинности и барщина превращаются в денежные платежи. Однако развитие хозяйственной жизни в этом направлении сильно тормозилось недостатком в деньгах, недостаточным количеством благородных металлов, обращавшихся в стране.

Весь запас благородных металлов к концу XV в. *Лексис* определяет в 7 млн кг, или 1200—1300 млн марок, серебра и 500 кг, или 1000 млн марок, золота, а всего в 2—2,5 млрд марок. По другим вычислениям, этот запас не превышал 1 млрд (*Пешель*), 680 млн (*Якоб*) и даже 500 млн марок (*Лербуа*)¹.

Возьмем ли мы, однако, более высокую или более низкую цифру, мы должны во всяком случае иметь в виду, что в предшествующие концу XV в. столетия этот запас был еще значительно меньше, ибо лишь во второй половине XV в. добыча серебряных рудников (в Саксонии, Богемии, Тироле, Венгрии, Зальцбурге) сильно возрастает. *Лексис* определяет добычу серебра в 1260—1450 гг. в 27 тыс. кг ежегодно и лишь в 1450—1500 гг. в 44 тыс. кг; добыча золота и серебра вместе составляла, по его вычислениям, 11,9 млн марок ежегодно до половины XV в. и 14,8 млн марок в конце XV в. Далее, не следует упускать из виду, что приведенные выше цифры означают весь запас драгоценных металлов, а не одну лишь обращающуюся в стране монету. Между тем, по словам того же *Лексиса*, из 7 млн кг серебра — запас в 1500 г. — большая часть состояла из предметов украшения, посуды и т.д. и меньшая часть приходилась на долю средств обращения. Мало того, значительное количество последних извлекалось из оборота и сохранялось в качестве сбережений, скопляясь в руках отдельных лиц и корпораций; нередко они зарывались в землю (например, в больших размерах во Франции во время Столетней войны с Англией) или же отдавались на хранение церквам и монастырям. В подвалах последних, например ордена тамплиеров, ордена иоаннитов, Тевтонского ордена, скоплялись нередко огромные богатства, как в слитках, так и в монете и всевозможных украшениях из золота и серебра².

¹ *Lexis*. Gold und Goldwahrung. *Lexis*. Silber und Silberwahrung // Handworterbuch der Staatswissenschaften. *Peschel*. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. 2. Aufl. 1877. S. 26 ff. *Chevalier M.* Dictionnaire d'conomie politique. (Metaux precieux). *Helferich*. Das Geld. S. 50—60.

² *Delisle*. Memoire sur les operations financieres des Templiers // Academie des Inscriptions et Belles-lettres. T. 39. 1889. P. 2 ff. *Prutz*. // Sitzungsberichte der keis. Akademie der Wissenschaften (Wien). Philisophisch-historische Klasse. 1906. S. 12 ff. *Sattler*. Der

Недостаточность средств обращения подтверждается теми значительными затруднениями, которые вызывал всякий крупный платеж. После того как Ричард Львиное Сердце отнял у населения десятую часть имущества на Крестовый поход, доставление выкупа его из плена в размере 150 тыс. марок серебра кельнского веса представило огромные трудности: пришлось переплавить в монету церковную утварь, в особенности кубки³. Ввиду недостатка в монете издаются распоряжения о том, чтобы всякий принес третью часть своих вещей из золота и серебра на монетный двор для перечековки их в монету, причем иногда эту монету население получает лишь по истечении известного времени; следовательно, происходит принудительный заем (во Франции в 1313, 1332 и других годах). Ювелирам же запрещается выделывать предметы свыше определенного веса, или вообще их производство временно приостанавливается⁴. Короли неоднократно вынуждены были прибегать вследствие крайней нужды в деньгах⁵ к выпуску кожаных денег⁶ — прототипу современных бумажных денег. Более ранние виды денег (различные продукты, неметаллы) хотя и встречались несравненно реже, чем в предшествующий период, но все же не выходили из употребления. Так, хлеб (смолотый) составлял нередко платежное средство⁷; существовало выражение *Korngeld*, в противоположность *Pfenniggeld* (монета); монетный двор в Моравии еще в XIII в. платил королю за откуп монеты красным сукном⁸. Другие товары фигурировали даже в области международной торговли в качестве денег: в итальянских источниках XII в. находим обещание погасить обязательство на $\frac{1}{3}$ перцем, на $\frac{1}{3}$ бразильским деревом и на $\frac{1}{3}$ квасцами и ладаном, при отсутствии же последних товаров — одним лишь перцем⁹. Генуя еще в 1378 г., нуждаясь в значительных средствах на отправление посольства, объявляет, что она готова сделать заем в перце, обещая вернуть его в монете или в том же нату-

Handel des deutschen Ordens in Preussen // *Hansische Geschichtsblätter. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. II. S. 397.*

- ³ *Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters mit bes. Berücksichtigung des Zeitalter der beiden ersten Tudors. Bd. II. S. 483.*
- ⁴ *Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 107—109.*
- ⁵ Жалобы на недостаток монеты мы встречаем неоднократно. См: *Shaw. History of the Money. P. 30; Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 101.*
- ⁶ Такие деньги выпускают император Фридрих II во время осады Фавенцы в 1271 г., Иоанн Безземельный, французские короли Людовик IX и Иоанн Добрый (в 1360 г.), венецианские дожи (*Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. S. 138. Roscher—Stieda. Nationalökonomie des Handels und Gewerbefleißes. Bd. III. 7. Aufl. S. 319. Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters mit bes. Berücksichtigung des Zeitalter der beiden ersten Tudors. Bd. I. S. 485. Raumer. Hohenstaufen. Bd. V. S. 461. Wachsmuth. Kulturgeschichte. Bd. II. S. 312).*
- ⁷ См.: *Tille. Getreide als Geld // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. S. XX. 1900. S. 730 ff., 572.*
- ⁸ *Juritsch. Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zui hussitischen Revolution. 1907. S. 4.*
- ⁹ *Schaube. S. 164. См. также: Friedensburg. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. 1926.*

ральном виде¹⁰; а в Германии имеется постановление конца XV в., которым подтверждается — хотя, по-видимому, уже безрезультатно — обязанность при отсутствии монеты (которая названа уже просто деньгами) принимать товары в качестве платежа¹¹.

Недостатком монеты объясняются и постоянные запреты вывозить золото и серебро в слитках¹², монете и утвари или уплачивать ими по векселям без особого каждый раз разрешения короля¹³; отсюда и требование, чтобы приезжие купцы приобретали на всю вырученную в данном месте сумму товары (в Венеции, в Англии). Впрочем, запрет вывозить слитки и монету вытекало также из других соображений. Короли желали извлечь доход из лицензий, выдаваемых на право вывоза монеты и слитков; этим путем они, наполняя свои сундуки, в действительности обходили запрещение (в Англии Генрих VII). Или же эти запреты имели целью предотвратить отлив из страны лучшей монеты, вывоз которой только и запрещается, как это было, например, во Франции в годы особенно сильной порчи монеты¹⁴.

Допш в новейшем своем труде старается доказать, что натуральное и денежное хозяйства (в смысле отсутствия денег в качестве посредника в платежах в первом случае) не представляют собой две различные эпохи, из которых последняя следует за первой, а существуют одновременно во все периоды хозяйственного развития. При этом он совершенно упускает из виду количественный момент. Конечно, зачатки денежного хозяйства появляются уже весьма рано, в частности мы находим их уже в раннее Средневековье, но это были только зачатки, и лишь мало-помалу платежи в натуре стали вытесняться денежными. *Допш* вполне правильно указывает на то, что и в позднее Средневековье натуральная форма сохраняется еще в значительных размерах при уплате оброков и чиншей, при вознаграждении чиновников, при взносе податей и т.д., но из этого еще вовсе не следует, что кредитное и меновое хозяйства, так же как кредитное и денежное хозяйства, могут быть соединены вместе и что «натуральное, денежное и кредитное хозяйства существуют одновременно», как он утверждает. Эти факты свидетельствуют лишь о медленном проникновении денег во всякого рода платежи, в том числе и производимые в кредитных операциях (кредит был первоначально натуральный). Сам же *Допш* в другом месте своей книги указывает на то, что в новое время в городах «денежное хозяйство сделало успехи и развилось еще более, чем это уже имело место в Средние века, хотя натуральная форма

¹⁰ *Sieveking*. Genueser Finanzwesen vom XII—XIV. Jahrhundert. Bd. II. S. 157.

¹¹ *Tille*. Getreide als Geld.

¹² За вывоз благородных металлов грозили смертной казнью, и эта угроза приводилась в исполнение, как видно из случаев четвертования знатных лондонских купцов за нарушение этого запрещения (*Shaw*. History of the Money. P. 12).

¹³ В Англии в 1299, 1307, 1382, 1478 гг., во Франции в 1304, 1309, 1322, 1332 гг., в Арагонии в 1315, 1455 и др.

¹⁴ Кроме того, государи усматривали в самом факте вывоза монеты с их изображением оскорбление величества (*Landry*. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 98).

и теперь еще сохранялась». *Допи* здесь признает постепенный рост денежного хозяйства; остатки же натуральной формы и впоследствии имелись¹⁵.

Еще более неблагоприятно для развития денежного хозяйства было другое обстоятельство — плохое качество монеты и чрезвычайная путаница в области денежного обращения.

Счетной единицей был в позднее Средневековье фунт серебра (ливр, лира), разделявшийся на 20 солидов (шиллингов) и 240 денариев (денье) или пфеннигов (пенсов), причем по-прежнему только последние, денарии, действительно чеканились и составляли орудие обращения¹⁶. Однако, ценность денариев понижалась все более и более; с одной стороны, находим кёльнские и регенсбургские денарии, содержавшие около 1,5 г (1,4 г) серебра, и английские стерлинги (также около 1,5 г), сохранившие в течение долгого времени тот же вес и содержание, благодаря чему они широко распространились по Германии и Франции; а в то же время фламандские, голландские, любекские, трирские и другие денарии составляли не более $\frac{1}{3}$ кёльнского денария. Эти денарии уже ничего общего с фунтом серебра не имели: 240 денариев представляли собою значительно менее фунта серебра по содержанию, и название фунта обозначало теперь не фунт серебра, а количество в 240 денариев. В Госларе их стали выпускать в виде совершенно тонких пластинок, чеканенных лишь с одной стороны, ибо тонкость не допускала двусторонней чеканки; поэтому они и назывались *Hohlpfenninge* или (по-латински) брактеаты. Да и самая либра, или фунт, заменилась теперь, параллельно сокращению веса денария, меньшей денежной единицей — маркой, которая составляла $\frac{2}{3}$ либры (в Англии), $\frac{1}{2}$ (во Франции) и даже меньше (в Германии). Марка означала также (как и либра) одновременно и весовую единицу, которую применяли при взвешивании товаров, и денежную единицу, из которой чеканилась монета (денарии).

Низкая ценность денариев делала и перевозку их крайне затруднительной. Для транспорта из Пьяченцы 15 мешков в 200 фунтов империялов — в Пьяченце денарии имели это название — необходимо было 16 вьючных животных. Потребность в более крупной монете заставила итальянские города — Верону, Венецию, Флоренцию — уже с конца XII в. чеканить солиды (шиллинги). За этими городами последовали вскоре и Болонья, Сиена, Лукка, Пьяченца. Солиды, которые ранее представляли собою лишь счетную единицу, теперь стали монетой, именно монетой в 12 денариев (позже и в 24—26 денариев). Эта монета в противоположность брактеатам получила название *grosso* или *grossi*, т.е. крупные, массивные (*denarii grossi de argento*, т.е. крупные серебряные денарии), в 12 *piccoli*, т.е. маленькие. За Италией последовала Франция (Людовик IX) со своими *grossi (albi) turonenses*, или турнозами (*gros tournois*),

¹⁵ *Dopsch. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. 1930. S. 110 ff., 145 ff., 173 ff., 205.*

¹⁶ Весовые единицы и денежные единицы были одни и те же — в Англии в XIII в., в *Assisae panis* вес хлеба выражается в ливрах, шиллингах и пенсах. В России это сохранилось еще в XVI—XVII вв. См.: *Кулишер. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. Ч. III. Гл. XIV.*

соответствующими (grossus) 12 денариям, или 12 parvi turonenses. А затем и чешский король Венцель II призвал флорентийцев для выделки крупной монеты по образцу итальянской: появились пражские грошены (от grossus). Вскоре чеканка их распространилась по австрийским территориям (мейсенские, богемские грошены) и вызвала (в течение XIV в.) подражание и в других местностях Германии: в Саксонии, на Рейне (albus или Weisspfennig, тот же грошен), в Северной Германии (любекские шиллинги), в Нидерландах¹⁷. В Англии, куда также Эдуард I привлек флорентийцев, в начале XIV в. появились грошены (groats) в 4 пенса и полугрошены в 2 пенса, а с конца XV в. и серебряные шиллинги в 12 пенсов. Таким образом, в XIII—XIV вв. появилась крупная серебряная монета, которая повсюду, не только по названию, но и по характеру, являлась однородной, чеканенной по образцу итальянской; она чеканилась в большом количестве и стала вытеснять никуда не годные брактеаты. Рядом с ней находим и новую мелкую серебряную монету в Англии уже с XII в. в полпенса и в $\frac{1}{4}$ пенса (фартинг), в Германии, в особенности в Южной и Западной, — в виде геллеров (чеканились они в г. Галле), содержавших первоначально $\frac{1}{3}$ грамма и чеканенных с обеих сторон. Благодаря усиленной чеканке их императорами, постоянству их содержания, в особенности же вследствие того, что геллеры были приведены в определенное соотношение с другими монетами (как 1 к 2 или к 8) и фунт геллеров должен был равняться флорентийскому гульдону, они вскоре стали как бы имперской монетой; но желание сохранять такое соответствие должно было привести вместе с тем и к ухудшению геллера по мере понижения в ценности гульдена и других монет¹⁸.

Гульденны представляют собою золотую монету (гульден, т.е. golden, и обозначает «золотой») и, подобно грошенам, являются также итальянской монетой. Они, как это было с грошенами в отношении денариев, должны были заменить собою сильно понизившиеся (с 4,5 г серебра почти до 2 и ниже) grossi, или шиллинги. Пользуясь первоначально для крупных платежей византийской и арабской золотой монетой¹⁹, итальянские города, в особенности Флоренция, Венеция, стали позднее чеканить золотую монету в 3,5 грамма чистого золота; она должна была соответствовать фунту (лире), содержа 20 солидов (20 floreni argentei) и 240 денариев. Повторилось вновь то же движение. С середины XIII в. floreni aurei, или просто floreni (отсюда флорины, т.е. флорентийская монета), или дукаты (так они назы-

¹⁷ *Schulte*. Geschichte der grossen Ravensburger Gesellschaft. Bd. I. S. 330. *Schrötter*. Das Münzwesen des Deutschen Reichs von 1500—1566 // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, hrsg. von Schmoller. 1911. S. 1699. *Schmidt*. Die Entwicklung und Verbreitung der Handelsgesellschaften. P. 1.

¹⁸ *Inama-Sternegg*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. T. 2. S. 380 ff.

¹⁹ В основанных на Востоке крестоносцами государствах чеканилась золотая монета с арабскими надписями (нередко с магометанскими изречениями) — byzantii sarracenati (*Prutz*. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. S. 372 ff.). В Южной Италии вплоть до XIII в. чекан обнаруживает сочетание византийского и арабского влияния, как в изображениях, так и в надписях на монетах (*Friedensburg*. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. S. 114).

вались в Венеции, так как имели изображение дожа — *dux*)²⁰, чеканятся во Франции (*écu d'or*; на них был изображен король со щитом); с XIV в. они чеканятся в Богемии и Венгрии (венгерские дукаты), где только и добывалось золото, причем снова призываются итальянцы. Позже их чеканят и императоры (Людовик Баварский) и предоставляют всем курфюрстам право чеканки золотых монет (золотая булла) по образцу флорентийского гульдена (много чеканилось в XV в. в Любеке и Бремене); они чеканятся, наконец, во Фландрии и Голландии, в Испании (*oro florines*), в Англии (с середины XIV в. флорины в 6 шиллингов, *rosenoble* или *rial*, и с конца XV в. *sovereign*'ы, или *double rial*, в 20 шиллингов). Соответствие с флорентийской монетой действительно долгое время повсюду сохранялось; установилась одинаковая система, широко были распространены итальянские, венгерские и рейнские гульдены, и до конца XV в. в Германии гульден (иногда он назывался *Schildgulden*, от французского *écu*, или реал — *regalis aureus*, т.е. королевский, подражание французскому *écu*) сохранял свою ценность. Впрочем, в конце XV в. в прирейнских местностях он содержал всего $2\frac{1}{2}$ г золота, почти столько же (2,40 г) содержал французский *livre*; еще сильнее, чем в Германии, упало содержание гульдена в Нидерландах (тогда как в 1370 г. оно равнялось 3,5); в Англии содержание *sovereign*'а составляло 15,5 г²¹. По мнению *Шоу*, история денежных систем в современных европейских государствах начинается лишь с XIII в., когда они стали чеканить золотую монету. Эта золотая монета, в особенности в XIV и XV вв., играла значительную роль в обмене; платежи при покупке больших ценностей, по долгам, при выдаче приданого часто производились золотом, как во Франции и Германии, преимущественно на Рейне, так и в особенности в Италии, где золото даже старались сделать единственным платежным средством для крупных сделок²². Напротив, *Менадьё* утверждает, что в Германии, даже в прирейнских областях, золотые гульдены являлись лишь счетной единицей, уступив вскоре место серебряной монете, притом не столько грошам, сколько все более падающим в своей ценности пфенигам и геллерам, которые господствовали в обмене и вызывали волнения и смуты. Ганзейские города и некоторые немецкие князья в середине XV в. совсем запрещали пользование гульденами²³.

Характерную черту средневекового периода составляет факт постоянного падения ценности монеты вследствие сокращения содержащегося в ней количества благородного металла. Это являлось прежде всего последстви-

²⁰ На венецианских дукатах был изображен с одной стороны Спаситель, а с другой стороны — дож со знаменем св. Марка, патрона Венеции: надпись гласила: *sit tibi christe datus quem tu regis iste ducatus* [Пусть тебе, Христос, будет дан этот дукат тем, кем ты правишь (*лат.*)]. Иногда эти дукаты назывались также цекинами (*zecchino*) от слова *la zecca* — монетный двор.

²¹ *Schrötter*. Das Münzwesen des Deutschen Reichs von 1500—1566. S. 1700—1704.

²² *Shaw*. History of the Money. P. 2. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, hrsg. von Schmoller. S. 1255—1258. *Lamprecht*. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. II. S. 397.

²³ *Friedensburg*. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. S. 44.

ем крайнего несовершенства техники в области чеканки монеты; последняя производилась при помощи молота и получала посредством щипцов форму диска. Монета при таких условиях не выходила вполне круглой и штемпель не покрывал всей монеты, а по краям отсутствовал. Поэтому монеты одного и того же достоинства уже при выпуске получались весьма разнообразные, различаясь друг от друга (денарии) на 40% и более; они легко изнашивались и еще легче обрезывались. Отдельные куски, выступавшие по краям, как бы прямо вызывали на это; но дело шло и дальше — щипцами обрезывались куски монеты, причем захватывалась и чеканка, отрезывались целые половы вокруг монеты; найдено значительное количество — в несколько фунтов весом каждый раз — таких отрезанных частей монеты. Если где-либо появлялась лучшая монета, то ее немедленно скупали и переплавляли, так что в обращении оставалась только худшая²⁴. Чем дольше обращалась монета, тем более она изнашивалась и обрезывалась: последняя операция иногда производилась тут же при выпуске. Из этого и короли и феодалы сделали тот вывод, что позже выпущенную монету, для того чтобы она по своему содержанию равнялась ранее чеканенной, можно делать менее полновесной и таким образом присвоить себе всю ту выгоду, которую извлекали бы другие при обрезывании монеты. Вследствие этого к концу года чеканилась монета меньшего содержания, чем в начале года, — в Брауншвейге в XIV в., например, чеканилось из марки серебра в середине года 29 шиллингов, в следующие же месяцы 31, 33 и даже 35.

Этой операцией, однако, не ограничивалась порча монеты в фискальных интересах. По Саксонскому и Швабскому зеркалам, следует чеканить новые пфенниги, только «*wenn neue Herren kommen*», т.е. при вступлении на престол нового государя; но на самом деле феодалы выпускали ежегодно, два раза или даже 3—4 раза в год (*ad tria fora*, т.е. для каждой ярмарки), новую монету, которую население обязано было выменивать, возвращая в казну старую монету (*revocationes, innovationes, mutationes*). При этом оно получало обыкновенно за 16 старых денариев 12 новых того же достоинства, следовательно, несло ежегодно убытка на 25%; выгода же для фиска была гораздо меньше, ибо чеканка новой монеты обходилась весьма дорого. К этому средству прибегали и французские короли, в особенности Филипп Красивый, получивший прозвание фальшивомонетчика, почему Данте помещает его в аду, и Иоанн, в течение 14 лет изменивший 86 раз ценность серебряной монеты, прибегали и испанские монахи, и немецкие курфюрсты, и города, занимаясь наперерыв порчей монеты. Частных лиц, виновных в этом, они подвергали смертной казни, утверждая, что фальшивомонетчики «привыкли» быть сваренными в кипящей воде, или заливали им горло расплавленным металлом. И в то же время короли считали себя вправе повышать или понижать ценность монеты по своему усмотрению,

²⁴ *Quando boni nummi vadunt
Statim eos igni tradunt.
Sicque vadit pagamentum
Corium et non argentum.* Когда в ходу хорошие монеты,
Их тут же несут в огонь.
Так что для платежей используется
Одна шелуха, а не серебро.

именно повышать, когда ожидались крупные поступления, и понижать, когда предстояли значительные расходы для короля, «когда это требуют его дела», — таков был принцип финансовой политики. Французские же короли, преследуя за это феодалов, исходили не из ущерба, наносимого стране выпуском низкопробной монеты, а из принадлежащего королю исключительного права «понижать ценность монеты и делать ее тоньше». Как мы видим, «то изобретение дьявола, которое именуется деньгами», вызывало всегда особенно много злоупотреблений, которые к тому же вовсе не считались таковыми, а рассматривались в качестве вполне законного источника доходов. Обыкновенно происходил ряд последовательных уменьшений во внутренней ценности монеты (в содержании благородного металла); когда же понижение последней достигало значительных размеров, так что дальше уже идти невозможно было, и в населении господствовало сильное неудовольствие, тогда король, как бы идя навстречу жалобам населения, восстанавливал прежнюю ценность монеты, производя сразу крупное повышение; это вызывало сильную пертурбацию во всех расчетах, королю же давало возможность вновь начать понижение ценности монеты, т.е. начать историю с начала²⁵.

В течение всего средневекового периода идет борьба населения за *denarius perpetuus*, за вечную монету, которая не изменялась бы по несколько раз в год; говорили, что такие перемены пагубнее чумы и разгрома страны врагами, и называли князей грабителями: *non duces, sed fures*. В некоторых случаях требование о неизменности монеты удавалось осуществить; например, Аугсбург и Фрейбург добились того, что монета менялась лишь раз в четыре года. Но это происходило не безвозмездно. Теряя выгоду, извлекаемую из порчи монеты, король взамен этого выговаривал в свою пользу либо новую подать на обращение (иногда подать альтернативного свойства: или уплачивать в новой монете, или же в старой, но с приплатой особого сбора), либо ежегодную подать с движимого имущества, либо налог поочажный, привратный и питейный; последний в особенности давал несравненно больше, чем монетный доход. Эти подати носили название *Münzgeld, Ungeld, monetagium, monneyage, morabotinum*. Однако введение вечной монеты составляло явление сравнительно редкое; большею частью понижение монеты в ценности производилось и впоследствии до конца XIV и начала XV в., вызывая нередко внезапное повышение цен, бунты и мятежи. Французский король (и дофин) в годы народных волнений (1355—1358) вынужден был отказаться от дальнейших изменений в ценности монеты или, во всяком случае, обещал не производить их без согласия Генеральных штатов. Однако, когда волнения прекратились, он возобновил свои прежние операции, хотя и ссылаясь в своих ордонасах на крайнюю необходимость, на огромные расходы, вызываемые войнами, и на то, что эти меры в области чеканки произведены «после продолжительных и зрелых размышлений» и после совещаний с опытными лицами²⁶. Неудивительно при таких усло-

²⁵ Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 179—182.

²⁶ Ibid. P. 45—47.

виях, если внутренняя ценность монеты понижалась чуть ли не ежегодно: кельнские денарии, лучшая монета XIII в., с 1280 по 1380 г. ухудшались ежегодно на 2,8%; в Англии из фунта серебра в 1344 г. чеканилось 20 шиллингов, а в 1464 г. — 34 шиллинга; в Германии гульден с 23,5 карат (в 1354 г.) понизился до 19 каратов (в 1432 г.) а во Франции в XVI в. ливр представлял собой не более $\frac{1}{39}$ своего первоначального веса.

Хуже всего положение было в Германии, где уже с X и XI вв. имелось 160 монетных дворов, как это можно установить на основании сохранившихся от того времени монет. Если в это время еще преобладали денарии с именем и изображением императора, то все же появляются уже и монеты, чеканенные герцогами и князьями, архиепископами, епископами и аббатами. Одни из них к имени императора присоединяют и свое, другие ограничиваются последним. В дальнейшем монетная регалия императора еще более ограничивается. Он вынужден отказаться от права чеканить монету на монетных дворах духовных и светских князей, и число последних, присваивающих себе право чеканки, растет бесконечно, всякий барон чеканит свою монету. Одни приобретают это право путем пожалования, другие посредством купли или на откуп, в качестве залога или за долги, постоянно или временно. С начала же XIII в. (междущарствия) масса мелких и мельчайших феодалов попросту захватывают его и подделывают наиболее распространенные сорта монет, чеканя их возможно менее полновесными. Попытки борьбы с таким нарушением прав императора (эдикты конца XIII в.) потерпели полное крушение. Мало того, с XIII, в особенности же с середины XIV в. и города стали чеканить свою монету, хотя эта городская монета имела иной характер, чем та, которую выпускали феодалы. Не только самое право чеканки города приобретали у территориальных князей путем купли, но они старались в интересах своей торговли чеканить монету хорошего качества.

Сильно раздроблена была монетная регалия и в других странах — в Нидерландах, в Италии, где ее чеканили и города, составлявшие самостоятельные республики, и княжества духовные и светские. Лучше обстояло дело в Англии. И здесь первоначально было много монетных дворов, но все же чекан был однообразный — повсюду чеканилась королевская монета. Позже и число монетных дворов сократилось до 40, а к концу XIII в. и до 12.

В истории французской монеты надо различать два периода. Первый охватывает эпоху до XIII в., которая характеризуется обилием «феодалных монет», их чеканит всякий герцог, граф, епископ. Из 300 монетных дворов выпускается низкопробная, все более ухудшающаяся монета. Но затем дело меняется. С усилением королевской власти сокращается право чеканки феодалов путем выкупа его королем в одних случаях, предписанием определенной пробы при чеканке монеты — в других, причем на монетных дворах имеются надсмотрщики, следящие за выполнением распоряжений короля.

Таким образом, в сущности говоря, в Средние века всякая монета была неполновесной, ибо между ее номинальной ценностью и действительным содержанием металла было огромное расстояние; при императоре Генри-

хе IV на некоторых монетных дворах чеканились почти медные пфенниги; такая же монета имела и во Франции в конце XV в. Это происходило не только вследствие дороговизны (4—6%) чеканки, расходы которой несло население, но и вследствие той прибыли, которую извлекали государи, чеканя нередко 18 ливров из слитка, купленного за 4 ливра. И это проделывали не только императоры и короли французские или английские, но и все те многочисленные феодалы и бароны, прелаты и города, которые чеканили монету. Во Франции в XIII в. этим правом пользовалось более 80 феодалов, в начале XIV в., впрочем, уже всего 30, а в начале XV в. всего 7²⁷.

В Германии находим в конце Средних веков около 600 монетных дворов. Получалась чрезвычайная многочисленность сортов монеты, выпускаемых из различных монетных дворов и из одного и того же монетного двора в разное время с постоянным изменением чекана. Так, в течение 150 лет, с середины XIII до конца XIV в., были выпущены венские пфенниги стольких же различных видов чеканки, а на 32 года правления Бернгарда из дома Асканиев приходится около 100 брактеатов разного чекана, т.е. чекан менялся 3 раза в год. Это вызвало крайнюю путаницу в средствах обращения, ибо на одном и том же рынке обращались монеты самого разнообразного сорта, качества и достоинства.

Правда, государи признавали единственной валютой выпускаемую ими (и притом только последнюю выпущенную) монету, и «геллер являлся деньгами только в том месте, где был чеканен», а рейнские курфюрсты даже неоднократно запрещали у себя обращение чеканенной императором монеты. Однако найденные клады показывают, что в одном и том же месте обращались пфенниги весьма различного происхождения, а в баварских таможенных уставах неоднократно говорится, что с головы свиньи должен быть уплачен пфенниг «в монете, которая существует там, откуда гонится свинья». Общераспространенность приведенного выше положения опровергается аахенским постановлением XII в., согласно которому «любая монета может обращаться соответственно своему достоинству». Во Франции с 1262 г. наряду с феодальной монетой, имеющей ограниченное по месту обращение, имеется королевская монета, являющаяся повсюду законным платежным средством. Здесь, как и в других странах (Франции, Англии, Испании), допускалось и обращение различных иностранных монет, но при том условии, чтобы они принимались не свыше их внутренней ценности, ибо короли не желали принимать во внимание доход, выручаемый другими сеньорами из монетной регалии, — условие трудновыполнимое²⁸. Но в действительности монеты оказывались международными и принимались, конечно, по ценности, превышавшей ценность содержащегося в них благородного металла.

²⁷ *Menadier*. Eine Münzgeschichte der europäischen Staaten // Schausammlungen des Münzkabinetts im Kaiser-Friedrich-Museum. 1919. (Schausammlung). *Friedensburg*. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. См. также: *Inama-Sternegg*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. T. 2. *Luschin von Ebengreuth*. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte.

²⁸ *Inama-Sternegg*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. T. 2. S. 367. *Friedensburg*. Münzkunde und Geldgeschichte des Einzelstaaten. S. 26.

Во Франции, например, в XIII и XIV вв. обращались рядом с королевскими и сеньориальными монетами также арабские, сицилийские, византийские, флорентийские, на юге — миланские фунты и венецианские дукаты, в Шампани — испанские реалы, бургундские и английские нобили и нидерландские кроны²⁹. Любекские и кёльнские монеты, английские стерлинги в XIII в. и французские турнозы в XIV в. обращались повсюду. Еще более распространены были венецианские grossi и дукаты и флорентийские fiorini, свидетельствуя о торговом господстве этих городов; они стали мировыми деньгами³⁰. Да и неудивительно: в то время как чекан других монет изменялся два-три и более раз в год, чешские грошени сохраняли свой чекан из года в год, а венецианские дукаты не изменяли заимствованного из Византии чекана со времени Четвертого крестового похода в течение пятисот лет. Самая чеканка монет производилась нередко феодалами по образцу этих наиболее ходячих монет; найдено, например, 85 различных подражаний стерлингу и почти столько же флорину; даже папа римский чеканил монету по образцу последнего. В особенности же мелкие феодалы с поразительной точностью копировали чекан наиболее распространенных монет: кёльнских пфеннигов — на всем Рейне, в Вестфалии и Нидерландах, магдебургских — в Восточной Германии и Польше; фламандские botdrager в XIV в. чеканились 24 баронами³¹. Это приводило к установлению на практике однообразных систем, но и оно было соединено со стремлением к извлечению дохода из монеты и поэтому не предотвращало порчи ее; чеканя гульдену по образцу флорентийских (иногда это было даже предписано городам) или турнозов, государи старались делать их по возможности менее полноценными, сокращали, следовательно, содержание в них золота. И монетные союзы — соглашения между феодалами или городами относительно одинаковой монетной единицы — едва ли способны были ввести порядок в монетное обращение. Так, например, союз рейнских курфюрстов и городов, в котором участвовало 11 князей и 74 города, сделал рейнский гульден типичной немецкой золотой монетой и установил определенный курс других местных и иностранных монет³². Но это помогло столь же мало, как и образование других монетных союзов.

²⁹ Shaw. History of the Money. P. 18. Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 96—196. В Бордо вместо 17 ливров turonenses (tournois) можно было уплатить либо три золотых écus, либо два menrigues новых, либо два рейнских гульдена или пять аррагонских или три итальянских (au chat). (D'Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrees et de tous les prix en général. T. III. P. 58.)

³⁰ В Германии такой ходячей монетой являются в XIII в. английские стерлинги, позже французские турнозы, затем богемские и мейссенские грошени, а с середины XIV в. золотые монеты — флорентийские гульдену французского и нидерландского чекана, а на юго-востоке венецианские и венгерские (Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte. S. 240).

³¹ Friedensburg. Deutsche Münzgeschichte. S. 112—113.

³² Еще раньше находим соглашения между городами у Боденского озера. Впрочем, даже Rappenmunzbund, к которому принадлежали многие города западной Германии в XV в., не мог предотвратить уменьшения содержания монеты на $\frac{1}{3}$ в течение 75 лет — низкая техника чеканки, вырезывание монеты и изнашивание ее привели к этому. Ср.: Cahn. Rappenmunzbund. 1901.

Из кладов, изображений и литературы того времени можно усмотреть, что население прибегало к другим средствам, пользуясь при платежах украшениями в виде колец или кубков, кусками серебра или серебряными спиралями; обращались слитки, которые в случае значительных платежей взвешивались. Феодалы боролись с этим, устанавливая для монетных дворов монополию покупки серебра, ибо замена монеты слитками грозила им потерей дохода от чеканки монеты. Или же купцы прибегали к взвешиванию самой монеты, что также запрещалось³³, они принимали денарии лишь по весу в целых фунтах и марках — исход хотя и необходимый, но сопряженный со значительной затратой непроизводительного труда, ибо, неся расходы по чеканке монеты, население не имело никакой пользы от нее. Но и поскольку пользовались монетой, в Средние века всегда проводилось различие между монетой реальной, обращающейся в стране, *moneta usualis et dativa* («gang und gäbe») и монетой счетной, или эффективной (*monnées parlées*). Последняя отличалась от первой уже в том отношении, что долгое время не чеканилось таких монет (солидов и фунтов), которые составляли более высокую счетную единицу, представляли собою известное количество действительно обращавшейся монеты (денариев). Мало того, ценность счетной монеты, равняясь номинальной ценности монеты данного сорта (например, денария), была выше ценности действительной монеты (того же денария, обращавшегося в стране), многократно испорченной и вследствие этого понизившейся в содержании металла. Самое существование такой счетной, или нормальной, монеты являлось выражением укоренившегося в населении убеждения в неполноценности существующей в обращении монеты (пагамента); последнюю при платежах сводили к определенному количеству нормальной, или расчетной, монеты, действительно содержащей известное количество благородного металла.

Поэтому мы находим записи вроде такой: 212 ливров 18 су неполновесной монеты, которые равняются 106 ливрам 9 су чистой монеты (т.е. вдвое менее). Или встречаем записи в различных монетах — *forte, moyenne, faible*³⁴, или же вычисление поступлений происходит в полноценных *écs*, которые, соответственно постепенному понижению ценности су французскими королями, в течение года приравняются к 20, 30, 40, 50 и даже 80 су в одном и том же году³⁵. Кредиторы казны и поставщики ее, конечно, вынуждены были принимать монету (новую монету местного чекана) по ее номинальной цене, но население старалось предотвратить печальные результаты фальсификации ее (в виде влияния на цены), принимая монету лишь по ее действительному содержанию, поэтому купцы совершали между собой

³³ См., например, французские ордонансы 1330, 1340, 1347, 1361 гг. (*Landry. Mutations des monnaies dans l'ancienne France. P. 194*).

³⁴ *Marca probati, fini, recti, aibi, puri argenti* с одной стороны, и *non probati, nigri argenti*, с другой стороны (*Luschin von Ebengreuth. Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte. S. 114*).

³⁵ В Мерзебурге, например, лот серебра в начале года приравнялся к 20 пфеннигам, с 1 мая до 24 августа — 48 пфеннигам (вследствие уменьшения содержания их по мере приближения к концу года).

договоры на старую более полновесную или на иностранную монету. И прочее население боролось со злоупотреблениями королей, исходя из определенного количества благородного металла в монете, не выполняя требования о доставке на монетный двор старой монеты для замены ее новой, менее полновесной, и пользуясь по-прежнему такой старой монетой. Но борьба эта была не всегда одинаково интенсивна и успешна; факты повышения и понижения цен, следующие за соответствующими изменениями в монете, свидетельствуют о том, что операции в области монетной регалии неоднократно оказывали влияние на хозяйственную жизнь, внося моменты неопределенности и неизвестности во всякие расчеты.

Хаотическое состояние денежного обращения, многочисленность обращавшихся на одном и том же рынке видов монеты, постоянная замена одних монет другими, плохая чеканка их, широкое распространение фальшивой монеты — все это вместе, в связи с требованием, чтобы платежи производились именно в данной монете, вызывало в Средние века существование особого промысла менял (*cambiatores, campsores* от *cambium* — «мена») или «банкиров», *bancherii, tabulanii* (от слова *banco* или *tabula* — «стол, на котором лежали мешки с монетами»). Они занимались разменом монеты или покупкой монеты — как говорили в те времена, промыслом столь же сложным и трудным³⁶, как и доходным. Ибо меняла должен был обладать сведениями о том, сколько долей чистого серебра или золота содержала в себе всякая монета, которая ему вручалась; он узнавал это посредством взвешивания или просто на глаз, на основании продолжительной практики. Он должен был знать, сколько монет всякого другого рода равняются по ценности монете того рода, которая разменивалась в каждом отдельном случае.

По арабским источникам, менялы встречаются уже в X в. в Палермо; в 1111 г. менялы г. Лукки дают клятву на будущее время воздерживаться от обманов, воровства и фальсификации, и клятву эту приказали вырезать на мраморном камне, поставленном в притворе собора. В течение XII в. менялы, объединенные в корпорации, встречаются повсюду в итальянских городах (Генуе, Венеции, Болонье), где они в церквах или на площадях перед церковью устраивают свои столы и лари. А затем мы их находим и в других городах и странах как Востока, так и Запада, почти исключительно в лице тех же итальянцев; в Монпелье самая церковь называлась *Ecclesia beate Marie de Tabulis*, ибо здесь находились *tabuli* итальянцев. Даже если размен монеты считался правительственной регалией, как это было, например, в Англии, последняя отдавалась на откуп тем же итальянцам.

Теми же обстоятельствами — условиями денежного обращения — вызывалась и другая денежная операция, производимая также менялами или банкирами рядом с разменом монеты. Мы имеем в виду перевод денег по книгам с целью избежания уплаты наличными: когда один из клиентов должен был уплатить другому, то это делалось посредством переписывания

³⁶ «Он должен быть внимательным и аккуратным, работать день и ночь и постоянно, вести счета, чтобы у него все было в порядке» (Уццано, 1442 г.).

сумм в торговых книгах со страницы платящего на страницу получающего — *pagare in banco*, «giro» (джиро обозначает «круг»). Широко это практиковалось уже на ярмарках Шампани (в начале XIII в.), где приезжие торговцы передавали привезенные с собою деньги меняле, а по окончании ярмарки производили платежи посредством зачета и перевода по книгам, в которых указаны были *debit* и *credit*; только разница действительно выплачивалась наличными. Размен монет заставлял менялю всегда держать наготове самые разнообразные монеты, за которыми к нему могли бы обратиться, как и золото и серебро в слитках, следовательно, производить операцию покупки монеты и слитков. Перевод же платежей предполагал в свою очередь существование вкладов, т.е. передачу денег меняле с тем, чтобы они хранились у него и по требованию возвращены были обратно вкладчику или уплачены по его указанию другому лицу, его кредитору. Операция вкладов практиковалась в Италии в значительных размерах: население привлекалось к депонированию денег нередко высокими процентами по вкладам, уплачиваемым банкирами; поэтому банкротство менялы или банкира отражалось на широких кругах населения.

Проценты по вкладам мы встречаем уже в начале XIII в. в Венеции, как и у флорентийских компаний, например Барди, Медичи, у которых герцог Бургундский, придворные и духовные лица помещали свои деньги и уплачивали 10—12% по вкладам. Особенно расширились эти операции под влиянием превращения итальянских банкиров (в Англии, Франции, Королевстве обеих Сицилий) в сборщиков десятины и прочих папских налогов, а также в сборщиков местных податей и таможенных сборов. Все эти суммы депонировались у них; у товарищества Спины, например, с 1300 до 1303 г. было депонировано 137 тыс. золотых флоринов, или свыше полумиллиона рублей папских сумм; затем эти деньги выплачивались ими по мере необходимости должникам папы, короля и т.д. Например, по поручению папы Бонифация VIII компания Франчези перевела неаполитанскому королю Карлу 4 тыс. унций золота, или около 100 тыс. рублей; кардинал-легату Бертраму из Болоньи было выплачено компанией *Assiajuoli* в течение 10 месяцев 1323—1324 гг. по поручению папской курии 230 тыс. золотых флоринов, что составляет огромную, в особенности для того времени, сумму в 1 млн рублей.

Наконец, в связи с теми же неудовлетворительными условиями денежного обращения возникло и новое орудие платежа — вексель. Слово «вексель» обозначает «обмен»: и латинское *cambium* и немецкое *Wechsel* значат «обмен», тот же смысл имеет *bill of exchange*, *lettre de change*. В Средние века понимали под этим обмен или размен денег, причем различали два вида последнего. С одной стороны, *cambium* обозначало непосредственный обмен одной монеты на другую, совершаемый менялой в том же месте и немедленно; последний взамен известного количества одной монеты выдает соответствующее количество другой. Это то, что мы называем разменом (о нем речь была выше), обмен из рук в руки, почему он и обозначался *Handwechsel*, *cambium manuale*, *cambium sine litteris*. А с другой стороны, существовал тот же обмен денег или размен, но в другое время и в другом

месте — *cambium per litteras*. Итальянские (провансальские и др.) купцы, отправляясь на ярмарки Шампани для приобретения сукна и других товаров, желали избежать перевозки с собой значительного количества монеты, обходившейся весьма дорого (требовалось большое количество лошадей) и сопряженной с опасностью быть ограбленным. Имея также в виду, что им все равно на ярмарке придется произвести размен своей монеты на местную, они предпочитали произвести этот же размен у себя в Италии. Но за уплаченную монету они брали не другую монету, а письмо, документ, на основании которого, при предъявлении его, получали соответствующую сумму по прибытии на ярмарку. Точно так же и сборщики десятины (т.е. подати в пользу церкви), рискуя быть по дороге ограбленными, не везли ее из Англии в Рим, а оставаясь в Англии, вносили ее в различных монетах меняле в Лондоне. Последний выдавал им кредитный документ на получение данной суммы в флорентийской монете в Риме, причем этот документ они через нарочного посылали папской курии. «*Timens maris pericula*, — пишет один сборщик, — *feci cambium cum sociis societatis Bardorum*», т.е., опасаясь перевозки денег морем, я произвел вексельную операцию с товариществом Барди, перевел деньги через них. Это различие по местности, расстояние (*distancia loci*) являлось вместе с различием в монете характерной чертой средневекового векселя, хотя иногда оно было лишь фикцией; других векселей, без различия в местности, мы в эту эпоху не находим.

De Marez в 1895 г. нашел в архиве города Ипр свыше 7 тыс. документов (относящихся к 1249—1291 гг.), составляющих, по-видимому, остаток еще большего архива и заключающихся в кредитных записях; каждая состоит из двух частей — признания долга должником и вызываемого им обязательства уплаты; эти две части писались вместе, но затем зигзагообразно (*chirographum*) одна отрезывалась от другой. Это векселя, имеющие, однако, ту особенность, что они носят не обычный частный, а публичный характер, они составлены в присутствии шеффенов города, и в них имеется введение, обращенное ко всем («Да знают все, кто ныне существует и кто будет существовать и кто увидит этот документ, что такой-то обязался» и т.д. — *litterae patentes*); одна часть сохраняется в архиве города³⁷.

До самого последнего времени полагали — и это излагается до сих пор в учебниках политической экономии и торгового права, — что первоначальную форму векселя составлял не простой, а переводный вексель, т.е. приказ об уплате, посылаемый третьему лицу; полагали, что банкирский дом выдавал документ лицу, внесшему денежную сумму, в котором приказывал своему отделению, чтобы оно уплатило предъявителю сего документа. Однако, как выяснил *Гольдшмидт*, наиболее старинные векселя, именно генуэзские второй половины XII в. (начиная с 1155 г.), найденные в сохранившемся архиве нотариуса того времени Джованни Скриба, явля-

³⁷ *Des Marez*. La lettre de foire a Ypres au XIII siècle. См.: *Huvelin*. // *Revue historique*. Т. 72. P. 152 ff. *Pirenne-Lamerre*. // *Bulletin de l'Académie royale de Belgique*. 1900. P. 130 ff. *Schulte*. // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. Bd. XXIII.

ются простыми векселями (*carta di cambio*), не приказами, а обещаниями платежа, векселями, выданными на себя, а не на других лиц³⁸. Они имеют такую форму: «Я, Солиман, заявляю, что получил от тебя, Огерия, 15 фунтов генуэзских денариев, которые обязуюсь дать тебе или твоему фактору³⁹ в Александрии в размере $2\frac{3}{4}$ бизанций (византийская монета) за фунт». Они имеют характер нотариальных документов, вносятся в книги нотариусов, в присутствии свидетелей. Первоначально, по-видимому, уплата по векселю производилась тем же самым лицом, которое получило деньги, и вся суть операции состояла, следовательно, в том, что меняла или банкир, а не купец, менявший деньги, вез монету к месту назначения, где происходила уплата по векселю; следовательно, банкир нес весь риск, сопряженный с перевозкой монеты, — он все равно вез с собой монету на ярмарку для производства там разменных операций. Или же банкир даже не вез монету с собой, а, приехав в место назначения, получал там деньги от своих кредиторов или за продаваемые им товары (он занимался и торговлей⁴⁰) и из этих денег уплачивал по векселю. Но вскоре (уже в начале XIII в.) в векселях добавляется, что уплату обязан произвести либо он, либо его доверенный (*per me vel meum nuncium solvere seu solvi facere promittit*), который находился в месте назначения. Последнему сообщалось об этом, посылалось письмо (*littera di pagamento, lettre de payement*). Оно называлось *tracta* (отсюда слово «тратта», которым мы обозначаем переводный вексель), в противоположность самому векселю (*carta*) и являлось лишь добавлением к векселю, а не самостоятельным документом; ибо лишь вексель обязывал банкира к уплате, если бы лицо, на имя которого он посылал письмо (трассат), отказалось уплатить по векселю. Лишь к концу средневекового периода этот приказ (письмо, тратта) стал действительным (переводным) векселем, и первый документ (простой вексель) оказался при платежах на расстоянии излишним.

Шаубе не согласен с этой теорией происхождения переводного векселя, а высказывает иное, третье мнение, утверждая, что простой и переводный векселя возникли независимо друг от друга, так что современный вексель

³⁸ За Генуей следует Пиза, где вексель впервые появляется в 1197 г., в Венеции его находим в 1202 г., во Флоренции в 1220 г. (*Davidsohn. Forschungen zur Geschichte von Florenz. Bd. IV. S. 218*).

³⁹ Уже в это время уплата производится либо самому кредитору, либо другому лицу, по его указанию (*missus, certus missus, nuncius, certus nuncius*) — *tibi vel tuo misso, aut cui preceperit suprascriptus* (*Brunner. Die frankisch-romanische Urkunde // Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht und Konkursrecht. 1877. S. 94 ff.*). *Tibi vel tuo misso danti mihi hanc cartam* (тебе или твоему представителю, при предъявлении этого документа), как гласит вексель 1214 г., выданный в Генуе с обязательством уплаты в Монпелье в ближайшую пятидесятницу. *Doivent... à Renier Jake et a Lutier Bon Enfant et à leur compaignons marceant de Florence de la compaignie de Freskebaus... a aus u a lor commant qui cheste chartre partie aportera* — два жителя Ипра обязуются уплатить двум представителям известной флорентийской компании Фрескобальди или кому они прикажут на майской ярмарке в Провансе (вексель выдан в январе 1288 г.).

⁴⁰ См.: *Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004. С. 347.*

имеет двойной корень. Приказы об уплате той или другой суммы определенному лицу он находит в письмах, которыми обменивались различные фирмы или которые посылались факторам, агентам или членам итальянских компаний в различные города и страны, где они находились (например, коммерсанты Пьяченцы и Сиены имели своих представителей в Марселе и на ярмарках Шампани, флорентийцы в Лондоне и т.д.). Впоследствии такой приказ об уплате выделился из коммерческого письма (хотя и позже в векселях упоминается о продаже товаров, о помещении остающейся денежной суммы и т.д.) в самостоятельный документ, который теперь уже вручается самому кредитору (так что он приобретает уверенность в том, что распоряжение об уплате сделано), и последний его предъявляет. А вместе с тем он превращается в квалифицированный приказ, в вексель, ибо не только признается факт полученной должником суммы, но и обязанность уплаты ее и ответственность должника — в случае неуплаты трассатом (т.е. лицом, которому отдан приказ уплатить) должник (т.е. выдавший вексель) обязан сам удовлетворить кредитора (право регресса). В силу существовавших среди итальянских купеческих корпораций обычаев⁴¹ такого частного обязательства (отличие от нотариального документа, каким являлся простой вексель) было вполне достаточно, и тратта приобрела равную простому (т.е. нотариальному) векселю юридическую силу и могла постепенно заменить его, вытеснить в обращении — сначала среди купцов одного и того же города, как входящих в ту же корпорацию, а затем и среди коммерческих кругов Италии вообще и их многочисленных представителей за границей. Широко разветвленный товарообмен и кредитные операции итальянцев вызывали необходимость в создании такого нового удобного и гибкого платежного средства в международных сношениях, каким являлась (значительно упрощенная по сравнению с простым векселем) тратта. По мнению *Шаубе*, уже в начале XIII в. мы находим наряду с «торжественным обещанием платежа» (простым векселем) и «письменный приказ платежа» (тратту).

В XIV в. появляются и характерные для тратты институты акцепта и протеста векселей. Первое обозначает заявление трассата (на которого выставлен вексель) о своей готовности уплатить (*littera cambiae acceptavil*); надпись делается обязательно на самом векселе (стат. Лукки 1376 г., Флоренции 1393 г., Барселоны 1394 г.); венецианская фирма Соранцо обязуется (в 1461 г.) уплачивать по трассированным за счет казны векселям (*servire acceptareque*). Протест (*protestatio*) выражается в нотариальном заявлении предъявителя векселя о том, что обязанность уплатить не выполнена. Случаи такого рода находим в Пизе в 1335 г., в Венеции в 1359 г. В XV в. встречаем много случаев трассированных из Венеции на Лондон векселей и в Лондоне опротестованных ввиду отказа в уплате. Платеж производится в XIII—XIV вв. обычно на ярмарках Шампани (*par lettere delle pagamento per la prossima fiere di Campagna*), почему такого рода векселя приводятся в сборниках того времени в качестве типичных примеров.

⁴¹ См. там же, с. 329—330.

Однако тот же *Шаубе* в другом месте⁴² признает, что некоторые относящиеся к XIII в. переводные векселя как будто подкрепляют предположение *Гольдшмидта*, являясь последствием принятого на себя обязательства уплатить кредитору, хотя это обязательство, по-видимому, выражено не в письменной форме (т.е. в виде простого векселя, как утверждает *Гольдшмидт*), а в качестве устно данного под присягой обещания. Таковы, например, тратты, выданные императрицей Марией (Латинская империя) в 1249 г. на имя французской королевы Бланки, которая должна уплатить указанную сумму тосканским купцам (рыцарям), причем им должно быть отдано преимущество перед другими купцами и даже перед всяким другим. К началу XIII в. появляются так называемые общие кредитные письма (которые ни *Гольдшмидт*, ни *Шаубе* еще не признают векселями), при помощи которых король, епископ или барон старается доставить находящимся на службе у него лицам (рыцарям) нужную им сумму. Он передает им такой документ, в котором обязуется «всякому купцу или иному лицу, которое ссудит данного рыцаря суммой в известных пределах, вернуть кредитованную сумму, причем для этого необходимо представление как самого заемного письма, так и подтверждения в произведенной уплате» (*presentis litteris una cum litteris patentibus super hoc confectis*). Последнее, однако, выражается не в квитанции или расписке, а в прилагаемой к (этому) заемному письму (*litterae de mutui faciundo*) тратте (*litterae mutui contracti*), в которой содержится обращенная к выдавшему заемное письмо (королю) просьба вернуть выданные деньги⁴³. Таким образом, последний (король) в своем обращении разрешает выставить на него вексель в пределах известной суммы и обязуется по этому векселю уплатить. Здесь, в сущности, имеется своего рода простой вексель (обязательство уплаты), на основании которого составляется переводный — просьба о возврате уплаченной суммы⁴⁴.

Возникнув первоначально, по-видимому, в области морской торговли, а затем перейдя и в сферу сухопутной торговли, вексель уже в XIII в. широко распространился в качестве выдаваемого купцами документа во всей Южной и Юго-Западной Европе, т.е. повсюду, где появлялись итальянцы в качестве банкиров и купцов. Уже из одного только коммерческого письма флорентийского торгового дома Черчи, обращенного к представи-

⁴² *Schaube*. Anfänge der Tratte // Zeitschrift für das gesamte Handelrecht und Konkursrecht. Bd. 43.

⁴³ *Шаубе* усматривает причину этого в том, что возвращаемая сумма вследствие прибавления процентов значительно превышала уплаченную; для того, чтобы обойти запрещение взимания роста, и не указывали выданной суммы, т.е. не представляли расписки в получении ее, а составляли особый документ на эту сумму вместе с процентами.

⁴⁴ См.: *Goldschmidt*. Universalgeschichte des Handelsrechts. Bd. I. S. 397 ff., 433 ff. *Schaube*. Beobachtungen zur Entstehungsgeschichte der Tratte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. XXVII. S. III ff., 128 ff., 144 ff. *Schaube*. Anfänge der Tratte. S. 28 ff., 42 ff. 50. См. также: *Kuntze*. Deutsches Wechselrecht. S. 130 ff. *Brener*. Abhandlungen aus dem Gebiete der Rechtsgeschichte. S. 68.

телю его в Лондоне в 1291 г., можно усмотреть, что тратта применялась в те времена для следующих целей: находящиеся в Лондоне представители флорентийского товарищества этим путем получают нужные им суммы с ярмарок Шампани, флорентийцы из Англии посылают через посредство товарищества деньги домой, кредитор во Флоренции инкассирует платеж у другого флорентийца, находящегося в Англии; представитель английского аббатства обеспечивает себе через посредство того же товарищества нужные ему для пребывания в Риме суммы. В 1315 г. герцог Иоанн разрешает итальянцам, приезжающим во Фландрию, производить размен монеты непосредственно или при помощи выдачи векселей: *quod possint cambire cum litteris seu sine litteris*⁴⁵. Пеголотти, писавший в первой половине XIV в., приводит уже (в гл. 45) разницу вексельных курсов на различные города⁴⁶, и из книги Уццано (XV в.) видно, что непосредственные вексельные операции производились между всеми наиболее важными торговыми пунктами Италии, Франции, Испании, Фландрии, а также Лондоном. Только в Германии вексель появился позже, лишь в XIV в., и хотя и там применялся в торговле с Фландрией (и там находим векселя вместе с дополнительными приказами — траттами), а в начале XV в., по-видимому, стал общеупотребительным средством платежа в торговле между различными областями, но не имел в Средние века такого значения, как в итальянской торговле⁴⁷.

⁴⁵ Чтобы деньги могли обмениваться с расписками или без расписок (лат.).

⁴⁶ *Termini di cambiora che si mandano a pagare o e ricevere per littera di pagamento di Firenze in diverse parte del mondo o di diverse a Firenze, o da una terra ad un'altra.* [Курсы для оплаты или получения (денег) по векселю, выданному в Флоренции, в различных частях мира или различных регионах Флоренции, а также позволяющие осуществлять денежные переводы из одной страны в другую. (итал.)]

⁴⁷ Относительно вексельных операций в области Ганзы см.: *Neumann. Geschichte des Wechsels im Hansagebiete // Beiträge zur Zeitschrift für Handelsrecht. Pauli. Lübeckische Zustände im Mittelalter*, торговую книгу: *Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen*. Hrsg. von *Nirrnheim* (1895) и корреспонденцию в: *Hildebrand Veckinhusen. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im 15. Jahrhundert und Einleitung*. S. 26, 28 ff. 44 ff.

ГЛАВА 2

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ЦЕНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Влияние открытия Америки на хозяйственную жизнь Европы обнаружилось не только в изменении торговых путей и образовании океанской торговли, но и в чрезвычайном увеличении в Европе запаса золота и серебра, привозимого из Америки, что в свою очередь имело крайне важные последствия. Добыча благородных металлов увеличилась с середины XV в. благодаря открытию новых залежей в различных местностях Германии и Австрии. С этого времени добывается в большом количестве серебро в Тироле (Швац), Саксонии (Шенберг, Аниаберг), Богемии (Иоахимсталь), золото в Зальцбурге. С конца XV в. появляется золото из Африки (Сенегал и Восточная Африка — Софала). Однако уже с середины XVI в. добыча в Европе и в Африке сокращается, и ее должны были заменить американское серебро и золото. Америка это не только сделала, но и дала Европе металлы в чрезвычайном изобилии, благодаря чему мировая добыча серебра растет с 90 тыс. кг в год в 1581—1544 гг. до 419 тыс. в 1581—1600 гг. Главную добычу серебра доставляли рудники Перу, Мексики и еще более Боливии (Потози); возрастание добычи составляло в Мексике с 3,4 тыс. кг в год в 1521—1544 гг. до 74,3 тыс. в 1581—1600 гг., в Потози с 183 тыс. кг в год в 1545—1560 гг. до 254 тыс. в 1581—1600 гг. К концу XV в. весь запас благородных металлов не превышал 7 млн кг (по *Лексису*); в течение же следующего, XVI в., именно в 1493—1601 гг. было добыто, по *Зетберу*, около 23 млн кг серебра и 755 тыс. кг золота, т.е. запас благородных металлов количественно увеличился в 3—3,5 раза. Но в таком же размере он возрос и по ценности: добыча составляла по ценности в конце XVI в. свыше 7,5 млрд марок вместо 2 с небольшим млрд, которым равнялся запас в конце XV в.

Еще более увеличилась добыча золота и серебра в следующие века. В течение XVII и XVIII вв. ценность добытого золота и серебра составляла 26 млрд марок (93 млн кг серебра и около 3 млн кг золота). При этом по ценности уже с середины XVI в. $\frac{3}{4}$, а в XVII в. $\frac{5}{6}$ всей добычи приходилось на долю Америки. Благодаря применению с середины XVI в. процесса амальгамирования в американских рудниках добыча серебра все более возрастала. По *Зетберу*, ежегодная добыча серебра составляла до середины XV в. 27 тыс. кг, во второй половине XV в. 44 тыс. кг, с середины XVI в. 300—400 тыс. кг, наконец, во второй половине XVIII в. она достигла 500—800 тыс. кг, причем на первом плане стояла Мексика. Золото добывалось не только из американских рудников в Мексике, Перу, Чили, Новой Гренаде, но оно приобреталось также путем ограбления храмов, могил и домов во время завоевания Америки и посредством получения огромных выкупов у туземных царьков, например Монтесумы в Мексике, Перуанского инки. Добыча золота была по сравнению с серебром гораздо менее значитель-

на, но и она возрастала, постепенно повышаясь в течение XVI—XVII вв. с 6 тыс. кг ежегодно до 8 и 10 тыс. В XVIII же веке добыча золота сразу сильно повысилась благодаря открытию залежей золота в Бразилии, эксплуатация которых началась уже в конце XVII в., так что в XVIII в. золота добывалось в среднем не менее 19 тыс. кг ежегодно. Европа в области добычи золота имела еще меньше значения, чем в отношении серебра, — только Семиградье (Зибенбюрген), Зальцбург с середины XVIII в. и Урал доставляли золото.

Соотношение между ценностью серебра и золота не многим изменилось в течение XVI в. (1:11—11,8) по сравнению со средневековым периодом; но затем, с начала XVII в., под влиянием гораздо более скорого возрастания добычи серебра, обнаружилась перемена к выгоде золота. Получилось отношение 1:14—15; это отношение (1:14,7—15,2) сохранилось до конца XVIII и начала XIX в. Лишь временно, под влиянием усиленного притока золота в XVIII в., золото подешевело: отношение серебра к золоту составляло в 1701—1710 гг. 1:15,27, а в 1751—1760 гг. 1:14,56. Но гораздо более резко изменилась ценность денег, их покупательная стоимость, выражающаяся в товарных ценах: последние повысились в течение XVI—XVII вв. на 100—150%. Уже в течение XVI в. цены на хлеб в различных странах возросли на 150—200%, а в течение следующего века достигли еще более высокого уровня. Но и другие продукты сырья — соль, лес, металлы, как и промышленные изделия, возросли в цене; даже те из них, которые до середины XVI в. не обнаруживали повышательного движения, в течение второй половины этого века повысились, притом во всех странах, на 100 и более процентов.

Большинство современников, которым возрастание цен бросилось в глаза, приписывало это явление самым разнообразным причинам — как естественным, в виде роста населения, неурожаев и войн, так и искусственным — торговым компаниям, скупающим товары, порче монеты, в Англии также огораживанием. Но Жан Боден в своем труде, вышедшем в 1568 г., установил, что наиболее важную роль из всех моментов играет избыток золота и серебра, который и «является главной и почти единственной причиной возрастания цен», почему Боден и считается основателем учения о ценности денег. Это объяснение постепенно было принято и другими, и Адам Смит мог уже утверждать, что, по-видимому, единственной причиной понижения цены серебра по сравнению с ценой на зерно является открытие американских рудников и что как самый факт падения цены серебра, так и правильность его объяснения общепризнаны. Нельзя отрицать, конечно, того, что, как выяснили *Гельферих*, *Вибе* и др., и спрос на деньги в эту эпоху увеличился вследствие расширения денежных сделок вместо натуральных сделок как частных лиц, так и государства; это произошло под влиянием учреждения наемных войск, наемных чиновников, постоянных податей, а равно благодаря оживлению в торговом обмене. Но все же спрос на деньги возрос далеко не в той степени, как увеличился запас золота и серебра; ведь благородных металлов имелось на $2\frac{1}{3}$ млрд в 1500 г., и свыше 33 млрд было добыто в XVI—XVIII вв. Кроме того, и это весьма существенно, в эту эпоху большая часть всего запаса драгоценных металлов употреблялась,

как указывает *Лексис*, на выделку монеты: по его вычислениям, из 7,5 млн марок серебра в конце XVI в. 4,2 млн состояло в монете. Лишь в отдельных странах и местностях и в отдельные десятилетия увеличение цен могло быть вызвано иными причинами — неурожаем, войнами, ростом населения; последнее могло оказывать влияние лишь на предметы массового потребления. Правильность предположения, что основная причина лежит на стороне не товаров, а денег, что причина заключается в превышении предложения денег над спросом, подтверждается следующим. Возрастающие цены начались в тех именно странах, где ранее всего получился прилив драгоценных металлов; поэтому подъем цен начался раньше, чем где-либо, в Испании, куда американское серебро непосредственно доставлялось, но рост цен в Испании уже вскоре потерял свою интенсивность, по мере отлива золота и серебра оттуда в другие страны. Напротив, там, где сравнительно поздно появились новые запасы драгоценных металлов, но где благодаря развитию вывозной торговли приток их все более усиливался, как это было в Англии, там и возрастание цен, начавшись гораздо позже, продолжалось в течение двух веков.

Рядом с возрастанием общего уровня цен произошло изменение в соотношении между различными категориями цен, из коих, например, цены на хлеб и другие съестные припасы возросли сильнее, чем цены на сырье, а последние в свою очередь более, чем цены на промышленные изделия. Цены промышленных изделий начали возрастать позже, чем цены всех других товаров, во многих случаях не ранее начала XVII в., да и в течение этого века возросли несравненно менее, чем средний уровень цен вообще, и всегда в гораздо меньшей степени, чем цены сырых материалов, из которых они произведены (сукно менее, чем шерсть, металлические изделия менее, чем руда, и т.д.). Если общий подъем цен объясняется изменением в соотношении между спросом на деньги и производством, то эти частные отличия находятся в связи с различными специальными причинами. Меньший и более поздний рост цен на промышленные изделия по сравнению с увеличением цен сырья обозначал, в сущности, падение цен на фабrikаты, увеличение издержек производства, ибо заметных улучшений в процессе производства в эту эпоху не произошло и во всяком случае улучшения носили частичный характер и распространялись весьма медленно. Это явление объясняется прежде всего усилением конкуренции в торговле фабрикатами, вызванной улучшением путей сообщения и расширением рынка, и отсутствием соглашений относительно цен между скупщиками в противоположность минимальным таксам цеховых ремесленников в предыдущий период. Для сырья эти моменты (особенно почта не была приспособлена для перевозки громоздких товаров) не могли иметь того же значения, да и вывоз сырья из страны был сильно стеснен.

В эту эпоху возрастает предложение рабочих рук, так как сельские жители, нецеховые привилегированные мастера и т.д. стали участвовать в производстве¹; это увеличение предложения по сравнению со спросом

¹ См. выше.

и установление чрезвычайной зависимости рабочих от предпринимателей вызвали изменение в соотношении между товарными ценами и денежной заработной платой к невыгоде последней. Хотя и денежная плата возросла, но везде гораздо меньше, чем общий уровень цен: она увеличилась на 100% при повышении цен на 150%. Реальная плата, следовательно, упала: она понизилась уже в начале XVI в. и составляла к концу XVII в. не более половины того, что рабочие получали в 1500 г.

Прилив американского золота и серебра в Европу вызвал усиленную чеканку монеты, в особенности серебряной. Потеряв немного свое значение к концу Средневековья вследствие появления золотых дукатов, флоринов или гульденов, серебряная монета теперь, с усиленным притоком американского серебра², снова стала господствующей монетой. Амстердамский и Гамбургский банки установили в качестве валюты только серебро³. В XVIII в., однако, с приливом бразильского золота усилилась и чеканка золотых монет, и золото стало играть значительную роль в обращении; в Англии совершился даже переход к золотой валюте. Только в Пруссии еще в начале XVIII в. не чеканили золота, а пользовались французской и голландской золотой монетой⁴.

Тем не менее даже в XVIII в. настоящими деньгами считались только серебряные; «серебро полезнее и употребительнее в торговле, чем золото». Лондонская торговая палата заявляла в 1699 г., что по общему согласию, во всем мире в качестве орудия обмена установлено серебро и что немислимо, чтобы эту функцию выполняли два металла. Локк указывал на то, что золото не может быть общим мерилем ценности, ибо отношение между ценностью золота и серебра не является постоянным. Поэтому хотя золото и следует чеканить, но мерилем ценности является серебро; золото же есть такой же товар, как свинец. Хотя деньги чеканятся, говорит Дюто, как из золота, так и из серебра и меди, но все же серебро пользуется тем преимуществом, что им определяется цена золота и цена меди и что оно считается тем масштабом, которым измеряются другие предметы⁵.

Количество обращающихся видов монеты значительно увеличилось вследствие появления крупных монет, ранее не существовавших. Чеканенный с XIII в. золотой флорин или экю (дукат, гульден) уже с конца XV в., когда сильно возросла добыча серебряных рудников в Тироле, Богемии и других местностях Германии, стали изображать в виде серебряной моне-

² См. выше.

³ См.: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. С. 363.

⁴ В Пруссии до 1726 г. было запрещено уплачивать подати в золотой монете; в 1730 г. берлинским центральным кассам было предоставлено иметь запас золота в 50 тыс. рейхсталеров, но не более. Чеканенные в начале XVIII в. золотые дукаты предназначались не для обращения в стране, а для любителей, которым монетчики их сбывали; Фридрих-Вильгельм пользовался ими для подарков и наград, почему и приказывал чеканить собственную золотую монету, не желая прибегать в этих случаях к французской или голландской (Das preussisches Münzwesen im 18. Jahrhundert. Bd. I. S. 178 ff., 237 ff. Bd. II. S. 38 ff.).

⁵ *Kalkmann*. Englands Übergang zur Goldwahrung. S. 12 ff.

ты. Последняя была гораздо больше существовавших ранее грошенов: она весила два лота; с 1484 г. она чеканится эрцгерцогом австрийским Сигизмундом. В отличие от грошенов новая крупная серебряная монета, так как она по ценности должна была соответствовать гульдену, называлась гульденгрошен; ввиду того что она чеканилась преимущественно из серебра, добываемого из Иоахимстальского рудника в Богемии, она получила название иоахимсталер (иоахимстальский грошен), а позже, в особенности когда ее стали чеканить и в других местах, просто талер (начало слова отброшено).

Талер, который теперь делится на крейцеры (уже раньше в прирейнских местностях гульден распадался на 60 крейцеров по 4 пфеннига), становится новым типом монеты. Он чеканится уже в конце XV в. в Лотарингии, Венгрии, в начале XVI в. в различных швейцарских кантонах (Берне, Цюрихе, Люцерне, Золотурне), германских территориях (Бранденбурге, Вюртемберге, Гессене, Мекленбурге), позже выпускают талеры Льеж, Камбре, Любек, аббатство Верден. С 20-х и 30-х гг. XVI в. талеры появляются в Швеции и Дании (в последней позже, под именем «corona danica»), одновременно — при Карле V и Филиппе II — в Нидерландах (daalder — т.е. «талер»). Затем их чеканят Генеральные штаты, в особенности под именем львиных талеров (leeuwendaalders), которые охотно принимались в левантийских странах, а также бургундских талеров (с 1612 г. в Брюсселе, Антверпене). Во Франции с 1641 г. чеканится тот же талер под названием «луи д'аржан» (т.е. Людовик из серебра) в 60 су (или écu blanc) Англии талеру соответствует появляющаяся с 1552 г. крона. В Испании находим талер уже со временем появления американского серебра, т.е. с начала XVI в., в виде реала или «peso duro», пиастра (т.е. большая монета); он чеканится и в колониях (Мексике, Лиме, Потози), где добывалось серебро. От голландского «daalder» (талер) происходит и американский доллар.

Исходную точку, впрочем, и здесь (как и в прежних средневековых монетах), быть может, составляют итальянские города, ибо еще до появления тирольских гульденгрошенов Венеция в 1472 г. при доже Николае Троне стала чеканить «лиру трон» — крупную серебряную монету ценностью в венецианский фунт, изображающую дожа, льва Св. Марка и лавровый венок, а за ней последовал два года спустя миланский герцог Малеацо со своей серебряной лирой, именуемой гроссоне (крупная) или тестоне (ибо изображен был герцог в локонах: testoner — причесывать); тестоне стали чеканить и в германских территориях, в Нидерландах, во Франции (в конце XV и в начале XVI в.). С другой стороны, талеру соответствовали серебряные неаполитанские скудо (1525 г.), миланские дукатоны (в 100 солидов), венецианские (серебряные) дукаты (1562 г.); в других севере-итальянских княжествах и в Савойе они даже именовались talleri и чеканились по немецкому образцу (австрийскому). Дольше всего прожили австрийские Мария Терезия-талеры, которые являлись любимой монетой в странах мусульманского Востока (отсюда их название «левантийские талеры»), почему чеканку их воспроизводили Венеция и Фридрих Великий и они с изображением Марии Терезии чеканились в Вене в том же виде для Востока вплоть

до 1914 г. Однородный характер имели талари, чеканенные в Париже для Абиссинии в конце XIX в.

В течение XVII в., с возрастанием добычи золота, наряду с дукатами, которые чеканятся в Венгрии, Нидерландах и по-прежнему в Венеции и широко распространены во всей Западной и Восточной Европе и Азии, появилась и крупная золотая монета, значительно большая, чем гульден, в виде пистоли, которую, по-видимому, ранее всего стали чеканить в Испании; под этим наименованием (в Германии, Швейцарии) или под другими названиями она вскоре также стала общим типом золотой монеты в Европе. Так, пистоли равняется луидор (он иногда и именуется пистолей), который чеканится с середины XVII в. во Франции, причем на монете было поясное изображение короля — отсюда самое название (луидоры начала XVIII в. под названием «mirlitons», т.е. свирели, от изображения двух переплетающихся «L» среди пальмовых ветвей; луидоры 1726—1791 г. — «au lunettes» — два щита, Франция и Наварра, рядом). Ту же монету представляет собой в Пруссии фридрихдор; двойным пистолям (дублонам) соответствуют вильгельмсдоры, в Баварии — максдоры (при Максе II — 1715 г. и сл.) и каролины (при Карле VII); в Португалии крупная золотая монета из бразильского золота — крузада (крест), в Англии — из африканского золота — гиней (от Гвинеи).

Наряду с крупными золотыми и серебряными монетами появляется и медная монета⁶. Она заменила прежнюю монету, с виду серебряную, в действительности же на $\frac{3}{4}$ состоящую из меди и лишь сверху покрытую серебром. Медная монета существовала в Нидерландах уже в XV в. («myte» от minuta, т.е. мелкая); с XVI в. она чеканится в итальянских городах и территориях (неаполитанские cavalli, венецианские bagattini, папские quattrini) и во Франции; в XVII в. — и в Англии, а также в Швеции и Московском государстве.

При этом медная монета и в Испании, и в Швеции, и в России при Алексее Михайловиче и Петре Великом чеканилась в чрезмерном количестве и по номинальной цене, значительно превышавшей ценность содержавшегося в ней количества меди, — в целях увеличения доходов казны; в Швеции выпуск медной монеты в 1715—1719 гг. доставлял казне 3—5 млн талеров в год. Повсюду это вызывало вздорожание товаров, торговый кризис, волнения. В Испании с 1602 г. появилась чисто медная монета (moneda gruessa) в огромном количестве, неоднократно извлекаемая из обращения и вновь выпускаемая с изменением ценности и чекана. Во Франции новая монета (deniers и doubles deniers, tournois и ogmeliards) появляется в 1575 г. как результат продолжительного развития, выражавшегося в постепенном сокращении серебра в серебряной монете до тех пор, пока от серебра уже

⁶ В Средние века медная монета составляла редкое исключение. Мы находим ее в X—XI вв. в Неаполе, в Сицилии (при норманнах, с арабскими надписями), временно в Венгрии; в XIV в. в Дании денарии превратились в чисто медную монету (denari currii danici); в первую половину XV в. в Португалии чеканились медные «центили» (от г. Цейта). См.: Buchenau. Grundriss der Münzkunde. Bd. II. 1920. S. 88—89.

ничего не осталось (в 1719 г. медные су — от солида⁷, в 12 денье). Подобным же образом и в Германии начала XVII в. появилась монета, которая, в сущности, являлась медной, ибо только сверху она была немного покрыта серебром; а затем и последние остатки серебра исчезли, и она стала чисто медной. Начало было положено, по-видимому, под влиянием Нидерландов, ближайшими к последним территориями — Клеве, Аахеном, Люнебургом, затем брауншвейгскими герцогами; их примеру последовали саксонские, прирейнские области, Силезия, Богемия, Австрия. Города, которые когда-то чеканили монету, на этом основании теперь приступали к чеканке. На первом месте стояли, однако, княжества, которые обладали серебряными рудниками, как, например, Брауншвейг и еще более Австрия (в 1620—1621 гг.), где право чеканки было передано специальному консорциуму с участием герцогов, князей, графов, выпускавшему огромное количество малоценной монеты. Несмотря на то что вызванные этим в Вене волнения удалось прекратить лишь с большим трудом, права консорциума были все же продолжены. Но дело кончилось крахом, пришлось частью монету изъять из обращения, частью понизить ее номинальную цену. Монета в 75 крейцеров была понижена до 10 крейцеров, монета в 48 крейцеров — до 6 крейцеров. От всех такого рода операций несли убытки и сами курфюрсты (Саксонский в 1622—1623 гг. на 1 млн талеров, Вюртембергский на 250 тыс. талеров), и города, и деревни, и частные лица на протяжении всей страны. Крестьяне отказывались везти в город съестные припасы в обмен на низкопробную монету, производили бунты, нападения на монетчиков, которых приходилось снабдить огнестрельным оружием. И все это ничему не помогало. И по окончании Тридцатилетней войны те же операции возобновились, и, несмотря на соглашения, устанавливаемые курфюрстами, выпуск «возмутительной билонной* монеты» продолжался по-прежнему⁸.

В Англии ввиду недостатка в мелкой серебряной монете уже в XVI в. появляются полупенсы и фартинги ($\frac{1}{4}$ пенса) из свинца, меди, олова, бронзы и даже из кожи, которые выпускаются частными лицами — некоторыми торговцами, кабатчиками, пекарями. По словам современника, в 1609 г. в одном только Лондоне имелось 3 тыс. человек, выпускавших в общей сложности на 15 тыс. фунтов стерлингов таких «tokens», т.е. знаков, как их презрительно называли. Они обращались среди публики, в особенности среди покупателей этих торговцев, которые нередко вынуждены были, в силу зависимости от торговца, брать их; многие из них терялись, отчего торговец имел прямую выгоду; если же он умирал или банкротился, то эти знаки теряли всякую ценность, никто их не менял на серебро. В 1613 г. был запрещен выпуск tokens и исключительное вправо чеканки их предоставлено лорду Гарингтону, позже передано другим лордам и кузине Карла I. Они чекани-

⁷ См. выше.

* То есть неполновесной. См. прим. ред. на с. 256. — *Прим. ред.*

⁸ *Friedensburg. Deutsche Münzgeschichte // Meisters Grundriss der Geschichtswissenschaft. 1912. S. 120 ff. Menadier. Eine Münzgeschichte der europäischen Staaten. // Schausammlungen des Münzkabinetts im Kaiser-Friedrich-Museum. 1919.*

лись теперь исключительно из меди и должны были иметь определенный штемпель; было создано специальное учреждение для размена их на серебро или золото, но прием их был по-прежнему факультативный. С 1670-х гг. положение tokens снова изменилось; хотя и теперь отдельные лица получали патент на выпуск их, но чеканиться они должны были (по-прежнему из меди) на казенном монетном дворе и только в определенном количестве. Прием их был теперь обязателен, но лишь при платежах не свыше 6 пенсов. Но подделка их была весьма распространена, и поэтому их неохотно брали (подделанная медная монета именовалась обыкновенно бирмингемской монетой, ибо в этом городе подделка особенно процветала). Вскоре частные лица, как и городские корпорации, стали снова выпускать медную монету для местного обращения. Путаница была весьма велика вплоть до конца XVIII в., когда (1797 г.) государство окончательно взяло в свои руки выпуск медной монеты (в 2 пенса, 1 пенс, $\frac{1}{2}$ пенса и $\frac{1}{4}$ пенса)⁹.

Медная монета должна была выполнять ту функцию, которую впоследствии выполняли бумажные деньги; но и последние уже находим в XVIII в. В особенности Джон Ло во Франции имел в виду заменить монету бумажными деньгами, утверждая, что только государю необходима звонкая монета, для подданных же достаточно иметь кредитные билеты. Выпуск последних в связи с другими спекуляциями Ло повлек за собой кризис¹⁰.

Если не считать новых видов монет, появляющихся в рассматриваемую эпоху, то, вообще говоря, условия денежного обращения по сравнению с предыдущим периодом изменились весьма мало. Господствовал тот же валютный хаос, что и в Средние века, который, однако, ввиду значительного расширения товарообмена и развития денежного хозяйства, должен был приводить к еще худшим последствиям. Кризисы и волнения, вызываемые монетной неурядицей, не могли не отражаться на торговле и на накоплении капитала.

Особенно печально было положение денежного обращения в Германии; в то время как и Англия и Франция¹¹ в эту эпоху уже составляли одно целое в монетном отношении (с 1707 г. английская монета распространяется и на Шотландию)¹², в Германии каждый из многочисленных территориальных государей чеканил свою монету. Некоторые из них, в особенности мелкие владетельные князья, систематически выпускали одну лишь плохую монету (они именовались *Heckenmünzer*). Другие, как, например, курфюрсты Бранденбургские, которые вели против этого сильную борьбу,

⁹ *Schmidt*. Geschichte des englischen Geldwesens im 17. und 18. Jahrhundert. S. 127—139.

¹⁰ См. выше.

¹¹ Во Франции в начале XVII в. находим лишь остатки прежней чеканенной баронами монеты (монеты княжеств Домб и Оранж и папскую в Авиньоне).

¹² Впрочем, и в Англии обращалось много иностранной монеты, в особенности испанские пистоли и французские луидоры; устанавливая прием этих монет казначействами по определенному курсу, английское правительство создавало им равную с собственной монетой обращаемость в стране и этим усиливало беспорядок в денежном обращении.

отличались от них лишь тем, что чеканили рядом с такой неполновесной монетой и другие сорта, полновесные. Последние, однако, извлекались из обмена посредством вывоза за границу или же переплавлялись. При этом в Германии и Австрии обращалось и большое количество иностранных монет¹³. Неоднократно издавались запрещения пользования такой «дурной иностранной фальшивой монетой», исключение делалось лишь для некоторых видов монет; но список исключений был весьма длинен. Так, эдикт 1559 г., запрещая все остальные иностранные монеты, допускает обращение дукатов всякого рода (испанских, кастильских, арагонских, неаполитанских, миланских, генуэзских, португальских, аугсбургских, зальцбургских, польских, гамбургских и многих других), двойных дукатов (сицилийских, арагонских, французских и др.) и крон (бургундских, нидерландских, французских, кастильских, миланских и др.). Можно себе представить, сколько в действительности обращалось сортов иностранной монеты¹⁴.

В Германии в особенности известна в этом отношении эпоха Тридцатилетней войны, так называемая *Kipper- und Wipperzeit* (*kippen* — значит обрезать; *wippen* — взвешивать). «Врачи, — говорит современник, — покидают больных и думают гораздо больше о наживе, чем о Гиппократе и Галене, юристы покидают дела и стараются нажить, предоставляя другим читать Бартола и Балда, купцы занимаются товаром, который создается штемпелем».

Однако не только в Германии, но и в других государствах встречаем довольно печальные явления в области монеты. Так, например, во Франции к 1 января 1700 г. экю равнялся 71 су, а луидор — 13¹⁵ ливрам 15 су; но затем они были понижены — экю до 65 су, луидор до 12 ливров, а в следующем году обращение этих монет было запрещено, и когда они вернулись в правительственные кассы, то были перечеканены и выпущены — экю в 76 су, луидор в 14 ливров, так что государство, уплачивая войску, чиновникам, поставщикам и т.д., располагало теперь номинально большим количеством денег, чем прежде¹⁶. Вообще во Франции вплоть до середины XVIII в. по-прежнему продолжают фискальные операции в виде попеременного повышения и понижения ценности монеты; особенно широко они практикуются при Людовике XIV. При нем каждые 3—6 лет население вынуждено было отдавать в казну свою монету, ибо она объявлялась недействительной, и получать взамен ее почти ту же самую, но в меньшем количестве. Если отбросить постоянные колебания в ценности монеты и взять крупные пери-

¹³ Так, эдикт 1559 г., запрещая все остальные иностранные монеты, допускает обращение дукатов всякого рода испанских, кастильских, арагонских, неаполитанских, миланских, генуэзских, португальских, аугсбургских, зальцбургских, польских, гамбургских и многих других, двойных дукатов (сицилийских, арагонских, французских и др.) и крон (бургундских, нидерландских, французских, кастильских, миланских и др.).

¹⁴ Das preussisches Münzwesen im 18. Jahrhundert. S. 44 ff., 78 ff., а также *Salz. Geschichte der böhmischen Industrie in der Neuzeit. Anhang. S. 487 ff.*

¹⁵ [В 7-м изд. «13», в 8-м — «12».]

¹⁶ *Landry. Essai économique sur les mutations des monnaies dans l'ancienne France. 1910.*

оды, то получается картина непрерывного падения ценности монеты. Из марки серебра чеканилось в конце XV в. 10 ливров (турн.), в начале XVI в. уже 12,5, к концу XVI в. 17, сто лет спустя свыше 29, в начале XVIII в. целых 43, а в 1720 г. 98 ливров.

Извлечение казной дохода из монетной регалии признавалось и в эту эпоху писателями-меркантилистами вполне правильным. Но значительная разница между номинальной ценой монеты и содержанием в ней благородного металла вызывалась не только фискальными соображениями, но и неудовлетворительностью чеканки. Правда, с XVI в. в Англии, с XVII в. во Франции, в XVIII в. в Дании, Швеции, Пруссии, Австрии уже делается выпуклый ободок на монете; однако еще и в XVIII в. различали два вида дукатов — с ободками и без них — и нередко выговаривали себе уплату в первых. Более частое обрезывание кёнигсбергских и голландских дукатов по сравнению с чеканенными в Берлине, по-видимому, объясняется отсутствием ободка у них. Что касается способа чеканки, то разрезанные на части слитки по-прежнему обрабатывались молотом. Кроме того, после чеканки не взвешивалась каждая монета в отдельности; в видах сбережения времени стремились лишь к тому, чтобы известное количество монет весило марку серебра. Вследствие этого отдельные монеты имели различный вес, что облегчало обрезывание более полновесных. Поскольку же взвешивалась каждая монета, ремедиум (т.е. отступление от установленного веса) был запрещен, и слишком легкая или тяжелая монета должна была исправляться путем соответствующего плюса или минуса в следующей. Но вследствие этого отступления от установленного веса значительно увеличились¹⁷. Лишь в течение XVII—XVIII в. стали распространяться более усовершенствованные механические инструменты чеканки, приводимые в движение силой воды или лошадей, удешевлявшие ее стоимость и доставлявшие монету вполне круглую и одинаковой толщины. Однако распространение их сильно задерживалось вследствие борьбы против них со стороны монетчиков (в Нидерландах, в Австрии) и вследствие сомнения в пригодности этих аппаратов.

Только в Англии с 1663 г. монета производилась исключительно машинным способом, затем проверялся ее вес, и монета чеканилась рычажным прессом. Но и там, рядом с этой прекрасной монетой, как говорили современники, равной которой действительно тогда еще нигде не было, продолжала обращаться по-прежнему в течение почти 70 лет (с 1732 г. она была совершенно извлечена из обращения) и более старая монета, изготовленная прежним способом. Вследствие этого и в Англии происходили монетные кризисы еще в XVII и в начале XVIII в. А между тем там правительство не только в отличие от других стран не извлекало никаких доходов из монетной регалии, но даже самые расходы по чеканке (с 1666 г.) приняло всецело на счет казны (чего в других государствах и до сих пор не существует), так что номинальная ценность монеты и действительное содержание в ней металла совершенно совпадали. Но монетные кризисы происходили

¹⁷ См.: Das preussisches Münzwesen im 18. Jahrhundert. Bd. I. P. 7—18.

вследствие того, что монета, произведенная старым способом, вытесняла новую монету, выделанную машиной, старая же монета, не будучи круглой и одинаковой по толщине, легко обрезывалась и лучшие экземпляры ее извлекались из обращения. В результате в обращении оставалась только испорченная и обрезанная монета, потерявшая в среднем 40—50% своей номинальной ценности, а в отдельных случаях составлявшая всего $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ ее. В 1696 г. это привело к тому, что «даже коммерсанты теряли голову, а фермеру приходилось иметь дело, с одной стороны, с людьми, которые платили деньги по номинальной ценности, а с другой — с людьми, которые соглашались брать их лишь по весу» (т.е. приблизительно по половине их номинальной ценности).

Маколей следующим образом описывает состояние денежного обращения в Англии в 1690 г. «Лошадь в Таузере, — говорит *Маколей*, — по-прежнему ходила кругом, приводя в движение машину; возы, нагруженные монетой, непрерывно выезжали с монетного двора; но груз их столь же быстро исчезал, как появлялся на свет. Много новой монеты переплавлялось в слитки, много вывозилось за границу, много сохранялось в сундуках; но очень мало монет этого рода имелось в кассе лавочника или в кожаном мешке, который вез фермер, возвращаясь со скотного рынка». В поступлениях казначейства изготовленная машиной монета составляла не более 10 шиллингов на 100 фунтов стерлингов. Рассказывают об одном купце, который из 35 фунтов получил всего полкроны (2,5 шиллингов, т.е. менее $\frac{1}{2}\%$) такой монеты.

«Между тем ножницы обрезывателей остававшейся в обращении монеты (т.е. монеты, изготовленной старым способом — молотом) действовали по-прежнему. Со страшной быстротой возрастало и количество подделывателей, делавших прекрасные дела, ибо чем хуже была монета, тем легче было подделать ее. Смертная казнь грозила и тем и другим, и на каждом шагу встречаем сообщения о казнях; но все это не помогало, ибо когда при обрезывании монеты получалась прибыль в 20% и ежегодный доход в 6 тыс. фунтов стерлингов, то такой барыш, по словам современника, был достаточен для того, чтобы устранить всякие угрызения совести. Население же вовсе не считало такого рода действия преступлением, а скорее смотрело на них как на грехи школьника, собирающего орехи в соседнем лесу. И даже тогда, когда монета стала страшным бичом для населения, человек, подвергаемый смертной казни за то, что он содействовал превращению ее в такое состояние, был предметом общего сожаления. Полиция неохотно задерживала преступника, судьи неохотно отправляли его в тюрьму, свидетели неохотно рассказывали всю правду, присяжные неохотно произносили «виновен». Напрасно объясняли народу, что обрезыватели монеты приносят больше зла, чем разбойники и опаснейшие враги, — ничто не помогало: получался всеобщий заговор, препятствовавший осуществлению правосудия».

В результате, когда в 1695 г. были произведены опыты со взвешиванием монет, оказалось, что внесенные в казначейство 57 200 фунтов обработанного молотом серебра весили вместо 220 тыс. унций всего 114 тыс. унций, т.е. половину; 100 фунтов стерлингов, которые должны были содержать

около 400 унций, имели в действительности в Бристоле 240 унций, в Кембридже 203, в Эксетере 180, а в Оксфорде всего 116 унций. Особенно усилилось падение веса серебряной монеты в 1690-х годах. «Зло, принесенное таким состоянием монеты, не принадлежит к числу тех предметов, которым в истории отводится почетное место. Тем не менее едва ли можно сравнивать все те несчастья, которые в течение четверти века нанесены были народу дурными министрами, дурными парламентами и дурными судьями, с теми, которые производили дурные кроны и дурные шиллинги. Правление Карла и Якова, как ни тяжелы они были для народа, никогда не препятствовали мирному ходу повседневной жизни. В то самое время, когда честь и независимость государства продавались другой державе, когда права попирались ногами, а основные законы страны нарушались, сотни тысяч прилежных семейств работали, садились за стол и ложились спать спокойно и в безопасности, скотовод гнал своих быков на рынок, торговец взвешивал свои товары, суконщик отмерял сукно, покупатели и продавцы вели себя в городах особенно шумно, а праздник жатвы в деревнях справлялся еще веселее, чем прежде. Когда же великое орудие обращения пришло в полный беспорядок, в торговле и промышленности начался застой. Зло чувствовалось ежедневно и ежечасно повсюду и всеми классами населения, на мызе и в риге, у наковальни и у ткацкого станка, на волнах океана и в недрах земли. Ничего нельзя было купить без того, чтобы не происходили недоразумения. У каждого прилавка ссорились с утра до вечера. Между рабочим и работодателем регулярно каждую субботу происходили столкновения. На ярмарке и на рынке непрерывно шумели, кричали, ругались, проклинали друг друга, и было особенным счастьем, если дело кончалось без сломанных ларей и без убийства».

Единственным исходом являлась монетная реформа, которая, к счастью, попала в руки четырех замечательных людей: двое из них, Сомерс и Монтегю, являлись «государственными людьми, которые во время занятий делами никогда не переставали любить и уважать науку», а двое других, Локк и Ньютон, были «философами, у которых углубление в царство мыслей не повредило простого здравого смысла, без которого даже гений в области политики приносит вред». Первоначально предполагалось разделить день, с которого монета принималась бы лишь по действительному весу, — это устранило бы всякое дальнейшее обрезывание, вызвало бы на свет хорошую монету, а затем постепенно вся монета перечекивалась бы на монетном дворе, и за все это время никогда не обнаружилось бы недостатка денег в стране. Но было одно лишь препятствие — все население получило бы выгоды от реформы, но лишь часть его несла бы бремя ее. «Конечно, было необходимо, чтобы слова «фунт» и «шиллинг» снова получили определенный смысл, чтобы каждый знал содержание заключенных им договоров и ценность своего имущества; но было ли бы справедливо достигать этой цели средствами, последствием которых являлось бы то, что каждый фермер, скопивший 100 фунтов для уплаты аренды, каждый торговец, собравший 100 фунтов для платежа по векселям, внезапно из своих 100 фунтов терял бы 40 или 50. Ни фермер, ни торговец не были виноваты

ты в том, что их кроны и полукроны неполновесны; вина падала на правительство, оно и должно было исправить это зло. Было бы столь же разумно требовать от торговцев лесом, чтобы они несли все расходы по снабжению флота в Ла-Манше, или от оружейников, чтобы они снабжали войска, находящиеся во Фландрии, на свой счет оружием, как восстановить ценность монеты на счет тех индивидов, в руках которых обрезанное серебро случайно находилось в определенный день».

По этим соображениям парламент принял решение, согласно которому металлическая монета должна быть перечеканена на основании прежних постановлений о содержании в ней серебра, с тем чтобы убыток, происходящий от неполновесной монеты, несла казна; населению же дается возможность в течение определенного срока доставлять в казначейство испорченную монету, которая принимается последним по номинальной цене, так что случайные владельцы ее ничего не теряют. В течение некоторого времени господствовал сильный недостаток в деньгах, ибо население старалось возможно скорее сбыть испорченную монету в казначейство, а новая чеканилась и выпускалась весьма медленно. Только с назначением Ньютона директором монетного двора чеканка значительно ускорилась; он учредил новые монетные дворы, и население повсюду встречало рабочих и машины для выделки монет пушечными выстрелами, колокольным звоном и иллюминацией, — настолько велика была нужда в монете, несмотря на то что банковыми билетами, векселями и т.д. в значительной мере старались заменить ее. Лишь постепенно каналы обращения наполнялись звонкой монетой. Казне эта операция обошлась в 2,7 млн фунтов стерлингов, т.е. превысила годовые обыкновенные доходы государства (2 млн).

Однако впоследствии, в XVIII в., снова обнаружилось значительное уменьшение в весе серебряных монет (в середине XVIII в. они потеряли около $\frac{1}{4}$ своей номинальной ценности), затем и золотых. Правда, уже с 1698 г. существовал ремедиум на серебряные монеты, но он выражался лишь в том, что не принимались казначействами монеты, потерявшие более того, что составляет «необходимое изнашивание» (reasonable wearing), понятие же последнего не было определено. Лишь в 1773 г. этот закон был распространен и на золотые монеты, причем казначейство точно определило минимум веса, который должны иметь предъявляемые монеты. А год спустя все старые золотые монеты были перечеканены, что обошлось казне снова в 520 тыс. фунтов стерлингов¹⁸.

В Германии находим весьма первобытную монетную систему. До 1750 г. здесь не только определялось, должна ли производиться уплата в золоте или серебре, но и прибавлялось, в какой именно золотой или серебряной монете; между отдельными видами монеты, хотя бы чеканенной из того же металла, не было установлено, следовательно, законного отношения, а последнее постоянно менялось; они не были приведены в систему и при платежах не могли заменять друг друга. Это состояние *Гельферих* называет Sortengeld.

¹⁸ См. указ. соч. Дана Хортонна, Ливерпуля, Шмидта.

Так, например, хотя официальное содержание благородного металла в рейхсталере (Reichsspezialtaler) в течение двух веков, с 1566 до 1748 г., не изменялось, но на практике соотношение между ним и другими серебряными монетами подвергалось постоянным изменениям: за талер давали то 72, то 74 крейцера, или 24 грошена (в XVI в.), то 90 крейцеров, или 24 грошенов (в 1623 г.), то 105 крейцеров, или 28 грошенов (договор 1667 г. в Цинне между Бранденбургом, Саксонией и Брауншвейгом), наконец, 120 крейцеров, или 32 грошена (по Лейпцигскому соглашению 1690 г.). Эти изменения происходили вследствие того, что содержание серебра в крейцерах и грошенах постепенно уменьшалось, тогда как талер не подвергался порче; при таких условиях, очевидно, заменять при платежах одну монету другой без особой оговорки не представлялось возможным.

Точно так же отношение между золотыми монетами — гульденом и дукастом — постоянно колебалось. Хотя в 1559 г. имперским постановлением оно было определено в виде 100 дукастов равны $136\frac{2}{3}$ золотого гульдена, и до 1737 г. содержание золота в них не было изменено законом (из марки золота — 93 гульденов и 68 дукастов), все же 100 дукастов приравнивали в различные годы к 136, 120, 140, 135, 128, 165 гульденам; по Лейпцигскому соглашению, 100 дукастов равнялись 133,5 гульденам.

Лишь постепенно в Германии совершился переход к параллельной валюте; именно, по мере того как прежнее многообразие монет упростилось, серебряные монеты, с одной стороны, и золотые, с другой стороны, образовали систему, и из всех различий между монетами сохранилось лишь одно — различие в металле, на которое приходилось обращать внимание ввиду колебаний в соотношении между ценностью золота и серебра.

Правда, Фридрих Великий в 1750 г. сделал попытку перейти сразу к двойственной монетной системе, установив законное отношение между золотыми и серебряными монетами. Однако в том же эдикте определено, что все обязательства, заключенные на золотую монету, ликвидируются золотыми фридрихсдорами, а заключенные на серебряную монету — серебряной. Должник, следовательно, лишался права выбора по своему усмотрению металла, в котором он желает платить; между тем такая свобода выбора составляет существенную черту двойственной системы. И в дальнейшем законодательстве строго выдержан принцип заменимости одних видов монет другими, чеканенными из того же металла; напротив, лаж на золотые монеты при обмене на серебряные (и наоборот) допускается, т.е. устанавливается параллельная валюта¹⁹.

Напротив, высоко стояла монетная система в Англии; здесь уже с конца XVII в. фактически установилась золотая валюта. Чеканилась как золотая, так и серебряная монета, и формально существовала параллельная валюта, но серебряная монета, как мы видели выше, была очень низкого качества, и ценность золотой монеты (гинеи — от Гвинеи, откуда золото доставлялось) по сравнению с ней все больше возрастала, достигнув в 1695 г.

¹⁹ *Helpferich*. Die geschichtliche Entwicklung der Münzsysteme // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 1895. Bd. IX. S. 891 ff.

30 шиллингов, — по этому курсу ее принимали не только частные лица, но и государственные кассы. Хотя впоследствии курс гиней был понижен до 21,5 шиллинга, но и теперь гиней оценивалась гораздо выше, чем это соответствовало отношению между обоими металлами, и выше (на 1 шиллинг), чем в других странах. Вследствие этого было весьма выгодно закупать золото за границей по гораздо более низкой цене и привозить в Англию для чеканки; то золото, которое теперь в большом количестве доставлялось из Америки, шло главным образом в Англию; здесь в 1695—1717 гг. было чеканено гиней на 10,5 млн фунтов стерлингов, и Англия была к началу XVIII в. «overstocked» (переполнена) золотом, ибо серебро, которое на континенте гораздо выше ценилось, чем в Англии, переплавлялось в слитки и уходило туда: в 1710—1717 гг. было вывезено серебра на 18 млн фунтов стерлингов. В 1717 г. курс гиней был снова понижен до 21 шиллинга, и прием их был признан обязательным, так что установлен был биметаллизм; но в действительности, ввиду отсутствия серебра (в 1714—1773 гг. золота чеканено в 60 раз больше, чем серебра, и с середины XVIII в. чеканка серебряной монеты фактически совсем прекратилась), установилась золотая валюта. Она была признана государством в 1774 г., когда серебро было превращено в билонную монету; прием последней признавался обязательным лишь в сумме 25 фунтов стерлингов, при большей сумме лишь по весу²⁰.

²⁰ О переходе Англии к золотой валюте см.: Liverpool. A treatise on the coins of the realm. P. 78—95. *Kalkmann*. Englands Übergang zur Goldwährung. Passim. *Schmidt*. Geschichte des englischen Geldwesens im 17. und 18. Jahrhunderte. S. 64—81, 85—98, 106—111, 117—119. *Lexis*. Geldwährung // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. Bd. III. S. 558—559.

ГЛАВА 3

КРЕДИТ И БАНКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Неудовлетворительность условий денежного обращения вызывало и в рассматриваемую эпоху среди купцов желание обходиться по возможности без монеты¹. Этой цели служила ликвидация счетов посредством сличения торговых книг (*fare in riscontre*) с уплатой разницы векселями, а не монетой. Операция эта широко производилась в XVI в. и на лионской ярмарке, и на кастильских и генуэзских ярмарках — они этому главным образом и служили. Но купцы пошли и дальше: они установили для своих расчетов условную, общую для всех и независимую от вида и качества разных монет денежную единицу (*scudo di marche, écu de marc*), по которой расценивались различные монеты и на которую производились расчеты и платежи. Такая идеальная, неизменяющаяся денежная единица, «банковская монета», как она называлась, существовала на ярмарках XVI—XVII вв. Установление ее в виде постоянного средства, позволяющего обходиться без чеканенной монеты, было, по-видимому, главной целью основания тех публичных банков, которые возникают в XVI—XVII вв. По примеру учрежденного еще в начале XV в. Генуэзского банка (и Барселонского) в следующие века, в особенности в XVII в., возникает ряд публичных (государственных) банков: Венецианский (*Banco del Giro* в 1619 г.), Амстердамский (*Amsterdamsche Wisselbanck* в 1600 г.), Гамбургский (*Wechsel-Banco* в 1619 г.), Английский (в 1694 г.). Характерную черту этих банков составляет принуждение местного купечества производить платежи друг другу личными приказами банку — непременно через посредство банка. Они помещают в банке свои платежные средства — вклады, причем наилучшая монета, как это было в Венеции, или известное количество чистого драгоценного металла, как в Гамбурге, Амстердаме, составляет банковскую монету. В Гамбургском банке такой характер имела «*Mark Banco*» в $\frac{1}{3}$ полновесного рейхсталера, позже — только слитки серебра; в Амстердамском — «банковский флорин» в 211,91 аса чистого серебра. Принимая от своих вкладчиков всякого рода монету, банк, однако, открывал им кредит лишь соответственно тому, сколько банковской монеты в себе содержали эти деньги.

Венецианские банкиры² продолжали и в XVI в. заниматься товарной торговлей с Востоком и Западом; в то же время они снабжали своих клиентов кредитом, значительно превышавшим их вклады. Издаваемые запрещения такого рода операций по-прежнему столь же мало приводили

¹ На франкфуртскую ярмарку в XVII в. посылались из других мест целые бочки монеты для расплаты, наряду с производством платежей и путем зачетов (рисконтро) (*Ranke. Die wirtschaftlichen Beziehungen Kölns zu Frankfurt am Mein, Süddeutschland und Italien im 16. und 17. Jahrhunderte. S. 60.*)

² См.: *Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Гл. XXX.*

к цели, как и установленный над банкирами правительственный контроль. Результатом такой «неликвидности» банкиров являлись и теперь частые банкротства, которые еще усилились в XVI в. вследствие переворота, происходившего в итальянской торговле. Много шуму наделала в особенности несостоятельность банкирского дома Пизани в 1584 г., которая отразилась и на многих других банковских предприятиях. По словам Контарини, из припоминаемых им (в конце XVI в.) 109 банков, существовавших в Венеции, около 96 кончили банкротством.

Тогда-то возникла идея создания публичного банка. При обсуждении проекта в венецианском сенате, однако, сделан был ряд возражений против него. Находили, что государству не приличествует заниматься коммерческими операциями, что торговцам банк даст мало, так как вся суть заключается для них в получении кредита, наконец, что правительство никогда не сумеет воздержаться от попыток воспользоваться помещенными в банке суммами; это будут, вероятно, скрывать, но едва ли тайна сохранится надолго; в особенности в критические моменты, например в случае войны, она легко обнаружится.

В защиту проекта выступил сенатор Контарини. Он восхваляет способ производства платежей, существующий в Венеции. В отношении развития торговли с Венецией могут сравняться только два города — Лион и Антверпен. В Лионе производится компенсация счетов, так что только разница уплачивается наличными. В Антверпене расчет совершается путем вручения «ассигнаций» на своих должников, которые часто, не располагая валютой, расплачиваются в свою очередь такими же «ассигнациями». «Во сколько раз совершеннее, — восклицает Контарини, — система трансферта, практикуемая в Венеции и освобождающая от необходимости уплачивать звонкой монетой нередко низкого достоинства и всегда в виде монет разнообразного чекана. Центральный банк еще более усовершенствует эту систему».

К этому он прибавляет, что трудно заставить частные банки отказаться от открытия клиентам кредитов, превышающих их вклады, от помещения последних в рискованных операциях, наконец, от пускания в обращение плохой монеты, вывоза в то же время монету высоких сортов. Всего этого можно будет избежать в случае учреждения публичного банка.

В 1587 г. был основан Banco di Rialto, которому запрещено было пользоваться вкладами для торговых операций, как и открывать кредиты сверх помещенных ценностей. Все векселя должны были предъявляться к уплате в банке. В 1619 г. был учрежден и второй публичный банк в Венеции — Banco del Giro — для регулирования расчетов между государством и его кредиторами. Однако у него имелось металлическое покрытие лишь незначительной части выданных ссуд. Позже оба банка были слиты вместе, а в 1637 г. Banco di Rialto был формально упразднен. Banco del Giro просуществовал до конца XVIII в.³

3 Dunbar. The Bank of Venice // Quarterly Journal of Economics. 1892. Nasse. Das Venetianische Bankwesen // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1879. Soresina. Il Banco del Giro di Venezia.

В ордонансе 1609 г. об учреждении Амстердамского банка указывалось в первую очередь на необходимость создания его в целях устранения монетного хаоса. Последний был действительно велик, так как не только каждая из семи нидерландских провинций имела свой монетный двор (провинция Голландия даже два), но и шесть городов заявляли о своем праве чеканки монеты. Это право сдавалось на откуп частным монетчикам, которые усиленно выпускали низкопробную монету разнообразного чекана. К ней присоединялись обращавшиеся в большом количестве многочисленные виды иностранных монет, также нередко низкого качества. Вследствие этого высокопробная монета (риксдалер, эю и дукат), чеканка которой была обязательна для всех монетных дворов, ходила с лажем, и возникли своего рода арбитражные операции, из которых извлекали наибольшую выгоду менялы и так называемые кассиры, удерживая наиболее полноценную монету. Лаж этот понизил ценность счетной единицы в виде флорина, которого в обращении не было.

Причину всей этой неурядицы усматривали, как обычно в те времена, в действиях менял и кассиров. С учреждением публичного банка (значительно позже такие же банки были основаны в Миддельбурге, Дельфте и Роттердаме) и те и другие были упразднены. Банку предоставлялась монополия размена, он же являлся общим кассиром для всех амстердамских коммерсантов. Всякий мог помещать в банке монету любого сорта, как и благородные металлы в слитках, и ему открывался кредит в пределах его депозита (он не мог быть менее 300 флоринов), но ни в коем случае не свыше его, причем, по желанию, либо суммы выдавались наличными, либо же производился трансферт по книгам банка. Первоначально это делалось бесплатно, с 1683 г. из небольшого процента. Некоторую сумму банк выручал и на размене монет и на покупке слитков, передаваемых им на монетные дворы для чеканки (упомянутых выше) высокопробных монет, запас которых он должен был всегда иметь для нужд внешней торговли. По примеру Венецианского банка и Амстердамскому предоставлено было исключительное право оплаты обращавшихся в Амстердаме векселей. Город Амстердам принимал на себя ответственность по всем обязательствам банка.

В дальнейшем банк отказался от торговли золотом и серебром, как и от снабжения монетных дворов металлом, предоставив эти операции частным коммерсантам. Он сократил и операцию размена, ограничиваясь, в сущности, выдачей лицам, помещавшим у него золото и серебро, авансов по их счетам в банковской монете — в виде монет, иногда и в слитках, на полгода из $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ %. Банк выдавал и квитанции на депозиты, которые могли передаваться без всяких формальностей; они имели обращение на бирже.

Учета векселей банк не производил. По уставу он не должен был выдавать и непокрытых ссуд, но на самом деле он снабжал в виде исключения средствами Нидерландскую Ост-Индскую компанию и город Амстердам. Первая (правление банка и правление компании частью состояли из тех же лиц) первоначально, обладая крупными средствами, прибегала лишь к краткосрочным ссудам, необходимым ей в момент отправки судов в Индию; позже выдаваемые ей ссуды значительно возросли, но компания

все же старалась их погашать по мере возможности. Ссуды, получаемые казначейством г. Амстердама, были совсем безобидны, так как им соответствовали прибыли банка, из которых образовался запасный капитал: так как банк являлся городским, то город, в сущности, мог располагать этим фондом. Впоследствии город покрыл большую часть занятых им сумм за счет этого фонда, а с начала XVIII в. почти ежегодно брал в свою пользу прибыли банка.

Положение Амстердамского банка пошатнулось лишь к концу XVIII в., когда ему пришлось выдавать крупные ссуды и Ост-Индской компании (ее дела в это время сильно ухудшились), и городу, и учрежденной последним ссудной кассе, причем эти ссуды не возвращались обратно. Тогда счетная единица (банковская монета) — флорин — упала ниже ценности находившегося в обращении флорина (последний уже раньше стал и ходячей монетой, но был всегда на 5% ниже банковского флорина), почему коммерсанты стали производить платежи помимо банка. В 1819 г. банк был закрыт. Наследником его стал Гамбургский банк, усиленно развивающий с конца XVIII в. ту самую операцию трансферта, которую прежде столь успешно производил Амстердамский банк, но к которой уже перестали прибегать амстердамские коммерсанты⁴.

В Англии первоначально, уже с XVI в., перевод платежей в видах устранения необходимости пользования испорченной звонкой монетой производился через посредство золотых дел мастеров. Последние одновременно с производством ювелирных изделий занимались разменом монеты, причем они отбирали более полноценные монеты и переплавляли их в слитки и только худшие монеты вновь пускали в обращение; нередко они сами обрезывали монету. Но они принимали вклады и уплачивали за них проценты, благодаря чему в их руках уже в начале XVII в. сосредоточилось большое количество денег. При этом они выдавали удостоверения относительно помещенных у них вкладов под названием *goldsmith-notes* (т.е. билеты золотых дел мастеров), позже *banker's notes* (билеты банкиров), ибо с середины XVII в. их стали называть «банкирами». В случае уплаты части помещенной суммы на билете делалась соответствующая пометка, и он являлся действительным на оставшуюся сумму вклада. Впоследствии взамен одного такого свидетельства золотых дел мастера стали выдавать несколько более мелких билетов, равнявшихся в сумме величине вклада, и, возвращая билеты, вкладчик получал обратно соответствующую часть вклада. При платежах же за товары или услуги вкладчик взамен никуда не годной монеты передавал другому лицу эти билеты, и ввиду печального состояния монеты их брали охотно. Благодаря этому в Англии еще до учреждения Банка Англии население в широких размерах обходилось без пользования монетой, заменяя ее банкнотой.

⁴ *Van Dillen. La Banque d'Amsterdam // Revue d'histoire moderne. 1928. P. №15. Van Dillen. Amsterdam, marché mondial des métaux précieux // Revue historique. 1926. T. 152. Van Dillen. Bronnentot de geschiedenis der wisselbanken. Vol. I—II.*

В других странах упомянутые выше банки (Амстердамский, Гамбургский и т.д.) освобождали от этой необходимости лишь известную группу купцов, входивших в состав вкладчиков банка, давая им возможность производить платежи друг другу через посредство банка переводом денег со счетов одного на счет другого. В Англии же билеты банкиров принимались при платежах и лицами, не имевшими у них вкладов и не состоявшими в сношениях с ними; эти билеты брал всякий, ибо знал, что при предъявлении их ему будет уплачена банкиром указанная на билете сумма. Эти билеты получили широкое обращение в качестве платежного средства, заменяющего монету. В 1666 г. имелось в обращении билетов на 1 200 000 фунтов стерлингов, выпущенных одним только золотых дел мастером. Конечно, ни один из них не имел монеты, соответствующей сумме выпущенных им билетов; последние стали банкнотами, или банковскими билетами в полном смысле слова, доставляя беспроцентный кредит выпускавшим их банкирам. Банкиры благодаря этому получали возможность выдавать ссуды торговцам и приходить на помощь государству, когда оно нуждалось в средствах, — к ним обращался даже Кромвель. Эти банкиры ввели в употребление и другое новшество — чеки (bankers draft), т.е. поручение вкладчиков своим банкирам уплатить предъявителю известную сумму, помещенную у банкира на текущем счету. «Прошу уплатить мистеру Томасу Дикенсону или его приказу сумму в 30 фунтов за счет вашего друга Уичкотта» (приложена печать последнего), — гласит чек 1683 г. В течение XVIII в. чеки в Лондоне столь широко распространились, что в 1775 г. лондонские банкиры учредили расчетную палату для погашения чеков путем компенсации (зачета).

Учреждение возникшего в 1694 г. Банка Англии было обусловлено нуждой государства в кредите: привилегия на учреждение банка выдается тому, кто даст казне необходимую сумму. Уже в этом отношении Английский банк отличается от прочих упомянутых выше банков, хотя фактически и суммами венецианского Banco del Giro, и вкладами Амстердамского банка в XVIII в. пользовалось правительство, как это ни противоречило их уставам. Но еще большее различие заключается в том, что, приходя на помощь казне, Английский банк в то же время ставит своей целью и содействие развитию торговли (что отчасти делалось уже и золотых дел мастерами): он принимает денежные суммы не на хранение, а для пользования ими, для собственных активных операций, — для учета векселей и для выдачи ссуд под товары и земли. Наконец, Банк Англии в отличие от прочих банков не обязывал своих клиентов производить платежи в определенной монете или переводом по книгам банка, но выпускаемые им банковские билеты находили себе еще более широкое распространение, чем билеты золотых дел мастеров, и стали фактически среди населения платежным средством, заменявшим монету, ибо они принимались при платежах казначействами. Подобно билетам золотых дел мастеров, они первоначально были писаные, а не печатные, и первоначально можно было обменять на монету и часть указанной на билете суммы (такой билет от 1699 г. сохранился на сумму в 555 фунтов стерлингов, причем отмечено, что сначала выплачено по этому

билету 131 фунт стерлингов, позже — 360 фунтов стерлингов); впоследствии же выдавались взамен этого билеты на небольшие круглые суммы.

Маколей следующим образом изображает возникновение банков в Англии и учреждение национального банка.

Еще при Вильгельме III (т.е. в конце XVII в.) старики вспоминали о тех временах, когда в лондонском Сити не существовало ни одного банкира; каждый торговец держал кассу у себя дома, и, когда ему предъявляли векселя, он платил наличными. Но затем установилась новая мода, образовался и новый класс агентов, хранивших кассы коммерсантов; это были золотых дел мастера, в подвалах которых могло храниться большое количество слитков золота и серебра, не подвергаясь опасности от пожара или ограбления. Это нововведение вызвало много шума и протестов. Купцы старого покроя горько жаловались на то, что люди, которые еще 30 лет тому назад ограничивались своей профессией и выручали хорошие барыши на изготовлении кубков и чаш, на вделывании в оправу бриллиантов для красивых женщин и на продаже пистолей и талеров путешественникам, отправлявшимся на континент Европы, теперь стали казначеями почти всего Сити. Эти ростовщики ведут опасную игру тем, что другие добыли своим прилежанием и накопили благодаря своей бережливости. В случае удачи ловкий кассир становится альдерменом, при проигрыше же обманутый, наполняющий его кассу, оказывается банкротом. Но другие настаивали на выгоды новой системы, сберегающей труд и деньги: два клерка в одной конторе при новой системе исполняют то же, что прежде делали двадцать в двадцати разных конторах; билет золотых дел мастера в течение одного утра переходит десять раз из рук в руки, и благодаря этому сто гиней, лежащие под его замком поблизости от биржи, исполняют ту же функцию, что прежде тысяча гиней, разбросанных по разным ящикам. В результате даже те, кто кричал громче всех, вынуждены были подчиниться новому обычаю. Дольше всех сопротивлялся известный экономист Дедлей Норт. Вернувшись после продолжительного отсутствия в 1680 г. в Лондон, он был особенно поражен и возмущен новым обычаем производить платежи через посредство банкиров. Он жаловался на то, что не может идти на биржу без того, чтобы его не преследовали золотых дел мастера, с глубокими поклонами прося его о чести быть ему полезными. С большим трудом друзья убедили его поместить свои деньги у одного из людей Ломбард-стрит, как их называли. К несчастью, этот человек обанкротился, и хотя Дедлей Норт потерял всего 50 фунтов, но этот случай еще более убедил его в правильности его взглядов. Но борьба его была бесплодна, ибо люди не желали отказаться от выгод, соединенных с новой системой, на том основании, что возможны отдельные несчастные случаи, так же как они не имели намерения прекратить постройку домов ввиду опасности пожара или сооружения кораблей вследствие опасности морских бурь.

Когда банковское дело стало самостоятельной и важной отраслью, возник вопрос о необходимости учреждения национального банка по примеру двух известных банков — Св. Георгия в Генуе и Амстердамского. Указывали на то, что банк Св. Георгия существует в течение трех веков, что он начал

принимать вклады и выдавать займы прежде, чем Колумб переехал через Атлантический океан, чем Васко да Гама объехал мыс Доброй Надежды, тогда, когда еще христианский король сидел в Константинополе и магометанский султан в Гранаде, когда Флоренция была республикой, а Голландия — наследственной монархией. Все это с тех пор изменилось: новые моря были открыты, в Константинополе правил турок, а в Гранаде кастилец, Флоренция стала наследственной монархией, а Голландия республикой, но банк Св. Георгия по-прежнему принимал вклады и по-прежнему выдавал ссуды. Амстердамский банк существовал в течение всего 80 лет, но выдержал успешно много испытаний; даже в эпоху ужасного 1672 г., когда все устье Рейна находилось в руках французов и на ратуше развевались белые флаги, среди всего смятения и паники было лишь одно место, где все время господствовало спокойствие и порядок, и этим местом являлся банк. Почему бы и лондонскому банку не процветать так же, как и эти банки?

Возник ряд проектов национального банка, из коих одни предлагали учредить его под руководством короля, другие — поставить во главе его лорд-мэра, альдерменов и общинный совет столицы. Некоторые проекты напоминали скорее детский лепет или бред горячечного больного. Двое из таких фантазеров, постоянно толпившихся в передней палаты общин, утверждали, что лучшим средством против всякой болезни государства является земельный банк и что учреждение его создаст чудеса, каких не испытали даже израильяне, — большие чудеса, чем манна небесная. Не будет более податей, и все же казначейство будет ломиться от денег, исчезнут сборы в пользу бедных, ибо не будет бедных; доходы каждого землевладельца удвоятся, барыши каждого купца увеличатся — словом, Англия станет раем небесным. Пострадают лишь банкиры, эти злейшие враги нации, доставившие ей больше несчастий, чем могло бы нанести вторжение французской армии в Англию. К счастью, подобного рода проекты остались без рассмотрения, и страна избежала несчастья, «по сравнению с которым понесенные Вильгельмом в Нидерландах поражения и уничтожение английского флота французским в 1693 г. были бы благословением». Однако, говорит *Маколей*, не все изобретатели проектов этого бойкого времени были столь абсурдны. Один из них, Уильям Паттерсон, был талантливый, хотя и не всегда умный спекулянт. Относительно его прошлого было известно только, что он по рождению шотландец и что он жил в Вест-Индии, причем друзья его утверждали, что он ездил туда в качестве миссионера, а враги говорили, что он был пиратом.

Проект Паттерсона, под названием *tonnage-act*, т.е. билля о потонном сборе, встретил в парламенте сочувствие. Правительству нужны были деньги, и оно проектировало выдать из потонного сбора с судов и лодок вознаграждение тому, кто ссудит его суммой в 1,5 млн фунтов стерлингов. Паттерсон и предлагал учредить банк в форме акционерной компании, который заключит с казной заем на эту сумму.

Но и у Паттерсона было много противников, и, когда план его стал известен, началась война на бумаге, не менее ожесточенная, чем борьба между конформистами и неконформистами или между старой и новой

Ост-Индской компанией. Авторы отвергнутых проектов набросились как сумасшедшие на своего счастливого соперника; золотых дел мастера и содержатели ссудных касс подняли разъяренный вой; недовольные тории предсказывали падение монархии, ибо банки являются республиканскими учреждениями — банк процветает в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге, но слышал ли кто-либо о французском или испанском банке? Напротив, некоторые виги говорили о гибели английских свобод: банк — орудие тирании, ужаснее звездной палаты, страшнее армии Кромвеля; все имущество страны будет находиться в руках «тоннажного» банка — таково было презрительное название его, — «тоннажный» банк будет в руках монарха. Наконец, в верхней палате некоторые лорды заявляли, что весь план имеет в виду лишь обогащение ростовщиков за счет дворянства и джентри; люди, имеющие сбережения, предпочтут помещать их в банк под проценты, чем ссужать их под залог земель.

Деньги нужны были правительству — иначе Англия рисковала остаться без флота в Ла-Манше, — и билль был принят. Билль разрешает открытие подписки на 1,2 млн фунтов стерлингов, причем подписавшиеся (каждое лицо на сумму не свыше 20 тыс. фунтов стерлингов) образуют акционерное общество под названием «губернатор (директор) и компания Английского банка». Общество передает весь свой капитал правительству, которое обязуется уплачивать ему 8% с этой суммы, — кредит для того времени не дорогой.

С учреждением Банка Англии последнему не была предоставлена монополия, он даже не пользовался исключительной привилегией в области выпуска банкнот. Только законом 1708 г. запрещен был выпуск банкнот компаниям, учреждаемым в количестве более 6 человек, т.е. акционерным банкам. Такое запрещение считалось равносильным запрещению учреждать банки вообще, и действительно других банков (учрежденных компаниями) в Англии долго не возникало. Банкноты могли выпускать по-прежнему только отдельные банкиры; но в Лондоне это скоро прекратилось, ибо с появлением всесильного Английского банка роль банкиров там надолго свелась к минимуму. В провинции же, где до середины XVII в. Банк Англии не имел отделений, возникали небольшие банки. Первоначально это были торговцы, которые рядом с торговлей давали ссуды своим покупателям; они же принимали у последних вклады. Так возникали банки в провинции до середины XVIII в.; в 1755 г. впервые был сразу основан банк в отличие от этих постепенно возникающих банков. Но еще в 1759 г. насчитывалось в Англии всего 12 банков, и лишь в 1776 г. число их достигло 150, а в 1790 г. увеличилось до 300⁵. Они выпускали банкноты, которыми производили учет векселей, так что в провинции в отличие от Лондона банкноты являлись не столько свидетельствами о помещенных вкладах, сколько средством кредитования, ибо депозитная операция была в провинции еще мало развита и без выпуска банкнот банкиры не в состоянии были бы кредитовать своих клиентов⁶.

⁵ См.: *Lawson*. History of Banking. P. 260 ff. *Francis*. History of the Bank of England. Vol. I. P. 205 ff.

⁶ См.: *Jaffé*. Das englische Bankwesen. P. 105 ff.

Иное положение находим на континенте Европы. Публичные банки, которые здесь существовали, как мы видели, не занимались торгово-промышленным кредитом, частных же банков почти не было. *Марпергер* в своем «Описании банков» (1716 г.) называет банкиром купца или менялу, который имеет много дел с векселями на иностранные рынки. Ради вексельных операций (производства и получения платежей посредством векселей) купцы обращались к «ярмарочному» или «иностранному» банкиру, производившему свои операции в одном из крупных центров — Амстердаме, Милане, Франкфурте-на-Майне, — и только к концу XVIII в. стали для этого прибегать и к услугам местного банкира — до того времени они производили платежи, обходясь и без него. Во всяком случае, банкир, по общему правилу, лишь инкассировал их векселя, но самостоятельно их не снабжал кредитом. Лишь с начала и в особенности с середины XVIII в. возникают в отдельных местах ломбарды, выдающие купцу ссуду под товары, как, например, в Брюнне (Австрия) в 1751 г., в Санкт-Галлене в 1752 г., где купец помещал свой холст до поездки на ярмарку и получал под него ссуду для производства дальнейших операций⁷. *Лудовици* рассказывает о существовании таких «ленбанков», или ломбардов, не только в Италии, Англии и Голландии, но и в Гамбурге и Берлине⁸.

В Австрии еще в 1785 г. на предложение группы лиц устроить публичный банк последовал отказ Иосифа II «решительно и навсегда». Но два года спустя датский банкир Баргум и группа местных оптовых торговцев все-таки сумели добиться патента на открытие «коммерческого, ссудного и вексельного» банка, капитал которого в значительной мере создавался из средств высшей австрийской аристократии; этим-то и объясняются успешные результаты ходатайства. Банку предоставлено было право производить все виды оптовой торговли, вексельные операции в пределах страны и за границей, учет и ломбардирование товаров. Ломбардная и учетная операции удачно развивались, но Баргум стал составлять подложные векселя, и когда это раскрылось, бежал (в 1790 г.), после чего привилегия, выданная ему, была аннулирована. Два года спустя представителям высшей аристократии (кн. Шварценберг, кн. Коллоредо, гр. Ностиц и др.) удалось снова выхлопотать привилегию на открытие банка, причем они ссылались на то, что за короткое время своего существования банк успел повести успешную борьбу с ростовщичеством (хотя административные органы это отрицали). Однако теперь ломбардная операция исчезает; напротив, банк занимается усиленно торговлей и учреждением промышленных предприятий. После банкротства государства и он вынужден был прекратить свою деятельность⁹.

⁷ *Wartmann*. Handel und Industrie des Kantons St.-Gallen.

⁸ *Ludovici*. Grundriss eines vollständigen Kaufmanns-Systems. § 724.

⁹ См.: *Rager*. Die Wiener Kommerzial-, Leih- und Wechselbank. 1918. *Srbik*. Der staatliche Exporthandel Österreichs von Leopold I bis Maria-Theresia. S. 234. *Ehrenberg*. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. III. F. Bd. 3. S. 809. *Silberschmidt*. Die werdende Aktienbank in Österreich // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. 1919. S. 272 ff.

Вообще коммерческий кредит был на континенте Европы еще весьма мало распространен и в XVIII в.

Обширные торговые операции таких крупных фирм XVI в., как Фуггеры, Вельзеры, Гохштеттеры и др., обходились еще почти без кредита. Это были обыкновенно семейные полные товарищества, в которых каждый из членов не только нес риск, но и принимал нередко участие в общем предприятии. Правда, членам, выходявшим из состава товарищества, разрешалось в виде особой льготы оставить свой капитал целиком или частью в предприятии в качестве депозита, т.е. как вклад, с которого они получали определенные проценты, независимо от прибылей или убытков товарищества. Однако эти капиталы принадлежали родственникам, которым оказывалась таким образом особая льгота. К посторонним лицам не желали обращаться, и они не могли помещать своих капиталов у компаний. 5%-ные депозиты были известны в XVI в. — у итальянских фирм, как мы видели, помещались депозиты уже раньше, — германские торговые дома и товарищества их принимали, а имперские чины уже в 1522 г. запрещали их, требуя, чтобы компании пользовались одним собственным капиталом. Но они составляли исключение. В начале XVI в. в Аугсбурге, крупном торговом центре того времени, депозиты были еще мало распространены, и летописец с удивлением рассказывает, что у Амброзия Гехштеттера князя, графы, дворяне, городские жители, крестьяне, батраки и служанки помещали то, что имели, из 5%; даже поденщики, которые имели не более 10 гульденов, отдавали их его компании, так что он по временам имел до 10 тыс. вкладов — никто не знал, что у него было столько. Позже Эк защищал *contractus trinus* и такой процент (*contractus quinque de centum*), ссылаясь на то, что в Аугсбурге он в течение свыше 40 лет применяется пользующимися почетом гражданами, женскими монастырями, учеными людьми¹⁰.

К концу XVI в. компания суконщиков в Иглау вынуждена была «в стране и за пределами ее добиваться ссуд», обращаясь к купцам Праги, Штейра и других городов, а компания по сбыту олова в Амберге принимала вклады с правом взятия их обратно лишь по истечении 5 лет, тогда как компания могла ежегодно, с предупреждением за 3 месяца, отказаться от них. Это последнее право — освободиться от вкладов в любой момент — было весьма существенно для компании. В 1614 г. наряду с внесенной участниками суммой в 25 тыс. (117 лиц, в размере от 25 до 450 гульденов), имелось вкладов на 12 тыс. в размере от 250 до 5 000 гульденов (наибольшую сумму поместил курфюрст)¹¹. Известная торгово-промышленная вюртембергская компания, центром деятельности которой являлся г. Кальв, в начале XVIII в. уже пользовалась в значительных размерах не только вкладами участников, которые обязаны были помещать известную часть прибылей у компании из 6% годовых (независимо от прибылей, получаемых ими в качестве членов), но и капиталами посторонних лиц; компания делала займы у частных лиц, правительственных касс, местных чиновников и центральной

¹⁰ *Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 212.*

¹¹ *Strieder. Jacob Fugger der Reiche. P. 453.*

администрации вплоть до высших ступеней и уплачивала 4 или 5%. Однако этим путем компания не столько имела в виду расширить свои операции, сколько заинтересовать население, в особенности же чиновников, в успехах предприятия и привлечь их на свою сторону. Когда же положение ее упрочилось, компания начала выплачивать обратно помещенные у нее капиталы, усматривая в них обузу, от которой нужно освободиться как можно скорее¹². Этот факт крайне характерен. Он ярко выражает условия того времени, когда предприятия вовсе не стремились к расширению своих операций и всячески избегали обращаться к кредиту для этой цели.

С другой стороны, и помещать свои капиталы в предприятиях соглашались лишь весьма немногие; слишком рискованны были такого рода операции¹³. Банкротства представляли собой в то время, как видно из романов XVIII в. и статистических данных, приводимых *Баашем*, и из описаний деятельности отдельных предприятий, явления весьма частые¹⁴. Коммерческая деятельность ведь была соединена с большим риском: постоянные войны, опасности, сопряженные с мореплаванием (пиратство, кораблекрушения, отсутствие попутного ветра, задерживавшее суда), валютный хаос и т.д. легко приводили к гибели торговца, а тем самым разоряли и его кредиторов. Поэтому, кто имел лишние деньги, обычно держал их у себя или же приобретал на них землю. В займы давали только родственникам или знакомым или, в крайнем случае, при помощи объявлений во вновь появившихся газетах искали верного помещенных денег, однако не в области торговли и промышленности, а в форме земельного кредита. В Пруссии к концу XVII в. была учреждена земская кредитная касса (*Churmärkische Landschaft*), созданная в интересах дворянского землевладения, которая принимала вклады и платила за них 6%, но она скоро обанкротилась, и хотя продолжала и впоследствии свою деятельность, но этот печальный опыт весьма пугал людей, не решавшихся после этого помещать в этом учреждении свои сбережения. В начале XVIII в. король сам стал помещать там свои деньги, и касса в частных вкладах не нуждалась¹⁵.

Однако этот пробел заполняется как безвозвратными пособиями, так и ссудами, выдаваемыми в особенности промышленникам государством¹⁶.

¹² *Troeltsch*. Die Calwer Zeughandlungskompanie und ihre Arbeiter. S. 140—142.

¹³ Впрочем, торговый дом Шплитгербер и Дауле в Берлине, учрежденный в 1712 г., занимал деньги под проценты. В 1718 г. у него имелось 110 кредиторов, среди них первое место занимали берлинские купцы, которым он должен был 35 тыс. талеров. В 1780 г. главным кредитором его был барон Шлиттау, который ему предоставил 15 тыс. талеров из 6%. (*Lenz-Unholtz*. Geschichte des Bankhauses Gebrüder Schickler. 1911 S. 7.)

¹⁴ *Baasch*. Aus einer hamburger Fallitenstatistik des 18. Jahrhunderts // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. *Idem*. Der Kaufmann in der deutschen Romanliteratur des 18. Jahrhunderts // Aus Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Gedachtnisschrift für Below. 1928. *Strieder*. Klosterarchive und Handelspfpiere // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. *Reiss-Journal und Glücks- und Unglücksölle* von Joh. Zetzner (1677—1735).

¹⁵ *Weyermann*. Zur Geschichte des Immobiliarkreditwesens in Preussen. 1910. P. 1 ff.

¹⁶ См.: *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Гл. XL.

Во Франции, например, государство приходит на помощь промышленно-сти и торговле не только безвозвратными пособиями, но и ссудами. Одно из учреждений — касса полупроцентного сбора (это был дополнительный к 3%-ному сбору, взимаемому с товаров, привозимых с Антильских островов), позже переименованная в Caisse de commerce, — выдало из своих средств (они первоначально были предназначены для борьбы с контрабандой в этих областях) 1,3 млн ливров (за пятидесятилетие 1739—1789 гг.). Ссуды были, однако, либо беспроцентные, либо с весьма низким процентом (не свыше 5), выдавались они на срок 1—6, редко более лет, иногда за поручительством, чаще же без него, почему много сумм (около четверти) не возвращалось¹⁷.

С середины XVIII в. в Пруссии появляются небольшие группы лиц, у которых накопились некоторые суммы и которые стараются их поместить под проценты. Это придворные, дворянство, чиновники, в особенности же вдовы и сироты, всякого рода богоугодные заведения, монастыри. Эти последние категории особенно нуждались в помещении своих денег под проценты, так как обычно не имели других доходов и им пришлось бы для своего существования или для содержания учреждения расходовать самый капитал.

Упомянутая земская касса и другие учреждения дворянского поземельного кредита, а также учрежденный к концу XVIII в. королевский банк и его провинциальные отделения, наконец, государственная торговая компания (Seehandlung) принимали свободные суммы в качестве депозитов, но в крайне ограниченном количестве. Активные операции их были столь ограничены, что они не в состоянии были найти приложение даже для той небольшой суммы вкладов, которая им предлагалась. Им приходилось периодически производить возврат излишних накопившихся у них вкладов, причем это делалось обыкновенно в определенной очереди, в том порядке, в котором они были внесены, так что возвращались каждый раз наиболее давно помещенные суммы. Позже богоугодные заведения в качестве особой льготы добились того, что их вклады вовсе не возвращались, выплачивались же только суммы, принадлежавшие частным лицам. Последние также нередко обращались к королю с жалобами на то, что им некуда поместить свои сбережения, и просили о том, чтобы он приказал земской кассе или банку принять их вклады. Такие прошения подавались военными, отставными чиновниками, духовными лицами. Одни заявляли, что у них нет других источников дохода, другие ссылались на продолжительную и беспорочную службу на пользу государства, иммигранты указывали на то, что при самом вызове их из-за границы им было обещано принять их вклады. При этом они готовы были ввиду верности помещения довольствоваться 5%, которые эти учреждения уплачивали. Король часто отдавал приказание принять суммы определенных лиц (в особенности министров) или учреждений, и тогда приходилось возвращать вклады другим. В 1786 г. среди депозитов, находившихся у бранденбургской земской кассы на 3¹/₂ млн

¹⁷ *Depître. Prêts au commerce et aux manufactures // Revue d'histoire économique et sociale. VII. 1914—1919.*

талеров, 227 тыс. принадлежало королевской фамилии, 1,4 млн учреждениям и богоугодным заведениям, 800 тыс. вдовам и сиротам и всего 1,1 млн прочим частным лицам¹⁸.

И другие кредитные учреждения страдали от такого несоответствия между активными и пассивными операциями. Учрежденный в 1765 г. Прусский банк не сумел развить ни эмиссионную операцию (право ему было предоставлено), ни жировую, а ограничивался вексельной, ломбардной и депозитной. Но и кредитование (путем учета векселей и под товары) производилось, за отсутствием спроса, в ограниченных размерах, тогда как депозиты (судебных мест, опекунских учреждений, церквей, благотворительных установлений) быстро росли; временно приходилось приостанавливать их прием. Ввиду изобилия их банк стал кредитовать государство и землевладельцев, что привело его к несостоятельности. Характерно, что при создании в 1780 г. в Ансбахе банка, превратившегося впоследствии в Нюрнбергский банк, в качестве одной из основных задач его выдвигалось «всяческое оказание помощи той части подданных, которые часто находятся в затруднительном положении, не имея возможности немедленно поместить поступившие капиталы и наличные деньги». А в то же время купцы заявляли, что в кредитном учреждении, которое давало бы им ссуды, они не нуждаются, и когда некоторым из них банк предлагал ссуды для расширения предприятия, то они отказывались, ссылаясь на то, что от этого пострадал бы их кредит. «Активные операции» развивались медленно, тогда как вклады обильно притекали и никому нельзя было отказать¹⁹.

Гораздо более, чем коммерческий мир, прибежала к кредиту помещная аристократия, землевладельческие классы, но только это был кредит потребительный, а не производительный. И в Шотландии в XVIII в., и во Франции накануне революции весьма велика была задолженность дворянства, которое вынуждено было закладывать и перезакладывать свои имения, а чтобы избавиться от долгов, продавать их по частям и даже целиком. В Германии находим сильную задолженность землевладельцев уже к концу XVI в.; в эпоху Тридцатилетней войны задолженность дворянства настолько увеличилась, что «долги его на много тысяч гульденов превышают имущество, и даже между состоятельными дворянскими семьями трудно найти такие, земля которых не была бы обременена крупными долгами²⁰.

Так, в Баварии во время Тридцатилетней войны дворянство настолько пострадало и от врагов, и от «враждебных друзей», что ему ничего не оставалось, как «жить долгами», ибо «не могло же оно работать или жить подаяннем, как другие сословия». После заключения мира 1648 г. произошла крупная перемена в области земельной собственности — задолженные

¹⁸ *Mauer*. Die private Kapitalanlage in Preussen im 18. Jahrhundert. 1921. P. 6 ff., 12 ff., 21—3, 25 ff.

¹⁹ *Limburg*. Die königliche Bank zu Nürnberg. 1903. P. 3, 7, 10.

²⁰ См.: *Taine*. L'ancien régime. Ein Neu, Nützlich und Lustigs Colloquium etc., изд. Gothein'om. Einleitung (Die deutschen Kreditverhältnisse und der 30-jährige Krieg). *Roupenel*. Der Kampf um die adeligen Güter in Bayern nach dem dreissigjährigen Kriege // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1903.

земли стали переходить в другие руки; только военачальники сумели обогатиться во время войны, в эпоху всеобщего обеднения. От старого дворянства земли переходят к церквам и монастырям или к новому дворянству, *homines novi*, состоявшему из иностранцев и из лиц, получивших дворянское звание благодаря гражданской или военной службе.

Было бы ошибочно предполагать, что в эту эпоху отсутствовала задолженность крестьянских земель; предположение, что это наступило лишь с отменой крепостного права и не могло иметь места до тех пор, пока крестьяне не могли свободно распоряжаться землей, не соответствует действительности. *Артур Коген*, подробно исследовавший вопрос о задолженности крестьян в Баварии в 1598—1745 гг., пришел к выводу, что в эту эпоху отчуждение, залог и продажа за долги крестьянских земель составляли обычное явление. Если крестьянин вынужден был заложить землю, то помещик не мог помешать этому; еще менее он мог воспрепятствовать продаже с публичного торга заложенной земли, которая переходила независимо от его согласия к тому, кто предлагал высшую цену. На основании инвентарей 30 крестьянских имений получается задолженность в среднем в размере 23% ценности имущества, причем более крупные хозяйства менее задолженны, чем мелкие хозяйства. Долги вызывались как уплатой податей, сеньориальных оброков и повинностей, так и платежами при переходе двора по наследству, дефицитом при ведении хозяйства, наконец, пожарами, наводнениями, войнами. Невозможность уплаты долгов приводила к тому, что они переходили из рода в род, ложась с самого начала тяжелым бременем на нового хозяина. Из 60 случаев заключения крестьянами кредитных сделок, приводимых *Когеном*, в 54 кредит получен под залог всего имущества или его части; кредиторами являются и в этом случае, как и в отношении дворян, преимущественно церкви и монастыри; если же они отказывали в ссуде, то крестьянин обращался к частным лицам, нередко к односельчанам; существовали, по-видимому, семьи, которые занимались выдачей ссуд как профессией²¹.

В различных местностях Франции находим сильную задолженность как старого дворянства, так и крестьян горожанам, из которых выходит и новая аристократия. Крестьянские общества вынуждены брать ссуды, а затем ввиду невозможности их уплатить продавать свои леса, выгоны, воды, мельницы и т.д.; когда же этого имущества оказывается недостаточно, то новый сеньор заставляет их уплачивать ежегодные поборы за долги в виде новых видов *taille* или новых *dîmes*, — получают тяжелые платежи^{22,23}.

²¹ *Kiener*. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges am Oberrhein // Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins. N. F. Bd. 19. 1904. *Wopfner*. Die Lage Tirols. 1908. S. 53. *Cohen*. Die Verschuldung des bäuerlichen Grundbesitzes in Bayern von der Entstehung der Hypothek bis zum Beginn der Aufklärungsperiode. 1906. Особ. s. 128, 141, 148, 183 ff., 240 ff., 298, 360 ff., 406 ff.

²² *Rouquet*. La ville et le village au XVII siècle. P. 216 ff., 222 ff., 230 ff., 235 ff. Ср.: *Raveau*. L'agriculture et les classes paysannes dans le Bas—oitou au XVI siècle // Revue d'histoire économique et sociale. 1924. №№ 1, 3).

²³ В конце XVII в., читаем у *Дэдди Норса*, в нашей стране (Англии) деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее, чем в десятой своей части, идут в руки предпринимате-

Наиболее важную форму кредита составлял, однако, и теперь кредит публичный, который сохранил еще много характерных особенностей предыдущей эпохи. Это был по-прежнему кредит не государственный, а государей — даже в Англии долг был признан национальным впервые в 1716 г. Еще в 1665 г. император Леопольд I не признал сделанных его предшественником долгов и лишь «по доброй воле» согласился уплачивать по ним проценты в течение трех лет²⁴. В Баварии даже в 60-х гг. XVIII в. обсуждался вопрос о том, обязан ли государь уплачивать заключенные его предшественником займы²⁵. Кредит выражался и теперь в краткосрочных займах под отдельные источники доходов или ожидаемые в будущем поступления налогов. Домены по-прежнему отдаются в залог при заключении займов, причем они и теперь переходят во владение к кредиторам; последние в лице дворянства отказываются вернуть заложенные им земли. Фридрих Великий вынужден был прекратить вызванные этим многочисленные процессы между казной и дворянством. Но и Людовик XIV не в состоянии был выкупить заложенные за небольшую сумму королевские домены²⁶. Широко распространены были, в особенности в XVI в., ссуды королям и герцогам под добычу принадлежащих им рудников — серебряных, медных, ртутных, свинцовых, — как и под другие товары, которыми ссуда выплачивалась кредитору: янтарь, жемчуг из Америки (ссуда Карлу V), перец из Индии (ссуды антверпенских купцов португальскому королю)²⁷. Займы заключались у иностранных банкиров — итальянцев, южногерманских купцов — на Амстердамской бирже. В середине XVI в. представитель английской королевы Грешэм вынужден был заключать займы в Антверпене с уплатой 10—12 и даже 12—14%, причем обязательства, кроме королевы (она обязывается «своим королевским словом за себя и за наследников»), подписаны членами Тайного совета и приложено поручительство «мэра и жителей Лондона». Последние солидарно ручаются лично и всем своим имуществом и находящимися в Англии и за пределами ее товарами, и не допускаются никакие возражения с их стороны. Или же производились принудительные займы у собственных подданных. Во Франции находим целый ряд случаев принудительных займов в XVI и XVII вв., особенно у города Лион; в Англии принудительные займы имели место при Елизавете, при Якове I в 1625 г.;

лей, которые могли бы при помощи их вести свои операции; они ссужаются, главным образом, для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят деньги быстрее, чем приносит им их землевладение, а так как они стыдятся продавать свои имения, они предпочитают обременять их ипотечными долгами (*North. Discourses upon Trade*. 1691. P. 6—7. Цит. по: Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2. Пер. Базарова и Степанова. 1923. С. 153).

²⁴ Thorsch. Materialien zu einer Geschichte der össterreichischen Staatsschulden. S. 59.

²⁵ Schmelzle. Der Staatshaushalt der Herzogtums Bayern im 18. Jahrhundert. S. 243.

²⁶ Däbritz. Staatsschulden Sachsens. P. 50. Bresson. Histoire financière de la France. T. II. P. 36. Landmann. Finanzarchiv. 1912. S. 31 ff. Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 23.

²⁷ Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. 2. Aufl. S. 31 ff. Ehrenberg. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 166, 253 ff. Philippowich. Die Bank von England. S. 27. Thorsch. Staatshaushalt Bayerns im 18. Jahrhundert. S. 71. Breysig. Brandenburg Staatshaushalt. S. 499. Landmann. Finanzarchiv. S. 57 ff.

в Испании применялся захват королем американского серебра, принадлежащего частным лицам, взамен чего им выдавались долговые обязательства; в Англии в XVII в. рассылались *privy seals* всем знатным лицам для получения у них денег; в Пруссии Великий курфюрст распределял нужные ему суммы между состоятельными офицерами и чиновниками; в Австрии еще в XVIII в. богатая аристократия перед каждым походом получала такие собственноручно подписанные императором просьбы о кредите с указанием крайней нужды государства и с требованием определенной суммы.

Для уплаты займов нередко не хватало средств, и доходы, предназначенные на уплату процентов и погашение (по частям) займов, употреблялись на иные цели, в особенности на дальнейшие войны. Государь, ссылаясь нередко на ростовщический характер займа — как это бывало в Средние века, — объявлял себя банкротом: кредиторы лишались обещанных им доходов, например американского серебра, и долг превращался в 5%-ную вечную ренту, которая стояла гораздо ниже нарицательной цены. Так это делалось в особенности в Испании, где в XVI—XVII вв., как и в следующие века, такие банкротства происходили каждые 20 лет. Во Франции они частью принимали такую же форму, частью просто прекращались платежи и не возобновлялись, несмотря на требования кредиторов, как это было, например, в 1557 г.; частью процент насильственно понижался или часть займа объявлялась несуществующей; так это было при Сюлли; нечто подобное произошло и в 1664 г. при Кольбере²⁸. В немецких государствах земские чины уже с конца XV и начала XVI вв. принимают на себя ответственность за заключенные государем займы, но «разделение ответственности обозначало лишь уменьшение ее и увеличение путаницы». Проценты не уплачиваются, займы не погашаются, договор нарушается, заключаются новые соглашения с сокращением долга, и в результате в эпоху Тридцатилетней войны Бранденбург, Бавария, Вюртемберг близки к банкротству. При Великом курфюрсте не уплаченные в течение многих десятилетий и поэтому сильно возросшие проценты были аннулированы и самая капитальная сумма настолько уменьшена, что кредиторы казны получали не более 20—25% первоначальной суммы займа²⁹. Подобным же образом поступали и другие немецкие государства в XVII в., только Бавария и Саксония ограничились уничтожением процентов, не сокращая капитала. Принудительное понижение процентов и прекращение уплаты старых долгов производилось и в XVIII в.³⁰ В 60-х годах XVII в. австрийский император никак не мог получить нужных ему средств; даже голландские купцы отказывались дать ему деньги под будущие доходы от земель или таможенных пошлин, а португальские евреи, которые согласились бы открыть кредит под бриллианты, отказывались это сделать, когда речь шла «о короле или знатном

²⁸ *Vührer*. Histoire de la dette publique. P. 39 ff.

²⁹ *Kaphuhn*. Der Zusammenbruch der deutschen Kreditwirtschaft im 17. Jahrhundert // Deutsche Geschichteblätter. XIII. S. 158 ff.

³⁰ *Däbritz*. Staatsschulden Sachsens. S. 11—12, 41, 67. *Landmann*. Entwicklungsgeschichte der Formen des öffentlichen Kredites. S. 38.

князе», ибо в этом случае невозможно наложить арест на имущество должника³¹. Исключение среди всех этих государств составляли лишь Нидерланды и Англия, где правительство с начала XVIII в. добросовестно выполняло свои обещания.

В качестве примера такого немецкого государя XVIII в., для которого самая мысль о необходимости уплаты долгов казалась чем-то странным, можно привести ландграфа Эрнеста Людовика Гессен-Дармштадтского. Страдая манией величия, он стал по примеру других немецких князей строить многочисленные замки, причем желал непременно обладать собственным Версалем. Он настроил больше десятка, в том числе принялся за сооружение дворца-великана, в котором, как презрительно выразился император, он мог бы поместиться вместе со всеми курфюрстами и их придворными. Деньги ландграфу доставлял франкфуртский банкир Яков Бернус, которому он задолжал свыше 1 млн гульденов. «И подобно многим другим, Бернусу пришлось убедиться в том, что при тогдашних правовых условиях в Германии нет никакой силы, которая могла бы принудить недобросовестного государя к выполнению своих обязательств, им лично подписанных и скрепленных печатью. Даже вынесенное в Вене и вступившее в силу судебное решение, за которым последовал приказ императора курфюрстам Трирскому и Пфальцскому привести его в исполнение и заставить ландграфа уплатить, не могло ему помочь. Курфюрсты не двигались с места, и ландграф умер в 1739 г., не уплатив ни копейки. Из полученных в залог десятины с меди и доходов от железных заводов ландграфа Бернус тоже ничего получить не мог. И преемник Эрнеста Людовика Людовик VIII отказался платить, так как он якобы не отвечает за личные долги своего предшественника. А между тем, будучи наследным принцем, он выразил свое согласие на заключение займов у Бернуса и в некоторых случаях даже торжественно обещал в случае смерти своего отца уплатить его долги. Правда, Людовику VIII после этого все труднее становилось добывать деньги у франкфуртских капиталистов, и этот государь постоянно нуждался в деньгах, повсюду их разыскивал, попрошайничая на каждой франкфуртской ярмарке, забирая сбережения у своих подданных вплоть до придворных лакеев, музыкантов и лесничих. Только в 1778 г. следующий курфюрст, Людовик IX, согласился уплатить наследникам и кредиторам Якова Бернуса около 28% долга без процентов и притом в 3%-ных облигациях³².

Неудивительно, если в середине XVIII в. еще говорили: не давай займы более сильному, если же дал, то смотри на эту сумму как на потерянную, и прибавляли: обещания дают дворяне, но выполняют их только мужики. Рост государственных займов этой эпохи вызывался в особенности непрерывными войнами: в XVI в. насчитывалось всего 25 лет, в XVII в. всего 21 год, когда не происходило бы крупных военных операций; притом войны в эту эпоху ввиду господства наемных войск (кондотьеры) требовали особенно

³¹ *Srbik*. Der staatliche Exporthandel Österreichs. p. 26.

³² *Dietz*. Frankfurter Handelsgeschichte. Bd. IV. T. I. 1926. P. 388.

больших расходов. Отсутствие необходимых на это средств и невозможность заключить заем за недостатком надлежащих обеспечений (рудников, земель, податей), в особенности же потеря кредита после отказа уплатить прежние долги, после банкротства, нередко заставляли правительство прекратить войну и заключить мир. Отказом в дальнейших кредитах вызвано, например, в 1525 г. поражение венгерского короля в битве при Могаче и опустошение Северной Италии не получавшими денег войсками императора, мир в Камбре в 1529 г., мир при Като-Камбрези в 1558 г., мир при Вервен в 1598 г., 12-летнее перемирие с Нидерландами в 1609 г. В других случаях потеря кредита приводила к таким событиям, как разграбление в 1527 г. Рима войсками Карла V, в 1576 г. — Антверпена войсками, не получившими жалованья, ибо за год до этого произошло банкротство Испании; точно так же парижское восстание 1558 г. находится в связи с неуплатой займа городу Парижу; последнее вызвало сильное возбуждение среди населения, потерявшего свои деньги³³.

Однако же перемена по сравнению с предыдущим периодом заключалась прежде всего в том, что займы были гораздо крупнее и что иностранные банкиры, которые во Франции и Испании успели потерять свои деньги, заменялись постепенно местными. Займы теперь заключались у них: в Англии — с середины XVI в., во Франции — в XVII в. Перемена состояла и в том, что при заключении займов обращались не к отдельным лицам, а к бирже — Антверпенской, Лионской, — где создавалось мнение об общей кредитоспособности того или иного монарха независимо от определенного источника доходов, предоставляемого на покрытие займа. Благоприятное мнение биржи, создавшееся под влиянием различных сведений, которые нередко фальсифицировались агентами данного правительства, вызывало повышательное настроение на бирже и повышение курса выпускаемого займа; при возникновении сомнений в платежеспособности монарха оно сменялось понижательным движением³⁴. В других случаях объявлялась публичная подписка на новый заем, как это было в Англии с конца XVII в.; она привлекала во Франции в XVII в. и провинциальное население; в Нидерландах подписка принималась непосредственно в «конторах» государства, с обходом всяких посредников; в Англии посредником являлся Английский банк. К этому способу прибегала и Австрия, тогда как немецкие князья еще в XVIII в. отправлялись на каждую франкфуртскую ярмарку или посылали туда своих приближенных для разыскивания денег у тамошних капиталистов; последним выдавались индивидуальные облигации на мелкие суммы. В Амстердаме, Франкфурте-на-Майне, Генуе, Женеве мы находим банкиров, которые в качестве комиссионеров различных правительств зани-

³³ *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger. Bd. I. S. 9 ff, 22, 120—121, 126. II, p. 147, 183, 205 ff., 258 ff.

³⁴ *Samuel*. Die Effektspekulation im 17. und 18. Jahrhundert. S. 28. ff., 86 ff. *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger. Bd. II. Соч. о биржевой спекуляции: *Don Joseph de la Vega*. Die Verwirrung der Verwirrungen. Vier Dialoge über die Börse in Amsterdam. Übersetzt und eingeleitet von Pringsheim. 1919. *Pinto*. De la circulation et du crédit. 1771. *Mortimer*. Every Man his Own Broker. 1762. *Hughton*. Collection for the Improvement of Husbandry and Trade. 1727.

мались специально размещением государственных займов среди публики, так что выпуск займа происходил не сразу, а как бы непрерывно³⁵.

Только Нидерланды и Англия ушли значительно дальше в области развития своего государственного кредита; они производили не принудительное, как во Франции и Германии, а добровольное понижение процента по займам — конверсии: кредиторам предлагалось либо получить обратно долг, либо согласиться на более низкий процент. В Нидерландах таким путем в середине XVII в. процент был понижен с 6 до 4, в Англии в середине XVII в. с 4 до $3\frac{1}{2}$ и 3 %. Далее, в Нидерландах исчезают определенные фонды на покрытие займов; последние теперь гарантировались всем состоянием государства. В Германии и Австрии еще в начале XIX в. указывались специальные источники, из которых должны покрываться проценты и капитал. Наконец, краткосрочные неутвержденные долги превращаются постепенно в бессрочные консолидированные займы. В Англии в 1715 г. появляется впервые 5%-ная бессрочная рента; к концу XVIII в. (в 1786 г.) бессрочные займы здесь достигли огромной, неслыханной для того времени цифры в 240 млн фунтов стерлингов, — из них более $\frac{2}{3}$ заключалось в 3%-ной ренте, тогда как за 50 лет до того они не превышали $\frac{1}{6}$ части этой суммы (43 млрд)³⁶.

До 20-х годов XVIII в. в Англии публичный кредит эксплуатировался различными способами: во-первых, посредством заимствования больших сумм акционерных капиталов крупных компаний; во-вторых, посредством самостоятельных лотерейных займов, т.е. таких, при которых участники займа получали весь капитал сполна с процентами и, кроме того, некоторые из них выигрыши, расход по которым падал на казну; в-третьих, посредством самостоятельных же займов срочных; наконец, в-четвертых, посредством разного рода сочетаний операций страховых с займами³⁷. Новый период начинается со времени выпуска 5%-ной бессрочной ренты в 1715 г.: в бессрочную ренту постепенно превращаются (консолидируются) все старые формы неутвержденного долга, причем понижаются проценты (до 3%) по этому консолидированному долгу, т.е. совершается то, чего в Пруссии и Австрии достигли не ранее середины XIX в., во Франции — не ранее начала XIX в. До середины XVIII в. английское правительство пользовалось кредитом умеренно, предпочитая займам, несмотря на их дешевизну, новые налоги и стараясь при всякой возможности погашать займы; учреждается специальный погасительный фонд (Вальполя), по образцу которого значительно позже, в начале XIX в., возникли фонды погашения государственных долгов в Пруссии, Баварии, Бадене, Вюртемберге (в Саксонии уже в 1763 г.)³⁸. Во второй половине XVIII в. в Англии займы стали менее щадить,

³⁵ *Landmann*. Entwicklungsgeschichte der Formen des öffentlichen Kredites. S. 50 ff.

³⁶ См.: *Кауфман*. Государственный долг Англии.

³⁷ *Кауфман*. Государственный долг Англии.

³⁸ Эти погасительные фонды следует отличать от тех источников, которыми гарантировались займы и которые нередко предоставлялись в распоряжение самих кредиторов. Учреждая погасительный фонд, государство не только сохраняло его в своих руках, но и вообще создавало его не в качестве гарантии для кредиторов, а в целях облегчения себе

погасительный фонд отвлекается от своего назначения; он идет не на погашение долгов, а на уплату процентов, и долг необычайно быстро достигает никогда и нигде не виданной прежде в истории высоты. Последняя вызывает опасения даже у таких мыслителей, как Адам Смит и Давид Юм.

В Амстердаме во время войны Англии с американскими колониями возникал вопрос о том, долго ли Англия еще в состоянии будет платить проценты по своим долгам, а в 80-х годах XVIII в. один писатель утверждал, что либо нация должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожат ее. Но уже 20 лет спустя историк Синклер пророчески писал: потомство будет смеяться над глупостью наших государственных деятелей, которые решаются утверждать, что источники наших доходов исчерпаны. Уже с середины XVIII в. государственный кредит Англии, как и финансы ее вообще, покоились на прочных основаниях³⁹.

Отсутствие банков, кредитующих торговлю и промышленность, должно было привести к тому, что торговые обороты в эту эпоху производились в значительной мере не в форме немедленной уплаты за товар, а в кредит — торговцы взаимно кредитовали друг друга, — и не только в Англии, где, по словам Дефо, $\frac{2}{3}$, в некоторых отраслях производства — $\frac{4}{5}$ всех операций совершались в форме кредита, но и во Франции, где, как утверждает Савари, в XVII в. большая часть товаров на ярмарках закупалась в кредит и уплата производилась лишь на следующей ярмарке. А в то же время торговцы вынуждены были в широких размерах отпускать товары в кредит потребителям.

Савари полагает, что для оптового торговца выгоднее и безопаснее иметь дело с розничными торговцами, живущими в том же городе, чем продавать их торговцам других городов или на ярмарках и рынках, потому что в первом случае они лучше знакомы с тем, как эти торговцы ведут свои дела, так и по той причине, что с местных купцов легче взыскивать долги и, в случае их банкротства, легче добиться удовлетворения.

Вообще, открывая кредит розничным торговцам, оптовый торговец не должен доверять одному и тому же купцу в кредит слишком больших сумм; не должен, в случае просрочки, ставить ему нож к горлу или требовать уплаты 10% за просрочку, ибо это может повести к разорению должника; не должен полагаться на то, что молодой торговец происходит из хорошей семьи и сын богатых родителей, ибо родители нередко отказываются платить долги своих детей. Наконец, он должен следить за тем, не открывает ли кредитуемый им розничный торговец кредита знати или всякому встречному, ибо если этому торговцу не уплатят долгов, то и он, кредитор, ничего не получит⁴⁰.

В этой продаже товаров в кредит знатным лицам Савари усматривает особенную опасность для розничного торговца и советует последнему,

самому погашения займов, и поэтому, когда оно, как это обычно, бывало, тратило его на другие нужды, то никакого нарушения им принятых на себя обязательств (в отличие от случаев использования источников, которыми обеспечивался долг) не происходило.

³⁹ Sinclair. The History of the Public Revenue of the British Empire. 3rd ed. 1803.

⁴⁰ Savary. Le Parfait Négociant. Т. II. P. 62—64.

кредитуя государей, дворян, придворных, предварительно выяснять хорошенько их материальное положение, степень задолженности и т.д., ибо от невыполнения этих предосторожностей и от легкомысленного кредитования этих лиц происходит большинство банкротств купцов. Правда, при продаже на наличные нет возможности продать по столь высокой цене, как сбывая в кредит, однако лучше довольствоваться меньшим, без жадности, чем только в фантазии своей увеличивать свои богатства, раз денег в действительности не платят.

Во всяком случае, *Савари* настаивает на том, что в случае неуплаты покупателем в течение года следует закрыть ему дальнейший кредит. Хотя на это возражают, что в этом случае знатный покупатель покинет торговца и что последний — это характерно — не в состоянии будет сбывать ему в кредит товары низшего качества, которые трудно продать на наличные, но ведь знатные господа нередко не платят по 3, 4 и даже по 10 лет, и торговец часто убеждается в конце концов в том, что он попался впросак и лучше было бы, если бы он всех этих операций не производил. Не следует поэтому поддаваться просьбам и обещаниям таких клиентов, а надо, сохраняя почтительность, быть твердым и при неуплате решительно отказать. Известны случаи, когда они и сами, накупив в кредит товаров для своих приближенных или метресс, были в претензии на купцов, которые слишком легко их отпускали.

Особую главу *Савари* посвящает тому, как взыскивать долги, какими способами торговец должен добиваться, в особенности у знатных лиц, придворных, дворянства, уплаты за доставленные им товары. Он советует для этой цели выбрать осторожного, но решительного и в то же время терпеливого служащего, который должен отправиться к должнику рано утром, чтобы застать его дома (к другим, впрочем, вечером, если они бывают в то время дома), и в первый раз мягко, а в дальнейшем настойчиво требовать уплаты, угрожая взысканием по суду. Необходимо много терпения, ибо иногда приходится много раз ходить к одному и тому же должнику и выслушивать много грубых и неприятных слов. Нужно, далее, носить с собой чернильницу, перо и бумагу, чтобы должник, обещав уплатить, не мог сослаться на то, что у него нет пера и чернил и потому он не может подтвердить на бумаге своего обещания. Не следует посылать для получения денег того приказчика, который сидит в лавке, ибо при взыскании долгов приходится говорить неприятные для должника вещи, и если он увидит в лавке того, с кем он имел дела этого рода, то пройдет мимо. Иногда купцу приходится и самому отправляться к неисправному покупателю, и часто это лучше, ибо последний не так легко откажет торговцу, как приказчику. Но с другой стороны, когда приходится говорить резкости должнику, то лучше это сделать через служащего, ибо если должник, выслушав его неприятные слова, уплатит, а затем будет выражать свое возмущение, то торговец может сослаться на то, что он такого приказания не отдавал, и таким путем он сохранит себе покупателя.

К этому *Савари* присоединяет, что, согласно ст. 7 тит. 1 ордонанса 1673 г., купцы оптовые и розничные, каменщики, плотники, слесари, стекольщики

и т.д. обязаны требовать уплаты не позже, чем в течение года по продаже товара или по исполнении работы. Это постановление вызвано тем, что когда допускалось взыскание старых долгов в том случае, если поставка товаров продолжалась, то имели место вторичные требования по уже уплаченным долгам. Но если до истечения года произведен расчет с покупателем и последний подписал счет, обязавшись уплатить его, то может пройти хоть тридцать лет, и долг все же сохраняет свою действительность и принимается ко взысканию⁴¹.

Савари имеет в виду главным образом, как видно из различных мест его книги, торговлю разного рода ценными тканями: шелковыми, бархатными, вытканными золотом и серебром, тонкими сортами сукна, кружевом, почему он и упоминает в первую очередь знать в качестве покупателей этих предметов роскоши. Как видно из его слов, придворные и дворяне имели привычку покупать все это в кредит и торговцу нелегко было получить свои деньги за проданные товары. Однако вместе с тем из того же *Савари* можно усмотреть, что кредит вообще, как по отношению к торговцам, так и потребителям, открывался в значительных размерах. Это видно также из приведенного ордонанса, вынужденного изменить прежние условия кредитования и установить годичный срок для действительных обязательств.

О степени распространенности продажи в кредит в Германии дает представление *Марпергер*, сочинение которого относится к 1714 г., и *Лудовици*, писавший в середине XVIII в. *Марпергер* говорит, что продажа на наличные — вещь простая; напротив, сбыт в кредит — дело весьма трудное, и «многие продавцы держатся принципа: кто хочет получить в долг, пускай приходит завтра, почему надо иметь сотни извинений наготове для тех, кому не желаете отпускать в долг; или же им прямо говорят, что продажа производится исключительно на наличные, и если покупатель желает получить товар, то пускай пришлет за ним, одновременно уплачивая деньги, тогда как у торговца нет никого, кого можно было бы впоследствии послать за деньгами»⁴².

Лудовици также советует торговцу в отношении долгов быть весьма осторожным и требовать в случае кредитования вещей в залог или поручительства, и хотя такие условия могут вызвать возмущение, но лучше выслушать неприятные слова, чем потом ходить за своими деньгами и кланяться, или ждать много лет, или добиваться уплаты судом. При этом предпочтительнее давать в долг людям простым или среднего состояния, чем людям высокого звания, так как от последних добиться чего-либо гораздо труднее, да они могут еще и притеснять торговца. И он повторяет те же слова о том, что торговец должен иметь тысячу извинений наготове, чтобы отбояриться от покупателей, падких до покупки в кредит. С другой стороны, он сообщает о том, что среди самих купцов существует обычай кредитовать до следующей ярмарки или на 3, 6, 12 и даже 14 месяцев, при-

⁴¹ Ibid. Т. I. P. 580—590.

⁴² *Marperger*. Notwendige und nützliche Fragen über die Kaufmannschaft. S. 53, 74, 196.

чем в случае более ранней уплаты делается уступка (рабатт) или вычет из цены⁴³.

Подробно останавливается на этом *Бюш*, указывая на то, что оптовый торговец вынужден отсрочивать платеж покупающим у него розничным торговцам и мануфактуристам, ибо те и другие, в отличие от (оптового) купца, не могут сразу сбыть свои товары; под мануфактуристом он понимает скупщика, который закупает сырье для раздачи его кустарям с целью переработки и лишь спустя много месяцев имеет возможность продать готовый товар. Отсюда возник, по-видимому, впервые в Нидерландах обычай у оптовых торговцев насчитывать розничным и мануфактуристам на цену товара $\frac{2}{3}\%$ в месяц, которые они могли сберечь в случае немедленной уплаты или же вынуждены были платить, если желали пользоваться кредитом на 4, 7 или 13 месяцев.

В настоящее время, продолжает *Бюш* (т.е. в конце XVIII в.), никому уже не придет в голову покупать на такой срок и платить такой процент, когда есть возможность получить деньги под 4—6% годовых. Месячный кредит всякий торговец дает другому, — до истечения месяца счета не посылают. Что же касается рассрочки на более продолжительное время, то таких установленных сроков, какие были прежде (на 4, 7, 13 месяцев), более нет, но торговец насчитывает всегда $\frac{1}{2}\%$ в месяц, которые затем скидывает с цены в случае немедленной или более ранней уплаты. *Бюш* жалуется на то, что расплата отсрочивается нередко на слишком продолжительный срок, например в Гамбурге обычно производитель (скупщик) текстильных изделий кредитует торговца на год. Правда, и последнему приходится долго ждать уплаты от покупателей, но ему это все же легче, чем мануфактуристу, которому еженедельно необходимо расплачиваться с рабочими (кустарями)⁴⁴.

Таким образом, как мы видим, кредитование в XVII—XVIII вв. широко распространилось, стало среди купцов обычным явлением. Оптовый торговец давал товары в кредит розничному — это считалось в порядке вещей, — и притом давал их на годичный и более срок, но и розничный торговец вынужден был соглашаться на уплату ему потребителем по истечении продолжительного срока, не только годичного, но и гораздо большего, получавшегося ввиду неисправности покупателей. Это кредитование публики вызывало много неудобств для торговца, но избежать его, по-видимому, было немислимо, хотя и указывалось, как мы говорили, на опасность такого кредита. Вообще, были еще люди старого закала даже в Англии, которые противопоставляли этому образу действия «похвальный» способ торговать на наличные.

Как же выполнялись самые обязательства? И при кредитовании расчет мог производиться на наличные, т.е. путем уплаты по истечении срока деньгами, — нередко это делалось на следующей ярмарке. Или же расплата

⁴³ *Ludovici*. Grundriss eines vollständigen Kaufmanns-Systems. § 93, 143, 180.

⁴⁴ *Büsch*. Zusätze zu einer theoretisch-praktische Darstellung der Handlung. Bd. I. S. 197—202.

совершалась посредством компенсции (зачета) взаимных требований — сконтрации («ресконтра»), клиринга; лишь постепенно распространяются вексельные операции. К векселям (переводным), правда, уже с XVI в. прибегали в широких размерах для расчетов по товарным операциям (в пределах Западной Европы), но пользование ими затруднялось вследствие того, что (до появления передаточной надписи) получатель по векселю (ремитент) должен был явиться лично к лицу, на которое был выставлен вексель (трассату), и получить у него указанную на векселе сумму. Бывали случаи, когда человек, находившийся в Болонье и получивший вексель на банкира, жившего в Венеции, вынужден был совершать путешествие из Болоньи в Венецию, чтобы получить там деньги по векселю. Купец Лион в г. Гонфдере (на юге Франции) получает вексель от купца в Дьеппе, но отправляет его обратно, ибо в данное время ему не нужны деньги в Дьеппе. По этой причине обычно векселя являлись «ярмарочными», вексельный оборот сосредоточивался на ярмарках, ибо на ярмарку ездил и трассат (плательщик по векселю), и ремитент (получатель); здесь они встречались, здесь мог происходить и зачет взаимных требований по векселям. Но так как и эти лица не всегда являлись на одну и ту же ярмарку и так как необходимо было производить платежи и вне ярмарок, то приходилось обращаться к посредникам, у которых имелись связи с различными местами и которые в состоянии были в разных городах производить платежи по векселям, а в других предъявлять их к уплате.

Таким посредником и являлся банкир, на имя которого трассировались (выставлялись) векселя (так что он производил по ним уплату) и который трассировал на других лиц векселя (получая по ним уплату). В этом и заключалась роль банкира в те времена. Его определяли в качестве «купца, производящего вексельные операции», как «торговца, профессией которого является давать или получать деньги по векселям, чтобы приносить пользу не только своим ближним, но и себе, и своим». Поэтому банкирам необходимо было иметь связи везде и повсюду, поэтому и обращались главным образом к банкирам, производившим свои операции в крупных центрах.

Положение в значительной мере изменилось, а вексельные операции⁴⁵ расширились по мере того, как стала входить в употребление передаточная надпись (индоссамент) — *girata*, или *endossement* (ибо во Франции она делалась на оборотной стороне векселя — *en dos, in dorso*). Посредством такой надписи делалась уступка переводного векселя кредитором другому лицу. Благодаря передаточной надписи теперь вместо одного должника имеется два и более (по числу бланконадписателей), ответственных за уплату долга. Кроме того, вексель до оплаты его переходит несколько раз из рук в руки, служит платежным средством. В Венеции индоссамент был запрещен в 1593 г. и, по словам *Гольдшмидта*, встречается впервые в 1600 г. на

⁴⁵ О пользовании векселями в торговле с Америкой см.: *Sayous. Les échanges de l'Espagne sur l'Amérique au XVI siècle // Revue d'économie politique. 1927. Sayous. Les procédés de paiement et la monnaie dans l'Amérique espagnole du XVI siècle // Revue économique internationale. 1927. Nov.*

одном неаполитанском векселе. Но неаполитанский закон 1607 г. запрещает индоссировать больше одного раза и требует засвидетельствования нотариусом подписи индоссанта. Эти ограничения сильно затрудняли передачу векселя и вызывались, по-видимому, борьбой банкиров с новым институтом, делавшим их посредство излишним. Но индоссамент все же победил. Безусловно, без всяких ограничений было признано вексельное жиро в Голландии в 1651 г., и в том же XVII в. оно появляется в Лионе; первоначально французский указ 1654 г., а затем ордонанс 1673 г. (тит. V о векселях) устанавливает правила индоссамента.

Конечно, и до появления индоссамента купец мог, если он не в состоянии был ждать до наступления срока уплаты по векселям, передать за известное вознаграждение права по векселю другому лицу, в особенности если в тексте векселя имелась прибавка относительно «приказа» (уплатите такому-то или его приказу). В этом случае ему выдавалась третьим лицом теперь же вексельная сумма с удержанием из нее известного процента, в зависимости от промежутка времени между моментом уступки векселя и сроком платежа. Однако и прибавка относительно «приказа» давала возможность передачи векселя только один раз, почему отыскать лицо, которое согласилось бы взять вексель, было нелегко, ибо дальше сбыть вексель оно уже не могло, а ему приходилось выжидать до наступления срока уплаты, нередко и ехать за получением ее в другое место. Кроме того, такая передача векселя все-таки производилась не иначе как на основании специального акта, в котором указывалось, что передается он только для получения платежа или же, напротив, в собственность.

Самая передаточная надпись уже ранее применялась на различных документах, в особенности на платежных приказах, и отсюда эта форма *girata* уже была перенесена и на вексель.

Существовали уже ранее различные кредитные бумаги, являвшиеся расписками банкиров в получении известной суммы, передача которых, производившаяся ранее путем особого документа, прилагаемого к кредитной бумаге, совершалась теперь упрощенным путем — посредством надписи, делаемой на самой кредитной бумаге. От такого индоссирования кредитных бумаг (*polize*), происходившего в Италии в XVI в., перешли к индоссированию векселя⁴⁶.

В связи с передаточной надписью вексель широко распространяется в Англии в XVII и в особенности в XVIII в. Англичанин Малинс (в *Lex Mercatoria XVII v.*) насчитывает 24 чуда, производимые векселем, среди которых возможность разбогатеть и все же жить спокойно, не подвергаясь опасностям моря и путешествий; далее, в любом месте земного шара, с которым совершаются вексельные операции, давать в ссуду деньги, производить коммерческие операции при помощи кредита, не владея капиталом, переводить деньги туда, куда этого желает государь, тем более что

⁴⁶ *Schaps. Zur Geschichte des Wechselindossaments.* S. 78 ff., 86 ff. Федоров. История векселя. С. 485 сл. Катков. Передача векселя по надписи. С. 28—37. Табашников. Прошлое векселя. 1891.

он за это платит. Другой автор, *Томас Мэн*, в 1664 г. («Treasury of Foreign Trade») подробно разбирает эти «чудеса», «доставляющие могущество банкиру и превращающие якобы вексель в какого-то Колдуна».

В Англии же распространяется в связи с индоссаментом и учет векселей у банкиров, т.е. получение у банкира суммы, означенной на векселе, с вычетом известного процента и с переводом векселя (при помощи передаточной надписи) на имя банкира. Это давало возможность торговцу, отпустившему в кредит товары, получить помещенный в них капитал обратно раньше, чем наступит срок платежа должником по векселю.

Такой учет векселей производил Английский банк — из $4\frac{1}{2}\%$ по английским векселям и из 6% по иностранным. Учетом векселей занимались в Англии и частные банкиры; *Дефо* именует их «черной шайкой воров», которые за свой сомнительный промысел берут 10, 15 и даже 20 %, и вообще находит учет «скандальным обычаем». Учет входит в состав операций «*Banco dei depositi*»; в Швеции в конце XVIII в. был учрежден специальный учетный банк.

В Германии вообще в начале XVIII в. еще советовали относиться к передаточной надписи осторожно и находили, что на векселе должно быть не более трех надписей такого рода, причем уплата по векселю не может производиться неизвестному лицу; в случае же если трассату предъявитель векселя незнаком, то другие лица должны удостоверить, что он является именно тем, на чье имя совершена передаточная надпись⁴⁷.

Тем не менее и в Германии появляются дисконтеры, частные лица, которые «не имеют случая или желания заниматься торговыми операциями», возникают и «учетные кассы»; но их называли «чумой для торговли», и еще к концу XVIII в. *Бюш* писал, что 50 лет тому назад еще мало учитывалось векселей на Гамбургской бирже и купцы находили вредным для своего кредита учитывать свои векселя. За последние же полвека, прибавляет он, торговые обороты настолько оживились, что и солидный купец усматривает для себя убыток в том, чтобы деньги его хотя бы один день лежали без движения⁴⁸.

В связи с отрицательным отношением к учету векселей находится и рассказываемый *Бюшем* в конце XVIII в. случай о купце, который, умея хорошо подделывать подписи других лиц, сочинял от их имени векселя, делал и передаточные надписи от имени разных лиц, а свою прибавлял в качестве последнего индоссанта, а затем предъявлял вексель к учету; дисконтер, доверяя известным именам, имевшимся на векселе, охотно учитывал его. Затем он просил дисконтера оставить у себя вексель до наступления дня платежа, так как он не желает, чтобы другие знали, что он учитывает свои векселя, и действительно всегда исправно производил уплату до истечения срока. Тайна эта каким-то образом обнаружилась, но он не пострадал, ибо он мог предоставить дисконтерам в залог столь большие запасы товаров,

⁴⁷ *Sperander. Sorgfältiger Negoziant. 1712.*

⁴⁸ *Büsch. Zusätze zu einer theoretisch-praktische Darstellung der Handlung. Bd. I. S. 93.*

что им нечего было опасаться за выданные суммы; а «где нет жалобы, нет и суда».

Появились даже так называемые «Kellerwechsel». Они якобы трассированы в другом месте на Гамбург, имена трассанта и ремитента вымышлены, участники делают на векселе свои передаточные надписи и затем производят учет векселя. До истечения срока совершается платеж по векселю, предварительно же фабрикуется другой подобного же рода документ. Дело дошло до того, что оказались векселя, которые не имели складки, указывающей на то, что они пересланы в письме. Были векселя, отправленные якобы из Бордо, но предъявленные в Гамбурге спустя четыре дня после составления их, хотя почта из Бордо шла несравненно дольше. Такими способами торговцы, не имевшие кредита, при помощи индоссаumenta создавали его себе. Впрочем, тот же *Бюш* рассказывает, что такие же векселя на несколько сот тысяч фунтов стерлингов, якобы трассированные в Гамбурге, появились и в Лондоне, где они были сочинены и учтены банком. Это вызвало много шума, но министр признался, что этим средством он воспользовался, чтобы спешно добыть крупную сумму⁴⁹.

Существенную роль в развитии кредита играли и перемены в законодательстве о ссудном проценте. В предшествующую эпоху, как мы видели, взимание процента считалось греховным и запрещалось не только церковью, но и государством, хотя на практике, как мы указывали, оно было широко распространено. В рассматриваемый же период был сделан значительный шаг вперед в виде принципиального допущения процента, с установлением лишь известной максимальной нормы, выше которой запрещалось брать. В Нидерландах он установлен был в размере 5% в 1640 г. и 4% в 1655 г. В Англии появляется такой указанный рост в 1545 г., причем он был определен в 10%, но в 1624 г. дозволенный максимум понижен до 8%, а в 1652 г. до 6%. И во Франции был установлен в 1601 и в 1627 гг. указанный рост в 6% (под угрозой конфискации капитальной суммы). В действительности, впрочем, эти постановления обходились различными способами, и, как указывает Локк, в его время в Нидерландах можно было заключить договор на любых условиях. В Англии упомянутые выше золотых дел мастера (банкиры) в XVII в. взимали 33% и более с частных лиц, даже с казны они брали 12% и более.

При этом любопытно, что купцы, вынужденные прекратить свои платежи, ищут убежища в монастырях, избегая этим путем тюремного заключения; жестокое конкурсное право того времени рассматривало ведь и добросовестного банкрота как преступника; монастыри же пользовались правом убежища. Так, аугсбургский купец Георг Неймайр, обанкротившийся в 1572 г., бежал во фридбергский монастырь, а спустя три года в другой монастырь в Изни. В 1565 г. обратило на себя большое внимание банкротство другого аугсбургского купца, Маркварда Розенбергера; он искал убежища в монастыре Св. Ульриха в Аугсбурге; когда же по требованию его влиятельных кредиторов аббат этого монастыря вынужден был запретить ему

⁴⁹ Ibid. S. 142.

дальнейшее пребывание там, он отправился в монастырь соседнего города Фридберга. Насколько такой образ действия был распространен, можно усмотреть из того, что в 1560 г., когда кредит аугсбургской фирмы Цангенмейстер пошатнулся, тотчас же распространился слух, что глава ее скрылся в монастыре. Банкротство этой фирмы вызвало гибель и одноименного товарищества в Меммингене, и глава последнего отправился в монастырь Св. Духа, находившийся в этом городе. Когда владельцы фирмы наследники Цейлнер в 1595 г. не могли расплатиться по векселям, предъявленным к уплате на Франкфуртской бирже, они также искали убежища в монастыре. Тогда же аугсбургское купеческое общество постановило, что все купцы, «абсентирующие из-за долгов и бегущие в монастырь», исключаются из общества. Но еще за полвека до того в одном постановлении магистрат Аугсбурга заявляет, что среди купечества обнаруживается вредный обычай при неплатежеспособности искать убежища в монастырях и, уже там находясь, вступать в переговоры с кредиторами, благодаря чему им удавалось добиться отсрочки платежа долгов на продолжительное время, а также значительной скидки с последних. Такой купец-банкрот нередко брал с собой все бумаги в монастырь; об этом доводят в 1617 г. до сведения г. Аугсбург члены конкурсного управления по долгам Ганса Крона, а в имперское постановление 1577 г. включена статья о купцах-банкротах, обязывающая все учреждения, в которых они находятся, взятые ими с собою деньги, драгоценности, бумаги и документы затребовать у них и передать суду на хранение в интересах кредиторов. Благодаря этому документы оказались в архивах различных монастырей, там нашлось много ценного по истории торговли. Бывало и так, что находящимся в убежище купцам посылали торговые книги, чтобы они могли составить баланс. Так поступал г. Аугсбург и советовал это сделать и Меммингену. В Англии мы находим такое бегство банкротов в монастыри еще раньше — уже в XIV в. они скрывались, в особенности в Вестминстерском аббатстве и в монастыре Св. Мартына. Статут 1380 г. уже пытается с этим бороться⁵⁰.

⁵⁰ *Strieder*. Klosterarchive und Handelspapiere // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. XV. 1919. Reiss-Journal und Glücks- und Unglückssole von Joh. Zetzner (1677—1735). S. 110.

Т. Б. Маколей

**СОСТОЯНИЕ
МОНЕТЫ**

**В АНГЛИИ
В КОНЦЕ XVII в.**

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

ГЛАВА 1

ОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЗВОНКОЙ МОНЕТЫ

Искреннее содействие палаты общин было очень нужно тогда королю: необходимость требовала принять меры против зла, медленно возраставшего и возросшего уже до страшного размера. Серебряная монета, бывшая тогда законной основной монетой, находилась в таком состоянии, которое ужасало самых смелых и самых просвещенных тогдашних государственных людей¹.

До Карла II наша монета чеканилась по способу, остававшемуся еще от XIII столетия. Эдуард I вызвал искусных мастеров из Флоренции, которая в его время была то же сравнительно с Лондоном, что во время Вильгельма III Лондон был сравнительно с Москвой. Много поколений инструменты, введенные тогда в наш монетный двор, продолжали служить почти без перемен. Металл резали ножницами, потом округляли куски молотом и выбивали на них штемпель также молотом. Тут много зависело от руки и глаза работника. Неизбежно некоторые монеты выходили имевшими несколько больше, другие — несколько меньше точного количества металла; лишь немногие из монет выходили совершенно круглые, и монета не имела коймочки по ободу. Поэтому с течением времени плуты нашли, что обрезывание монеты — самое легкое и самое выгодное из всех мошенничеств. При Елизавете уже найдено было нужным постановить, чтоб обрезыватель монеты подвергался такому же наказанию, какое было издавна определено поддельвателю монеты, — смертной казни². Но ремесло обрезывания монеты не могло быть убито подобными мерами, потому что было слишком выгодно, и около времен Реставрации [1660 г.] все стали замечать, что очень многие из попадавшихся в руки крон, полукрон и шиллингов несколько обрезаны.

То было время, изобильное опытами и изобретениями по всем отраслям науки. Явился проект важного улучшения в способе давать круглоту монете и выбивать на ней штемпель. В лондонском Тауэре поставили машину, которая в значительной степени заменяла ручную работу. Машину вертели лошади, и механики нашего времени, конечно, назвали бы ее грубой и слабой. Но все-таки монеты, выходившие из нее, принадлежали к лучшим в Европе. Подделывать их было трудно. А круглота их была совершенно правильная, и вдоль края шла надпись; потому нечего было опасаться

¹ Много драгоценных материалов по истории этого дела нашел я в рукописи Британского музея (Landsdowne Collection, № 801), имеющей заглавием: *Brief Memoirs relating to the Silver and Gold Coins of England, with an Account of the Corruption of the Hammered Money, and of the Reform by the late Isrand Coinage at the Tower and the Country Mints, by Hopton Haynes, Assay Master of the Mint.*

² Stat. 5 Eliz. C. 11 и 18 Eliz. C. 1.

обрезки³. Монеты ручной работы и машинной работы обращались вместе; казна брала их в уплату одинаково; потому одинаково брала и публика. Тогдашние финансисты, кажется, ожидали, что монета нового чекана, очень хорошая, скоро вытеснит из обращения монету старого чекана, сильно попорченную. Но каждый неглупый человек должен был бы сообразить, что если казна принимает равноценными полновесную и легкую монету, то полновесная не вытеснит легкую из обращения, а сама будет вытеснена ею. Обрезанная корона в Англии считалась, при уплате налога или долга, за такую же, как машинная необрезанная. Но если перелить в кусок или перевезти через канал машинную корону, то она оказывалась стоившей гораздо больше обрезанной. Потому со всей той несомненностью, какая возможна в предсказаниях о вещах, зависящих от человеческой воли, можно было бы предсказать, что плохая монета останется на том рынке, который один принимает ее по одинаковой цене с хорошей, а хорошая монета будет принимать такую форму или уходить в такое место, в которых будет получаться выгода от ее высшего достоинства⁴.

Но тогдашние политические люди не догадались сделать этих простых соображений. Они изумлялись тому, что публика по странной нелепости предпочитает употреблять легковесную монету, а не употребляет хорошей. Иначе сказать, дивились тому, что никто не хочет платить 12 унций серебра, когда можно произвести уплату 10 унциями. Лошади в Тауэре продолжали ходить по своему кругу. Телеги за телегами с хорошей монетой продолжали выезжать с монетного двора; а хорошая монета по-прежнему исчезала тотчас же, как выходила в обращение. Она массами шла в переливку, массами шла за границу, массами пряталась в сундуки; но почти невозможно было отыскать хоть одну новую монету в конторке лавочника или в кожаном кошельке фермера, возвращавшегося с рынка. В получениях и платежах казначейства машинные деньги составляли не больше 10 шиллингов во 100 фунтах ($\frac{1}{2}\%$). Один из тогдашних писателей упоминает о случае, что купец в сумме 35 фунтов получил только одну полукорону машинной монеты. Между тем ножницы обрезывателей работали без устали. Поддельватели денег также размножились и наживались, потому что чем хуже становилась монета, тем легче было подделывать ее. Больше 30 лет это зло все росло. Сначала на него не обращали внимания; наконец оно стало невыносимым бедствием для страны. Напрасным оставалось строгое исполнение строгих законов против обрезывания и подделки монеты. Каждую сессию Олд-Бейлийский суд делал страшные примеры наказания. Каждый месяц на Голборн-Гилл были

³ Pepys's *Diary*, Nov. 23. 1663.

⁴ Первый писатель, заметивший тот факт, что если хорошая монета выпускается в обращение вместе с плохой, то плохая вытесняет хорошую, был Аристофан [ок. 446—385 до н.э.]. Он, кажется, думал, что предпочтение его сограждан к легковесной монете надобно приписывать испорченному вкусу, вроде того, какой влек их поручать важные дела людям, подобным Клеону и Гиперболу. Но если его политико-экономическая теория не выдерживает критики, то стихи его превосходны: «При нашей демократии дурные граждане ценятся выше добрых. Так и плохая монета остается в обращении, а хорошая исчезает».

отправляемы целые партии по 4, по 5, по 6 человек, уличенных в обрезывании или подделке денег. Однажды разом были повешены 9 человек мужчин и сожжена женщина за обрезывание денег. Пользы не было никакой. Огромность выгоды перевешивала для преступников опасность дела. Один из них предлагал дать 6000 гиней казне, если король простит его. Казна отвергла взятку; но молва о богатстве казенного больше возбудила подражать ему, чем запугало его наказание⁵. Строгость наказания даже служила ободрением к преступлению. Обрезывание денег, при всей своей вредности для общества, не представлялось публике таким возмутительным, как убийство, поджог, разбой, даже воровство. Все обрезыватели вместе приносили нации громадный вред; но преступление каждого из них в отдельности было ничтожно. Отдать полукрону не такой, как она получена, а обрезав с нее на полпенни серебра, — это казалось мелким, почти незаметным проступком. Даже в самое жаркое время ропота нации на испорченность денег каждый казнимый за участие в их порче имел на своей стороне всеобщее сожаление. Констебли неохотно задерживали преступников; мировые судьи неохотно предавали их уголовному суду; свидетели неохотно делали показания; присяжные неохотно произносили слово «виновен». Напрасно объяснялось публике, что обрезыватели денег приносят гораздо больше зла, чем все разбойники и воры вместе. В своей сложности зло от них было очень велико; но лишь ничтожная доля его приписывалась каждому из них. Потому вся нация будто сговорилась мешать действию закона. Приговоров о наказании было много; но сравнительно с числом преступлений они были редки, и приговоренные преступники считали себя несправедливо убиваемыми людьми, в твердом убеждении, что их проступок — если стоит называть его проступком — такой же простительный, как проступок школьника, тайком собирающего орехи в лесу соседа. Все красноречие напутствовавшего их священника редко убеждало последовать полезному обычаю, по которому другие казнимые публично признавали перед смертью ужасность своего преступления⁶.

⁵ Дневник Нарцисса Лоттрелля наполнен этими казнями. «Le metier de rogneur de monnoye, — говорит Лермитаж, — est si lucratif et parolt si facile que, quelque chose qu'on fasse pour les detruire, il s'en trouve toujours d'autres pour prendre leur place». 1/11 окт. 1695 г.

⁶ Очень любопытное свидетельство о сострадательности общества к обрезывателям монеты — проповедь, сказанная в присутствии лорда-мэра Флитвудом (впоследствии епископом илайским) в декабре 1694 г. По словам Флитвуда, «гибельная слабодушная кротость уменьшает бдительность начальств, удерживает полицейских, обольщает присяжных, связывает язык свидетелям». Он говорит и о трудности убедить самого обрезывателя, что он преступник. См. также проповедь, сказанную Джорджем Галли в эдинбургской цитадели нескольким обрезывателям накануне их казни. Галли говорит, что обрезыватели вообще идут на казнь не раскаявшись, и старается пробудить совесть своих слушателей. Он доказывает преступность их дела соображением, которое мне без него не пришло бы в голову. «Если бы теперь предложить вопрос, какой был предложен древле: чей образ есть и написание? — мы не могли бы отвечать, как отвечали Спасителю тогда. Мы можем еще догадываться, чей портрет на монете; а не можем видеть по надписи, чей он: надпись пропала», — так рассуждает Галли. Свидетельство его и Флитвуда подтверждается Томом Брауном, шутливо рассказывающим разговор между священником Ньюгетской тюрьмы и обрезывателем. Приличие не позволяет приводить здесь этот рассказ.

Зло развивалось с быстротой, все увеличивающейся. Наконец, осенью 1695 г. дело было в таком положении, что Англия, в практическом отношении, не имела, можно сказать, денег определенной ценности. Получая за вещь монету, на словах обозначающуюся именем шиллинга, человек получал на самом деле 10 пенсов, 6 пенсов, 4 пенса, как случится. Результаты опытов, деланных тогда, заслуживают того, чтобы упомянуть их. Чиновники казначейства однажды взвесили 200 фунтов стерлингов монеты старого чекана, принятой казной. В 200 фунтов стерлингов следовало быть больше 220 000 унций; оказалось меньше 114 000 унций⁷. Правительство пригласило троих купцов прислать для такого же опыта по 100 фунтов стерлингов серебряной монеты, находившейся в обращении. В 300 фунтах стерлингов следовало быть около 1200 унций весу. Оказалось только 624 унции. Такие же опыты делались в провинциях. Оказалось, что 100 фунтов стерлингов, в которых следовало быть около 400 унций, весили: в Бристоле 240 унций, в Кембридже 203, в Эксетере 180, а в Оксфорде только 116 унций⁸. Но еще оставались на севере местности, куда только что начинала проникать обрешанная монета. До нас дошли записки честного квакера, жившего в одной из этих местностей; он говорит, что когда он поехал на юг, купцы и содержатели гостиниц с изумлением смотрели на ценные и полновесные кроны и полукроны, которыми он расплачивался, и спрашивали его, из каких он мест, где можно иметь такие деньги. Гинея, которую он купил за 22 шиллинга в Ланкастере, оказывалась имевшей новую ценность на каждой новой его остановке. В Лондоне ему сказали, что она стоит 30 шиллингов и стоила бы больше, если бы правительство не назначило, что не будет считать гиней выше этой цены при приеме платежей⁹.

Зло, происходившее тогда от испорченности монеты, не принадлежит к разряду тех бедствий, которые считаются достойными подробного рассказа в истории. Но все зло, которое терпела Англия в течение четверти столетия от дурных королей, дурных министров, дурных парламентов и дурных судей, едва ли равнялось тому злу, которое делали ей в один голос дурные кроны и дурные шиллинги. События, которые годятся быть прекрасными темами для патетического или негодующего красноречия, не всегда события, имеющие наиболее важности для жизни нации. Неблагодарность правительств Карла и Иакова, как ни была велика, не мешала общему ходу жизни непрерывно улучшаться. Честь и независимость государства продавались иностранному государю, отнимались права, обеспеченные формальными грамотами, нарушались основные законы страны; а между тем сотни тысяч мирных, честных и трудолюбивых семей спокойно и безопасно работали и промышленяли, обедали и ложились спать. Виги или тори, протестанты или иезуиты господствовали в правительстве — все равно фермер гнал скот на рынок, лавочник продавал коринку на пудинги,

⁷ Lowndes's *Essay for the Amendment of the Silver Coins*, 1695.

⁸ L'Hermitage, 29 нояб./ 9 дек. 1695.

⁹ Мемуары этого ланкастерского квакера напечатаны несколько лет тому назад в «Manchester Guardian», одной из лучших провинциальных газет Англии.

магазинщик продавал сукно, покупщики и продавцы шумно хлопотали по городам, весело праздновалась жатва по деревням, доились коровы в графстве Честерском, делалась яблочная шипучка в графстве Герфордском, обжигалась фаянсовая посуда на Тренте, катились грузы каменного угля по деревянным настилкам на Тейне. Но когда испортилось великое орудие обмена, то парализовалась всякая работа, всякая промышленность. Зло ежедневно, ежечасно чувствовалось повсюду почти каждым человеком, на ферме и на поле, в кузнице и у ткацкого станка, на океане и в рудниках. При каждой покупке был спор из-за денег; у каждого прилавка шла брань с утра до ночи. Работник и хозяин ссорились каждую субботу, как приходил расчет. На ярмарках, на базарах только и слышались крик, упреки, ругательства; и хорошо, если день обходился без разбитых лавочек, без разбитых голов¹⁰. Купец, отпуская товар, условливался о том, какими деньгами получить уплату. Даже коммерческие люди путались в хаосе, которому подверглись все денежные расчеты. Жадность беспощадно грабила людей простых и беспечных, и ее требования с них росли быстрее даже того, чем уменьшалось достоинство монеты. Цены первых потребностей, обуви, эля, овсяной муки быстро росли. Пришедши купить хлеба или пива, работник видел, что монета, полученная им за шиллинг, оказывалась не стоившей и половины шиллинга. Где были многочисленные группы довольно образованных мастеровых, как, например, на Чатамской верфи, там рабочие люди добивались того, что их выслушивали и до некоторой степени избавляли от притеснения¹¹. Но беспомощный невежда, сельский работник, жестоко страдал, получая деньги от хозяина по счету, между тем как лавочник брал их у него только по весу. Почти так же страдало несчастное сословие тогдашних литераторов. Каково было положение безвестных писателей, можно судить по отношениям Драйдена к книгопродавцу Тонсону. Письма Драйдена к нему дошли до нас. Однажды Томсон прислал Драйдену 40 медных шиллингов, и нечего говорить о том, как обрезаны были остальные. В другой раз он заплатил Драйдену такими плохими деньгами, что никто не брал их, требуя уплаты гинеями, считая гинеею в 29 шиллингов. «Я жду хорошего серебра, а не такого, какое вы мне прислали в прошлый раз», — говорил он в одном письме. «Если у вас есть такое серебро, которое будут брать, моя жена будет очень рада ему, — говорит он в другом письме. — Я потерял шиллингов 30 или больше в вашем прошлом платеже 50 фунтов». Эти жалобы и просьбы, сохраненные для нас только знаменитостью поэта, писавшего их, конечно, были бледные образцы переписки, которой долгое время были наполнены все почтовые чемоданы Англии.

Среди общего стеснения наживалось одно сословие — банкиры; а из банкиров ни у кого не было такого искусства или счастья, как у Чарльза Донкомба. За несколько лет он был не очень богатый серебряк и, вероятно, ходил, по обычаю серебряков, под аркады биржи упрашивать с низкими поклонами коммерческих князей Сити оказать ему честь поручить свои

¹⁰ Lowndes's *Essay*.

¹¹ L'Hermitage, 24 дек./3 янв. 1695 г.

касси. Но теперь он так ловко пользовался выгодами, представляемыми меняле запутанностью денежной цены, что купил за 90 000 фунтов Гелмзлейское поместье в северном округе Йоркского графства, между тем как все купцы королевства жаловались на чрезвычайный упадок своих дел. Поместье, которое он купил, было некогда пожаловано палатой общин Англии победоносному главнокомандующему парламентской армии Ферфаксу и составляло часть приданого, которое принесла дочь Ферфакса блестящему моту Буккингему. Растратив в безумном чувственном разгуле великие дары, которыми наградили его природа и счастье, Буккингем удалился в это поместье, увидевшее лишь ветхие развалины блистательной красоты и блистательного ума своего владельца, который тут и кончил свою бурную жизнь в плохой комнате, на плохой постели, описанных бессмертными стихами великого сатирика следующего поколения. Огромное поместье перешло в другие руки, и через несколько лет дворец, великолепнее и богаче всех дворцов, в которых жила блестящий Буккингем, поднялся среди прекрасных лесов и вод, которые принадлежали некогда ему, а теперь принадлежали человеку еще недавно неизвестному, Донкомбу.

Со времени Революции парламент уже много рассуждал о плохом состоянии денежной системы. В 1689 г. палата общин назначила комиссию для исследования этого вопроса, но комиссия не представила доклада. В 1690 г. новая комиссия представила доклад в том смысле, что громадные количества денег вывозятся за границу евреями, «которые делают все, дающее выгоду», говорил доклад. Предлагались разные меры для поощрения ввоза и уменьшения вывоза благородных металлов. Один за другим вносились и оставались без движения нелепые билли. Наконец, в начале 1695 г., зло приняло такой грозный размер, что палаты занялись им серьезно. Но единственным результатом их совещаний был новый уголовный закон, от которого они ждали, что он прекратит обрезывание монеты старого чекана, переплавку в слитки и вывоз за границу монеты нового чекана. Назначено было 50 фунтов награды за донос на обрезывателя, определено давать прощение тому обрезывателю, который донесет на двух других, определено класть клеймо на щеку тому, у кого найдены будут ножницы, служащие для обрезывания, или пилочки, служащие для обтирания монеты. Назначены были особые комиссары следить за переплавкой монеты, с правом делать обыски. Постановлено, что если найдется в доме или в лавке серебряный слиток, то владелец обязан доказать, что слиток этот не сделан им через переплавку монеты, а если не может доказать этого, то подвергается тяжелым взысканиям. Закон этот, как и следовало бы предвидеть, оказался совершенно безуспешен. По его принятии, летом и осенью 1695 г., монета продолжала все больше обрезываться, и жалобы во всех частях королевства все усиливались.

Но, по счастью для Англии, в числе ее тогдашних правителей были люди, понимавшие, что промышленные и торговые болезни не излечиваются ни вешанием, ни клеймением. В последнее время серьезно занялись вопросом об испорченности монеты четыре замечательных человека, тесно связанные между собой политической и личной дружбой. Двое из них были госу-

правильности в денежном обращении. Его план в существенных чертах совершенно сходен с тем, который, через некоторое время, был подробно изложен и отлично защищен Локком.

Прежде всего являлся вопрос, без всякого сомнения возбуждавший много трудных соображений: не следует ли отложить дело до окончания войны? Какой способ ни избрать для восстановления правильности в денежном обращении, потребуются большие пожертвования или от частных людей, или от казны. Требовать этих жертв в такое время, когда нация уже и без того платит налоги, возможности которых никто не поверил бы десять лет тому назад, было вещью очень опасной. Робкие политические люди думали, что лучше отложить дело. Но великие предводители виггов, обдумавшие все, были убеждены, что надобно рискнуть, или потери будут слишком громадны. Особенно сильно настаивал Монтегю; говорят, он выразился, что надобно или вылечить, или убить. Если бы можно было надеяться, что зло только останется в настоящем размере, а не будет расти, то, действительно, лучше было бы отложить до заключения мира опыт, который потребует великих усилий от общества. Но зло росло с каждым днем, почти заметно глазу. В 1694 г. перечеканку монеты можно было сделать вдвое легче, чем в 1696 г.; и как ни трудна она в 1696 г., но станет вдвое труднее, если отложить ее до 1698 г.

Люди, говорившие, что надобно отложить дело, не столько затрудняли Монтегю и Сомерза, как другие, которые также желали немедленной перечеканки, но хотели, чтобы новый шиллинг был на пятую или четвертую долю легче прежнего. Главным из них был Виллиам Лоундз, секретарь казначейства, депутат местечка Сифорда в палате общин, очень хорошо и усердно исполнявший свою должность в казначействе, но знакомый больше с ее обязанностями, чем с общими принципами государственных наук. Он совершенно не понимал того, что кружок металла с портретом короля — товар, цена которого подчинена тем же законам, какие определяют цену куска металла в форме ложки или башмачной пряжки; что, назвав крону фунтом, парламент точно так же не увеличит количество богатства в государстве, как не увеличит количество земли в нем, если назовет ферлонг (восьмую часть мили) целой милей. Он — немислимое дело — серьезно полагал, что если из унции серебра делать 7 шиллингов, вместо прежних 5, то иностранцы будут отдавать нам вино и шелк за меньшее число унций серебра, чем прежде. У него было много последователей; половина их были глупцы, верившие всякому его слову, половина — пройдохи, которым было бы очень выгодно получить право уплатить 80 унциями серебра долг в 100 унций. Если бы мысль Лоундза восторжествовала, ко всем другим бедствиям нации прибавилось бы бедствие конфискации в огромном размере; кредит, еще находившийся в слабом и хилом младенчестве, был бы убит, и очень мог бы возникнуть всеобщий мятеж в армии и флоте. К счастью, рассуждения Лоундза были совершенно опровергнуты Локком в записке, составленной для Сомерза. Записка эта показалась чрезвычайно хороша Сомерзу, и он пожелал, чтобы она была напечатана. Она стала основанием всех соображений для всех просвещенных политических людей Англии,

и до сих пор ее можно читать с удовольствием и пользой. Сильная и ясная аргументация Локка действует тем убедительнее, что очень ярко выказывается его исключительная заботливость только об истине, и что он чрезвычайно великодушен и деликатен к противнику, который несравненно слабее его. Известный астроном Фламстид удачно определил сущность этого спора, сказав, что он идет о том, действительно ли правда, что 5 только 5, а не 6¹³.

Во всем этом Сомерз и Монтегю совершенно соглашались с Локком, но несколько расходились с ним во мнении о том, какой способ избрать для уничтожения обрезанной монеты. Локк, подобно Дедлею Нортю, советовал обнародовать извещение, что, начиная с такого-то числа, монета старого чекана будет принимаема только по весу. Выгоды такого способа были очевидны и велики. Он был самый простой и в то же время самый сильный. Из всех возможных эта мера в одну минуту совершила бы то, чего не могли сделать обыски, штрафы, клеймение, вешание и сожигание людей. Она прекратила бы обрезывание монеты старого чекана и переплавку новой в слитки. Массы полновесных денег пошли бы в обращение из сундуков и тайных ящичков за панелями. Обрезанные деньги постепенно были бы отдаваемы на монетный двор и выходили бы из него в новом чекане, при котором нельзя обрезывать монету. В недолгое время все испорченные монеты заменились бы хорошими, и во все время этого важного замещения не чувствовалось бы недостатка в монете.

Эти соображения были важны; авторитет Локка и Норта также важен. Но нельзя не сказать, что их план имел слабую сторону, которую видели и сами они, но которой давали они слишком мало важности. Замена плохой монеты хорошей было выгодой для всей нации. Почему же убытки, которыми приобреталась она, должны ложиться не на всю нацию вообще, а на отдельных частных людей? Было очень полезно возвратить точное значение словам «фунт» и «шиллинг», определенность ценам имущества, условиям продажи и покупки. Но справедливо ли было принимать для этого меру, результатом которой было бы, что фермер, накопивший 100 фунтов для уплаты ренты, торговец, накопивший 100 фунтов для уплаты за товар, взятый в долг, вдруг увидели бы свои 100 фунтов обратившимися только в 60 или 50 фунтов? Этот фермер, этот торговец не были виноваты, что их кроны и полукроны неполновесны. В этом было виновато общее положение дел. Зло, происшедшее от положения дел в государстве, должно исправляться на счет государства; явной несправедливостью было бы складывать эти убытки на отдельных людей, виноватых лишь тем, что правительству удобно сложить убытки на них. Как несправедливо было бы потребовать, чтобы лесные торговцы несли все издержки на поправку военного флота, или оружейники снабжали на свой счет оружием фландрскую армию, так же несправедливо было бы производить замену обрезанных денег хорошими

¹³ Lowndes's *Essay for the Amendment of the Silver Coins*; Locke's *Further Considerations concerning Raising the Value of Money*; Локк к Молину, 20 нояб. 1695; Молину к Локку, 24 дек. 1695.

на счет людей, в руках которых случилось обрезанным деньгам находиться в данную минуту.

Локк говорит, что ему очень неприятны потери, падающие на отдельных людей в случае принятия его плана. Но ему казалось, что это меньшее из двух зол. Легко принять принцип, что вся нация должна нести потери, требуемые для замены испорченных денег хорошими, но трудно было найти средство применить этот принцип к делу без больших неудобств и рисков. Объявить ли, что всякий, кто до истечения годичного или полугодичного срока принесет на монетный двор обрезанную крону, получит за нее крону нового чекана, и что убыток от разницы веса той и другой кроны берет на себя нация? Это значит назначать премию обрезавателям монеты. Их ножницы начнут работать усерднее прежнего. Легковесные деньги с каждым днем будут становиться легковеснее; недочет в металле, который должен быть покрыт налогами, станет на миллион фунтов стерлингов больше настоящего, и весь этот миллион пойдет в награду обрезавателям. Если же назначить для внесения обрезанных денег короткий срок, уменьшится и убыток от дальнейшего обрезаywania; но тогда представляется другая опасность. Серебро будет поступать на монетный двор гораздо быстрее, чем он может выпускать новую монету, и на несколько месяцев будет недостача в монете.

Сомерз придумал очень смелое средство, и Вильгельм одобрил его: объявление о замене старых денег новыми надобно приготовить в величайшей тайне и обнародовать его одновременно во всех частях королевства. Это объявление будет состоять в том, что с того же дня деньги старого чекана принимаются только по весу; но всякий имеющий такие деньги приглашается представить их начальству в запечатанном мешке; на это дается три дня срока. Деньги будут рассмотрены, сосчитаны, взвешены и возвращены владельцу с билетом, дающим ему право, через известный срок, получить из казны количество новой монеты на сумму разницы между весом серебра, бывшим в его деньгах, и весом, какой следовало бы иметь этому количеству денег¹⁴. Принятием этой меры прекращалось обрезаywanie, переплавка, отправка за границу и убытки; замена плохой монеты хорошей ложилась, сообразно справедливости, на всю нацию; недостаток в монете ограничивался очень недолгим промежутком: обрезанные деньги вынимались из обращения лишь на такое время, какое было нужно, чтобы пересчитать и взвесить их, потом возвращались в обращение, и перечекалка шла постепенно, без заметного перерыва или стеснения торговых оборотов. Но вместе с этими удобствами был и риск, которым решился пренебречь Сомерз, но которого натурально пугались государственные люди менее возвышенного образа мыслей: способ, который Сомерз предлагал своим товарищам, был самый безопасный для государства, но вовсе не для них. Для успеха его плана необходима была внезапность исполнения; исполнение не могло быть внезапно, если просить и ждать утверждения парламента; а принимать меру такой страшной важности без предварительного утверждения парламента

¹⁴ Burnet, II. 147.

значило подвергать себя опасности парламентского порицания, предания суду, тюрьмы, гибели. Король и Сомерз были одни в целом совете; даже Монтегю боялся такой ответственности, и было решено не делать ничего без одобрения парламента. Монтегю взялся предложить в палате общин план, не свободный от опасностей и неудобств, но, вероятно, самый лучший из всех, какие, по его мнению, можно было провести через парламента.

ГЛАВА 2

АНГЛИЙСКИЙ БАНК

Устраняя дефицит на 1694 г., Монтегю успел создать великое учреждение, которое продолжает процветать донныне, по прошествии полутора веков, и которое еще при жизни Монтегю успело стать крепкой поддержкой для партии вигов во всех переменах счастья и оплотом протестантской династии в опасные времена.

В царствование Вильгельма [1689—1702 гг.] еще живы были старики, помнившие время, когда не было ни одного банкира в Лондоне. Еще во время Реставрации каждый купец держал деньги в своей квартире, и когда представляли ему вексель к уплате, отсчитывал кроны и карловики на своей конторке. Но увеличение богатства привело к своему натуральному следствию, разделению труда. К концу царствования Карла II [1685 г.] вошел в обычай у лондонских купцов новый способ производить и получать уплаты. Явились особые агенты, взявшие на себя обязанность хранить деньги торговых домов. Эта новая отрасль коммерческого дела натуральным образом досталась на долю серебрянков, которые уже и прежде вели большие обороты по торговле золотом и серебром и у которых были такие подвалы, где массы драгоценных металлов были безопасны от пожаров и от воров. Все платежи звонкой монетой стали производиться в лавках серебрянков Ломбард-стрит. Другие торговцы выдавали и получали только векселя.

Эта важная перемена торгового обычая произошла не без оппозиции и больших порицаний. Купцы старого века горько жаловались, что люди, 30 лет тому назад ограничивавшиеся своим делом и наживавшие хороший барыш продажей чеканенных серебряных кубков и блюд джентльменам, продажей ювелирных вещей светским дамам, продажей пистолей и талеров господам, отправляющимся на континент, стали казначеями и быстро становятся господами всего Сити. Эти ростовщики ведут рискованные спекуляции на деньги, выработанные трудом и накопленные бережливостью других, говорили старики: если спекуляция удалась, плут, держащий кассу, становится миллионером; если не удалась, глупец, положивший деньги в его кассу, становится банкротом. Но другие горячо выставляли удобства нового обычая. Он делает экономию и в деньгах, и в труде, говорили они. При нем два конторщика, сидящие в одной конторе, исполняют работу, которой, по старому способу, заняты были 20 конторщиков в 20 конторах. Вексель серебрянка удобно переходит из рук в руки десять раз в одно утро, и таким образом 100 гиней, лежащие в его кладовой подле биржи, исполняют обороты, на которые прежде было нужно 1000 гиней, разрозненных по кассам в разных концах города¹.

¹ См., например: *The Mystery of the Newfashioned Goldsmiths or Brokers, 1676; Is not the Hand of Joab in all this?* 1676, и ответ на эту брошюру того же года. См. также: *England's Glory in the great Improvement by Banking and Trade*, 1694.

Мало-помалу уступили господствующему новому обычаю даже самые упрямые порицатели его. Долше всех держался против него, странно сказать, сэр Дедлей Норт. Когда в 1680 г. он, прожив много лет за границей, возвратился в Лондон, то самой удивительной и неприятной из новостей, найденных им в столице, был обычай производить платежи выдачей векселей на банкиров. Когда он шел на биржу, его встречали перед ней серебряки, с низкими поклонами говорившие, что почтут за честь служить ему. Он выходил из себя, когда знакомые спрашивали его, где у него касса. «Где ей быть, как не у меня в доме?» — спрашивал он их. Едва могли убедить его, чтобы он поручил свою кассу одному из «ломбардцев (*Lombard Street men*)», как их тогда звали. К несчастью, этот ломбардец обанкротился, и некоторые из имевших с ним счета потерпели большой убыток. Дедлей Норт потерял только 50 фунтов; но этот убыток укрепил в нем нелюбовь к ремеслу банкиров. Однако же напрасно убеждал он своих сограждан возвратиться к прекрасному старому обычаю и не подвергать себя опасности полного разорения из-за того, чтобы сложить с себя небольшие хлопоты. Он был один против всего коммерческого мира. Удобства новой системы каждую минуту каждого дня чувствовались каждым лондонским негоциантом, и люди не имели охоты отказываться от этих удобств из опасения несчастий, случавшихся редко, как не имели охоты отказываться от постройки домов из опасения пожаров или от постройки кораблей из опасения штурмов. Любопытно то обстоятельство, что человек, который как теоретик превосходил всех негоциантов своего времени широтой взгляда и отрешенностью от старых предрассудков, превзошел на практике всех негоциантов того времени упрямством, с каким держался старого коммерческого обычая, когда уже самые недалекие и невежественные рутинисты давно бросили этот обычай для нового, удобнейшего в обществе, имеющем большую торговлю².

Когда банкирство сделалось особенной и важной отраслью коммерческого дела, скоро начали сильно рассуждать о том, надобно или не надобно желать, чтобы учрежден был национальный банк. Сколько можно видеть теперь, общее мнение было решительно в пользу такого банка, а натурально: тогда еще почти никто не понимал, что торговля вообще ведется с большей выгодой отдельными людьми, чем большими компаниями; а кроме того, банкирство и действительно составляет исключение из этого правила: большие компании могут вести его с такой же выгодой, как и отдельные лица. Уже было два национальных банка, давно славившихся по всей Европе: Генуэзский Георгиевский банк и Амстердамский банк. Повсюду занимательным предметом разговоров было то, какое огромное богатство хранится в этих учреждениях, каким полным доверием они пользуются, как они полезны, как непоколебима их прочность, выдержавшая все испытания коммерческих кризисов, войн, революций. Георгиевский банк существовал уже почти 300 лет. Он начал принимать вклады и делать ссуды, когда Колумб еще не переплывал Атлантического океана, когда Гама еще не огибал мыса Доброй Надежды, когда в Кон-

² См.: *Life of Dudley North*, написанную его братом, Роджером.

стантинополе еще царствовал император христианской веры, когда в Гренаде еще царствовал султан мухаммеданской веры, когда Флоренция была республикой, когда Голландия повиновалась наследственному государю. Все переменялось с той поры. Открыты были новые континенты и новые океаны; турок вошел в Константинополь, кастильянец — в Гренаду; Флоренция получила государя, Голландия стала республикой; но Георгиевский банк по-прежнему принимал вклады и выдавал ссуды. Амстердамскому банку было еще только 80 лет с небольшим, но его прочность уже выказалась тяжелыми испытаниями. Даже в старший кризис 1672 г., когда вся Рейнская дельта была в руках французов, когда с вершины амстердамской ратуши был виден белый флаг Людовика, оставалось, среди всеобщего отчаяния и смятения, одно место, сохранявшее обычный порядок и спокойствие; это место было — банк. Почему Лондонский банк не будет таким же могущественным и прочным, как Амстердамский и Генуэзский? В конце царствования Карла II уже предлагались, разбирались и были предметом горячих споров разные проекты, как учредить банк. В одних памфлетах доказывалось, что национальный банк должен находиться под управлением короля; в других доказывалось, что управлять им должны лорд-мэр, олдермены и городской совет Лондона³. После Революции вопрос о банке стали разбирать с удвоенной горячностью: под влиянием свободы класс политических прожектеров чрезвычайно размножился. Правительству предлагались сотни проектов, из которых иные походили на фантазии ребенка или грезы горячечного. Между политическими фокусниками, суетливо толпившимися каждый день в аванзалах палаты общин, особенно отличались Джон Бриско и Хью Чамберлейн, прожектеры, достойные диплома членов той академии, которую Гулливер нашел в Лагадо. По их словам, универсальным лекарством против всех немощей государства будет Поземельный банк. Поземельный банк сделает для Англии чудеса, каких никогда не было совершаемо и для народа израильского, чудеса поудивительнее ниспослания перепелов и манны. Не нужно будет никаких налогов для государства: без всяких налогов казначейство будет полно денег. Не нужно будет собирать налог для бедных, потому что вовсе не будет бедных. Доход каждого землевладельца удвоится, прибыль каждого купца увеличится. Коротко сказать, наш остров будет, по выражению Бриско, «раем Земного шара». Потеряют только займодавцы, эти злейшие враги нации, наделавшие джентльменам и йоменам столько вреда, что недостало бы жестокости у французской вторгнувшейся армии делать англичанам такое разорение⁴.

³ См. памфлет под заглавием *Corporation Credit; or a Bank of Credit, made Current by Common Consent in London, more Useful and Safe than Money.*

⁴ *A Proposal by Dr. Hugh Chamberlayne, in Essex Street, for a Bank of Secure Current Credit to be founded upon Land, in order to the General Good of Landed Men, to the great Increase of the Value of Land, and the no less Benefit of Trade and Commerce, 1695; Proposals for the supplying their Majesties with Money on Easy Terms, exempting the Nobility, Gentry, etc., from Taxes, enlarging their Yearly Estates, and enriching all the Subjects of the Kingdom by a National Land Bank; by John Briscoe. "O fortunatos nimium bona si sua norint Anglicanos". Third Edition, 1696. Бриско, кажется, столько же смыслил в латинской литературе, сколько и в политической экономии.*

Поземельный банк произведет эти благодатные действия просто-напросто тем, что выпустит громадные массы билетов под залог земель. Таков был проект Бриско и Чамберлейна. Они доказывали, что каждый землевладелец должен, в прибавление к своему поместью, получить сумму бумажных денег на полную ценность этого поместья. Например, если его поместье стоит 2000 фунтов, то в его распоряжении должно быть, сверх этого поместья, 2000 фунтов бумажными деньгами⁵. И Бриско, и Чамберлейн с величайшим презрением отзывались о возражении, не упадут ли билеты в цене при таком громадном выпуске их. Как могут они упасть в цене, пока на каждый билет в 10 фунтов существует кусок земли в 10 фунтов? Никто не скажет, говорили они, что векселя серебряка могут упасть в цене, пока его подвал содержит массу гиней и крон на полную цену выпущенных им векселей. Да ни у кого из серебряков даже и нет в подвале массы гиней и крон на полную цену всех его векселей. А разве квадратная миля богатой тонтонской земли не имеет такого же права на имя богатства, как кусок золота или серебра? Бриско и Чамберлейн принуждены были признаваться, что многие имеют предубеждение в пользу благородных металлов, и что поэтому, если их банк будет подчинен обязательству разменивать свои билеты на золото и серебро, то он скоро прекратит платежи; но это неудобство они устраняли предложением, чтобы билеты были неразменны на звонкую монету и чтобы всякий был обязан брать их вместо звонкой монеты.

Рассуждения Чамберлейна о ненужности размена бумажных денег на звонкую монету могут найти себе сторонников даже и в наше время. Но, кроме всех других ошибок, он делал еще одну такую, которой не делал никто ни до него, ни после него. Он умел сумасбродно считать за аксиому, что ценность имущества прямо пропорциональна числу лет, в какое будет давать оно доход, и основывал на этом все свои соображения. Например, если доход с известного поместья 1000 фунтов, то отдача этого поместья во владение на 20 лет имеет ценность 20 тысяч фунтов, а отдача его во владение на 100 лет — ценность 100 тысяч фунтов. Потому, если владелец этого поместья закладывает его в банк на 100 лет, банк может немедленно выдать под этот залог 100 000 фунтов. В этом пункте на Чамберлейна не действовали ни насмешки, ни резоны, ни даже арифметические выклад-

⁵ Для подтверждения моих слов приведу несколько строк из проекта Бриско: «Положим, что у какого-нибудь джентльмена весь доход — только 100 фунтов; а между тем у него жена и четверо детей. Если бы даже и не брали налога с его поместья, все-таки этому джентльмену надобно быть большим экономом, чтобы доставало у него денег на прожиток с таким семейством; а нечего уж и думать ему откладывать деньги на пристройку детей в свете. А по предлагаемому мною способу он может дать каждому из своих детей по 500 фунтов, и у него с женой на прожиток останется 90 фунтов дохода, и этот доход он тоже завещает кому хочет из своих детей после себя и своей жены. Потому что по оценке его дохода в 100 фунтов он получит, по предложениям 1 и 3, векселя на сумму 2000 фунтов, которые может употребить, как ему надобно; а процентов по этим векселям только 10 шиллингов со 100 фунтов (50 коп. со 100 руб.), как сказано в предложении 22; значит, с 2000 фунтов. Только 10 фунтов, и если вычтем их из его дохода, составляющего 100 фунтов, остается ему чистых 90 фунтов». Стоит замечания, что эта нелепица имела три издания.

ки. Ему напоминали, что при продаже поместья на вечную собственность за него дают сумму только в 20 раз годовичного дохода с него; что поэтому утверждать, будто при залоге его на 100 лет оно стоит суммы в 5 раз большей 20-годовичного дохода с него, значит говорить, что ценность временного владения им в течение 100 лет в 5 раз больше ценности полного владения им на всю будущность, иначе говоря, значит утверждать, что 100 в 5 раз больше бесконечного числа. Возражавших ему это он опровергал словами, что они ростовщики, и кажется, что многие сельские джентльмены находили такое опровержение совершенно достаточным⁶.

В декабре 1693 г. Чамберлейн предложил палате общин свой проект во всей его голой нелепости и просил быть выслушанным палатой. Он смело обещался давать 8000 фунтов под залог всякого поместья, дающего 150 фунтов дохода, влагаемого, как он выражался, в его банк, оставляя при этом владельца хозяином поместья⁷. Каждый сквайр в палате должен был знать, что поместье, дающее 150 фунтов дохода, едва-едва может найти себе покупателя за 3000 фунтов. Каким же образом, не продавая этого поместья, можно получить за него 8000 фунтов? Кажется, самому невежественному псовому охотнику легко было бы понять, что это нелепица. Но нужда в деньгах и вражда к правительству делала сельских джентльменов легковверными. Они вытребовали, чтобы назначена была комиссия для рассмотрения проекта Чамберлейна, и комиссия представила доклад, что проект удобоисполним и выгоден для нации⁸. Но между тем серьезные доводы и насмешки уже стали оказывать свою силу и над невежественнейшими сельскими джентльменами палаты. Доклад был оставлен без внимания, и страна избавилась от бедствия, сравнительно с которым Ланденское поражение и гибель смирского флота были бы неважны.

Но не все прожектеры того богатого проектами времени были так сумасбродны, как Чамберлейн. В числе их был Уилльям Петерсон, проницательный, если не всегда осторожный, мыслитель. Из его прежней жизни мы знаем почти только то, что он был шотландец и некоторое время жил в Вест-Индии. Он был миссионером, по словам его друзей, флибустьером, по словам врагов. Судя по всему, природа дала ему избирательный ум, пылкий

⁶ См.: Chamberlayne's *Proposal*, его же *Positions supported by the Reasons explaining the Office of Land Credit* и его же *Bank Dialogue*. См. также прекрасное возражение ему *A Bank Dialogue between Dr. II. C. And a Country Gentleman*, 1696, и *Some Remarks upon a namelles and scurrilous Libel entitled a Bank Dialogue between Dr. II. C. And a Country Gentleman, in a Letter to a Person of Quality*.

⁷ *Commons' Journals*, Dec. 7. 1693. Я боюсь, что меня заподозрят в преувеличении нелепой стороны этого проекта. Потому приведу важнейшее место самой просьбы Чамберлейна: «По отношению к собственникам, влагающим свои земли в этот банк, предлагается следующее: за каждые 150 фунтов дохода, отдаваемые в залог на 150 лет, но в обеспечение платежа только на 100 лет по 100 фунтов. В год собственник получает 4000 фунтов кредита по текущему счету и сверх того пай в 2000 фунтов по компании рыболовства; сверх того, другие 2000 фунтов предоставляются в распоряжение парламента на ведение настоящей войны. Собственник никак не лишается владения заложенным помещьем, пока исправно вносит вышесказанные годовичные платежи».

⁸ *Commons' Journals*, Feb. 5. 1693/4.

характер и большую способность внушать свои убеждения другим; а где-то в своей страннической жизни он превосходно изучил бухгалтерию.

В 1691 г. он представил правительству проект национального банка; проект был хорошо принят и государственными людьми, и негоциантами. Но прошло два-три года, и все еще ничего не было сделано до весны 1694 г., когда явилась необходимость найти какой-нибудь новый источник для покрытия расходов. Тогда Монтегю серьезно взялся за проект бедного и безвестного шотландского авантюриста. Ближайшим помощником Монтегю был Майкл Годффри, брат сэра Эдмондсбери Годффри, печальная и загадочная смерть которого произвела за 15 лет до того страшный взрыв народных страстей. Майкл Годффри был один из умнейших, честнейших и богатейших торговых князей Лондона. Он, как и следует ожидать по его родству с мучеником протестантов, был усердный виг. Его сочинения, дошедшие до нас, показывают в нем человека с сильным и светлым умом.

Монтегю и Годффри стали горячо хлопотать об осуществлении проекта Петерсона, Монтегю — в палате общин, Годффри — в Сити. При комитетском рассмотрении бюджета доходов палата одобрила проект, и в нее внесен был билль, заглавие которого послужило источником для множества сарказмов. И точно, нелегко было отгадать, что «Билль об учреждении новой пошлыны с корабельных грузов в обеспечение тех лиц, которые дадут в заем суммы, потребные для ведения настоящей войны», что это билль, создающий величайшее из всех когда-либо существовавших коммерческих учреждений.

Билль говорил, что правительство займет 1 200 000 фунтов под 8%, — проценты, считавшиеся тогда умеренными. Чтобы привлечь капиталистов быстро дать деньги на условиях, столь выгодных для нации, заимодавцам дается право составить корпорацию, которая будет называться «Управляющий и Компания Английского Банка». Эта корпорация не будет иметь никакой привилегии и не будет иметь права вести какие бы то ни было коммерческие обороты, кроме торговли векселями, звонкой монетой и драгоценными металлами и просроченными кредитными бумагами.

Когда публика узнала об этом намерении, началась бумажная война, не уступавшая яростью полемике между присягнувшими и неприсяжниками или между Старой и Новой Ост-Индскими компаниями. Проектеры, планы которых не были приняты правительством, набросились как бешеные на своего более счастливого товарища. Все серебряки и ростовщики подняли яростный вопль. Недовольные тории предрекали погибель престолу. Замечательно, что банки и короли никогда не уживались вместе, говорили они. Банки — республиканское учреждение. Венеция, Генуя, Амстердам, Гамбург имеют цветущие банки; но кто когда слыхивал о французском или испанском банке?⁹ Недовольные виги, наоборот, предрекали погибель свободе. Банк — это такое орудие тирании, которое страшнее всякой Верховной комиссии, Звездной палаты, страшнее даже 50 000 солдат Кромвелля, говорили они. Все богатство нации будет в руках «Грузового банка» (*Tonnage Bank*) — так тогда называли его в насмешку, — а «Грузовой банк»

⁹ *Account of the Intended Bank of England, 1694.*

будет в руках короля. Власть над бюджетом, эта великая гарантия всех прав англичанина, перейдет от палаты общин к управляющему и директорам новой компании. Эта последняя мысль, действительно, заслуживала внимания, и сами составители проекта признавались в том. Поэтому очень благоразумно была прибавлена к биллю статья, запрещающая банку давать ссуды короне без решения парламента; за нарушение этого спасительного правила постановлялся штраф в три раза больше суммы, данной в заем, и определялось, что король не может простить банку нисколько из этого штрафа.

С этим исправлением билль прошел через палату общин легче, чем следовало ждать, судя по горячей полемике его противников. Но парламент действовал по внушению необходимости. Нужно было достать деньги, и не было другого средства достать их. Нам неизвестен ход совещаний во время комитетского заседания палаты; но во время формального заседания не было ни одного раздела голосов.

Однако ж, и перешед в верхнюю палату, билль еще мог встретить задержку. Некоторые из лордов предполагали, что национальный банк придуман с целью усилить класс капиталистов на счет класса землевладельцев. Другие находили, что каков бы ни был сам по себе этот проект, палата общин не должна была представлять его палате пэров в форме денежного билля. Полезно ли создавать корпорацию, которая раньше или позже может приобрести владычество над всем торговым миром, и какое устройство дать ей — это вопросы, которые должны быть решены не одной палатой общин, говорили они. Палата пэров также не должна иметь полную свободу рассмотреть все подробности предложенного плана, предлагать изменения в нем, просить конференций. Потому палата общин сделала очень дурно, прислав палате пэров билль об учреждении банка в форме билля, дающего деньги короне. Якобиты надеялись, что сессия кончится ссорой между палатами, что билль о банке будет отвергнут и что Вильгельм останется без денег для похода. По новому стилю был уже май месяц. Лондонский сезон кончился; многие аристократические семейства уже уехали с Ковент-Гардена и Сохо-Сквер в свои поместья. Но были разсланы приглашения уехавшим пэрам возвратиться; они быстро приехали; опустевшие скамьи снова наполнились; заседания начинались чрезвычайно рано, оканчивались чрезвычайно поздно. Когда билль рассматривался в комитетском заседании, прения шли без всякого перерыва с 9 часов утра до 6 вечера. Председательское место занимал Годольфин. Ноттингам и Рочестер предлагали вычеркнуть все статьи, относившиеся к банку. Было говорено об опасности учреждать такую гигантскую корпорацию, которая скоро может стать сильнее короля и парламента. Но, кажется, всего больше действовали на пэров те опасения, которыми грозили им как землевладельцам. Противники билля говорили, что банк учреждается с целью обогатить ростовщиков на счет аристократии и джентльменов: люди, у которых есть свободные деньги, найдут теперь более удобным вносить их в банк, чем отдавать под залог земель за умеренные проценты. Кермартен не говорил ничего или почти ничего в защиту билля, и это естественно, потому что билль был делом его соперников

и врагов. Он согласился, что есть важные неудобства в средстве, выбранном палатой общин для покрытия расходов наступившего года; но неужели господа пэры станут изменять денежный билль? Говорил он. Неужели они вступят в борьбу, которая должна кончиться тем, что они принуждены будут уступить или принять на себя тяжелую ответственность за беззащитность Английского канала [Ла-Манша], который останется летом без флота? Эти доводы восторжествовали, и при разделе голосов изменение было отвергнуто большинством 43 против 31. Через несколько часов билль получил королевское согласие, и в заседаниях парламента был объявлен перерыв¹⁰.

В Сити проект Монтегю имел полный успех. В то время получить миллион фунтов под 8% было не легче, если не труднее, чем было бы ныне получить 30 миллионов под 4%. Полагали, что взносы пойдут очень медленно, и потому акт займа назначил долгий срок для подписки на него. Это оказалось излишним. Помещение денег, представляемое новым займом, казалось всем так выгодно, что в тот же день, когда открыта была подписка, она дошла до 300 000 фунтов; в следующие два дня прибавилось еще 300 000; а через десять дней, к восторгу всех друзей правительства, подписка была объявлена конченной. Вся сумма, которую должна была корпорация Английского банка внести в казначейство, была внесена до истечения срока взноса первой доли ее¹¹. Сомерз с радостью приложил большую печать к грамоте, составленной на основаниях, предписанных парламентом, и Английский банк начал свои операции в доме общества торговцев колониальными товарами. Публика долго видела тут директоров, секретарей и конторщиков работавшими в разных частях обширной залы. Число служащих в банке сначала было только 54 человека. Теперь их 900. Сумма жалованья им тогда была только 4350 фунтов. Теперь она более 210 000 фунтов. Из этого можно заключить, что среднее жалованье служащему в торговом доме в царствование Виктории почти в три раза больше, чем было в царствование Вильгельма III¹².

Скоро видно стало, что Монтегю, искусно воспользовавшись финансовым затруднением государства, оказал своей партии громадную услугу. В продолжение поколений банк отличался усердным вигизмом. Это усердие было делом не случая, а необходимости. Он был бы принужден тотчас же прекратить платежи, как только перестал бы получать проценты по ссуде, данной правительству; а Иаков не стал бы платить ни фартинга. Через 17 лет по учреждении банка Аддисон в одной из умнейших и грациознейших своих аллегорий описывал положение этого великого учреждения, через которое постоянно проходило огромное богатство Лондона. Ему виделось, что кредит сидит на престоле в зале торговцев колониальными товарами; над

¹⁰ См. *Lords' Journals*, April 23, 24, 25. 1694 и письмо Лермитажа к генеральным штатам, 24 апреля/4 мая.

¹¹ *Narcissus Luttrell's Diary*, June 1694.

¹² *Heath's Account of the Worshipful Company of Grocers; Francis's History of the Bank of England*.

головой у него грамота банка, перед глазами у него — акт возведения Вильгельма на престол. Все превращается в золото от его прикосновения. Позади его до самого потолка навалены мешки с деньгами. Направо и налево от него возвышаются пирамиды из гиней. Вдруг отворяется дверь. Врывается претендент, с губкой в одной руке, в другой со шпагой, которой грозит акту, отдавшему корону Вильгельму. Кредит в обмороке падает с престола. Волшебная сила, с которой обращалось в сокровища все вокруг него, исчезает. Груда мешков падает вся на самый пол: они пусты; пирамиды гиней превращаются в кучи тряпья и щеп¹³. Истина, высказывавшаяся этой аллегорией, постоянно была в памяти директоров банка. Их интерес был так тесно связан с интересом правительства, что чем сильнее была опасность государству, тем сильнее было их усердие помогать ему. Прежде, когда казначейство было пусто, когда налоги собирались медленно, когда выдача жалованья солдатам и матросам была просрочена, канцлер казначейства ходил со шляпой в руке по Чипсайду и Корнгиллю, в сопровождении лорда-мэра и олдерменов, и выпрашивали в заем 100 фунтов у этого чулочника, 200 фунтов у этого железнозаводчика¹⁴. Теперь этого уже не было. Правительству не нужно было хлопотливо собирать деньги по мелочам из разных рук: оно могло брать, сколько ему было нужно, из огромного, постоянно полного резервуара, в который вливались все источники. Можно сказать, что в течение многих лет сила банка, неизменно бывшего за вигов, почти уравнивала силу Англиканской церкви, также неизменно бывшей за ториев.

¹³ Spectator, №3.

¹⁴ Proceedings of the Wednesday Club in Friday Street.

Э. Кеммерер

**ЗОЛОТО
И ЗОЛОТОЙ
СТАНДАРТ**

**История
золотых денег:
прошлое, настоящее
и будущее**

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

После завершения войны перед нашим миром встанет проблема восстановления монетарных систем и наведения порядка в одолевающем нас монетарном хаосе. У различных монетарных стандартов найдутся свои приверженцы, а ожесточенность дебатов будет не уступать их поучительности. Уже самые первые дискуссии по этому вопросу должны внести свой вклад в формирование разумного общественного мнения. С намерением посильного участия в этом деле мной и была написана данная книга.

Среди претендентов на главную роль в мировых монетарных системах первых послевоенных лет видное место будет занимать золотой стандарт, который, несмотря на все испытанные им невзгоды и превратности, в силу своих прошлых заслуг все равно имеет хорошие шансы стать законным наследником.

В ходе нижеследующей дискуссии мы попытаемся вкратце осветить вопрос происхождения и историю золотых денег и золотого стандарта, ключевые принципы золотого стандарта, его достоинства и недостатки и в общих чертах обрисовать проект будущего международного золотого стандарта.

При подготовке этой книги мне помогали друзья — слишком многочисленные, чтобы перечислять всех в короткой вступительной заметке. Тем не менее я обязан сделать исключение и выразить особую благодарность д-ру Луису Уэсту и профессору Филипу Хитти из Принстона за их ценные соображения по поводу истории денег в древние времена, а также моему сыну профессору Дональду Кеммереру из Иллинойского университета и профессору Оскару Моргенстерну из Принстона, прочитавших рукопись и высказавших много полезных замечаний и предложений, большинство из которых были мной учтены.

*Эдвин Уолтер Кеммерер
Принстон, Нью-Джерси
Октябрь 1944 г.*

ГЛАВА 1

МЕСТО ЗОЛОТЫХ ДЕНЕГ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА И В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Говорите о современниках без презрения,
а о древних — без обожания; судите о них
по их достоинствам, а не по их эпохе.

Лорд Честерфилд, 1748 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Золотой стандарт в своей «ортодоксальной форме» является продуктом XIX в. Однако своими корнями он уходит в далекое прошлое. В настоящей главе мы в общих чертах осветим первоначальные этапы использования золота в качестве денег¹, т.е. в качестве общепринятого средства обмена.

Золото по причине его красивого вида, повсеместного распространения, той легкости, с какой его можно добывать в реках примитивными методами «промывки», и простоты его обработки, вероятно, применялось как средство обмена в древнейшие времена², а также среди отсталых народов в нашу эпоху шире, чем любой другой металл.

Этот металл поначалу использовался в качестве денег в виде золотых самородков, золотых слитков в форме раковин, применявшихся также в качестве украшений, и золотого песка. В древней Мексике, в Африке и в других местах золото помещали в прозрачные стволы птичьих перьев, игравших роль стандартных средств платежа. В Китае золото обращалось в виде маленьких кубиков уже в 1100 г. до н.э. За сотни лет до начала новой эры средства обмена из золота были распространены в Малой Азии и на большей части Европы. В то время деньги обычно делались из почти чистого золота — по-видимому, делать из этого металла твердые сплавы с примесью других металлов научились только в начале нашей эры.

Древнейшие в письменной истории известные мне упоминания об использовании одного из благородных металлов в качестве средства обмена — в данном случае обращающегося по весу — находятся в законах Хам-

¹ Вкратце о происхождении, истории и определении денег см.: Edwin Walter Kemmerer, *Money*, pp. 3—16.

² Ср.: William Ridgeway, *The Origin of Metallic Currency and Weight Standards*, pp. 57—58.

мурапи³, царя Вавилона. В этих законах, составленных около 1870 г. до н.э., фигурирует серебро⁴.

Народы античной эпохи почти ничего не знали о деньгах своих древнейших предков. У них не было книг про деньги, а немногие доступные им письменные источники, зафиксированные преимущественно на камне или папирусе, представляли собой законы, указы и разрозненные заметки случайного содержания. Для нас важнейшими источниками, дошедшими из этих давних времен, являются сами деньги, сохранившиеся в большом количестве и хранящиеся во многих музеях мира, где их классифицируют и вносят в каталоги. Одних лишь уцелевших античных монет насчитывается десятки тысяч; а вес этих монет, материал, из которых они сделаны, их форма, а особенно нанесенные на них изображения и надписи несут в себе много ценной информации.

Благодаря тщательным исследованиям, проводившимся в течение многих поколений, сегодня мы знаем о монетах античной эпохи больше, чем знали сами древние. Разумеется, в хронологии дошедших до нас монет имеются многочисленные пробелы, так что история, которую рассказывают эти монеты, далеко не отличается полнотой. Она по-прежнему ставит перед нами много дискуссионных вопросов, решению которых посвящена обширная литература, но с каждым днем мы получаем на них все больше и больше ответов⁵.

ЧЕКАНКА ПЕРВЫХ МОНЕТ В МАЛОЙ АЗИИ

Первоначально чеканка представляла собой нанесение печати или клейма для маркировки металлических слитков, гарантировавших их качество или вес. Первые монеты, по-видимому, появились в странах восточного Средиземноморья в начале VIII в. до н.э.⁶ Ассирийский царь Сенаххериб

³ «Если кто выколол глаз свободному человеку или сломал кость свободному человеку, то он должен выплатить одну мину серебра» (§198). «Если лекарь сделал человеку операцию... он может получить 10 сиклей серебра» (§215). «Наемная плата мастерского... 5 шеумов серебра, наемная плата кирпичного мастера — 5 шеумов серебра...» (§274).

⁴ Подобно названиям многих других денежных единиц позднейших времен (таких как фунт, песо, лира) мина и сикль первоначально служили мерами веса. Мина была древнеавилонской единицей веса, а слово «сикль» (или «шекель», по-древнееврейски — «шегал») означало «весить»; сикль равнялся $1/60$ мины.

⁵ Очевидно, в такой небольшой книге не имеет смысла выходить за пределы рассмотрения самых элементарных фактов и принципов. В тех случаях, когда затрагиваются важные вопросы, вызывающие много разногласий, самое разумное, что нам остается — следовать за современными авторитетами, выдвигающими ответственные суждения, и предложить читателю избранную библиографию в конце главы, в которой перечисляется ряд важнейших исследований (в том числе и содержащих обширную библиографию).

⁶ W. H. Dubberstein, *Comparative Prices in Later Babylonia*, *American Journal of Semitic Languages and Literatures*, January 1939, pp. 20ff.

(705—681 гг. до н.э.) говорил: «Я сделал глиняную форму и лил в нее бронзу, подобно тому как отливают монеты в полсикля».

Многие древние монеты сделаны из электрона — природного сплава, состоящего примерно из трех частей золота и одной части серебра, который в больших количествах добывался в Лидии, из-за чего та называлась «страной золота». Поскольку золото трудно отделить от серебра, древние относились к электрону практически как к отдельному металлу. Первые монеты из чистого золота в Малой Азии, вероятно, делались из россыпного золота, добывавшегося в долине Окса или на Урале⁷. Монеты из электрона представляют собой древний пример того, что в наше время называется «симметаллизмом».

В моей коллекции имеется золотой дарик — одна из древнейших и самых знаменитых золотых монет в истории. Она сделана из почти чистого золота и по весу приблизительно равна нашей покойной американской золотой 5-долларовой монете*. Она выглядит как небрежно расплющенный золотой слиток с грубой чеканкой в виде лучника с луком и стрелой. Такие монеты выпускались примерно за 500 лет до н.э., во время правления персидского царя Дария Великого. Всего двумя поколениями раньше, в правление Креза, которое началось в 561 г. до н.э., в Малой Азии находились в обращении монеты, о которых Геродот писал: «Насколько я знаю, лидийцы первыми завели у себя золотые и серебряные монеты»⁸.

В те древние времена золотые и серебряные монеты несколько столетий обращались в условиях двойного (параллельного. — *Ред.*) стандарта. Роль золота повысилась в эпоху Александра Македонского благодаря организованной им массовой добыче этого металла в Пангейских рудниках⁹.

ЧЕКАНКА НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В гомеровские времена мерилom ценности в Греции служили коровы. По словам Риджуэя, «...меры веса впервые были введены применительно к золоту, а поскольку за единицу веса золота, как правило, принимали его величину, равную по стоимости корове или быку... то мерой веса в конечном счете стало количество золота, на которое можно было купить корову»¹⁰. Отголоском этого стало английское слово «pecuniary» («денежный») — производное от латинского «pecus», что означает «скот». Очень рано в качестве

⁷ Ridgeway, *op. cit.*, pp. 204—205.

* Книга вышла в 1944 г., а в 1933 г. Ф. Рузвельт конфисковал монеты и слитки у частных лиц и запретил обращение золотых монет в США.

⁸ Изображения некоторых древнейших монет, включая золотую монету Креза, можно найти в статье: William Atherton DuPuy, *The Geography of Money*, *The National Geographic Magazine*, December 1927, pp. 744—768.

⁹ A.R. Burns, *Money and Monetary Policy in Early Times*, p. 157.

¹⁰ Интересный рассказ о корове как единице ценности в различных странах и о влиянии этого факта на масштаб чеканенных единиц ценности в древности и в современности см.: Ridgeway, *op. cit.*, pp. 112—115, 124—154.

денег начала использоваться медь. Первый обол, очевидно, представлял собой медный прут или спицу; шесть таких прутков составляли «драхму», что в переводе значит «пригоршня»¹¹.

Первой золотой монетой, получившей хождение в собственно Элладе, был уже упоминавшийся персидский дарик или статир (от слова «взвешивать»), который весил около 130 гран [приблизительно 8,4 г. — *Пер.*] и широко использовался в течение нескольких столетий. Он никогда не подвергался порче и «около 200 лет оставался практически единственной золотой монетой как в Малой Азии и материковой Греции, так и в Персидской империи»¹². В библейские времена статир был известен и в Палестине.

Греки переняли золотые монеты у азиатов, но далеко не сразу начали чеканить золотую монету сами. Впервые в собственно Греции чеканка денег началась в Эгине, крупном торговом полисе. Серебряные монеты этого маленького островка и персидские золотые дарики имели широкое хождение в Великой Греции. Считается, что первым чеканить серебряные деньги в Афинах стал Солон. По-видимому, стоимость золотой и серебряной монеты определялась ценой содержащегося в них металла. При этой системе двойного стандарта серебряные монеты были распространены гораздо шире, чем золотые, но последние играли важную роль во внешней торговле, а также при заключении крупных сделок внутри страны и в качестве денежных запасов при храмах. Во время войн и в прочих экстренных случаях объемы чеканки увеличивались за счет переплавки золотых статуй и украшений, предоставлявшихся главным образом храмами.

В начале IV в. до н.э. в придачу к серебряной родосской монете начался выпуск золотых статиров, и эта двойная эмиссия золотых и серебряных монет продержалась¹³ вплоть до смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э.

В греческом мире изредка вводился официальный курс обмена монет из одного металла на монеты из другого металла. Обменный курс время от времени корректировался, а сами монеты перечеканивались, чтобы дешевый или переоцененный металл не вытеснял из обращения более дорогой или недооцененный в соответствии с законом Грэшема¹⁴.

Приблизительно в начале IV в. до н.э. мы сталкиваемся с примером порчи монеты, аналогичным тому, что происходило у нас в Америке в 1933—1934 гг.¹⁵ Сиракузский тиран Дионисий, задолжавший огромные суммы гражданам города и не имевший достаточных средств, чтобы расплатиться с ними, потребовал под страхом смерти доставить ему всю городскую монету, которую затем перечеканил, приписав каждой драхме ценность

¹¹ William Warrand Carlile, *The Evolution of Modern Money*, p. 31.

¹² Burns, op. cit., p. 160.

¹³ Ridgeway, op. cit., p. 339.

¹⁴ По-видимому, принцип закона Грэшема был известен в Древней Греции. Аристотель писал в «Лягушках» (ок. 405 г. до н.э.): «При нашей демократии дурные граждане ценятся выше добрых. Так и плохая монета остается в обращении, а хорошая исчезает». О законе Грэшема см. прим. на с. 162.

¹⁵ Ср. с. 158—160.

двух драхм. Таким образом он смог и расплатиться с долгами, и вернуть все деньги, доставленные на монетный двор по его приказу¹⁶.

Вскоре после смерти Александра Великого единая аттическая денежная система, существовавшая на территории его империи, начала распадаться. Вследствие этого, по словам М. Ростовцева, вплоть до покорения греческого мира римлянами «преемники [Александра] продолжали чеканить его монету, но каждый для себя и от своего имени. Чеканка собственной монеты служила одним из признаков и символов политической независимости, была мощным инструментом политического влияния и пропаганды и приносила значительный доход. В ходе дальнейшего распада империи Александра монета становилась все более разнообразной: свои деньги чеканило каждое суверенное государство, будь то монархия или город»¹⁷.

РОЛЬ ЗОЛОТА В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ДРЕВНЕГО РИМА

В раннюю историческую эпоху на италийских землях золото играло менее важную роль в денежном обращении, чем в Малой Азии и в Греции. Тем не менее оно ходило в виде слитков и иностранной монеты еще в IV в. до н.э. Известны золотые монеты, выпущенные во время Второй пунической войны в 206 г. до н.э. К IV в. н.э. золото уже предпочитали серебру, а к VII в. это предпочтение закрепилось окончательно. Счета нередко велись в золоте, даже если платежи совершались в серебре или в бронзе. Роль золота у римлян в античный период станет ясна из следующего краткого обзора древнеримских денег.

Бронзовые деньги. В Италии, как и повсюду, одной из древнейших форм металлических денег являлись немаркированные слитки. Но здесь, в отличие от некоторых других стран, располагавших своим золотом, первым металлом, применявшимся в качестве денег, стала бронза. Первоначально она имела хождение в виде неклеимых грубых чушек (*aes rude*), различавшихся весом, формой и размером. Впоследствии из них стали выковыривать бруски, носившие название «ас» («*as*»)¹⁸ (что означает «единица», «мера»), которые было проще обменивать и использовать для изготовления инструментов, оружия и предметов быта. Со временем эти бруски получили общепринятую длину в один фут (длина человеческой ступни, по-английски — «*foot*»), а также общепринятый диаметр, благодаря чему такой брусок весил около одного фунта¹⁹, что, конечно, было очень удоб-

¹⁶ Charles Jesse Bullock, *Economic Essays*, p. 508.

¹⁷ M. Rostovtzeef, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, p. 1291.

¹⁸ История римского аса запутанна и неясна. Этой теме посвящена обширная литература.

¹⁹ Римский фунт состоял из 12 унций, а унция делилась на 24 скрупулы. Обычно один фунт приравнивают к 5057 тройским гранам. См.: Louis C. West, *Gold and Silver Coin Standards in the Roman Empire*, *Numismatic Notes and Monographs*, No. 4 (1941), pp. 6, 34.

но. Впоследствии на этих брусках стали делать зарубки, разделявшие их на 12 дюймов. Поскольку бруски (асы) значительно различались по весу, с течением времени появился обычай принимать их на вес, а не на счет. В результате вес металла стал важной величиной, за единицу веса был принят фунт бронзы (*as libralis*), а из 12 однодюймовых кусочков, на которые делился брусок, возникло 12 унций²⁰.

Резюмируя эти процессы, Риджуэй пишет: «У нас нет никаких положительных доказательств того, что ас как денежная единица первоначально был бруском длиной в один фут, но в качестве „*as-pes*“ ас несомненно поначалу представлял собой кусок меди, имевший в длину один фут и стандартную толщину. Как только прутки или ассы начали обмениваться на вес, они стали терять свою первоначальную форму, которая имела смысл только при соблюдении определенных фиксированных размеров. При новой системе форма уже ничего не значила — главное, чтобы в асе содержалось достаточное количество металла по весу»²¹.

Однако постоянно взвешивать бронзовые чушки было неудобно, и к концу царского периода возник обычай ставить на ассы клеймо, удостоверяющее их вес, чтобы их снова можно было принимать на счет. От тех времен дошли упоминания о 2-фунтовых брусках, а также о брусках весом в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ фунта. Древнейшие дошедшие до нас клейма на брусках представляют собой грубые изображения животных. Согласно Плинию²², «первым клеймил бронзу царь Сервий... Клейма изображали собой животных, отчего и получили название „*resunia*“...»

В течение нескольких столетий важную роль в жизни римлян играл бронзовый ас, применявшийся как единица ценности в системе товарных денег в древнейший период римской истории, а форму монеты впервые получивший около 300 г. до н.э. Согласно Мэттингли, «бронзовая монета преобладала вплоть до 245 г. до н.э.» С 245 по 217 г. до н.э. она имела хождение наравне с серебром²³, однако затем на первое место вышло серебро, и во II в. до н.э. бронзовая чеканка имела уже сугубо вспомогательное значение.

На первых этапах своей истории ас как монета (как и его более мелкие и более крупные производные) представлял собой товарные деньги, т.е. имел хождение в качестве 1 фунта бронзы, известного как «*libralis*», и являлся стандартной единицей ценности. В качестве стандартных денег он претерпел не одну порчу. Согласно Плинию, во время Первой пунической войны вес аса был уменьшен: «...республика, будучи не в состоянии оплатить свои расходы, решила чеканить по шесть асов из фунта; так на каждый ас они получили по пять асов и уплатили по всем долгам». Еще до окончания Второй пунической войны ас был снова обесценен на 50%, получив вес в 1 унцию и став известен как «*as uncial*». Несколько позже ас превратился в билонную монету*,

²⁰ Ridgeway, цит. в.: Sir John Edwin Sandys, *A Companion to Latin Studies*, p. 441.

²¹ Ibid., p. 447.

²² Гай Плиний Младший. Естественная история. Кн. XXXIII, 3.13.

²³ Harold Mattingly, *Roman Coins*, pp. 18, 27.

* То есть стоимость его металлического содержания стала меньше номинала. См. прим. ред. на с. 256. — Прим. ред.

вторичную по отношению к серебряной. Его вес снова время от времени уменьшали, но поскольку это была уже мелкая неполноценная монета, такие операции, вероятно, не особо сказывались на ее стоимости.

Много времени спустя после того, как *as libralis* вышел из обращения, он все еще использовался как счетная единица, применявшаяся для оценки денежной ценности, несмотря на то что платежи реально производились в стандартной серебряной монете²⁴. В торговых договорах счетный *as* стал называться «*aes grave*», чтобы отличить его от ходячего *аса*.

Серебряные деньги. Серебро в форме слитков и зарубежной монеты, в первую очередь греческой, этрусской и сицилийской, обращалось в Италии уже в эпоху бронзового стандарта. По словам Мэттингли²⁵, упоминавшийся выше римский и итальянский *aes grave* озаменовал собой «лишь короткий переходный этап от использования еще не получившей форму монет бронзы как меры ценности к использованию греческих серебряных денег...» Римляне, научившись использовать серебряные и билонные бронзовые монеты у греков, населявших Южную Италию, пришли к тому, чтобы чеканить деньги хотя бы из бронзы, которой привыкли пользоваться в торговле с другими итальянскими народами.

Такие неудобные деньги вскоре были неизбежно вытеснены более подходящим металлом — серебром. Соответственно, во время войны с Пирром римляне впервые стали чеканить серебряные деньги — дидрахмы (двойные драхмы) и реже встречавшиеся более мелкие монеты²⁶. После победы над Пирром [275 г. до н.э.] и незадолго до Первой пунической войны [264—241 гг. до н.э.] римляне, захватив всю Южную Италию, завладели там большими запасами серебра, которое частично было пущено на выпуск римской серебряной монеты, чеканившейся в Кампании. Эта монета, называвшаяся денарием (что означает «каждые десять»), вероятно, была эквивалентна дидрахме. Она имела ценность в 10 *асов* и делилась на четыре части, которые назывались сестерциями. Но хотя эта серебряная монета выпускалась уже примерно в 268 г. до н.э., серебро стало доминирующим стандартом не ранее, чем полвека спустя. Тогда же сестерций заменил собой *ас* в качестве учетной единицы²⁷.

В 217 г. до н.э. стандартный вес *аса* был снижен до одной унции; теперь за денарий давали уже не 10, а 16 *асов*, при том что сам денарий тоже подвергся порче. Приблизительно в начале II в. до н.э. «римские деньги вступают в длительный период спокойного и упорядоченного обращения при

²⁴ Интересно отметить, что само слово «монета» (как и английское “money”) имеет римское происхождение. В раннюю римскую эпоху монеты чеканились в храме Юноны на Капитолийском холме в Риме. Одним из многочисленных имен Юноны была «Монета» — производное от латинского «*monere*» («предупреждать»). Юнона-Монета считалась стражем денег (а также защитницей женщин).

²⁵ Harold Mattingly, *The First Age of Roman Coinage*, *Journal of Roman Studies*, Vol. 19, pp. 20, 23.

²⁶ Mattingly, *Roman Coins*, pp. 5—6.

²⁷ *Ibid.*, p. 24.

почти полном отсутствии внешних изменений»²⁸. Эта ситуация сохранялась и в первые века империи²⁹, хотя в ту эпоху золото все сильнее конкурировало с серебром. В конце концов желтый металл вытеснил серебро в качестве основного стандарта, подобно тому как прежде серебро вытеснило бронзу. Об этом сейчас и пойдет речь.

ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ

В древнейшую эпоху наряду с бронзой и серебром в Риме и других италийских городах как платежное средство — главным образом в крупных сделках — использовалось также золото, которое принималось на вес в слитках и в виде иностранной монеты. Хотя со временем оно вытеснило бронзу и серебро в качестве главного денежного металла, вплоть до начала нашей эры его роль в этих землях была более скромной по сравнению с двумя другими металлами. Свидетельством того, что еще в IV в. до н.э. золото широко применялось в обращении, служит закон той эпохи, согласно которому определенные налоги выплачивались золотом³⁰.

Финансовое бремя Второй пунической войны (218—201 гг. до н.э.) вынудило римлян впервые обратиться к чеканке золотой монеты. С этой целью были задействованы запасы золота из казны³¹. Выпускались монеты в одну, две и три скрупулы³², которая составляла $\frac{1}{24}$ часть старой римской унции и равнялась $17\frac{1}{2}$ грамам. Таким образом, эти монеты были примерно равны по весу выпускавшимся до 1933 г. американским золотым монетам в 1, 2 и 3 доллара соответственно. Официальный курс римских монет по отношению к серебру составлял 20 сестерциев за одну скрупулу золота — настолько высокий курс заставляет предположить, что золотые деньги использовались в качестве билонных. Их выпуск продолжался недолго³³.

Чеканка золотой монеты возобновилась в Риме лишь полтора столетия спустя, в эпоху обширных завоеваний под предводительством великих полководцев Суллы, Помпея и Юлия Цезаря. Они чеканили золотую монету в походах, получив соответствующие полномочия от центрального римского правительства. Золото, из которого чеканилась эта монета, главным образом

²⁸ Ibid., p. 17.

²⁹ В Палестине в первые годы новой эры основными деньгами служило серебро. Однако золотые и бронзовые монеты также находились в обращении. Например, Иисус говорил апостолам: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои» (Мф 10, 9). Ссылка на серебряные деньги содержится в пассаже «ибо корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим 6, 10). Все содержащиеся в Новом Завете упоминания денег собраны в: West, op. cit., pp. 47—48.

³⁰ Burns, op. cit., p. 151.

³¹ Ibid.; см. также: Mattingly, *Roman Coins*, pp. 14, 24.

³² Matthew Raper, *An Inquiry into the Value of the Ancient Greek and Roman Money*, in J. R. McCulloch, *Old and Scarce Tracts on Money*, p. 552.

Этимологически слово «скрупула», по-видимому, произошло от выражения «мелкие камешки».

³³ Mattingly, *Roman Coins*, pp. 151—152.

представляло собой военную добычу, а сама монета, по-видимому, в основном предназначалась для выплаты жалования солдатам. Сулла [82—79 гг. до н.э.*] чеканил ауреусы (от слова «золото») в 168 гран, а впоследствии — в 140 гран. Юлий Цезарь [49, 48—46, 45, 44 г. до н.э.] снизил вес ауреуса до 126 гран³⁴. После его смерти сенат приказал чеканить золотую монету и всем прочим монетчикам, однако вскоре выпуск монеты в провинции триумвирами и их подчиненными значительно превысил объемы чеканки в Риме³⁵.

Когда в результате порчи монеты в обращении находится достаточное количество монет различного веса, в действие вступает закон Грэшема, и более легкая монета вытесняет более тяжелую из обращения. Человек, который мог уплатить долг тем же количеством легких ауреусов, что и тяжелых, естественно, расплачивался легкими монетами, а тяжелые хранил или переплавлял. Аналогично, и в том случае, когда рыночная цена товара одинакова вне зависимости от того, платят ли за него легкими или тяжелыми монетами, покупатель предпочтет заплатить легкими. По сути, это равнозначно покупке на более дешевом рынке. В той степени, в какой купцы и прочие продавцы учитывали разницу в весе монет, назначая более низкую цену при уплате тяжелыми монетами, возникал двойной стандарт, вследствие чего стандартные монеты различного веса имели хождение наравне друг с другом³⁶.

ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ В ПЕРИОД ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

После активной чеканки золотой монеты полководцами в последние годы республики золотые монеты надолго вошли в обиход, хотя в течение следующих столетий они пережили немало превратностей судьбы.

Благодаря Августу [27 г. до н.э. — 14 г. н.э.] золото возобладало над серебром³⁷. Август снизил вес ауреуса со 126 гран, как было при Юлии Цезаре, до 122,9 грана. «Золото и серебро чеканились с очень точным соблюдением веса [при соотношении $12\frac{1}{2}$ к 1]... Медь и бронза чеканились гораздо более небрежно... т.е. здесь следили не за точным содержанием металла в монете, а лишь за тем, чтобы из одного фунта сделать нужное число монет»³⁸. От Августа до Нерона [14—37 гг. н.э.] эта система не изменялась, однако вес

* Здесь и далее указаны годы правления. — *Прим. ред.*

³⁴ Эти золотые монеты, вероятно, не имели курса в серебряных денариях, а покупались и продавались по рыночным ценам. «Ауреус Юлия Цезаря в $\frac{1}{4}$ фунта... является прямым предшественником имперского ауреуса Августа, курс которого составлял 25 денариев» (Mattingly, *Roman Coins*, p. 25).

³⁵ *Ibid.*, p. 18.

³⁶ Ср. с. 135—136, а также: Kemmerer, *Modern Currency Reforms*, pp. 329—330.

³⁷ Mattingly, *Roman Coins*, pp. 18, 123.

³⁸ *Ibid.*, p. 123. Ауреус, серебряный денарий и более мелкие производные монеты соотносились следующим образом: 1 ауреус (122,9 грана) = 25 денариям = 100 сестерциям = 400 ассам. 1 денарий (61,46 грана) = 4 сестерциям = 16 ассам.

ауреуса постепенно снижали административным путем, при соответственном снижении веса денария. В эпоху от Нерона до Диоклетиана [284—305] в денежной системе империи царила полная неразбериха, и порча монеты стала обычным делом. Правление Клавдия [41—54 г. н.э.] и Нерона отмечено огромным количеством фальшивой монеты и широким хождением билонных денег, выпускавшихся частным образом, преимущественно из свинца³⁹. Диоклетиан дважды снижал вес ауреуса в 312 г., а Константин Великий [306—337] провел денежную реформу, согласно которой содержание золота в ауреусе составляло около 70 гран — таким образом, со времен Нерона ауреус обесценился примерно на 38%. Впоследствии, вплоть до распада Западной Римской империи в 476 г., относительное значение золота, очевидно, возрастало⁴⁰ — именно оно было имперскими деньгами *par excellence**, хотя важное место в жизни империи по-прежнему занимал серебряный денарий и его производные⁴¹.

РОЛЬ ЗОЛОТЫХ ДЕНЕГ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Беглый исторический обзор золотых денег в Средние века займет немного места, поскольку письменные источники этого периода скудны и не играют большой роли при изучении истории денег.

Характер экономики в Средние века

На истории денег в Средние века в первую очередь сказались три важных фактора. Во-первых, установление феодальной системы с ее крупными земельными владениями, практикой раздачи земель вассалам и феодальной иерархией, на верхней ступени которой стоял монарх, а на нижних — крепостные и рабы, и с уплатой податей натурой и посредством службы. Благодаря всему этому крупные феодальные землевладения по большей части стали экономически самодостаточными. В их пределах производилось почти все необходимое для жизни, и почти все произведенное здесь же и потреблялось. Соответственно, по сравнению с античной эпохой объем торговли на душу населения резко снизился.

Во-вторых, почти вся мелкая торговля осуществлялась посредством простого товарообмена. Деньги были не нужны.

В-третьих, на большей части Европы в течение «темных веков» резко сократились запасы благородных металлов, пригодных для чеканки денег.

³⁹ M. Rostovtzeef, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, pp. 171—172 [см.: Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб.: Наука, 2000].

⁴⁰ Burns, *op. cit.*, p. 154.

* В истинном смысле слова (франц.). — Прим. ред.

⁴¹ West, *op. cit.*, p. 6.

Широко практиковавшееся разграбление захваченных земель во время войн в первые века новой эры, а впоследствии и во время набегов германских племен с севера привело к тому, что запасы золота и серебра, накопленные в античную эпоху, рассеялись по огромной территории. Добыча металла на золотых и серебряных рудниках также сократилась, отчасти из-за их хищнической разработки арендаторами, не заинтересованными в поддержании их производительности, отчасти из-за использования в рудниках неэффективного труда рабов и заключенных, отчасти из-за уничтожения и разграбления рудников при вторжениях варваров⁴².

В раннем Средневековье Европа знала практически только серебряную и медную монету, за исключением недолгой чеканки золотой монеты в каролингский период. Главными деньгами Западной Европы служило серебро. Однако ауреус Константина находился в обращении вплоть до падения Византийской империи в 1453 г., и от этой золотой монеты берут свое начало различные монетные системы средневековой и современной Европы⁴³.

Золотые монеты

В 1252 г., в ответ на растущий спрос на монету большего номинала, прежде всего для внешней торговли, которую вели богатые итальянские города, Флоренция начала чеканку золотых монет с содержанием золота в 48 гран. Это были знаменитые итальянские золотые флорины⁴⁴. Аналогичные золотые монеты впоследствии чеканились в Германии и Франции, а также в других итальянских городах — в первую очередь следует отметить венецианский цехин (*zecchino*), получивший широкое распространение и ходивший даже в Турции.

Золотые флорины, выпускавшиеся в итальянских городах, имели официальный курс к серебряным монетам, находившимся в то время в обращении. Официальная ценность и рыночное соотношение цен золота и серебра нередко не совпадали, вследствие чего монеты из переоцененного металла вытесняли из оборота монеты, сделанные из металла, оцененного ниже рыночного курса.

Сеньораж

При феодальной системе прерогатива чеканки денег принадлежала сюзерену или тем лицам, которым он пожаловал эту привилегию. Такие при-

⁴² William Jacobs, *An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals*, vol. 1. См. также: Francis A. Walker, *International Bimetallism*, pp. 16—24.

⁴³ См. прим. на с. 103—104; также см.: Ridgeway, in Sandys, *op. cit.*, pp. 451—452.

⁴⁴ По-итальянски они назывались «*fiorino*», что означает «цветок». На одной стороне монеты изображалась лилия, а на другой было выбито латинское название города — *Florentia*.

вилегии раздавались настолько широко, что к началу IX в. чеканка монеты на большей части Европы оказалась полностью децентрализованной. Владельцы маноров* (сеньоры, как их называли во Франции) имели право забирать себе небольшую часть доставленного им для выделки денег золота и серебра в качестве покрытия производственных издержек и компенсации за работу. Эта доля, теоретически соответствовавшая разнице между ценностью металла, пошедшего на чеканку монеты, и ценностью самой этой монеты, называлась «сеньоражем». Однако среди сеньоров вошло в привычку оставлять себе чрезмерно большую долю металла в качестве сеньоража — в Средние века это служило важной причиной порчи монеты.

* Манор — средневековое поместье, находившееся во владении аристократа-феодала и производившее продукты для удовлетворения основных жизненных потребностей своих обитателей. — *Прим. ред.*

ГЛАВА 2

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ЗОЛОТЫХ ДЕНЕГ В АНГЛИИ

Англичанам всегда удается прорваться.

Неизвестный автор, 1885 г.

Англичане обладают более богатым опытом использования золота в качестве денежного стандарта, нежели какая-либо иная нация в мире, равно как и более долгим опытом золотого монометаллизма. В настоящей главе мы вкратце осветим историю золотых денег в Англии до 1821 г., когда в этой стране окончательно утвердился монометаллический золотой стандарт.

В хронологическом плане историю золотых денег в Англии можно для удобства разделить на два периода: 1) с древнейших времен до открытия Америки; 2) и от этой даты (1492 г.) до 1821 г.

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1492 Г.

В древней Британии золото в виде слитков и иностранной монеты находилось в обращении наряду с серебром и бронзой.

Бритты впервые начали чеканить золотую монету около 150 г. до н.э., «взяв за образец монеты галлов, которые сами скопировали их с монет Филиппа Македонского»¹. В Англии найдены золотые, серебряные и медные монеты такого типа, «который невозможно возвести к какому-либо образцу, проникшему в Британию вслед за установлением здесь римской власти»². Эти монеты, аналогичные греческим, чеканились, по-видимому, в самой Англии. Вероятно, это можно объяснить тем, что «благодаря либо торговым визитам финикийцев, либо связям, наверняка существовавшим между Британией и Галлией, греческие монеты попали на остров, где местные ремесленники начали изготавливать их грубые подобию»³.

Юлий Цезарь, вторгшись в Британию примерно в середине I в. до н.э., обнаружил, что на острове находится в обращении золотая монета. Он писал о бриттах: «У них в ходу либо бронзовая, либо золотая монета, или же вместо монет железные палочки определенного веса»⁴. Известно, что золотые монеты чеканил Кунобелин (шекспировский Цимбелин) — король бриттов в первой половине I в. до н.э.⁵

¹ Robert Lloyd Kenyon, *The Gold Coins of England*, p. 1.

² Edward Hawkins, *The Silver Coins of England*, p. 9.

³ Ibid., pp. 9—10.

⁴ Gaius Julius Caesar, *Commentarii de bello Gallico*, кн. V, гл. 12.

⁵ Edward Hawkins, op. cit., p. 14—15.

Имеются свидетельства того, что даже в те древние времена в Британии занимались порчей монеты. Британские монеты имели вес приблизительно от 120 до 84 гран, с течением времени постепенно становясь легче⁶.

После завоевания Британии Цезарем британские монеты испытали на себе заметное влияние римского искусства и по большей части были вытеснены римской монетой. В конце концов римляне издали эдикт, требовавший, чтобы «все деньги, находящиеся в обращении на этом острове, несли на себе изображение и имя римского императора»⁷. Римляне владели Британией до V в. н.э., а затем навсегда покинули эту страну.

Почти ничего не известно о том, какой монетой пользовались в Англии с начала V в. до VIII в. Кэньон полагает, что в течение этого периода чеканились как золотые, так и серебряные монеты⁸.

Согласно «Беовульфу», в IX в. англосаксы в некоторой степени использовали золотые и серебряные кольца в качестве средства обмена и приблизительной меры ценности.

После воцарения Вильгельма I (1066 г.) и вплоть до начала XVIII в. основными деньгами в Англии стало серебро. Монета в один фунт первоначально содержала в себе фунт стандартного серебра. По словам лорда Ливерпуля⁹, «...счетный фунт серебряных монет... был равен весовому фунту стандартного серебра, т.е. тауэрскому фунту [составлявшему 5400 гран]... Счетный фунт, который тогда был также весовым фунтом, делился на 20 шиллингов, а каждый шиллинг — на 12 пенсов, или стерлингов¹⁰. Весовой фунт делился на 12 унций, а каждая унция — на 20 пеннивейтов; таким образом, каждый пенс, или стерлинг, весил 1 пеннивейт, т.е. 24 грана».

С конца IX в. и до царствования Генриха III золотая монета не использовалась ни в Англии, ни в соседних странах. Византийские золотые безанты и золотая монета, чеканившаяся в IX и X в. арабскими правителями Сицилии, вероятно, в той или иной степени применялись при торговых сделках по всей Европе, но в Англии эти монеты не являлись законными деньгами и, вероятно, ходили просто как слитки.

От царствования Генриха III до открытия Америки

С приближением к современности мы встречаем первую золотую монету, чеканившуюся в Англии — ею был пенс из чистого золота, выпущенный Генрихом III в 1257 г.¹¹ Золотой пенни весил 45 гран, или $\frac{1}{120}$ тауэрского

⁶ Kenyon, op. cit., p. 1.

⁷ Hawkins, op. cit., p. 16.

⁸ Kenyon, op. cit., p. 3.

⁹ Liverpool, Charles Jenkinson, 1st Earl of, *A Treatise on the Coins of the Realm in a Letter to the King*, p. 35.

¹⁰ Происхождение слова «стерлинг» неизвестно. Возможно, оно восходит к норманнскому пенни, на одной стороне которого изображалась звезда (steorra).

¹¹ Возвращение золотых денег в европейский оборот после почти полного отсутствия в течение восьми веков весьма существенно сказалось на последующей экономиче-

фунта. С его появлением зародилась практика устанавливать фиксированный обменный курс золотой монеты на серебряную, находившуюся тогда в широком обращении, благодаря чему золотая монета получила законное хождение по официальному курсу¹². Обменный курс для нового золотого пенса был установлен на уровне в 20 «стерлингов», или серебряных пенсов; таким образом, соотношение золота и серебра составляло 1 к 10. Золотая монета называлась «пенни», потому что этим словом тогда именовались деньги вообще. Французским, или нормандским, эквивалентом пенни было «денье», вследствие чего и по сей день пенсы в Англии сокращенно обозначаются как «d».

По-видимому, к идее завести в Англии золотую монету Генрих III пришел в 1257 г. по примеру французского короля Людовика Святого¹³. Однако ни в Англии, ни во Франции первые золотые монеты успехом не пользовались¹⁴.

В Англии той эпохи монета такого большого номинала, как золотой пенни, пришлось явно не ко двору. Время было трудное, цены на продовольствие стояли высокие. Оставалось совсем немного до созыва «безумного парламента». В конце 1257 г., когда золотые монеты находились в обращении всего несколько месяцев, город Лондон направил королю протест против использования этих монет, на что король ответил прокламацией, в которой объявлялось, что никто не обязан принимать золотую монету в качестве оплаты и что всякий, кто примет ее, имеет право сдать ее в королевскую казну в обмен на серебряную монету по текущему курсу, за вычетом небольшого сбора¹⁵ на возмещение расходов по обмену. По-видимому, таких золотых пенни было отчеканено немного. Тем не менее они продолжали находиться в обращении; согласно документам в 1265 г. их обменный курс по отношению к серебряным монетам был поднят с 20 до 24 пенсов.

Нет никаких сведений о том, чтобы после этой преждевременной попытки Генриха III в Англии вплоть до 1343 г. чеканилась золотая монета¹⁶.

ской истории мира. Это событие произошло главным образом под влиянием крестовых походов и установленных в их ходе контактов между Западом и Востоком с его запасами золота и золотыми деньгами — в первую очередь Византией. Последовавший рост торговли между Западом и Востоком и необходимость в более удобном, нежели серебро, средстве обмена способствовали возвращению золотых денег на Запад. Новая западная золотая монета появляется почти одновременно в коммерческих центрах Италии, Франции и Германии. Первой из этих золотых монет, по-видимому, был флорин, выпускавшийся Флорентийской республикой с 1252 г. В том же году золотую монету начали чеканить в Генуе. Выпуск золотых монет во Франции начал в 1254 г. Людовик IX, возможно, в результате Шестого крестового похода, который он возглавлял пятью годами ранее. Примерно в то же время император Фридрих II чеканил золотую монету в Неаполе.

¹² Liverpool, op. cit., p. 45.

¹³ W. A. Shaw, *The History of Currency*, 1252—1894, p. 11.

¹⁴ Kenyon, op. cit., pp. 14—15.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Rogers Ruding, *Annals of the Coinage of Great Britain and Its Dependencies*, vol. I, p. 216.

Однако этот почти столетний период отмечен грандиозным развитием торговли в Европе. Золотые монеты использовались в Северной Италии, Франции и Фландрии — тех странах, с которыми преимущественно торговала Англия¹⁷. Более того, в этот период благородные металлы были в дефиците, что сопровождалось снижением цен на предметы потребления, и это зло удалось искоренить лишь после открытия Америки, когда в Европу хлынули потоки золота и серебра.

Поэтому в 1343 г., с целью содействия внешней торговле и сдерживания падения цен путем увеличения денежной массы в стране Королевский совет, проведя в парламенте слушания, на которых выступали золотых дел мастера, монетчики и купцы, постановил выпускать единообразные золотые деньги в Англии и во Фландрии, если на это согласятся фламандцы, с тем чтобы обе страны пользовались такими деньгами — и больше никакой другой золотой монетой — на тех условиях, которые объявит в Совете король. После этого решения был заключен договор о введении в обращение трех золотых монет — флорина, полуфлорина и четверти флорина. Флорин, приравненный к 6 шиллингам, полагалось делать равным по весу двум флорентийским «малым флоринам» (*petit florins*), что составляло 108 гран, и из металла той же чистоты (23 карата $3\frac{1}{2}$ грана чистого золота с примесями на $\frac{1}{2}$ грана). Этот золотой флорин был эквивалентен $1\frac{1}{2}$ солида, или ауреума, и находился в обращении с 1343 г.

Однако вторая за столетие попытка учредить в Англии золотую монету также провалилась. Вскоре выяснилось, что при официальном обменном курсе 12,61 к 1 — равном тому, который в то время преобладал во Франции, — золотые монеты были недооценены по отношению к серебряной монете и потому исчезали из обращения. Поэтому в июле 1344 г. был издан указ, в соответствии с которым этими золотыми монетами можно было расплачиваться лишь с согласия того лица, которому они предлагались. Через месяц появился еще один указ — о том, что их следует принимать в оплату исключительно по их ценности как золотых слитков [т.е. на вес]¹⁸.

Первый дошедший до нас официальный документ о золоте, поступившем на монетный двор для чеканки монет от частных лиц, относится к 1345 г.¹⁹

Ради содействия торговле с Фландрией и устранения проблем, вызванных недооценкой флорина, в 1344 г. правительство учредило новую золотую монету, которая называлась «нобль». Она содержала $138\frac{6}{13}$ грана золота, т.е. на 28,2% больше, чем флорин, и оценивалась в 6 шиллингов 8 пенсов, в противоположность обменному курсу флорина в 6 шиллингов ровно²⁰. С этого момента началась регулярная чеканка золотой монеты.

В 1346 г. порча нобля составила примерно 7%, до $128\frac{4}{7}$ гран; в 1353 г. он был снова подвергнут порче и снова приблизительно на 7%, до 120 гран; затем в 1414 г. его ценность была понижена на 10%, до 108 гран. В 1460 г.

¹⁷ Kenyon, *op. cit.*, pp. 16—17.

¹⁸ Kenyon, *op. cit.*, pp. 16—17.

¹⁹ Ruding, *op. cit.*, vol. I, p. 61.

²⁰ Shaw, *op. cit.*, p. 44; см. также: Kenyon, *op. cit.*, pp. 18—19.

содержание золота в нобле было увеличено примерно на 11%, со 108 до 120 гран, однако его официальный номинал был поднят примерно на 43%, т.е. с 6 шиллингов 8 пенсов до 8 шиллингов 4 пенсов²¹, что представляет собой дальнейшую порчу примерно на 32%.

Десять лет спустя нобль был заменен монетой, которая называлась «ангелом» по отчеканенной на ней фигуре. Эта монета официально ходила по тому же, сниженному на 30% обменному курсу в 6 шиллингов 8 пенсов, что и нобль самых первых выпусков, но содержание золота в ней было уменьшено до 80 гран, т.е. на $33\frac{1}{3}\%$, что эквивалентно порче в $3\frac{1}{3}\%$ по сравнению с предшествующей монетой 1460 г.

Постоянная порча монеты по большей части была вызвана попытками решить две проблемы денежного обращения: 1) непрерывно возникавшим расхождением между официальным и рыночным курсами золота к серебру, и 2) тем фактом, что и золотые, и серебряные монеты в большинстве своем находились в плохом состоянии вследствие истирания, обрезки, высверливания, исцарапывания и подделки. Более того, поскольку курс золотой монеты по отношению к серебряной в разных странах материковой Европы зачастую отличался от английского, происходило постоянное перетекание хорошо сохранившихся монет и недооцененного металла из одной страны в другую — монеты и металл всегда имеют тенденцию уходить из тех мест, где они дешевы, туда, где они дороги; иными словами, они постоянно ищут наиболее выгодный рынок. В соответствии с этим принципом плохие деньги всегда вытесняют хорошие деньги.

Резюмируя превосходное описание событий, происходивших с 1300 по 1492 г. в Европе, Шоу пишет: «Характерные черты этого периода вырисовываются во всей ясности и повторяются, воспроизводясь почти в одном и том же обличье, в ряде стран, составлявших в то время Европу. Вкратце эту эпоху можно определить как: 1) период взрывного роста торговли, вызвавшего потребность в деньгах и повышение цен; 2) период застоя в добыче благородных металлов, спровоцировавшего борьбу между различными государствами за обладание этими металлами; 3) период бесконечных изменений соотношения цен золота и серебра, требовавших постоянного пересмотра обменного курса»²².

С 1492 по 1821 г.

История золотых денег в Англии с момента открытия Америки до конца XVII в. не займет много места. Это была эпоха квази-биметаллизма, когда постоянно чеканилась и золотая, и серебряная монета, обладавшие равными законными правами в качестве денег.

²¹ Shaw, op. cit., p. 44.

²² Shaw, op. cit., p. 13.

Два столетия квазибиметаллизма: преобладание серебра над золотом

В целом в течение двух этих столетий обменный курс был благоприятен для серебра. Поэтому в обращении преобладали серебряные деньги. Однако состояние монет, как серебряных, так и золотых, обычно было плохим²³. Соответственно, действие закона Грэшема²⁴ проявлялось двояким образом: 1) завышенный монетный коэффициент для серебра, приведший к абсолютному преобладанию серебряных монет в обращении; 2) плохое состояние большинства серебряных и золотых монет вследствие того, что хорошая монета — и золотая, и серебряная — вывозилась из страны, переплавлялась и тезаврировалась, а в активном обращении оставались лишь наиболее дефектные монеты: обрезанные, истертые, обточенные и просверленные. Пытаясь исправить ситуацию, правительство нередко прибегало к перечеканкам монеты, в ходе которых как золотые, так и серебряные деньги подвергались все большей порче. Особенно заметна деградация денежного стандарта в последние годы правления Генриха VIII [1509—1547], в царствование Эдуарда VI [1547—1553], а затем примерно с 1660 г. почти до конца столетия. Сэр Дедлей Норт в своих «Очерках о торговле», изданных в 1691 г., пишет:

«Я ссылаюсь на огромные суммы, которые чеканились в Англии со времени установления свободной чеканки. Что произошло со всей этой массой денег? Никто не поверит, что они сохранились в стране, не могли они также быть вывезены, так как за это полагалось слишком большое наказание. Дело просто: вывезено было, как я полагаю, очень немного, остальное попало в плавильную печь...

И я знаю, что ни один человек не сомневается, что новые деньги уходят таким путем.

Серебро и золото, как и другие товары, имеют свои приливы и отливы. По прибытии больших количеств их из Испании монетный двор обычно дает лучшие цены, т.е. за чеканное и нечеканное серебро — вес за вес. Зачем его везут в Тауэр и чеканят? Немного времени спустя появится спрос на слитки для вывоза. А если их нет, и все они пошли в чеканку, что тогда? Монету снова плавят, и в этом нет никакой потери, так как чеканка не стоит собственнику ничего.

²³ Ср. с. 103 и 113.

²⁴ Закон Грэшема — термин, предложенный в 1858 г. Г. Д. Маклеодом для обозначения принципа, согласно которому при одновременном хождении денег двух типов, один из которых хуже другого, при определенных условиях худшие деньги вытеснят лучшие из обращения. Открытие этого закона часто приписывают сэру Томасу Грэшему, советнику королевы Елизаветы по вопросу денежной реформы. Однако, как мы видели, этот принцип был известен задолго до Грэшема, и нет никаких свидетельств, что он внес что-то новое в формулировку этого закона. Более подробное изложение этого закона см. в прим. на с. 256.

Таким образом, страна терпит злоупотребления и вынуждена платить за кручение соломы на корм ослам»²⁵.

В обращении оставались почти исключительно посеребренные монеты из железа, бронзы или меди, и эти монеты, как бы из настоящего серебра, стоили едва ли половину их текущей ценности²⁶.

Эта ситуация привела к знаменитым перечеканкам 1696—1699 гг.²⁷, в организацию которых большой вклад внес философ Джон Локк.

Столетие преобладания золота над серебром

При перечеканках 1696—1699 гг. соотношение золота и серебра было повышено примерно с 15 : 1 до приблизительно $15\frac{1}{2} : 1$, что привело к чрезмерной переоценке золота и тем самым стимулировало массовый ввоз в Англию иностранной золотой монеты и ее перечеканку в британские деньги, и соответственно массовый вывоз и переплавку недооцененной британской серебряной монеты²⁸.

В результате этих перечеканок в Англии установилась биметаллическая денежная система с преобладанием золота над серебром, просуществовав в таком виде до приостановки размена на звонкую монету в конце XVIII в.

Согласно отчетам управляющего Монетным двором сэра Исаака Ньютона, с 1702 по 1717 г. объем золота, пошедшего на изготовление монеты, примерно в 32 раза превышал по ценности соответствующий объем серебра. Для исправления этого положения и для ликвидации неудобств, вызванных нехваткой мелкой серебряной монеты, Ньютон рекомендовал снизить соотношение золота и серебра с $15\frac{1}{2} : 1$ приблизительно до 15,21 : 1, и его рекомендация была принята. Но хотя эта мера привела к реальному повышению качества монеты и к увеличению предложения серебряных денег, денежные проблемы на этом не закончились.

Соккрытие и вывоз полновесной серебряной монеты продолжались, и к 1760 г. серебряные деньги пришли в такой упадок, что кроны почти совершенно исчезли из обращения, хотя с 1695 г. их начеканили на сумму более чем в 1,5 млн фунтов стерлингов. Из полукрон, отчеканенных более чем на $2\frac{1}{3}$ млн фунтов стерлингов, в обращении остались только испорченные и неполноценные образцы, а на шиллингах и шестипенсовиках не осталось почти никаких следов чеканки. Обсуждая опыт британского биметаллизма, Шоу пишет: «Идея о том, что биметаллический механизм приводит к замещению одного хорошего металла другим хорошим металлом, равного веса одного металла равным весом другого, к замене хорошей неиспорченной серебряной монеты хорошей неиспорченной золотой монетой

²⁵ Sir Dudley North, *Discourses upon Trade*, pp. 29—30. [Норт Д. Очерки о торговле // Меркантилизм. Л.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, Ленинградское отделение, 1953. С. 312.]

²⁶ Shaw, op. cit., p. 223.

²⁷ Ср.: Ruding, op. cit., vol. II, pp. 40—51.

²⁸ Shaw, op. cit., pp. 226—227.

или наоборот, не подкрепляется ни одним примером из истории. Биметаллический механизм всегда замещает большее меньшим в смысле веса или цены, менее обесцененное более обесцененным или идеальную стандартную монету порченной»²⁹.

Таким образом, в первые три четверти XVIII в. монетный коэффициент был благоприятен для золота и неблагоприятен для серебра, тем самым способствуя хождению в Англии желтого металла и вытеснению белого металла. Однако в то же время золотая монета была настолько испорчена постоянной обрезкой, высверливанием, истиранием и обточкой, что любые золотые монеты, находившиеся в хорошем состоянии, переплавлялись и экспортировались в другие страны³⁰.

Для решения этой проблемы 10 мая 1774 г. палата общин издала указ, гласивший: «...значительное количество старой серебряной монеты, обращавшейся в нашем королевстве, а также монеты, выдаваемой за серебряную, но намного более легкой, чем монета стандартного веса, было недавно ввезено в это королевство, вследствие чего настоятельно требуется принятие мер по предотвращению такой практики».

Поэтому нижняя палата запретила ввоз легкой серебряной монеты в королевство и требовала конфисковывать ее в случае обнаружения, в то же время постановив, чтобы «никакие денежные выплаты, осуществляемые в серебряной монете этого королевства на любую сумму, превышающую 25 фунтов стерлингов одновременно, не считались законными и не дозволялись в качестве узаконенного средства платежа в Великобритании и Ирландии на сумму, большую, чем ценность этой монеты на вес при курсе в 5 шиллингов 2 пенса за унцию серебра, и никакое лицо, которому предназначается такая выплата, не было обязано или принуждаемо получать ее в ином виде, помимо вышеуказанного, невзирая ни на какие законы, акты или обычаи, противоречащие данному постановлению».

Ограничение на использование серебряных денег в качестве узаконенного средства платежа стало началом конца биметаллизма в Англии.

Бумажный фунт

В 1793—1797 гг. в широком обращении находились золотые монеты номиналом в одну гинею (21 шиллинг), полгинеи и треть гинеи. Монет в один фунт стерлингов не существовало, однако эквивалентом фунта считалось $123\frac{1}{4}$ грана золота пробы $\frac{11}{12}$. Перечеканка золота в монету производилась свободно и бесплатно. Хотя вывоз английских золотых монет и золота, полученного от переплавки этих монет, был запрещен, этот закон в массовом порядке нарушался. Во времена, когда золото вывозилось из Англии, возникала премия на золото, легальный экспорт которого был разрешен, и на иностранную золотую монету, но она была невелика. По ее поводу Бозанкет

²⁹ Shaw, op. cit., pp. 231—233.

³⁰ Ibid., pp. 234—235.

в своих «Практических замечаниях по поводу доклада Комитета по слиткам» пишет: «Совесь экспортера и цена ложной клятвы [относительно происхождения экспортируемого золота] верно оцениваются Комитетом в $4\frac{1}{2}\%$ ».

Банкноты и депозиты

В 1797 г. английские бумажные деньги представляли собой банкноты, выпускавшиеся Банком Англии и имевшие хождение преимущественно в Лондоне и его окрестностях, и банкноты «провинциальных» банков, обращавшиеся преимущественно вблизи от места выпуска. Банкноты подлежали обмену на звонкую монету по первому требованию, но не являлись узаконенным средством платежа.

Не существовало никаких ограничений на получение английскими банками вкладов и их обращение в виде банковских чеков; во второй половине XVIII в. — начале XIX в. использование такой депозитной валюты постоянно расширялось³¹.

С 1797 по 1821 г. в Англии де-факто действовал бумажноденежный стандарт, хотя в 1816 г. был принят закон, по которому 5 лет спустя она перешла на чистый золотой стандарт. 24-летний опыт английского бумажноденежного стандарта важен с точки зрения науки о деньгах по двум причинам: 1) мы имеем здесь пример эксперимента с управляемым бумажноденежным стандартом, осуществленного передовой нацией; 2) этот эксперимент привел к так называемой *дискуссии о слитках*, в которой принимал активное участие Давид Рикардо, и к появлению «Доклада о слитках», познакомившего мир с классической формулировкой некоторых монетарных теорий, которые в то время понимались лишь немногими, но впоследствии превратились в «ортодоксальную» мировую философию денег³².

В своем рассказе о золотом стандарте мы не будем затрагивать период бумажноденежного стандарта и лишь вкратце опишем, как развалился предшествовавший ему металлический стандарт и как родился новый золотой стандарт.

В феврале 1793 г. Англия объявила войну Франции. В первые месяцы 1793 г. для Англии и ее союзников события складывались удачно, но затем военное счастье им изменило, и в течение последующих нескольких лет французы почти непрерывно одерживали победы. К 1797 г. все союзники Англии заключили сепаратные договоры с Францией, и Англии пришлось противостоять Наполеону в одиночку. Военная ситуация не внушала оптимизма. Внутренняя экономическая ситуация в течение этих четырех лет также складывалась неблагоприятная.

³¹ *Bullion Committee Report*, p. 151; см. также: Sir John Lubbock, *On the Country Clearings, Journal of the Statistical Society*, vol. XXVIII (1865), pp. 361 ff.

³² См. об этом: Edwin Cannan, *The Paper Pound*; также см.: Edwin Walter Kemmerer, *Money*, Chap. II.

Другие факторы, которые стали непосредственными причинами для приостановки размена на звонкую монету: 1) предъявленные правительством Банку Англии обременительные требования о ссудах на покрытие военных расходов — многие из которых предусматривали перевод крупных сумм на континент; 2) повышенный спрос на британское золото и серебро, связанный с возвращением Франции к металлическим деньгам после катастрофической инфляции, вызванной использованием бумажных денег — ассигнатов и мандатов. В первые годы этой инфляции металлическую монету в огромных количествах переправляли в Англию из Франции и соседних стран ради ее сохранности. После завершения Французской революции, восстановления закона и порядка и возвращения Франции к биметаллическому денежному обращению значительная часть этой звонкой монеты вновь вернулась домой; 3) неопределенная политическая ситуация в Великобритании, вызывавшая повышенный спрос на звонкую монету, который ложился тяжелым бременем на Банк Англии.

К весне 1795 г. курс обмена между Лондоном и главными городами континента достиг экспортной золотой точки, и началась массовая утечка звонкой монеты в Париж, Гамбург и Лиссабон. Этот отток золота настолько опустошил резервы Английского банка, что его директора в феврале 1797 г. уведомили Питта об отчаянной ситуации. Премьер-министр ответил на это 26 февраля постановлением совета, требовавшим, чтобы «директора Банка Англии воздерживались от выплат наличными деньгами вплоть до момента, когда будет выяснено мнение Парламента на этот счет и появится возможность предпринять необходимые меры по сохранению средств обращения и защите государственного и коммерческого кредита Королевства...»

Согласно этому постановлению размен банкнот Банка Англии на звонкую монету был приостановлен, и страна перешла на обесценивающийся бумажноденежный стандарт, который продержался до 1821 г. Некоторое количество золотой и серебряной монеты — очевидно, крайне дефектной — оставалось в обращении, обычно котируясь с премией к банкнотам, хотя и Банк Англии, и правительство предпринимали неоднократные попытки покончить с этой практикой³³.

В течение большей части этого периода и золотая, и серебряная монета вывозилась из страны в огромных количествах³⁴, а дефицит серебряной монеты причинял огромные неудобства публике.

Письмо лорда Ливерпуля королю

Как мы видели, к моменту приостановки размена в 1797 г. монета королевства, особенно серебряная, находилась в плохом состоянии, так как хорошие монеты в массовых масштабах вывозились за рубеж и переплавлялись, а в обращении оставались лишь сильно обрезанные и истертые монеты. Для

³³ См.: Ruding, op. cit., vol. II, pp. 96, 107, 108, 110.

³⁴ См.: Shaw, op. cit., p. 241.

исправления этой ситуации в 1798 г. был назначен комитет Тайного совета, призванный расследовать состояние монетного хозяйства и выработать рекомендации по его улучшению.

Самым значительным членом этого комитета была первый граф Ливерпуль, который совместно с Джорджем Чалмерсом в том же году составил доклад для Тайного совета. Из-за того, что Ливерпуль несколько лет болел, «Письмо королю» было издано лишь в 1805 г.³⁵ Лорд умер в 1808 г. В его письме содержится ценный материал исторического и описательного характера, связанный с британскими деньгами, весьма проницательные рассуждения о денежных принципах и программа денежной реформы³⁶.

Лорд Ливерпуль дает весьма серьезные и тщательно обоснованные рекомендации покончить с биметаллизмом и решительно перейти на единый золотой стандарт. Он пишет:

«Монеты следует делать из металла, более-менее ценного [например, из меди, серебра или золота], в зависимости от богатства и торговли страны, в которой они призваны служить мерой собственности.

В очень богатых странах, и особенно в тех, в которых производится крупная и обширная торговля, наиболее подходящим металлом является золото... В таких странах золото становится на практике основной мерой собственности и инструментом торговли с общего согласия народа не только без помощи закона, но и вопреки едва ли не любым законам, которые могут этому препятствовать; ибо крупные покупки и сделки невозможно совершать в монетах из менее ценного металла, не создавая себе при этом неудобств»³⁷.

Вкратце рекомендации Ливерпуля для Англии сводились к следующему³⁸:

«Во-первых, монеты этого королевства, призванные стать основной мерой собственности и инструментом торговли, должны изготавливаться только из одного металла.

Во-вторых, в этом королевстве только золотые монеты в течение многих лет как на практике, так и согласно народному мнению были главной мерой собственности и инструментом торговли и остаются таковыми по сей день.

...Как и в настоящее время серебряные и медные монеты должны оставаться в подчиненном положении по отношению к золотым монетам и представлять их...

В соответствии с предлагаемым мною планом новые серебряные монеты не могут быть узаконенным средством платежа на любую сумму, превышающую номинальную ценность самой крупной золотой монеты из находящихся в обращении».

³⁵ Liverpool, op. cit.

³⁶ Дж. Р. Мак-Куллох так характеризует это письмо: «Более всеобъемлющее и продуманное изложение принципов, на которых следует производить выпуск монеты, нежели какая-либо иная публикация» (цит. по: Palgrave, *Dictionary of Political Economy*, vol. II, p. 616).

³⁷ Liverpool, op. cit., p. 162.

³⁸ Ibid., pp. 170, 178, 187.

Ливерпуль рекомендовал, чтобы серебряные монеты содержали по весу меньше серебра, чем то количество, которое соответствует их номиналу, т.е. чтобы они представляли собой билонную монету. С целью предотвратить подделку монеты он также ставил вопрос о том, «не будет ли сочтено желательным, чтобы Законодательная власть наделила Ваше Величество или иных лиц, уполномоченных на то Вами (вероятно, коими всегда будут директора Банка Англии), единоличным правом поставлять серебро для чеканки монеты на Ваш монетный двор: таким образом, во власти Вашего Величества будет ограничивать и определять количество серебряной монеты, которую в любой данный момент можно пустить в обращение...»

Законодательный переход на золотой стандарт

В 1816 г. старый Комитет Тайного совета по денежному обращению, членом которого являлся лорд Ливерпуль, все еще существовал, хотя во время войны воздерживался от рекомендаций. Но после того, как в июне 1815 г. война завершилась битвой при Ватерлоо, от комитета потребовали составить доклад, который был представлен в мае 1816 г. и основывался на предложениях лорда Ливерпуля. В докладе рекомендовалось принять монометаллический золотой стандарт с продолжением выпуска золотых монет существующего веса и номинала и со свободной и бесплатной перечеканкой золота в монету. Серебряную монету, как рекомендовали авторы доклада, следовало выпускать в качестве дополнительной, не вполне полновесной, и сделать ее узаконенным средством платежа на суммы, не превышающие двух гиней.

Парламент без проволочек одобрил рекомендации комитета, приняв закон 1816 г. о золотом стандарте (Act 56, George III, ch. 68). Преамбула этого закона гласила: «Принимая во внимание, что вследствие длительного использования и других обстоятельств количество серебряной монеты в королевстве сильно сократилось, а ее ценность значительно снизилась, что привело к ее нехватке для платежей при сделках на суммы, меньшие, чем ценность существующих золотых монет, в силу чего в этом королевстве в обращении находится большое количество легковесной и фальшивой серебряной монеты и иностранной серебряной монеты, эту ситуацию, как и ее пагубные последствия, можно исправить лишь выпуском новой серебряной монеты... И принимая во внимание, что до настоящего момента узаконенным средством платежа на любые суммы в этом королевстве обычно служили как золотые, так и серебряные монеты, и одновременное наличие обоих благородных металлов в качестве стандартной меры ценности и эквивалента собственности создавало большие неудобства, целесообразно, чтобы отныне единственной стандартной мерой ценности и узаконенным средством платежа без каких-либо ограничений в отношении суммы платежа служили золотые монеты, несущие на себе клеймо Монетного двора, и чтобы серебряные монеты служили средством платежа лишь при небольших суммах в целях удобства обмена и торговли».

Были приняты меры к изъятию из обращения старой серебряной монеты и ее безотлагательной перечековки.

В период приостановки размена банкноты максимально обесценились в 1813 г. до уровня в 27% по отношению к золоту, а затем, после 1815 г., быстро выросли до номинала. К 1814 г. товарные цены в Англии выросли на 40%, после чего стали снижаться³⁹.

К осени 1816 г. премия на золото ненадолго упала ниже 1%, и директора Банка Англии, готовясь к возобновлению платежей в золоте, понемногу начали предпринимать меры по увеличению золотых резервов. В декабре они решили провести эксперимент, имеющий целью выяснить, каков будет спрос на золото при возобновлении размена. В соответствии с положениями закона от 1797 г. они в порядке эксперимента объявили, что начнут по первому требованию обменивать на золото банкноты мелких номиналов, выпущенные ранее определенной даты. К обмену было предъявлено лишь небольшое число банкнот. Ободренные этим обстоятельством, осенью 1817 г. они обязались по первому требованию погашать золотом банкноты любого номинала, выпущенные до 1 января 1817 г. Но это предложение привело к массовому наплыву требований на звонкую монету и вскоре было отозвано.

Хотя золотые монеты в 20 шиллингов чеканились еще в 1489 г., а начиная с 1485 г. время от времени чеканились также «соверены», в течение этого длительного периода соверен имел относительно второстепенное значение. В течение приблизительно полутора столетий главной английской золотой монетой оставалась гинея⁴⁰. По закону 1817 г. гинея и ее производные были заменены новым совереном (и полусовереном), приравненным к 20 шиллингам и содержащим 123,27 грана стандартного золота (пробы $^{11}/_{12}$), т.е. 113 гран чистого золота.

Золотой стандарт вступает в силу

В начале 1819 г. обе палаты парламента назначили секретные комитеты для рассмотрения вопроса о возобновлении размена. Оба комитета в итоге приняли рекомендацию о том, чтобы обязать Банк Англии с 1 февраля 1820 г. возобновить размен банкнот на золото в соответствии со специально разработанной шкалой понижения цен на золото, с возобновлением полной выплаты наличными не позже 1 мая 1823 г. Эта система по постепенному возврату к свободному размену банкнот на золото путем поэтапного изменения обменного курса так и не была воплощена на практике. Еще до

³⁹ Norman J. Silberling, *British Prices and British Cycles, 1779—1850, The Review of Economic Statistics, Supplement, 1923.*

⁴⁰ Интересный рассказ об изменении курса «гинеи» по отношению к серебру вследствие последовательной порчи серебряной монеты начиная с 1670 г. и до денежных реформ Джона Локка в 1698 г. и сэра Исаака Ньютона в 1717 г., когда гинея была приравнена к 21 шиллингу и оставалась на этом уровне до 1816 г., см. в статье «Guinea» в *Palgrave's Dictionary of Political Economy.*

февраля 1820 г. премия на золото исчезла, а 1 мая 1821 г. были полностью возобновлены выплаты звонкой монетой по паритету.

Таким образом, после бумажноденежного стандарта, просуществовавшего примерно четверть века, Англия вернулась к металлическому стандарту, но теперь это был золотой, а не биметаллический стандарт, отмеченный в 1797 г.

На основе законов 1816 и 1817 гг. английский золотой стандарт после возвращения к выплатам звонкой монетой в 1821 г. функционировал вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 г. В течение этого длительного периода в 93 года производился размен банкнот на золото, золото свободно переканивалось на монету, а ввоз и вывоз желтого металла осуществлялся без всяких законодательных ограничений. Когда обменный курс достигал экспортной золотой точки, золото вывозилось из страны, когда он достигал импортной золотой точки — ввозилось. Эта система действовала совершенно автоматически. На протяжении жизни трех поколений в британский монетарный стандарт не вносились существенных изменений, за исключением тех, что были вызваны изменением ценности и покупательной способности самого золота — эта тема будет рассмотрена ниже⁴¹. В банковской и кредитной системах страны происходило много важных нововведений, в первую очередь связанных с законом Пиля 1844 г., но их рассмотрение выходит за рамки нашей книги.

Вследствие этого золотой стандарт, действовавший в Англии с 1821 по 1914 г., не вызывает сколько-нибудь серьезных исторических дискуссий. В целом он функционировал ортодоксальным образом, сопровождаясь многими важными нововведениями в структуре банкнот и депозитов, которые мы не будем рассматривать. Его наиболее выдающиеся особенности будут освещены в главах V—VII в связи с обсуждением теории и механизма функционирования золотого стандарта. Касаясь истории английского золотого стандарта, можно без всяких оговорок процитировать известный афоризм Карлейля: «Счастлив народ, чьи хроники в книгах истории остались пусты».

⁴¹ См. с. 191—196.

ГЛАВА 3

ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ И ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ В США ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Жизнь Америки день за днем бурлит
вокруг нас, но с трудом находит свой язык.

Ральф Уолдо Эмерсон

До 1879 г. золотой монометаллизм в Америке не существовал. Тем не менее с самых первых дней заселения этой страны европейцами золото, по крайней мере в той или иной степени, всегда выполняло здесь роль базовых денег. Наш опыт использования золота можно разделить на четыре периода: 1) период до принятия Национального монетного акта (National Mint Act) 1792 г., т.е. приблизительно совпадающий с доконституционным периодом, когда в обращении находилось весьма незначительное количество золотых денег наряду с большими объемами серебряной и медной монеты и огромным количеством неразменных бумажных денег; 2) период биметаллизма, с 1792 г. до продолжительной приостановки размена на звонкую монету с конца 1861 г. (за исключением непродолжительной приостановки размена с 1814 по 1817 г.); 3) период гринбеков с 1862 по 1878 г., когда хождение золотых денег в сколько-нибудь заметных, да и то небольших, количествах имело место только на Тихоокеанском побережье, хотя золото продолжало исполнять вторичные монетарные функции по всей стране; 4) период золотого стандарта, от возобновления размена на звонкую монету в 1879 г. до Первой мировой войны.

ДОКОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Колониальный период

Золотые деньги в небольших объемах ходили в Америке с начала XVII в. наряду с куда более многочисленными испанскими серебряными долларами во всевозможных разновидностях и монетами дробных номиналов, некоторым количеством прочей зарубежной монеты и более редкими серебряными и медными монетами местной чеканки. Однако вплоть до обретения независимости золотые деньги не играли в Америке существенной роли.

В этот ранний период в Америке не чеканилась золотая монета и не велась добыча золота. Золотые деньги ввозились в колонии переселенцами; кроме того, золото благодаря торговле поступало из Англии, Франции, Голландии, испаноязычных стран, и в первую очередь из Вест-Индии. Вследствие того, что эти золотые монеты имели самый разный номинал и нередко

были сильно испорчены путем обрезки, исцарапывания и прочих махинаций, они принимались на вес, а не по номиналу.

До нас дошла очень скудная информация об этих ранних золотых деньгах. Представление об общей картине могут дать несколько сюжетов, почерпнутых из разных источников.

В XVII в. португальцы нашли в Бразилии месторождения золота и стали вывозить его в больших количествах в Португалию, откуда оно по торговым путям поступало в другие страны мира, включая Америку¹. Согласно Кросби², старые английские золотые нобли и марки иногда использовались в колониях в 1645—1690 гг. — если не сами монеты, то по крайней мере их названия. Чалмерс пишет³, что до 1704 г. золотые монеты в американских колониях «встречались редко и рассматривались в большей степени как жетоны (counters), нежели как настоящие деньги». В течение XVIII в. золото вытеснило серебро в качестве доминирующего металлического стандарта в британской Вест-Индии, куда попадало много золота из португальских и испанских источников, а также из северо-американских колоний, вследствие того что обменный курс был более благоприятен для золота, чем для серебра⁴.

В британском законе от 1750 г. упоминается ряд золотых монет, находившихся в обращении в колонии Массачусетс, включая британские гинеи, кроны и полукроны, а также португальские двойные и одиночные иоганнесы и мойдоры. С 1752 г. казначейские облигации Массачусетса стали погашаться серебром или золотом по фиксированному соотношению между ними, и в этой провинции получили распространение золотые монеты. Большое количество золота было ввезено в 1758 г. в Массачусетс из Англии для выплаты субсидий, утвержденных парламентом; четыре года спустя законодательное собрание Массачусетса констатировало, что «золото отныне составляет подавляющую часть средств торгового обмена в этой провинции»⁵.

Период Войны за независимость и Конфедерации

В 1776 г. Континентальный конгресс организовал комитет для изучения «ценности некоторых видов золотой и серебряной монеты, имеющих хождение в этих колониях, и тех соотношений, в которых они должны находиться к испанским серебряным долларам».

Вскоре после этого, по рекомендации комитета, было «постановлено, чтобы некоторые золотые и серебряные монеты, находящиеся в хождении

¹ A. Del Mar. *A History of the Precious Metals*, p. 336; см. также: Charles J. Bullock, *Monetary History of the United States*, pp. 13—14.

² S. S. Crosby, *Early Coins of America*, p. 30.

³ Robert Chalmers, *A History of Currency in the British Colonies*, p. 10.

⁴ International Monetary Conference of 1878, Report, pp. 418—419.

⁵ Ср.: Bullock, op. cit., p. 26; также см.: William G. Sumner, *A History of American Currency*, p. 41.

в вышеозначенных колониях, принимались государственным казначейством Континента и выплачивались в обмен на банкноты, выпущенные властью конгресса, при предъявлении оных к оплате по курсу, установленному в нижеследующей таблице⁶.

Далее там же требовалось «...всякого, кто предложит, потребует или получит оными банкнотами сумму большую, нежели золотом или серебром в монетах или на вес по вышеуказанному курсу, или получит банкнотами за какие-либо земли, строения, предметы или товары больше номинальной суммы, за которую то же самое может быть приобретено тем же самым лицом за золото или серебро, следует считать врагом свободы этих колоний и относиться к ним соответственно...»

Роберт Моррис в своем проекте по выпуску монеты, предложенном в 1782 г., писал: «...там, где монеты столь многочисленны [как сейчас в Америке], что умение разбираться в них превратилось в своего рода науку, низшие слои граждан постоянно страдают от тех, кто занимается порчей, истиранием, обрезкой, подделкой монеты и т.п... Нам уже известно из опыта, что преимущество золотых монет в этой стране значительно снизилось, ибо каждую отдельную монету необходимо взвешивать, прежде чем принимать ее в оплату»⁷.

Предложения по чеканке монеты. В период между 4 июля 1776 г., когда завершился колониальный период, и учреждением национального правительства 30 апреля 1789 г. было предложено несколько проектов по выпуску монеты для новой страны.

В 1782 г. Роберт Моррис, суперинтендант финансов Конфедерации с 1781 по 1784 г., представил на одобрение конгресса новый проект по выпуску монеты. Моррис был убежден в нежелательности биметаллизма и в том, что серебро в качестве единого стандарта предпочтительнее золота. Он писал: «Золото — металл более ценный, чем серебро, и качестве такового должно пользоваться предпочтением, но в силу того же обстоятельства оно чаще становится предметом махинаций. Его преимуществом является высокая ценность, облегчающая его перевозку, но бумага обладает этим преимуществом в еще большей степени, вследствие чего такая коммерческая нация, как Англия, прибегает к бумажным деньгам с целью содействия своей торговле, хотя большинство монет, находящихся в обращении, сделаны из золота. В нашей власти всегда будет иметь в обороте бумажные деньги в потребных нам пределах. Поэтому не может быть сомнений в том, что наш денежный стандарт следует привязать к серебру».

В то же самое время, когда Роберт Моррис давал Конгрессу свои рекомендации, Томас Джефферсон также готовил по этому же вопросу меморандум, предназначавшийся для Конгресса⁸. Джефферсон высказывался

⁶ В таблице приводится курс для 12 различных золотых монет британского, французского, португальского и испанского происхождения. International Monetary Conference, op. cit., pp. 421—422.

⁷ International Monetary Conference, 1878, pp. 426—427.

⁸ Ibid., pp. 437—443.

в пользу биметаллизма и предлагал взять в качестве базовой денежной единицы прекрасно известный публике испанский серебряный доллар. «Вполне возможно, — писал Джефферсон, — что в качестве разумной пропорции будет выбрано соотношение 15 к 1. Впрочем, это всего лишь предположение».

13 мая 1785 г. Континентальный конгресс получил доклад своего Большого комитета по денежной единице (Grand Committee of the Monetary Unit), в котором рекомендовалась биметаллическая система с денежной единицей, по своей ценности эквивалентной существующему испанскому серебряному доллару (оценивавшемся в 362 грана чистого серебра) при соотношении серебра к золоту 15 : 1 и выборе номиналов для монет на основе десятичной системы. Два месяца спустя Конгресс рассмотрел доклад комитета и единодушно постановил выбрать в качестве денежной единицы доллар, чеканить самую мелкую монету, составляющую $\frac{1}{200}$ часть доллара, из меди и привязать номинал монет к десятичной системе.

8 апреля следующего года совет Казначейства, состоявший из двух членов, Сэмюэла Остуда и Уолтера Ливингстона, направил в Конгресс предложение о монетной системе. В их докладах рекомендовалось принять в качестве денежной единицы серебряный эквивалент испанского серебряного доллара, делать стандартные монеты как из золота, так и из серебра, и выбирать их номинал на основе десятичной системы. Конгресс ответил на рекомендацию совета, приняв 8 августа 1786 г. постановление, в котором содержался подробный план монетной системы⁹. Этот план предусматривал выбор доллара, содержащего 375,64 грана чистого серебра, в качестве денежной единицы, десятичную систему номиналов монет, от 1 милля* до 10 долларов, чеканку монет достоинством от дайма (10 центов) и ниже из меди, а монет от дайма до доллара — из серебра и две золотые монеты. В отношении последних в постановлении указывалось, что одна монета, равная 10 долларам, должна содержать 246,268 грана чистого золота, чеканиться с изображением американского орла и называться «орлом» (eagle). Другая монета, равная 5 долларам, должна содержать 123,134 грана чистого золота, иметь аналогичную чеканку и называться «полуорлом» (half-eagle). Курс серебра к золоту рекомендовалось установить на уровне приблизительно в 15,25 к 1.

Хотя 16 октября Континентальный конгресс принял указ о создании монетного двора и чеканке золотой, серебряной и медной монеты, до учреждения нового национального правительства в этом направлении ничего не было сделано.

Учреждение национальной валюты

Металлические деньги и Конституция. После ратификации конституции национальное правительство получило полномочия «чеканить монету,

⁹ Ibid., pp. 450—541.

* Тысячная часть доллара. — *Прим. ред.*

регулировать ценность ее и иностранной монеты и устанавливать единицы весов». Эти полномочия предоставлялись исключительно на условиях, что «ни один из штатов... не может чеканить монету, выпускать кредитные билеты и предусматривать выплату долгов кроме как золотой или серебряной монетой». Из протоколов Конституционного конвента и дискуссий, сопровождавших принятие конституции, видно, что положения Конституции, связанные с монетной системой, практически не вызывали никаких споров, представляясь всем самоочевидными.

Наши отцы-основатели были знакомы с тем фактом, что на протяжении многих столетий европейские короли и прочие властители широко практиковали порчу монеты, извлекая из этого дополнительный доход как для государства, так и для себя лично. Адам Смит в книге «Богатство народов»¹⁰, изданной в 1776 г. и в последующие годы получившей большую популярность в Америке, писал, приводя множество исторических примеров:

«Не было, кажется мне, еще почти ни одного примера того, чтобы национальные долги, накопившиеся до известных пределов, были потом полностью и честно выплачены. Освобождение государственных доходов от лежащих на них обязательств, если оно вообще когда-нибудь происходило, всегда производилось посредством банкротства — в некоторых случаях открыто признанного, но всегда настоящего банкротства, хотя часто в виде фиктивного платежа.

Изменение объявленной стоимости монеты в сторону повышения служило наиболее употребительным средством, при помощи которого фактическому государственному банкротству придавался вид уплаты долгов...

О репутации государства, несомненно, очень мало заботятся, когда в целях избежания позора действительного банкротства прибегают к мошеннической уловке этого рода, столь легко разгадываемой и в то же самое время столь губительной.

Тем не менее почти все государства, как древние, так и современные, когда они оказывались перед такой необходимостью, в ряде случаев прибегали как раз к этой мошеннической уловке...

Посредством таких мероприятий, если не ошибаюсь, монета всех наций постепенно все более и более понижалась сравнительно со своей первоначальной стоимостью, и та же самая номинальная сумма постепенно стала содержать все меньшее и меньшее количество серебра».

Люди, принимавшие нашу конституцию, опасались передавать исполнительной власти чрезмерные полномочия в сфере денежного обращения, и потому разумно оставили за конгрессом право определять ценность национальных денег.

Доклад Гамильтона о чеканке монеты. 15 апреля 1790 г. палата представителей приняла указ, требовавший от министра финансов подготовить и представить палате план учреждения национального монетного двора.

¹⁰ Adam Smith, *The Wealth of Nations*, Bk. V, Chap. III. [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 859, 860, 861, 862.]

В ответ на этот указ Александр Гамильтон 28 апреля 1791 г. представил свой «Доклад о чеканке монеты», в котором продемонстрировал замечательное понимание принципов денежной науки. После освещения вопроса об общих принципах денежной политики новой нации Гамильтон дает ответ на шесть вопросов, связанных с чеканкой монеты. Однако в нашей работе о золотых деньгах заслуживают рассмотрения лишь первый и второй из этих вопросов¹¹, а именно: 1) «Какова должна быть природа денежной единицы Соединенных Штатов?»; и 2) «Какое следует избрать соотношение для золота и серебра, если будут выпущены монеты из обоих металлов?».

В качестве денежной единицы рекомендуется доллар. Прежде чем отвечать на вопрос, что должна представлять собой денежная единица, Гамильтон пытается дать ответ на вопрос «Что такое денежная единица?», выдвигая разумную теорию о том, что практичная новая единица должна обладать ценностью, очень близкой к ценности существующей единицы, с целью избежать колебаний цен и ставок заработной платы и не запутывать должников и кредиторов в их взаимных расчетах. Гамильтон приходит к выводу о том, что хотя во всех штатах в качестве счетной денежной единицы принят фунт, в качестве базовой монеты более удобен будет доллар.

Затем Гамильтон рассматривает вопрос о содержании серебра в основных разновидностях испанского доллара, находящихся в обращении, и приходит к выводу о том, что более старые и более ценные доллары невозможно найти и что «в массе своей монета, встречающаяся в обороте, состоит из более новых и менее ценных разновидностей». По его словам, на тот момент базовая монета представляла собой нечто среднее между долларом в 368 гран чистого серебра и долларом в 374 грана.

Рассматривая эту проблему с другой точки зрения, Гамильтон определяет рыночный курс золота к серебру приблизительно как 1 к 15. Умножая эквивалент доллара в чистом золоте, т.е. $24\frac{3}{4}$ грана, на 15, он получает цифру в $371\frac{1}{4}$ грана серебра за доллар, что почти в точности равнялось среднему содержанию чистого серебра в испанских долларах двух последних выпусков.

Гамильтон высказывается за биметаллизм. Следующий рассматриваемый Гамильтоном вопрос связан с тем, следует ли класть в основу новой монетной системы серебряный монометаллизм, золотой монометаллизм или биметаллизм. По его словам, вплоть до того момента все предложения и дискуссии были направлены на то, чтобы привязать будущую денежную единицу «исключительно к серебряному доллару». Однако, несмотря на доминирование этой идеи, Гамильтон заявляет, что сам он «в целом решительно склоняется к мнению о том, чтобы при выборе денежной единицы не отдавать предпочтения ни одному из этих металлов» и что «если при-

¹¹ Остальными четырьмя вопросами были: 3) «Каковы должны быть пропорция и состав сплавов каждого вида?»; 4) «Следует ли возложить расходы по чеканке монеты на правительство или на владельца материала?»; 5) «Каковы должны быть число, номинал, размер и вид монет?»; 6) «Следует ли дозволить обращение зарубежной монеты или нет, а если да, то по какому курсу и на какое время?».

дется делать выбор между тем и другим, то, возможно, серебру следовало бы предпочесть золото». Как он пишет, «для некоторых целей золото порой может считаться более надежным, чем серебро, ибо в силу большей ценности первого законы различных стран позволяют меньше вольностей при обращении с ним».

Как полагал Гамильтон, ценность золота в меньшей степени зависит от коммерческого спроса, нежели ценность серебра; и если в будущем относительная ценность золота и серебра может радикальным образом измениться, то, по его мнению, это скорее произойдет из-за изменения ценности серебра, а не золота. Однако эти преимущества золота над серебром Гамильтон не считал достаточными для того, чтобы оправдать применение одного лишь золота в качестве стандартного металла, заключая, что «в целом представляется наиболее желательным... не привязывать денежную единицу исключительно к какому-то из этих металлов, поскольку этого нельзя сделать, не отнимая у одного из них роли и качества денег и не превращая его в обычный товар...»

По словам Гамильтона, использование двух металлов как стандартных денег также благотворно скажется на развитии внешней торговли страны, «поскольку в ходе торговли нередко желательно иметь в своем распоряжении не только товары, но и деньги, наиболее пригодные для иностранного рынка».

Далее Гамильтон переходит к вопросу о том, каким должен быть монетный коэффициент между золотом и серебром при предлагаемой им биметаллической системе. Он признает, что монетный коэффициент должен по возможности совпадать с рыночным курсом двух этих металлов на ведущих мировых рынках, и в случае серьезного отличия монетного коэффициента от рыночного курса переоцененный металл вытеснит недооцененный металл из обращения. После длительного обсуждения вопроса о монетном коэффициенте Гамильтон не без колебаний делает вывод о том, что с учетом всех соображений этот коэффициент должен составлять 15 к 1.

На этом основании Гамильтон полагает, что «монетная единица Соединенных Штатов должна соответствовать $24\frac{3}{4}$ грана чистого золота, или $371\frac{1}{4}$ грана чистого серебра, составляющих доллар в качестве счетных денег». Следуя британской практике, он выступал за то, чтобы делать монету из золота и серебра пробы $\frac{11}{12}$. Номинал монет Гамильтон рекомендовал устанавливать на основе десятичной системы. Для начала он предлагал шесть номиналов монет, а именно золотые монеты в 10 долларов и в 1 доллар, серебряные монеты в 1 доллар и 10 центов и медные монеты в 1 цент и в полцента.

Также Гамильтон затрагивал вопрос о том, должен ли монетный двор взимать сбор за чеканку монет из золота и серебра, полученного от частных лиц. По мнению Гамильтона, «предполагая, что *небольшое* различие между ценностью монеты и выраженной в монетах ценой металла представляет собой наименее нежелательную меру, препятствующую переплавке монеты или ее вывозу за границу, и полагая, что при весьма умеренном использовании этой меры она не сможет принести вреда в других отноше-

ниях, министр склонен в порядке эксперимента установить сбор в размере половины процента для каждого из этих металлов».

Что касается иностранной монеты, то Гамильтон считал, что в новой системе национальной монеты должен быть обязательно предусмотрен запрет на ее хождение. Однако он рекомендовал, чтобы «в течение года после того, как монетный двор начнет работу, иностранная монета допускалась к обращению в точности на тех же условиях, что и сейчас», а затем в течение двух лет следует постепенно вывести такую монету из обращения. В скобках можно заметить, что в реальности иностранная монета исчезла из обращения лишь спустя примерно 65 лет¹².

ЗОЛОТО ПРИ БИМЕТАЛЛИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ, 1792—1861 гг.

Монетный акт 1792 г. 2 апреля 1792 г., после дискуссий, связанных главным образом с вопросом о том, следует ли чеканить на новой золотой монете портрет президента Вашингтона или слово «Свобода» с соответствующей эмблемой, и следует ли помещать на реверс монеты изображение орла¹³, сенат выступил за портрет Вашингтона, а палата представителей — за эмблему свободы. Палата представителей одержала верх, и законопроект стал законом. За исключением двух моментов во всех важнейших отношениях Монетный акт следовал рекомендациям Гамильтона. Этими исключениями были: 1) установление несколько иной степени чистоты серебра для монет (а именно 0,89240 вместо 0,91667)¹⁴ и 2) номинал монет. В Монетном акте предусматривались все номиналы, предложенные Гамильтоном, за исключением золотого доллара, но к ним добавлялись золотые монеты в пять и два с половиной доллара и серебряные монеты в 50, 25 и 5 центов, что нарушало почти строго десятичную систему номиналов, рекомендованную Гамильтоном.

Номинал медных монет в цент и полцента, учрежденных Монетным актом и последующим актом от 8 мая 1792 г., практически полностью соответствовал ценности содержащейся в них меди, точно так же как серебряные и золотые монеты имели практически точно ту же ценность, что и содержащийся в них металл¹⁵. Порча монеты и ее подделка должностными лицами и служащими монетного двора объявлялись уголовным преступлением и карались смертью.

¹² Edwin Walter Kemmerer, *Money*, pp. 355—356; см. также: Neil Carothers, *Fractional Money*, p. 78.

¹³ George G. Evans, *History of the United States Mint and American Coinage*, p. 15.

¹⁴ Цель этого отхода от рекомендаций Гамильтона состояла в том, чтобы при содержании в монете $371\frac{1}{4}$ грана чистого серебра общий вес монеты с учетом лигатуры (примесей) и серебра составлял 416 гран, что соответствовало приблизительно среднему весу испанских серебряных долларов, находившихся тогда в обращении.

¹⁵ См.: Carothers, *op. cit.*, pp. 64—65.

Этим законом в США была создана биметаллическая система, предусматривавшая два вида стандартных денег, привязанных друг к другу и совершенно равноправных в юридическом смысле. И золотые, и серебряные монеты в неограниченном количестве являлись узаконенным средством платежа и принимались в неограниченных количествах правительством при уплате налогов и всех прочих государственных сборов. Оба металла принимались на монетном дворе для чеканки из них монеты на одних и тех же условиях, при официальном курсе 15 к 1¹⁶. Это означало, что из золота, доставленного на монетный двор частными лицами, получалось монет на сумму в пятнадцать раз большую, чем из такого же количества серебра. Иными словами, унция золота, пошедшая на производство монеты, ценилась в пятнадцать раз выше, чем унция серебра.

Период недооценки золота, 1792—1834 гг.

31 июля 1792 г. в Филадельфии был заложен первый камень здания, предназначенного под Монетный двор — первого общественного здания, возведенного новым национальным правительством. Чеканка монеты началась в 1792 г. с выпуска небольшого количества серебряных и медных монет. Золотая монета начала чеканиться в 1795 г.

Курс 15 к 1, рекомендованный Гамильтоном и одобренный в Монетном акте, в то время был очень близок к рыночному курсу. Однако тот вскоре поднялся значительно выше 15 к 1 и (за исключением нескольких коротких периодов) оставался завышенным до 1833 г. За 39 лет — с 1795 г., когда были отчеканены первые золотые монеты США, до конца 1833 г. — средний коммерческий курс составлял 15,6 к 1.

Это означало недооценку содержащегося в монетах золота и переоценку серебра по сравнению с ценами на оба металла, существующими на рынке металлов, а также по сравнению с монетным коэффициентом во Франции с ее биметаллическим обращением — там монетный коэффициент с 1803 по 1833 г. номинально равнялся 15¹/₂ к 1, но в реальности, с учетом сборов за чеканку монеты, составлял 15,69 к 1. В результате низкого соотношения между золотом и серебром в качестве денег в Америке использовалось переоцененное серебро, а недооцененное золото уплывало во Францию и другие страны. Следующая диаграмма позволяет наглядно представить себе то, что происходило с американскими деньгами.

Золотая монета ежегодно выпускалась хотя бы в минимальных количествах с 1795 по 1833 г. (за исключением 1816 и 1817 г.). За эти 39 лет в США было выпущено золотой монеты примерно на 15,5 млн долларов. Около ²/₃ от этого количества составляли 5-долларовые монеты, чуть более 22% —

¹⁶ В течение первых трех лет по распоряжению директора монетного двора на каждый серебряный доллар шло 374³/₄ грана чистого серебра, а не 371¹/₄ грана, как требовалось в законе, вследствие чего фактический курс составлял 15,14 к 1 вместо 15 к 1. Эта ситуация была исправлена в ноябре 1795 г.

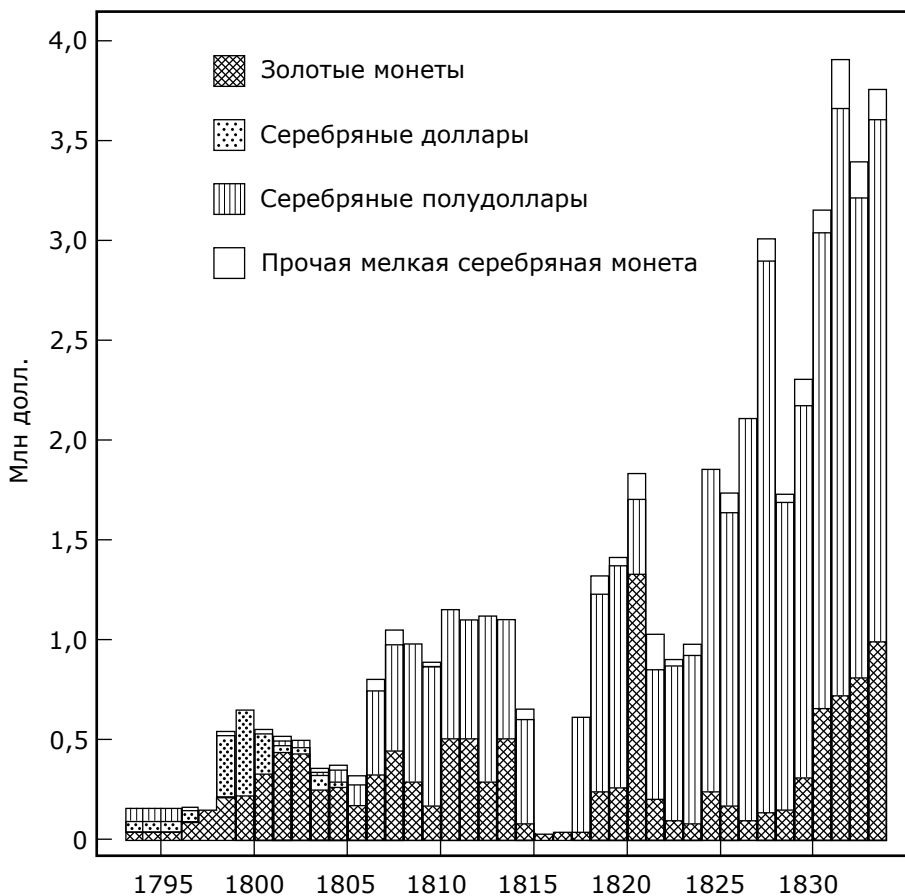

Рис. 1. Выпуск золотой и серебряной монеты Монетным двором США с 1793 по 1833 г.
(Источник: Kemmerer, *Money*, p. 337).

10-долларовые и примерно 10% — монеты в 2,5 доллара. В течение всего этого периода основной денежный оборот страны осуществлялся в серебряной монете, преобладание которой особенно резко проявилось в 1821—1833 гг., когда количество находившейся в обращении золотой монеты было весьма незначительно¹⁷.

Поскольку после 1806 г. серебряные доллары не чеканились, а до этого момента их было выпущено немного — примерно на 1,3 млн долларов, — в течение всего этого периода главной монетой страны служил полудоллар.

¹⁷ Начиная с 1821 г. важной причиной широкомасштабного вывоза золота служили возвращение Англии к платежам звонкой монетой и переход этой страны к золотому монометаллизму.

Из общего количества серебряной монеты, выпущенной с 1793 по 1833 г. на сумму в 36,3 млн долларов, 33,0 млн, или 90,9%, составляли полудолларовые монеты¹⁸. Все серебряные монеты дробных номиналов, выпущенные в этот период американского биметаллизма, были полновесными, т.е. содержали такую же долю серебра, что и серебряный доллар.

Неполноценная иностранная серебряная монета вытесняет из обращения американскую серебряную монету. Подобно тому как в течение большей части первого периода американского биметаллизма серебряная монета, переоцененная при монетном коэффициенте 15 к 1, в массовом порядке вытесняла из обращения недооцененную золотую монету, точно так же, в силу закона Грэшема, сильно истертая, обрезанная и в прочих отношениях неполноценная иностранная серебряная монета в массовом порядке вытесняла из обращения свежечеканенную американскую серебряную монету.

Первой жертвой этого процесса стал серебряный доллар. Правда, он содержал несколько меньше серебра, чем неистертые испанские серебряные доллары свежих выпусков, но зато больше, чем дефектные испанские доллары, обычно находившиеся в обращении. В силу этого предприимчивые люди собирали новые американские серебряные доллары и переправляли их по торговым каналам в Вест-Индию, где эта блестящая монета пользовалась популярностью и охотно принималась в обмен на более тяжелые испанские доллары, являвшиеся там основным средством обращения. Те переправлялись в США и пускались в оборот, лишившись части серебра в результате обрезки, исцарапывания, высверливания или истирания. Чеканка серебряных долларов практически прекратилась в 1805 г. и не возобновлялась до 1840 г.¹⁹

Таким образом, в первой трети XIX в. и золотые, и серебряные монеты выступали в качестве стандартных денег, однако при новом биметаллическом стандарте наблюдалось резкое преобладание серебра. Количество монеты, находившейся в обращении, был недостаточным, а ее состояние — неудовлетворительным. В активном обороте практически не имелось серебряных долларов, а золотые монеты встречались очень редко. В основном преобладали монеты в полдоллара, 25- и 10-центовики, а также более редкие 5-центовые монеты. Значительная доля монет, находившихся в обращении, состояла из обрезанных и сильно истертых иностранных монет, главным образом испанского происхождения.

Агитация за монометаллизм

К 1830 г. многие проникательные люди пришли к убеждению, что биметаллизм оказался несостоятельным и что его следует заменить монометаллической системой. Яркий пример такой убежденности мы находим в письмах

¹⁸ Kemmerer, op. cit., pp. 337, 340, 341; см. также: Carothers, op. cit., pp. 75—76.

¹⁹ С 1806 по 1839 г. включительно серебряные доллары чеканились в США лишь в 1805 г. — на 321 доллар, в 1836 г. — на 1000 долларов и в 1839 г. — на 300 долларов.

и докладах С. Д. Ингэма, который служил министром финансов в первые два года президентства Эндрю Джексона. В докладе сенату от 4 мая 1830 г. Ингэм сообщал: «Предложение оставить только один стандарт, в сущности, самоочевидно. В силу этого власти, на которые возложены эти обязанности, имеют возможность делать выбор иногда в пользу золота, иногда в пользу серебра как средства измерения собственности, отдавая предпочтение металлу, наиболее подходящему для этой цели, в качестве единственного стандарта... Ценность золота и серебра в их сравнении друг с другом... подвержена колебаниям, вызываемым деятельностью различных предприятий, политическими превратностями, выпадающими на долю тех или иных наций, и законами природы, которые невозможно предвидеть, обуздать или предотвратить... В нашем распоряжении есть простое и безотказное средство. Это средство сводится к выбору одной и только одной стандартной меры собственности»²⁰.

Хотя в тот момент многие выступали за то, чтобы заменить биметаллизм единым стандартом, вопрос о том, что выбрать в качестве этого стандарта — золото или серебро — вызывал серьезные разногласия. Сам Ингэм выступал за серебряный стандарт. Он говорил, что «стандартной мерой собственности следует объявить металл, достаточно распространенный для того, чтобы находиться в широком обращении, служа мерой ценности как при мелких, так и при крупных сделках»²¹. По его мнению, в такой стране, как США, где большинство сделок всякого масштаба осуществляется на бумажные деньги, отсутствие золотых монет в обращении не станет серьезным неудобством. Ингэм указывал, что Америка имеет давний опыт денежного обращения с незначительным количеством золотой монеты, но почти никогда не сталкивалась с отсутствием в обороте серебряной монеты. По его словам, отсутствие золотой монеты вызывает лишь небольшие неудобства, в то время как отсутствие серебряной монеты скажется куда более заметным образом. Он полагал, что если серебряная монета будет исчезать из обращения, на ее место придет не золото, а мелкие банкноты и билонная монета — «наихудшие разновидности бумажных денег»²².

В противоположность сторонникам серебряного монометаллизма защитники золотого стандарта считали, что золото предпочтительнее серебра в качестве стандартного денежного металла. Они указывали, что золото обладает более стабильной ценностью и что при золотом стандарте серебро в достаточном количестве останется в обращении благодаря таким мерам, как ограниченный выпуск серебряной монеты и превращение серебряных монет в билонные с ограничением на их использование в качестве законного средства платежа. Они ссылались на успех золотого стандарта в Англии с ее билонной серебряной монетой и на желательность иметь в Америке стандарт, соответствующий стандарту страны, с которой велась самая обширная торговля.

²⁰ См.: International Monetary Conference, op. cit., p. 577, 578.

²¹ International Monetary Conference, op. cit., p. 578.

²² Ibid., p. 577.

Аргументация сторонников золотого монометаллизма подкреплялась тем, что примерно в то время в Джорджии и Северной Каролине были открыты золотые месторождения, благодаря чему эти части страны оказались заинтересованы в учреждении золотого стандарта.

Биметаллизм продолжается

Тем не менее большинство думающих людей по-прежнему предпочитало биметаллизм, который, по их мнению, успешно функционировал во Франции, а в США не имел возможности проявить все свои достоинства.

К тому времени уже давно было признано, что монетный коэффициент 15 к 1, принятый в США в 1792 г., вскоре после этого оказался ниже рыночного курса, а также ниже монетного коэффициента во Франции. Агитация за то, чтобы повысить американский монетный коэффициент с целью вернуть золото в обращение, набрала особую силу после 1828 г. 2 февраля 1821 г. комитет палаты представителей по относительной ценности золотых и серебряных монет США представил доклад, в котором высказывался за повышение монетного коэффициента примерно до 15,6 к 1. Комитет выяснил²³, что золотые монеты — как иностранные, так и американские — в значительной мере исчезли и, насколько можно судить, есть причины опасаться, что они будут совершенно вытеснены из обращения. По словам комитета, не остается никаких сомнений в том, что золотые монеты Соединенных Штатов в соответствии с законами страны обладают меньшей относительной ценностью по сравнению с серебряными монетами, чем почти в любой стране мира.

4 мая 1830 г. министр финансов Ингэм выступил перед сенатом с большим докладом по вопросу о желательности изменения монетного коэффициента²⁴. По его мнению, при сохранении биметаллической системы и при желании вернуть золото в обращение наилучшим курсом, вероятно, следует считать 15,625 к 1. Комитет Ч. П. Уайта при палате представителей, в принципе отдавая предпочтение единому серебряному стандарту и тому, чтобы золотые монеты, если они останутся в обращении, играли роль вспомогательных денег, в двух своих докладах выступал за такой же коэффициент.

Несмотря на все соображения в пользу этого коэффициента, который примерно соответствовал французскому, 28 июня 1834 г. Конгресс поспешно издал закон, в котором устанавливался коэффициент 16,002 к 1. Чем объясняется такая внезапная перемена настроений, неизвестно. Отказавшись от коэффициента, чрезмерно переоценивавшего серебро, конгресс неожиданно впал в другую крайность и принял коэффициент, чрезмерно переоценивавший золото. Наиболее часто приводятся два объяснения: 1) конгресс решил поддержать золоторудную промышленность, развивавшуюся на

²³ *Finance Reports*, vol. III, pp. 660—661.

²⁴ См.: *International Monetary Conference*, op.cit., pp. 558—662.

ожных склонах Аллеганских гор; и 2) такая мера была призвана вытеснить из обращения банковские билеты Второго банка США — учреждения, с которым в то время энергично боролся президент Джексон.

Содержание чистого серебра в наших серебряных монетах в этот период законодательно не менялось. Изменение монетного коэффициента осуществлялось путем снижения общего веса золотой монеты (в пересчете на доллар) с 27 до 25,8 грана и содержания чистого золота в ней с 24,75 до 23,2 грана. Таким образом, в золотых монетах всех номиналов содержание золота уменьшалось примерно на 6,7% по сравнению со старым законом. Чистота золота в новой монете составляла 0,8992. Оказалось, что монетному двору неудобно соблюдать такой стандарт, и законом 1837 г. чистота золота была повышена до 0,900. Благодаря этой мере содержание чистого золота в золотой монете поднялось с 23,2 до 23,22 грана в пересчете на доллар и сохранялось на таком уровне все то время, пока в США чеканилась золотая монета.

С 1837 г. все наши золотые и серебряные монеты (за исключением серебряного трехцентовика в течение короткого периода²⁵) имели пробу 0,900. Изменение содержания золота в монете по закону 1837 г. привело к снижению монетного коэффициента с 16,001 к 1, установленного законом 1834 г., до 15,9884 к 1.

Согласно закону 1834 г., старые золотые монеты отныне принимались при всех платежах по ставке в 94,8 цента за пеннивейт, в соответствии с их слитковой ценностью в новых золотых деньгах, ценностью, по которой они исчезали из обращения.

В большинство последующих периодов нашей истории снижение содержания чистого золота в золотом американском долларе на 6,7% означало бы серьезную порчу денег. Однако то же самое нельзя сказать о периоде 1834—1837 гг., потому что за предшествовавшие десять с лишним лет в обращении почти не находилось американских золотых монет, а те немногие, что встречались, обычно шли с премией. Поэтому лица, имевшие долги, предпочитали выплачивать их в американской или испанской серебряной монете или в банкнотах на эквивалентную сумму, а содержание серебра в этих монетах по законам 1834 и 1837 г. не изменялось. Закон 1837 г. также отменил все сборы за чеканку монеты.

Новый коэффициент в действии

С момента принятия законов о чеканке 1834 и 1837 г. и до приостановки платежей звонкой монетой в конце 1861 г. новый американский монетный коэффициент находился на более высоком уровне, чем курс золота к серебру на мировом рынке и биметаллический коэффициент, принятый во Франции. Более того, после 1850 г. резко возросшее в результате открытия золотых месторождений в Калифорнии и в Австралии мировое производство золота еще сильнее усугубило это различие.

²⁵ См. с. 132.

Неизбежными следствиями такой переоцененности золота на американском монетном дворе стали резкое преобладание золотой монеты над серебряной и ярко выраженная тенденция к вытеснению серебра из обращения — в первую очередь это относилось к крупным серебряным монетам вследствие их минимального износа и относительно меньших расходов по их сбору. Рис. 2 иллюстрирует процессы, происходившие с 1834 г. до приостановки выплат звонкой монетой в конце 1861 г.²⁶

С 1834 по 1852 г. (последний полный год перед тем, как мелкую серебряную монету стали делать неполновесной) всего золотой монеты было выпущено на 225 млн долларов, а полновесной серебряной монеты (т.е. всей серебряной монеты, за исключением трехцентовиков 1851 и 1852 г.)²⁷ — на 41,2 млн долларов, т.е. на каждый доллар в серебряной монете было выпущено золотых монет приблизительно на 5,50 доллара. И хотя почти ежегодно с 1834 по 1850 г. серебряная монета чеканилась в значительном количестве, после 1850 г. выпуск полновесной серебряной монеты почти совершенно прекратился. Подавляющее большинство серебряной монеты, выпущенной с 1834 по 1852 г., составляли монеты по 50 центов (как и до 1834 г.). Из общего количества выпущенной за этот период серебряной монеты, составлявшего 41 200 000 долларов, серебряных долларовых монет было выпущено лишь на 1 067 000 долларов. Монеты в 25, 10 и 5 центов чеканились в значительно больших количествах, чем в предшествующий период.

До 1850 г. монетный коэффициент золота к серебру был ненамного ниже 16 к 1, что вело к очень сильной переоцененности серебряной монеты — большую часть времени премия на нее составляла около 1%. В то время как эта переоцененность приводила к быстрому исчезновению из обращения немногих выпущенных серебряных долларов, а также части полудолларов, ее было недостаточно для покрытия расходов на сбор и вывоз из страны мелкой монеты номиналом ниже 50 центов в сколько-нибудь значительных количествах и для получения существенной прибыли от этих операций. Поэтому приблизительно до 1850 г. серебряной монеты дробных номиналов не всегда имелось в изобилии, но все же ее заметного дефицита, который причинял бы публике серьезные неудобства, не наблюдалось. Однако большая часть монеты дробных номиналов в эти годы находилась в плохом состоянии.

Под влиянием массивованного наплыва золота на мировые рынки после открытия калифорнийских и австралийских месторождений курс золота к серебру в 1848—1859 гг. быстро падал, вследствие чего премия на серебряные монеты увеличилась. Например, если курс 15,85 к 1, существовавший в 1848 г., был равнозначен премии в 0,8% на американские серебряные монеты, то курс в 15,33, действовавший в 1853 г., был эквивалентен премии в 4,3%. Это привело не только к стремительному сокращению поступлений серебра на Монетный двор, но и к исчезновению из обращения серебряных

²⁶ См.: Kemmerer, op. cit., p. 352.

²⁷ Ср. с. 132.

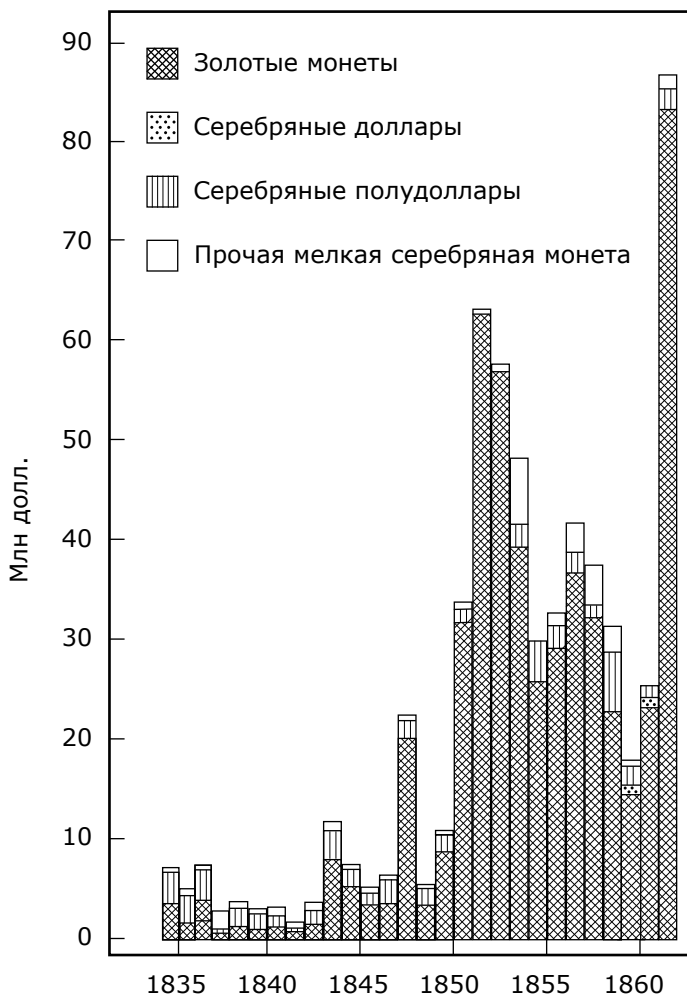

Рис. 1. Выпуск золотой и серебряной монеты Монетным двором США с 1793 по 1833 г.
(Источник: Kemmerer, *Money*, p. 337.)

монет — сперва полудолларов, а затем и более мелких. Публика повсюду возмущалась дефицитом разменной монеты.

Для исправления этой ситуации предпринимались различные меры. В 1849 г. правительство начало выпуск золотых однодолларовых монет, которых до 1862 г. было выпущено примерно на 19 млн долларов. В 1854 г. была начата чеканка трехдолларовых золотых монет, а после 1849 г. резко возрос выпуск золотых монет в два с половиной доллара. В обращение выпускались банкноты номиналом меньше доллара, а также дробных номиналов: 1,25 доллара, 1,50 доллара, 1,75 доллара. Кроме того, в обра-

щении находились банкноты и монеты, выпущенные частным образом. В сельских округах население все шире пользовалось «острой мелочью» или «рублеными деньгами», т.е. испанскими долларами, порубленными на четыре, восемь и шестнадцать частей. Помимо этого, надвое и на четверо рвались банкноты, и эти кусочки банкнот получили в народе известность как «обрывки» («rags»).

В то время в обращение поступила 3-центовая серебряная монета²⁸, историческое значение которой заключается в том, что это была первая американская неполновесная, или билонная, серебряная монета. Ее чеканка производилась по закону от 3 марта 1851 г., в соответствии с которым стоимость отправки письма почтой США была снижена с 5 до 3 центов. 3-центовая монета имела вес в $12\frac{3}{8}$ грана и изготовлялась из серебра 750-й пробы — все остальные наши золотые и серебряные монеты, как отмечалось выше, имели 900-ю пробу. В результате $33\frac{1}{3}$ 3-центовых монет весили столько же, сколько доллар, отсчитанный другими серебряными монетами, но чистого серебра в них содержалось на $16\frac{2}{3}\%$ меньше. Этой разницы вполне хватало, чтобы уберечь 3-центовую монету от плавильной печи и вывоза из страны. По закону платежи такой монетой ограничивались суммой в 30 центов — таким образом, 3-центовик стал первой американской серебряной монетой, имеющей ограничения как узаконенное средство платежа.

Англия на постоянной основе сделала свои билонные серебряные монеты фидуциарными деньгами с ограничением на использование в качестве узаконенного средства платежа еще в 1816 г., и вопрос о желательности снижения количества серебра в серебряной монете дробных номиналов и придания ей статуса разменной время от времени обсуждался в американских официальных кругах на протяжении по крайней мере поколения. В конгресс в разное время был внесен ряд законопроектов, содержащих тщательно разработанные планы такого рода. Однако первой фидуциарной, или билонной, серебряной монетой, появившейся в США, стала в 1851 г. эта 3-центовая монета, выпуск которой был начат отчасти из желания иметь монету с номиналом, удобным для покупки почтовых марок по новой цене. Такие 3-центовые монеты в больших количествах выпускались в 1851—1853 гг.

К 1853 г. неудобства, вызванные нехваткой мелких денег, стали настолько велики, что конгресс был вынужден предпринять дальнейшие шаги по обеспечению страны достаточным количеством разменной монеты. С этой целью 21 февраля 1853 г. был принят закон, по которому монетному двору запрещалась неограниченная чеканка серебряной монеты дробных номиналов, снижался вес всех таких монет (за исключением 3-центовых), а их использование в качестве узаконенного средства платежа ограничивалось пределом в пять долларов. Вследствие снижения веса содержание чистого серебра в серебряных монетах уменьшилось примерно на 7,6% на доллар по сравнению с собственно серебряным долларом²⁹.

²⁸ См.: Carotehrs, op. cit., pp. 108, 109, 111.

²⁹ Десять дней спустя конгресс изменил содержание серебра в 3-центовой монете, чтобы в этом отношении уравнивать ее с другими серебряными монетами дробных номиналов.

В течение следующих восьми лет выпуск серебряной монеты дробных номиналов производился в больших объемах, а уменьшенный вес этой монеты хорошо защищал ее от переплавки³⁰.

К 1860 г. Америка уже не испытывала недостатка в золотой монете. Страна избавилась от иностранной монеты и была вполне обеспечена мелкой серебряной монетой. Однако в этот момент разразилась гражданская война. 30 декабря 1861 г. банки приостановили размен на звонкую монету, место которой вскоре заняли банкноты, выпущенные правительством, а золотые и серебряные монеты в основном исчезли из обращения, за исключением некоторых регионов Дальнего Запада, в первую очередь Калифорнии и Орегона. Страна перешла на бумажноденежный стандарт, действовавший до 1 января 1879 г. После возобновления размена на звонкую монету на основании закона, принятого в 1873 г., в стране прочно утвердилась система золотого монометаллизма, т.е. единый золотой стандарт.

Поскольку темой нашей книги являются золотые деньги и золотой стандарт, мы не станем рассматривать 17-летний период действия бумажного стандарта³¹.

ОТМЕНА БИМЕТАЛЛИЗМА В 1873 Г.

В 1873 г. конгресс осуществил давно назревавшую ревизию и кодификацию наших законов о Монетном дворе и чеканке монеты. Следует подчеркнуть, что эти меры были приняты в период действия бумажного стандарта, когда в обращении почти не имелось серебряных монет, а бумажный доллар стоил всего 88 центов по отношению к золотому или серебряному доллару. Более того, с 1806 по 1872 г. серебряных долларов было выпущено на сумму приблизительно лишь в 6,25 млн долларов, в том числе 3,5 млн — после приостановки платежей звонкой монетой в 1861 г., и почти все эти деньги ушли на Восток в ходе торговых операций с этими странами. Все это привело к тому, что в 1873 г. американская общественность была слабо знакома с американским серебряным долларом и не имела особой заинтересованности в его обороте внутри страны. Соответственно, когда конгресс, кодифи-

³⁰ Начиная с издания Монетного акта 1792 г. и вплоть до середины XIX в. в обращении продолжали находиться испанские и мексиканские монеты. Хотя к середине века хождение мексиканских долларов сократилось, в обращении по-прежнему оставалось много испанских монет дробных номиналов — в 25, $12\frac{1}{2}$ и $6\frac{1}{4}$ цента. Эти монеты вносили путаницу в нашу монетную систему, но правительству долго не удавалось придумать, как от них избавиться. В конце концов 21 февраля 1857 г. был издан закон, по которому запрещалось использовать иностранные монеты в качестве законного средства платежа и предусматривались новые меры по изъятию этих монет из обращения. Этот закон, принятый в то время, когда в широких масштабах производился выпуск отечественной монеты дробных номиналов, позволил в короткие сроки собрать всю иностранную монету в Казначействе, откуда она была отправлена на Монетный двор для перечеканки в американские деньги.

³¹ Читатель, интересующийся историей бумажноденежного стандарта, найдет краткое описание этого периода в моей книге *Money*, Chap. XII.

цируя наши законы о чеканке, изъял из списка монет стандартный серебряный доллар, этот шаг почти не привлек к себе общественного внимания. Он воспринимался как юридическое признание уже свершившегося факта.

Однако из этого закона следовало, что неограниченная чеканка серебряных монет прекращается³², и хотя в стране еще семь лет де-факто существовал бумажный стандарт, а стандартный серебряный доллар, как и все золотые монеты, продолжал неограниченно использоваться как узаконенное средство платежа, он утратил статус стандартных денег. Таким образом, биметаллизм, юридически существовавший в стране с момента принятия Монетного акта 1792 г., был по сути отменен, и когда страна с 1 января 1879 г. вернулась к металлическому стандарту, это был де-факто монометаллический золотой стандарт; отныне разрешалась неограниченная чеканка только золотой монеты.

Тем временем Франция и другие члены Латинского монетного союза также отказались от биметаллизма, и подлинного биметаллического стандарта не осталось ни в одной стране мира.

Многие сторонники биметаллизма впоследствии утверждали, что, изъяв в 1873 г. стандартный серебряный доллар из списка американских монет, законодатели отменили биметаллизм исподтишка и даже мошенническим образом, из-за чего этот шаг заслужил прозвище «преступления 1873 года». Факты не подтверждают это обвинение³³, хотя депутаты конгресса явно не проявили должной осмотрительности в денежных вопросах, не понимая, какие серьезные последствия влечет за собой принимаемый ими закон.

НАЧАЛО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА ДЕ-ФАКТО

Мы только что узнали, каким образом закон 1873 г., в период действия бумажного стандарта покончивший с чеканкой малоизвестного американского серебряного доллара, создал ситуацию, при которой возобновление платежей звонкой монетой означало введение в стране золотого стандарта. Страна вернулась к металлическому стандарту, принявшему форму золотого монометаллизма, после принятия два года спустя закона о возобновлении платежей звонкой монетой, вступавшего в силу с 1 января 1879 г.

В этой связи для нас интересны: 1) положение закона о том, что после 1 января 1879 г. министр финансов обязан обеспечить «оплату монетой

³² Впрочем, закон предусматривал чеканку более крупных серебряных долларов (весом в 420 гран, вместо стандартных серебряных долларов по $412\frac{1}{2}$ грана), которые назывались «торговыми долларами» и предназначались для торговли со странами Востока. Использование этих монет в качестве узаконенного средства платежа ограничивалось суммой в 5 долларов, так же как и у серебряных монет дробных номиналов. Право неограниченной чеканки «торговых долларов» действовало лишь с 1873 по 1876 г., так же как и их использование в качестве платежного средства. Большинство этих монет было вывезено из страны, а оставшиеся изъяты из обращения в 1887 г. См.: David K. Watson, *History of American Coinage*, Chap. XVII.

³³ См.: J. Lawrence Laughlin, *A History of Bimetallism in the United States*, pp. 92—105; Watson, *op. cit.*, Chaps. VIII, IX.

предъявленных к погашению узаконенных средств платежа Соединенных Штатов в канцелярии помощника казначея США в городе Нью-Йорке на суммы, не меньшие 50 долларов...»; 2) положение, уполномочивающее министра финансов с целью обеспечения монеты для таких выплат «время от времени использовать избыточные поступления в казначейство, ...и выпускать, ...в пересчете на монету по курсу не ниже номинального» некоторые виды казначейских облигаций, предусматривающиеся предшествовавшими законами; 3) положение, обязывающее министра финансов изъять из обращения все гринбеки, превышающие 300 млн долларов³⁴, что составило 80% объема последних выпусков банкнот национальных банков³⁵.

Министр финансов, получавший по закону о возобновлении платежей звонкой монетой широкие полномочия, должен был разработать меры для возобновления платежей к намеченной дате.

Очевидно, что в сложившихся к тому времени условиях и согласно положениям закона единственным видом звонкой монеты, которой могли производиться выплаты, было золото. Свободная чеканка денег из серебра уже не осуществлялась, и в стране не имелось в хождении серебряных денег, которые бы могли в неограниченных количествах использоваться в качестве узаконенного средства платежа. Более того, золотой монеты в обращении находилось относительно мало, причем она была сосредоточена главным образом на Тихоокеанском побережье. Поэтому, чтобы иметь в достаточных количествах необходимую для погашения золотую монету, министр финансов был вынужден продавать государственные облигации за границей, что навлекло на его голову совершенно незаслуженную критику со стороны общественности. Этим секретарем был Джон Шерман, возглавивший Казначейство в 1877 г., при президенте Хейсе, и предпринимавший энергичные меры для накопления золотых резервов.

Акт о возобновлении платежей столкнулся с серьезным противодействием — главным образом со стороны людей, опасавшихся, что этот закон приведет к чрезмерному сокращению денежной массы в стране. Конгресс, под воздействием общественного мнения вынужденный пойти на уступки этим настроениям, 31 мая 1878 г. принял закон, в котором запрещалось дальнейшее уменьшение количества гринбеков в обращении. В результате количество гринбеков стабилизировалось в районе 347 млн долларов и пребывает на этом уровне по сей день.

Министр финансов Шерман полагал, что минимальные золотые резервы, при которых страна может безопасно вернуться к выплатам звонкой монетой, составляют 40% денежной массы, или около 138 млн долларов.

³⁴ В январе 1875 г. в стране находилось в обращении бумажных денег на 382 млн долларов и банковских билетов национального банка на 352 млн долларов.

³⁵ В силу того что действовавший тогда Закон о национальных банках требовал, чтобы национальные банки в крупных городах держали резервы в размере 25% суммы выпущенных ими банковских билетов, а в остальных городах — резервы в размере 15%, было сочтено, что вышеупомянутый 80%-ный предел позволит поддерживать чистое обращение гринбеков и банковских билетов национальных банков примерно на том же уровне, где он находился.

К 1 января 1879 г. Шерман накопил уже 133 млн долларов. Около $\frac{2}{3}$ этой суммы принесла продажа облигаций, а $\frac{1}{3}$ — избыточные государственные доходы. Под жестким руководством Шермана курс гринбеков к золоту медленно, но верно возрастал, и за две недели до 1 января, когда возобновились платежи звонкой монетой, гринбеки уже котировались по номиналу.

ЭПОХА ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА, 1879—1914 ГГ.

В течение 36 лет, с 1879 г. и до начала Первой мировой войны, американский золотой стандарт функционировал исправно и в полном соответствии со своими принципами, за исключением некоторых компромиссных законодательных мер в отношении серебра и резкого роста ценности золота в первой половине этого периода. Мы вкратце осветим эти моменты, прежде чем перейти к описанию удовлетворительного во всех остальных отношениях функционирования нового золотого стандарта.

Снижение товарных цен

С начала 1880-х годов и до самого конца столетия товарные цены в США демонстрировали тенденцию к снижению, как видно из следующей таблицы.

**Цены в США с 1879 по 1900 г.
1879 = 100**

Год	Оптовые цены, по данным Бюро статисти- ки труда	Общие цены ^а , по данным Федерального резервного бан- ка Нью-Йорка	Год	Оптовые цены, по данным Бюро статисти- ки труда	Общие цены ^а , по данным Федерального резервного бан- ка Нью-Йорка
1879	100	100	1890	92	106
1880	112	107	1891	91	107
1881	115	111	1892	85	104
1882	121	114	1893	87	106
1883	112	111	1894	77	101
1884	103	107	1895	79	101
1885	95	103	1896	76	100
1886	91	101	1897	76	100
1887	94	103	1898	79	100
1888	96	106	1899	85	104
1889	91	104	1900	91	107

^а Под «общими ценами» понимается взвешенный индекс оптовых цен, розничных цен, курса ценных бумаг и ренты (см. прим. на с. 194).

Аналогичная тенденция к снижению товарных цен наблюдалась и в других странах, где действовал золотой стандарт, включая Англию, Германию и Францию. Более того, в США ей предшествовал длительный период снижения цен (с 1865 по 1878 г.), сопровождавший дефляцию бумажных денег и повышение их курса по отношению к золоту. Наряду со снижением товарных цен в странах золотого стандарта наблюдалось также и падение цен на серебро с соответствующим изменением рыночного курса серебра к золоту, который в течение столетий оставался в пределах 14 : 1 — 16 : 1, теперь же вырос с 15,93 : 1 в 1873 г. до 18,39 : 1 в 1879 г. и до 34,20 : 1 в 1897 г.

Критика золотого стандарта со стороны биметаллистов

В течение двадцати лет политических баталий по денежному вопросу биметаллисты и иные силы, интересы которых были связаны с серебром, указывали на пагубные последствия падения цен, увязывая это явление в первую очередь с отменой биметаллического стандарта. Они утверждали, что происходивший с начала 1870-х годов переход многих ведущих стран мира с биметаллизма на золотой стандарт привел к постоянному усилению монетарного спроса на золото, в то же время резко снизив монетарный спрос на серебро и уничтожив прежний неограниченный рынок этого металла на монетных дворах. Вызванное этим снижение товарных цен в странах золотого стандарта, по их мнению, повлекло за собой много вредных последствий, среди которых особенно выделялись следующие.

Снижение цен, как полагали биметаллисты, имеет своим следствием возрастающую ценность, или покупательную способность, денежной единицы, в которой уплачиваются все долги, что приводит к непрерывному возрастанию бремени на классы должников, особенно фермеров, которые сталкиваются с хроническим снижением цен на свою продукцию, в то же время выплачивая долги по закладным долларами, ценность которых все время повышается.

Кроме того, биметаллисты утверждали, что постоянное снижение цен оказывает негативное воздействие на бизнес, вызывая безработицу и финансовые кризисы, и что возвращение к биметаллизму, при котором серебро будет дополнять золото в качестве стандартного денежного металла, увеличит денежную массу и тем самым остановит падение цен.

Другой аргумент, к которому прибегали биметаллисты, критикуя замену биметаллизма золотым монометаллизмом, сводился к тому, что последний разрушил так называемый *нексус* [сцепление] между странами с различным металлическим стандартом. До тех пор пока некоторые страны придерживаются биметаллического стандарта, неограниченно выпуская как золотую, так и серебряную монету при фиксированном монетном коэффициенте, колебания цен на серебро, выраженных в золоте, там, где существовал золотой стандарт, и цен на золото, выраженных в серебре, там, где существовал серебряный стандарт, будут незначи-

тельными. Благодаря этому вексельные курсы между странами, придерживавшимися любого из трех этих стандартов — биметаллического, золотого или серебряного — будут сохранять стабильность, как это наблюдалось до 1873 г.

С отменой биметаллизма, говорили биметаллисты, все изменилось. Нексус между золотом и серебром оказался разорван, и каждый из металлов пошел по своему пути. Вследствие этого возможные колебания вексельных курсов между странами золотого стандарта и странами серебряного стандарта могут быть неограниченно велики, что привносит новый существенный элемент риска и спекуляций в торговлю между странами, придерживающимися различных металлических стандартов. Это препятствует развитию торговли между странами золотого и серебряного стандартов, а также потокам инвестиций из одной страны в другую.

В защиту золотого стандарта

Самые веские аргументы сторонников золотого монометаллизма, выступавших против того, чтобы отказаться от золотого стандарта и вернуться к биметаллизму, заключались в следующем:

- 1) биметаллизм в течение столетий применялся во многих странах и неизменно заканчивался неудачей. В результате этих фиаско от него повсюду отказались, и после 1874 г. в мире не осталось ни одной страны с биметаллическим стандартом;
- 2) ни одна страна, включая США, недостаточно сильна для того, чтобы в одиночку поддерживать фиксированный курс золота к серебру, без которого невозможен биметаллизм, причем это особенно верно для заниженных курсов, вроде 16 : 1, за которые выступают большинство биметаллистов. Кроме того, сторонники золотого стандарта отмечали, что, как показывает опыт, работоспособное соглашение о международном биметаллизме, заключенное достаточным числом сильных государств, политически недостижимо;
- 3) серебро — материал слишком объемный и неудобный для того, чтобы в современных условиях стать стандартным металлом;
- 4) увеличение добычи золота и все более широкое применение банкнот и чековых депозитов, приводящее к более экономному использованию золота, вскоре остановит падение цен, «значение которого сильно преувеличивается биметаллистами»;
- 5) аргументация в защиту биметаллизма, связанная с необходимостью сохранения фиксированного паритета между странами золотого и серебряного стандарта, быстро теряет свое значение по той причине, что большинство развитых стран мира уже перешли на золотой стандарт, а в большинстве немногих оставшихся стран серебряного стандарта ширится движение за принятие золотого стандарта.

Несмотря на энергичные усилия заключить международное биметаллическое соглашение между ведущими странами³⁶, многочисленные попытки, продолжавшиеся на протяжении жизни целого поколения и получавшие значительную поддержку со стороны влиятельных заинтересованных кругов в ведущих странах мира, такое соглашение так и не было достигнуто. Проекты, подобные предложению Уильяма Дженнингса Брайана о национальном биметаллизме, никогда и нигде не получили серьезной научной поддержки.

«Как-нибудь помогите серебру»

Хотя американский золотой стандарт устоял против усилий тех, кто призывал к возвращению биметаллизма, ему пришлось пойти на уступки «серебряной группе», состоявшей главным образом из международных биметаллистов, национальных биметаллистов, вроде Брайана, и тех, чьи интересы были связаны с собственно серебряной индустрией, особенно в полудюжине штатов, являвшихся главными производителями серебра.

Закон Блэнда—Эллисона. Первой важной уступкой «серебряной группе» стал закон Блэнда—Эллисона, принятый в 1878 г., незадолго до возобновления платежей серебром и сохранявший силу вплоть до его замены законом Шермана 1890 г.

В связи с темой нашей книги нас в первую очередь должно интересовать содержащееся в законе Блэнда—Эллисона положение о чеканке стандартных серебряных долларов из серебра, которое министру финансов следовало приобретать по рыночным ценам «на сумму не менее двух миллионов долларов в месяц и не более четырех миллионов долларов в месяц с целью ежемесячной перечеканки такового, сразу же по его приобретении, в вышеозначенные доллары...» Любой владелец серебряных долларов, чеканившихся согласно этому акту, имел право сдавать их казначею или любому помощнику казначея США, получая взамен серебряные сертификаты номиналом не менее 10 долларов каждый. Монета, сданная в обмен на сертификаты или предназначенная для их обеспечения, должна была храниться в Казначействе для погашения сертификатов; последние же могли использоваться для уплаты пошлин, налогов и всех государственных сборов, а после возвращения в Казначейство могли снова выпускаться в обращение.

В течение всего срока действия закона Блэнда—Эллисона секретарь Казначейства, исполняя свою обязанность ежемесячно приобретать серебра не менее чем на два и не более чем на четыре миллиона долларов, держался ближе к минимальной цифре. Однако за весь этот период, несмотря на создаваемый этими закупками искусственный спрос на серебро, цена серебра, выраженная в золоте, почти непрерывно снижалась. С 1878

³⁶ См.: Henry B. Russell, *International Monetary Conferences, Their Purpose, Character and Results*.

по 1889 г. выпуск стандартных серебряных долларов достиг величины в 345 млн долларов. Тем не менее в большинстве частей страны серебряные доллары не пользовались популярностью. Публика, находя эти монеты неудобными и громоздкими, обозвала их «тележными колесами». Они скапливались в банках, а люди в больших количествах возвращали их государству, выплачивая ими налоги и другие государственные сборы.

Хождение серебряных долларов «по доверенности» обеспечивалось использованием серебряных сертификатов, особенно мелких номиналов, которые выпускались по закону 1886 г. К 1 июля 1890 г. в обращении находилось серебряных долларов лишь на 56 млн долларов, а сертификатов — на 298 млн долларов.

В личном письме Джеймсу Гарфилду от 19 июля 1880 г. министр финансов Шерман писал: «Закон о серебре грозит переходом в течение года с небольшим на единый серебряный стандарт... Путем неограниченного выпуска серебряной монеты я могу в любой момент спровоцировать кризис»³⁷.

Акт Шермана о закупках серебра 1890 г. В конце 1880-х годов закупки серебра в соответствии с законом Блэнда—Эллисона не вызывали у публики особого интереса, поскольку новые серебряные сертификаты, поступившие в обращение, в течение какого-то времени легко растворялись в обращении благодаря экономическому процветанию и сокращению банкнотного обращения. Однако Уильям Уиндом, первый министр финансов при президенте Гаррисоне, неожиданно привлек к этому вопросу широкое внимание, в своем первом ежегодном докладе президенту рекомендовав новый план по выпуску серебряной монеты, дополняющий закон Блэнда—Эллисона, действие которого Уиндому хотелось продлить. Хотя этот план так и не был принят, он стал основой для закона Шермана о закупках серебра 1890 г., заменившего в том же году закон Блэнда—Эллисона.

Новый закон представлял собой компромисс между требованиями крайних биметаллистов и сторонников золотого монометаллизма. Три принципиальных положения этого закона заключались в следующем.

1) На министра финансов возлагалась обязанность ежемесячно закупать 4 500 000 унций металлического серебра или столько, сколько можно было приобрести за ту же сумму по цене, не превышающей 1 доллар за количество серебра, содержащегося в серебряном долларе, т.е. около 77% унции; оплачивать же закупки серебра следовало путем выпуска денег нового типа, которые назывались «казначейскими билетами». Следует отметить, что когда цена на серебро снижалась, то объем выпуска казначейских билетов уменьшался, а когда цена росла, то увеличивался и объем билетов, в то время как согласно закону Блэнда—Эллисона, требовавшему ежемесячно закупать серебра не меньше, чем на два, и не больше, чем на четыре миллиона долларов, когда цена на серебро падала, то количество серебра, приобретаемого для перчеканки на серебряные доллары, возрастало, а когда цена возрастала, объем закупок сокращался.

³⁷ Цит. по: A. D. Noyes, *Forty Years of American Finance*, p. 74.

2) Казначейские билеты подлежали «размену на монету по первому требованию», а после погашения, согласно закону, они могли быть снова пущены в оборот. В свете последующих событий следует отметить положение закона, относящееся к погашению билетов. Оно гласило: «настоящим предусматривается, что по требованию держателя казначейского билета министр финансов обязан по своему усмотрению обменивать таковые облигации на золотую или серебряную монету и в соответствии с установленными им правилами, в силу официальной политики Соединенных Штатов по поддержанию паритета между двумя металлами по текущему узаконенному курсу или такому курсу, который может быть законно установлен».

3) В отличие от серебряных сертификатов, предусматривавшихся законом Блэнда—Эллисона, казначейские билеты получали статус неограниченного узаконенного средства платежа.

Начиная с принятия закона Шермана в июле 1890 г. и до его отмены в октябре 1894 г. правительство купило 169 млн унций серебра, оплатив их выпуском казначейских билетов на 156 млн долларов.

В течение большей части этого срока США и значительная часть Европы страдали от экономического кризиса — в такой момент страна едва ли справилась бы со значительным увеличением денежной массы. Публика скептически относилась к разумности такой меры, как выпуск новых казначейских билетов (обеспеченных серебром, которое уже в течение долгого времени обесценивалось по отношению к золоту), предпочитая им золото. Иными словами, в соответствии с законом Грэшема, люди придерживали хорошие деньги, а расплачивались плохими деньгами. Более того, из-за относительного изобилия денег вследствие поступления в обращение огромного количества казначейских билетов, вексельные курсы приблизились к экспортной золотой точке, и золото, для которого за границей имелся хороший рынок сбыта, потекло за рубеж, в то время как фидуциарные американские деньги, включая казначейские билеты, оставались внутри страны.

По словам Дьюи, «до принятия закона Шермана более 90% таможенных сборов на нью-йоркской таможне оплачивались золотом и золотыми сертификатами; летом 1891 г. доля золота и золотых сертификатов упала до 12%, а в сентябре 1892 г. составляла менее 4%. Соответственно возросло использование государственных облигаций и казначейских билетов 1890 г.»³⁸

Напомним, что закон Шермана о закупках серебра требовал, чтобы секретарь Казначейства «по своему усмотрению» обменивал казначейские облигации «на золотую или серебряную монету». Однако секретарь всегда выплачивал за предъявленные к погашению облигации так же, как по закону был обязан выплачивать за государственные облигации США — в золоте. За первые четыре месяца 1893 г. объем выплат составил более 50 млн долларов, при том что за соответствующие месяцы 1892 г. эта сумма не превышала $2\frac{1}{4}$ млн долларов. К апрелю 1893 г. золотой запас Казначейства упал ниже традиционного минимального уровня в 100 млн долларов. Число

³⁸ Davis R. Dewey, *Financial History of the United States*, pp. 443—444.

банкротств в стране в 1893 г. повысилось на 50% по сравнению с предыдущим годом, а общая задолженность по сравнению с 1892 г. увеличилась втрое. Ситуация была настолько отчаянная, что бизнесмены страны начали энергичную кампанию за созыв специальной сессии Конгресса с целью отмены Акта Шермана.

Президент Кливленд, в течение своего первого президентского срока решительно выступавший за массовую чеканку серебряной монеты в соответствии с законом Блэнда—Эллисона, с самого начала своего второго срока столь же решительно встал в оппозицию к закону Шермана. 30 июня 1893 г., через четыре дня после прекращения свободной чеканки серебряной монеты в Индии, Кливленд созвал чрезвычайную сессию конгресса, назначив ее на 7 августа. На следующий день после начала сессии он обратился к конгрессу с энергичным призывом отменить закон Шермана и другие законы, которые «заставляют усомниться или ошибочно оценивать намерения и возможности правительства в смысле выполнения им своих денежных обязательств, общепризнанных во всех цивилизованных странах». Объясняя причины утраты доверия, вызванной массированными закупками серебра, он сказал: «Между 1 июля 1890 г. и 15 июля 1893 г. запасы золота и золотой монеты в нашем Казначействе упали ниже отметки в 132 млн долларов, в то время как за тот же самый период запасы серебра и серебряной монеты в казначействе превысили уровень в 147 млн долларов. Если только не прибегать к непрерывной продаже государственных облигаций с целью пополнения истощившихся запасов золота, которые затем снова истощатся, очевидно, что исполнение закона о закупках серебра приведет к полной замене золота серебром в государственном казначействе, вслед за чем неизбежно начнется оплата всех государственных обязательств обесцененным серебром».

А это, по его словам, равнозначно отказу от золотого стандарта.

Борьба за отмену закона Шермана была тяжелой, однако президент одержал верх, и 30 октября 1893 г. был принят закон об отмене этого закона. Однако только два года спустя, после четырех выпусков облигаций, произведенных правительством с целью поддержания золотого стандарта путем непрерывного пополнения золотого запаса, и лишь после второго поражения Уильяма Дженнингса Брайана на президентских выборах, на которые он шел под лозунгом «Национального биметаллизма по курсу 16 к 1», страна вышла из кризиса и вернулась к надежному золотому стандарту.

Закон о золотом стандарте 1900 г.

Его прочность была обеспечена Законом о золотом стандарте 1900 г., который представлял собой четкое юридическое признание золотого стандарта, действовавшего с 1 января 1879 г., и был направлен на его дальнейшее исполнение.

В этом законе содержались два важных положения, а именно: «1) Доллар, состоящий из $25\frac{8}{10}$ грана золота пробы $\frac{9}{10}$... должен стать стандартной

единицей ценности, а все прочие виды денег и монет, выпущенные Соединенными Штатами, должны поддерживать паритет ценности по отношению к этому стандарту. Задача поддержания паритета возлагается на министра финансов... 2) Банкноты Соединенных Штатов и казначейские билеты... предъявленные для погашения в Казначейство, должны размениваться на золотую монету... С целью обеспечить своевременное и гарантированное погашение этих облигаций, предусмотренное данным законом, на секретаря Казначейства возлагается обязанность содержать в Казначействе отдельный резервный фонд из золотых монет и золотых слитков на сумму в сто пятьдесят миллионов долларов, каковой фонд следует использовать только в целях таких выплат, и всякий раз, как любые из вышеуказанных облигаций будут погашены из средств вышеуказанного фонда, обязанностью секретаря Казначейства будет использование вышеуказанных облигаций для незамедлительного восстановления и содержания данного фонда в прежних объемах...»

Оставляя в стороне историю длительной, но успешной борьбы с серебром, которую американский золотой стандарт вел в первую половину срока своего действия вплоть до 1914 г., а также обходя проблему повышения цены на золото в этот период, прочие существенные факты, связанные с этим периодом золотого стандарта, можно описать вкратце. С 1896 по 1914 г. наблюдалось умеренное снижение цены золота, выразившееся в повышении товарных цен. Это обесценение было обязано, в частности: 1) стремительному распространению депозитных денег и банкнот, которые заменяли золото в повседневном обороте и в качестве механизма по повышению эффективности существующего предложения золота, и 2) резкому увеличению мировых объемов денежного золота, поступавшего главным образом из новооткрытых золотых месторождений в Южной Африке. С 1896 по 1914 г. официальные цифры ежегодного мирового производства золота выросли с 203 до 408 млн долларов, или на 101%. В течение тех же самых 18 лет оптовые товарные цены в США выросли на 46%, а общие цены — на 41%.

В эти годы действия ортодоксального золотого стандарта чеканка золотой монеты на американских монетных дворах производилась неограниченно и бесплатно. Кто угодно мог доставить золото на Монетный двор и взамен получить такое же количество золота в монете, ничего не платя за процесс чеканки: взимались лишь сборы на покрытие расходов, связанных с «очисткой и разделкой» металла.

С 1879 по 1914 г. золотая монета ежегодно чеканилась в значительных количествах. Данные по общему выпуску монеты разного номинала приведены в таблице на стр. 144.

В течение этого периода экспорт и импорт золота не регулировался в США никакими пошлинами и прочими торговыми ограничениями, и ежегодно в обоих направлениях перемещались значительные объемы золота. Золото всегда пользовалось привилегией неограниченного средства платежа и принималось при уплате любых налогов и прочих государственных сборов. На практике все прочие виды легальных денег, как бумажных, так и металлических, обычно легко обменивались на золото по номиналу.

Выпуск золотой монеты на монетных дворах США с 1879 по 1914 гг.^а

Номинал, долл.	Общая сумма, долл.	Доля, %
20	2 537 977 000	69,00
10	472 658 000	12,79
5	661 495 000	17,78
3	72 402	
2,50	15 059 692	0,41
1	818 312	0,02
Итого	3 678 080 406	100

^а Рассчитано по ежегодным данным, приведенным в «Ежегодном докладе» директора Монетного двора (*Annual Report*, 1942, p. 69).

Золотые деньги обращались в значительной степени в виде золотых сертификатов («йеллоубеков»), которые появились согласно закону от 1863 г., наделявшему министра финансов правом выпускать их против вкладов золотыми монетами и слитками, причем размещенное в Казначействе золото, которым обеспечивались сертификаты, следовало в полном объеме хранить в Казначействе для выплат по сертификатам, предъявленным к обмену. Хотя эти сертификаты являлись истинными деньгами и обращались свободно, по своей природе они напоминали складские расписки. Золото принадлежало владельцу сертификата и находилось в обращении «по доверенности» в форме сертификата. В этот период сертификаты не были узаконенным средством платежа. Их количество в обращении составляло около 15 млн долларов в 1879 г., 131 млн долларов в 1890 г., 201 млн долларов в 1900 г. и 1026 млн долларов в 1914 г.

Как мы видели, единицей ценности служил золотой доллар, содержащий 23,22 грана чистого золота. Поскольку в унции содержится 480 гран, из унции золота можно было отчеканить американских золотых монет на 20,67 доллара. Чеканка золотых монет производилась свободно, т.е. кто угодно мог доставить любое количество золота на американский Монетный двор, где оно перечеканивалось в золотую монету, по 20,67 доллара из одной унции (за исключением небольших сборов за определение пробы, очистку, разделку золотых слитков и пр.), а любой, кто переплавлял американские полновесные золотые монеты, получал из золотых монет на 20,67 доллара унцию чистого золота. Таким образом, в Соединенных Штатах того времени говорить, что унция золота стоит 20,67 доллара, было все равно что говорить, что в одном футе насчитывается двенадцать дюймов; 20,67 доллара в реальности представляли собой унцию чистого золота, принявшую форму денег.

В 1914 г. в стране находилось в обращении денег примерно на 3,4 млрд долларов, в том числе около 1,6 млрд долларов в золоте и в золотых сертификатах, а остальная часть денежной массы состояла из различных бумажных денег, а также серебряных, никелевых и медных монет, в отношении кото-

рых правительство страны обязывалось поддерживать паритет с золотом. Однако около 90% деловых операций в стране, ежегодный объем которых достигал сотен миллиардов долларов, осуществлялось посредством банковских депозитов, обращавшихся в виде банковских чеков, «депозитной валюты». Тем не менее ценность каждого бумажного доллара в стране, ценность каждой монеты и ценность колоссального объема депозитной валюты выражались в золотых долларах, т.е. в пересчете на ценность 23,22 грана золота. Все, что влияло на ценность золота на мировом золотом рынке, влияло и на ценность золотых долларов, в которых осуществлялись эти колоссальные объемы деловых операций и в которых выражались и оплачивались все наши цены, ставки заработной платы и суммы задолженностей.

ГЛАВА 4

КРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА, ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЕ И НОВАЯ КОНЧИНА

*C'est la guerre*¹.

Автор неизвестен

В течение почти $\frac{4}{5}$ тридцатилетнего периода действия золотого стандарта, рассматриваемого в настоящей главе, большая часть стран мира придерживалась бумажноденежного стандарта. Из крупных стран исключением из этого правила являются Китай, в котором $\frac{2}{3}$ этой эпохи действовал серебряный стандарт, а $\frac{1}{3}$ — бумажный стандарт, и Соединенные Штаты, в которых золотой стандарт действовал на протяжении 90% данного периода.

Подавляющее большинство ведущих стран мира придерживалось золотого стандарта всего около шести лет, подошедших к концу в начале 30-х годов. Поскольку темой нашей книги являются золотые деньги и золотой стандарт, недавний опыт бумажноденежного стандарта, даже при том что он представляет несомненный интерес для всех исследователей денег, рассматриваться не будет.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Когда в 1914 г. разразилась война, в мире насчитывалось 59 стран, в которых, по сведениям Управления Монетного двора США, действовал золотой стандарт (включая золотодевизный стандарт)². Сюда входила практически вся Европа, большая часть Азии за исключением Китая, вся Северная Америка за исключением Мексики и значительная часть Южной Америки, включая три из четырех главных стран этого материка. Власти Китая в то время всерьез обсуждали возможность введения в стране золотого стандарта, а Мексика лишь ненадолго отказалась от золотого стандарта в годы революции.

Но затем под натиском мировой войны за каких-то два-три года золотой стандарт практически исчез с карты мира. Последней отказавшейся от него крупной страной стали США, которые в 1917 г. объявили эмбарго

¹ «Это война» (франц.). — Прим. перев.

² *Monetary Systems of the Principal Countries of the World*, 1916, pp. 3—4.

на вывоз золота. 10 лет войны и послевоенного восстановления увидели не только повсеместный крах золотого стандарта — десятки стран, перешедшие на бумажный стандарт, столкнулись с очень серьезной инфляцией. В некоторых воевавших странах, например Германии, России и Польше, цены взлетели до астрономических величин. В других странах инфляция, будучи суровой, все же не достигла астрономического уровня; например, во Франции, Бельгии и Италии рост цен составил порядка 300—600%. Кое-где инфляция также была весьма ощутимой, однако не настолько высокой. Например, в Англии с 1914 по 1920 г. уровень оптовых цен вырос на 195%; в Норвегии с января 1915 г. по декабрь 1920 г. — на 128%, а в США с сентября 1917 г. по конец июня 1919 г. — за недолгий 21-месячный период действия золотого эмбарго — оптовые цены выросли на 10%.

За немногими исключениями действие бумажноденежных стандартов в эпоху войны и первые послевоенные годы привело к поистине катастрофическим результатам. В том, что касается экономической сферы, самое сильное убеждение, которое население Европы вынесло из войны, состояло в том, что *никогда больше* они не желают испытывать бедствия, навлеченные на их голову оргией инфлированных бумажных денег. Повсюду наблюдалось массовое желание вернуться к «твердому» («solid») денежному стандарту — к чему-то, что заслуживало бы доверия; а в тогдашнем обезумевшем мире кроме золота не было иного товара, к которому люди испытывали бы больше доверия.

Всеобщее стремление к возвращению золотого стандарта

Соответственно, во всех частях мира обсуждались планы и предпринимались меры по скорейшему восстановлению международного золотого стандарта. Поразительно, но в первые послевоенные годы практически не наблюдалось агитации за какие-либо иные виды денежного стандарта, кроме золотого.

На состоявшейся в Брюсселе в 1920 г. Международной финансовой конференции, в которой участвовали все 39 ведущих стран мира, единогласно была принята резолюция: «Крайне желательно, чтобы все страны, отказавшиеся от фактического золотого стандарта, вернулись к нему...» Два года спустя, на Международной экономической конференции в Генуе было объявлено: «Экономическое восстановление Европы будет возможно только при условии, что каждая страна обеспечит стабильность своей валюты... Проведению денежной реформы будет способствовать установление практики постоянного сотрудничества между центральными банками... Желательно, чтобы все европейские валюты были привязаны к общему стандарту... Золото — единственный общий стандарт, на принятие которого в настоящее время согласны все европейские страны... В течение ближайших лет во многих странах восстановление эффективного золотого стандарта невозможно; однако, идя навстречу общим интересам, всем ев-

ропейским правительствам следует провозгласить, что в этом заключается их конечная цель, и принять программу по достижению этой цели».

Такова, вкратце, была ситуация, когда послевоенный мир начал возвращение к золотому стандарту.

ВОЗВРАТ К ЗОЛОТУ

Со снятием эмбарго на вывоз золота в июне 1919 г. Соединенные Штаты стали первой страной, вернувшейся к золотому стандарту после войны. Поскольку США отошли от принципов золотого стандарта лишь ненадолго и несильно и поскольку в тот период внутри страны в обращении оставалось значительное количество золотой монеты при сохранении ее паритета с другими деньгами, возвращение к золоту не сопровождалось какими-либо неприятными последствиями³. В течение следующих восьми лет большинство остальных стран мира также вернулось к золотому стандарту, и к 1927 г. число стран, в которых действовал золотой стандарт, было велико как никогда.

Стабилизационные курсы

Одной из наиболее дискуссионных денежных проблем в годы возвращения к золотому стандарту были курсы стабилизации, т.е. вопрос о золотом содержании новых денежных единиц каждой страны, включая вопрос о том, по какому курсу существующие обесцененные бумажные деньги должны обмениваться на новую единицу. Эту проблему предстояло решать в десятках стран, и объем посвященной этой теме литературы — как официальной, так и неофициальной — колоссален. Подробное обсуждение этой проблемы не входит в задачу нашей книги, но было бы полезно кратко рассмотреть некоторые наиболее важные моменты.

Во многих странах, где деньги обесценились особенно сильно, возвращение к довоенному золотому паритету даже не обсуждалось. Оно повлекло бы за собой катастрофическую дефляцию. Для таких стран единственным выходом была стабилизация с помощью такой золотой денежной единицы, которая бы соответствовала приблизительной текущей стоимости (или бы была ей кратна) существующих бумажных денег. Суть сводилась к тому, чтобы дать ценам и валютным курсам возможность «вернуться к нормальному равновесию» (или к «паритету покупательной способности»), а затем стабилизировать их примерно на этом уровне.

В широком смысле такой политики придерживалось большинство таких стран; мы приведем лишь наиболее типичные примеры. *Франция* стабилизировала свою валюту на уровне приблизительно 5 к 1, приравняв бумаж-

³ В течение трех лет, с 1917 по 1919 г., в Америке не чеканилась золотая монета (за исключением небольшого количества памятных долларов).

ный франк к золотому франку, содержащему в себе чистого золота примерно в пять раз меньше, чем старый золотой франк (закон от 25 июня 1928 г.). В *Бельгии* стабилизационный курс составил примерно 7 к 1 — бельгийский бумажный франк был приравнен к новому золотому франку, золотое содержание которого составляло 14,4% золотого содержания довоенного франка (королевский указ от 25 октября 1926 г.). *Италия* выбрала стабилизационный курс на уровне около 3,7 к 1 — итальянская бумажная лира была приравнена к новой золотой лире, золотое содержание которой составляло примерно 27,3% золотого содержания довоенной лиры. Стабилизационный курс в *Греции* с ее новой золотой драхмой равнялся приблизительно 15 к 1. В *Австрии* была создана новая золотая денежная единица, ценность которой в золоте соответствовала примерно 14 центам США того времени; австрийские бумажные деньги обменивались на эту новую единицу по курсу 10 000 к 1. *Польша* последовала примеру Австрии, установив обменный курс для бумажных денег на уровне 1 300 000 к 1. В *Германии* за 1 трлн бумажных марок давали одну новую золотую рейхсмарку, имевшую такое же золотое содержание, что и довоенная марка.

Для тех стран, в которых бумажные деньги несильно обесценились по отношению к золоту — т.е. для *США*, *Канады*, *Швейцарии*, *Греции*, *Аргентины* и *Венесуэлы* — было логично произвести стабилизацию денег на уровне довоенного золотого паритета; именно так эти страны и поступили.

Страны, занимавшие промежуточное положение, т.е. те, в которых в течение значительного времени наблюдалось заметное, но умеренное обесценивание денег по сравнению с довоенной золотой единицей, столкнулись с более серьезной проблемой: вернуться ли им к довоенному золотому паритету или провести стабилизацию денег на сложившемся уровне? В эту группу стран попали Великобритания, Австралия, Южно-Африканский Союз, Нидерланды, Норвегия, Дания и ряд других стран.

Основные аргументы в пользу дефляции денег до предвоенного золотого паритета были следующими:

- 1) этого требовали соображения этики. В этом случае как государственные, так и частные долги подлежали выплате в давней, законной денежной единице страны — в той же самой единице, в которой брались невыплаченные довоенные долги;
- 2) такая мера поддержала, а возможно, даже укрепила бы престиж страны в финансовом мире. Взять, например, британский золотой фунт стерлингов, в течение почти ста лет не подвергавшийся порче, превратившийся в международную единицу счета и денежных расчетов не только в обширной «стерлинговой зоне», но и почти во всех остальных странах мира. Престиж фунта был настолько велик, что жертвы, принесенные ради поддержания этого престижа, были бы вполне оправданными;
- 3) такая мера позволила бы и дальше использовать деньги, находившиеся в то время в обращении, одновременно вернув в обращение тезавриро-

ванную звонкую монету⁴ (хранящуюся как в стране, так и за границей), тем самым принеся пользу и широкой общественности, и экономике страны.

За возвращение к довоенному золотому паритету также в массовом порядке выступали различные заинтересованные лица, рассчитывавшие извлечь из этого выгоду:

- 1) кредиторы, расчеты с которыми в случае возвращения к старому золотому паритету производились бы в более ценной денежной единице;
- 2) импортеры, ожидавшие временного увеличения прибылей из-за повышения покупательной способности отечественных денег за рубежом;
- 3) отдельные группы организованных рабочих, чьи заработки в военное время выросли на волне инфляции и которые считали себя достаточно сильными для того, чтобы оказать сопротивление сокращению заработной платы при снижении стоимости жизни вследствие выполнения национальной программы дефляции.

Аргументы, выдвигавшиеся в пользу стабилизации более-менее на существующем уровне ценности денежной единицы в золоте, которые, естественно, в большей или меньшей степени представляли собой обратную сторону медали, сводились к следующему:

- 1) сопутствующий дефляции длительный период снижения цен и сокращения заработной платы окажет негативное влияние на экономическую жизнь страны, вызвав кризис, безработицу и многочисленные банкротства;
- 2) дефляционная программа позволит кредиторам нажиться за счет должников;
- 3) создав временные стимулы для импорта, дефляция также приведет к временному росту цен на экспортные товары, выраженные в иностранной валюте, что приведет к сокращению экспорта;
- 4) сторонники стабилизации по принципу статус-кво отвечали на «этический» аргумент своих противников указанием на то, что значительная часть невыплаченных долгов была взята уже после начала войны в обесценившихся бумажных деньгах, и было бы неэтично заставлять людей, которых война вынудила брать в долг обесцененные бумажные деньги, платить по своим обязательствам деньгами большей ценности.

Что касается экспортной торговли страны, утверждали сторонники статус-кво, то она лишь выиграет от того, что ценность денег стабилизируется на сложившемся уровне, поскольку зарубежным импортерам будет выгоднее покупать продукцию данной страны, если ее деньги будут дешевыми по отношению к их деньгам. В случае же дефляции обменные курсы отечественных денег к иностранным валютам будут расти более высокими темпами, чем темпы падения цен на экспортные товары.

⁴ Поучительный эпизод из жизни Мексики в годы войны, включая крупномасштабное возвращение тезаврированной золотой монеты в обращение после долгого периода инфляции, см.: Edwin Walter Kemmerer, *Inflation and Revolution*, pp. 114—118.

В большинстве стран этой промежуточной группы, наиболее ярким примером которых являлась Великобритания, стабилизация была осуществлена путем дефляции и возвращения к довоенному золотому паритету.

Вне зависимости от плюсов и минусов обоих вариантов, не вызывает сомнений, что многочисленные экономические проблемы, с которыми в 20-е годы столкнулись эти страны, и в первую очередь Великобритания, в значительной степени были вызваны политикой дефляции* и восстановления довоенного золотого паритета.

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ 1920-Х ГОДОВ

В кратком описании восстановленного золотого стандарта 1920-х годов основное внимание следует уделить следующим трем фактам: 1) ослабленная войной и нездоровая экономическая ситуация, в которой функционировал восстановленный золотой стандарт; 2) изменившийся и выхолощенный характер самого золотого стандарта; и 3) его недолговечность. Последующие страницы посвящены обсуждению трех этих моментов.

Новая экономическая ситуация

Новый золотой стандарт должен был функционировать в иных условиях, гораздо менее благоприятных по сравнению с периодом довоенного золотого стандарта. Среди важных факторов, изменившихся к худшему, можно выделить следующие:

- 1) опустошения, вызванные величайшей в истории войной — уничтожение собственности на десятки миллиардов долларов и гибель более 13 млн человек, представлявших собой самый цвет человечества — людей, чей расцвет пришелся бы как раз на это время, если бы они остались в живых;
- 2) большие диспропорции в послевоенном производстве многих базовых товаров, вызванные желанием многих стран в военное время производить для внутреннего потребления те товары, импорт которых стал невозможен из-за условий войны, либо производить определенные виды продукции в увеличенном объеме для военных нужд. В результате к концу войны вокруг экономически неэффективных (в мирное время) производств сложились опасные для экономического развития коалиции интересов. Возникло избыточное предложение различных товаров, снижающее эффективность мирового экономического производства и распределения и ставшее важным фактором серьезного упадка всемирной международной торговли;

* То есть сокращения денежной массы. — *Прим. ред.*

- 3) вызванное инфляцией колоссальное перераспределение богатства с сопутствующей несправедливостью, экономическими проблемами, политическим недовольством и снижением эффективности капитала;
- 4) серьезные и постоянно возрастающие ограничения международной торговли в форме высоких пошлин, квотирования, валютного контроля, девальваций валют, антидемпинговых мер, произвольных оценок таможенной стоимости, так называемых *клиринговых соглашений* и т.п. Многие из этих ограничений были результатом попыток сохранить неэффективные отрасли, избыточное производство отдельных видов товаров или чрезмерно высокие ставки заработной платы, порожденные неестественными условиями войны. Они представляли собой расточительное сопротивление естественной экономической ликвидации последствий войны;
- 5) быстрое сокращение производства важнейших базовых товаров, накопленных в мире вследствие попыток игнорировать закон спроса и предложения посредством поддержания искусственно завышенных цен при отсутствии контроля за предложением такой продукции; в качестве примера можно упомянуть каучук, кофе, медь, пшеницу и сахар;
- 6) бремя межсоюзнических долговых обязательств, и в первую очередь — неопределенность и трения, порожденные попытками решить проблему военных долгов.

Новый ослабленный золотой стандарт

Послевоенному золотому стандарту не просто приходилось функционировать в гораздо менее благоприятных условиях, чем в довоенное время, — сам этот стандарт был сильно ослаблен. Три главные причины слабости состояли в следующем.

Золотодевизный и золотослитковый стандарты вытеснили золотомонетный стандарт. За пределами США и некоторых второстепенных стран преобладавший до войны золотомонетный стандарт, который отличался свободной чеканкой золотой монеты и полной конвертируемостью фидуциарных денег в золотую монету по первому требованию, уступил место золотослитковому и золотодевизному стандартам⁵. В обоих случаях чеканка и хождение золотой монеты обычно отсутствуют, и малообеспеченным людям затруднительно приобретать золото в виде монеты. В условиях стандартов нового типа тезаврирование золота, приводящее к переменному спросу на желтый металл и нередко сдерживающее действие инфляционных сил, для широких масс населения становится почти невозможным.

⁵ При золотослитковом стандарте бумажные деньги обычно обмениваются только на золотые слитки крупных номиналов; а при золотодевизном стандарте в обмен на бумажные деньги выдаются главным образом или исключительно расписки на большие количества золота, которое хранится в резервных фондах, расположенных в одном или нескольких финансовых центрах за пределами страны. См. с. 171—175 и 183—184.

Податливость послевоенного золотого стандарта к манипулированию. Послевоенному золотому стандарту почти нигде не было свойственно такое же автоматическое функционирование, которым отличался довоенный стандарт. В условиях золотослиткового и золотодевизного стандартов правительства и центральные банки получают больше возможностей манипулировать денежной массой и «ускользать от золотых точек», чем при золотомонетном стандарте с его разменом на звонкую монету и наличием золота в обращении. Вмешательство государства в экономику, в военное время достигшее новых высот, продолжалось долгое время после того, как нужда в нем отпала. И в первую очередь это относилось к денежной сфере. Непосредственно, а также через центральные банки, все сильнее подпадавшие под контроль государства, власти в массовом порядке регулировали денежное обращение своих стран. Центральные банки уже не полагались на скромное манипулирование учетными ставками и мелкие нечастые операции на открытом рынке как на основные средства монетарного и кредитного управления; они все активнее прибегали к крупным операциям на открытом рынке, вводили валютный контроль и манипулировали резервными требованиями. Одни из этих мер были полезными и научно обоснованными, другие же носили политический характер или приводили к вредным последствиям. Невежественное вмешательство слишком часто затрудняло работу естественных сдержек и противовесов экономических сил. Нормальные экономические силы оттеснялись на обочину еще до того, как получали шанс исправить зло. Дело сводилось не столько к выбору между вмешательством или невмешательством, сколько к чрезмерному вмешательству и к слишком большому числу некомпетентных менеджеров.

Недостаточные золотые резервы. В-третьих, большинство стран, вернувшихся в конце 1920-х годов к золотому стандарту, не обладали достаточными резервами золота, которое они получали главным образом путем займов за границей.

Недолгая жизнь послевоенного золотого стандарта

В конце концов, еще до того, как новый золотой стандарт успел усовершенствоваться и прочно встать на ноги, он был погублен мировым экономическим кризисом начала 1930-х годов. Все страны, вернувшиеся к золотому стандарту после войны, и те немногие, которые установили у себя золотой стандарт *de novo*, отказались от него в 1929—1936 гг. Нередко затруднительно указать точную дату, когда та или иная страна реально отменила золотой стандарт, поскольку отказ от золотого стандарта де-юре обычно происходил позже, чем отказ де-факто, и, что важнее, последний зачастую осуществлялся не разом, а постепенно. Из 59 стран, отказавшихся в 1929—1936 гг. от золотого стандарта, ниже в хронологическом порядке перечислены 20 наиболее значительных⁶.

⁶ См.: League of Nations, *Monetary Review*, 1937, p. 111.

	1929	
Аргентина		Декабрь
Австрия		Декабрь
Уругвай		Декабрь
	1931	
Бразилия		Март
Германия		Июль
Великобритания		Сентябрь
Индия		Сентябрь
Норвегия		Сентябрь
Дания		Сентябрь
Швеция		Сентябрь
Канада		Октябрь
Япония		Декабрь
	1932	
Чили		Апрель
Перу		Май
	1933	
США		Март
	1934	
Италия		Май
	1935	
Бельгия		Март
	1936	
Польша		Апрель
Франция		Сентябрь
Нидерланды		Сентябрь

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ В США ПОСЛЕ 1929 Г.

Выше были вкратце описаны ключевые причины повсеместного крушения послевоенного золотого стандарта; рамки нашей книги не позволяют вдаваться в описание конкретных ситуаций в различных странах. Однако, поскольку Соединенные Штаты вскоре вернулись к золотому стандарту, а мы чуть ниже опишем этот новый тип золотослиткового стандарта, было бы полезно дать краткий обзор событий, которые привели к его установлению в США.

События, которые привели к новому типу золотого стандарта

В США в первые годы всемирной экономической депрессии позиции золотого стандарта оставались прочными. В течение ряда лет мы испытывали большой чистый ввоз золота, вследствие чего имели избыток желтого металла. Несмотря на бум крайне спекулятивного характера на фондовых рынках в годы, непосредственно предшествовавшие биржевому краху

1929 г., в стране более восьми лет наблюдалась почти беспрецедентная в нашей истории стабильность товарных цен⁷. В августе 1931 г., за месяц до того как Великобритания вышла из золотого стандарта, запасы денежного золота в Америке достигли рекордного уровня в 4,6 млрд долларов. К январю 1933 г. они снизились до 4,1 млрд долларов, но все равно не знали себе равных, составляя $\frac{1}{3}$ известных мировых запасов.

Затем на нас неожиданно обрушились события, кульминацией которых стали «банковские каникулы» в начале марта 1933 г. Вкладчики бросились в банки за своими деньгами, доверие к национальной валюте оказалось резко подорвано, и наблюдалась ярко выраженная тенденция к тезаврированию денег, необычная в том отношении, что тезаврировалось преимущественно золото, которому в этом смысле отдавалось решительное предпочтение перед бумажными деньгами. Крах доверия широких масс к деньгам и банковской системе был вызван в первую очередь быстро растущими страхами перед политикой дешевых денег, которую энергично протаскивали руководители государства и депутаты конгресса, тем, что Рузвельт, в противоположность президенту Гуверу, не выступил решительно за здоровые деньги ни во время избирательной кампании, ни в промежутке между выборами и инаугурацией⁸, а также широко распространившимися сразу после выборов упорными слухами о том, что избранный президент готов прислушиваться к сторонникам девальвации доллара и прочих радикальных мер денежной политики.

Если бы Рузвельт сразу после своего избрания совместно с президентом Гувером сделал заявление в духе Гровера Кливленда о том, что золотой стандарт и существующий золотой доллар будут сохранены любой ценой, и что ради этого при необходимости будут мобилизованы все финансовые ресурсы Соединенных Штатов, такое заявление, вкупе с разумной политикой межпартийного сотрудничества, возможно, смогло бы предотвратить катастрофический крах наших денег и банковской системы в начале 1933 г. В таком случае краха американского золотого стандарта и последующей девальвации доллара удалось бы избежать.

Однако, столкнувшись с ситуацией, сложившейся к моменту его инаугурации, президент и его соратники в течение марта — начала апреля приняли весьма разумные меры по борьбе с банковским кризисом. Принятый в качестве чрезвычайной меры закон о банках от 9 марта 1933 г. по большей части содержал в себе здравые положения, и его осуществление на первых порах также носило здравый характер.

К 4 марта 1933 г. почти во всех штатах банки либо закрылись, либо работали в условиях введенных правительством жестких ограничений. У насе-

⁷ Edwin Walter Kemmerer, *Gold and the Gold Standard, Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. LXXI, No. 3 (1932), pp. 87—102.

⁸ См.: Arthur Whipple Crawford, *Monetary Management under the New Deal*, Chap. II; William Starr Myers, and Walter H. Newton, *The Hoover Administration*, pp. 297—300 and Chaps. XVIII and XIX; Ray Lyman Wilbur and Arthur Mastick Hyde, *The Hoover Policies*, pp. 470—475.

ления временно возникли затруднения с получением денег, а кроме того, с того момента стало практически невозможно получать золотую монету. 6 марта президент объявил о начале «банковских каникул» и фактической приостановке золотого стандарта. Три дня спустя чрезвычайный законопроект о банках был принят конгрессом⁹.

Страна быстро отреагировала на эти энергичные чрезвычайные меры. С 4 марта по 4 апреля в резервные банки было возвращено денег на 1225 млн долларов, а доля резервов по отношению к банкнотам Федерального резерва и вкладам, вместе взятым, выросла с 45 до 60%. Средства, вырученные благодаря обратному притоку денег, «были использованы банками — членами Федеральной резервной системы на сокращение своей задолженности перед резервными банками на 1 млрд долларов, а также на сокращение акцептованных коммерческих бумаг в резервных банках на 130 млн долларов. Общие резервы двенадцати федеральных резервных банков с 4 марта по 5 апреля выросли с 2800 млн до 3490 млн долларов, достигнув максимального уровня с осени 1931 г. 7 апреля учетная ставка Федерального резервного банка Нью-Йорка была снижена с $3\frac{1}{2}$ до 3%»¹⁰.

К 29 марта около 12 800 банков из 18 000, существовавших до кризиса, получили лицензии на неограниченное возобновление операций; они представляли около 90% депозитов, хранившихся в банках — членах Федеральной резервной системы.

С конца февраля по конец апреля не было зафиксировано сколько-нибудь серьезной девальвации доллара, которая сказалась бы на обменных курсах иностранных валют или на ценах. По курсу телеграфных переводов на Францию с ее золотым стандартом доллар упал на 4,4%; по отношению к фунту стерлингов он также обесценился на 4,4%; оптовые цены выросли на 1%, а стоимость жизни снизилась на 0,8%, в то время как обыкновенные акции в среднем выросли на 6,7%. Индекс промышленного производства по расчетам Совета Федерального резерва вырос на 4,7%, индекс производ-

⁹ По этому закону президент «в военное время или во время иных чрезвычайных ситуаций национального масштаба» получал практически неограниченные полномочия по контролю за операциями с иностранной валютой, за переводами и платежами, а также за «экспортом, тезаврированием, переплавкой и клеймением монеты и слитков». Кроме того, он получал право (которым тут же воспользовался) требовать от граждан «выплачивать и доставлять казначею Соединенных Штатов любые или все золотые монеты, золотые слитки и золотые сертификаты», кому бы те ни принадлежали, платежи же отныне следовало производить в «эквивалентном количестве монеты или денег любых других видов, отчеканенных или эмитированных согласно закону США».

Закон также требовал, чтобы во время таких чрезвычайных ситуаций «ни один банк, входящий в Федеральную резервную систему, не занимался банковскими операциями, кроме тех, которые дозволяются только в той степени и в соответствии с такими положениями... которые могут быть предписаны министром финансов с одобрения президента». В законе предусматривались методы, посредством которых правительство в период чрезвычайной ситуации могло оказывать помощь банкам, попавшим в затруднительное положение, или брать на себя управление ими.

¹⁰ *Federal Reserve Bulletin*, April 1933, p. 209.

ственной активности, рассчитывающийся Кливлендской трестовой компанией, повысился на 4,9%. Ежемесячное число закрывшихся коммерческих предприятий снизилось на 19%, а их обязательства — на 22%.

Иными словами, деловая атмосфера улучшалась, доверие восстанавливалось, и чрезвычайная ситуация, оправдывавшая временные жесткие меры, уходила в прошлое. В таких обстоятельствах самое разумное, что могла сделать президентская администрация, это как можно скорее вернуться к золотому стандарту с полной конвертируемостью бумажных денег в золото и отменой всех ограничений на вывоз золота и владение им, сопроводив эту меру решительным заявлением со стороны президента о том, что правительство при необходимости готово привлечь все свои резервы для поддержания золотого стандарта.

Разумеется, принятие масштабных чрезвычайных мер общего характера ради помощи должникам в течение разумного периода времени было вполне оправданным. Здравая позиция по этому широкому вопросу была изложена еще двумя годами ранее в заявлении британского комитета Макмиллана в связи с ситуацией в Англии: «...По нашему мнению, проведение любым правительством внезапной и не объявленной заранее девальвации валюты, курс которой соответствует ее паритету... ни в коем случае не может быть названо целесообразной мерой. Международная торговля, коммерция и финансы основаны на доверии. Одним из краеугольных камней, на которые опирается это доверие, является общее убеждение в том, что все страны, насколько это в их силах, стремятся удержать ценность своей национальной валюты на уровне, установленном законом, и юридически признают ее обесценивание лишь после того, как это обесценивание уже произошло де-факто. В последние годы мы наблюдали многочисленные примеры того, как вследствие либо военных бедствий, либо политических ошибок или коллапса цен курс валюты падал настолько ниже паритета, что возвращение к нему сопровождалось бы вопиющей социальной несправедливостью, либо потребовало бы от страны непомерных усилий и жертв при невозможности рассчитывать на какую-либо адекватную компенсацию... Однако мы столкнулись бы с совершенно новым принципом, причем таким, который, несомненно, стал бы шоком для международного финансового мира, если бы правительство величайшей нации-кредитора в качестве сознательной и позитивной политической меры однажды утром объявило, что оно принимает закон, согласно которому ценность национальной валюты уменьшается по сравнению с паритетом, которому соответствует ее курс, до какого-то более низкого уровня...¹¹ В атмосфере кризиса и бедствий, которая бы неизбежно сопровождала такую крайнюю и неожиданную меру, как девальвация фунта стерлингов, вполне может оказаться так, что состояние вещей, наступившее непосредственно после такого события, окажется хуже по сравнению с тем, которое ему предшествовало»¹².

¹¹ Курсив мой. — Э. К.

¹² Macmillan Committee, *Report*, pp. 110—111.

Вместо того чтобы в конце весны 1933 г. принимать меры к скорейшему восстановлению золотого стандарта, существовавшего до «банковских каникул», администрация Рузвельта предприняла ряд радикальных мер, направленных на сознательное снижение золотого содержания доллара. Эти меры привели к отказу от золотомонетного стандарта, необратимой порче золотой денежной единицы страны, аннулированию золотых контрактов на десятки миллиардов долларов, включая контракты самого правительства, запрету на хождение в США золотых монет и золотых сертификатов, национализации запасов золота и серебра и получению президентом не менее чем на десять лет почти неограниченной диктаторской власти над национальной валютой.

2 июля 1933 г. Рузвельт направил свое послание госсекретарю Халлу, которое прозвучало «громом с ясного неба» и привело к прекращению работы Всемирной экономической конференции, от которой мы и ведущие страны мира с достаточными основаниями ожидали серьезных результатов в отношении международной денежной стабилизации на основе золота.

Несколько месяцев спустя, в радиообращении от 22 октября, президент неожиданно и без предварительного публичного обсуждения объявил об одобрении в качестве официальной политики США плана Уоррена по закупкам золота, целью которого было быстрое повышение товарных цен до желаемого уровня — предполагалось, что тот будет соответствовать уровню 1926 г., — и их последующее поддержание на этом уровне посредством системы денежного регулирования. Этот план, не увенчавшийся успехом, был без особого шума отменен в начале 1934 г.¹³

К концу 1933 г. мы практически лишились всякой надежды на восстановление золотомонетного стандарта с использованием старого золотого доллара в качестве законной меры ценности.

Американский золотой стандарт нового типа

Закон 1934 г. о золотом резерве, вступивший в силу в конце января, дал Соединенным Штатам новую законную денежную единицу, ценность которой в золоте примерно соответствовала ценности бумажного доллара на тот день, и создал в стране денежную систему нового типа, существенно отличающуюся от всех денежных систем, доселе встречавшихся в мировой истории. Три выдающимися чертами новой денежной системы были следующие:

1. Законодательная стабилизация доллара, осуществлявшаяся не посредством фиксированной цены на золото, а по усмотрению президента, в рамках фиксированного диапазона цен на золото, находившихся в пределах 50—60% прежнего золотого доллара¹⁴.

¹³ Ср.: Edwin Walter Kemmerer, *Kemmerer On Money*, Chap. III.

¹⁴ Но даже эти пределы, очевидно, устранились 8-м, 9-м и 10-м разделами закона, согласно которым министр финансов получал полномочия на неограниченные закупки золота по любой цене, «которую он может счесть наиболее отвечающей интересам

Это положение закона дополнялось административным указом президента, согласно которому ценность доллара в золоте на тот момент приравнивалась к 59,06 цента — при таком курсе цена унции чистого золота поднималась с прежней законодательно установленной цены в 20,67 доллара до новой административной цены в 35 долларов, повысившись на 69,3%. Отныне единственным разрешенным типом размена на золото оставался размен, по усмотрению правительства, золотых сертификатов нового типа, законное владение которыми разрешалось только федеральным резервным банкам и правительству. Экспорт, хранение и транспортировка золота отныне дозволялись лишь при таких условиях и в таких объемах, которые административным указом устанавливал министр финансов с одобрения президента.

2. «Прибыль от девальвации» поступала в созданный правительством стабилизационный фонд. В момент принятия закона о стабилизации национальное правительство и федеральные резервные банки совместно владели золотом в монетах и слитках на сумму, немного превышающую 4 млрд долларов. Так как в соответствии с планом девальвации ценность нового доллара приравнивалась к ценности чистого золота, содержащегося в старой золотой монете на сумму в 59,06 цента, ценность этих 4 млрд долларов в золотой монете и в золотых слитках увеличивалась на 2811 млн долларов в пересчете на новые доллары. После принятия стабилизационного закона дополнительные поступления золота увеличили эту прибыль приблизительно до 2819 млн долларов, из которых примерно 2 млрд долларов составляли стабилизационный фонд правительства, причем в качестве активного фонда использовалось немногим более 200 млн долларов.

3. Третье важное положение стабилизационного закона предусматривало передачу юридических прав на золото, находившееся в распоряжении руководителей Федерального резерва, правительству США, а выплаты этим золотом производились правительством в виде нового типа не обращающихся «золотых сертификатов».

Что представляет собой наш нынешний денежный стандарт? Стандарт, созданный новыми законами, с трудом поддается определению. В юридическом смысле его можно определить как ограниченный товарный стандарт, так как в законе явно предусматривается возможность изменять золотую ценность доллара в соответствии с повышениями и понижениями уровня товарных цен. Однако с момента принятия закона золотое содержание доллара не менялось, и этот закон проводится в жизнь таким образом, который де-факто превращает новую денежную систему в золотослитковый стандарт. Пока правительство или его агенты сохраняют готовность по первому требованию покупать и продавать золото на обширном рынке наподобие того, который в настоящее время состоит из правительств и центральных банков дружественных стран, с оплатой приблизительно по фиксированной

общества, вне зависимости от любых положений закона, связанных с поддержанием паритета...», а также на то, чтобы «продавать золото в любых количествах... по такому курсу... который он может счесть наиболее отвечающим интересам общества...».

цене, которая ныне составляет 35 долларов за унцию, позволяют свободный импорт и экспорт купленного и проданного золота в неограниченном количестве и приводят объем внутренней денежной массы в соответствие с объемами имеющегося в стране золота, ценность бумажного доллара в золоте будет более-менее соответствовать ценности фиксированного количества золота на крупном и свободном международном рынке. А это и есть главное «конституирующее качество» золотого стандарта.

Однако в той степени, в какой правительство препятствует свободному экспорту и импорту золота или не допускает того, чтобы экспорт и импорт золота приводил к увеличению или уменьшению денежной массы в стране на соответствующую величину, или в той степени, в какой правительство злоупотребляет своим законным правом изменять золотое содержание золота, изменяя официальную цену золота, ценность доллара в золоте будет отличаться от ценности фиксированного количества золота на крупном и свободном международном рынке, и в той же самой степени в стране будет наблюдаться отход от золотого стандарта.

Согласно определенной таким образом сущности золотого стандарта, вероятно, ни одна из значимых стран мира, за исключением США, в настоящее время (1944 г.) не имеет или не имела в течение нескольких последних лет золотого стандарта. Однако в ряде стран — например, в Бразилии, Колумбии и Венесуэле — сейчас действует стандарт, по своим параметрам приближающийся к золотому стандарту.

ГЛАВА 5

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Золото отличается таким соединением полезных и бросающихся в глаза свойств, что оно не имеет себе равных среди всех известных нам веществ.

*Уильям Стэнли Джевонс, 1875**

В этой главе мы попытаемся кратко описать самые выдающиеся черты рода *золотой стандарт*, а в следующей будут описаны три его основных вида.

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ЗОЛОТЫМ СТАНДАРТОМ

Определение и пояснения

Из предшествовавшего исторического обзора читатель мог уяснить себе природу типичного золотого стандарта. Его можно вкратце определить как денежную систему, где единица ценности (в которой обычно выражаются и выплачиваются цены, ставки заработной платы и суммы задолженности), представляет собой ценность фиксированного количества золота на крупном и в целом свободном международном рынке¹.

Это определение требует некоторых пояснений. В нем не упоминаются ни золотые монеты, ни их свободная чеканка. И то и другое может представлять собой большие удобства и способствовать эффективному функционированию золотого стандарта, но ни то, ни другое не является обязательным условием золотого стандарта. Золотослитковый стандарт и золотодевизный стандарт, которые будут описаны в следующей главе, обычно не предусматривают чеканки и хождения золотой монеты, но оба эти стандарта являются несомненными разновидностями золотого стандарта.

В нашем определении не содержится ссылок на узаконенные средства платежа. Когда стандартные деньги являются узаконенным средством платежа, это удобно, но такое условие отнюдь не обязательно. Узаконенное средство платежа — это чисто юридическое понятие, возникшее срав-

¹ Для того чтобы золотой стандарт работал, международный рынок, очевидно, не должен быть слишком узким, и в то же время ни от одного рынка не следует ожидать стопроцентной свободы.

* Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 39.

нительно недавно и обычно относящееся только к сфере уплаты долгов. Золотой стандарт может существовать и выполнять все свои необходимые функции при отсутствии каких-либо законодательно установленных узаконенных средств платежа. С другой стороны, полноценные узаконенные средства платежа со временем вытесняются из обращения деньгами, не обладающими таким качеством, в силу действия закона Грэшема² или обычая. Также в этом определении не упоминается возможность обмена бумажных денег и билонной монеты на золото (или его эквивалент), которая была предусмотрена в большинстве удачных систем с использованием золотого стандарта. Такая возможность крайне желательна, но не обязательна, при условии что паритет различных видов денег с золотой единицей поддерживается другими эффективными средствами, такими как ограничение денежной массы или неограниченный прием таких денег при уплате налогов и других государственных сборов.

Все упомянутые выше свойства полезны для поддержания золотого стандарта, но ни одно из них не является абсолютно необходимым. Более того, можно представить себе такую денежную систему, которая обладает всеми этими свойствами или некоторыми из них и все же не является истинным золотым стандартом.

Хороший пример обсуждаемого здесь принципа мы найдем в истории Южно-Африканского Союза в 1919 и 1920 г.³ К тому времени золотые соверены, служившие в Союзе неограниченным узаконенным средств-

² Принцип, известный как «закон Грэшема» (хотя сэр Томас Грэшем почти не имел отношения к его открытию), представляет собой не более чем применение экономического закона спроса и предложения к деньгам. Этот закон гласит, что экономические блага стремятся попасть на тот рынок, где за них дают самую высокую цену. На первый взгляд в отношении денег закон спроса и предложения действует несколько иначе, чем в отношении остальных экономических благ, поскольку деньги уникальны в том смысле, что одна из их ключевых функций — переход из рук в руки в качестве общепризнанного средства обмена. Дать строгую формулировку закона Грэшема в нескольких словах невозможно. Однако с небольшими оговорками этот закон можно вкратце описать следующим образом: когда в обращении на одном рынке находятся две или более разновидностей денег, в целом совершенно равноправных с точки зрения закона, обычая и общественного мнения, то более хорошие деньги будут вытесняться из обращения более плохими, при условии что совокупная масса всех денег в обращении достаточно велика, чтобы сделать деньги настолько дешевыми, что более хорошие деньги обладают большей ценностью не как средство обращения, а как средство тезаврирования или товар, в том числе экспортный, а также при условии, что не возникает система двойных и прочих параллельных денег, при которых один и тот же товар имеет разную цену в зависимости от того, какими деньгами за него платят.

Читатель, интересующийся историческими примерами, оправдывающими необходимость многочисленных оговорок, включенных в вышеприведенную формулировку закона Грэшема, может найти такие примеры в истории Филиппин незадолго до американской оккупации 1898 г. и вскоре после нее, а также в 1903—1907 гг. См.: Edwin Walter Kemmerer, *Modern Currency Reforms*, pp. 245—292, 324—346.

³ C. S. Richards, *Currency in South Africa before Union*, перепечатано в: Kemmerer—Vissering, *Report on the Resumption of Gold Payments by the Union of South Africa*, p. 537.

вом платежа и пользовавшиеся привилегией свободной чеканки в Англии (в Южно-Африканском Союзе не было своего монетного двора), имели свободное хождение по всему Союзу, и в них же выплачивалась номинальная ценность банкнот, подлежащих обмену по первому требованию в соответствующих эмиссионных банках. Однако экспорт золотых слитков из Союза строго контролировался правительством. Южно-африканские золотые монеты нельзя было легально экспортировать на наиболее выгодный для них рынок, однако они в широких масштабах вывозились из страны контрабандой и продавались за сумму, превышавшую эквивалент южно-африканского фунта в иностранной валюте. В Южной Африке соверен и содержащееся в нем золото стоили меньше, чем на свободном мировом рынке золота. Чтобы иметь соверены, на которые согласно закону надлежало по первому требованию обменивать выпущенные банкноты, эмиссионные банки были вынуждены закупать металлическое золото в Лондоне с премией, чеканить из него монету на британском Монетном дворе и везти ее в Южную Африку. Порой им приходилось платить в Англии за один соверен по 26—28 шиллингов южно-африканскими банкнотами. Затем этот соверен выплачивался в Южной Африке по номиналу за предъявленную к обмену 20-шиллинговую банкноту.

История денег знает много случаев того, как золотая монета скапливалась в какой-либо стране и ходила там со скидкой по сравнению с ценностью содержащегося в ней золота на внешних свободных рынках⁴.

С другой стороны, вводимый правительством запрет на импорт золота в страну, где якобы действует золотой стандарт, ограничивая предложение золота в стране, может привести к тому, что ценность металлического золота и золотой монеты в стране окажется выше их ценности на свободных международных рынках и тем самым приведет либо к искусственному дефициту золота, либо к монопольной цене на него.

В любом случае, когда ценность золота, содержащегося в денежной единице данной страны, лишается связи с рыночной ценой золота на свободных мировых рынках, истинного золотого стандарта в этой стране не существует.

Поэтому вне зависимости от того, какие из многочисленных общепринятых средств для поддержания ценности своих денег может избрать данная страна — в число этих средств входят свободный размен, объявление денег узаконенным средством платежа, свободная чеканка и пр. — в конечном счете факт существования в стране золотого стандарта устанавливается ответом на вопрос, в самом ли деле деньги этой страны сохраняют паритет с ценностью золотой денежной единицы на внешнем свободном золотом рынке, разумеется, при условии, что такой рынок в самом деле существует и не слишком мал. Это вопрос не средств, используемых для получения

⁴ См.: Edwin Walter Kemmerer, Mexico's Monetary Experience in 1917, *American Economic Review*, Supplement, March 1918, pp. 261—262; аналогичные примеры из истории скандинавских стран и Испании в 1916—1919 гг. см.: *Federal Reserve Bulletin*, 1919, pp. 1039—1042 и 1920, pp. 35—46.

конкретного результата, а, напротив, вопрос самого результата. Золотой стандарт существует в любой стране, где ценность фиксированного количества золота на крупном и существенно свободном международном рынке реально используется в качестве стандартной единицы ценности.

*Денежная единица: фиксированный вес,
а не фиксированная ценность*

При золотом стандарте (как и в случае любого другого металлического денежного стандарта) фиксированным является вес металлического содержания денежной единицы, а не ее ценность, представляющая собой ее покупательную способность. В этом отношении единица ценности отличается от всех прочих единиц измерения. Например, фунт как единица веса обладает фиксированным весом, ярд как единица длины имеет фиксированную длину, а галлон как единица объема имеет фиксированный объем⁵. Однако золотой доллар, представляющий собой американскую единицу ценности, равен той ценности, которой в данный конкретный момент обладает фиксированное по весу количество чистого золота — в данном случае $\frac{1}{35}$ часть тройской унции. Эта ценность, как и ценность любого другого предмета, подвержена постоянным колебаниям, с чем и связаны проблемы денежного обращения, которые вызывают больше всего затруднений.

ЗОЛОТО КАК ДЕНЕЖНЫЙ МЕТАЛЛ

С денежной точки зрения золото обладает некоторыми хорошо известными физическими свойствами, которые лучше всего описаны в классической книжке У. С. Дживонса «Деньги и механизм обмена», из которой и взято большинство сведений, приводящихся в этом разделе. В первую очередь по причине своей красоты и редкости золото пользуется повышенным спросом в течение бесчисленных поколений, высоко ценясь как среди самых отсталых, так и среди самых передовых народов. Его легко перевозить, в силу того что небольшое количество золота обладает большой ценностью. Чистое золото однородно, т.е. единообразно по всему своему объему, вследствие чего равные по весу количества золота всегда обладают в точности одной и той же ценностью. Подобно другим металлам, но в отличие от кож, драгоценных камней и большинства других товаров, золото без потерь делится на части. Слиток золота можно без потерь разрезать на несколько кусков, а эти куски, в свою очередь, легко снова соединить в слиток, и опять же

⁵ В развитых странах единицы измерения имеют четкое юридическое определение. Например, стандартный британский имперский ярд по закону определяется как расстояние при температуре в 62° Фаренгейта между двумя тонкими линиями, прорезанными в золотых штырьках, запрессованных в бронзовый брус, который находится в собственности правительства.

без всяких потерь. Золото очень долговечно, «трудно растворяется и поддается действию немногих реагентов: слабые кислоты на него не действуют, а глянцеvitость его сохраняется, как бы долго оно ни подвергалось действию сухого, влажного или нечистого воздуха... Во всех почти отношениях золото вполне пригодно для чеканки монеты. В химически чистом виде оно почти такое же пластичное, как олово; но если к нему прибавить меди в размере $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ его веса, то оно делается достаточно твердым, чтобы не подвергаться стиранию от большого употребления и издавать звонкий металлический звук. Оно при этом сохраняет полную тягучесть и способность принимать и удерживать ясные отиски»⁶.

Вследствие его высокой ценности вадельцы золота всегда его тщательно оберегают. Этим фактом, а также долговечностью золота по большей части объясняется высокая стабильность его ценности. В наши дни в мире встречается золото, добытое людьми за тысячи лет до нашей эры. Современный золотой запас «накапливался столетиями», и большую его часть в любой момент можно пустить в продажу, поскольку она находится в виде монет и слитков, не обладающих никакими специфическими свойствами. Ежегодная мировая добыча золота, которая в течение ряда лет до Второй мировой войны равнялась приблизительно лишь 4% учтенного мирового запаса денежного золота, очень слабо влияет на ценность таких крупных запасов, пригодных к продаже.

Высокая эластичность спроса на золото

Золото — товар, спрос на который имеет высокую эластичность; в сущности, в стране, где действует золотой стандарт, по эластичности спроса с золотом не сравнится ни один другой товар на рынке. Высокой эластичностью обладают все три основных типа спроса на золото, а именно: 1) денежный спрос; 2) спрос на золото как на декоративный материал, включая ювелирные и бытовые изделия из золота; и 3) спрос на золото как средство накопления сокровищ (тезаврирование).

Денежный спрос. Спрос на золото для денежных целей, очевидно, будет весьма эластичным в том случае, когда во всех основных странах мира существует золотой стандарт и когда эти страны готовы в неограниченных количествах приобретать по фиксированной цене все золото, предлагаемое им для денежных целей.

Спрос на золото для украшений. Спрос на золото для украшений также чрезвычайно эластичен. Первой одеждой первобытного человека, вероятно, была краска или глина, нанесенные на кожу, иными словами — украшения. Одежда для защиты тела появилась много позже. С тех древнейших времен людям свойственно всеобщее и практически безграничное желание украшать себя, и материалом, наиболее ценящимся при изготовлении украше-

⁶ W. Stanley Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 46—47. [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 39—40.]

ний, является именно золото. Большинству людей в мире хочется иметь больше золотых украшений, чем у них есть, и они покупают их в большем количестве, если те дешевле. Соответственно, снижение стоимости украшений и изделий из золота стимулирует повышенный спрос на них по сравнению с другими товарами, и этот повышенный спрос действует как барьер, препятствующий обесцениванию золота.

Спрос на золото как средство накопления сокровищ (тезаврирование). Аналогичной эластичностью обладает и спрос на золото как средство накопления. Практика тезаврирования золота, распространенная во всех странах мира, особенно характерна для времен тревоги и неуверенности. Шире всего она развита в Индии и Китае. В глазах восточных людей, накапливающих золото, оно выступает символом богатства вообще. Золотые украшения не только радуют душу индийскому крестьянину, но и служат для него банковским чеком, в который он в любой момент может вписать название любого нужного ему товара и обналичить этот чек по первому требованию. Золотые безделушки и украшения играют для него и роль вклада в сберегательном банке, и роль страхового полиса на случай неурожая и других бедствий. Огромный и непрерывный спрос в Индии и Китае на золото и серебро как средства накопления — факт хорошо известный. В течение многих поколений Индия была известна как «дыра», в которую улетали благородные металлы. Однако в 1931—1940 гг., после того как Индия вышла из золотого стандарта и цена золота в индийских рупиях, лишившись стабильности, резко возросла, накопленное в Индии золото хлынуло на мировые рынки с еще большей скоростью, чем та, с которой оно прежде тезаврировалось⁷.

Такая высокая степень эластичности спроса — важный фактор, способствующий высокой стабильности ценности золота.

Свойства золота при золотом стандарте

В условиях золотого стандарта золото обладает тремя важными свойствами⁸, и хотя между ними не всегда удается провести четкую границу, их все же лучше рассматривать по отдельности. Этими свойствами являются: 1) фиксированная цена, 2) неограниченный рынок и 3) тот факт, что в нормальных обстоятельствах ежегодная добыча золота зависит главным образом от изменения издержки на его добычу, а не от изменения цен на само золото.

Фиксированная цена. Учреждая в стране золотой стандарт, правительство устанавливает фиксированное золотое содержание денежной единицы. Например, до 1933 г. единица ценности в США определялась как дол-

⁷ См.: *Federal Reserve Bulletin*, 1935, p. 822; 1943, p. 1201.

⁸ Этими свойствами обладают и серебро при серебряном стандарте, а также золото и серебро при успешно поддерживаемой биметаллической системе.

лар, содержащий 25,8 грана золота пробы 0,900⁹, т.е. на 90% состоящий из чистого золота, а на 10% — из медной лигатуры, вследствие чего содержание чистого золота в долларе равнялось 23,22 грана. Поскольку тройская унция делится на 480 гран, унция золота была эквивалентна $\frac{480}{23,22}$ долларам, т.е. 20 долларам 67 центам, и из нее всегда можно было изготовить именно такое количество золотой монеты. Заявления о том, что доллар содержит 23,22 грана чистого золота, и о том, что цена унции золота в монете составляет 20 долларов 67 центов, были так же тождественны, как тождественны выражения «фут состоит из двенадцати дюймов» и «одна двенадцатая часть фута равняется дюйму»¹⁰. При этом золотую монету в любой момент можно переплавить обратно в золотые слитки. С 1879 по 1933 г., за исключением краткого периода во время Первой мировой войны, в США не существовало никаких ограничений или пошлин на вывоз и ввоз золота.

Неограниченный рынок. На Монетном дворе и в пробирной палате не только постоянно поддерживалась одна и та же цена золота — эти учреждения были обязаны закупать все предлагаемое им золото, соответствующее определенным стандартам, вне зависимости от того, было ли это золото добыто в США или за границей, а также от того, было ли оно только что добыто или получено при переплавке иностранных монет, ювелирных изделий, украшений и из прочих источников¹¹.

Обратная зависимость между производством золота и ценами на остальные товары. Третьим свойством золота при золотом стандарте является своеобразная зависимость между рыночной ценой золота и объемами его текущего производства.

В случае других товаров производство обычно возрастает при повышении их рыночных цен, а со снижением рыночных цен сокращается и производство. Однако это неверно в отношении золота в стране, где действует золотой стандарт. Цена на золото, как указывалось ранее, не меняется. Например, с 1879 по 1916 г., вне зависимости от того, сколько золота поступало на мировые рынки, в США цена чистого золота на Монетном дворе всегда составляла 20 долларов 67 центов за унцию; и хотя за эти 38 лет ежегодное производство золота в мире выросло в четыре раза, а ценность, или покупательная способность, унции золота колебалась непрерывно и порой весьма значительно, цена золота [в долларах] оставалась постоянной. Причина в том, что при золотом стандарте фиксируется цена золота [в долларах], а не его ценность [в других товарах], которая и не может быть зафиксирована на одном уровне.

⁹ Закон от 14 марта 1900 г., Раздел 1.

¹⁰ Монетный двор и пробирная палата США (после 14 января 1873 г.) не взымали платы за чеканку монеты из золота, доставленного для этой цели, однако взымали с владельцев металлического золота небольшой сбор на покрытие расходов по переплавке, рафинированию и составлению сплава.

¹¹ Аналогичным правом свободной чеканки пользуется серебро в стране, где действует серебряный стандарт, а также одновременно золото и серебро, в стране, придерживающейся биметаллизма.

Хотя производители золота всегда получали за него одну и ту же цену [в долларах] на Монетном дворе и в пробирной палате, затраты на добычу золота, как и ценность золота или его покупательная способность, постоянно изменялись. Увеличение производства золота по отношению к спросу ведет к увеличению предложения денежного золота, других денег, а также базирующегося на них обращения депозитов, что снижает ценность золота путем повышения цен на другие товары. В число товаров, затрагиваемых этим повышением цен, входят и все те, которые нужны для добычи золота, например взрывчатка и различные химикаты, горнорудное оборудование, а также стоимость труда и налоги. Рост этих цен на фоне фиксированной цены на золото, уменьшая прибыль производителей вследствие снижения ценности золота, ведет к сокращению его добычи.

С другой стороны, когда ценность золота повышается, т.е. когда цены на другие товары снижаются, соответственно уменьшаются и издержки добычи золота. А поскольку производители золота по-прежнему продают все добытое золото по той же цене [в долларах], что и прежде, их прибыль возрастает, что стимулирует производство золота. *Следовательно, производство золота обычно возрастает, когда ценность золота повышается, и падает, когда ценность золота снижается.*

В скобках следует отметить, что условия добычи золота сильно различаются в разных регионах мира, что существенная часть золота производится как побочный продукт при добыче других металлов, и что большие объемы золота до сих пор добываются в отсталых странах примитивным методом промывки, при том что значительные усилия тратятся на более или менее тщетные попытки открыть новые месторождения золота. Все это приводит к тому, что в каждый конкретный момент затруднительно оценить величину издержек на добычу золота. В число существенных издержек, как сказал бы экономист, входят предельные издержки на добычу золота в таких важных золотопроизводящих регионах, как Трансвааль и Россия. Однако величину этих предельных издержек определить не просто.

Денежное и ювелирное золото

Когда ценность золота снижается, а уровень товарных цен повышается, цена на золото, используемое при производстве ювелирных изделий, бытовых предметов и пр., не возрастает, в отличие от затрат на прочие материалы и рабочую силу при производстве и продаже таких изделий. Вследствие этого цена на предметы, изготовленные в основном из золота, во времена общего повышения цен не повышается в той же степени, как прочие цены и ставки заработной платы. Поэтому ювелирные изделия и другие предметы из золота в такие моменты кажутся подешевевшими по сравнению с большинством других товаров, и эта ситуация стимулирует спрос на них, приводя к увеличению притока свежедобытого золота в сферу ювелирного дела и искусства, а также к перетеканию золота в эту сферу из денежной сферы. Стимулируется также тезаврирование золотых украшений, без-

делушек и слитков, особенно в таких странах, как Индия и Китай, которые вообще отличаются колоссальным спросом на подобные товары. Все это сдерживает как общее повышение цен, так и снижение прибылей от добычи золота, вызванное этим повышением.

Когда же, с другой стороны, товарные цены снижаются и ценность золота возрастает, мы получаем противоположную ситуацию. В таком случае цены на ювелирные изделия, украшения и прочие предметы из золота не падают так сильно, как цены на большинство других товаров и ставки заработной платы, потому что не изменяется цена на само золото. В результате потребителю кажется, что предметы из золота дорожают, и соответственно спрос на них снижается. То золото, которое иначе ушло бы в сферу ювелирного дела и искусства, идет на производство денег, и это приводит к тому, что золотые украшения и ювелирные изделия в Индии и Китае переплавляются в золотые слитки, из которых чеканится золотая монета. Соответственно количество денежного золота возрастает, что замедляет снижение цен и рост прибылей в золоторудной отрасли.

ГЛАВА 6

РАЗНОВИДНОСТИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

It takes all sorts to make a world*.

Английская поговорка, 1620 г.

Как мы видели и из исторического, и из географического обзора золотого стандарта, золото может выполнять роль стандартных денег самыми разными способами — как в рамках формально организованного золотого стандарта, так и в его отсутствие. Однако все важнейшие системы золотого стандарта для удобства можно разделить на три типа, а именно: золотомонетный стандарт, золотодевизный стандарт и золотослитковый стандарт, причем каждый из этих типов имеет много разновидностей, как сам по себе, так и в сочетании с двумя другими типами. Золотодевизный стандарт и золотослитковый стандарт в их современной форме существуют с конца XIX — начала XX в., хотя своими корнями уходят в далекое прошлое.

ЗОЛОТОМОНЕТНЫЙ СТАНДАРТ

Наиболее важной разновидностью золотого стандарта, несомненно, является золотомонетный стандарт. Именно эта форма золотого стандарта главным образом рассматривалась в предыдущих четырех главах нашей книги. Поскольку мы уже познакомились с отличительными характеристиками золотомонетного стандарта, здесь можно ограничиться кратким резюме. Эти характеристики можно обобщить следующим образом: паритет всех видов денег, включая депозиты, поддерживается на уровне ценности золотой денежной единицы, которая чеканится (поштучно или партиями) по принципу свободной чеканки, без взимания сколько-нибудь значимой оплаты за процесс чеканки. Золотые монеты допускаются к свободному обращению по всей стране, их можно свободно ввозить в страну и вывозить за ее пределы, переплавлять в слитки, они являются узаконенным и неограниченным средством платежа и неограниченно принимаются при уплате налогов и других государственных сборов. Они составляют весь центральный денежный резерв страны или значительную его часть, который функционирует в качестве стабилизационного фонда, поддерживающего паритет национальных денег путем приведения объемов денежной массы и депозитов в соответствие с непрерывно изменяющимися потребностями торговли.

* Мир состоит из разных вещей (англ.). — Прим. ред.

Принцип работы золотомонетного стандарта станет яснее из нижеследующего описания золотодевизного стандарта, поскольку все три разновидности золотого стандарта (золотомонетный, золотодевизный и золотослитковый) в принципе функционируют на основе одних и тех же фундаментальных принципов.

ЗОЛОТОДЕВИЗНЫЙ СТАНДАРТ

Хотя различные проекты, несущие в себе некоторые черты современного золотодевизного стандарта, время от времени выдвигались в XVIII — начале XIX в.¹, и некоторые из них претворялись в жизнь, первый вполне продуманный план золотодевизного стандарта принадлежал служащему Бенгальского банка А. М. Линдси и рекомендовался им для Индии — впервые в 1876 г., а затем еще несколько раз. В законченном виде план Линдси был представлен им во время выступления перед Индийским валютным комитетом в 1898 г.² В ходе разработки и отстаивания своего плана Линдси проделал выдающуюся работу и, вероятно, больше, чем кто-либо другой, способствовал становлению идеи о ходячей монете золотодевизного стандарта. В тот момент индийское правительство отвергло его план, но приняло его в важнейших чертах несколько лет спустя³.

Принципы золотодевизного стандарта на примере Филиппин, 1905—1910 гг.

Еще до конца XIX в. несколько стран, включая остров Яву, Индию и Австро-Венгрию, перешли на золотодевизный стандарт, а в 1920—1930 гг. буквально десятки стран в той или иной мере приняли на вооружение принципы золотодевизного стандарта. Однако ближе всего к золотодевизному стандарту в его наиболее чистом виде подошла денежная система Филиппинских островов, какой она существовала с 1905 г. приблизительно по 1910 г. в соответствии с филиппинским Законом о золотом стандарте 1903 г. Описание важнейших моментов этой системы — лучший способ прояснить основные черты золотодевизного стандарта⁴.

¹ См., например: E. H. D. Arndt, *Banking and Currency Development in South Africa*, p. 45, где описывается план денежного обращения для британских колоний и зависимых территорий, в общих чертах приведенный в протоколе казначейства от 11 февраля 1825 г.

² Ссылки на ранние работы Линдси по этой теме и краткое изложение его плана см.: E. W. Kemmerer, *Modern Currency Reforms*, pp. 79—92. О том, как Линдси развивал свой план и отстаивал его, см.: Fowler Committee, Report, Evidence, Questions, 3275—4303.

³ Kemmerer, op. cit., pp. 100—108.

⁴ Нижеследующее описание представляет собой исправленный и сокращенный вариант статьи о золотовалютном стандарте, опубликованной автором в «Economic Essays in Honour of Gustav Cassel» (pp. 311—326).

В начале данного периода деньги Филиппин состояли главным образом из фидуциарной серебряной монеты и серебряных сертификатов, монет дробных номиналов и — в течение недолгого времени — значительного количества бумажных денег США.

Закон о чеканке филиппинской монеты, принятый конгрессом США 2 марта 1903 г.⁵, провозгласил единицей ценности для Филиппин теоретический золотой песо (не чеканившийся), который содержал в себе 12,9 грана золота 900-й пробы и тем самым был в точности равен 50 центам в американской золотой монете того времени. Закон требовал паритета серебряного песо и всех филиппинских монет дробных номиналов с этим золотым песо.

В целях поддержания этого паритета по филиппинскому Закону о золотом стандарте, принятому филиппинским правительством 10 октября 1903 г. в соответствии с вышеупомянутым законом, создавался специальный резервный фонд, известный как *фонд золотого стандарта*. Этот фонд состоял из выручки от займа, размещенного в США, от всех сеньоражных прибылей, полученных при чеканке новых денег, и из некоторых других поступлений, связанных с денежным оборотом. Это был трастовый фонд, независимый от всех прочих государственных фондов, который следовало использовать исключительно на поддержание золотого паритета филиппинской валюты. Согласно закону, часть фонда содержалась в Маниле, а другая часть — в США.

В целях поддержания паритета филиппинская валюта погашалась в первую очередь золотыми сертификатами, выданными на Нью-Йорк⁶. Филиппинский казначей был уполномочен по первому требованию продавать в обмен на филиппинскую валюту сертификаты на сумму не менее 5 тыс. долларов (эквивалент традиционного коммерческого золотого слитка), выписанные на ту часть фонда, которая была размещена на депозите в американских банках⁷, при этом взимая премию в $\frac{3}{4}\%$ за переводной вексель и в $\frac{1}{8}\%$ за телеграфный перевод. В свою очередь американские банки, в которых был размещен фонд золотого стандарта, должны были продавать сертификаты на сумму не менее 10 тыс. песо, выписанные на ту часть фонда, которая содержалась в хранилищах казначейства в Маниле. Выплаты по этим сертификатам производились в филиппинской валюте с взиманием такого же сбора.

Согласно закону всю филиппинскую валюту, принесенную в филиппинское казначейство для покупки сертификатов на США, следовало немедленно изымать из обращения и *физически хранить в казначействе*. Деньги, изымаемые из обращения в результате этих операций, с некоторыми оговорками, не могли быть выплачены иначе как по сертификатам на манильский фонд, продававшимся американскими банками, в которых хранился

⁵ Филиппины в то время были американской колонией. — *Прим. перев.*

⁶ Более подробное описание этой системы см.: Kemmerer, *Modern Currency Reforms*, pp. 317—323.

⁷ Часть фонда, находившаяся в США, хранилась главным образом в одном-двух нью-йоркских банках.

фонд золотого стандарта, или для закупок серебра, необходимого для дальнейшего выпуска монеты.

Продажа сертификатов осуществлялась для получения средств, необходимых для поддержания золотого паритета. Утверждалось, что любую важную функцию золотых денег, за исключением их ввоза из и вывоза в другие страны в рамках международных платежей, филиппинские серебряные и бумажные деньги могли выполнять так же хорошо, как и золотая монета. При этом считалось, что филиппинская серебряная и бумажная валюта лучше, чем золотая монета, отвечает потребностям филиппинской торговли и вкусам подавляющего большинства филиппинского народа. Однако требовалось принять какие-то меры для исполнения той важной функции денег — функции осуществления международных платежей, — для которой филиппинские деньги были непригодны. Эта функция денег или слитков, подлежащих обмену на деньги по первому требованию, важна не только потому, что она обеспечивает средства, которые используются для зарубежных платежей, но в еще большей степени потому, что благодаря ей поддерживается соответствие между денежной массой и спросом на деньги и сохраняется паритет путем уменьшения находящейся в обращении денежной массы в моменты ее относительной избыточности и ее увеличения в моменты ее относительного дефицита.

Если в ходе торговли между странами, придерживающимися золотого стандарта, в одной из них платежный баланс становится резко неблагоприятным, то обменный курс в этой стране поднимается до точки экспорта золота, свидетельствуя об относительном избытии отечественной валюты; золото экспортируется, и объем денежной массы сокращается. Аналогичным образом верно и обратное: когда сальдо платежного баланса в одной из стран резко возрастает, обменный курс в этой стране падает до точки импорта золота, свидетельствуя об относительном дефиците отечественной валюты, золото ввозится в страну, и объем денежной массы возрастает. Золото обычно перевозится из страны в страну лишь в тех случаях, когда обменный курс достаточно высок для того, чтобы обеспечить прибыль после оплаты расходов по перевозке, включая упаковку, погрузку, стоимость фрахта, страховку, проценты и потери от истирания.

Когда обменный курс в Маниле на Нью-Йорк поднимался до точки экспорта золота, золотые слитки (или золотые монеты) не экспортировались, как происходило бы при аналогичных обстоятельствах в стране, придерживающейся золотомонетного стандарта, как США; вместо этого филиппинское правительство выдавало потенциальному экспортеру золота в обмен на его филиппинские деньги, находящиеся в Маниле, сертификат (кратный 5 тыс. долларов), по которому в Нью-Йорке ему открывали золотой кредит, и взимало с него в качестве сбора ту сумму, в которую ему бы обошлась физическая перевозка соответствующего количества золотых слитков из Манилы в Нью-Йорк. Сумма филиппинских песо, выплаченных правительству за сертификат (за исключением сбора), была эквивалентна тому объему золота, которое покупатель сертификата желал вывезти из страны. Эти песо (включая и уплаченный сбор) изымались филиппинским правительством.

вом из обращения и поступали в фонд золотого стандарта, где и хранились. В результате такой процедуры объем филиппинской денежной массы снижался точно так же, как если бы эквивалентное количество филиппинской золотой монеты в самом деле было бы вывезено из страны.

С другой стороны, когда обменный курс в Маниле на Нью-Йорк падал до точки импорта золота (а это означало, что обменный курс в Нью-Йорке по отношению к Маниле вырос до точки экспорта золота), хранители филиппинского фонда золотого стандарта в Нью-Йорке выдавали потенциальному импортеру золота в обмен на его золото (или на эквивалентную сумму в американской валюте) сертификат, по которому тот мог получить в Маниле эквивалентное количество филиппинских песо, и взимали с него (от имени филиппинского фонда золотого стандарта в Нью-Йорке) сбор, достаточный для покрытия расходов, которые он при золотомонетном стандарте реально бы понес при перевозке золотых слитков (или золотой монеты) из Нью-Йорка в Манилу. Когда эти сертификаты предъявлялись в Маниле, выплата по ним производилась в песо, *физически изымавшихся* из хранилища фонда золотого стандарта, и в результате таких выплат объем денежной массы на Филиппинах возрастал точно так же, как если бы на острова в самом деле было ввезено эквивалентное количество филиппинской золотой монеты.

Эта система приводила объем денежной массы к потребностям торговли на Филиппинах так же автоматически, как это делал бы золотомонетный стандарт, несмотря на отсутствие в обращении золотой монеты и на отсутствие необходимости в золотом запасе. В обычных условиях правительство не имело никакого отношения к коммерческим валютнообменным операциям, за исключением моментов, когда обменный курс достигал точки экспорта или импорта золота. Эти точки представляли собой предел колебаний установленной правительством золотодевизной ценности песо. Когда курс обмена поднимался до точки экспорта золота, правительство фактически говорило: «Выше обменный курс не должен подниматься. Дальнейшее повышение курса означало бы обесценивание нашего песо ниже его законного паритета с золотом в случае наличия у нас золотомонетного стандарта, и именно так это будет интерпретировано при золотодевизном стандарте; поэтому мы будем в неограниченном количестве продавать золотые сертификаты на Нью-Йорк по курсу точки экспорта золота и ликвидировать излишек денег, изымая из обращения песо, выплаченные нам за эти сертификаты».

С другой стороны, когда обменный курс в Маниле падал до точки импорта золота, правительство фактически говорило: «Ниже обменный курс не должен опускаться. Его дальнейшее падение означало бы вздорожание нашего песо выше его законного паритета с золотом в случае наличия у нас золотомонетного стандарта, и именно так это будет интерпретировано при золотодевизном стандарте; поэтому мы по первому требованию в неограниченном количестве будем продавать хранящиеся в Маниле песо по курсу точки импорта золота, принимая в оплату за них золото или его эквивалент в Нью-Йорке. Тем самым мы ослабим дефицит денег на островах, пуская в обращение песо из фонда золотого стандарта». Поэтому коммерческие

валютные курсы не могли заметно подниматься или опускаться выше или ниже паритета, а при его соблюдении правительство не имело никакого отношения к валютнообменным операциям, которые находились всецело в ведении банков.

Преимущества золотодевизного стандарта для Филиппин

Преимущества золотодевизного стандарта по сравнению со строгим золотомонетным стандартом для Филиппин носили двоякий характер:

- 1) золотодевизный стандарт позволил стране иметь средство обращения, лучше всего приспособленное для ее нужд. Золотые монеты не вполне отвечали потребностям Филиппин, где преобладают мелкие сделки. Серебро и бумажные деньги в этом отношении были гораздо удобнее;
- 2) такой стандарт обеспечивал экономию в использовании золота, что очень важно для такой страны, как Филиппины, которая хотела завести у себя деньги на основе золота, но не могла себе позволить роскоши золотомонетного или даже золотослиткового стандарта.

Хотя при золотодевизном стандарте, возможно, требовался больший золотой запас, чем при золотомонетном стандарте, чистые расходы не были столь же пропорционально велики. Это происходило в силу нескольких причин:

- а) в обращении находились только фидуциарные деньги, значительно менее дорогие, чем полновесная золотая монета. Не происходило тесаврирования золотой монеты и золотых слитков, и в стране не имелось нужды в золотом запасе для удовлетворения запросов со стороны возможных тесавраторов. Перевод местных денег в золото обычно осуществлялся лишь посредством зарубежных сертификатов, минимальный объем продажи которых был эквивалентен золотому слитку стоимостью 5 тыс. долларов;
- б) при филиппинском золотодевизном стандарте денежное золото страны имело большую эффективность, чем при золотомонетном стандарте, поскольку все оно хранилось в одном месте (т.е. в фонде золотого стандарта), и в случае нужды каждый доллар мог быть использован немедленно — в то время как золотую монету, находящуюся в обращении, и золотые слитки, находящиеся в частном владении, трудно мобилизовать при чрезвычайных ситуациях. Те самые обстоятельства, которые создают потребность в золоте, нередко вызывают у публики тем большее желание не расставаться с ним;
- в) сборы, взимаемые правительством при обменных операциях, обеспечивали хорошую прибыль резервному фонду;
- г) на ту часть фонда золотого стандарта, что была размещена за границей, начислялись проценты.

За исключением необычных обстоятельств размер филиппинского фонда золотого стандарта постоянно возрастал. Это происходило из-за того, что

(за исключением небольших расходов, связанных с управлением денежной массой, которые покрывались фондом) деньги выплачивались одним из двух офисов фонда (в Маниле или в Нью-Йорке) только в обмен на более крупную сумму, полученную фондом в другом офисе. Всякий раз, как фонд временно сокращался из-за закупок серебра (либо никеля или меди) для чеканки новой партии монет, новая монета впоследствии поступала в него, компенсируя изъятую сумму, а в придачу фонд получал чистую сеньоражную прибыль от чеканки монеты.

Единственными моментами времени, когда происходило физическое сокращение фонда (за исключением маловероятных убытков вследствие краж или банкротства банков, в которых хранился фонд), были периоды глубокой экономической депрессии, когда вследствие резкого сокращения деловых операций потребности страны в деньгах могли существенно снижаться и в течение значительного времени оставаться на аномально низком уровне. В таких условиях резерв серебряных песо в Маниле мог чрезмерно возрастать вследствие непрерывных крупномасштабных закупок сертификатов на Нью-Йорк, а резерв золота в Нью-Йорке соответственно истощаться из-за выплат по этим сертификатам.

Если депрессия оказывалась столь тяжелой, что эти тенденции не удавалось сдержать обычными мерами и близился критический момент, то золотой фонд в Нью-Йорке мог быть пополнен путем форвардной продажи в Нью-Йорке по телеграфу из Манилы нескольких миллионов унций серебра, которые правительство получало, уничтожая избыточные песо, хранящиеся в фонде золотого стандарта в Маниле. Золото, полученное от продажи этого серебра, поступало на счета нью-йоркской части фонда. В этом случае фонд нес убытки, вызванные разницей между номинальной, или денежной, ценностью песо, уничтожавшихся и продававшихся как металлическое серебро, и ценой этого серебра, а также расходами по этой сделке. Эти убытки представляли собой противоположность сеньоражной прибыли — своего рода отрицательный сеньораж. Однако подобные меры могли приниматься лишь в случае крайней необходимости, и нужда в них свидетельствовала бы о том, что для существующих потребностей торговли отчеканено слишком много песо. Филиппинским властям ни разу не понадобилось прибегать к таким мерам.

При обычных обстоятельствах чрезмерному истощению золотого фонда в Нью-Йорке препятствовали процессы, аналогичные тем, которые обычно предотвращают чрезмерный вывоз золота из страны, в которой действует золотой стандарт⁸. В первую очередь в их число входили: 1) сужение денежного рынка в Маниле посредством изъятия из активного обращения и из банковских резервов больших объемов песо, отдававшихся на физическое хранение в манильский фонд золотого стандарта; 2) стимулирование экспорта товаров вследствие высокого обменного курса; 3) затруднение импорта товаров вследствие того же высокого курса.

⁸ Более подробное обсуждение этой темы см.: Kemmerer, *Money*, pp. 136—140.

Золотодевизный стандарт и Первая мировая война

Золотодевизный стандарт по образцу Индии и Филиппин получил значительное распространение в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, особенно в колониях и других зависимых территориях, а также в небольших странах. Как писал в 1914 г. Кейнс, «не боясь ошибиться, можно сказать... что за последние десять лет золотодевизный стандарт стал преобладающей денежной системой в Азии»⁹.

Когда в 1914 г. разразилась война, металлические денежные стандарты по всему миру рухнули, и в последующие годы страны почти везде перешли на бумажноденежные стандарты, которым свойственны сильные колебания валютных курсов. По окончании войны мир вновь с готовностью обратился к золотому стандарту как к единственному денежному стандарту, к которому питал доверие, золотодевизный стандарт опять обрел многочисленных сторонников. Это была наименее дорогостоящая из всех известных разновидностей золотого стандарта, что было очень важным соображением в мире, разоренном войной. Кроме того, эта разновидность золотого стандарта отличалась наиболее экономным использованием золота, что тоже было важно, так как с 1915 по 1922 г. производство золота резко упало, и люди испытывали серьезное беспокойство по поводу того, смогут ли будущие мировые запасы золота отвечать требованиям, связанным с повсеместным возвращением к золотому стандарту.

Генуэзская международная конференция и золотодевизный стандарт

Генуэзская международная конференция в 1922 г. решительно высказалась в пользу золотодевизного стандарта¹⁰. На этой конференции были приняты следующие принципиальные рекомендации по данному вопросу:

«Мерам денежной реформы будет способствовать... развитие в нескольких странах практики постоянного сотрудничества между центральными эмиссионными банками... В тех странах, где нет центрального эмиссионного банка, его следует создать... Желательно, чтобы все европейские валюты опирались на единый стандарт... Золото — единственный общий стандарт, на который в настоящий момент согласны перейти все европейские страны... Успешное поддержание [этого стандарта] будет существенно обеспечиваться не только предлагаемым сотрудничеством центральных банков, но и международной Конвенцией, которая будет принята в удобное время. Задачей Конвенции станет централизация и координация спроса на золото с целью избегания резких колебаний покупательной способности золота, которые в противном случае могут стать итогом одновременных усилий

⁹ Lord John Maynard Keynes, *Indian Currency and Finance*, p. 36.

¹⁰ Genoa Conference, *Papers Relating to International Economic Conference, Genoa*, April—May, 1922.

ряда стран по накоплению металлических резервов. Конвенция должна будет принимать меры по более экономному использованию золота путем создания резервов в форме остатков иностранной валюты — например, в рамках золотодевизного стандарта или международной клиринговой системы...

Когда для этого сложатся условия, некоторые страны-участницы учредят свободный рынок золота и в силу этого станут золотыми центрами...: страна — участница Конвенции в дополнение к своему отечественному золотому запасу может держать в любой другой стране-участнице резерв санкционированных активов в виде банковских счетов, векселей, краткосрочных ценных бумаг или иных подходящих ликвидных ресурсов... Стандартная практика страны-участницы будет заключаться в покупке и продаже валюты других стран-участниц в рамках предписанной доли паритета, осуществляемых по первому требованию в обмен на ее собственную валюту... Таким образом, Конвенция будет основана на золотодевизном стандарте. Условием сохранения членства в этой Конвенции станет поддержание предписанной ценности национальной денежной единицы. Неспособность обеспечить это требование повлечет за собой временное лишение права держать резервные счета других стран-участниц...

Каждая страна будет обязана принять необходимые законодательные и прочие меры, требуемые для поддержания международной ценности ее валюты на уровне паритета, и будет иметь полную свободу разрабатывать и предпринимать необходимые для этого шаги, будь то меры кредитного регулирования, осуществляемые центральными банками, или иные меры... Регулирование кредита будет осуществляться не только с целью поддержания номинальной ценности валют по отношению друг к другу, но и с целью предотвращения чрезмерных колебаний покупательной способности золота. Однако при этом не предполагается ограничивать полномочия центральных банков какими-либо определенными правилами на этот счет; от них требуется лишь сотрудничество в вопросах, лежащих вне юрисдикции отдельных стран-участниц...

Все искусственные ограничения на валютнообменные операции... должны быть отменены как можно быстрее...

Центральные банки, задействованные в этой системе, соглашаются создать условия для хранения зарубежных остатков валюты (и ценных бумаг) иностранных центральных банков на особых гарантиях, даваемых каждым центральным банком и соответствующим правительством, абсолютной ликвидности и свободы перемещения средств на таких счетах в любых условиях, а также их полного освобождения от налогообложения, принудительных займов и мораториев...»¹¹

¹¹ Ibid., pp. 60—63.

Широкое распространение принципов золотодевизного стандарта

В течение нескольких лет после доклада Генуэзской конференции принципы золотодевизного стандарта в той или иной степени были встроены в восстановленные денежные системы большинства стран мира. Согласно ежегодным данным Банка международных расчетов¹² по счетам европейских центральных банков в иностранной валюте за период с 1924 по 1932 г., 21 из этих банков имел такие счета в течение всех этих девяти лет, а три остальные банка — часть этого времени. Общая сумма остатков на этих счетах колебалась от 12,9 млрд французских франков в 1928 г. до 2,9 млрд в 1932 г.

Однако послевоенный золотой стандарт почти нигде не существовал в форме, хоть сколько-нибудь близкой к его наиболее чистому виду, и обычно в большей или меньшей степени сочетался с элементами золотослиткового стандарта.

Функционирование послевоенного золотодевизного стандарта через центральные банки. В отличие от довоенного золотодевизного стандарта в его восточном варианте, послевоенный стандарт функционировал главным образом через центральные эмиссионные банки, и этот факт неизбежно отразился на его характере. Во многих странах по крайней мере некую минимальную долю обязательных резервов требовалось хранить в золотых слитках и золотой монете. Эта доля сильно различалась от одного центрального банка к другому. В других странах какая-то доля обязательных резервов (иногда доходящая до 100%) по усмотрению центрального банка могла состоять из «запасов иностранной валюты». Форма, в которой должны храниться эти «запасы», также сильно различалась: они могли принимать вид вкладов в центральных банках и в Банке международных расчетов, вкладов в частных банках, банковских векселей, коммерческих векселей и краткосрочных государственных облигаций.

Когда филиппинское правительство в соответствии с правилами довоенного золотодевизного стандарта продавало сертификаты на резервный фонд, размещенный за пределами страны, за наличные деньги, оно изымало из обращения уплаченные ему деньги, тем самым сокращая денежную массу внутри страны; когда же зарубежный хранитель резерва продавал сертификаты на резервный фонд в самих Филиппинах, они оплачивались наличными, увеличивая денежную массу на соответствующую сумму. В противоположность этому при золотодевизном стандарте более поздней эпохи, когда учреждением внутри страны, продававшим сертификаты на расположенный за границей резерв, был центральный эмиссионный банк, а средства, полученные им от покупателя сертификата, представляли собой банковские средства, состоящие главным образом из его собственных банкнот и чеков, выданных подведомственными банками, сокращение денежной массы могло и не происходить. Такая транзакция больше напоминала

¹² Bank for International Settlements, *The Gold Exchange Standard*, Annex. Ia.

перевод кредита, а средства, полученные центральным банком, могли быть снова пущены в обращение по его усмотрению. С другой стороны, выплата по сертификатам на отечественный резерв банка, которые продавались зарубежным резервом центрального банка, также не обязательно влекла за собой долгосрочное увеличение денежной массы, находящейся в обращении внутри страны.

Соответственно, послевоенный вариант золотодевизного стандарта не предусматривал того, что когда обменный курс возрастал до точки экспорта золота, свидетельствуя об относительном избытке отечественной валюты, этот избыток устранялся путем продажи сертификатов золотого резерва, а когда обменный курс падал до точки импорта золота, свидетельствуя об относительном дефиците отечественной валюты, объем денежной массы возрастал благодаря продаже сертификатов на отечественный резерв, выпускавшихся заграничным резервом.

Для устранения этого затруднения следовало разработать какой-то механизм соответствующего регулирования объемов денежной массы. Во многих странах, включая Чили, Колумбию, Эквадор, Боливию и Перу, был применен следующий метод, имевший небольшие различия от страны к стране. Пример, приводимый ниже, взят из перуанского закона 1930 г. о центральном банке.

В Перу основными деньгами служили банкноты, эмитированные центральным банком, а единственным центральным резервом, использовавшимся для поддержания золотого паритета, был резерв центрального банка. Значительная часть этого резерва размещалась в зарубежных финансовых центрах — обычно в Лондоне и Нью-Йорке — в виде банковских вкладов и высоколиквидных краткосрочных ценных бумаг. Центральный банк брал на себя обязательство при достижении точки экспорта золота по первому требованию продавать сертификаты на зарубежную часть резерва, а по достижении золотой импортной точки обязывался по первому требованию продавать сертификаты этого зарубежного резерва на отечественный центральный банк. Как и в случае золотомонетного стандарта золотые точки отмечали пределы, за которые обменный курс не должен был выходить.

При такой системе с целью обеспечить сокращение денежной массы в тех случаях, когда продажа сертификатов по достижении точки экспорта золота приводила к истощению зарубежных резервов золота, закон требовал, чтобы центральный банк платил налог, ставка которого прогрессивно увеличивалась при сокращении золотых резервов банка ниже определенного уровня. Кроме того, закон предусматривал, чтобы эквивалент этого налога приплюсовывался к учетной ставке центрального банка. Эти требования влекли за собой сокращение находящейся в обращении относительно избыточной денежной массы, которое при наличии золотомонетного стандарта обеспечивалось бы путем вывоза золота. В соответствии с этими требованиями центральный банк мог увеличить сумму выданных кредитов и вводить в обращение дополнительное количество своих банкнот даже в тех случаях, когда его резервы находились на низком уровне и снижались, *но лишь за*

счет прогрессивного увеличения процентной ставки для заемщика и/или за счет прогрессивного снижения своей собственной нормы прибыли.

В целом, за несколькими существенными исключениями, послевоенный золотодевизный стандарт успешно функционировал в течение нескольких лет в соответствии с принципами, установленными на Генуэзской конференции, многие из которых широко применялись по всему миру. Однако затем, когда к 1928—1929 гг. начало ощущаться давление, которое привело к мировому кризису, эти принципы все чаще стали игнорироваться, и золотодевизные стандарты, подобно золотослитковым и золотомонетным стандартам, рухнули во время кризиса и депрессии начала 30-х годов.

Слабые стороны послевоенного золотодевизного стандарта

Этот вопрос крайне дискуссионен и связан с обсуждением технических деталей, поэтому его рассмотрение в исследовании, подобном нашему, в целом неуместно, за исключением некоторых наиболее важных моментов.

Критика в адрес золотодевизного стандарта в основном сводилась к следующим соображениям.

1. *Возведение кредитной пирамиды на базе золотых резервов.* Критики заявляли, что, обеспечивая экономное использование золота, золотодевизный стандарт зачастую заходит слишком далеко в надстраивании пирамиды обязательств на базе золотых резервов. Расчет «конечных [ultimate] золотых резервов, которые необходимо где-нибудь держать», для типичной ситуации при золотомонетном и при золотодевизном стандартах дает нам для такой страны, как Перу, 23% для золотомонетного стандарта и $1\frac{1}{2}\%$ для золотодевизного стандарта¹³. В ряде случаев истощение этих «запасов иностранной валюты» вследствие надстраивания пирамиды кредита оказывалось намного более значительным и в особо экстремальных случаях приводило к перегреву денежного рынка¹⁴. Чтобы справиться с этой проблемой и в то же время позволить соответствующим зарубежным центральным банкам быть в курсе объемов инвестиций в резервной валюте на тех рынках, за которые они несут ответственность, центральным банкам, управляющим золотодевизным стандартом внутри страны, полезно было бы проводить зарубежные операции с валютными резервами лишь через иностранные центральные банки и через Банк международных расчетов.

2. *Отсутствие эффективных сдержек и противовесов.* Критику также вызывает неспособность золотодевизного стандарта функционировать столь же автоматически и эффективно, как золотомонетный стандарт, т.е. создать столь же эффективный набор сдержек и противовесов. При золотомонетном стандарте одна страна экспортирует золото по достижении

¹³ *Economic Essays in Honour of Gustav Cassel*, pp. 321—323.

¹⁴ См.: Bank for International Settlements, op. cit., pp. 18, 19.

точки экспорта золота, а другая страна импортирует золото по достижении точки импорта золота. Объем денежной массы сокращается в стране, экспортирующей золото, и увеличивается в стране, импортирующей золото. Если же в обеих странах действует золотодевизный стандарт с центральным банком, то купленные внутри одной страны сертификаты на резерв, размещенный за границей, обычно дебетуются по ее банковскому счету дома [т.е. вычитаются. — *Перев.*] и зачисляются на зарубежный банковский счет; при продаже заграничным резервом сертификата на отечественный центральный банк делаются противоположные проводки.

Такие транзакции в норме не влияют на количество денег в обращении на внутреннем рынке или за границей. Они приводят к сокращению банковских депозитов в той стране, представитель которой покупает сертификат, и к увеличению банковских депозитов в стране, представитель которой получает его. Однако это очень сильно отличается от снижения и повышения количества базового денежного золота в соответствующих странах. Обычно центральный банк посредством ссуд, изменения учетной ставки, инвестиций и валютной политики в состоянии по собственному усмотрению значительно увеличить или сократить свои депозиты, которые сами представляют собой резервы подведомственных ему банков.

Стандартные положения закона, направленные на сокращение или расширение денежной массы при достижении золотых точек посредством обложения прогрессивным налогом недостатка резервов и переноса этого налога на население путем прибавления его эквивалента к учетной ставке центрального банка, оказались не вполне эффективны. Во-первых, «рынок не всегда находится в банке», а во-вторых, центральные банки неохотно переносили этот налог на заемщиков, поскольку, если последние платили его сами, они нередко могли вычитать его из прибылей, которые в противном случае все равно бы попали в казну в виде государственных пошлин или иных сборов.

3. *Отсутствие контроля со стороны властей страны — владелицы резерва.* Ряд возражений против золотодевизного стандарта связан с тем фактом, что золотые резервы страны становятся менее подконтрольны ее властям, когда он размещен на депозите или инвестирован каким-либо иным образом за рубежом, вместо того чтобы физически храниться внутри страны¹⁵. «Если вы держите свое золото дома... — говорит сэр Отто Нимейер*, — то можете идти с ним на войну». Если же резерв находится за границей, то в случае войны он может быть захвачен вражескими странами или понести убытки в результате обесценивания валюты той страны, которая его хранит, в результате войны или иных причин. Например, выход Англии из золотого стандарта в 1931 г. причинил большой ущерб многим странам, придерживавшимся золотодевизного стандарта.

¹⁵ Однако иногда в случае революции золотой запас находится в большей безопасности за границей, чем внутри страны.

* Один из директоров Банка Англии в 1938—1952 гг., руководитель Банка Международных расчетов в 1937—1940 гг.

4. *Влияние экспорта и импорта золота на доверие публики.* Еще одна слабость золотодевизного стандарта по сравнению с золотомонетным, по мнению его критиков, носит психологический характер. Население внимательно следит за ввозом и вывозом золота. Экспорт золота стимулирует на рынке «медвежья» настроенность, а импорт — «бычья». Избыточный вывоз золота подрывает доверие общества к отечественной валюте и ведет к тезаврированию золота. Эти факты выступают в роли сдержек против опасных монетарных и фискальных тенденций. Однако когда изменение денежной массы производится не путем ввоза и вывоза золота, а путем покупки и продажи сертификатов при достижении золотых точек — в целом малоинтересной для публики — эти полезные сдержки исчезают. Поэтому в условиях золотодевизного стандарта финансовым властям проще позволять себе опасные вольности, чем в условиях золотомонетного стандарта.

Золотодевизный стандарт, очевидно, имеет ряд несомненных достоинств, из которых самым важным является его экономичность. Имеет он и свои недостатки. Вопрос о будущем золотодевизного стандарта будет обсужден ниже¹⁶.

ЗОЛОТОСЛИТКОВЫЙ СТАНДАРТ

Хотя золото в таких неспециализированных формах, как песок, самородки, слитки и т.п., использовалось в качестве стандартных денег на протяжении тысячелетий и хотя при собственно золотом стандарте золотые слитки широко применяются в качестве банковских резервов и при международных расчетах, формально и юридически организованный золотослитковый стандарт является сравнительно молодым институтом¹⁷. Большинство стран, вернувшихся к золотому стандарту после Первой мировой войны, избрали золотодевизный стандарт, золотослитковый стандарт, либо сочетание того и другого.

При золотослитковом стандарте страна не чеканит и не выпускает в обращение свою монету. Денежная единица представляет собой фиксированный вес золота, как при золотомонетном или золотодевизном стандартах, но не существует в виде монеты. Золотые резервы состоят из стандартных золотых слитков, в основном имеющих крупные номиналы, и национальную валюту обычно можно обменять на эти слитки по первому требованию. Тезаврирование золота при такой системе минимально, пото-

¹⁶ См. с. 204—211.

¹⁷ Еще в 1886 г. Лесли Пробин рекомендовал золотослитковый стандарт для Индии. Эта рекомендация давалась несколько раз, с небольшими изменениями, и в своем окончательном виде была подробно изложена Пробином на его выступлении перед Комитетом Фаулера в 1898 г. См.: Fowler Committee, op. cit., а также: Kemmerer, *Modern Currency Reforms*, pp. 77—79.

му что ценность золотого слитка слишком велика для того, чтобы сделать его доступным для большинства людей¹⁸.

За исключением этих различий, фундаментальные принципы, на которых функционирует золотослитковый стандарт, ничем не отличаются от принципов золотомонетного стандарта и примерно соответствуют принципам золотодевизного стандарта.

Очевидно, что при золотослитковом или золотодевизном стандартах правительству легче девальвировать свою денежную единицу, чем при золотомонетном стандарте. Это соображение может быть важно по нескольким причинам: 1) подавляющее большинство населения может вообще ничего не узнать о приостановке размена на золото; 2) широкие массы не имеют возможности посредством привилегии размена по первому требованию постоянно противодействовать инфляционным тенденциям; 3) правительству или центральному банку проще осуществить приостановку размена на золото, если он означает всего лишь повышение цены на золотые слитки или золотые сертификаты, по сравнению с тем случаем, когда для этого требуются такие энергичные меры, как вывод из обращения и объявление вне закона всей золотой монеты страны, что было сделано, например, в США в 1933 г.

Золотослитковый стандарт, вероятно, будет играть важную роль среди золотых стандартов будущего¹⁹.

¹⁸ Разумеется, крупные слитки могут разрезаться на куски частными лицами и продаваться в качестве товара, и в некоторой степени так и происходит. Однако золото при таком стандарте не существует в виде монет, переходящих из рук в руки. Поэтому золотослитковый стандарт намного более экономичен в смысле использования золота, чем золотомонетный стандарт, хотя он менее экономичен, чем золотовалютный стандарт.

¹⁹ См. с. 205—206.

ГЛАВА 7

БАЛАНС ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Пробным камнем испытывают золото,
а золотом испытывается человек.

Хилон (560 г. до н.э.)

До сих пор наш рассказ о золотых деньгах и о золотом стандарте касался главным образом их истории и ключевых принципов. Наш взор был обращен в прошлое. Теперь давайте взглянем в будущее и рассмотрим вопрос о важнейших достоинствах и недостатках золотого стандарта как денежного стандарта для послевоенного мира — мира очень обыденного, не имеющего ничего общего с утопией.

ДОСТОИНСТВА ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Простота и понятность

Первым достоинством золотого стандарта по сравнению с другими стандартами, стремящимися занять главенствующее место в денежном мире, является его *простота*. Основные принципы золотого стандарта не представляют собой ничего сложного для понимания. Единицей ценности служит фиксированное количество общеизвестного товара, который тысячи лет использовался в качестве денег и первобытными, и самыми передовыми народами мира. При демократическом строе крайне важно, чтобы люди понимали, как устроены их деньги. Старинная мудрость гласит: «Люди не доверяют тому, чего не понимают». Сравните по этому критерию золотой стандарт с любым из многочисленных «бумажноденежных стандартов, управляемых на основе индексов цен», которые предлагаются сейчас вниманию публики.

Высокое доверие людей к золоту

С таким достоинством, как простота, тесно связано и второе достоинство золотого стандарта — *доверие со стороны населения*. Инстинкт к золоту прослеживается у всех народов мира — как диких, так и цивилизованных. Сегодня, как и в течение столетий, золото остается самым широко ценимым

и самым легко продаваемым товаром в мире, о чем нам говорят известные строки из Томаса Гуда:

«Золото! Золото! Золото! Золото!
Блестящее, желтое, холодное, твердое.
В слитках, в монетах, в бляшках, листами.
С трудами добываемое, легко сохраняемое.
Его копят, меняют, продают, покупают,
Воруют, заимствуют, швыряют на ветер.
Для юнцов — презренное, для стариков — бесценное.
Золото! Золото! Золото! Золото!
Ценою безвестных злодейств оплаченное,
Тысячекратно благое и проклятое!»

Ценность унции золота в США в смысле ее покупательной способности по отношению к другим товарам в течение пятилетия с 1936 по 1940 г. была выше, чем в любое другое пятилетие, по которым у нас есть данные об индексах цен, т.е. начиная с 1801 г. А ведь следует учитывать, что количество золота, добытого в мире после 1929 г., равно всем известным общемировым запасам денежного золота на 1923 г., накапливавшимся в течение веков. В обезумевшем послевоенном мире никакая другая денежная система не сумеет так быстро восстановить общественное доверие, как истинный золотой стандарт. Можно ли сомневаться в том, каков будет вердикт, если сегодня вынести в США на всенародное голосование вопрос: «В каких долларах вы бы хотели получать выплаты по социальному страхованию и облигациям государственного займа — в долларах золотого стандарта или в долларах управляемого бумажного стандарта?» Золото не нуждается в гарантиях. Оно принимается повсюду в качестве окончательного платежа. Недаром Чарльз Диккенс использовал выражение «хорош, как золото», т.е. «самый лучший», мирового класса.

Автоматическое действие золотого стандарта не требует особого политического регулирования

Типичный золотой стандарт, существовавший до Первой мировой войны, работал совершенно автоматически. Золото в ходе международной торговли свободно перетекало оттуда, где оно было дешево, туда, где цена на него была выше, благодаря чему ценность золота поддерживалась на среднем общемировом уровне. В большинстве стран мира производилась свободная чеканка золотых денег и была широко распространена взаимная конвертируемость с другими видами денег, осуществлявшаяся по первому требованию. Как правило, вмешательство человека в автоматическое функционирование золотого стандарта до Первой мировой войны было минимальным и ограничивалось главным образом манипулированием учетными ставками со стороны центральных банков и небольшими объемами операций на открытом рынке. Более того, попытки «удержать под контролем» между-

народные перемещения золота часто приносили больше вреда, чем пользы. Автоматический характер довоенного золотого стандарта был одним из его главных достоинств. «Мы храним золото, — гласит старая поговорка, — потому что не можем доверять властям».

За долгие годы такое недоверие к правительству и к вмешательству политиков в работу американской денежной системы глубоко укоренилось в обществе и получило широкое распространение, имея для этого все основания. Послужной список американских властей в этой сфере столь же непригляден, как и во многих других странах, особенно в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Свидетельство тому — неуклюжие попытки нашего конгресса управлять биметаллической системой с 1791 г. до Гражданской войны¹, война президента Джексона со Вторым банком США и последующая печальная история банкнот спекулятивных [wildcat] банков. В этот же список можно включить 17-летний опыт использования неразменных гринбеков с 1862 по 1879 г., неудачные законы о серебре 1878 и 1890 г., а также абсурдная и крайне дорогостоящая серебряная политика администраций Франклина Рузвельта². Далее следует вспомнить петицию, направленную президенту Рузвельту в 1933 г. за подписями 85 членов конгресса, в которой президента просили назначить отца Кафлина экономическим советником делегации США на Всемирной монетарной и экономической конференции в Лондоне, и последующий саботаж этой конференции президентом в интересах злосчастного уорреновского плана золотых закупок. Наконец, упомянем поправку Томаса 1933 г., с ее многочисленными еретическими монетарными мерами, включая возрождение давно дискредитированной гринбековщины.

При подобных «заслугах» американского правительства нет ничего удивительного в том, что американский народ питает больше доверия к автоматически работающей денежной системе, обычно функционирующей в соответствии с естественными экономическими законами, чем к управляемой системе, функционирующей главным образом в соответствии с законами и суждениями политически ангажированных людей.

Международный стандарт

Четвертое достоинство золотого стандарта — его *международный характер*, что будет иметь важное значение в послевоенный период, когда интернационализм вступит в борьбу с узким национализмом.

Хотя при золотом стандарте каждая страна сама определяет для себя размер своей денежной единицы³, собственно стандартом в каждой стране

¹ Ср. с. 128—130.

² См.: Neil Carothers, *Silver — A Senate Racket*, *North American Review*, January, 1932; см. также: *Kemmerer on Money*, pp. 122—140; *Kemmerer, Money*, pp. 375—391.

³ Остается надеяться, что послевоенные решения на этот счет будут приниматься в духе дружеского международного сотрудничества. Ср. с. 204, 205—206, 211.

является золото. Цены выражаются в золоте, золото свободно перетекает из страны в страну при осуществлении международных платежей. Напротив, бумажные стандарты носят узконациональный или в лучшем случае региональный характер. При этих стандартах каждая страна сама определяет не только размер своей единицы ценности, но и свой конкретный стандарт ценности, который согласно большинству нынешних планов будет представлять собой ценность группы избранных товаров, выраженную в соответствующем индексе товарных цен. Эти цены неизбежно будут определяться относительным значением тех или иных товаров в экономической жизни каждой нации. Однако и товары, и цены на них будут разными в разных странах, а соответственно разными окажутся методы управления денежным стандартом, как и результаты их применения. Осуществляя это управление, финансовые власти будут постоянно подвергаться политическому и фискальному давлению. Все это означает, что управляемым бумажноденежным стандартам с большой степенью вероятности будет присущ узконационалистический характер. Но такой национализм применительно к денежным стандартам принесет в функционирование международной торговли и финансов много препятствий и значительную неопределенность.

В этой связи следует отметить, что нынешнее поколение по большей части явно незнакомо с международными монетарными проблемами, которые волновали их непосредственных предшественников. Я имею в виду проблемы, связанные с торгово-финансовыми отношениями между странами, придерживающимися золотого стандарта, и странами, придерживающимися других стандартов, таких как серебряный стандарт в Китае, Индии и Мексике и бумажные стандарты во многих латиноамериканских странах. Страны, придерживавшиеся серебряного стандарта, испытывали серьезные проблемы, которые пристально изучались множеством финансовых комиссий, и буквально все они в качестве единственного практического решения рекомендовали замену серебряного стандарта золотым стандартом, в результате чего к началу Первой мировой войны серебряный стандарт практически исчез с карты мира. Единственным серьезным исключением был Китай, но и тот строил планы перехода на золотой стандарт. Аналогичные проблемы вынудили многочисленные страны, придерживавшиеся управляемого бумажноденежного стандарта, также ввести золотой стандарт⁴.

⁴ О переходе стран серебряного стандарта на золотой стандарт см. доклады комитета Хершелла и комитета Фаулера по Индии, доклады Мексиканской валютной комиссии с 1903 по 1909 г. и доклады Комиссии США по международным валютным операциям за 1903 и 1904 г. об этих и других странах. Эти доклады и прочий библиографический материал по данной теме перечисляются в моей книге «Modern Currency Reforms», которая посвящена главным образом замене серебряного стандарта золотым стандартом.

Лично я не понаслышке знаком с проблемами, встающими перед странами серебряного и бумажноденежного стандартов, поскольку выступал в роли финансового советника в двух странах серебряного стандарта и 11 странах управляемого бумажноденежного стандарта в период перевода их валюты на золотой стандарт.

Проблемы, встающие из-за существования разных стандартов в разных странах — например, золотого стандарта, серебряного стандарта, всевозможных бумажных стандартов, — весьма многочисленны; но самые серьезные из них связаны с торговлей и финансами. Вкратце эти проблемы сводятся к следующему.

Торговля. Когда валюта страны обесценивается по отношению к валюте других стран, с которыми ведется торговля, то это обесценивание равносильно введению премий на экспорт и пошлин на импорт⁵. Если, например, доллар обесценивается по отношению к фунту стерлингов, то и цены на товары в США, и обменный курс в Нью-Йорке на Лондон (т.е. цена фунта стерлингов в долларах) возрастают; но поскольку обменный курс обладает гораздо большей чувствительностью по сравнению с ценами большинства товаров, то он вырастет гораздо быстрее, чем большинство товарных цен. Это означает, что, несмотря на то что американский экспортер в Англию предположительно получит те же стерлинговые цены в Англии за экспортируемые товары, он имеет возможность продавать свои стерлинговые векселя в Нью-Йорке в обмен на постоянно растущее количество долларов, благодаря чему его прибыль возрастет, что стимулирует экспорт в Англию.

С другой стороны, то же самое обесценивание доллара по отношению к фунту приведет к повышению цен на товары, импортируемые из Англии. Английские цены на эти товары предположительно останутся прежними, однако американскому импортеру придется тратить все больше американских долларов на покупку того же количества фунтов стерлингов. При этом цены на британские товары в США не вырастут пропорционально росту курса фунтов стерлингов, и прибыли импортера снизятся.

С течением времени увеличение экспорта из США в Англию и снижение импорта из Англии в США вместе с соответствующими изменениями цен и перетеканием золота из одной страны в другую приведет к восстановлению равновесия, и инфляционная премия на экспорт и пошлина на импорт исчезнут. Однако этого не случится до тех пор, пока доллар будет продолжать обесцениваться по отношению к фунту стерлингов.

Искусственно стимулируемый американский экспорт вступит в конкуренцию с такой же или аналогичной продукцией в Англии и других странах мира, где это будет восприниматься в качестве «валютного демпинга» и вызовет возмущение и ответные меры в виде компенсационных пошлин и прочих торговых ограничений. Если такой валютный демпинг зайдет достаточно далеко, он вполне может привести к конкурирующим девальвациям⁶.

⁵ См. об этом: Edwin Walter Kemmerer, *Money*, pp. 142—153 и его же *Modern Currency Reforms*, pp. 488—494, and *passim*.

⁶ Поразительный пример влияния обесценивания денежной единицы на торговлю много лет назад приводил британский генеральный консул в Хакодате (Япония): «В 1892 г. город Хакодате объявил конкурс на поставку 1500 тонн водопроводных труб. Подряд получила британская фирма, выставившая цену в четыре гиней за тонну... В пересчете на серебро эта цена равнялась 28 серебряным долларам. В 1893 г.

Международные финансы. Проблемы, создаваемые наличием националистических денежных стандартов в сфере международных финансов, как государственных, так и частных, аналогичны проблемам, возникающим в сфере международной торговли.

Если какое-либо правительство или население страны, придерживающейся одного денежного стандарта, сделают заем в стране, где действует другой стандарт, с выплатой основной части долга и процентов в деньгах страны-кредитора, то эта операция влечет за собой серьезные риски, связанные с обменным курсом. В том случае, когда отечественные деньги обесцениваются по отношению к деньгам страны-кредитора, будь это золотые, серебряные или бумажные деньги, то цены, ставки заработной платы и налоги не возрастают пропорционально возрастанию суммы долга⁷.

В основном именно по этой причине после Первой мировой войны наблюдалось так много случаев дефолта по международным обязательствам. Или, если взять другой пример, это была главная причина, по которой британская Индия полвека назад решила отказаться от серебряного стандарта и перейти на золотой стандарт. Ежегодно Индия была вынуждена выплачивать Англии крупные денежные суммы. Эти выплаты производились в золоте, и большинство из них были более-менее фиксированными. Они включали в себя проценты и ежегодную ренту по долгам, сделанным в золоте; жалование, пенсии и отпускные работающим в Индии британцам на индийской службе или служащим, вернувшимся в Англию из Индии, также выплачивавшиеся в золоте; оплату британских поставок для индийского правительства; и прочие расходы, вмененные индийским госучреждениям. Общий объем этих выплат в 1892 г. достигал 16 млн ф. ст. С учетом индийской финансовой ситуации советник вице-короля Индии по финансам сэр Дэвид Барбур в 1893 г. сделал публичное заявление: «Непосредственной причиной наших финансовых затруднений — причем такой причиной, по сравнению с которой меркнут все остальные, — является падение цен на серебро по отношению к золоту, которое... за два года увеличило расходы индийского правительства более чем на 40 млн рупий... В наступающем году наше финансовое положение находится всецело во власти обменного

произошло беспрецедентное падение цен на серебро — рекорд, перекрытый только прошлогодним падением [т.е. в 1908 г.]. В 1894 г. власти Хакодате снова объявили конкурс на 1500 тонн труб для завершения своей системы водоснабжения. Та же самая английская фирма на этот раз выставила цену в четыре соверена за тонну. Однако из-за падения цен на серебро за четыре соверена теперь давали сорок долларов [серебром] — иными словами, властям Хакодате требовалось на 40% больше серебряных денег, чтобы купить на 5% меньше наших золотых денег. В таких условиях власти Хакодате отменили тендер, построили собственный сталелитейный завод, и сейчас тот в больших объемах поставляет трубы в Китай и Индию». — Moreton Frewen, *Silver and Our Trade with Asia*, выступление, изданное Канадским отделением Лиги честного обмена (Fair Exchange League).

⁷ Разумеется, в случае обесценивания денежной единицы страны-кредитора наблюдается противоположная картина. Однако на деле деньги стран-должников куда сильнее склонны к обесцениванию, чем деньги стран-кредиторов. Страны-должники обычно более слабы в финансовом плане.

курса и тех, кто имеет возможность оказывать влияние на цену серебра. При нынешнем бюджетном дефиците в 15,951 млн повышение обменного курса на одно пенни [к рупии] обеспечивает профицит, падение курса на одно пенни увеличивает дефицит до более чем 30 млн рупий. Если мы введем налог, способный принести 15 млн рупий, то при неблагоприятном раскладе можем столкнуться с необходимостью ввести дальнейший налог на сумму, не меньшую этой; при ином обороте событий может оказаться, что никаких налогов вовсе не требовалось»⁸.

Стабильность золота

Еще одно преимущество международного золотого стандарта — стабильная ценность золота, о чем уже шла речь выше⁹. В течение 94-летнего мирового опыта использования организованного и полноценного золотомонетного стандарта, начиная с учреждения такого стандарта в Англии в 1821 г. и кончая его отменой там в 1914 г. во время Первой мировой войны, золото продемонстрировало большую стабильность в смысле ценности, чем любой иной товар¹⁰.

Оптовые цены в Англии в годы действия золотого стандарта^a (1913 = 100)

Год	Индекс цен	Год	Индекс цен	Год	Индекс цен
1821	126	1855	119	1889	85
1822	123	1856	119	1890	85
1823	122	1857	124	1891	85
1824	114	1858	107	1892	80
1825	127	1859	111	1893	80
1826	111	1860	116	1894	74
1827	109	1861	115	1895	73
1828	105	1862	119	1896	72
1829	101	1863	121	1897	73
1830	100	1864	124	1898	75
1831	102	1865	119	1899	80
1832	101	1866	120	1900	88
1833	105	1867	118	1901	82
1834	105	1868	116	1902	81
1835	108	1869	115	1903	81
1836	121	1870	113	1904	82
1837	110	1871	118	1905	85

⁸ Herschell Committee, *Report*, Section 5. (См.: Kemmerer, *Modern Currency Reforms*.)

⁹ См. с. 165.

¹⁰ Сопоставление золота по этому показателю с серебром см.: Kemmerer, *Money*, p. 375.

Год	Индекс цен	Год	Индекс цен	Год	Индекс цен
1838	112	1872	128	1906	91
1839	120	1873	131	1907	94
1840	116	1874	120	1908	86
1841	111	1875	113	1909	87
1842	101	1876	112	1910	92
1843	93	1877	111	1911	94
1844	94	1878	102	1912	100
1845	95	1879	98	1913	100
1846	95	1880	104	1914	100
1847	100	1881	100		
1848	91	1882	99	1925 ^b	157
1849	86	1883	96	1926	148
1850	91	1884	89	1927	142
1851	88	1885	85	1928	140
1852	92	1886	81	1929	137
1853	112	1887	80	1930	120
1854	120	1888	82	1931 ^c	103

^a За период с 1821 г. по 1 августа 1914 г. и с апреля 1925 г. по сентябрь 1931 г.

^b Золотой стандарт был восстановлен в апреле 1925 г. Приведена цифра за 9 месяцев, с апреля по декабрь.

^c Действие золотого стандарта было приостановлено 21 сентября 1931 г. Приведена цифра за 9 месяцев, с января по сентябрь.

Насколько велика в годы действия золотого стандарта в Англии и в США была стабильность ценности золота, выраженной в его покупательной способности, можно судить по таблицам и диаграммам, приведенным на с. 191—194¹¹.

В течение 19 лет из 94-летнего периода, завершившегося в 1914 г., индекс цен в Великобритании не опускался ниже 95 и не поднимался выше 105, а в течение 33 лет находился в интервале между 90 и 110. В 1830, 1847, 1912, 1913 и 1914 г. — пять лет, разделенных большим промежутком времени — он равнялся 100. Максимальное значение индекса цен (126) наблюдалось в 1821 г., а минимальное (72) — в 1896 г. Лишь в 14 случаях из этих 96 лет индекс цен опускался ниже 80 или поднимался выше 120.

¹¹ Данные по Англии приводятся по: John Parke Young, *European Currency and Finance*, vol. I, p. 450, в пересчете к уровню 1913 г. Цифры для 1821—1849 гг. рассчитаны на основе данных, собранных Н. Дж. Силберлингом; для 1850—1914 гг. — на основе ценовых индексов Зауэрбека. Цифры для последующих лет приводятся по данным Министерства торговли.

Для США цифры оптовых цен приводятся по данным Бюро статистики труда в пересчете к уровню 1913 г., а цифры общих цен (которые включают в себя оптовые цены, розничные цены, курс ценных бумаг и арендную плату) рассчитаны на основе данных Федерального резервного банка Нью-Йорка.

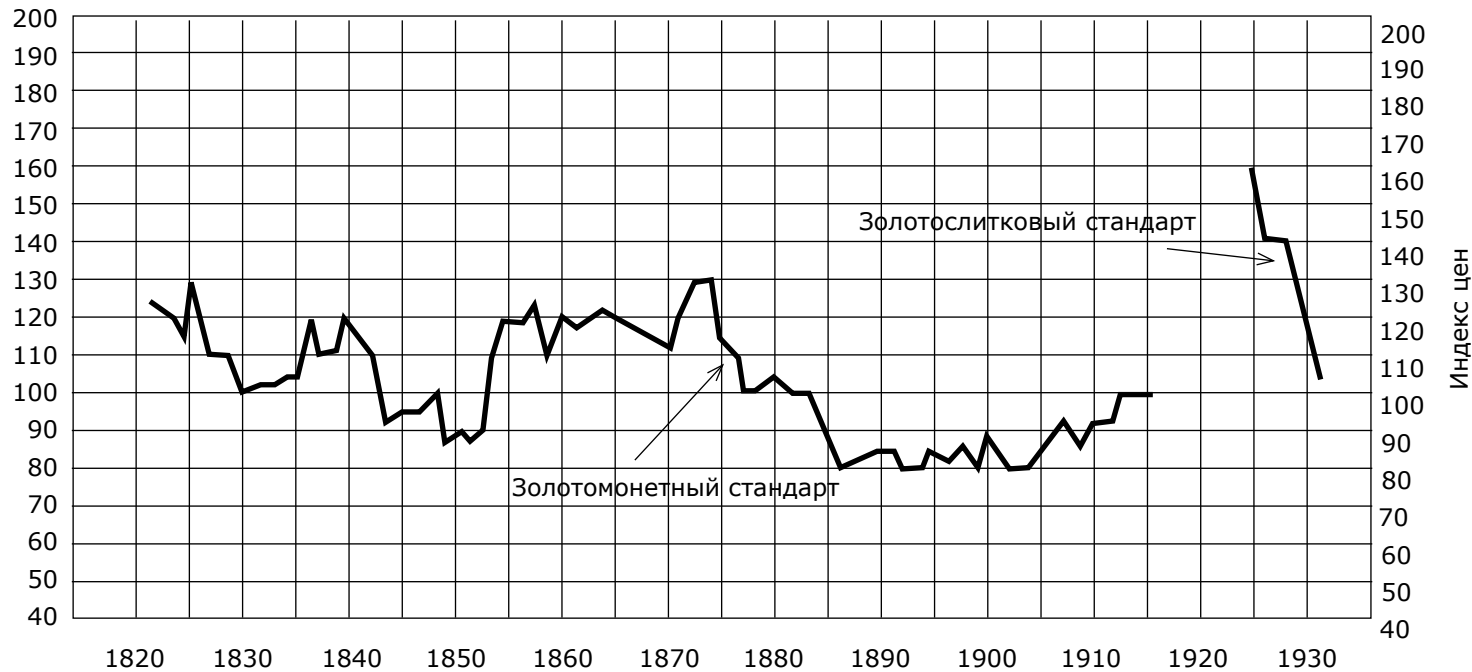

Рис. 3. Оптовые цены в Англии в годы действия золотомонетного стандарта (1821—1914 гг.) и золотослиткового стандарта (1925—1931 гг.). 1913 = 100

Цены в США в годы действия золотого стандарта до вступления страны в Первую мировую войну (1913 = 100)

Год	Оптовые цены	Общие цены ^a	Год	Оптовые цены	Общие цены
1879	88	71	1899	75	74
1880	98	76	1900	80	76
1881	101	79	1901	79	77
1882	106	81	1902	84	79
1883	99	79	1903	85	80
1884	91	76	1904	86	81
1885	83	73	1905	86	82
1886	80	72	1906	89	85
1887	83	73	1907	93	89
1888	84	75	1908	90	89
1889	80	74	1909	97	93
1890	81	75	1910	101	96
1891	80	76	1911	93	96
1892	75	74	1912	99	99
1893	76	75	1913	100	100
1894	69	72	1914	98	100
1895	70	72	1915	100	103
1896	67	71	1916	122	117
1897	67	71	1917	165 ^b	136
1898	69	71			

^a Общие цены включают в себя оптовые товарные цены, ставки заработной платы, некоторые элементы стоимости жизни и уровень ренты. См.: Carl Snyder, A New Index of the General Price Level from 1875, *Journal of the American Statistical Association*, June, 1924.

^b США фактически приостановили действие золотого стандарта 10 сентября 1917 г., когда вступил в силу указ президента от 7 сентября, вводивший жесткие ограничения на экспорт золота. Поэтому цифры для 1917 г. вычислены для периода с января по август.

За 36 лет действия довоенного золотого стандарта в США (с 1879 по 1914 г.) индекс цен в течение 8 лет находился в интервале между 95 и 105, а в течение 12 лет — в интервале между 90 и 110. Максимальное значение индекса цен за эти годы составляло 105 (в 1882 г.), а минимальное — 69 (в 1874 г.). Лишь за 11 из этих 36 лет индекс цен опускался ниже 80.

Хотя за этот почти столетний период действия золотого стандарта цены не отличались абсолютной стабильностью, все равно их стабильность была достаточно высока. Ни в одной стране, где бы действовал управляемый бумажноденежный стандарт, насколько мне известно, не наблюдалось ничего, хотя бы отдаленно напоминающего эту стабильность.

Лорд Кейнс, в последние годы прославившийся как один из самых решительных критиков золотого стандарта в мире, в 1923 г., ссылаясь на опыт применения в Англии золотого стандарта в течение XIX и начала XX в., писал: «...Характерной и существенной для этого длительного периода

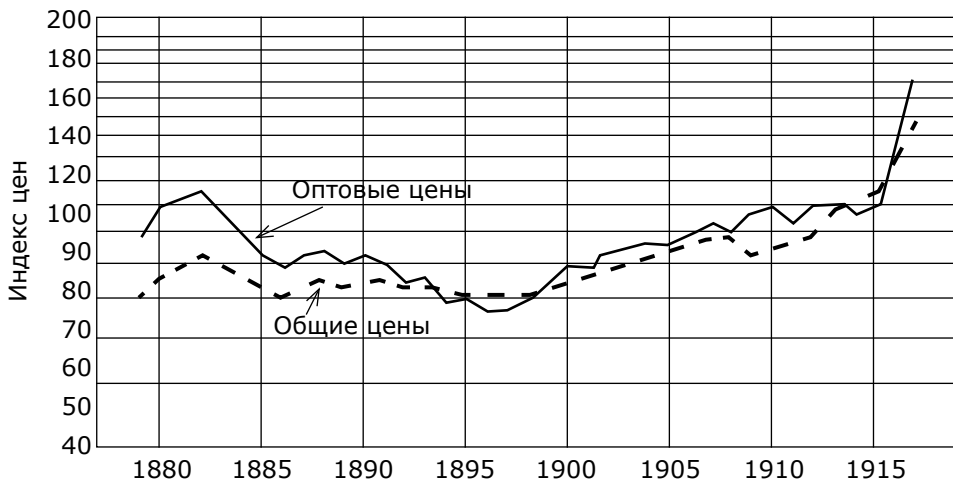

Рис. 4. Цены в США в годы действия золотого стандарта вплоть до вступления страны в Первую мировую войну (1913 = 100)

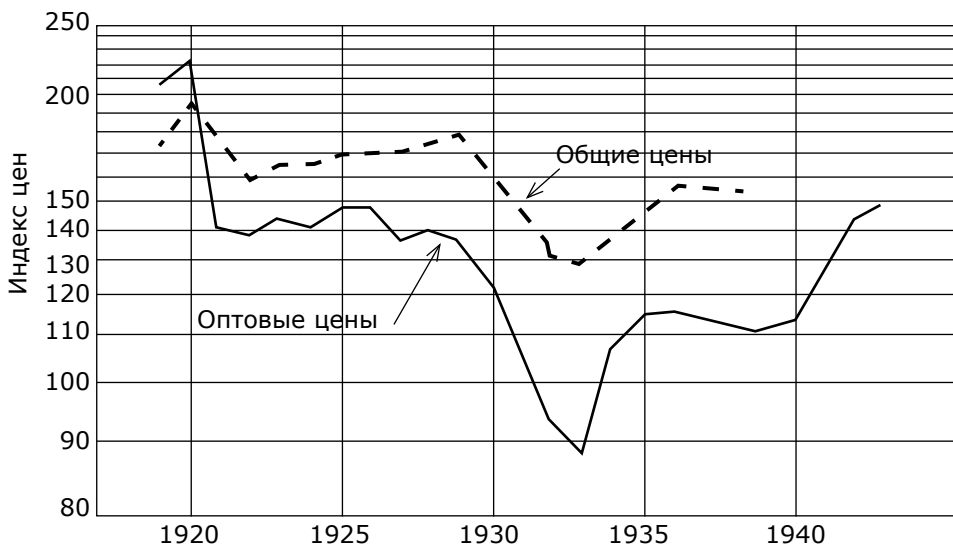

Рис. 5. Цены в США в годы действия золотого стандарта после Первой мировой войны (1913 = 100)

была сравнительная *устойчивость* уровня цен. Приблизительно *одинаковый* уровень цен был в 1826, 1841, 1855, 1862, 1867, 1871 и 1915 г., равно как на одном уровне были цены в 1844, 1881 и 1914 г.. Если принять за 100 индекс уровня цен за 1914 г., выяснится, что за промежуток времени, равный почти столетию, с 1826 г. по год объявления войны, наиболее сильное отклонение вверх и вниз составляло всего 30 пунктов, т.е. индекс цен никогда не поднимался выше 130 и не опускался ниже 70. Нет ничего удивительного, что создалось убеждение в устойчивости денежных обязательств с длительными сроками...»¹²

Цены в США в годы действия золотого стандарта^a после Первой мировой войны (1913 = 100^b)

Год	Индекс оптовых цен	Индекс общих цен	Год	Индекс оптовых цен	Индекс общих цен
1919 ^c	206	173	1931	105	150
1920	221	193	1932	93	132
1921	140	163	1933 ^d	87	129
1922	139	158	1934 ^e	108	137
1923	144	165	1935	115	145
1924	141	166	1936	116	154
1925	148	170	1937 ^f		
1926	143	171	1938 ^g	112	154 ^h
1927	137	171	1939	110	
1928	139	176	1940	113	
1929	137	179	1941	125	
1930	124	168	1942	142	
			1943	148	

^a Термин «золотой стандарт» используется в смысле, описанном на с. 161—164. Таблица охватывает период с 30 июня 1919 г., когда было отменено военное эмбарго на экспорт золота, до 6 марта 1933 г. — начало национальных «банковских каникул», объявленных указом президента от этой даты; и с 30 января 1934 г., когда вступил в силу Закон 1934 г. о золотых резервах, до настоящего времени (за исключением периода с 21 декабря 1936 г. по 14 апреля 1938 г., когда правительство приостановило импорт золота). См.: Kemmerer, *The ABC of the Federal Reserve System*, 11th ed., pp. 257—261.

^b Цифры пересчитаны к уровню 1913 г. для того, чтобы их было легко сопоставить с цифрами из двух предыдущих таблиц.

^c За период с июля по декабрь.

^d За период с января по февраль.

^e За период с февраля по декабрь.

^f Золотой стандарт в этот год не действовал из-за выполнения плана по стерилизации импорта золота.

^g За период с мая по декабрь.

^h Вычисление данного индекса общих цен после 1938 г. не производилось.

¹² Lord John Maynard Keynes, *A Tract on Monetary Reform*, pp. 11—12. [Кейнс Дж. М. Трактат о денежной реформе // Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007. С. 782.]

НЕДОСТАТКИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Золотой стандарт отнюдь не является совершенным денежным стандартом. Хотя многие обвинения, выдвигаемые противниками в его адрес, либо не выдерживают критики, либо ничтожны, некоторые из них заслуживают рассмотрения.

Порождение слепых сил природы

Первым недостатком золотого стандарта, как и всех остальных металлических денежных стандартов, является то, что ценность денежной единицы при этом стандарте определяется главным образом слепыми силами природы. Как указывалось выше¹³, при золотом стандарте роль единицы выполняет не фиксированная ценность, а ценность фиксированного количества золота по весу, а эта ценность определяется взаимодействием между силами спроса и предложения. Что бы ни принесло нам будущее, мы должны понимать, что вплоть до настоящего времени человек не добился больших успехов в обуздании этих сил. Добыча золота ведется частными предприятиями, работающими ради прибыли, и производители не прикладывают никаких сознательных усилий к тому, чтобы в интересах общества поддерживать ценность золота на одном уровне. Рудники в течение длительного времени могут выбрасывать на рынок большие объемы добытого золота — как это происходило во время калифорнийской и австралийской «золотых лихорадок» в середине прошлого века и во время крупных поставок южноафриканского золота в течение двух десятилетий перед началом Первой мировой войны — хотя страны золотого стандарта в то время страдали от снижения ценности золота. С другой стороны, рудники могут сократить добычу золота именно в моменты золотой дефляции, что происходило с начала 1870-х по начало 1890-х годов. Со временем это зло выправляется само собой, но время — это главное, и процесс адаптации может сопровождаться большими невзгодами. Поэтому общество попеременно пребывает то в страхе перед избытком золота, то в страхе перед его нехваткой.

Нестабильность ценности

Второй недостаток золотого стандарта, по сути дела являющийся одним из этапов первого, — это нестабильность ценности золота. В интересах справедливости отношений между должниками и кредиторами и в интересах стабильности экономики ценность денежной единицы не должна сильно изменяться от года к году и от десятилетия к десятилетию. Но, как мы видели¹⁴, ценность золота изменяется, и достаточно заметно. Изменение

¹³ См. с. 164.

¹⁴ См. с. 136—138 и 191—194.

покупательной способности доллара за конкретный год может достигать значительных величин — например, в 1921 г. она выросла на 10%, а в 1937 г. упала на 7%; еще более серьезным оказывается непрерывное обесценивание золота или возрастание его ценности в течение длительного времени, что происходило с 1896 по 1910 г. и с 1882 по 1886 г. соответственно.

Негибкость

Третий недостаток тесно связан с двумя названными выше, но более спорный — это негибкость единицы ценности. При золотом стандарте единицу ценности нельзя легко изменить, когда возникает необходимость адаптировать национальную экономику к деловому циклу, к долгосрочным изменениям в деловом мире и к случайным резким потрясениям. С целью получить те преимущества, которые приносит автоматически работающая денежная система и стабильный курс иностранных валют, страна с золотым стандартом должна отказаться от привилегии манипулировать своей денежной единицей в сколь-нибудь значительной степени.

Затратность

Четвертым недостатком золотого стандарта является его затратность. В этой связи можно вспомнить хорошо известные слова Адама Смита, который в связи с темой об использовании банкнот как средства обмена отмечал:

«Употребление вместо золотых и серебряных денег бумажных заменяет дорогое орудие обмена гораздо более дешевым и нередко столь же удобным.

...Золотые и серебряные деньги, находящиеся в обращении страны, можно с полным правом сравнить с шоссейной дорогой, которая, содействуя передвижению и доставке на рынок всего сена и хлеба страны, сама по себе не производит ни одного снопа или вязанки. Благоразумные банковские операции, создавая, если позволено употребить такую метафору, своего рода воздушный путь, дают стране возможность как бы превращать большую часть ее дорог в хорошие пастбища и хлебные поля и таким образом весьма значительно увеличивать годовой продукт ее земли и труда»¹⁵.

Основные издержки, связанные с золотым стандартом, можно измерить процентами, которые при текущей ставке по долгосрочным государственным займам приносили бы среднее количество золота, используемое страной в денежных целях. На момент написания этой главы (31 декабря 1943 г.) запас денежного золота в США составлял, грубо говоря, 22 млрд долларов — очевидно, намного больше, чем действительно нужно стране.

¹⁵ Adam Smith, *The Wealth of Nations*, Вк. II, pp. 292, 325. [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 330.]

При ставке в $2\frac{1}{2}\%$ ежегодная цена золотого стандарта составит 550 млн долларов. Другие затраты, связанные с золотым стандартом, вероятно, составляют значительно меньшую сумму, чем аналогичные затраты при управляемом бумажном стандарте. Издержки на истирание, чеканку монеты, хранение золота и его необходимые перевозки в наше время невелики, а поскольку сама система по большей части действует автоматически, то и расходы на управление ею сведены к минимуму. Золотослитковый и золотодевизный стандарты, как мы видели¹⁶, обходятся значительно дешевле, чем золотомонетный стандарт. С другой стороны, расходы на гравировку и печать бумажных денег и на требующуюся для них высококачественную бумагу, а также необходимость их регулярного обновления по мере износа и устаревания и более высокие расходы на управление денежной массой занимают значительное место в общей сумме издержек, связанных с управляемым бумажноденежным стандартом.

До 1914 г. золотой стандарт фактически был стерлинговым стандартом

Кроме того, золотой стандарт часто критикуют за то, что он, успешно работая в течение XIX в., когда «фактически являлся стерлинговым стандартом» и контролировался единственным центральным денежным рынком — лондонским, утратил способность к функционированию после Первой мировой войны, когда Лондон уступил свое финансовое главенство Нью-Йорку. Но хотя Нью-Йорк отеснил Лондон, превратившись в важнейший мировой финансовый центр, нью-йоркскому рынку не хватало ни организованности, ни опыта, чтобы взять на себя новую ответственность. Вплоть до 1914 г. финансовая «сфера влияния» Нью-Йорка охватывала главным образом только США, а лондонская — весь мир¹⁷.

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

Ответы сторонников золотого стандарта на эту критику в целом уже должны быть ясны читателю, ознакомившемуся с предыдущими разделами данной книги. Поэтому здесь мы можем ограничиться лишь краткими возражениями.

То, что ценность денежной единицы при золотом стандарте контролируется главным образом слепыми силами природы и не стабильна настолько, насколько хотелось бы, — вполне законные обвинения. Но здесь естественным ответом станет возражение *ad hominem**. Управляемые бумажноде-

¹⁶ См. с. 175—176, 181, 183—184.

¹⁷ Эта линия аргументации подробно развивается Уильямом Адамсом Брауном: William Adams Brown, *The International Gold Standard Reinterpreted*.

* К человеку (*лат.*). — Прим. ред.

нежные стандарты контролируются людьми в изменчивой, эмоциональной и крайне политизированной манере, и опыт показывает, что такие стандарты, вне зависимости от теоретических построений, на практике отличаются чрезвычайной нестабильностью — куда большей, чем при золотом стандарте. Было бы нечестно осуждать реальный золотой стандарт, сравнивая его с идеальным бумажным стандартом, существующим только в планах его адептов¹⁸. Несомненно, путем исследований, экспериментов и международного сотрудничества мы имеем возможность усовершенствовать как золотой стандарт, так и различные виды управляемых бумажных стандартов. Однако экспериментирование с таким крайне сложным и тонким организмом, как деньги, которые самым тесным образом связаны с благосостоянием общества, чревато большими опасностями. Поэтому государственная политика в этой сфере должна осуществляться чрезвычайно осторожно. Лучше всего начать с проверенного временем золотого стандарта.

В ответ на обвинения золотого стандарта в крайней негибкости его сторонники указывают, что это свойство гораздо чаще является достоинством, нежели недостатком. Оно надежно защищает денежную единицу от фискальных и политических злоупотреблений. Управляемые бумажные стандарты чрезмерно пластичны. Может быть, они и не ломаются, но как же сильно они прогибаются!

Что же до довода о том, что золотой стандарт гораздо более затратен, чем управляемый бумажноденежный стандарт, то в голову сразу же приходит ответ: хороший денежный стандарт настолько важен для благополучия нации, что за него стоит заплатить хорошую цену; кроме того, управляемые бумажноденежные стандарты с *учетом всех обстоятельств* в конечном счете обходятся обществу очень дорого. Более того, несомненно, можно сделать многое для того, чтобы золотой стандарт будущего оказался менее затратным, чем обычный золотомонетный стандарт прошлого.

Наконец, в отношении заявления о том, что золотой стандарт представлял собой фактически стерлинговый стандарт и не мог функционировать после того, как Лондон утратил свое положение в качестве главного денежного рынка в мире, я полагаю, что это обстоятельство не имеет существенного значения. До 1914 г. британский золотой стандарт был истинным золотым стандартом; после 1914 г. от британского золотого стандарта мало что осталось, и это немногое балансировало на таком шатком основании, что не могло служить разумным ориентиром на будущее.

На протяжении жизни нескольких поколений до Первой мировой войны в Англии действовала свободная чеканка золотой монеты, и любые англий-

¹⁸ Как однажды заметил Элайху Рут, «в течение всей моей жизни ко мне приходят люди с проектами по перестройке общества и его институтов. Многие из этих проектов выглядят весьма разумными. Некоторые из них даже превосходны. Но всем им присущ один фатальный изъян. Они строятся на предположении, что люди ведут себя неким определенным образом. Если бы они в действительности так себя вели, то почти любой из этих планов привел бы к успеху, однако при таком поведении людей ни в одном из этих планов не возникло бы нужды, так как в этом случае общество и его институты сами собой достигли бы совершенства».

ские деньги можно было по первому требованию разменивать на золото по номиналу. Любой человек всегда мог обменять свои банкноты на золото, а золото — на банкноты. На британском Монетном дворе производилась бесплатная и неограниченная перечекалка золота в монету, благодаря чему любой человек в любое время мог в неограниченном количестве обратиться металлическое золото в соверены на Монетном дворе или в Банке Англии, почти ничего не платя за это, а золотые монеты могли быть превращены в золотые слитки посредством простой переплавки. В стране функционировал свободный рынок золота, и на экспорт и импорт желтого металла не существовало никаких ограничений.

Поэтому любые деньги можно было по первому требованию конвертировать в золотую монету и золотые слитки, а к услугам общества имелся свободный рынок золота, благодаря чему банкнота в 5 фунтов стоила не больше и не меньше 5 соверенов, а ценность унции стандартного золота в форме соверенов не отличалась от ценности унции золота в форме слитков. Отсюда следовало, что изменения в общемировой ценности золота немедленно отражались на британских деньгах. Если соверен начинал цениться в Англии заметно выше его золотого содержания, составлявшего 113 гран чистого золота, то металлическое золото устремлялось в Англию, где его переценивали на соверены, тем самым увеличивая предложение; если же ценность полновесного соверена в Англии становилась заметно ниже его золотого содержания в 113 гран золота, то соверены экспортировались как металл или переплавлялись в слитки, предназначенные для экспорта или для продажи, уменьшая предложение золотой монеты в обращении в Англии.

Это был золотой стандарт и он же являлся «стерлинговым стандартом». Фундаментально и если рассматривать их на протяжении сколько-нибудь значительного отрезка времени, они представляли собой одно и то же. Краткосрочный рынок, разумеется, постоянно демонстрировал небольшие отклонения от нормы — так сказать, точки трения в работе механизма золотого стандарта. Затем, после возвращения золотых денег в 1925 г., ситуация значительно изменилась. Золотомонетный стандарт уступил место золотослитковому стандарту, и управления в денежной системе теперь было гораздо больше¹⁹.

¹⁹ Как пишет Б. М. Андерсон, существует «распространенный миф» о том, что до 1914 г. «мир придерживался скорее стерлингового, нежели золотого стандарта, что золотой стандарт контролировался из Лондона, и что лишь сверхчеловеческая мудрость Лондона позволяла этому стандарту работать. Согласно этим же представлениям, когда после 1918 г. [финансовым] центром стал Нью-Йорк, золотой стандарт рухнул, потому что Нью-Йорку не хватало мудрости Лондона. Истина же заключается в том, что предвоенный Лондон до 1914 г. обладал гораздо меньшим контролем и ответственностью, чем Нью-Йорк после 1918 г., и в довоенный период политика играла гораздо меньшую роль. До 1914 г. существовало много золотых денежных рынков, конкурировавших с Лондоном, в том числе такие могущественные, как рынки в Нью-Йорке, Берлине и Париже, и многие другие, обладавшие заметным влиянием, включая рынки Амстердама, Вены, Швейцарии, скандинавских стран и Японии. Все они уравнивали друг друга. Все они вытягивали золото из той страны, которая выдавала слишком много кредитов, заставляя ее умерить пыл...

После того как с окончанием нынешней войны вновь воцарится мир, позиции Нью-Йорка по отношению к Лондону в области финансов станут значительно более сильными, чем после Первой мировой войны. Америка станет уделять гораздо больше внимания международным делам, чем прежде, и по сравнению с Англией станет играть гораздо более заметную роль кредитора на мировых рынках и будет иметь банковскую систему, более приспособленную к международному бизнесу и обеспеченную гораздо более опытным международным банковским персоналом. Мир станет меньше. Если Нью-Йорку понадобится взять на себя руководство, его положение вполне позволит ему это. Однако можно надеяться и ожидать, что после войны международное сотрудничество в денежной сфере станет гораздо более тесным, чем когда-либо прежде, и что это будет особенно верно в отношении Соединенных Штатов и Британской империи.

ПОСЛЕ 1914 Г. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ НИ РАЗУ НЕ ПОДВЕРГАЛСЯ НАСТОЯЩЕМУ ИСПЫТАНИЮ

Мировой опыт после 1914 г. ничего не добавил к пониманию международного золотого стандарта. На это имелось две причины: 1) после 1914 г. международный золотой стандарт использовался в крайне ограниченных масштабах; и 2) все новые формы золотого стандарта были созданы финансово слабыми властями в крайне нестабильном мире военного и послевоенного времени.

Золотой стандарт повсеместно рухнул во время Первой мировой войны, и за исключением США, которые вернулись к золоту в 1918 г., до середины 1920-х годов к золотым деньгам практически никто больше не возвращался. Англия вернулась к золотому стандарту лишь летом 1925 г., а окончательно оформила это возвращение юридически лишь в июле 1928 г.; Италия и Польша вернулись к золоту в 1927 г., а Швеция — в 1930 г. У. Браун по этому поводу: «В истории международного золотого стандарта 1928—1929 гг. представляют собой важную веху, поскольку это был единственный год, в течение которого этот стандарт существовал почти во всех странах, не имеющих традиционной склонности к серебру»²⁰. Но именно в эти годы начался всемирный кризис в Австралии, Германии и Бельгии²¹. Он поразил США после биржевого краха в октябре 1929 г., и вскоре привел к краху всех только что установленных золотых стандартов мира, причем в Аргентине, Австрии и Уругвае золотой стандарт был отменен уже в декабре 1929 г.²²

Я снова хочу увидеть мир настоящего золотого стандарта, с несколькими мощными финансовыми центрами, конкурирующими за золото и выступающими в роли сдержек по отношению друг к другу...» (В. М. Anderson, *International Currency — Gold Versus Bancor or Unitas*, p. 16).

²⁰ William Adams Brown, Jr., *The International Gold Standard Reinterpreted 1914—1934*, vol. II, p. 773.

²¹ См.: League of Nations, *The Course and Phases of the World Economic Depression*, p. 109.

²² См. с. 154.

Золотой стандарт в США в 1918—1933 гг.

Единственной значительной страной, придерживавшейся золотого стандарта все 1920-е годы, были Соединенные Штаты; и в этой стране после сильного шока 1920—1921 гг. и послевоенной корректировки цен²³, вызванной переходом на золото, *уровень товарных цен* в течение девяти лет, с 1921 по 1929 г., оставался в высшей степени стабильным²⁴. В течение этих лет индекс оптовых цен (за базу взят 1926 г.) имел следующие значения:

1921	98	1925	103
1922	97	1926	100
1923	101	1927	95
1924	98	1928	97
		1929	95

Нет нужды предъявлять доказательства, которые бы подтверждали наше второе положение, гласящее, что послевоенные золотые стандарты, установленные в большинстве стран, представляли собой золотые стандарты слабого типа, работавшие в крайне неблагоприятных финансовых условиях. Этот факт общепризнан. Практически все эти стандарты были золотослитковыми и золотодевизными, в противоположность более сильному золотомонетному стандарту довоенной эпохи. Почти все ведущие страны мира были финансово обескровлены войной, и им приходилось соблюдать режим жесткой экономии, вводить высокие налоги и прибегать к обширным заимствованиям за границей, особенно у США. Вернувшись к золотому стандарту, они вынужденно пытались обойтись минимально возможным золотым запасом, однако времена были такие, что восстановление доверия к отечественной валюте требовало наличия более крупных резервов золота, чем в обычных условиях. Власти многих стран столкнулись с искушением воспользоваться денежной и кредитной инфляцией в фискальных целях. Эта политика, получившая широкое распространение, подорвала золотой стандарт так же, как она подорвала бы любой другой стабильный денежный стандарт.

В начале 1930-х годов золотой стандарт уже во второй раз за треть столетия был стерт с карты мира. Впоследствии он был частично восстановлен лишь в США и некоторых второстепенных странах. К настоящему моменту международный золотой стандарт уже несколько лет не существует, и никаких полезных выводов в отношении его достоинств или недостатков невозможно вывести на примере как нынешнего нетипичного, националистического, административно управляемого золотослиткового стандарта, действующего в США, так и различных привязанных и непривязанных управляемых бумажноденежных стандартов, существующих в других странах мира.

²³ С июня 1920 г. по июнь 1921 г. оптовые цены в США упали на 44%, а общие цены — на 19%.

²⁴ В течение этого периода наблюдались сильные колебания стоимости ценных бумаг.

ГЛАВА 8

ДЕНЕЖНЫЙ СТАНДАРТ БУДУЩЕГО

Будущее покупается настоящим.

Сэмюэл Джонсон

Если говорить о всемирном денежном стандарте будущего, то логическим заключением, следующим из предшествующего обсуждения, вполне может служить один абзац из доклада комитета Макмиллана 1931 г., в состав которого входили 14 выдающихся британских финансистов и экономистов: «Возможно, в сфере человеческих технологий нет более важного предмета, необходимого всему миру в целом, нежели здоровая и научно обоснованная денежная система. Однако мы едва ли можем надеяться на скорое создание общемировой денежной системы, если не выберем в качестве отправной точки для ее развития исторический золотой стандарт».

С какого же золотого стандарта мир должен начать возрождение послевоенной денежной экономики? Это весьма обширный вопрос, и максимум, что можно сделать в пределах одной главы небольшой книги, отвечая на него, это кратко сформулировать несколько общих принципов.

ПРЕДПОСЫЛКИ К ДИСКУССИИ

Предпосылками к дальнейшему разговору послужат шесть нижеследующих принципов:

1. Этот вопрос имеет международный характер, и его успешное решение требует тесного международного сотрудничества, которое должно начаться немедленно и продолжаться бесконечно долго. Это сотрудничество должно охватывать и крупные, и малые страны. Здесь нет места той стабилизационной конкуренции, которая разгорелась после Первой мировой войны, когда многие страны прибегали к недооценке своей денежной единицы в стремлении получить конкурентные преимущества по отношению к другим странам в сфере экспортной торговли.

2. Каждая страна должна учреждать свою денежную единицу после совещания с другими странами, но ни в коем случае не подвергаясь никакому принуждению с их стороны. Определение номинала национальной денежной единицы привлекает к себе столь большой общественный интерес и так высоко ценится как прерогатива суверенного государства, что внешнее вмешательство в данном случае невозможно. Ценность новой денежной единицы должна приблизительно соответствовать ценности единицы, действующей на момент стабилизации, или быть кратна этой ценности.

3. После завершения боевых действий инфляционная политика должна быть прекращена как можно скорее, а правительства должны сделать все возможное для повышения доверия к национальной валюте.

4. Как можно быстрее следует принять меры, направленные на отмену всех искусственно установленных цен и валютного контроля, однако саму их отмену необходимо осуществлять путем осторожных и тщательно продуманных шагов.

5. После того как цены стабилизируются на том, что за отсутствием более подходящего слова можно назвать их *естественным уровнем*, следует предпринять попытку стабилизации денежной единицы на этом же уровне де-факто.

6. За стабилизацией де-факто своевременно должна последовать стабилизация де-юре, но последнюю не следует предпринимать до тех пор, пока государство не обретет достаточно устойчивого финансового положения, для того чтобы иметь уверенность в осуществимости такой стабилизации.

РАЗНОВИДНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Как отмечалось выше, существуют три основных типа золотого стандарта, а именно золотомонетный, золотослитковый и золотодевизный стандарты. Эти типы нередко частично пересекаются друг с другом, и каждый из них встречается во множестве разновидностей. Каждый тип имеет свои преимущества и недостатки, связанные с экономическими, фискальными и политическими условиями в разных странах. Один тип лучше подходит одной стране, другой тип — другой стране. Золотомонетный стандарт наиболее надежен с точки зрения отечественной экономики и наилучшим образом защищает ее от потрясений, приходящих из-за границы. С другой стороны, поскольку он подразумевает наличие в обращении золотой монеты и доступность последней для тезаврирования, золотомонетный стандарт является самым дорогостоящим в смысле количества золота, необходимого для его функционирования.

В противоположность золотомонетному, золотодевизный стандарт, требующий золота или золотого кредита только с целью размена на границах, обозначенных золотыми точками, и предусматривающий, что это золото будет храниться за границей — преимущественно в виде банковских депозитов, — является наименее дорогостоящим. Золотослитковый стандарт не требует золота для внутреннего обращения и делает тезаврирование золота затруднительным. Однако золотые резервы при этом стандарте существуют в виде золотых слитков. Поэтому, требуя гораздо меньше золота, чем золотомонетный стандарт, золотослитковый стандарт требует его намного больше, чем золотодевизный. Поэтому он занимает промежуточную позицию. В целом, самые богатые страны, вероятно, выберут золотомонетный стандарт, а самые бедные, так же как колонии и прочие зависимые территории, предпочтут золотодевизный стандарт. Страны, находящиеся

в промежуточном положении, отдадут предпочтение золотослитковому стандарту.

Переход от одного типа золотого стандарта к другому можно использовать как инструмент международной денежной политики, направленной на стабилизацию ценности золота. Если, например, возникнет ситуация, когда производство золота снизится и мировые объемы денежного золота станут отставать от мирового спроса, будет желательно перейти на более экономное использование золота, для чего потребуются переход с золотомонетного на золотослитковый и золотодевизный стандарты. Если же, с другой стороны, добыча золота чрезмерно возрастет, и это повлечет за собой тенденцию к золотой инфляции, то возможен переход в противоположном направлении — т.е. к золотомонетному стандарту — с целью увеличить спрос на золото.

СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Широко распространена ошибочная идея о том, что любые металлические стандарты, подобно золотому стандарту, действуют полностью автоматически, а бумажноденежные стандарты полностью управляемы и совершенно не автоматичны. В наше время все денежные стандарты более или менее управляемы. Вопрос не в наличии или отсутствии управления денежным обращением, а в степени и характере такого управления. В условиях золотого стандарта необходимо учитывать, что эта денежная система в основе своей функционирует автоматически и направлять ее следует в соответствии с некоторыми четко прописанными принципами, которые будут приняты на вооружение ведущими центральными банками мира, подконтрольными соответствующим правительствам. В отношении такого управления или его отсутствия должны соблюдаться следующие общие принципы.

Не должно быть никаких ограничений на владение золотыми монетами или золотыми слитками, а также на свободную перечеканку слитков в монету на монетных дворах и на переплавку золотой монеты. Ввоз и вывоз золота должен быть свободен от любых торговых ограничений и пошлин. При таких условиях золото будет иметь очень высокую текучесть в перемещениях как внутри страны, так и из одной страны в другую, а ценность золотой денежной единицы в любой стране золотого стандарта будет более-менее соответствовать ее золотому эквиваленту во всех остальных странах золотого стандарта и ценности металлического золота на свободных мировых рынках.

Необходима высокая степень свободы в международных передвижениях товаров и услуг. Золотой стандарт может функционировать поверх высоких тарифных барьеров, чему было много примеров в прошлом, но такие барьеры мешают международной торговле и финансовым отношениям, а соответственно и плавному и упорядоченному функционированию любого денежного стандарта.

В этой связи следует отметить большую путаницу, порожденную популярным представлением о том, что перемещения золота в международной торговле нужны только для «оплаты остатков». На самом же деле золото движется из страны в страну по той же фундаментальной причине, что и все другие товары — в поисках самого выгодного рынка. Оно утекает за рубеж тогда, когда его стоимость за рубежом в достаточной мере превышает стоимость внутри страны, для того чтобы обеспечить заметную прибыль после оплаты всех расходов на перевозку. В противоположном случае происходит ввоз золота в страну из-за рубежа.

В целом, без учета таких факторов, как подарки и убытки из-за кораблекрушений, банкротств, мошенничеств и краж, общий экспорт страны — видимый и невидимый — в долгосрочной перспективе равен общему импорту страны — видимому и невидимому. Если это не так, значит, страна либо получает зарубежные товары бесплатно, либо бесплатно отдает товары иностранцам. Если, например, в обычных условиях страна экспортирует 50 видов товаров и услуг (включая время от времени и золото), а импортирует 60 видов товаров и услуг (время от времени включая золото), то 50 видов товаров, с одной стороны, и 60 видов товаров, с другой стороны, уравнивают друг друга. Если *какого-либо* товара с любой из сторон будет не хватать, равновесие нарушится, и для товарного золота это верно в большей степени, чем для какого-либо другого товара. Как правило, золото очень легко перетекает из страны в страну в ходе международной торговли, потому что это самый ликвидный товар. И оно вовсе не используется для «оплаты остатков» в каком-либо буквальном значении этого термина.

Страна, продававшая товары на зарубежном рынке, имеет там кредит, которым она может пользоваться при покупке любых товаров на этом рынке по текущим рыночным ценам, и это относится к золоту точно в такой же степени, как и ко всем другим товарам. Говоря о положении Англии, виконт Гошен однажды заметил: «Наши возможности получать золото иссякнут лишь тогда, когда стране будет нечего продавать»¹.

Генри Торнтон во время знаменитой «дискуссии о слитках», разгоревшейся в Англии в начале прошлого века, так высказался о роли звонкой монеты в международной торговле: «Хорошо известно, что наши предки, стремясь к обладанию драгоценными металлами, главным образом именно с этой целью исследовали новые континенты; привыкнув рассматривать торговлю как выгодную или невыгодную в зависимости от того, приносила ли она или отнимала золото и серебро, они естественным образом стали выделять ту часть экспорта или импорта, которая состояла из этих металлов, в качестве балансирующей статьи. Но на самом деле она вовсе не была таковой. Драгоценные металлы представляли собой предмет торговли, и их ценность повышалась или снижалась в соответствии со спросом и предложением, как и у любого другого товара; они ввозились и вывозились в больших или меньших количествах в соответствии со спросом и предложением, как и любой другой товар, а также

¹ Viscount George Joachim Goschen, *Essays on Economic Questions*, p. 68.

в соответствии с относительным состоянием рынка этих и других товаров и были лишь одной из статей на той или другой стороне общего платежного баланса. Про зерно или любой другой товар можно было с тем же основанием сказать, что они оплачивают остаток, подобно золоту или серебру; но очевидно, что было бы неверно утверждать, что зерно устраняет платежный дефицит, поскольку это означало бы, что количество всех остальных товаров, кроме зерна, фиксировано, и, после того как они пришли во взаимное равновесие по отношению только друг к другу, затем было добавлено данное количество зерна, чтобы покрыть разницу. И по этой же причине было бы неверно утверждать, что для покрытия разницы служит золото или серебро»².

Развивая эту аргументацию, он затем говорит: «Предположим, что рыбак с нашего южного побережья скопил тысячу гиней и обменивает их у французского рыбака с другого берега Ла-Манша на столько бутылок французского коньяка, сколько, по его мнению, будет эквивалентно этой сумме. Согласно модной ныне теории, это золото пойдет на оплату торгового баланса. Оно будет использовано для того, чтобы выплатить существовавший до этого национальный долг. Согласно этому принципу именно коньяк всегда вытягивает из страны золото, а не золото привлекает в страну коньяк. После того как француз положил в свою лодку коньяк, англичанин вынужден положить в свою лодку золото. Первым всегда идет коньяк, а уж за ним следует золото. Одной из отличительных особенностей золота было объявлено его использование исключительно для оплаты остатка».

КОНВЕРТИРУЕМОСТЬ ЗОЛОТА

При золотом стандарте любые виды незолотых денег должны обладать производимой по первому требованию взаимной конвертируемостью с золотой монетой, золотыми слитками или золотыми сертификатами, в зависимости от типа золотого стандарта.

Такая взаимоконвертируемость помогает функционированию золотого стандарта тремя различными, но тесно связанными способами:

- 1) она поддерживает взаимный паритет всевозможных видов денег — золотых монет, банкнот, билонной серебряной монеты и мелкой монеты. В этом смысле размен представляет собой механизм, посредством которого излишки какого-либо конкретного вида денег выводятся из обращения и, напротив, восполняется дефицит тех денег, которых в обороте не хватает;
- 2) размен на золото по первому требованию, создавая доверие к валюте, повышает ее приемлемость для общества в те моменты, когда общественное доверие снижается, и тем самым сдерживает «бегство от доллара»

² Цит. по: Hansard, 1811, vol. XX, pp. 81—85.

и как следствие сдерживает рост денежного предложения в результате увеличившейся скорости обращения³;

- 3) третья функция, которую выполняет размен, является наиболее важной. Это функция поддержания золотого паритета денежной единицы путем непрерывной корректировки количества денег (currency) в соответствии с изменениями спроса на них. В этой связи национальные золотые резервы функционируют как буферный фонд, или, как его иногда называют по-испански, *funda reguladora*.

Процесс поддержания золотого паритета денежной единицы можно вкратце описать следующим образом. Когда при нормально функционирующем международном золотом стандарте количество денег в какой-либо стране становится, по сравнению с другими странами, избыточным по отношению к спросу, деньги внутри страны по сравнению с границей дешевеют, цены на товары и на ценные бумаги повышаются и обменный курс возрастает, приближаясь к точке экспорта золота; и когда эта точка будет достигнута, разница в ценности золота внутри страны и за границей сделает выгодным его вывоз. Вывоз золота говорит о том, что в существующих экономических условиях внутри страны наблюдается избыток денег в обращении. Поскольку отечественные бумажные деньги и билонная монета практически не котируются на международном рынке, избыток денег устраняется главным образом за счет экспорта золота. Он продолжается до тех пор, пока курс обмена не упадет ниже точки экспорта золота; одновременно предложение денег уменьшается, приводя к тому, что уровень цен в стране более-менее приходит в соответствие с уровнем цен в других странах, или, иными словами, сокращение объема денежной массы внутри страны повышает ценность отечественной денежной единицы, и в конце концов дальнейший вывоз золота становится убыточным⁴.

³ Хорошим примером того, как изменение общественного доверия, оказывая влияние на скорость обращения, может повлиять на предложение денег, а тем самым и на их ценность, может служить история Германии после Первой мировой войны.

В 1922—1923 гг. доверие немецкого народа к марке стремительно снижалось, наблюдалось «бегство от марки в товары», и скорость, с которой обращалась марка, неизменно возросла, что повлекло за собой соответствующее повышение товарных цен. Согласно Шахту, в 1922 г. «стремление как можно скорее избавиться от наличных... привело к колоссальному ускорению скорости обращения денег. Все, кому приходилось делать платежи, старались расплатиться как можно быстрее, пока деньги не обесценились еще больше». Осенью 1923 г. был принят закон о Рентном банке, согласно которому старые рейхсмарки подлежали обмену на стабильные рентные марки нового выпуска по курсу один триллион к одному; золотое содержание новой рентной марки устанавливалось приблизительно на уровне 24 центов в деньгах США. Условия, на которых осуществлялась стабилизация, были призваны внушить населению доверие к новым деньгам и резко затормозить «бегство от марки», тем самым снизив скорость обращения денег. Эти меры поначалу были настолько удачны, что они привели к нехватке денег, и немецкие власти были вынуждены увеличить массу бумажных денег в обращении с целью удержать цены примерно на том же уровне, где они находились в момент стабилизации. См.: Hjalmar Schacht, *The Stabilization of the Mark*, pp. 68—69; см. также: Edwin Walter Kemmerer, *Money*, pp. 287—289.

⁴ Ср.: Kemmerer, *op. cit.*, pp. 136—140.

В условиях подобного избытка денег, приводящего к вывозу золота, центральные банки всегда должны быть в состоянии свободно предоставлять золото для экспорта до тех пор, пока в этом есть потребность, с целью избавить страну от относительного избытка денег и заставить обменный курс опуститься ниже точки экспорта золота, тем самым возвращая отечественные цены и учетные ставки примерно к тому уровню, на котором они находятся в остальном мире.

Очевидно, что нормального золотого запаса страны должно быть достаточно для того, чтобы посредством обмена денежных знаков на золото поглотить все находящиеся в обращении денежные знаки, которые становятся избыточными вследствие обычных колебаний в экономике. Кроме того, он должен быть достаточно большим для того, чтобы обеспечить необходимый резерв на случай чрезвычайных обстоятельств.

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК

Главным финансовым учреждением в любой стране должен быть центральный банк. В этой связи Брюссельская международная конференция 1920 г. рекомендовала «...учредить центральный эмиссионный банк в тех странах, где его не существует...» В интересах эффективного управления золотым стандартом центральный банк должен обладать исключительным правом эмиссии банкнот, и в этом же банке должны централизованно храниться золотые резервы страны. Во главе центрального банка должен стоять совет директоров, состоящий из представителей правительства, представителей подведомственных банков, а также представителей деловых кругов. Именно так обстоит дело во многих южноамериканских странах, включая Чили, Колумбию и Перу. При этом нельзя допустить преобладания ни одной из групп.

Хотя никто не отрицает, что первоочередной задачей центрального банка должна быть работа на благо общества, а не получение прибылей сверх скромной отдачи на капитал, не все понимают, что в подавляющем большинстве случаев центральные банки приостанавливали выплаты золотом под политическим давлением властей, стремившихся удовлетворить свои фискальные потребности. Проблемы гораздо чаще возникали в результате правительственных злоупотреблений, нежели в результате погони за прибылью в интересах частных лиц. Избыточное истощение золотых резервов происходило не столько вследствие вывоза золота за рубеж, сколько вследствие вытеснения его фискальной инфляцией внутри страны. Правительство должно быть в достаточной мере представлено в совете директоров центрального банка, которому следует взять на себя роль денежных властей страны, но не должно доминировать в нем. Этот урок со всей очевидностью преподан нам историей денег.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНК

Эффективный международный золотой стандарт потребует создания международного банка, с которым должны будут сотрудничать центральные банки всех стран золотого стандарта и в который они должны внести необходимый капитал.

Такой банк будет выполнять функции исключительно монетарного и банковского характера. Он должен стать центральным банком для национальных центральных банков. Он не должен выдавать долгосрочные кредиты подведомственным банкам или иным образом вторгаться в сферу фискальных операций. Подобные меры могут быть очень важны в международных отношениях, но они должны осуществляться не международным центральным банком, а иными учреждениями.

Ключевыми задачами международного банка должны стать:

- 1) выполнение роли международной клиринговой палаты для соответствующих центральных банков;
- 2) хранение части золотых резервов подведомственных центральных банков;
- 3) сбор, организация и разъяснение подведомственным банкам международной кредитной, монетарной и прочей финансовой информации;
- 4) проведение как формальных, так и неформальных конференций должностных лиц подведомственных банков — функция, которую успешно выполняет существующий Банк международных расчетов⁵.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОНЕТАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Наконец, правительству США следует незамедлительно заявить о своем намерении после войны восстановить золотой стандарт в своей стране и созвать международную монетарную конференцию с участием всех стран, желающих вернуться к золотому стандарту, с целью сформулировать планы по восстановлению международного золотого стандарта и международного сотрудничества, направленного на усовершенствование этого стандарта.

⁵ См.: E. L. Dulles, *Bank for International Settlement at Work*, pp. 460—461, 476—478.

БИБЛИОГРАФИЯ

К главе 1

- Bullock, Charles Jesse. *Economic Essays*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1936.
- Burns, A. R. *Money and Monetary Policy in Early Times* (with Bibliography), Alfred A. Knopf, New York, 1927.
- Carlile, William Warrand. *The Evolution of Modern Money*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1901.
- Dubberstein, W. H. Comparative Prices in Later Babylonia, *American Journal of Semitic Languages and Literature*, January, 1939.
- Du Puy, William Atherton. The Geography of Money, with 31 illustrations, *The National Geographic Magazine*, December, 1927, pp. 744—768.
- Finlay, George. *A History of Greece*. Oxford, Clarendon Press, 1877.
- Grueber, H. A. *Coins of the Roman Republic in the British Museum*, British Museum, London, 1910.
- Haeberlin, E. J. *Die Systematik des ältesten römischen Münzwesen*, Verlag der Berliner Münzblätter, Berlin, 1905.
- Haeberlin, E. J. *Aes grave*, 2 vols., J. Baer, Frankfurt a./M., 1910.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Money*, The Macmillan Company, New York, 1935.
- Lexis, W. Das Münzwesen der neuen Zeit (with Bibliography), *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Dritte Auflage, 1910, VI, 847—853.
- McCulloch, J. R., Editor. *Old and Scarce Tracts on Money*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1933.
- Mattingly, Harold. *Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire*, Methuen & Co., Ltd., London, 1928.
- Mattingly, Harold. *Coins of the Roman Empire in the British Museum*, British Museum, London, 1923.
- Mattingly, Harold. *A Guide to the Exhibition of Roman Coins in the British Museum*, British Museum, London, 1927.
- Mattingly, Harold. The First Age of Roman Coinage, *Journal of Roman Studies*, vol. 19, 1929.
- Meyer, Edward. Orientalisches und griechisches Münzwesen (with Bibliography), *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Dritte Auflage, 1910, VI, 824—832.
- Mickwitz, Gunnar. *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr.*, Centraltryckeri och Bokbinderi Aktiebolag, Helsingfors, 1932.
- Mommsen, Theodor. *Geschichte des römischen Münzwesens*, Weidmannsche Buchhandlung, Berlin, 1860.
- Mommsen, Theodor. *Histoire de la monnaie romaine*, translated by de Blacas, 4 vols., Rollin et Feuardent, Paris, 1865—1875.

- Morse, H. B. *The Trade and Administration of China*, Longmans, Green and Company, New York, 1913.
- Pick, B. *Römisches Münzwesen (with Bibliography), Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Dritte Auflage, 1910, VI, 832—839.
- Raper, Matthew. An Inquiry into the Value of the Ancient Greek and Roman Money, *Philosophical Transactions*, 1771, reprinted in J. R. McCulloch, *Old and Scarce Tracts on Money*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1938.
- Ridgeway, William. *The Origin of Metallic Currency and Weight Standards*, University Press (John Wilson & Son, Inc.), Cambridge, Mass., 1892.
- Ridgeway, William. Measures and Weights; Money, in Leonard Whibley, *A Companion to Greek Studies*, University Press (John Wilson & Son, Inc.), Cambridge, Mass., 1905.
- Ridgeway, William. Measures and Weights; Money, in Sir John Edwin Sandys, *A Companion to Latin Studies*, University Press (John Wilson & Son, Inc.), Cambridge, Mass., 1910.
- Rostovtzeef, M. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, 3 vols., Clarendon Press, Oxford University Press, New York, 1941.
- Rostovtzeef, M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Clarendon Press, Oxford University Press, New York, 1926.
- Samwer, K. *Geschichte des älteren römischen Münztvesens bis ca. 200 v. Chr.*, Berlin, 1883.
- Sandys, Sir John Edwin. *A Companion to Latin Studies*, University Press (John Wilson & Son, Inc.), Cambridge, Mass., 1910.
- Smith, Adam. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, 2 vols., George Bell & Sons, Ltd., London, 1896.
- Sommerlad, Theodore. Mittelalterliches MUnzwesen, *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Dritte Auflage, 1910, VI, 839—847.
- Vissering, W. *On Chinese Currency*, E. J. Bell, Leiden, 1877. Wagel, Srinivas R. Finance in China, *North-China Daily News & Herald*, Shanghai, 1914.
- Walker, Francis A. *International Bimetallism*, Henry Holt and Company, Inc., New York, 1897.
- West, Louis C. Gold and Silver Coin Standards in the Roman Empire (with Bibliography), *Numismatic Notes and Monographs*, No. 4, The American Numismatic Society, New York, 1941.
- West, Louis C. Roman Gold Standard and the Ancient Sources, *American Journal of Philology*, vol. LXII (1941).
- Whibley, Leonard. *A Companion to Greek Studies*, University Press (John Wilson & Son, Inc.), Cambridge, Mass., 1905.

К главе 2

- Andréadès, A. *History of the Bank of England*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1909.
- Bullion Committee. *Report from the Select Committee on the High Price of Bullion. Ordered by the House of Commons to be Printed 8th June, 1810*, London. [См. также: Cannan, Edwin, Editor.]

- Caesar, Gaius Julius. *The Gallic War*, trans. by H. J. Edwards, Loeb Classical Library, G. P. Putnam's Sons (Knickerbocker Press), New York, 1919.
- Cannan, Edwin, Editor. *The Paper Pound of 1797—1821*, a reprint of the Bullion Committee Report, P. S. King & Son, Ltd., London, 1919.
- Carlile, William Warrand. *The Evolution of Modern Money*, Macmillan & Company Ltd., London, 1901.
- Del Mar, A. *A History of the Precious Metals*, George Bell & Sons, Ltd., London, 1880.
- Feavearyear, A. E. *The Pound Sterling — A History of English Money* (with Bibliography), Clarendon Press, Oxford University Press, New York, 1931.
- Grueber, H. A. *Handbook of the Coins of Great Britain and Ireland in the British Museum*, British Museum, London 1899.
- Hawkins, Edward. *The Silver Coins of England*, Edward Lumley, London, 1841.
- Hawtrey, R. G. *Currency and Credit*, Longmans, Green and Company, New York, 1930.
- Hawtrey, R. G. *The Gold Standard in Theory and Practice*, Longmans, Green and Company, New York, 1927.
- International Monetary Conference of 1878. *Report*, Government Printing Office, Washington, D.C., 1879. Jacob, William. *An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals*, 2 vols., John Murray, London, 1831.
- Jevons, W. Stanley. *Investigations in Currency and Finance*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1909.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Money*, The Macmillan Company, New York, 1935.
- Kenyon, Robert Lloyd. *The Gold Coins of England*, Bernard Quaritch, London, 1884.
- Leake, Stephen Martin. *An Historical Account of English Money*, 2d ed., W. Meadows, London, 1745.
- Liverpool, Charles Jenkinson, 1st Earl of. *A Treatise on the Coins of the Realm; in a Letter to the King*, E. Wilson, London, 1880.
- McCulloch, J. R., Editor. *Old and Scarce Tracts on Money*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1933.
- Martin, John Biddulph. *Seigniorage and Mint Charges*, *Journal of the Institute of Bankers*, V, 1884.
- Newton, Sir Isaac. *Representations on the Subject of Money*, 1711—1712 and 1717, published in J. R. McCulloch's *Old and Scarce Tracts on Money*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1933.
- Nicholson, J. Shield. *A Treatise on Money and Monetary Problems*, 3d ed., A. & C Black, Inc., London, 1895.
- North, Sir Dudley. *Discourses upon Trade*, 1691. Reprinted and edited by Jacob H. Hollander, Lord Baltimore Press, Baltimore, Md., 1907.
- Palgrave, R. H. Inglis, Editor. *Dictionary of Political Economy*, 3 vols., Macmillan & Company, Ltd., London, 1926.
- Palgrave, R. H. Inglis. *The Gold Coinage*, *Journal of the Institute of Bankers*, V, 1884.

- Ruding, Rogers. *Annals of the Coinage of Great Britain and Its Dependencies from the Earliest Period of Authentic History to the Reign of Victoria*, 3d ed., 3 vols., John Hearne, London, 1840.
- Shaw, W. A. *The History of Currency 1252—1894*, 2d ed., G. P. Putnam's Sons (Knickerbocker Press), New York, 1896.
- Silberling, Norman J. *British Prices and Business Cycles 1779—1850, The Review of Economic Statistics*, Prel. vol. V (1923), Supplement 2.
- Snelling, Thomas. *A View of the Gold Coin of England from Henry the Third to the Present Time*, T. Snelling, London, 1763.
- Walker, Francis A. *International Bimetallism*, Henry Holt and Company, Inc., New York, 1897.
- Young, John Parke. *European Currency and Finance*, 2 vols., Government Printing Office, Washington, D.C., 1925.

К главе 3

- Andrew, A. Piatt. *Statistics for the United States 1867—1909*, National Monetary Commission, Government Printing Office, Washington, D.C., 1910.
- Bruce, P. A. *Economic History of Virginia*, The Macmillan Company, New York, 1907.
- Bullock, Charles J. *Essays on the Monetary History of the United States*, The Macmillan Company, New York, 1900.
- Carothers, Neil. *Fractional Money*, John Wiley & Sons, Inc., New York, 1930.
- Chalmers, Robert. *A History of Currency in the British Colonies*, Eyre and Spottiswoode, London, 1893.
- Crosby, S. S. *Early Coins of America*, Estes and Lauriat, Boston, 1878.
- Davis, A. M. *Currency and Banking in the Province of Massachusetts Bay*, American Economic Association, Evanston, Ill., 1901.
- Del Mar, A. *A History of the Precious Metals*, George Bell and Sons, London, 1880.
- De Knight, William F. *History of the Currency of the Country and of the Loans of the United States from the Earliest Period to June 30, 1900*, Government Printing Office, Washington, D.C., 1900.
- Director of the Mint. *Annual Reports*, Government Printing Office, Washington, D.C., *passim*.
- Dewey, Davis R. *Financial History of the United States*, 10th ed., Longmans, Green and Company, New York, 1928.
- Evans, George G. *Illustrated History of the United States Mint*, George G. Evans, Philadelphia, 1891.
- Felt, J. B. *An Historical Account of Massachusetts Currency*, Perkins and Marvin, Boston, 1839.
- Hickcox, J. H. *Historical Account of American Coinage*, Author, Albany, N. Y., 1858.
- International Monetary Conference held in Paris in August, 1878 ... *Senate Executive Document 58*, Forty-fifth Congress, Third Session, Government Printing Office, Washington, D.C., 1879.

- International Monetary Conference held at Brussels in 1892, Government Printing Office, Washington, D.C., 1893.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Money — The Principles of Money and Their Exemplification in Outstanding Chapters of Monetary History*, The Macmillan Company, New York, 1935.
- Monetary Commission of the Indianapolis Convention. *Report*, University of Chicago Press, Chicago, 1898.
- Laughlin, J. Lawrence. *A History of Bimetallism in the United States*, D. Appleton-Century Company, Inc., New York, 1881.
- Mitchell, Wesley Clair. *Gold, Prices, and Wages under the Greenback Standard*, University of California Press, Berkeley, 1908.
- Mitchell, Wesley Clair. *A History of Greenbacks*, University of Chicago Press, Chicago, 1903.
- Moses, Bernard. Legal Tender Notes in California, *Quarterly Journal of Economics*, vol. VII, 1893.
- Noyes, A. D. *Forty Years of American Finance*, G. P. Putnam's Sons (Knickerbocker Press), New York, 1909.
- Russell, Henry B. *International Monetary Conferences, Their Purpose, Character and Results*, Harper & Brothers, New York, 1898.
- Stewart, F. H. *History of the First United States Mint*, privately printed, Camden, N. J., 1924.
- Sumner, William Graham. *A History of American Currency*, Henry Holt and Company, Inc., New York, 1874.
- Sumner, William Graham. The Spanish Dollar and the Colonial Shilling, *American Historical Review*, vol. III, 1898.
- Walker, Francis A. *Discussions in Economics and Statistics*, ed. by Davis R. Dewey, 2 vols., Henry Holt and Company, Inc., New York, 1899.
- Walker, Francis A. *International Bimetallism*, Henry Holt and Company, Inc., New York, 1897.
- Watson, David K. *History of American Coinage*, G. P. Putnam's Sons (Knickerbocker Press), New York, 1899.
- White, Horace. *Money and Banking*, 5th ed., Ginn and Company, Boston, 1914.
- Young, John Parke. *European Currency and Finance*, 2 vols., Government Printing Office, Washington, D.C., 1925.

К главе 4

- Crawford, Arthur Whipple. *Monetary Management under the New Deal*, American Council on Public Affairs, Washington, D.C., 1940.
- Cunliffe Committee. Committee on Currency and Foreign Exchanges, *Report*, His Majesty's Stationery Office, London, 1918.
- Director of the Mint. *Monetary Systems of the Principal Countries of the World*, Government Printing Office, Washington, D.C., 1917.
- Gregory, T. E. *The Gold Standard and Its Future*, Methuen & Co., Ltd., London, 1932.
- Gregory, T. E. Britain and the Gold Standard, *Foreign Affairs*, January, 1933.

- Harris, S. E. *Monetary Problems of the British Empire*, The Macmillan Company, New York, 1931.
- Hawtrey, R. G. The Gold Standard, *Economic Journal*, December, 1919.
- Hoover, Herbert. *Addresses upon the American Road, 1933—1938*, Charles Scribner's Sons, New York, 1938.
- Kemmerer, Edwin Walter. Gold and the Gold Standard, *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. LXXI, 1932.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Kemmerer on Money*, 2d ed., John C. Winston Company, Philadelphia, 1934.
- Kemmerer, Edwin Walter. *The ABC of Inflation*, McGraw-Hill Book Company, Inc., New York, 1942.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Inflation and Revolution*, Princeton University Press, Princeton, N.J., 1940.
- Keynes, Lord John Maynard. *A Treatise on Money*, 2 vols., Harcourt, Brace and Company, New York, 1930.
- Layton, W. T. British Opinion of the Gold Standard, *Quarterly Journal of Economics*, February, 1925.
- Lehfeldt, R. A. *A Restoration of the World's Currencies*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1923.
- Macmillan Committee. Committee on Finance and Industry, *Report and Minutes of Evidence*, 3 vols., His Majesty's Stationery Office, London, 1931.
- Myers, William Starr, and Walter H. Newton. *The Hoover Administration*, Charles Scribner's Sons, New York, 1936.
- Rist, Charles. *La Deflation en pratique*, Marcel Giard, Paris, 1924.
- Roosevelt, Franklin D. *The Public Papers and Addresses*, 9 vols., Random House, Inc., New York, 1940.
- Wilbur, Ray Lyman, and Arthur Mastick Hyde. *The Hoover Policies*, Charles Scribner's Sons, New York, 1937.
- Young, John Parke. *European Currency and Finance*, Commission of Gold and Silver Inquiry, vols. I and II. United States Senate. Government Printer, Washington, D.C., 1925.
- Young, John Parke. Inter-war Currency Lessons, No. 9. *The Monetary Standards Inquiry*, New York, 1944.

К главе 5

- Arndt, E. H. D. *Banking and Currency Developments in South Africa (1652—1927)*, Juta & Co., Ltd., Cape Town, 1928.
- DeKock, M. H. *The Economic Development of South Africa*, P. S. King & Son, Ltd., London, 1936.
- DeKock, M. H. *Economic History of South Africa*, Juta & Co., Ltd., Cape Town, 1924.
- Federal Reserve Bulletins*, 1919, 1920, 1935, and 1943.
- Fetter, Frank Whitson. Gresham's Law and the Chilean Peso, *Journal of Political Economy*, vol. 41 (1933).
- Gold Policy and Foreign Commerce of the Scandinavian Countries, 1914—1919, *Federal Reserve Bulletin*, 1920.

- Graham, Frank D., and Charles R. Whittlesey. *Golden Avalanche*, Princeton University Press, Princeton, N.J., 1939.
- Gregory, T. E. *The Gold Standard and Its Future*, E. P. Dutton & Company, Inc., New York, 1931.
- Jevons, W. Stanley. *Money and the Mechanism of Exchange*, D. Appleton-Century Company, Inc., New York, 1875.
- Kemmerer, Edwin Walter. Mexico's Monetary Experience in 1917, *American Economic Review*, Supplement, March, 1918.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Modern Currency Reforms*, The Macmillan Company, New York, 1916.
- Kemmerer, Edwin Walter. Gold and the Gold Standard, *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. LXXI (1932).
- Kemmerer, Edwin Walter, and Gerard Vissering. *Report on the Resumption of Gold Payments by the Union of South Africa*, Government Printing and Stationery Office, Pretoria, 192S.
- Keynes, Lord John Maynard. *A Treatise on Money*, vol. II, The Applied Theory of Money, Harcourt, Brace and Company, New York, 1930.
- Keynes, Lord John Maynard. *A Tract on Monetary Reform*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1923.
- League of Nations. *Interim Report of the Gold Delegation of the Financial Committee*, Geneva, 1930.
- League of Nations. *Second Interim Report*, 1931.
- League of Nations. *Report of the Gold Delegation of the Financial Committee*, Geneva, 1932.
- League of Nations. *Selected Documents Submitted to the Gold Delegation of the Financial Committee*, Geneva, 1930.
- League of Nations. *Selected Documents on the Distribution of Gold Submitted to the Gold Delegation of the Financial Committee*, Geneva, 1931.
- Macmillan Committee. Committee on Finance and Industry, *Report and Minutes of Evidence*, 3 vols., His Majesty's Stationery Office, London, 1931.
- Norman Wait Harris Memorial Foundation. *Gold and Monetary Stabilization, Report of Round Tables*, 1932, mimeographed, The University of Chicago, Chicago, 1932.
- Richards, C. S. *Currency in South Africa before Union*, reprinted in the Kemmerer-Vissering *Report on the Resumption of Gold Payments by the Union of South Africa*, Government Printing and Stationery Office, Pretoria, 1925.
- Rogers, James Harvey. *America Weighs Her Gold*, Yale University Press, New Haven, 1931.
- Royal Institute of International Affairs. *The International Gold Problem*, Oxford University Press, London, 1931.
- Spain's Foreign Commerce and Finance, 1914—1919, *Federal Reserve Bulletin*, 1919.
- Touzet, Andre. *Emplois industriels des metaux precieux*, V. Girard et E. Briere, Paris, 1911.
- Union of South Africa. *Report of the Select Committee on the Gold Standard*, Cape Times, Ltd., Cape Town, 1932.
- Union of South Africa. *Report of the Select Committee on Embargo on Export of Specie*, Cape Times, Ltd., Cape Town, 1920.

К главе 6

- Arndt, E. H. D. *Banking and Currency Development in South Africa (1652—1927)*, Juta & Co., Ltd., Cape Town, 1928.
- Bank for International Settlements. *The Gold Exchange Standard*, a mimeographed manuscript, C.B. 60 Basle. B.I.S., 1932.
- Brown, William Adams, Jr. *The International Gold Standard Reinterpreted, 1914—1934*, 2 vols., National Bureau of Economic Research, Inc., New York, 1940.
- Commission on International Exchange. *Stability of International Trade*, Government Printing Office, Washington, D.C., 1903.
- Commission on International Exchange. *Report on the Introduction of the Gold-exchange Standard*, Government Printing Office, Washington, D.C., 1904.
- Conant, Charles A. The Gold-exchange Standard in the Light of Experience, *Economic Journal*, vol. XIX (1909).
- Economic Essays in Honour of Gustav Cassel*, George Allen & Unwin, Ltd., London, 1933.
- Fowler Committee, Indian Currency Committee of 1898. *Report of the Committee Appointed to Inquire into the Indian Currency, with Minutes of Evidence and Appendices*, Eyre & Spottiswoode, London, 1890.
- Genoa Conference. *Papers Relating to International Economic Conference, Genoa, April-May, 1922*, His Majesty's Stationery Office, London, 1924.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Modern Currency Reforms (with Bibliography)*, The Macmillan Company, New York, 1916.
- Kemmerer, Edwin Walter. The Establishment of the Gold-exchange Standard in the Philippines, *Quarterly Journal of Economics*, vol. XIX (1912).
- Kemmerer, Edwin Walter. A Gold Standard for the Straits Settlements, I and II, *Political Science Quarterly*, vol. XIX (1904) and vol. XXI (1906).
- Keynes, Lord John Maynard. *Indian Currency and Finance*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1913.
- Lindsay, A. M. *Ricardo's Exchange Remedy*, Effingham Wilson and Co., London, 1892.
- Lindsay, A. M. See Fowler Committee.
- Probyn, L. C. *Indian Coinage and Currency*, Effingham Wilson & Co., London, 1897.
- Probyn, L. C. See Fowler Committee.
- Royal Commission on Indian Finance and Currency. *Final and Interim Reports, with Minutes of Evidence and Appendices*, Eyre & Spottiswoode, London, 1913.
- Royal Commission on Indian Finance and Currency. *Report, Minutes of Evidence and Appendices*, 3 vols., His Majesty's Stationery Office, London, 1926.
- Royal Institute of International Affairs. *The International Gold Problem*, Oxford University Press, London, 1931.

К главе 7

- Anderson, Benjamin M. *International Currency — Gold Versus Bancor or Unitas*, Chamber of Commerce of the State of New York, New York, 1944.

- Brown, William Adams, Jr. *The International Gold Standard Reinterpreted 1914—1934*, 2 vols., National Bureau of Economic Research, Inc., New York, 1940.
- Cunliffe Committee. Committee on Currency and Foreign Exchanges, *First Interim Report*, His Majesty's Stationery Office, London, 1918.
- Cunliffe Committee. Committee on Currency and Foreign Exchanges, *Report*, His Majesty's Stationery Office, London, 1918.
- Fisher, Irving. *The Purchasing Power of Money*, The Mac-millan Company, New York, 1911.
- Fisher, Irving. *The Money Illusion*, Adelphi Company, New York, 1928.
- Fisher, Irving. *Future of the Gold Standard*, in John Parke Young's *European Currency and Finance*, vol. I, Government Printing Office, Washington, D.C., 1925.
- Graham, Frank D., and Charles R. Whittlesey. *Golden Avalanche*, Princeton University Press, Princeton, N.J., 1939.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Gold and the Gold Standard*, *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. LXXI (1932).
- Kemmerer, Edwin Walter. *Our Present Gold Problem*, Hugh W. Long and Company, Jersey City, 1940.
- Kemmerer, Edwin Walter. *High Spots in the Case for a Return to the International Gold Standard*, The Economists' National Committee on Monetary Policy, New York, 1943.
- Kemmerer, Edwin Walter. *The A B C of the Federal Reserve System*, 11th ed., Princeton University Press, Princeton, N.J., 1938.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Money—The Principles of Money and Their Exemplification in Outstanding Chapters of Monetary History*, The Macmillan Company, New York, 1935.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Modern Currency Reforms (with Bibliography)*, The Macmillan Company, New York, 1916.
- Keynes, Lord John Maynard. *A Treatise on Money*, vol. II, The Applied Theory of Money, Harcourt, Brace and Company, New York, 1930.
- Keynes, Lord John Maynard. *A Tract on Monetary Reform*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1923.
- Keynes, Lord John Maynard. *Essays in Persuasion*, Harcourt, Brace and Company, New York, 1930.
- League of Nations. *Interim Report of the Gold Delegation of the Financial Committee*, Geneva, 1930.
- League of Nations. *Second Interim Report*, Geneva, 1931.
- League of Nations. *Report of the Gold Delegation of the Financial Committee*, Geneva, 1932.
- Macmillan Committee. Committee on Finance and Industry, *Report, and Minutes of Evidence*, 3 vols., His Majesty's Stationery Office, London, 1931.
- Palyi, Melchior. *Monetary Chaos and Gold*, University of Chicago Press, Chicago, 1934.
- Royal Institute of International Affairs. *The International Gold Problem*, Oxford University Press, London, 1931.

- Spahr, Walter E. *The Case for the Gold Standard*, Economists' National Committee on Monetary Policy, New York, 1940.
- Whittlesey, Charles Raymond. *International Monetary Issues*, McGraw-Hill Book Company, Inc., New York, 1937.
- Young, John Parke. *European Currency and Finance*, vol. I, Government Printing Office, Washington, D.C., 1925.

К главе 8

- Bank for International Settlements. *Annual Reports*, Basle.
- Cassel, Gustav. *Money and Foreign Exchange after 1914*, The Macmillan Company, New York, 1922.
- DeKock, M. H. World Monetary policy after the Present War, *The South African Journal of Economics*, June, 1941.
- Dulles, E. L. *Bank for International Settlements at Work*, The Macmillan Company, New York, 1932.
- The Economist. The Future of Gold, *The Economist* (London), 1942.
- Einzig, Paul. *The Bank for International Settlements*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1930.
- Gideonse, Harry D. *The International Bank*, Rutgers University Press, New Brunswick, N.J., 1930.
- Gregory, T. E. *The Gold Standard and Its Future*, E. P. Dutton & Company, Inc., New York, 1931.
- Hawtrey, R. G. *Monetary Reconstruction*, 2d ed., Longmans, Green and Company, London, 1926.
- Hawtrey, R. G. *The Art of Central Banking*, Longmans, Green and Company, New York, 1933.
- Hawtrey, R. G. *The Gold Standard in Theory and Practice*, Longmans, Green and Company, New York, 1927.
- Kemmerer, Edwin Walter. *High Spots in the Case for a Return to the International Gold Standard*, The Economists' National Committee on Monetary Policy, New York, 1943.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Modern Currency Reforms*, The Macmillan Company, New York, 1916.
- Kemmerer, Edwin Walter. *Money*, The Macmillan Company, New York, 1935.
- Kemmerer Commission. *Colombia, Leyes Financieras Present-adas al Gobierno de Colombia por la mision de expertos los anos de 1923 y 1930 y exposicion de motivos de estas*, Editorial de Cromos, Bogota, 1931.
- Kemmerer Commission. *Chile, Commission of Financial Advisers, Monetary Bill and Bill Founding the Central Bank of Chile* (with reports in support thereof), Government of Chile, Santiago, 1925.
- Kemmerer Commission. *Poland, Reports Submitted by the Commission of the American Financial Experts*, Ministry of Finance, Warsaw, 1926.
- Kemmerer Commission. *China, Commission of Financial Experts, Project of Law for the Gradual Introduction of a Gold Standard System in China* (together with a report in support thereof), Shanghai, 1929.

- Keynes, Lord John Maynard. *A Tract on Monetary Reform*, Macmillan & Company, Ltd., London, 1923.
- Kjellstrom, Erik T. H. *Managed Money*, Columbia University Press, New York, 1934.
- League of Nations. *The Course and Phases of the World Economic Depression*, Secretariat of the League of Nations, Geneva, 1931.
- Lehfeldt, R. A. *Controlling the Output of Gold*, the Author, London, 1926.
- Mlynarski, Feliks. *Gold and Central Banks*, The Macmillan Company, New York, 1929.
- Pasvolsky, Leo. *Current Monetary Issues*, Brookings Institution, Washington, D.C., 1933.
- Redelmeier, W. *The Gold Standard*, The MacLean Publishing Co., Ltd., Toronto, 1941.
- Schacht, Hjalmar. *The Stabilization of the Mark*, George Allen & Unwin, Ltd., London, 1927.
- Spahr, Walter E. *The Case for the Gold Standard*, The Economists' National Committee on Monetary Policy, New York, 1940.
- Young, John Parke, Editor. *European Currency and Finance*, vol. I., Government Printing Office, Washington, D.C., 1925.

Л. фон Мизес

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЗОЛОТЫМ СТАНДАРТОМ

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

ГЛАВА 1

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

Люди выбрали драгоценные металлы — золото и серебро для службы в качестве денег из-за их минералогических, физических и химических свойств. Использование денег в рыночной экономике есть праксиологически необходимый факт. То, что именно золото — или что-либо еще — используется в качестве денег, есть просто исторический факт и как таковой не может быть постигнут каталлактикой. В истории денег, как и в любой исторической дисциплине, также можно прибегнуть к историческому пониманию. Если некто получает большое удовольствие, называя золотой стандарт «варварским пережитком»¹, то он не может возражать против применения этого термина к любому исторически обусловленному институту. Тогда тот факт, что британцы говорят на английском языке, а не на датском, немецком или французском, также является варварским пережитком, а любой британец, выступающий против замены английского языка на эсперанто, не менее догматичен и ортодоксален, чем те, кто не в восторге от планов регулируемой валюты.

Демонетизация серебра и установление золотого монометаллизма стали результатом сознательного вмешательства государства в денежные сферы. Бессмысленно задаваться вопросом, а что бы произошло, не случись этого. Но не следует забывать, что целью государства было не установление золотого стандарта. Государство стремилось к двойному стандарту. Оно стремилось установить жесткое, декретированное государством меновое отношение между золотом и серебром вместо колебаний рыночных отношений между независимо сосуществующими золотыми и серебряными монетами. Денежные теории, лежащие в основе этих усилий, в такой степени исказили рыночные явления, как могли их исказить только бюрократы. Попытки установить двойной стандарт, основанный на обоих металлах — и золоте, и серебре, с треском провалились. Именно это фиаско и породило золотой стандарт. Возникновение золотого стандарта стало проявлением сокрушительного поражения государства и дорогих его сердцу доктрин.

В XVII в. цены, которые английское государство установило на монеты, переоценили гинею относительно серебра, что привело к исчезновению серебряных монет. В текущем обращении остались только монеты, сильно

* Отрывок из: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории.* Челябинск: Социум, 2005. С. 436—444.

¹ Лорд Кейнс в выступлении перед палатой лордов 23 мая 1944 г.

износившиеся от использования или испорченные в каком-либо ином отношении, или имеющие меньший вес. Таким образом, Англия получила золотой стандарт вопреки намерениям правительства. И только значительно позже законы закрепили де-юре стандарт, установившийся де-факто. Государство отказалось от дальнейших бесплодных попыток накачать рынок монетами серебряного стандарта и чеканило серебро только как разменную монету с ограниченным правом законного платежного средства. Разменные монеты были не деньгами, а заместителями денег. Их меновая ценность зависела не от содержания серебра, а от того, что в любой момент без задержек и затрат их можно было поменять на золото по полной нарицательной стоимости. Де-факто они были долговыми расписками, напечатанными на серебре, требованиями на определенное количество золота.

На протяжении XIX в. двойной стандарт похожим образом привел к возникновению де-факто золотого монометаллизма во Франции и других странах Латинского монетного союза. Когда падение цен на серебро в конце 70-х годов автоматически вызвало замену де-факто золотого стандарта на де-факто серебряный стандарт, эти государства прекратили чеканку серебра, чтобы сохранить золотой стандарт. В Соединенных Штатах структура цен рынка слитков драгоценных металлов уже до того, как вспыхнула Гражданская война, трансформировала законный биметаллизм на де-факто золотой монометаллизм. После периода государственных банковских билетов последовала борьба между сторонниками золотого стандарта, с одной стороны, и серебряного стандарта — с другой. В итоге победил золотой стандарт. Когда экономически наиболее передовые страны приняли золотой стандарт, их примеру последовали все остальные. После великих инфляционных потрясений Первой мировой войны большинство стран поспешили вернуться либо к золотому стандарту, либо к золотовалютному стандарту.

Золотой стандарт стал мировым стандартом эпохи капитализма, увеличивающим благосостояние, свободу и демократию, как политическую, так и экономическую. В глазах сторонников свободной торговли его основным достоинством было именно то, что он представлял собой международный стандарт, необходимый для международной торговли и сделок на международном денежном рынке и рынке капитала². Именно с помощью этого средства обмена западный индустриализм и западный капитал привнесли западную цивилизацию в отдаленные уголки Земли, повсеместно разрушая оковы вековых предрассудков и суеверий, сея семена новой жизни и нового благополучия, освобождая умы и души и создавая ранее неслыханное богатство. Это сопровождалось триумфальным беспрецедентным развитием западного либерализма, готового объединить все страны в сообщество свободных государств, мирно сотрудничающих друг с другом. Легко объяснить, почему золотой стандарт представляется людям в виде символа величайших и самых благотворных из всех исторических перемен. Все те, кто стремился саботировать постепенное движение к благоденствию, миру,

² Gregory T. E. *The Gold Standard and its Future*. 1st ed. London, 1934. P. 22 ff.

свободе и демократии, питали отвращение к золотому стандарту, и не только ввиду его экономической значимости. В их глазах золотой стандарт был знаменем, символом всех тех доктрин и установок, которые они хотели истребить. В борьбе против золотого стандарта на карту было поставлено гораздо большее, чем товарные цены и курсы иностранных валют.

Националисты сражались против золотого стандарта, потому что хотели отделить свои страны от мирового рынка и в максимально достижимой степени установить национальную автаркию. Интервенционистские правительства и группы давления сражались против золотого стандарта, потому что считали его самым серьезным препятствием на пути их усилий по манипулированию ценами и ставками заработной платы. Но самые фанатичные нападки на золото осуществлялись теми, кто стремился к кредитной экспансии. Для них кредитная экспансия была панацеей от всех экономических болезней. Она могла понизить или даже вообще упразднить процентные ставки, повысить зарплату и цены к выгоде всех, за исключением паразитических капиталистов и работодателей-эксплуататоров, освободить государство от необходимости балансировать бюджет — короче, сделать всех нормальных людей преуспевающими и счастливыми. И только золотой стандарт — это дьявольское изобретение злонамеренных и бестолковых «ортодоксальных» экономистов, мешает человечеству достичь вечного процветания.

Безусловно, золотой стандарт не является совершенным и идеальным. В человеческих делах нет совершенства. Но никто не в состоянии предложить вместо золотого стандарта что-либо более удовлетворительное. Покупательная способность денег нестабильна. Но абсурдно само понятие стабильности и неизменности покупательной способности. В живом и меняющемся мире не может существовать никакой стабильности покупательной способности. В идеальной конструкции равномерно функционирующей экономики не остается места для средства обмена. Изменение покупательной способности составляет сущность денег. На самом деле противники золотого стандарта и не ставят своей целью добиться стабильности покупательной способности денег. Скорее они желают дать государству власть манипулировать покупательной способностью без вмешательства «внешнего» фактора, а именно денежного отношения золотого стандарта.

Основное возражение, выдвигаемое против золотого стандарта, заключается в том, что он вовлекает в определение цен фактор, которым не может управлять ни одно государство, — перипетии добычи золота. Тем самым «внешние» или «автоматические» силы ограничивают возможности национальных государств обеспечить своим подданным процветание в соответствии со своими желаниями. Все диктуют международные капиталисты, а государственный суверенитет становится обманом.

Однако поверхностность интервенционистских установок вообще не имеет ничего общего с денежными проблемами. Ниже будет показано, почему все изолированные меры государственного вмешательства в рыночные явления не могут достичь преследуемых целей. Если интервенционистское государство захочет исправить недостатки первого вмешательства, захо-

дя все дальше и дальше, то в конце концов оно превратит экономическую систему страны в социализм германского образца. Затем оно вовсе отменит внутренний рынок заодно с его деньгами и всеми денежными проблемами, хотя оно может сохранить некоторые термины и ярлыки рыночной экономики³. В обоих случаях не золотой стандарт расстраивает добрые намерения щедрого правительства.

Значение того факта, что золотой стандарт ставит увеличение предложения золота в зависимость от прибыльности золотодобычи, конечно, заключается в том, что он ограничивает возможности государства обращаться за помощью к инфляции. Золотой стандарт делает процесс определения покупательной способности денег независимым от амбиций и доктрин политических партий и групп давления. Это является не недостатком золотого стандарта, а его главным преимуществом. Любой метод манипулирования покупательной способностью неизбежно является произвольным. Все методы, рекомендуемые для открытия якобы объективного и «научного» критерия денежного управления, основаны на иллюзии, что изменения покупательной способности могут быть «измерены». Золотой стандарт устраняет регулирование изменений покупательной способности под действием денежных факторов с политической сцены. Его всеобщее одобрение требует признания истины, что нельзя сделать всех людей богаче с помощью печатного станка. Отвращение к золотому стандарту стимулируется предрассудком, что всемогущее государство может сотворить богатство из маленьких клочков бумаги.

Некоторые утверждают, что золотой стандарт также является регулируемым стандартом. Государство может оказывать влияние на величину покупательной способности золота либо путем кредитной экспансии, даже если она и не выходит за пределы, установленные соображениями поддержания погашаемости заместителей денег, либо косвенно, путем осуществления мероприятий, побуждающих людей ограничивать величину своих остатков наличности. Это верно. Невозможно отрицать, что повышение товарных цен, случившееся между 1896 и 1914 гг., в значительной степени спровоцировано подобными действиями государства. Но самое главное заключается в том, что золотой стандарт удерживает все попытки понижения покупательной способности денег в узких границах. Инфляционисты борются с золотым стандартом как раз потому, что считают эти границы серьезным препятствием на пути реализации своих планов.

То, что экспансионисты называют изъянами золотого стандарта, на самом деле представляет собой его самые выдающиеся черты и полезность. Он сдерживает крупномасштабные инфляционные авантюры государства. Золотой стандарт не потерял силу. Государства жаждали уничтожить его, поскольку находились под влиянием заблуждения, что кредитная экспансия является подходящим средством понижения ставки процента и «улучшения» торгового баланса.

³ См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. Гл. XXVII—XXXI.

Ни одно государство не является достаточно мощным, чтобы отменить золотой стандарт. Золото выступает деньгами международной торговли и наднационального экономического сообщества рода человеческого. Оно не поддается воздействию мер, предпринимаемых государствами, чей суверенитет ограничен определенными странами. Пока страна не является экономически самодостаточной в строгом смысле этого термина, пока остались еще отдельные амбразуры в стенах, которыми национальные государства пытаются изолировать свои страны от остального мира, золото продолжает использоваться в качестве денег. Не имеет значения, что государства конфискуют золотые монеты и слитки, когда их выявляют, наказывают тех, кто их хранит, как преступников, а язык двусторонних клиринговых соглашений, с помощью которых государства стремятся исключить золото из международной торговли, избегает ссылок на золото. Однако оборот, проходящий по этим соглашениям, рассчитывается по ценам в золоте. Те, кто покупает и продает на зарубежном рынке, рассчитывают прибыли и убытки от этих сделок в золоте. Несмотря на то, что страна разорвала все связи местной валюты с золотом, ее внутренняя структура цен остается тесно связанной с золотом и ценами на золото на мировом рынке. Если государство желает отделить внутреннюю структуру цен от цен мирового рынка, то оно должно прибегнуть к другим мерам, наподобие запретительных импортных и экспортных пошлин и эмбарго. Национализация внешней торговли либо открыто, либо путем прямого валютного контроля не исключает золота. Государство в качестве торговца использует золото как средство обмена.

Борьбу против золота, которая представляет собой главную заботу всех современных государств, нельзя рассматривать как изолированное явление. Это всего лишь одна из составляющих гигантского процесса разрушения, ставшего знаком нашего времени. Люди борются против золотого стандарта, потому что хотят заменить свободную торговлю автаркией, мир — войной, свободу — тоталитарным государственным всемогуществом.

Возможно, когда-нибудь технология откроет способ увеличения запаса золота при столь низких издержках, что золото станет бесполезным для денежных целей. Тогда люди будут вынуждены заменить золотой стандарт другим стандартом. Сегодня беспокоиться о том, как будет решена эта проблема, бессмысленно. Нам совершенно неизвестны обстоятельства, в которых будет приниматься это решение.

2. СПРОС НА ДЕНЬГИ*

При золотом стандарте государство не влияет *прямо* на формирование ценности денежной единицы. Производство золота свободно, и на него влияет исключительно возможность получения прибыли. Все то золото, которое

* Параграфы 2—5 печатаются по: Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2011. С. 48—55.

не потребляется в качестве товара, поступает в экономику в качестве денег и функционирует в ней либо в виде монет в обращении, либо в виде монет или слитков в банковских хранилищах. Если увеличение количества денег превышает рост спроса на деньги, то покупательная способность денежной единицы падает. И наоборот, если увеличение количества денег отстает от роста спроса на деньги, то покупательная способность денег растет*.

Безусловно, при жизни нынешнего поколения покупательная способность золота снижалась. Однако до этого, после денежной реформы в Германии и великого экономического кризиса 1873 г., в течение двадцати лет раздавались жалобы на падение цен на товары. Правительства обращались к экспертам за рекомендациями, которые помогли бы им справиться с этим «злом». Влиятельные политические партии поддерживали направленные на повышение цен меры по увеличению количества денег. Они предлагали отказаться от золотого стандарта и перейти на серебряный, биметаллический или даже бумажный, так как считали, что производство золота слишком мало, чтобы удовлетворить растущий спрос на деньги при сохранении неизменного уровня покупательной способности денежной единицы. Однако в конце XIX в. эти жалобы стихли, и вскоре люди начали роптать по противоположному поводу: из-за роста стоимости жизни. Если в 1880—1890-е годы денежные реформы были направлены на противодействие *снижению* цен, то *теперь* целью реформ стала борьба с их повышением.

Общий рост цен в золоте на товары и услуги объясняется положением в производстве золота и спросом на золото: как спросом на золото как на деньги, так и спросом на золото для использования в иных целях. Очевидно, каким образом производство золота влияет на соотношение ценности золота и иных товаров. Понятно, что снижение темпов роста добычи золота могло бы противодействовать обесценению золота. С использованием золота в промышленности тоже все ясно. Однако третий из перечисленных факторов, а именно спрос на золото как на деньги, требует пристального внимания, особенно в связи с тем, что его обычно не учитывают вообще.

В течение рассматриваемого периода многие части света, где ранее использовались серебряные или кредитные («бумажные») деньги, перешли на золотой стандарт. Объем денежных сделок значительно вырос. Разделение труда углубилось. Роль экономической самостоятельности и бартера упала. Денежные обмены пришли в те сферы экономической жизни, где их раньше не было. В результате спрос на деньги возрос. Не имеет смысла искать ответ на вопрос, достаточно ли было возросшего спроса на остатки наличности со стороны частных лиц в совокупности со спросом на использование золота в неденежных целях для того, чтобы уравновесить воздействие на цены поступавшего на рынок вновь добытого золота. Статистики по остаткам наличности не существует, но даже если бы эти данные были

* Полное изложение теории формирования покупательной способности денежной единицы см.: *Mises L. von. The Theory of Money and Credit. 1953, p. 97—165; 1980, p. 117—185 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2009. Гл. 7—8]. — Прим. амер. ред.*

доступны, они бы ничего не дали, так как изменения цен не соответствуют изменениям соотношения спроса и предложения наличности. Тем не менее нужно отметить, что увеличение спроса на деньги — это не то же самое, что увеличение спроса на золото для использования в денежных целях.

Применительно к остаткам наличности отдельного человека функцию денег выполняют такие денежные требования, которые удовлетворяются немедленно и считаются надежными. Эти заместители денег — мелкие монеты, банкноты и банковские вклады до востребования, деньги с которых можно снять в любой момент, — могут использоваться в любых сделках наравне с деньгами. Однако только часть этих заместителей денег полностью обеспечена запасами золота в банковских хранилищах. В годы, о которых мы говорим, использование заменителей денег росло гораздо более высокими темпами, чем спрос на деньги, а их обеспеченность падала. В результате, несмотря на значительный рост спроса на деньги, спрос на золото вырос недостаточно для того, чтобы рынок смог усвоить поступающее на него новое золото без того, чтобы его покупательная способность снизилась.

3. ЭКОНОМИЯ НА ДЕНЬГАХ

Те, кто сегодня жалуется на снижение покупательной способности золота и мечтает о создании денежной единицы с более стабильной покупательной способностью, не должны забывать, что главную причину снижения ценности золота в этот период следует искать не в сфере производства, а в сфере денежной политики. На не обеспеченные золотом заместители денег, которые мы называем фидуциарными средствами платежа, в наше время приходится гораздо большая доля совокупного количества денег в мире⁴, чем в предшествующий период. Этого не могло произойти без благосклонного отношения и даже активного участия денежной политики государства. Собственно говоря, именно денежная политика, направленная на «сбережение» золота, и породила те условия, которые привели к его обесценению.

Человечество несет определенные издержки в силу того, что использует в качестве денег товар типа золота, для производства которого требуется значительное количество труда и капитала. Если капитал и труд, потраченный на производство денежного золота, можно было бы сэкономить и использовать в других целях, то люди получили бы больше благ для удовлетворения своих непосредственных нужд. В этом не может быть никаких сомнений! Однако следует отметить, что в обмен на затраты по производству золота мы получаем деньги, обладающие относительно постоянной ценностью, и — что гораздо важнее — деньги, на которые не оказывают непосредственного влияния государство и политические партии. Тем не

⁴ Количество «денег в широком смысле» равно количеству собственно денег [денежно-го товара] в совокупности с фидуциарными средствами обращения [банкнотами, не обеспеченными банковскими депозитами и мелкой монетой].

менее легко понять, почему люди начали задумываться о создании такой денежной системы, которая сохраняла бы все преимущества золотого стандарта, но при этом обходилась дешевле.

Адам Смит сравнивал золото и серебро, обращающиеся внутри страны в качестве денег, с дорогой, по которой на рынок возят скот и зерно, при том что на самой дороге ничего не растет. Замена драгоценных металлов банкнотами приводит, так сказать, к строительству дороги по воздуху, что позволяет использовать землю, прежде занятую дорогами, под пастбища и поля и тем самым значительно увеличить годовое производство. Затем, в 1816 г., Рикардо разработал знаменитый план золотодевизного стандарта. Согласно этому плану Англия должна была продолжать придерживаться золотого стандарта, который доказал свою ценность во всех отношениях. Однако во внутренней торговле золотые монеты следовало заменить банкнотами, и эти банкноты должны были обмениваться лишь на золотые слитки, но не на золотые монеты. В результате ценность банкнот была бы равна ценности золота, и при этом страна получила бы денежный стандарт, обладающий всеми преимуществами золотого стандарта, но обходящийся дешевле.

Предложения Рикардо были воплощены в жизнь далеко не сразу. Более того, вначале о них забыли. Несмотря на это, в 1890-е годы многие страны перешли на золотодевизный стандарт; обычно он вводился как временная мера, а не знаменовал собой сознательный переход к новой денежной политике. В наши дни золотой стандарт настолько распространен, что мы имеем полное право считать его «денежным стандартом нашей эпохи»⁵. Однако в большинстве этих стран или по крайней мере во многих из них золотодевизный стандарт приобрел форму, которую правильнее называть гибким золотодевизным стандартом*. Рикардо предлагал сэкономить не только на издержках, связанных с чеканкой монеты, но и на количестве золота в обращении, которого гибкий стандарт требует меньше, чем «чистый» золотой стандарт.

Осуществление плана Рикардо в одной отдельно взятой стране при прочих равных должно было приводить к снижению покупательной способности золота. Чем больше стран переходит на эту систему, тем больше должна падать покупательная способность золота. Если какая-то одна страна переходит на золотодевизный стандарт, а все остальные сохраняют «чистый» золотой стандарт, то страна с золотодевизным стандартом немедленно получает преимущество с точки зрения издержек, ведь она может потратить то золото, которое становится избыточным при переходе на золотодевизный стандарт.

⁵ *Machlup F. Die Goldkernwährung. Halberstadt, 1925. S. xi.*

* Денежный стандарт, основанный на единице с гибким золотым паритетом; *Golddevisenkernwährung*, если переводить буквально, — это стандарт, основанный на конвертируемости денежной единицы в иностранную валюту, т. е. «гибкий золотой стандарт». Позже Мизес пользовался сокращенным выражением «гибкий стандарт»; этот термин будем использовать и мы. См.: *Mises L. von. Human Action. [1949]; 3rd rev. ed. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966; Scholar's Edition. Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998. Ch. XXXI, section 3. [См. ниже, с. 239—242.] — Прим. амер. ред.*

визный стандарт, на покупку других товаров за рубежом. Эти дополнительные товары приводят к улучшению благосостояния страны в результате введения золотодевизного стандарта. Золотодевизный стандарт служит перешедшей на него стране так же хорошо, как «чистый» золотой стандарт, но при этом имеет дополнительное преимущество: он позволяет увеличить количество благ.

Однако если все страны одновременно перейдут с «чистого» золотого стандарта на подобный ему золотодевизный стандарт, то дополнительных преимуществ такого рода не получит ни одна из них и распределение золота в мире не изменится, потому что в мире не будет ни одной страны, в которой можно будет обменять золото, ставшее избыточным после введения новой денежной системы, на другие блага. В этой ситуации переход на новый стандарт приведет исключительно к более резкому снижению покупательной способности золота. Такое обесценение денег, как и всякое изменение ценности денег, приведет к переменам в богатстве и доходах экономических агентов. Соответственно при некоторых обстоятельствах оно может косвенным образом привести к росту накопления капитала. Однако оно будет способствовать росту мирового богатства только в том смысле, что: 1) спрос на использование золота в других целях (в промышленности и т.п.) будет лучше удовлетворяться и 2) падение прибыльности золотодобычи приведет к сокращению производства и тем самым высвободит капитал и труд для использования в других целях.

4. ПРОЦЕНТ НА «ПРАЗДНЫЕ» РЕЗЕРВЫ

Кроме попытки «сэкономить» на золотом стандарте, сократив внутренний спрос на золото, выдвигались и другие подобные идеи. Хранение золотых резервов дорого обходится банкам, потому что при этом они упускают процент. Соответственно потребовался совсем небольшой шаг, чтобы перейти от не приносящих процента золотых резервов, хранившихся в банках, к приносящим процент зарубежным кредитовым остаткам, погашаемым в золоте по первому требованию, и к векселям, номинированным в золоте. Такого рода активы позволяют банкам-эмитентам (держателям золота) удовлетворять спрос на золото для внешнеторговых операций совершенно так же, как золотые монеты и слитки. Собственно говоря, дилер, представляющий расписки к погашению, предпочтет золоту чеки и векселя, иначе говоря, иностранные денежные бумаги, поскольку их транспортировка обходится гораздо дешевле транспортировки золота. Наибольшую склонность к конвертации части своих резервов в иностранные денежные бумаги проявили банки относительно бедных и небольших стран. Особенно сильный стимул для этого был в странах с золотодевизным стандартом, где банкам не нужно было учитывать спрос на золото для использования в обращении внутри страны. Так золотодевизный стандарт [*Goldkernwährung*] превратился в гибкий золотодевизный стандарт [*Golddevisenkernwährung*], или просто гибкий стандарт.

Но цель этой политики состояла не только в том, чтобы снизить издержки, связанные с хранением и обращением золота. Во многих странах, в том числе в Германии и Австрии, считалось, что такая политика должна способствовать снижению ставки процента. Задолго до этого под влиянием денежной школы были приняты банковские законы, направленные на то, чтобы избежать инфляции бумажных денег. Эти законы ограничивали выпуск банкнот, не обеспеченных золотом. Новое поколение, выросшее на идеях исторической и реалистической школы в экономической науке, находилось под влиянием теории банковской школы и не понимало, для чего нужны такие законы.

Новое поколение не отличалось оригинальными идеями. Это предотвратило резкие повороты в экономической политике. В соответствии с господствовавшими взглядами ограничения на эмиссию банкнот, не обеспеченных металлом, были отменены. При этом старые законы почти не изменились, хотя и предпринимались различные попытки ограничить их влияние. Прежде всего следует отметить систематическое и сознательное стимулирование перехода на безналичные расчеты. Ожидалось, что замена наличности чеками и другими способами безналичных платежей не только приведет к спаду спроса на банкноты (бумажные деньги), но и вызовет приток золотых монет обратно в банк, а следовательно, рост остатков наличности у банка. Поскольку и немецкое, и австрийское банковское законодательство требовало, чтобы банкноты были обеспечены золотом лишь частично, то приток золота обратно в банк означал, что он получает возможность напечатать дополнительные банкноты: в Германии на сумму, в три раза превышающую ценность поступившего золота, а в Австрии — в два с половиной раза. В последние десятилетия банковская теория придерживалась мнения, что это должно приводить к снижению ставки процента.

5. ЗОЛОТО ОСТАЕТСЯ ДЕНЬГАМИ

Если бросить взгляд на современную денежную и банковскую политику, то сразу станет очевидно, что обесценение золота объясняется в значительной степени именно политическими мерами. Снижение покупательной способности золота и постоянный рост цен в золоте всех товаров и услуг не являются чем-то естественным. Это последствия экономической политики, которая, безусловно, была направлена на достижение иных результатов, но неизбежно привела именно к таким. Мы уже упоминали о том, что корректные количественные оценки здесь невозможны. Тем не менее очевидно, что причина наблюдавшегося с 1896 г. обесценения золота не в росте производства или по крайней мере не только в нем. Политика, направленная на вытеснение золота из обращения, целью которой была замена «чистого» золотого стандарта золотодевизным или гибким стандартом, привела к снижению ценности золота или по крайней мере способствовала этому. Возможно, если бы такая экономическая политика не проводилась, сегодня раздавались бы жалобы не на обесценение золота, а на чрезмерный рост его ценности.

Новая денежная политика не привела к демонетизации золота, как это недавно случилось с серебром. Золото продолжает оставаться основой всей нашей денежной системы. Золото по-прежнему остается нашими деньгами. Нет оснований считать, что золото перестало быть деньгами, как уверяют безмозглые шарлатаны, стремящиеся излечить человечество от «денежных иллюзий». Тем не менее золото действительно в значительной степени выведено из реального обращения. Его больше не видно; оно лежит в банковских хранилищах в качестве денежных резервов. Золото перестало использоваться в повседневной жизни, что привело к снижению его ценности.

Неправильно говорить о том, что рост цен в последние годы свидетельствует о неискоренимых недостатках золотого стандарта. Та денежная система, которая привела к росту цен, отнюдь не является классическим золотым стандартом, за который выступают приверженцы золотого стандарта в Англии и Германии. Рост цен был вызван денежной и банковской политикой, позволившей перейти с «чистого», «классического» золотого стандарта на золотодевизный и гибкий стандарты, политикой, в результате которой в обращении остались только банкноты и мелкие монеты, а золотой запас сосредоточился в банковских хранилищах и золотовалютных резервах.

ГЛАВА 2

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЗОЛОТЫМ СТАНДАРТОМ

1. ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ЗОЛОТА*

Главной особенностью старого, «чистого», классического золотого стандарта в том его виде, в каком он был первоначально разработан в Англии и позже принят в Германии после создания германской империи, было то, что он обеспечивал независимость процесса формирования цен от политики и от присущей политике частой смены воззрений. Именно это особенно ценили в золотом стандарте либералы**, опасавшиеся, что на экономику может негативно повлиять склонность правительства предоставлять привилегии одним группам за счет других.

Однако не следует забывать, что и при «чистом» золотом стандарте правительственные меры также могут оказывать существенное влияние на ценность золота. Во-первых, именно правительство принимает решение о переходе на золотой стандарт и об отказе от него. Мы не будем останавливаться на этом подробно. Отметим лишь, что мы понимаем влияние этих действий правительства совершенно не так, как различные «государственные теории денег», чью абсурдность уже давно никто не оспаривает. Повсеместная замена серебряного стандарта золотым и переход некоторых стран от кредитных денег к золотым способствовал росту спроса на денежное золото в годы, предшествовавшие [первой] Мировой войне [1914—1918]. Война привела к изменениям в денежной политике и заставила воюющие страны, а также некоторые нейтральные государства выбросить на рынок значительную часть своего золотого запаса, что увеличило предложение золота на мировых рынках. Любой политический шаг, оказывающий влияние на спрос на золото (в качестве денег) или на количество денежного золота, представляет собой «манипулирование» золотым стандартом и влияет на все страны, придерживающиеся золотого стандарта.

* Параграфы 1—2 печатаются по: *Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2011. С. 56—67.*

** «Я использую термин „либерал“ в том смысле, в каком он повсеместно употреблялся в XIX в. и продолжает употребляться сегодня в странах континентальной Европы. Мне необходим этот термин; нет никакого другого способа обозначить то политическое и интеллектуальное движение, которое заменило докапиталистические способы производства свободным предпринимательством и рыночной экономикой, абсолютизм королей и олигархов — конституционной представительной властью, а рабство и крепостное право — свободой для всех людей» (*Mises L. von. Human Action. 3rd ed. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1963. P. v.*). — *Прим. амер. ред.*

Золотодевизный стандарт и гибкий стандарт отличаются от «чистого» золотого стандарта исключительно степенью использования в обращении заместителей денег, поэтому они тоже подвержены манипулированию. Денежная политика влияет на «чистый» золотой стандарт — с одной стороны, потому, что от денежной политики зависит, придерживается ли то или иное политическое образование золотого стандарта или отвергает его, с другой стороны, потому, что денежная политика в рамках золотого стандарта может привести к изменениям спроса на золото, если она увеличивает или уменьшает количество золота в обращении или меняет требования по резервированию для банкнот и счетов до востребования. Влияние денежной политики на формирование ценности [т.е. покупательной способности] золота ограничено теми же аспектами также применительно к золотодевизному и гибкому стандартам. При золотодевизном и гибком стандартах правительство и органы, ответственные за денежную политику, могут влиять на формирование цены золота посредством изменений в денежной политике. Степень их влияния зависит от того, какую долю мирового роста (или снижения) спроса на золото составляет рост (снижение) спроса на золото в пределах данной страны.

Когда сторонники «чистого», классического золотого стандарта говорили о том, что ценность золота не зависит от влияния правительства, они имели в виду, что после повсеместного перехода к золотому стандарту (а сторонники золотого стандарта в последней трети XIX в. не сомневались, что такой переход произойдет, поскольку к тому времени его приняли уже почти все страны) никакие действия политиков не могут оказать влияние на формирование денежной ценности. Это справедливо и для золотодевизного, и для гибкого стандарта. Позиция сторонника «чистого» денежного стандарта вполне позволяла ему делать замечания, скажем, о том, что на ценность золота может значительно повлиять изменение политики Федерального резерва США (к примеру, введение золота в обращение или увеличение золотых резервов в странах Европы). В этом смысле «манипулированию» в наше время подвержены все денежные стандарты. Преимущество золотого стандарта — все равно, «чистого» или «девизного» — состоит исключительно в том, что, после того как его примут все, на него нельзя будет повлиять с помощью конкретных политических мер.

Война и послевоенные шаги в сфере денежной политики радикально изменили ситуацию с деньгами во всем мире. В наши дни [1928] государства одно за другим возвращаются к золоту, и очень вероятно, что вскоре этот процесс станет всеобщим. В связи с этим встает вопрос о том, следует ли сохранить преобладающий сегодня золотодевизный стандарт или же следует вернуться к использованию золота в сделках небольшого масштаба, как это было раньше, при «чистом» золотом стандарте. И если принято решение придерживаться девизного стандарта, то следует ли хранить резервы в золоте? Если да, то какой должна быть их величина? Или, может, некоторым странам достаточно иметь запас иностранной валюты, погашаемой в золоте? (Понятно, что на гибкий стандарт не могут перейти все страны. По крайней мере одна страна должна иметь реальные золотые резервы,

даже если золото выведено из обращения.) Можно утверждать, что золотой стандарт не подвержен описанному выше манипулированию только в том случае, если поддерживается такое положение дел, которое складывается в каждый отдельный момент, и при этом никакого вмешательства со стороны государства не происходит (это относится, естественно, и к банковским резервам). Если же реакция государства связана с резким изменением спроса на денежное золото, то и покупательная способность золота тоже должна измениться.

Ясности ради еще раз скажем, что мы принципиально согласны с мнением приверженцев золотого стандарта о его специфических достоинствах. Изменения в денежной системе любой большой и богатой страны всегда сильно влияют на создание денежной ценности. После того как эти изменения произойдут и окажут воздействие на покупательную способность золота, ценность денег снова меняется под влиянием возврата к предшествовавшей денежной системе. Однако это никак не влияет на истинность тезиса о том, что при золотом стандарте создание ценности не зависит от политики, при условии что структура этого процесса или границы области, которую он охватывает, не подвергаются принципиальным изменениям.

2. ИЗМЕНЕНИЯ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ЗОЛОТА

Ирвинг Фишер и многие другие критикуют золотой стандарт за то, что по его вине покупательная способность золота значительно снизилась после 1896 г. и особенно после 1914 г. На всякий случай следует отметить, что это снижение покупательной способности золота на самом деле объясняется денежной политикой: к нему привели меры по «экономии» золота, принятые с 1896 по 1914 г., а также отказ от золота во многих странах после 1914 г. Когда золотой стандарт обвиняют в том, что возвращение к использованию золота в реальных сделках и рост золотых резервов в странах с золотодевизным стандартом приведет к росту покупательной способности золота, становится очевидно, что мы имеем дело с такими последствиями политических изменений в денежной политике, которые трансформируют структуру золотого стандарта.

Покупательная способность золота не является «стабильной». Следует отметить, что такой вещи, как «стабильная» покупательная способность, в принципе нет и быть не может. Строго говоря, только в экономике, пребывающей в конечном состоянии покоя*, т.е. там, где все цены остаются неизменными, могут существовать деньги с фиксированной покупательной способностью. Тем не менее невозможно оспаривать то, что после повсеместного перехода на золотой стандарт и при условии неизменности это-

* См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 231. — Прим. ред.

го стандарта формирование покупательной способности золота перестает зависеть от воздействия разнонаправленных усилий политиков.

Поскольку источников золота немного и все они рано или поздно исчерпаются, то существует страх перед грядущим дефицитом золота и его следствием: непрерывным снижением цен на товары. Такие опасения были особенно широко распространены в конце 1870—1880-х, но с тех пор они улеглись и только в последнее время вновь появились. Авторы некоторых расчетов утверждают, что ныне разрабатываемые золотые прииски и россыпи в ближайшем будущем истощатся, а никаких новых месторождений обнаружено не будет. В этих условиях продолжающийся рост спроса на деньги приведет к неизбежному снижению товарных цен — конечно, при условии сохранения золотого стандарта¹.

Однако с прогнозами подобного рода нужно быть очень осторожным. Полвека назад знаменитый геолог Эдуард Зюсс* прогнозировал неизбежный спад в золотодобыче, основываясь на аргументах, которые он считал научными. Вполне возможно, что прогнозы нынешних Кассандр окажутся не менее ошибочными. При этом в конечном счете мы согласны с ними в том, что цены действительно демонстрируют тенденцию к снижению [1928] и что общество действительно испытывает на себе последствия роста покупательной способности золота. В конце второй части этой статьи мы кратко изложим наше представление о том, что можно сделать, чтобы переломить экономический пессимизм.

3. ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫМ ОБРАЩЕНИЕМ**

Металлическая валюта не поддается государственному манипулированию. Разумеется, во власти государства принять законы о законном платежном средстве. Но тогда действие закона Грэшема сведет на нет все усилия государства. С этой точки зрения металлический стандарт представляет собой препятствие на пути любых попыток государства вмешаться в рыночные явления при помощи денежной политики.

Исследуя историю получения государствами власти манипулировать своими национальными денежными системами, мы должны начать с упоминания одного из самых серьезных недостатков классической школы. Адам Смит и Рикардо смотрели на издержки, связанные с сохранением металлической валюты, как на излишние траты. На их взгляд, замена металлических денег бумажными позволит использовать капитал и труд, требующиеся для производства золота и серебра в количестве, необходи-

¹ Cassell G. Währungsstabilisierung als Weltproblem. Leipzig, 1928. S. 12.

* Эдуард Зюсс (1831—1914) в 1877 г. опубликовал на немецком языке исследование, посвященное будущему золота. — *Прим. амер. ред.*

** Отрывок из: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории.* Челябинск: Социум, 2005. С. 737—740.

мом для денежных целей, для производства благ, которые способны непосредственно удовлетворять нужды людей. Отталкиваясь от этого предположения, Рикардо разработал свой знаменитый «Проект экономичной и твердой валюты», впервые опубликованный в 1816 г. План Рикардо был предан забвению. Спустя много десятилетий после его смерти несколько стран приняли на вооружение его основные принципы под названием золотовалютного стандарта с целью уменьшить мнимые потери, связанные с действием золотого стандарта, в настоящее время называемого «классическим» или «ортодоксальным». В условиях классического золотого стандарта часть остатков наличности индивидов состоит из золотых монет. При золотовалютном стандарте остатки наличности индивидов целиком состоят из заместителей денег. Эти заместители денег подлежат обмену по нарицательной стоимости либо на золото, либо на иностранную валюту стран, имеющих золотой или золотовалютный стандарт. Однако мероприятия денежных и банковских институтов нацелены на то, чтобы не допускать изъятия золота из центрального банка и перевода его во внутренние остатки наличности. Первейшая цель выкупа — обеспечение стабильности курсов иностранных валют.

Обсуждая проблему золотовалютного стандарта, все экономисты — включая и автора этих строк — оказались не способны осознать, что он дает в руки правительствам власть легко манипулировать национальной валютой. Экономисты беспечно полагали, что ни одно правительство цивилизованной страны не использует золотовалютный стандарт в качестве инструмента инфляционной политики. Конечно, не следует сильно преувеличивать роль, которую золотовалютный стандарт играл в инфляционных авантюрах последних десятилетий. Главным фактором была проинфляционная идеология. Золотовалютный стандарт был просто удобным средством осуществления инфляционных планов. Его отсутствие не мешало проведению инфляционных мероприятий. В 1933 г. в Соединенных Штатах в общем и целом еще существовал классический золотой стандарт. Этот факт не остановил инфляционизма Нового курса. Соединенные Штаты одним махом — путем конфискации золотых резервов граждан — упразднили золотой стандарт и девальвировали доллар относительно золота.

Новую разновидность золотовалютного стандарта, появившуюся в период между двумя мировыми войнами, можно было назвать гибким золотовалютным стандартом, или, для простоты, гибким стандартом. При этой системе Центральный банк или валютный уравнивательный счет (как бы ни назывался соответствующий государственный институт) свободно обменивает заместители денег, являющиеся национальным законным платежным средством страны, либо на золото, либо на иностранную валюту, и наоборот. Курс, по которому производятся эти валютообменные сделки, не фиксирован, а подвержен изменениям. Это гибкий курс, как его называют. Однако эта гибкость почти всегда направлена в сторону понижения. Власти используют свою власть, чтобы снизить эквивалент национальной валюты в золоте или тех иностранных валют, эквивалент которых в золоте не падает; они никогда не рискнут его повысить. Если курс относительно

валюты другой страны повышался, то это изменение являлось лишь окончательным оформлением падения другой валюты (относительно золота или валют других стран). Его целью было приведение оценки стоимости этой конкретной иностранной валюты в соответствие с оценкой стоимости золота и валют других зарубежных стран.

Если понижающее движение курса очень заметно, то это называется девальвацией. Если изменение курса не столь велико, то редакторы финансовых известий описывают это как ослабление международной оценки стоимости данной валюты². В обоих случаях, говоря об этом событии, обычно заявляют, что страна повысила цену золота. Описание характера гибкого стандарта с каталлактической точки зрения не следует путать с описанием с юридической точки зрения. На каталлактические аспекты этого вопроса не оказывают никакого влияния связанные с ним конституционные проблемы. Не важно, законодательной или исполнительной ветви государства принадлежит власть изменять курс национальной валюты. Не важно, не ограничены полномочия органа управления или, как в случае с Соединенными Штатами в период Нового курса, они ограничены предельной точкой, ниже которой чиновники не имеют права продолжать девальвацию. Для экономической трактовки проблемы имеет значение только то, что принцип жесткого паритета был заменен принципом гибких паритетов. Каким бы ни было конституционное положение дел, ни одно государство не смогло бы предпринять «повышение цены золота», если бы общественное мнение было настроено против этой манипуляции. Если, с другой стороны, общественное мнение одобряет этот шаг, то никакие юридические формальности не смогут ни полностью предотвратить его, ни даже задержать на короткое время. То, что случилось в Великобритании в 1931 г., в Соединенных Штатах в 1933 г. и во Франции и Швейцарии в 1936 г., со всей очевидностью показывает, что аппарат представительного государства способен работать весьма оперативно, если народ разделяет мнение так называемых экспертов относительно целесообразности и необходимости девальвации денежной единицы.

Как будет показано ниже, одной из основных целей девальвации валюты — либо крупномасштабной, либо ограниченной — является изменение условий внешней торговли. Влияние на внешнюю торговлю делает невозможным для малых стран следование собственному курсу в области манипулирования денежной единицей, не обращая внимания на то, что делают те страны, с которыми они имеют самые тесные торговые связи. Такие страны вынуждены следовать в кильватере денежной политики зарубежных стран. Насколько дело касается денежной политики, они добровольно становятся сателлитами иностранных держав. Поддерживая жесткий паритет с валютой монетарного «сюзерена», они следуют за изменениями, которые производит «страна-сюзерен» с курсом своей валюты относительно золота и валют других стран. Они присоединяются к денежному блоку и интегри-

² См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. С. 430.

ругую свою страну в денежную зону. Самый яркий пример — стерлинговый блок или зона.

Гибкий стандарт не следует смешивать с условиями тех стран, где государство просто декларирует официальный курс внутренней денежной единицы к золоту и иностранным валютам, но он не является действующим. Отличительная черта гибкого стандарта в том, что по установленному курсу любое количество внутренних заменителей денег действительно можно обменять на золото или иностранную валюту и наоборот. По этому курсу Центральный банк (или любое иное государственное агентство, облеченное этой задачей) покупает или продает любое количество внутренней валюты и иностранной валюты, по крайней мере одной из тех стран, которые сами имеют либо золотой, либо гибкий стандарт. Внутренние банкноты действительно подлежат выкупу.

Без этой существенной черты гибкого стандарта декреты, объявляющие определенный курс, имеют совершенно иной смысл и приводят к совершенно иным последствиям.

М. Скоузен

**ЭКОНОМИКА
ЧИСТОГО
ЗОЛОТОГО
СТАНДАРТА**

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

ПРЕДИСЛОВИЕ К О ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Движение за возврат к золотому стандарту набирает силу, причем не только в среде обывателей, но и среди экономистов и политиков. Растет беспокойство по поводу международного стандарта на основе декретного «доллара» и очевидной неспособности этого стандарта обеспечить стабильность на рынке валют, причем даже в периоды низкой инфляции. В отсутствие какого бы то ни было независимого монетарного мерилла мировые валюты подобны кораблям, дрейфующим без руля и ветрил.

В каком-то роде мы уже видим возврат к золоту, к «золотому стандарту де-факто». Руководители центральных банков отслеживают рыночную цену золота, используя ее как барометр для оценки международной экономической стабильности. Есть свидетельства того, что некоторые из них даже, быть может, используют цену золота для выработки монетарной политики. Рост цены золота указывает на рост инфляции и усиление нестабильности, что может вылиться в экономический или политический кризис. Падение цены на этот металл подразумевает снижение темпов инфляции и более уверенный контроль над мировой экономикой.

В дополнение к этому частные инвесторы по всему земному шару, пытаются застраховаться от неопределенного будущего, скупают и накапливают золотые монеты. Граждане США также начали предъявлять спрос на инвестиции, связанные с золотом. Мало-помалу антипатия, которую правительство США испытывало к золоту, сменилась более благосклонным отношением; правительство легализовало владение золотом и договоры с золотой оговоркой. Кроме того, оно выпустило золотые монеты удобных номиналов, являющиеся узаконенным средством платежа.

Все эти события в монетарной сфере привели меня к мысли переиздать (с некоторыми изменениями) мою докторскую диссертацию «Золотой стандарт со 100%-ным резервированием: экономика чисто товарных денег». Политические аргументы в пользу золота зачастую брали верх над экономическими, и я написал эту книгу для того, чтобы рассмотреть основные экономические проблемы, возникающие в условиях различных монетарных условий, а также для сравнения золотого стандарта с бумажным стандартом.

Главный вопрос, с которым сталкивается движение за твердую валюту, — поиск практических способов возвращения к золотому стандарту и определение того, какой вид золотого стандарта может быть принят. Некоторые экономисты — сторонники свободного рынка пытались решить указанную проблему, но до сих пор эта задача остается деликатной и трудной.

Не думаю, что золотой стандарт будет восстановлен ради него самого. Без сомнений, такое событие *вызвало бы* кризис. Но в условиях монетарного кризиса декретного доллара возврат к золоту мог бы восстановить экономическую стабильность.

ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ

В своем классическом сочинении «История экономического анализа» Й. Шумпетер провел четкое различие между «теоретическим» и «практическим» металлизмом. Теоретический металлизм включает в себя все *экономические* аргументы, поддерживающие тезис о том, что деньги требуют полного обеспечения золотом или серебром. С другой стороны, практический металлизм обосновывает металлический стандарт исключительно *политическими*, или *неэкономическими*, причинами. Шумпетер развивает свою мысль: «Экономист, например, может быть абсолютно уверен в несостоятельности теоретического металлизма и все же оставаться при этом практическим металлистом. Недоверия властям или политикам... вполне достаточно для того, чтобы у теоретического харталиста* возникли идеи из области практического металлиста»¹.

В сноске Шумпетер кратко обосновывает свое отрицание теоретического металлизма: «Несостоятельность теоретического металлизма я считаю само собой разумеющейся, т.е. с точки зрения чистой логики неверно, что деньги в основном являются товаром или должны обеспечиваться одним или несколькими товарами, чья меновая ценность в качестве товара является логической основой их ценности как денег», — пишет он².

Фридрих Хайек, в ранних работах симпатизировавший золотому стандарту, пишет в том же ключе: «Необходимо признать, что на чисто экономической основе едва ли можно выдвинуть какие-либо аргументы в пользу использования золота в качестве международных денег, в отличие от множества серьезных возражений». Тем не менее, отмечает Хайек, в пользу золотого стандарта есть веские политические причины: «...в то время как международный стандарт желателен по чисто экономическим мотивам, выбор золота при всех его недостатках необходим исключительно по политическим соображениям»³.

Людвиг фон Мизес, большой сторонник золотого стандарта, соглашается с этим. «Золото — не идеальная основа денежной системы, — пишет он. — Подобно всему, что создано людьми, золотой стандарт небезупречен; но в существующих обстоятельствах нет другого способа вывести денежную систему из-под влияния изменчивой партийной политики и государст-

* То есть сторонника теории о происхождении денег в результате декрета государства. — *Прим. ред.*

¹ Joseph A. Shumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford, 1954), p. 289 [Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 376].

² *Ibid.*, p. 289 n. [Там же. С. 378 сн.]

³ Friedrich A. Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability* (New York: Longmans, Green, 1937), p. 74.

венного вмешательства... Преимущество золотого стандарта заключается в том, что он делает покупательную силу денежной единицы независимой от политики правительств и политических групп. Более того, он не дает правителям обойти представительные собрания в финансовых и бюджетных прерогативах»⁴.

Цитаты из сочинений Шумпетера, Хайека и Мизеса отражают слабеющее влияние золотого стандарта не только на денежные власти Западного мира, но и на профессиональных экономистов. В настоящее время в экономическом анализе денежной политики особый упор делается на функционирование декретных валют, плавающих обменных курсов и различных механизмов регулирования роста денежного предложения. Золото сослано в международную сферу, где в условиях почти полного единодушия среди членов Международного валютного фонда оно играет незначительную роль. Даже политическая поддержка, о которой с такой проникновенностью писали Хайек и Мизес, в значительной мере ослабла, несмотря на распространенные заявления о том, что нынешние высокие темпы обесценения валют обусловлены в значительной степени политическими мотивами.

Исторически сложилось так, что экономическая мысль по вопросам денежной политики мало-помалу перенесла акцент с товарного, или металлического, стандарта на экономику фидуциарного бумажноденежного стандарта. В переходный период академические экономисты и политические лидеры бились над проблемами золотого стандарта и погашения [банкнот звонкой монетой], в то время как концепция 100%-ного резервирования рассматривалась как недостижимая (или даже вовсе нежелательная) цель. Эта тенденция не обязательно являлась намеренной, но в значительной степени она была обусловлена тем фактом, что исторический золотой стандарт, дрейфуя от золотослиткового стандарта к золотовалютному, страдал фатальными недостатками, которые в конечном счете и внесли весомый вклад в его распад в 1933 г. и фактическую отмену в 1971-м.

Обсуждение причин крушения золотого стандарта не входит в задачи настоящей работы (хотя современные критики главным образом указывают на способность правительств Западного мира расширять эмиссию своих банкнот и депозитных обязательств в значительно большей степени, чем позволяют размеры их обязательных золотых резервов, рано или поздно приводя к панике и депрессии, предотвращать которые золотой стандарт с частичным резервированием неспособен)⁵.

⁴ Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1953), p. 4 [*Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения*. Челябинск: Социум, 2011].

⁵ Для ознакомления с вопросами квазизолотого стандарта и развитием центральных банков см.: Murray Rothbard, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson & Snyder, 1983), p. 179—254. Также см.: Ron Paul and Lewis Lehrman, *The Case for Gold* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1982), p. 17—142, Michael D. Bordo, "The Gold Standard: Myths and Realities," in Barry N. Siegel, editor, *Money in Crisis* (San Francisco: Pacific Institute, 1984), p. 208—226.

В результате в последние десятилетия экономическая теория товарно-го стандарта, и в особенности вопросы чисто товарной, или недеформированной, металлической денежной политики, были оттеснены на периферию экономических дискуссий. За последние несколько столетий мало кто из экономических и политических мыслителей отстаивал такую систему «твердых денег», в особенности по мере того, как политический климат и денежная политика все дальше и дальше отходили от «чистого» товарного стандарта. В этом отношении Мизес отмечает: «Золотой стандарт утратил популярность, потому что в течение очень долгого времени не предпринималось никаких серьезных попыток показать его преимущества и вскрыть ошибки в аргументации его противников»⁶.

ТРАДИЦИЯ 100%-НОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ

Основания чисто металлического стандарта имеют в высшей степени идеалистический и теоретический характер. Однако исторически такая денежная система реально существовала. На зачаточной стадии развития денежного обращения драгоценные металлы играли фундаментальную роль, на протяжении столетий (даже в период Средних веков) обходясь без привнесения фидуциарных элементов, хотя частые aberrации (посредством билонной монеты) и имели место. Однако в тот древний период истории экономической теории еще практически не существовало. К XVII—XVIII столетиям, когда сформировались доклассические и классические взгляды на экономическую политику, неотъемлемой частью экономической системы Запада уже стали банкноты и кредитные инструменты (в масштабах, намного превышающих представляемое ими количество драгоценных металлов), введенные в оборот ювелирами-банкирами. В результате с того момента и по сей день подавляющее большинство экономистов занимаются изучением теоретических аспектов системы частичного, а не 100%-ного резервирования. Хотя и были предприняты усилия по возврату к чисто металлическому стандарту (наиболее заметными из которых были принцип денежной школы и закон Пиля 1844 г.), ни одно из правительств Западного мира не приблизилось к принципу «твердых денег». Джон Уильямс пишет о законе Пиля: «...,автоматического“ функционирования золотого стандарта, для успешной работы которого был принят закон о чартере Банка Англии 1844 г., никогда не существовало»⁷.

Несмотря на отсутствие в современной истории прецедента работы полноценного товарного стандарта, за долгие годы накопилось множество работ по данному предмету. Судя по приведенным выше цитатам из произведений Шумпетера, Хайека и Мизеса, похоже, сторонников 100%-ного метал-

⁶ Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 416 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

⁷ John H. Williams, “The Crisis of the Gold Standard,” in Frederic C. Lane and Jelle C. Riemersma, eds., *Enterprise and Secular Change* (Homewood, Ill.: Irwin, 1953), p. 392.

лического стандарта и их экономические аргументы в значительной степени не замечали или, возможно, просто игнорировали. Многие положения программы 100%-ного резервирования имеют давнюю традицию как в науке, так и в экономической истории. В период становления банковской системы городские Банки Амстердама, Гамбурга и Венеции являлись учреждениями со 100%-ным резервированием, так называемыми «деPOSITными банками», и по закону не имели права выдавать кредиты из средств вкладчиков.

Финансовые паники и кризисы на валютных рынках XVIII — начала XIX столетий привели к серьезному сопротивлению чрезмерной эмиссии банкнот и «спекулятивной банковской деятельности» («wild cat banking») в Америке и Англии. В это время такие отцы-основатели Америки, как Томас Джефферсон, Джон Адамс, Джон Куинси Адамс и губернатор Томас Рэндольф, а позднее и сторонники президента Эндрю Джексона сделали «антибанковское» движение общенародным и в своих сочинениях отстаивали либо чистый 100%-ный золотой стандарт, либо 100%-ное золотое обеспечение бумажных денег. В Англии сходную позицию заняла «денежная школа» под руководством Джорджа Нормана, Сэмюэля Джонса Лойда и Роберта Торренса, представители которой выступали за то, чтобы дальнейшая эмиссия банкнот Банком Англии была полностью обеспечена металлом.

После Гражданской войны в Америке и после того, как депозиты в отличие от банкнот не были включены в закон о чартере Банка Англии 1844 г., идея о товарном стандарте с полным резервированием практически исчезла из поля зрения. Центральными темами, занимавшими умы экономистов и политиков, стали проблемы обращения банкнот и гринбеков, выпуск в обращение бесплатного серебра и банковское дело с частичным резервированием (которое к тому времени пустило в Америке глубокие корни).

Однако пока происходил этот важный сдвиг парадигмы, немногочисленные политологи и экономисты того времени продолжали отстаивать доктрину 100%-ного резервирования. Среди них можно выделить генерала Амасу Уолкера, бостонского торговца Чарльза Кэррола и сотрудника Пробирной палаты Соединенных Штатов Исаяу Сильвестера. В свою очередь, на континенте немецкие экономисты Филипп Йозеф Гайер и Й. Л. Теллькампт выступали за полное покрытие эмиссии банкнот и критиковали выпуск банкнот без обеспечения как «искусственный» стимул для бизнеса, стимул, который не может действовать бесконечно.

После кончины золотодевизного стандарта в 1933 г. теоретические основы чистого товарного стандарта по большей части игнорировались. В это время единственным экономистом, отстаивавшим золотой стандарт со 100%-ным резервированием, был Элджин Гроусклоуз. Фидуциарный стандарт со 100%-ным резервированием, предложенный Ирвингом Фишером во время депрессии 1930-х годов, во многих отношениях походил на чистый металлический стандарт, но предложение Фишера основывалось на принципиальном отрицании и золота, и банковской системы с частичным резервированием⁸.

⁸ Например, см.: Irving Fisher, *The Instability of Gold* (New York: Alexander Hamilton Institute, 1912).

После Второй мировой войны несколько известных экономистов выражали искреннюю симпатию к чистому товарному стандарту. Например, Хайек писал, что такая программа — шаг «в правильном направлении», и даже характеризовал золотой стандарт с полным резервированием как стабильную денежную систему, неподвластную эффектам цикличности деловой активности. В конце концов он, однако, отказался от этой идеи в пользу бумажноденежного стандарта, основанного на формуле индекса сырьевых товаров⁹, а позднее и в пользу «денационализованного» стандарта валют, эмитируемых частными лицами и организациями¹⁰. Обосновывая вмешательство государства в вопросы денежного обращения и банковского дела, Милтон Фридмен рассматривает функционирование чистого товарного стандарта; и хотя в конце концов он отказывается от этой программы под предлогом чрезмерных издержек и неосуществимости по политическим причинам, он комментирует ее благожелательно и заключает, что «будь это выполнимо, преимущества могли бы заметно перевесить издержки»¹¹. Однако по упомянутым выше причинам он сделал выбор в пользу плана Фишера: 100%-ные резервы, обеспеченные банкнотами и депозитами в Федеральном резерве.

В последнее десятилетие, в разгар финансовых кризисов и штормов на валютных рынках Западного мира, поднялась новая волна интереса к металлическому стандарту со 100%-ным резервированием, сопровождаемая относительно быстрым ростом рыночной цены золота и других драгоценных металлов. Некоторые экономисты и финансовые обозреватели, придерживающиеся ультраметаллических взглядов, предсказывают, что ныне действующий долларовой стандарт в конце концов приведет к настолько высоким темпам обесценения валюты, что рыночные силы *ipso facto** вновь введут чистый металлический стандарт в систему денежного обращения.

Среди ученых-экономистов одним из наиболее ярких сторонников строгого металлического стандарта со 100%-ным резервированием является Мюррей Ротбард, профессор экономики в Университете Невады (Лас-Вегас), который в своих работах высказывался в пользу золотого стандарта. Еще в 1962 г. Ротбард утверждал, что это единственная денежная система, «совместимая с наиболее полным сохранением прав частной собственности... [и]... гарантирующая прекращение инфляции, а вместе с нею и циклов экономической активности»¹². Неотъемлемой частью аргументации Ротбар-

⁹ Friedrich A. Hayek, *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), p. 209—219 [Хайек Ф. Резервная валюта с товарным обеспечением // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 249—260].

¹⁰ Hayek, *The Denationalization of Money* (London: The Institute of Economic Affairs, 1976) [Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996].

¹¹ Milton Friedman, *A Program for Monetary Stability* (New York: Fordham University Press, 1960), p. 81, 87.

* Зд.: явочным порядком. — Прим. ред.

¹² Murray N. Rothbard, *The Case for a 100 Percent Gold Dollar* (Washington, D.C.: Libertarian Press, 1974), p. 35.

да является австрийская теория экономического цикла, которая красной нитью проходит через сочинения сторонников полного резервирования¹³.

Функционирование чистого металлического стандарта

Экономическая структура чистого металлического стандарта — основная тема в работах его сторонников. В сущности, главная цель заключается в создании устойчивой денежной системы, максимально совместимой с принципами свободного рынка и свободных решений людей. Роль государства будет сведена к минимуму, ограничиваясь принуждением к выполнению контрактов и финансовых обязательств, а также искоренением банковских «мошенничеств» и других нарушений общественного доверия. Конечно, во взглядах на роль государства имеются различия, особенно в отношении законов об узаконенном средстве платежа, частной или государственной чеканки монет, а также по поводу банковского регулирования.

В условиях чистого металлического стандарта выбор денежной единицы будет зависеть исключительно от свободного выбора людей. В целом с исторической точки зрения это означало выбор из золота, серебра, меди и определенных сплавов, использовавшихся для того, чтобы сделать монеты более долговечными. Сегодня наиболее популярным кандидатом на роль *numeraire** являются золотые слитки, хотя большинство сторонников 100%-ного резервирования высказываются в пользу параллельного стандарта, допускающего плавающие обменные курсы между золотом и серебром в отличие от фиксированного курса при биметаллизме.

Вопросом первостепенной важности являются принципы банковского дела в условиях 100%-ного резервирования. Доктрина металлического стандарта не отрицает ни преимуществ бумажных денег, ни права частных банков на выпуск своих собственных банкнот-обязательств (хотя некоторые сторонники металлического стандарта, как, например, Томас Джефферсон, выступали за полное запрещение эмиссии банкнот). Однако банкноты должны быть полностью обеспечены денежным товаром, а депозиты до востребования — быть не чем иным, как складскими квитанциями. Приверженцы твердых денег весьма критично относятся к первым банкирам — ювелирам, которые учитывали векселя на гораздо большие суммы, чем имевшийся в их распоряжении объем депозитов, и выдавали кредиты в форме «депозитов до востребования». Многие расценивают это как неприкрытое мошенничество, которое при 100%-ном резервировании будет законодательно запрещено. Вопрос о том, мошенничество это или нет, имеет большое значение; только одной этой проблеме посвящено множество сочинений. Сторонники чистого металлического стандарта резко критикуют современную банковскую практику, смешивающую кредитную

¹³ Недавние дебаты по достоинствам основанных на золоте различных денежных систем см. в: *The Cato Journal*, Spring 1983 (Volume 3, No. 1).

* Зд.: счетные деньги. — *Прим. ред.*

и депозитную функции. В условиях чистого металлического стандарта эти функции будут отделены друг от друга. Однако банки смогут заниматься кредитованием в качестве финансовых посредников, а также иными точно определенными способами.

Сторонники металлического стандарта со 100%-ным резервированием в целом отвергают концепцию «свободной банковской деятельности» как идеальной денежной системы, поскольку, до тех пор пока удовлетворяется требование размена [на товарные деньги], она допускает эмиссию банкнот сверх золотых резервов. Однако с практической стороны «свободная банковская деятельность» зачастую считается «вторым наилучшим» решением монетарных недомоганий: по-прежнему оставаясь мошенничеством, она обеспечила бы более здоровую среду, чем центральный банк.

Экономические вопросы и денежная политика

Функционируя совершенно автоматически, 100%-ный металлический стандарт будет свободен от контроля со стороны правительства. По мнению его приверженцев, он практически искоренит международные валютные кризисы и предотвратит набеги вкладчиков на банки. Он заставит государство ограничиться в финансировании своих расходов лишь взиманием налогов или заимствованиями, не предоставляя им права на денежную эмиссию. Сторонники этой системы полагают, что при такой денежной системе общий уровень цен будет куда более стабилен, чем при системе декретных денег. Более того, такая система исключит состояние «встроенного банкротства» банковских учреждений, обязательства которых по депозитам краткосрочны, а активы имеют форму долгосрочных инвестиций.

С другой стороны, критики указывают на то, что чистый металлический стандарт обладает рядом фатальных недостатков, включая бремя высоких производственных издержек и неэластичность денежной массы (интересно, что сторонники металлического стандарта как раз считают это свойство одним из важнейших его преимуществ). В этом отношении в качестве кандидатов на роль идеальной денежной системы полезно сопоставить *товарный* стандарт со 100%-ным резервированием и *декретный бумажноденежный* стандарт со 100%-ным резервированием. Между этими вариантами имеются как заметное сходство, так и резкие различия. Споры ведутся вокруг вопросов стабильности, инфляции, издержек, регулирования уровня цен, а также по поводу философских вопросов.

Похоже, что до недавнего времени для тех, кто занимался поисками идеальной денежной системы, преимущества бумажных денег над металлическими (и в издержках, и в степени контроля над денежной массой) с экономической точки зрения не вызывали сомнений. Однако некоторые экономисты — представители австрийской школы бросили вызов бумажноденежному стандарту с чисто экономических позиций. Используя возрожденную теорию экономических циклов Мизеса—Хайека, они оспаривают тезис об экономической благодетельности фидуциарной валю-

ты по сравнению с товарными деньгами. Они утверждают, что декретные деньги, не имеющие полного покрытия звонкой монетой, искажают структуру общественного потребления и инвестиций, дезориентируют агрегированные спрос и предложение и провоцируют экономические циклы. В противоположность этому из-за определенных элементов, свойственных товарным деньгам, металлический стандарт со 100%-ным покрытием ликвидирует эту цикличность, хотя отдельные «флуктуации» все же будут случаться.

Вклад школы твердых денег

Сейчас, когда правительства стран Запада пересматривают свою международную и внутреннюю денежную политику и пока продолжаются споры о жизнеспособности товарного стандарта, имеет смысл поискать ответы в том разделе истории экономической мысли, где собраны произведения, посвященные чистому металлическому стандарту. До сегодняшнего дня не существует ни одного систематического исследования, изучающего историю и вклад школы твердых денег. Настоящая книга пытается восполнить этот зияющий пробел в истории экономической мысли.

Несмотря на то что план введения товарных денег носит сугубо теоретический характер и в современной истории он нигде не был реализован на практике (хотя некоторые отважные попытки в этом направлении предпринимались), сторонники стандарта со 100%-ным резервированием внесли большой вклад во все области от экономической науки до политической экономики. Основные моменты заключаются в следующем.

Во-первых, приверженцы 100%-ного покрытия постоянно поднимали вопрос этических и юридических недостатков банковского дела с частичным резервированием, в особенности в связи со взаимоотношениями клиентов и банкиров. Банковские регуляторы, к примеру, так и не осознали проблему, существующую и по сей день, т.е. широко распространенное непонимание того, что средства, оставленные в банке на депозитах, юридически *принадлежат* клиентам банка. В реальности же право собственности переходит к банку, который становится должником, в то время как клиент становится кредитором.

Во-вторых, группа сторонников 100%-ного покрытия первой осознала, что большую часть денежной массы составляют депозиты до востребования, а не банкноты (известное исключение — британская денежная школа). Они также дали теоретическое объяснение того, как изменение объема депозитов до востребования влияет на спрос на кредиты, денежную массу, экономический рост и экономическую стабильность (и наоборот).

В-третьих, идеалистически настроенные сторонники твердых денег указывают на нездоровые эффекты избыточной кредитной экспансии посредством банковского дела с частичным резервированием и неразменных банкнот и описывают, каким образом кредитная экспансия вызывает циклы «бум—крах».

В-четвертых, сторонники золота делают особый акцент на важнейшей роли свободной рыночной цены золота как барометра экономической и валютно-финансовой стабильности в мире.

Занимая бескомпромиссную позицию, основанную исключительно на денежной теории, сторонники металлического стандарта со 100%-ным резервированием указывают на нестабильную природу банковских операций с частичным резервированием и тех областей, где банковская система может провоцировать циклы экономической активности. Это те недостатки в банковской системе и денежной политике, которые в противном случае могли остаться незамеченными и неисправленными.

ГЛАВА 2

ТРАДИЦИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СТАНДАРТА СО 100%-НЫМ РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ

Происхождение денег

Изначально деньги представляли собой полноценные товары, обладающие специфическими качествами, которые и делали возможным их использование в качестве средства обмена. В ранней истории в различных цивилизациях в качестве денег использовались шкуры зверей, овцы и рогатый скот, рабы, ювелирные изделия, бусинки, ракушки, китовый ус, камни с высеченными надписями и рисунками, слоновая кость, зерно, оливковое масло, какао-бобы, табак, сахар, алкогольные напитки и промышленные товары¹.

По мере того как цивилизации развивались, были открыты металлы (в частности железо, медь, серебро и золото), которые благодаря своим свойствам лучше подходили на роль средства обмена. Эти свойства включали в себя портативность, неуничтожимость, однородность, делимость, узнаваемость и относительную стабильность ценности по сравнению с прочими товарами. Как пишет Джевонс: «Некоторые металлы, похоже, самой природой созданы для того, чтобы исполнять роль денег, особенно если последние служат орудием обращения и средством для собирания сокровищ [хранения ценности]»².

Использование этих металлов в качестве денег принимало различные формы. Изначально деньгами служили слитки, имеющие изображение лишь с одной стороны. Их ценность определялась весом. Самые старые образцы, по всей видимости, чеканились частным образом — их изготавливали торговцы, менялы и рудокопы. Лишь в VII в. до новой эры в античной Лидии появились первые золотые и серебряные монеты³.

Таким образом, традиция чисто металлических денег имеет естественное начало в условиях рынка, постепенно сформировавшись посредством

¹ W. S. Jevons, “Early History of Money,” *Money and the Mechanism of Exchange* (London: Kegan Paul, 1905), pp. 19—28 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 13—21]. См. также: Carl Menger, *Principles of Economics*, edited by James Dingwall and Bert F. Hoselitz (Glencoe, Ill.: Free Press, 1950), pp. 263—267 [Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 266—274].

² Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 40 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 33].

³ Arthus R. Burns, *Money and Monetary Policy in Early Times* (New York: Knopf, 1927), pp. 59—78. Cp.: William Ridgeway, *The Origin of Metallic Currency and Weight Standards* (Cambridge, Mass.: Wilson, 1892), p. 205.

добровольных операций людей в Древнем мире. В связи с этим Артур Кемп отмечает: «История достаточно ясно показывает, что деньги появились не в результате действий государства, а в результате добровольных действий купцов, стремившихся упростить процесс обмена, сохранить покупательную способность и содействовать формированию капитала»⁴. А Карл Менгер пишет: «Происхождение денег... абсолютно, так сказать, естественно. Деньги не установлены государством; они — не продукт законодательного акта, и санкционирование их государственной властью вообще чуждо поэтому понятию денег. Функционирование определенных товаров в роли денег образовалось естественно на почве экономических отношений, без государственного вмешательства»⁵.

Однако история учит нас, что выбор денег редко оставлялся на усмотрение рынка, и это даже еще лучше видно в период раннего становления денег. Частным образом чеканились грубые монеты, а их обрезывание и изготовление фальшивок получило широкое распространение. Государство впервые в истории начало удостоверять чистоту серебра еще в Древней Греции. Монеты государственной чеканки веками находились в обращении наряду с монетами, выпущенными частным образом. Тем не менее «если судить по редкости соответствующих находок, похоже, век зависимости от частной чеканки монет был недолог...»⁶ В конце концов чистоту и вес монет начало удостоверять государство. Однако потери от изнашивания монет необязательно приводили к значительному отступлению от полного металлического стандарта, и когда возникали измеряемые различия между фактическим весом и оговоренным в контракте, монеты постепенно начинали обращаться по их действительному весу⁷.

Введение билонной монеты

100%-ный металлический стандарт сохранялся, пока деньги обращались поштучно (на счет) или по весу. Впервые билонная монета (token coins)* была введена в обращение в Древнем Риме в I в. до н.э., но «практически

⁴ Arthur Kemp, "The Gold Standard: A Reappraisal," in Yeager, *In Search of a Monetary Constitution*, pp. 139—140.

⁵ C. Menger, *Principles*, pp. 261—262 [Менгер К. Основания политической экономии. С. 262—264]. Также: «...экономический интерес отдельных хозяйствующих индивидов приводит по мере развития понимания ими этого интереса без всякого соглашения, без законодательного принуждения, без всяких даже соображений об общественном интересе к тому, что индивиды отдают свои товары в обмен на другие, обладающие большей способностью к сбыту, несмотря на то что для непосредственных целей потребления они в них не нуждаются» (р. 260 [с. 259]).

⁶ Arthur R. Burns, *Money and Monetary Policy*, p. 78.

⁷ «Как только на монетах появляются следы износа или ненадлежащего обращения, они начинают обращаться по весу...» (W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 94.)

* Билонная монета (от франц. billon — низкопробное серебро) — монета, номинал которой превышает стоимость содержащегося в ней металла и расходы на ее чеканку.

все билонные монеты в древности представляли собой мелкую разменную монету. Билонная монета вводила в соблазн фальшивомонетчиков, и искушение было тем сильнее, чем больше была разница между законодательно установленной ценой монеты и ценой ее металлического содержания»⁸. В результате основные монеты практически всегда были полновесными, и де-факто 100%-ная денежная система сохранялась.

Выпуск билонных монет, предшественников бумажных денег и банкнот, стал популярен у правителей в Средние века. Власти понимали проблему износа полновесной монеты и для целей торговли или мелких сделок замещали ее второстепенной бронзовой или медной монетой. Однако тому были и менее явные причины. История чеканки монеты, от Рима до Лондона, — непрерывная череда злоупотреблений. Очень часто государства декретом устанавливали точно определенные чистоту и вес для золотых и серебряных монет, но затем монетные дворы по политическим причинам начинали процесс постепенной «порчи монеты». В результате снижения металлического содержания монет их рыночная цена становилась меньше цены, установленной законом, что, по сути, превращало их в билонную монету. Комментируя события этого периода, Джевонс пишет: «История монеты всех стран есть, в сущности, ни более ни менее как повествование о порче монеты государством и отдельными лицами; лишь изредка встречаются почтенные, но, к сожалению, безуспешные попытки восстановить полный вес монеты»⁹.

Изначально национальные валюты — например, британский фунт, немецкая марка и французский франк — представляли собой просто вес золотых или серебряных слитков, и это легло в основу чисто металлического денежного стандарта. «Английский фунт некогда и был действительным весом серебра...»¹⁰ Позднее, однако, из-за порчи монеты фунт и прочие валюты перестали обозначать вес слитка, хотя публика продолжала использовать фунт и другие национальные валюты в качестве единицы счета, или *numeraire*. В той мере, в какой публика принимала монеты, объявленные узаконенным средством платежа, на вес, а не поштучно (на счет), сохранялся чисто металлический денежный стандарт; поэтому экономические мыслители того времени, отстаивавшие полновесную монету, в сущности, были сторонниками 100%-ного металлического стандарта. В целом

⁸ Arthur R. Burns, *Money and Monetary Policy*, p. 313.

⁹ W. S. Jevons, *Money and Mechanism of Exchange*, p. 79 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 69].

¹⁰ Francis A. Walker, *Money* (New York: H. Holt, 1891), p. 187. «Английский фунт стерлингов — это не что иное, как саксонский фунт стандартного серебра» (Jevons, *Money and Mechanism of Exchange*, p. 87 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 76]). Также Луиджи Эйнауди указывает на то, что «фунт стерлингов» был «воображаемыми деньгами», поскольку никогда не чеканился. Однако фунт действительно произошел от фунта серебра, и во времена Карла Великого существовали серебряные монеты весом в 1 фунт. Согласно примечанию переводчика, во времена Карла Великого «из весового фунта нарезалось двести сорок [серебряных] пенсов» (Luigi Einaudi, “The Theory of Imaginary Money from Charlemagne to the French Revolution,” in Lane and Riemersma, *Enterprise and Secular Change*, pp. 229—230).

в Средние века в Западной Европе действовал металлический стандарт, пусть и постепенно ржавевший со временем. Самое важное здесь то, что широкое распространение билонной монеты, не дающей права на требование полновесных монет, стало первым отклонением от полноценного металлического стандарта.

Появление банков

Получившая широкое распространение практика порчи монеты и выпуск разного рода билонной монеты привели к развитию банковского дела в Италии. В Средние века, в XV—XVI столетиях, в Италии «...в то время орудием обращения служили монеты самых разнообразных наименований, упавшие далеко ниже своей номинальной ценности вследствие обрезывания, намеренной порчи или стертости. Принимая золото, купец должен был взвешивать каждую монету в отдельности и определять содержание в ней чистого металла, что сопряжено было с большой потерей времени, хотя все-таки не гарантировало от обмана. Вследствие этого в торговых республиках Италии возник обычай отдавать такие деньги в банк, где ценность их точно определялась раз навсегда и записывалась в кредит счета вкладчика»¹¹. Эти счета назывались «банковскими деньгами» и «обладали обыкновенно *ажю*, или премией соответственно среднему обесценению циркулирующих монет... Уплаченные таким образом деньги имели всегда свою полную ценность, причем сбергался труд, сопряженный со счетом и оценкой монет»¹². Банк Венеции, основанный в 1171 г., в сущности, представлял собой «депозитный банк», где монеты взвешивали, определяли их пробу, а затем записывали по весу («банковские деньги») на счет вкладчика¹³.

Юридически развитие банковского дела в Средние века, в частности в Италии, основывалось на принципах римского права. Частное банковское дело в Италии расцвело, когда банки начали принимать депозиты и выдавать кредиты. Согласно Эбботу Пэйсону Ашеру, в практике банковского дела нередко применялся принцип частичного резервирования, и «не было периода, когда для менялы было бы незаконно принимать депозит, который он мог использовать в торговле или ссудить другим, при условии принятия на себя обязательства выплатить принятую сумму вкладчику по первому требованию монетами равной ценности»¹⁴.

Итальянские банкиры (а позднее и европейские) предлагали два вида депозитов: 1) общие депозиты, или депозиты до востребования, которые зачастую ссужались третьей стороне депозитными банками; 2) условные

¹¹ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 195 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 98].

¹² *Ibid.*, p. 196 [Там же. С. 98—99].

¹³ Amasa Walker, *Nature and Uses of Money and Mixed Currency* (Boston: Crosly, Nichols & Co., 1857), p. 20.

¹⁴ Abbot Payson Usher, "The Origin of Banking: The Primitive Bank of Deposit, 1200—1600," in Lane and Riemersma, eds., *Enterprise and Secular Change*, pp. 165—166.

депозиты, «состоящие из действительных количеств металла, которые должны быть выплачены в заранее определенный день или после того, как случилось то или иное событие... Средства, подлежащие выплате за передачу имущества, в качестве приданого или при оформлении брачных контрактов, за улаживание судебных тяжб, за товары, которые будут поставлены через какой-то срок, — все это могло быть причиной оформления условных депозитов. Платательщик передавал средства банкиру, полностью отдавая отчет в том, что их передадут получателю, когда будут выполнены условия их соглашения. Такие средства не составляли часть обычных текущих счетов той или иной стороны. Платательщик, очевидно, при этом не имел возможности распорядиться средствами в других целях, а получатель не мог использовать их по причине того, что они не являлись его собственностью до момента окончательного перевода. В своей примитивной форме условные депозиты не вели к использованию кредита, но небольшие изменения сделали их полезными в одном важном типе кредитных сделок»¹⁵.

Континентальные депозитные банки

Ничем не ограниченные банковские операции частных итальянских банков нередко вели к безрассудным кредитным операциям, банкротствам и потере средств. Вследствие этого местные правители предпринимали попытки к строгому регулированию банковского дела в Италии и других европейских странах. В начале XVII столетия в Венеции, Генуе и других городах Италии были основаны городские жиробанки. Они заменили частные банки с не столь строгими принципами, по крайней мере временно, и «едва ли представляли собой нечто большее, нежели учреждения централизованного клиринга; реальные кредитные операции были запрещены»¹⁶.

В Германии был создан Банк Гамбурга, чтобы взвешивать и оценивать все монеты, которые затем записывались на счет владельца депозита. С каждого вкладчика списывалась небольшая комиссия¹⁷. Амаза Уолкер пишет, что банк «никогда не обещал выдать больше, чем имел в своих хранилищах». Более того, «он никогда не вносил беспорядок в торговлю ни [кредитным] сжатием, ни экспансией. Он всегда был надежен и внес большой вклад в благополучие города, а также к удобству других городов, связанных с Гамбургом торговыми узами»¹⁸.

Самым известным из «депозитных банков» был Банк Амстердама. Адам Смит в своем сочинении «Исследование о природе и причинах богатства

¹⁵ Ibid., p. 277. Например, банкир мог предоставить клиенту овердрафт по текущему счету, полагаясь на его кредит.

¹⁶ Ibid., p. 290.

¹⁷ Amasa Walker, *Money and Mixed Currency*, p. 20.

¹⁸ Amasa Walker, *The Science of Wealth* (Boston: Little, Brown & Co., 1874), pp. 224—232; 226.

народов» проливает свет на работу банка: «Банк Амстердама заявляет, что он не отдает в ссуду ни малейшей части вложенных в него вкладов и что на каждый флорин, на который открывается кредит, он держит в своих подвалах стоимость флорина в монете или слитках»¹⁹. Тем не менее на основной капитал банка 100%-ный резерв не поддерживался.

Банк Амстердама был создан голландским правительством в 1609 г. Любой гражданин мог сделать вклад и забрать его монетами или слитками. За операции по снятию и зачислению [золота] взималась комиссия в размере $\frac{1}{40}$ доли 1% [0,025%]. Прочие тарифы были чрезмерными, с лихвой обеспечивая платежеспособность банка, но использовались для того, чтобы увеличить государственные доходы. Впрочем, несмотря на высокие тарифы, банк был весьма прибыльным. Основатели банка настаивали на строгом разделении кредитных и депозитных функций банка: «Ясно, что изначальная теория банка как депозитного банка не предполагает выдачи кредитов в качестве одной из функций. Будучи учрежден без капитала, а это понимала и общественность, и создавшие его законодатели, он был обязан иметь в своих хранилищах все то количество металла, которому соответствовали его обязательства»²⁰. К сожалению, банк не смог придерживаться своего устава. Банк не публиковал свои отчеты, и позднее выяснилось, что банк тайне выдал заем городу Амстердаму в размере 9 млн гульденов. Этот факт стал достоянием гласности, и в результате банк лопнул в 1791 г., просуществовав 182 года»²¹.

Говоря о континентальных депозитных банках XVII столетия, Дж. Э. Торольд-Роджерс отмечает, что «банковские деньги» имели «природу складских свидетельств, дающих держателю право претендовать не только на соответствующую им сумму денег, но и (по крайней мере в теории) на те самые монеты, которые были сданы на хранение»²².

Банковское дело в Англии

Коммерческие депозитные банковские операции появились в Англии в XVII столетии. В противоположность общепринятому мнению, ювелиры не были первыми английскими банкирами. Р. Д. Ричардс в книге «Ранний период банковского дела в Англии» приводит свидетельства того, что «до ювелиров

¹⁹ Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (New York: The Modern Library, [1776] 1937), p. 453 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 470].

²⁰ Charles F. Dunbar, *Chapters on the Theory and History of Banking* (New York: Putnam, 1901), p. 103. Адам Смит приводит другие ставки комиссионных, взимаемых Банком Амстердама, см.: Smith, *The Wealth of Nations*, pp. 448—449 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 467 сн.].

²¹ Irving Fisher, *700% Money* (New Haven, Conn.: The City Printing Co., 1945), pp. 35—36. Dunbar, *Theory and History of Banking*, pp. 114—117.

²² J. E. Thorold Rogers, *First Nine Years of the Bank of England* (London, 1887), p. 8.

хранителями депозитов были стряпчие, а ювелиры, прежде чем стать признанными хранителями депозитов, занимались учетом векселей»²³.

Стряпчие были клерками, управлявшими счетами своих нанимателей, они не занимались фидуциарной эмиссией или банковскими операциями с частичным резервированием. В первую очередь они выступали хранителями денежных средств доверившихся людей и действовали в качестве опекунов или хранителей.

«В XVI — начале XVII в. большая часть бухгалтерии торговцев велась профессиональными стряпчими, действовавшими в качестве кассиров для одного или нескольких торговцев. Стряпчие следили за сохранностью средств, отражали доходы и расходы, совершали платежные операции и вели строгий учет каждой операции. Стряпчий был агентом. Деньги его поручителя не были ссужены стряпчему, последний лишь отвечал за них. Аналогичным образом с древности крупные землевладельцы нанимали управляющего или казначея, чьим делом становилось ведение счетов хозяйства и надзор за казной»²⁴.

Кроме того, «стряпчие были маленькими людьми с небольшим капиталом и малоизвестными в Сити; но они были агентами, обязанными присматривать за безопасностью денег своих поручителей и несущими уголовную ответственность в случаях использования этих денег в своих целях»²⁵.

Роль ювелиров

Финансовое положение ювелиров резко отличалось от положения стряпчих. Ювелиры, как правило, были купцами и олддерменами*, имели собственный капитал и ссужали деньги другим купцам и королям (как, например, Эдуарду III). Эти средства «были нажиты за счет их прибылей как ремесленников, ювелиров и торговцев драгоценными металлами»²⁶.

Опасаясь за сохранность своих сокровищ, землевладельцы и купцы постепенно выводили свои средства из-под опеки управляющих и стряпчих, передавая их ювелирам, в особенности в годы гражданской войны [1642—1652] и в период Английской республики [1649—1653]. Кроме того, «исторически английские купцы хранили наличные средства в Лондонском Тауэре, пока в 1640 г. Карл I не захватил 120 тыс. фунтов, которые вернул лишь через много лет после бурных протестов. Как следствие, купцы

²³ R. D. Richards, *Early History of Banking in England* (London: P. S. King & Sons, 1929), p. 227.

²⁴ A. E. Feaveryear, *Pound Sterling* (Oxford: Marendon Press, 1963), p. 92. Cf. Richards, *Early History of Banking in England*, p. 223.

²⁵ *Ibid.*, p. 95.

* Олддермен — (кооптированный) член муниципального совета или собрания. — *Прим. ред.*

²⁶ R. D. Richards, *Early History of Banking in England*, p. 223.

и знать начали передавать монеты и ценности ювелирам, получая взамен квитанции, или расписки, последних»²⁷.

Очевидно, что изначально ювелиры действовали в качестве попечителей [trustee] получаемых средств. Это подразумевало «принятие депонированных денег на хранение [trust], причем хранитель не имел права пользоваться средствами. За небольшую плату депонированные деньги складывались в сундуки или опечатывались в мешках и возвращались по требованию, а выдаваемые расписки были просто складскими квитанциями. Ювелир был хранителем [trustee] или депозитарием, а вкладчик — депонентом. Документы „Ювелирной компании“ в Лондоне показывают, что в период правления Якова I и Карла I многие городские ювелиры выступали в качестве ответственных хранителей ценностей и денег... Как видим, первые расписки, выдаваемые ювелирами, были расписками ответственного хранения, т.е. складскими квитанциями без права переуступки»²⁸.

Эллис Пауэлл в книге «Эволюция денежных рынков» пишет: «...изначально клиенты ювелира и не подозревали о прибылях, которые получает последний за счет использования денег. Клиенты передавали их тому, кто сулил бесплатное хранение, лишь в целях сохранности. Ювелир выступал в роли сейфа, принимая на ответственное хранение золотую и серебряную посуду, украшения, слитки и монеты, в том числе зарубежные, — различного происхождения и достоинства»²⁹.

Очевидно, что передача слитков и монет ювелирам, а также выдача последними расписок на принятые вклады (обращавшиеся в качестве денег), не меняла характер чистого металлического стандарта. До тех пор пока расписки были честными и обеспечивались равным количеством металла на депозите, 100%-ный стандарт сохранялся.

Однако постепенно природа ювелиров как банкиров менялась. Вне всяких сомнений, это стало следствием функции кредитования — их основного занятия до того, как они стали ответственными хранителями. Они просто не были приспособлены к тому, чтобы хранить ценные вещи клиентов. Ювелиры изначально были заимодавцами и комиссионерами, выступавшими в роли финансовых посредников, и «...деньги ссужались им как комитентам, и если они использовали их в собственных целях и утрачивали, им грозило лишь гражданское судебное преследование»³⁰.

Как возникло банковское дело с частичным резервированием? Во-первых, что касается расписок ювелиров: «Поскольку они представляли реальный денежный вклад, в частных сделках их стали свободно принимать как деньги. Хотя расписки ювелиров никогда не были узаконенным средством

²⁷ Elgin Groseclose, *Money and Man* (New York: Frederick Ungar, 1961), pp. 177—178. См. также: Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 196—197 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 99].

²⁸ R. D. Richards, *Early History of Banking in England*, p. 223, 225.

²⁹ Ellis T. Powell, *The Evolution of the Money Markets* (London: Cass, 1966), p. 62. Его описание основано на трактате «The Mystery of the New-Fashioned Goldsmith», опубликованном в сборнике: J. B. Martin, *Grasshopper in Lombard Street* (1676).

³⁰ A. E. Feaveryear, *Pound Sterling*, p. 95.

платежа, они приучили торговое сообщество к использованию бумажных эквивалентов денег»³¹.

Постепенно ювелиры «заметили влияние „закона больших чисел“ на возросшие размеры своего бизнеса: приток и изъятие вкладов в общем и целом компенсировали друг друга»³². Соответственно у ювелиров-банкиров появилась возможность выдавать расписок на большее количество звонкой монеты, чем лежало на депозитах. Гроусклоуз критически отмечает: «Оставался лишь шаг до того, как более беспринципные ювелиры открыли для себя, что они могут ссужать средства клиентов, при условии что у самих ювелиров остается на руках достаточно средств для удовлетворения ожидаемых требований на изъятие депозитов»³³.

Таким образом, трансформация в банковскую деятельность с частичным резервированием произошла благодаря специфической природе расписок ювелиров, которые стали обращаться в качестве представителей денег: «...поначалу эти документы представляли собой конкретные обещания, аналогичные складским свидетельствам. Возникла практика передачи права собственности путем передачи таких квитанций, или „расписок ювелиров“ („goldsmith’s notes“), как они назывались. Такие расписки нередко упоминались в парламентских актах, и еще в 1746 г. большинство лондонских банкиров продолжали оставаться членами „Ювелирной компании“. Судя по характеру упоминаний этих расписок в некоторых законах, они превратились в общие, а не конкретные, обещания — обязательства предоставить по требованию некую денежную сумму без дополнительных условий по поддержанию резервов для этой цели»³⁴.

Поскольку ювелиры происходили из ростовщиков и получали соответствующую подготовку, использование средств клиентов казалось им почти естественным, пока в резерве оставалось достаточно средств для удовлетворения требований депонентов. В результате отношения между клиентом и банкиром постепенно перешли от схемы «владелец имущества — ответственный хранитель» к схеме «кредитор — должник». «Таким образом, ювелир-хранитель превратился в должника вкладчика, а последний стал инвестором, ссужавшим деньги ювелиру за „вознаграждение“»³⁵. Из складских квитанций расписки ювелиров превратились в долговые расписки, представлявшие сумму наличных денег, которую можно было изъять по первому требованию. Выплаты по этим распискам производились либо конкретному лицу, либо предъявителю.

³¹ Elgin Groseclose, *Money and Man*, p. 178.

³² Wilhelm Röpke, *Economics of a Free Society* (Chicago: Regnery, 1963), p. 89.

³³ E. Groseclose, *Money and Man*, p. 178. Р. Дж. Хоутри обвиняет ювелиров в том, что «они извлекали незаконную прибыль, обрезая серебряные монеты или отбирая тяжелые монеты для экспорта или расплавки» (R. G. Hawtrey, *Currency and Credit* (London: Longmans, Green & Co., 1919), p. 289 [Гоутри Р. Дж. Деньги и кредит. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. С. 233.]).

³⁴ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 197 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 99].

³⁵ R. D. Richards, *Early History of Banking in England*, p. 223.

Постепенное изменение характера отношений с ювелирами происходило незаметно для вкладчиков, они по-прежнему считали «вклад» своей собственностью, а не займом банкиру. Вот как описывает Пауэлл эту трансформацию юридических взаимоотношений банкиров и их клиентов: «Мы видели, что изначально он [ювелир-банкир] выступал лишь ответственным хранителем. Но хранителю запрещено без явного согласия депонента каким бы то ни было образом пользоваться вверенным ему имуществом для личных целей, если только такое использование не является необходимым для сохранности самого имущества (например, для сохранности вверенной попечению лошади требуется давать ей физические нагрузки)»³⁶. Как указывает Пауэлл, согласно законодательству об отношениях владельца имущества и ответственного хранителя хранитель обязан вернуть имущество, «идентичное переданному на хранение, что в случае монет почти невозможно... На деньгах нет отметок. Один пенс не отличить от другого»³⁷.

Таким образом, заменимость денег в сочетании с привычным для ювелиров характером их бизнеса привели к перерождению банковского дела — от ответственного хранения к долговым отношениям. Вопрос о том, каким образом произошли эти изменения в юридических отношениях, поставлен Пауэллом: «Когда же была принята доктрина о том, что банкир — просто должник, а не ответственный хранитель (*bailee*) или, тем более, не попечитель (*trustee*) средств своих клиентов? Какие обстоятельства привели к этому изменению его юридического положения и создали экономического „мутанта“ [*sport*], который привел к перерождению финансовой системы, неизмеримо усилив ее власть? Каким образом расписки и квитанции утратили связь с конкретным вкладом и стали относиться лишь к банкиру в целом?»³⁸

Перемены происходили эволюционно. В XVII—XVIII вв. клиенты банков обращались в суд по поводу банковской деятельности с частичным резервированием и юридического статуса клиентских депозитов. Почти всегда вердикты судов гласили, что банкир — просто должник, а не ответственный хранитель или попечитель. Почему? В основном по причине того, что находящиеся на хранении деньги или монеты не имеют отличительных признаков. Это условие было *sine qua non** в делах об отнятии имущества — краже или ограблении: по мнению судов, украденное имущество или товары должны быть идентифицируемы. Но монеты конкретного клиента идентифицировать было невозможно. Таким образом, в силу естественной заменимости денег банкира нельзя было привлечь к ответу в качестве ответственного хранителя. Суды рассматривали дела с участием банков так же, как и в любых других случаях, имеющих отношение к мошенничеству или краже; они просто не видели особой природы денежных вкладов. Вследствие этого «на хранение передавались неупакованные и соответственно

³⁶ E. T. Powell, *Evolution of Money Markets*, pp. 63—64.

³⁷ *Ibid.*, p. 64.

³⁸ *Ibid.*

* Необходимое условие (*лат.*). — *Прим. ред.*

неидентифицируемые монеты, а единственный образ действий ответственного хранителя по возврату денег — долг»³⁹.

Окончательно эта проблема была разрешена в Англии только в начале XIX в. Некоторые вкладчики вновь поставили под сомнение традиционные решения английских судов, утверждая, что «банки должны нести ответственность не меньшую, чем несет класс ответственных хранителей, в число которых входят транспортные компании, хозяева постоянных дворов и прочие»⁴⁰. Однако «в 1833 г. в судебном процессе „Питты против Глега“ суд постановил, что суммы, зачисляемые на счет клиента банкиром, пусть и называемые обычно вкладами, в действительности являются займами клиентом банкиру»⁴¹. Тем не менее суды понимали, что использование термина «вклад» вводит в заблуждение, хотя и позволяли банкирам его использовать. Развивая эту точку зрения, лорд Коттенгэм на процессе «Фоули против Хилла» в 1848 г. постановил: «Деньги, помещенные на хранение к банкиру, для всех намерений и целей суть деньги банкира, который волен поступать с ними по своему усмотрению. Используя их, он не виновен в злоупотреблении доверием. Он не несет ответственности перед принципалом за то, что подвергает их опасности, ввязываясь в случайную спекуляцию; он не обязан хранить их или обращаться с ними как с собственностью принципала, но он, разумеется, несет ответственность за сумму, потому что, получив эти деньги, он заключил договор о выплате принципалу по его требованию суммы, эквивалентной той, которую он получил на руки»⁴².

Поэтому Пауэлл заключает: «Отношения между банкиром и клиентом по типу „должник—кредитор“, а не „попечитель—бенефициар“ или „ответственный хранитель—владелец имущества“, по всей видимости, рассматривались как установленный факт — очевидный, общепризнанный и практически непреложный»⁴³.

Взгляды на современное банковское дело

Изменение в юридическом статусе банкира постепенно позволило легализовать банковское дело с частичным резервированием, которое на Западе вскоре превратилось в священный институт. Вопросы о юридическом статусе взаимоотношений банкира и клиента или о том, должны ли банки хранить звонкую монету в количестве, равном всем требованиям вкладчиков, больше не поднимались. Напротив, вопросами практической важности стали выбор между здоровой и нездоровой банковскими практиками, а также уровень резервов, требующийся для сохранения доверия публи-

³⁹ Ibid., p. 68.

⁴⁰ Ibid., p. 72.

⁴¹ Ibid., p. 73.

⁴² Ibid., p. 72n.

⁴³ Ibid., p. 71.

ки. Термины «погашаемость» [*redeemability*] и «имущественный иск» [*claim of ownership*] перестали употребляться; в моду вошли «конвертируемость» [*convertibility*] и оптимальная «норма резервирования». Более того, в условиях системы с частичным резервированием «в практике современного банковского дела пассивы формируются преимущественно из обязательств до востребования или с краткосрочным уведомлением, а хранящихся в банке «наличных денег» достаточно для оплаты лишь *малой доли* этих обязательств⁴⁴.

Когда банковское дело с частичным резервированием было легализовано, реформаторы задались вопросом: есть ли такой равновесный уровень и норма резервирования, к которым все банки будут добровольно стремиться, сохраняя свою платежеспособность и доверие общества. Может ли «свободная банковская деятельность» без государственного регулирования уровня резервов и ограничений на создание филиалов обеспечить стабильный финансовый климат? Или же для того, чтобы удержать банки от чрезмерного занижения нормы резервирования, которое создало бы «бесконечную» денежную массу, вызвав самоуничтожение самих банков и всеобщую панику, необходимо вмешательство государства? Политики и экономисты искали ответ на эти вопросы на протяжении двух последующих столетий.

На некоторых критиков сильное влияние оказала история. Грандиозная экспансия банкнот, векселей, чеков и иных форм платежа в XVIII—XIX вв. создала повсеместные «антибанковские» настроения. В Англии политолог, экономист и философ Давид Юм, находясь на переднем крае борьбы по вопросам финансов и отстаивая позицию твердых денег, обвинял банковскую кредитную экспансию в том, что она вызывает рост цен внутри страны, что ставит Англию в невыгодное положение в международной торговле. На банковскую систему с частичным резервированием Юм возлагал вину за кредитные кризисы, падение вексельного курса и отток звонкой монеты. Он считал, что наиболее желателен такой банк, который поместит все деньги под замок и не будет заниматься ссудными операциями. По существу, он поддерживал систему со 100%-ным резервированием⁴⁵.

Реакция американцев на бумажные деньги

Американские колонии были наводнены бумажными деньгами, эмитируемыми властями штатов, а Война за независимость финансировалась неразменными «континенталиями». Ко времени принятия Конституции настрой

⁴⁴ Henry C. Simons, *Economic Policy for a Free Society* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), p. 319n.

⁴⁵ David Hume, *Political Discourses* (1752), pp. 43—45, 89—91 [См.: Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5 (эссе «О деньгах»; «О торговом балансе»)]. Ср.: Hume, *Banks and Paper Money, Financial Pamphlet*, v. 22. Юм оказал влияние на двух реформаторов-современников Патрика Мюррея Элибенка и Джозефа Харриса: Patrick Murray Elibank, *Essays* (1755), pp. 20—25; Joseph Harris, *An Essay Upon Money and Coins* (1757—1758), Part I, pp. 100—102.

против бумажных денег был столь силен, что подавляющее большинство делегатов конституционного конвента проголосовали за прямой запрет эмиссионной деятельности для властей штатов. Один из делегатов конвента рассказывал: «В докладе редакционной комиссии содержался запрет штатам лишь на эмиссию без согласия конгресса; но конвент испытывал такой ужас перед бумажными деньгами, что делегаты настояли на абсолютном запрете»⁴⁶. Среди сторонников более строгого варианта были Джеймс Мэдисон, Губернер Моррис, Роберт Моррис и Джордж Мэйсон. В окончательной редакции Конституция США гласит: «Ни один штат не может... чеканить монету, выпускать кредитные билеты, допускать уплату долгов чем-либо, кроме золотой или серебряной монеты» (статья I, раздел 10).

Конституционный конвент также обсуждал вопрос о том, должно ли федеральное правительство иметь право на эмиссию кредитных билетов, которые формально представляли собой инструмент краткосрочного заимствования, но зачастую становились узаконенными средствами платежа. В связи с этим затем была поставлена реальная проблема эмиссии бумажных денег федеральным правительством. Многие сторонники «твердых денег», до того выступавшие за запрет эмиссии бумажных денег законодательными собраниями отдельных штатов, отказались поддержать аналогичный запрет для федерального конгресса. Например, о Джордже Мэйсоне писали: «Несмотря на смертельную ненависть к бумажным деньгам, он не желал связывать руки законодательному собранию, поскольку не мог предвидеть всех чрезвычайных обстоятельств»⁴⁷.

Тем не менее конституционный конвент проголосовал против дозволения правительству «выпускать кредитные билеты». По поводу принятия этого решения Джеймс Мэдисон «с удовлетворением отметил, что вычеркнув эти слова, они не лишают государство права использовать государственные бумаги (public notes), если те будут безопасными и пристойными, а лишь исключают возможность использовать оные в качестве предлога для введения бумажной валюты и в частности для превращения кредитных билетов в узаконенное средство оплаты государственных или частных долгов»⁴⁸.

Вот что писал о конституционном конвенте Альберт Галлатин, бывший министром финансов при Томасе Джефферсоне:

«Авторы Конституции Соединенных Штатов находились под сильным впечатлением все еще живых воспоминаний о пагубном влиянии бумажных денег на собственность и моральный дух общества. Соответственно наша Конституция гласит, что ни один штат не должен чеканить монету, выпускать кредитные билеты, назначать что-либо, кроме золота и серебра, узаконенным средством оплаты долгов или принимать какие-либо законы,

⁴⁶ Max Farrand, ed., *The Records of the Federal Convention of 1787* (New Haven, 1937), Vol. III, p. 214.

⁴⁷ *The Madison Papers*, III (Washington, D.C., 1840), record of August 16, 1787, pp. 1343—1346.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 1346.

нарушающие договорные обязательства; полномочия чеканить деньги и, соответственно, регулировать их ценность (а также ценность иностранной монеты) тем же документом были возложены исключительно на конгресс. Указанный орган не имеет полномочий назначать что-либо средством оплаты частных долгов, из чего недвусмысленно вытекает, что лишь золотая и серебряная монета может быть узаконенным средством оплаты долгов и что конгресс не может разрешить оплату задолженности каким-либо видом бумажных денег... долгов... причитающихся к выплате Соединенным Штатам, или таких долгов со стороны Соединенных Штатов, которые могут, по особому договору, быть выплачены соответствующим видом бумажных денег.

По всеобщему мнению, положения Конституции обеспечивали абсолютную защиту от опасности бумажных денег. Учреждение банковской системы встретило энергичный отпор по самым разным резонам; но едва ли кто опасался, что свободно конвертируемые в звонкую монету банкноты (которые никого нельзя было принудить принять) могут выродиться в чисто бумажные деньги, более не обмениваемые по предъявлению на звонкую монету»⁴⁹.

Десятилетия спустя Даниэль Вебстер сходным образом высказывался в пользу денежной политики чистого металлического стандарта, по крайней мере на уровне федерации и штатов: «Не вызывает ни малейших сомнений, что в этой стране, ни при нынешнем правительстве, ни при каком-либо ином, не может являться узаконенным средством платежа ничто, кроме золота и серебра, либо отчеканенных на наших монетных дворах, либо иностранных монет по курсам, регулируемым конгрессом. Это конституционный принцип, абсолютно прозрачный и чрезвычайно важный. Штатам запрещено назначать средством оплаты долгов что-либо, кроме золота и серебра. И пусть в отношении конгресса такой запрет прямо не указан, но поскольку конгрессу не дано в этом отношении иных прав, кроме как чеканить монету и регулировать ценность иностранных монет, очевидно, что у него нет права заменять монеты бумажными деньгами или чем-либо еще в качестве узаконенного средства оплаты долгов и исполнения условий контрактов»⁵⁰.

Иными словами, взгляды большинства делегатов Конституционного конвента явно отражали подход с позиции «твердых денег», поддерживая концепцию 100%-ного металлического стандарта, по крайней мере в том, что касалось государства. Впрочем, хотя эмоциональный настрой явно не благоволил бумажным деньгам, в то время не было предпринято усилий к запрету эмиссии бумажных обязательств частными банками. На тот момент, однако, это упущение не было серьезным, поскольку в 1790 г. банковское дело в Америке только зарождалось. За предшествующее деся-

⁴⁹ Albert Gallatin, *Writings*, edited by Henry Adams (New York, 1960), Vol. III, pp. 235—236. Галлатин написал эти слова в 1831 г., после того как поработал министром финансов.

⁵⁰ Daniel Webster, цит. по: Chief Justice Salmon P. Chase, “Supreme Court Reports,” *Legal Tender Cases*, 12 Wall 586, Opinion of the Minority.

титлетие в Соединенных Штатах были учреждены лишь три банка — Банк Пенсильвании, Банк Нью-Йорка и Банк Массачусетса, и все они были «основаны на звонкой монете».

Антибанковские настроения в начале XIX в.

В 1790—1820 гг. количество банков с чартерами (лицензиями), выданными отдельными штатами, резко выросло. К 1800 г. в стране имелось 28 коммерческих банков, в 1811 г. их было 88. Поначалу в чартерах содержалось мало положений, ограничивающих банковскую деятельность, и к 1816 г. число банков штатов возросло примерно до 250. Учредители банков ожидали высокой доходности и занимались спекуляциями с недвижимостью и инвестициями в промышленные предприятия. Банки обыкновенно расширяли свои обязательства посредством выпуска банкнот, количество которых после войны 1812 г. резко возросло. Рассматривая этот период, Ротбард отмечает: «Эти банки были прежде всего эмиссионными учреждениями и управлялись на основе достаточно мягких принципов. Звонкой монетой оплачивалась лишь малая доля уставного капитала; широко распространена была практика, когда акционеры оплачивали акции банка собственными векселями, единственным обеспечением которых служили сами акции»⁵¹.

Неизбежным результатом стал стремительный рост цен, за которым последовал отток звонкой монеты в Новую Англию для оплаты импортных поставок и текстильной мануфактуры. Банки продолжали расширять эмиссию банкнот, что в августе 1814 г. привело к приостановке их размена на звонкую монету за пределами Новой Англии. Стремительный выпуск банкнот возобновился в 1815 г., причем «приостановку выплат звонкой монетой большинство банкиров считало благословением, поскольку в этих условиях не было нужды беспокоиться насчет отношения резервов в золоте и серебре к обязательствам»⁵². Последовавшая депрессия и паника 1819 г. вызвали массовое разорение банков на Западе и Юге. Несмотря на эти неудачи, банковское дело продолжало пользоваться популярностью у деловых людей и спекулянтов. К 1834 г. в США уже насчитывалось более 500 банков.

Именно в этот ранний период американской истории сформировались экономические и банковские взгляды сторонников и последователей Джефферсона и Джексона. Политические лидеры того времени, включая многих отцов-основателей, «в своих работах демонстрировали отличное и всестороннее знание классической политической экономии и были целиком и полностью привержены капитализму и свободному рынку, которым, по их

⁵¹ Murray N. Rothbard, *The Panic of 1819* (New York: Columbia University Press, 1962), p. 3.

⁵² Ross M. Robertson, *History of the American Economy* (New York: Harcourt, Brace & World, 1964), p. 161.

мнению, банковское дело с частичным резервированием только мешало»⁵³. Ротбард отмечает, что в этот период «в Америке имелось достаточно много сторонников „принципа денежной школы“ — банковского дела со 100%-ным резервированием и идеи о том, что фидуциарный банковский кредит является причиной цикла деловой активности — за несколько лет до того, как Томас Джоплин впервые сформулировал его в Англии. Быть может, одной из причин такого опережения стало то, что американцы, получив пользу от знаменитой английской дискуссии о слитках, посвященной проблемам неразменных бумажных денег, были вынуждены сражаться с инфляцией в условиях бумажных денег, размениваемых на звонкую монету, за несколько лет до англичан, которые окончательно вернулись к размену на звонкую монету лишь в 1821 г.»⁵⁴

Среди отцов-основателей, выражавших сильную неприязнь к банковской деятельности с частичным резервированием и симпатию к чистому металлическому стандарту, числились Томас Джефферсон и Джон Адамс. Джеймс Мэдисон, симпатизировавший сторонникам твердых денег, считал бумажные деньги теоретически лучше звонкой монеты, но высказывался за жесткое ограничение их эмиссии, опасаясь их обесценения.

Особенно резко против *всякой* эмиссии бумажных денег выступал Томас Джефферсон. Паника 1819 г. лишь укрепила его подозрительность к банковскому делу. Джефферсон разработал план, прямо нацеленный на «вечный запрет банковских бумаг», который был вынесен на рассмотрение законодательного органа штата Виргиния его другом Уильямом Ривзом. План предусматривал полный отказ от банкнот через пять лет⁵⁵. Джефферсон пришел к выводу о том, что ни правительству штата, ни федеральному правительству нельзя предоставлять права учреждать банк или эмитировать бумажные деньги. Он выступал за денежное обращение, состоящее исключительно из звонкой монеты⁵⁶.

По этому вопросу Джон Адамс искренне соглашался со своим давним оппонентом. В письме Джону Тэйлору из Каролины Адамс ругал банки, обвиняя их в депрессии 1819—1820 гг. Он считал эмиссию бумажных денег сверх запаса звонкой монеты «воровством», чреватой экономической катастрофой. Адамс приводил в пример Массачусетс в 1775 г., когда система бумажных денег обрушилась, вскоре сменившись серебром⁵⁷. В 1811 г. в письме Бенджамину Ращу Адамс называл банковскую систему «корруп-

⁵³ Murray N. Rothbard, *The Case for a 100 Percent Gold Dollar*, p. 35.

⁵⁴ Rothbard, *The Panic of 1819*, p. 183.

⁵⁵ Jefferson to William C. Rives, November 28, 1819, in his *Writings*, T.E. Bergh, ed., (Washington, D.C.: Jefferson Memorial Association of the United States, 1904), XV, pp. 229—232.

⁵⁶ Jefferson to Charles C. Pinckney, September 23, 1820, in *ibid.*, XV, p. 279. См. также: Jefferson to Hugh Nelson, March 12, 1820, *ibid.*, p. 258; Jefferson to A. Gallatin, *ibid.*, November 24, 1818; December 26, 1820.

⁵⁷ John Adams to John Taylor, March 12, 1819, in Adams, *Works* (Boston: Little, Brown & Co., 1856), X, p. 375.

цией чистой воды»⁵⁸. Он также писал: «Каждый доллар, выпущенный банком в виде банкноты сверх количества золота и серебра в его хранилищах, представляет воздух [nothing] и поэтому по отношению к кому-то является жульничеством»⁵⁹.

Любимая книга Адамса на тему экономики, которую он перевел под руководством Томаса Джефферсона, была написана французским идеологом и экономистом графом Антуаном Дестютом де Траси. Де Траси называл бумажные деньги воровством и считал банки «исключительно порочными» организациями⁶⁰.

Аналогичных взглядов на бумажные деньги в этот период придерживался и сын Джона Адамса Джон Куинси Адамс. Будучи госсекретарем, он написал ответное письмо французу Питеру Полю де Гранду, самым лестным образом высказавшись о старой банковской системе Амстердама, при которой в обращении находились бумажные деньги на сумму, равную количеству звонкой монеты в хранилищах банка, и которые «всегда представляли (это количество и) не более»⁶¹.

Главным бастионом сторонников твердых денег была Виргиния. Помимо Томаса Джефферсона, среди них был и губернатор Томас Рэндольф, зять и близкий друг самого Джефферсона. Губернатор являлся убежденным сторонником использования золота в качестве счетной денежной единицы. Согласно Рэндольфу, ценность звонкой монеты относительно стабильна, а банковский кредит вызывает сильные колебания, в конечном счете приводя к панике. Губернатор, однако, не выступал против бумажных денег как таковых, но допускал их существование лишь при условии их конвертируемости в звонкую монету и гарантированного соответствия количеству звонкой монеты — иными словами, он стоял за систему 100%-ного резервирования⁶².

Еще одним известным виргинцем из числа сторонников программы чистого металлического стандарта был редактор ричмондского журнала «Enquirer» Томас Ритчи. Он критиковал бумажные деньги, неконвертируемые в звонкую монету, и писал редакционные статьи в поддержку строгого регулирования банковской деятельности. Еще один представитель штата, председатель Верховного апелляционного суда Виргинии Спенсер Роун утверждал, что «банки — зло первой величины» и от них следует требовать погашать банкноты звонкой монетой в любых обстоятельствах⁶³.

⁵⁸ John Adams to Benjamin Rush, August 28, 1811, *ibid.*, IX, p. 638.

⁵⁹ Adams to F. A. Vanderkemp, February 16, 1809, *ibid.*, IX, p. 610.

⁶⁰ Michael J. L. O'Connor, *Origins of Academic Economics in the United States* (New York: Columbia University Press, 1944), p. 28. См. также: de Tracy, *Treatise on Political Economy* (Georgetown, Washington, D. C., 1817).

⁶¹ John Quincy Adams to Peter Paul Francis de Grand, November 16, 1818, *Writings*, Worthington C. Ford, ed., (New York: Macmillan, 1916), VI, pp. 472—473.

⁶² Virginia General Assembly, *Journal of the House of Delegates, 1820—1821* (December 4, 1820), pp. 11—12.

⁶³ Murray N. Rothbard, *Panic of 1819*, pp. 137—140.

Одним из ведущих экономистов — сторонников твердых денег того периода был юрист из Балтимора Даниэль Рэймонд, написавший первый в Соединенных Штатах систематический трактат по экономической теории. Обсуждая разработанный Давидом Юмом механизм перетока звонкой монеты, Рэймонд писал, что банковский кредит вызывает рост цен, стимулирует чрезмерные спекуляции и оказывает неблагоприятное воздействие на торговлю. В идеале, считал он, банкноты нужно заменить национальной бумажной валютой, полностью (на 100%) обеспеченной звонкой монетой. По словам Рэймонда, эмиссия банкнот сверх металлического обеспечения представляет собой «колоссальное мошенничество»⁶⁴.

В Пенсильвании одним из наиболее ярких лидеров движения в поддержку металлических денег был влиятельный сенатор штата Конди Роге. Он прямо возлагал вину за цикл «бум—крах» на банковскую кредитную экспансию. Кроме того, Роге первым в Соединенных Штатах сформулировал положение о том, что наряду с банкнотами депозиты составляют часть денежной массы, чего не сумели понять представители британской денежной школы и что в конце концов привело к дискредитации закона Пиля 1844 г. Роге также с большим подозрением относился ко всем банкам, кроме тех, резервы которых по обязательствам до востребования составляли 100%⁶⁵.

В число лидеров антибанковского движения и сторонников за возврат к «здоровому» банковскому делу входили член палаты представителей от штата Теннесси Дэйви Крокетт (который называл всю банковскую систему «разновидностью надувательства в гигантском масштабе»), Эндрю Джексон, Мартин Ван-Бюрен, Генри Гаррисон и Джеймс Полк. Все они позднее в разное время становились президентами Соединенных Штатов.

Точка зрения многих из противников банков и сторонников ультратвердых денег периода Джексона—Ван-Бюрена сложилась во время штормовой банковской эпохи начала XIX в. «Сам Эндрю Джексон предвосхитил свою будущую оппозицию к банковскому делу, став пламенным лидером противников неразмениваемых на звонкую монету бумажных денег в Теннесси. Томас Харт Бентон (по прозвищу «Старина Слиток»), будущая правая рука Джексона по вопросам твердых денег в сенате, перешел на сторону твердых денег, лично соприкоснувшись с банковской деятельностью в Миссури во время паники. Будущий президент Джеймс Полк из Теннесси, которому предстояло стать пропрезидентским лидером в палате представителей в период президентства Джексона, а позднее учредить независимую казначейскую систему твердых денег, начал политическую карьеру в Теннесси в тот период, выступая за возобновление выплат звонкой моне-

⁶⁴ Daniel Raymond, *Elements of Political Economy* (Baltimore, Maryland: F. Luckas, Jr. and E. J. Coale, 1823), II, 132ff. См. также: *ibid.*, I, pp. 248—253. Первое издание (1820) называлось *Thoughts on Political Economy*.

⁶⁵ Pennsylvania Legislature, *Journal of the House*, 1820—1821 (January 15, 1821), pp. 252—268. См. также: Condy Raguet, *A Treatise on Currency and Banking* (2nd ed., 1840), pp. 68—69, где он упоминает Банк Амстердама и Банк Гамбурга, декларировавшие поддержание 100%-ного резервирования.

той. В тот же период Эймос Кендалл, позднее главный советник Джексона и его доверенное лицо в войне против банков, стал непримиримым врагом банков⁶⁶.

Аргументы против чрезмерных эмиссии банкнот и эластичности в целом относились к оттоку звонкой монеты. «Они (сторонники твердых денег) заявляли, что банки сначала расширяют предложение бумажных денег, вызывая рост цен и расцвет спекуляций, а этот факт приводит к оттоку звонкой монеты, после чего следуют сжатие, убытки бизнеса и банкротства»⁶⁷. Томас Ло заявлял, что «поскольку в некоторых случаях банки эмитируют банкноты в масштабах, пятикратно превышающих количество звонкой монеты в их распоряжении, при изъятии звонкой монеты объем банкнот приходится сжимать в пять раз»⁶⁸. Генри Ветэйк указывал, что чисто металлический стандарт привел бы к «сжатию (денежной массы) лишь в отношении один к одному»⁶⁹.

В начале 1830-х годов Уильям Гудж одобрительно писал о «банках твердых денег», приводя в пример Банк Гамбурга. Одной конвертируемости в металл недостаточно для того, чтобы избежать губительных колебаний кредита. Гудж верил в возврат к банкам твердых денег. От таких банков требовалось бы поддерживать 100%-ный уровень резервов в отношении депозитов до востребования, а их ссудная деятельность ограничивалась бы величиной их капитала⁷⁰.

Антибанковское движение в 1830-х годах

Дискуссии о повторном учреждении Национального банка США затронули ряд ключевых вопросов денежной политики и твердой валюты. Философски Джексон продолжал придерживаться мнения о необходимости восстановления «конституционных денег» — звонкой монеты, а не бумаги. Он наложил вето на билль о возобновлении чартера национального банка в 1832 г., а в 1833 г. вывел депозиты национального банка в специально отобранные банки с чартерами штатов.

Многие из сторонников Джексона выступали за отказ от банкнот мелкого достоинства, аргументируя это тем, что банкноты вытесняют из обращения монету. Инициатор этой идеи Уильям Гудж предлагал постепенно, за десять лет, отказаться от банкнот достоинством менее 100 долл. Эту меру поддерживали Галлатин и другие эксперты по вопросам денежного обращения, но она не имела особого успеха. Однако большинство желало отказа не от всех банкнот, а лишь от банкнот мелкого достоинства. «Горячие сто-

⁶⁶ Murray N. Rothbard, *Panic of 1819*, p. 188.

⁶⁷ Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory* (Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1945), p. 157.

⁶⁸ Thomas Law, *Address before the Columbian Institute in 1825* (published in 1828), p. 67.

⁶⁹ Henry Vethake, *The Principles of Political Economy* (1838), p. 181.

⁷⁰ William M. Gouge, *A Short History of Paper Money and Banking in the United States* (New York: B. & S. Collins, 1835), pp. 21—22, 172.

ронники этой идеи никогда не думали об исключительно металлическом денежном обращении», — писал Дорфман⁷¹. Но отказ от мелких банкнот предположительно сыграл бы важную роль в предотвращении паники и циклических колебаний.

В июле 1836 г., пытаясь успокоить спекулятивную лихорадку и восстановить «конституционную валюту», Джексон выпустил знаменитый циркуляр о звонкой монете, запретивший использование банкнот при покупке государственных земель на Западе. Вопреки ожиданиям, это привело к панике 1837 г. Президент Мартин Ван-Бюрен возложил вину за кризис на «чрезмерную эмиссию бумажных денег и иные механизмы формирования и наращивания кредита»⁷².

Современники относились к депрессии по-разному. В конгрессе имелась сильная оппозиция движению «твердых денег», которое многие считали чрезмерно рестриктивным, направленным против трудящихся и действующим в интересах богатых. Противники полагали, что возвращение к звонкой монете будет иметь крайне вредные дефляционные последствия. В военное время благоразумное использование неразменной валюты и кредит «необходимы» для того, чтобы распределить финансовое бремя на более продолжительный период времени⁷³.

После паники 1837 г. оппозиция банковскому делу настолько усилилась, что несколько штатов на какое-то время абсолютно запретили банки⁷⁴. Наиболее заметной рабочей партией Нью-Йорка в 1830—1840-х годах были радикалы «спичечники» (*Loco-Focos*)*, являвшиеся членами Партии равных прав. Будучи сторонниками Джексона, они выступали за отмену банкнот мелкого достоинства и законов о ростовщичестве и поддерживали Ограничительный закон Нью-Йорка, налагавший запрет на депозитные и учетные функции банков.

Самым ярким представителем «спичечников» был доктор медицины Джон Ветэйк, также участвовавший в деятельности «Антимонопольных демократов». Он активно выступал против лицензированных корпораций и монополий штата. «Спичечники» находились в меньшинстве и в 1836 г. организовали свою партию на уровне штата. На пост губернатора они выдвинули торговца из Буффало Исаака Смита, который считал термин

⁷¹ Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (New York: The Viking Press, 1949), Vol. II, p. 609.

⁷² Quoted in Dorfman, *The Economic Mind*, II, p. 613.

⁷³ *Ibid.*, II, p. 614.

⁷⁴ Harry E. Miller, *Banking Theories in the United States Before 1860* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1927), p. 21.

* Уничижительное прозвище в годы администрации Э. Джексона радикальной фракции отделения Демократической партии в Нью-Йорке, состоявшей в основном из ремесленников и рабочих. Фракция выступала за отмену бумажных денег, сокращение банковских привилегий и в защиту профсоюзов. Она получила свое прозвище после того, как 29 октября 1835 г. самочинно продолжила партийное собрание, в то время как ее противники прекратили выступления и покинули зал заседаний, выключив осветительные газовые горелки. Радикалы при помощи фосфорных спичек (*loco foco matches*) вновь зажгли свет и продолжили заседание.

«бумажные деньги» абсурдом и выступал за то, чтобы единственным настоящим средством обмена была звонкая монета.

В период паники 1837 г. «спичечную партию» возглавлял журналист из «Нью-Йорк Ивнинг Пост» Уильям Леггетт. Под его руководством «спичечники» пытались ликвидировать банкноты отдаленных банков. Они издали манифест против высоких цен на продукты питания и рекомендовали «трудящимся» отказываться от бумажных денег или требовать немедленного погашения всех банкнот, что, как они полагали, должно было привести к снижению цен. «Резолюция спичечников» из Партии равных прав гласила: «Решено: истинное средство, которое позволит снизить цены на все жизненно необходимые товары, состоит в том, чтобы каждый рабочий отказывался принимать бумажные деньги в оплату за свой труд или требовал от банков звонкую монету за все банкноты, которые ему заплатили». Говоря о размахе данного движения, Уильям Тримбл писал: «Сторонники идеологии „спичечников“ в других регионах страны отождествляли себя с местным прототипом в Нью-Йорке, и к тому же рассматривали банковские круги в том виде, какой они приняты в этой стране, бастионом привилегий, аналогичных привилегиям феодальной знати в Европе. Главная претензия прогрессивных демократов к кредитной системе — эмиссия банками бумажных денег, не погашаемых звонкой монетой»⁷⁵.

В начале 1840-х годов Джеймс Кокс, высказывавшийся в пользу чисто металлической валюты, соглашался с мнением Конди Рого о том, что депозиты и банкноты играют ту же роль, что и стандартные деньги. Он отмечал удобство бумажных банкнот по сравнению с «громоздкой» и «дорогой» природой звонкой монеты, но, несмотря на эти недостатки, высказывался за возврат к металлическим деньгам⁷⁶.

Британская денежная школа

Денежная школа в Англии возникла в 1820—1840 гг. в ходе дискуссий по вопросам конвертируемости, возобновлению платежей звонкой монетой и о роли Банка Англии. Первым «денежный принцип» сформулировал Томас Джоплин в 1826 г.⁷⁷ Другими членами этой школы, развившими взгляды Джоплина, были: Сэмюел Джоунс Лойд, Джордж Уорд Норман и Роберт Торренс. Лойд был банкиром и членом парламента (1819—1826);

⁷⁵ William Trimble, "Diverging Tendencies in New York Democracy in the Period of the Loco-focos," *American Historical Review*, №3, April 1919. См. также: Fitz-William Byrdsall, *History of the Loco-Foco or Equal Rights Party* (New York, 1842). Об Уильяме Лерретте см.: *A Collection of the Political Writings of William Leggett*, edited by Theodore Sedgewick, Jr. (New York, 1840).

⁷⁶ James Cox, *Metallic Money, Its Value and Its Function* (Philadelphia, Pennsylvania: Office of the Public Ledger, 1841), pp. 8—14. А. Галлатин также выступал за стандарт со 100%-ным резервированием: А. А. Gallatin, *Considerations, Etc.* (1831), p. 38.

⁷⁷ Thomas Joplin, *An Essay on the General Principles and Present Practice of Banking in England and Scotland* (London: Baldwin, 1826).

Норман также был банкиром, популяризовавшим термины «денежный принцип» и «банковский принцип»; Торренс же был отставным полковником и членом парламента (1831—1835). «Их главное утверждение заключалось в том, что для сохранения ценности [денежного] стандарта количество бумажных денег и монет в обращении не должно отличаться от количества денег, которое находилось бы в обращении в том случае, если бы деньги были исключительно металлическими»⁷⁸. Денежная школа, признавая определенные недостатки в использовании в качестве денег звонкой монеты, все же считала золото и серебро идеалом. Как писал Норман: «Я считаю металлическое денежное обращение самым совершенным во всех отношениях, за исключением некоторого неудобства и издержек. Во всем остальном металлическая валюта — верх совершенства и должна быть образцом для всех прочих видов денежного обращения»⁷⁹.

Сильное влияние на школу оказали ранние работы Давида Рикардо, который в 1810 г. высказывался за возобновление Банком Англии платежей звонкой монетой. Решение, предлагаемое Рикардо, звучало так: «Средство, которое я предлагаю против всех зол нашего денежного обращения, состоит в том, что Банк Англии должен постепенно уменьшать количество своих банкнот в обращении до тех пор, пока ему не удастся уравнивать стоимость остатка (банкнот) со стоимостью монеты, которую они представляют, или, другими словами, пока цены золотых и серебряных слитков не сравняются с их монетной ценой»⁸⁰. Рикардо осознавал, что в результате таких дефляционных действий «самые губительные последствия лягут на промышленность и торговлю страны», но утверждал, что это — единственный «способ восстановить истинную и справедливую стоимость нашего денежного обращения». Если указанную политику проводить постепенно, то «будет ощущаться лишь незначительное неудобство», писал Рикардо. Явным образом он никогда не предлагал для Англии металлического стандарта со 100%-ным резервированием, скорее, он высказывался за простую конвертируемость. Пока цена слитков оставалась равной цене представляющих их банкнот, у Давида Рикардо, по-видимому, не было возражений против расширения эмиссии банкнот сверх количества звонкой монеты. Но Банк Англии не должен иметь дискреционных полномочий: «Лица, имеющие право выпуска бумажных денег, должны регулировать свои эмиссии, руководствуясь исключительно ценой слитков, а не количеством выпущенных ими в обращение денег»⁸¹.

⁷⁸ A. E. Feaveryear, *The Pound Sterling*, p. 244. См. также: Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory*, p. 75.

⁷⁹ Quoted in F. A. Walker, *Money* (New York: H. Holt, 1891), p. 420.

⁸⁰ David Ricardo, *The Works of David Ricardo* (London: John Murray, 1876), p. 287 [Рикардо Д. Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот // Рикардо Д. Соч. Т. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 78].

⁸¹ *Ibid.*, p. 403 [Рикардо Д. Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибыли Банка Англии, поскольку она связана с интересами государства и собственников капитала банка // Рикардо Д. Соч. Т. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 192].

Основатели денежной школы усвоили взгляды Рикардо: «Писатели из денежной школы явно и энергично противились какому бы то ни было дискреционному управлению денежным обращением»⁸². Однако по причине политической невыполнимости жесткая дефляционная мера по сокращению количества банкнот и монет до уровня, соответствующего 100%-ному стандарту, была отклонена. Закон Пиля 1844 г., всецело одобренный школой, призывал к тому, чтобы все *будущие* выпуски денег и валюты (монет и банкнот) увеличивались или уменьшались согласно увеличению или снижению количеств драгоценных металлов в стране, без малейших отклонений. Главной целью или направлением закона Пиля было достижение чистого золотого стандарта, но лишь через некий продолжительный период времени. Он не устанавливал чистый стандарт одномоментным декретом. Таким образом, отмечая, что денежный принцип требует полного обеспечения банкнот слитками (т.е. превращения их в сертификаты на слитки), закон Пиля о чартере Банка Англии 1844 г. «не следовал строго денежному принципу»⁸³.

Провал закона Пиля был обусловлен не какой-либо фатальной слабостью металлического стандарта со 100%-ным резервированием, а непониманием его сторонниками природы банковских депозитов и фактически создания банковского дела с частичным резервированием. Охотно признавая денежный характер банкнот и монет, они считали прочие заместители денег, такие как обращающиеся переводные векселя, депозиты и чеки, не реальными деньгами, а всего лишь «вспомогательными инструментами обращения», в силу этого не подпадающими под те же ограничения.

Сторонники «денежного принципа» прекрасно знали о существовании чековых счетов, отмечая, что многие банки уже даже не выпускают банкнот, но, к сожалению, не рассматривали эти счета как деньги *per se*⁸⁴.

Например, Норман «сильно недооценивал важность депозитов»⁸⁵. Лойд отрицал, что они являются деньгами: «Эмиссионному банку доверено создание средства обращения»⁸⁶. Дело депозитного и учетного банков — заниматься *использованием, распределением или приложением* этого средства обращения». По-видимому, названные авторы не сумели понять механизм, посредством которого, с помощью системы кредита или учета векселей, банковская система с частичным резервированием может создавать фидуциарные деньги. Таким образом, «неспособность распознать глубинное сходство банкнот и банковских депозитов» обрекло на провал усилия денежной школы по установлению в Англии чистого золотого стандарта⁸⁷.

⁸² Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory*, p. 77.

⁸³ A. E. Feaveryear, *The Pound Sterling*, p. 253.

* Зд.: в чистом виде (лат.). — *Прим. ред.*

⁸⁴ *Ibid.*, p. 249—250.

⁸⁵ Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory*, p. 79.

⁸⁶ S. J. Loyd, *Reflections Suggested by a Perusal of Mr. J. Horsley Palmer's Pamphlet on the Causes and Consequences of the Pressure on the Money Market* (1837), p. 43.

⁸⁷ Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, p. 369 [*Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения*].

В отличие от авторов закона Пиля и экономистов денежной школы представители банковской школы во главе с Томасом Туком, Джоном Фуллартоном и Джеймсом Уилсоном полностью сознавали экономическую мощь банковских депозитов и их способность создавать деньги. Банковская школа считала денежный принцип излишним вмешательством государства в банковскую систему. Вместо этого, до тех пор пока поддерживается размен на звонкую монету, банковская школа высказывалась в пользу «свободной банковской деятельности». Как писал защитник свободной банковской деятельности сэр Генри Парнелл, «именно неослабевающий спрос на монеты, которые одни банки запрашивают у других, обеспечивает действенность принципа конвертируемости. Ничто так не подстегивает ранний и активный спрос на золото, как избыток бумажных денег или их обесценение»⁸⁸.

Парнелл и другие представители банковской школы указывали на устойчивую систему шотландских банков, которые отличались высокой конкуренцией и были приучены регулярно погашать звонкой монетой банкноты провинциальных банков⁸⁹. В общем, банковская отрасль должна быть «абсолютно свободной от вмешательства со стороны законодателей», в том числе по вопросам резервных требований. В такой ситуации (и при условии сохранения конвертируемости) чрезмерная эмиссия банкнот невозможна. Этот взгляд, однако, отнюдь не поддерживал систему 100%-ного резервирования. Напротив, банковская школа утверждала, что система с частичным резервированием, сдерживаемая сильной конкуренцией, обеспечивает необходимую «эластичность» [предложения денег], чтобы самым лучшим образом приспособиться к нуждам бизнеса и торговли.

Экономическая мысль периода Гражданской войны

В Америке с конца 1850-х по 1880-е годы экономисты — сторонники твердых денег были заняты преимущественно внутренними монетарными проблемами, связанными с Гражданской войной. Реалии новых «гринбеков» и движение за бесплатное серебро отодвинули в сторону проблемы «идеального» денежного стандарта. И хотя экономисты комментировали время от времени движение за реформу денежного обращения в Англии, «довольный спрос на денежное обращение на основе „твердых денег“... практически сошел на нет»⁹⁰.

Тем не менее несколько экономических обозревателей продолжали писать о проблемах внедрения твердой валюты. Самым ярким сторонником твердых денег из числа тех, что писали на эту тему в конце 1850-х — начале

⁸⁸ Sir Henry Parnell, "Observations on Paper Money, Banking and Overtrading, including those parts of the evidence taken before the Committee of the House of Commons which explained the Scotch System of Banking," Pamphlet (1827), p. 88.

⁸⁹ Адам Смит, выступавший за «свободное банковское дело», благожелательно писал о Шотландской системе. См: Adam Smith, *The Wealth of Nations*, pp. 281—282 [Смт А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 308—309].

⁹⁰ Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory*, pp. 212—213.

1860-х годов, был бостонский торговец Чарльз Кэррол. Часто публикуясь в «Хантс Мерчантс Мэгэзин», Кэррол отстаивал «bullion banking», требующее 100%-ного обеспечения обязательств до востребования драгоценными металлами или полновесной монетой. Он выступал за то, чтобы вместо доллара (который служил источником «ложных монетарных идей») счетной денежной единицей стала тройская унция золота или серебра. Согласно Кэрролу, в качестве денег в обращении должны находиться лишь полновесные монеты с обозначением их веса и чистоты, а также полностью обеспеченные монетные сертификаты. Кэррол резко критиковал бумажные деньги с частичным резервированием. Создание денежных знаков из «банковского долга», являющееся причиной высоких цен и процентных ставок, он называл «фатальным принципом». Кэррол обвинял Банк Англии во введении банковского дела с частичным резервированием и хвалил Францию за приверженность использованию золотых монет⁹¹.

В этот период Стивен Колвэлл критиковал частичное резервирование, отмечая, что, поскольку активы банков недостаточно ликвидны для удовлетворения крупных погашений банкнот и депозитов, складывающееся положение дел неприемлемо. Поэтому он предлагал вести два отдельных счета — «один для денег, один для кредита»⁹², причем деньги погашались бы по требованию. «Банкноты, подлежащие погашению по первому требованию, не должны выпускаться в количествах больших, чем фактическое наличие звонкой монеты в банке», подчеркивал Колвэлл⁹³. С другой стороны, кредит погашался бы лишь по истечении срока.

«Выдающаяся личность в финансах, политике и академической науке» периода Гражданской войны генерал Амаза Уолкер был одним из наиболее бескомпромиссных критиков банковского дела с частичным резервированием, которое он называл системой «смешанной валюты». В ставшей чрезвычайно популярной книге «Наука о богатстве» он приводил пространные аргументы против банковского дела с частичным резервированием. Как об альтернативе, он одобрительно высказывался о «депозитных банках» прошлого в Италии, Амстердаме и Гамбурге, которые занимались «купеческой валютой»⁹⁴.

Уолкер бескомпромиссно противостоял неразменным бумажным деньгам. Он полагал, что свободная банковская деятельность должна быть разрешена лишь в той мере, в какой «эмитируется лишь количество банкнот, эквивалентное количеству монеты», и что «не должно проводиться иных

⁹¹ Charles Holt Carroll, *Organization of Debt Into Currency and Other Papers* (Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand Co., 1964), Edward C. Simmons, ed., pp. xi—xiv. См. также: Carroll, “The Currency and the Tariff,” *Hunt’s Merchants’ Magazine and Commercial Review*, XXXIII (August, 1855), pp. 1919—1999; in *ibid.*, p. 12.

⁹² Stephen A. Colwell, *The Ways and Means of Payment* (2nd ed., 1860), p. 493. Ср. pp. 482—483, 488, 632.

⁹³ *Ibid.*, p. 495; 11—12, 368.

⁹⁴ Amasa Walker, *The Science of Wealth*, pp. 184—223. См. также: Dorfman, *The Economic Mind*, Vol. III, pp. 50—54.

эмиссий, помимо обеспеченных имеющейся на руках звонкой монетой»⁹⁵. Банкам было бы разрешено «ссужать» («discount») средства клиентов, желающих одолжить деньги, но данная функция была бы отделена от депозитной. Также банки могли бы «эмитировать банкноты для обращения» при 100%-ном резервировании. Таким образом, Уолкер совершенно корректно говорил о «банках депозитном, учетном и оборотном», но не о «банке смешанной валюты»⁹⁶. Уолкер считал, что *депозиты* вызывают гораздо большее подозрение и играют большую роль в обрушении спроса на кредиты и займы, чем банкноты. Дорфман считал это «самым значительным вкладом в денежную теорию»⁹⁷.

Генерал Уолкер, Чарльз Кэррол, Гамалиел Брэдфорд, Генри Бронсон и Ф. А. Уолкер (первый президент Американской экономической ассоциации и сын Амазы Уолкера) одобрили введение в Англии закона Пиля 1844 г., но критиковали его за то, что наряду с банкнотами он не охватывал депозиты⁹⁸.

В этот период в континентальной Европе два немецких экономиста, Филип Йозеф Гайер и Иоганн Людвиг Телькампф, являлись представителями «наиболее жесткого крыла денежной школы» и рассматривали банкноты «лишь в качестве более удобного способа перемещения и транспортировки денег»⁹⁹. В частности, Гайер проводил различие между банкнотами необеспеченными и полностью обеспеченными. Согласно этому экономисту, лишь последние представляют собой «реальный» экономический фактор производства, в то время как необеспеченные банкноты — «искусственный» капитал, вызывающий циклическое поведение экономики. Гайер выступал против предоставления банкам свободы эмитировать банкноты, но одобрял депозитную банковскую деятельность. Он критиковал закон Пиля за то, что «он не доводил денежный принцип до конечных логических следствий. Закон должен был либо запретить любые необеспеченные банкноты вообще, либо сделать так, чтобы те сравнялись с идеей денежного капитала. Не сделав ни того, ни другого, закон не мог предотвращать кризисы...»¹⁰⁰

После Гражданской войны одним из немногих чиновников в правительстве США, одобрявшим чистый металлический стандарт, был сотрудник Пробирной палаты США в Нью-Йорке Исая Сильвестер. В брошюре «Сер-

⁹⁵ Ibid., p. 231.

⁹⁶ Amasa Walker, *Nature and Uses of Money and Mixed Currency* (Boston: Crosly, Nichols & Co., 1857), pp. 20—21, 52.

⁹⁷ Dorfman, *The Economic Mind*, Vol. III, p. 54.

⁹⁸ См.: Gamaliel Bradford, “Lombard and Wall Street,” *North American Review* (XIX), 1874, pp. 333, 342, 355; “Three Systems of Currency,” *Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science* (1875), pp. 677—679. Henry Bronson, *The Money Problem* (1877), p. 15. F. A. Walker, *Money* (New York: H. Holt, 1891), pp. 470—471.

⁹⁹ Vera Smith, *The Rationale of Central Banking* (London: King, 1936), p. 112 [Смуть В. Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С. 190].

¹⁰⁰ Ibid., p. 111. См. также: Philip Joseph Geyer, *Banken und Krisen* (1865), pp. 33ff.

тификуты на слитки как денежные знаки» Сильвестер предложил сделать узаконенным средством платежа золотые слитки. На слитки выпускались бы бумажные сертификаты номиналом от 1 до 1000 долл. Эти сертификаты были бы на 100% обеспечены слитками, вес и чистота которых были бы удостоверены. Сильвестер также одобрял использование в качестве узаконенного средства платежа серебряных слитков, цена которых колебалась относительно цены золотых слитков в зависимости от спроса и предложения. В сущности, вместо более привычного биметаллического стандарта он предлагал ввести параллельный стандарт¹⁰¹. Впрочем, предложение Сильвестера, очевидно, не обратило на себя особого внимания в Вашингтоне.

Чистый металлический стандарт в XX в.

В XX в. денежная политика направлена на функционирование механизмов системы бумажных денег с частичным резервированием, в то время как золото занимает особое место в международных отношениях*. Из-за мощных дефляционных сил на Западе в 1933 г. рухнул золотодевизный стандарт, в рамках которого центральные банки по фиксированным курсам обменивали золотые слитки.

В такие периоды финансовых и социальных потрясений зачастую разрабатываются и предлагаются «идеальные» экономические программы. Например, именно в годы Великой депрессии 1930-х годов Ирвинг Фишер (а позднее чикагская школа) выдвинул концепцию «правила вместо власти», включающую в себя идеальную денежную систему декретных денег со 100%-ным резервированием.

Однако этот план 100%-ного резервирования никоим образом не подразумевал чистого товарного стандарта. В действительности Фишер считал золото «нестабильным». Тем не менее его правило 100%-ного резервирования учитывало многие из тех критических замечаний, которые выдвигались против современной банковской системы школой золотого стандарта. Отстаивая свою программу 100%-ного резервирования, Фишер писал, что она представляет собой «возврат от нынешней чрезвычайно странной и губительной системы выдачи в долг одних и тех же денег в восьми- или десятикратном размере к консервативной системе безопасного хранения, практиковавшейся ювелирами прошлого, когда те еще не начали неправомерно выдавать займы имущество, доверенное им для сохранения. Именно это злоупотребление доверием, сделавшись общепринятой практикой, и породило современное депозитное банковское дело. Правда, с точки зрения публичного порядка это все еще злоупотребление — пусть больше

¹⁰¹ Isaiah W. Sylvester, *Bullion Certificates as Currency* (New York: U.S. Assay Office, 1882).

* Книга впервые издана в 1977 г., а докторская диссертация автора, положенная в ее основу, написана до 1971 г.

и не доверием, но кредитной и депозитной функциями»¹⁰². Также Фишер сравнивал падение Банка Амстердама с современным банковским делом: «...единственная важная разница между злоупотреблением, которое в конечном счете погубило Банк Амстердама, и современным способом выдачи займы средств вкладчиков (которое едва не погубило капиталистическую цивилизацию) заключается в том, что современная система не является секретом и функционирует открыто, с согласия всех заинтересованных сторон, а также в том, что она якобы защищена юридическими или иными ограничениями, особенно в том, что касается резервов»¹⁰³.

Генри Саймонс из Чикагского университета, относящийся к плану Фишера весьма одобрительно, резко критикует современную банковскую практику и систему частичного резервирования. Согласно Саймонсу, банковское дело с частичным резервированием в высшей степени нестабильно: «Мы пришли к ситуации, когда кредит частных банков составляет лишь малую часть нашего общего эффективного средства обращения. Это означает экономику, в которой значительные нарушения равновесия запускают силы, по большей части лишь усугубляющие, а не корректирующие изначальную рассогласованность». В сноске Саймонс развивает свою мысль: «Любая финансовая система, в которой *одни и те же* средства одновременно и служат *инвестициями в промышленность и торговлю*, и составляют *ликвидные резервы наличности для частных лиц*, ведет к чрезвычайной экономической нестабильности. Наша финансовая система в значительной мере зиждется на иллюзии того, что в одно и то же время средства могут быть и доступны, и инвестированы, причем это касается как сберегательных банков (и в меньшей степени многих других финансовых учреждений), так и коммерческих банков, принимающих вклады до востребования»¹⁰⁴.

Оба экономиста, и Фишер, и Саймонс, считали, что в условиях системы частичного резервирования золотой стандарт нестабилен. Фишер отмечает: «Золотой стандарт, в смысле неограниченных обязательств по погашению бумажных денег золотом, аналогичен по дестабилизирующему воздействию 10%-ной системе [банковской системе с частичным резервированием] с ее неограниченными обязательствами по погашению безналичных денег наличными. Одну перевернутую пирамиду мы заменили другой, у которой из золота сделано лишь самое острие вершины»¹⁰⁵. Саймонс подкрепляет эту точку зрения: «Предпоследний шаг в сторону от идеальной финансовой системы приводит нас к такой системе, при которой все обязательства, подлежащие оплате ввиду наступления срока погашения (предъявленные к погашению) и приближающиеся к сроку погашения, по закону обязаны

¹⁰² Irving Fisher, *100% Money* (New Haven, Connecticut: The City Printing Co., 1945), pp. 18—19.

¹⁰³ *Ibid.*, pp. 35—36. Для сравнения, ранее Кнут Виксельс предложил похожую денежную систему, полностью основанную на кредите, назвав ее «чисто кредитная система». См.: Wicksell, *Lectures on Political Economy* (New York: Macmillan, 1935), pp. 87—122.

¹⁰⁴ Henry C. Simons, *Economic Policy for a Free Society*, pp. 55, 320n.

¹⁰⁵ Irving Fisher, *100% Money*, p. 188.

размениваться на определенный товар вроде золота, имеющийся запас которого составляет лишь незначительную часть тех сумм, которые кредиторы могут потребовать вернуть. И, наконец, наихудшая финансовая система реализуется, когда во многих странах с похожей финансовой практикой, одинаковыми институтами и аналогичной кредитной пирамидой (а также узконационалистической внешнеторговой политикой) один и тот же сырьевой товар действует в качестве денежного стандарта. Когда подумаешь об общем потенциальном спросе кредиторов на золото для тезаврирования (в 1929 г. и позже), кажется, что, даже обладая дьявольской изобретательностью, невозможно придумать финансовую систему, более подходящую для нашего экономического уничтожения»¹⁰⁶.

Фишер предложил банковское дело со 100%-ным резервированием фидуциарного средства обращения, привязаного к индексу сырьевых товаров. В 1930-х — начале 1940-х годов эта идея была достаточно популярной, ее обсуждали политические и экономические обозреватели. Впрочем, по мере постепенной стабилизации банковской системы и укоренения системы федерального страхования депозитов популярность предложенного плана мало-помалу сошла на нет¹⁰⁷.

Хотя западная денежная система все дальше и дальше отходила от золота как от центрального денежного стандарта, голоса продолжателей традиции твердых денег не умолкали. Большинство из них желало возвращения к золотодевизному стандарту, действовавшему до 1933 г. и восстановления размена на звонкую монету в качестве достаточного условия и средства сдерживания инфляционной экономической политики правительств Запада. Среди сторонников такого подхода числились, среди прочих, Уолтер Спар и Национальный комитет экономистов по вопросам денежной политики, Людвиг фон Мизес, Генри Хэзлит, Лайонел Роббинс, Жак Рюефф, Мельхиор Палий и Ганс Сеннхольц¹⁰⁸. В противоположность их взглядам по вопросу чистого золотого стандарта со 100%-ным резервированием Фридмен отмечает, что система со 100%-ным резервированием «...не является системой, которую поддерживает большинство сторонников золотого стандарта. Также это не та система, которая преобладала даже в самые безмятежные годы золотого стандарта в XIX в., когда к ней в значительном количестве примешивались фидуциарные элементы, а управление было вполне сознательным. И еще дальше она отстоит от номинального золотого стандарта, который существовал в США со времен Первой мировой войны до 1933 г., не говоря уже о периоде с 1934 г. В течение указанного времени

¹⁰⁶ Henry C. Simons, *Economic Policy*, p. 168.

¹⁰⁷ См.: A. G. Hart, "The 'Chicago Plan' of Banking Reform," *Review of Economic Studies*, II (1934—1935), pp. 104—116.

¹⁰⁸ См.: Walter E. Spahr and James Washington Bell, eds., *A Proper Monetary and Banking System for the United States* (New York: Ronald Press, 1960). Henry Hazlitt, *What You Should Know About Inflation* (New York: Funk & Wagnalls, 1965), pp. 58—61. Jacques Rueff, *The Monetary Sin of the West* (New York: Macmillan, 1972). Hans Sennholz, *Inflation or Gold Standard?* (Lansing, Mich.: Constitutional Alliance, 1975).

у нас не было никаких преимуществ полноценного золотого стандарта, зато многие из его недостатков оказались существенно усилены»¹⁰⁹.

Одним из немногих сторонников полноценного золотого стандарта был публиковавшийся в 1930—1940-х годах экономист Элджин Гроусклоуз, который высказывался в пользу золотого стандарта со 100%-ным резервированием в основном с точки зрения морали. Он рассматривал практику ювелиров относительно «использования средств, внесенных на депозит, в личных интересах и для извлечения прибыли» как «в значительной мере нездоровую, если не сказать бесчестную и мошенническую»¹¹⁰. Согласно Гроусклоузу, смешивание депозитной функции и функции по созданию денег сохраняет ложное чувство того, что «мы можем и иметь пирожное, и съесть его». Он выступал за отказ от действующих принципов банковского дела с частичным резервированием и замену его депозитным и инвестиционным банковским делом со 100%-ным резервированием.

Профессор Ф. Хайек в сочинениях 1930-х годов также выражал крайнюю симпатию к чистому золотому стандарту со 100%-ным резервированием и пытался доказать превосходство такой денежной системы по сравнению с действующей в то время смешанной системой золотого стандарта с частичным резервированием. Высказывая взгляды, близкие к принципу денежной школы, он писал: «Возможным, хотя, пожалуй, и несколько фантастичным решением представляется пропорциональное снижение золотых эквивалентов всех возможных денежных единиц разных стран в такой мере, чтобы все деньги во всех странах оказались бы на 100% обеспечены золотом. Начиная с этого момента денежную массу каждого государства можно будет менять лишь пропорционально изменению количества золота в стране»¹¹¹. В данном контексте Хайек рассматривает экономику «чисто металлической валюты», где имеются две страны, каждая из которых использует металлические монеты, которые «свободно и без издержек обмениваются друг на друга на монетных дворах». В рамках описанной модели Хайек развивает международную экономику такой системы и показывает, каким образом она могла бы быть стабильной. Изменение спроса в международной торговле «затронет цены и доходы конкретных физических лиц и конкретных отраслей промышленности, и последствия не будут принципиально отличаться от тех, которые вызываются сдвигами в спросе между различными отраслями промышленности или местностями»¹¹². В отношении актуальной для реального мира проблемы оттока драгоценных металлов Хайек, по-видимому, считал лекарством 100%-ное резервирование: «Единственно действенным средством было бы поддержание достаточно больших резервов, чтобы позволять им колебаться в полных пределах воз-

¹⁰⁹ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 81.

¹¹⁰ Elgin Groseclose, *Money and Man* (New York: Frederick Ungar, 1961), p. 178. Первое издание вышло в 1934 г. под названием «Money: The Human Conflict».

¹¹¹ F. A. Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability* (New York: Longmans, Green, 1937), pp. 81—82.

¹¹² *Ibid.*, pp. 4—9, 20—34.

можного изменения общего количества средства обращения в стране, т.е. как если бы принципы закона Пилля 1844 г. можно было применить ко всем формам денег, включая прежде всего банковские депозиты»¹¹³.

Впрочем, в заключение Хайек приходит к выводу, что такой план оказался бы «несколько непрактичен», хотя и добавляет, что это было бы шагом «в верном направлении»¹¹⁴. Главными недостатками золотого стандарта даже в его чистой форме были бы внезапные изменения в производстве золота или спроса на него, а также проблема банковских уловок и сверхестественная способность банков уклоняться от выполнения правила о 100%-ном резервировании.

Чуть позже Хайек полностью отказался от чистого золотого стандарта в пользу составного товарного стандарта, при котором запас денег будет расширяться или сжиматься в соответствии с индексом сырьевых товаров¹¹⁵. Позднее в 1970-х годах он отстаивал «денационализацию» государственной монополии на деньги и конкурентное обращение валюты, выпущенной частным образом¹¹⁶.

Профессор Милтон Фридмен — еще один известный экономист, с симпатией относящийся к чистому товарному стандарту. В главе «Почему это государство должно вмешиваться в вопросы денежной политики и банковского дела?» своей книги «Программа финансовой стабильности» Фридмен затрагивает базовые вопросы о деньгах, созданных рынком, в отличие от денег, созданных государственным декретом. Как и в большинстве экономических вопросов, Фридмен скептически относится к государственному вмешательству: «Контроль над денежной политикой и банковским делом — власть, которую особенно опасно вверять государству, поскольку это имеет далеко идущие последствия для экономической жизни в целом, что трагически демонстрируют многочисленные эпизоды с разных концов Земного шара, с древнейших времен и до сегодняшнего дня». Вследствие этого Фридмен «вовсе не уверен в том, что государство должно контролировать денежное обращение»¹¹⁷.

Фридмен, в философском единении с Фишером и Саймонсом, обвиняет нынешнюю банковскую систему во «встроенной нестабильности». Он заявляет: «При данном количестве денег повышенной эффективности решение владельца денег конвертировать депозиты в наличные ведет к сокращению

¹¹³ Ibid., p. 33.

¹¹⁴ Ibid., p. 83.

¹¹⁵ F. A. Hayek, “A Commodity Reserve Currency,” *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp. 209—219 [Хайек Ф. Резервная валюта с товарным обеспечением // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2010. С. 249—260].

¹¹⁶ Hayek, *The Denationalization of Money* (London: The Institute of Economic Affairs, 1976) [Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]. Критику товарного индекса и денационализации по Хайеку см.: Rothbard, “The Case for a Genuine Gold Dollar,” in *The Gold Standard*, edited by Llewellyn H. Rockwell, Jr. (Lexington, Mass: Lexington Books, 1985), pp. 2—7.

¹¹⁷ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 4.

денежной массы; решение обратить наличные в депозиты — к ее росту». Та же проблема возникает при перемещении средств между различными типами депозитов, отличающимися требованиями к резервированию. Согласно Фридмену, Федеральный резерв пытается внедрить «компенсирующие изменения», но безуспешно¹¹⁸.

В качестве альтернативы этой «нестабильной» системе Фридмен все-рез рассматривает рыночное решение «чистого товарного стандарта», при котором все денежные единицы представляют собой физические единицы товара или настоящие складские квитанции на этот товар. По поводу «полного золотого стандарта» Фридмен пишет: «Величайшее достоинство полного золотого стандарта, при котором все деньги состоят из золота или складских квитанций на золото, кроме, быть может, фиксированной фидуциарной эмиссии, будет заключаться в полном автоматизме и свободе от контроля со стороны государства». В то же время Фридмен указывает, что такой стандарт «будет весьма затратным как по ресурсам, расходуемым на добычу золота, так и в силу ценовых движений, проистекающих из изменения относительной стоимости производства золота и остальных товаров»¹¹⁹. По причине указанных издержек, а также в силу отсутствия в западных странах широкой поддержки чистого стандарта Фридмен отвергает золотой стандарт со 100%-ным резервированием.

В другой работе Фридмен поясняет: «Если бы автоматический товарный стандарт был осуществим, он стал бы отличным решением либеральной дилеммы о том, как получить стабильную денежную структуру, не подвергаясь опасности безответственного злоупотребления финансовыми полномочиями. Полный товарный стандарт — например, кристально честный золотой стандарт, при котором 100% денег состояли бы в буквальном смысле из золота, — широко поддерживаемый обществом, пропитанным мифологией золотого стандарта и верой в то, что государственное вмешательство в его работу аморально и неправильно, обеспечил бы эффективный контроль против топорных манипуляций государства с денежным обращением, а также против безответственных финансовых действий. При таком стандарте финансовая власть государства оказалась бы весьма незначительной»¹²⁰.

Однако, согласно Фридмену, высокие издержки добычи золота создают сильные стимулы для введения фидуциарных элементов. Соответственно он делает вывод: «Я заключаю, что автоматический товарный стандарт не является ни осуществимым, ни желательным решением проблемы создания денежной структуры свободного общества. Он нежелателен, потому что сопряжен со значительными издержками в виде ресурсов, используемых для производства денежного товара. Он неосуществим, поскольку отсут-

¹¹⁸ Ibid., pp. 67—68.

¹¹⁹ Ibid., p. 81.

¹²⁰ Milton Friedman, “Should There be an Independent Monetary Authority?” in Yeager, ed., *Monetary Constitution*, pp. 221—222.

ствуют мифология и вера, необходимые для его эффективной работы»¹²¹. Вместо чистого товарного стандарта Фридмен, наряду с Ирвингом Фишером и другими экономистами, выступает за фидуциарный стандарт со 100%-ным резервированием под патронажем Федеральной резервной системы¹²².

Возрождение металлического стандарта со 100%-ным резервированием?

Экономический опыт, приобретенный Западом в последние десятилетия, возродил интерес к идее 100%-ного резервирования — как в качестве инструмента денежной политики, так и в качестве экономической системы. Инфляционная рецессия 1970-х — начала 1980-х годов, самое глубокое падение экономической активности в мире со времен Великой депрессии 1930-х годов, а также наблюдаемые одновременно высокие темпы инфляции и безработицы в сочетании с вереницей финансовых и валютных кризисов привели к пересмотру фундаментальных неоклассических принципов денежной и фискальной экономической теории.

Самым выдающимся экономистом последних лет, выступающим за строгий и развитый металлический стандарт, является профессор Мюррей Ротбард, чьи работы становятся все более популярными среди сторонников твердых денег и инвесторов. В статье, опубликованной в 1962 г. в сборнике Леланда Игера «В поисках денежной конституции» (в котором также представлены взгляды Джеймса Бьюкеннена, Милтона Фридмена и Артура Кемпа), Ротбард впервые высказался в поддержку «полного, неограниченного золотого стандарта», несмотря на отсутствие в то время популярности этой идеи среди экономистов¹²³. Он выступал не только за то, чтобы положить золото в основу международных сделок, но и за «подлинный золотой стандарт внутри страны». Ротбард серьезно критиковал «группу нынешних сторонников золотого стандарта, опрометчиво призывающих фактически к восстановлению статус-кво предшествующего 1933 г.», которое, по мнению Ротбарда, имело фатальные недостатки, «в конечном итоге приведшие к его разрушению в 1933 г.»¹²⁴

Предлагая идею металлического стандарта со 100%-ным резервированием в качестве мирового денежного стандарта, Ротбард преследовал цель очертить «денежную политику... действительно совместимую со свободным рынком в самом полном и широком значении этого понятия», а с ним совместимы, по мнению Ротбарда, лишь деньги, основанные на звонкой

¹²¹ Ibid., pp. 223—224.

¹²² Milton Friedman, “How 100% Reserves Would Work,” in Yeager, *Monetary Constitution*, pp. 69—70.

¹²³ Murray Rothbard, “The Case for the 100 Per Cent Gold Dollar,” in Yeager, ed., *Monetary Constitution*; См. эту статью также в: *The Gold Standard, op. cit.* pp. 1—17. См. также: Rothbard, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson and Snyder, 1983), pp. 249—269.

¹²⁴ Murray Rothbard, “The Case for the 100 Per Cent Gold Dollar,” p. 1.

монете и полностью, на 100%, ею обеспеченные. Ротбард исповедует подход абсолютного невмешательства в сферу денег, утверждая, что деньги можно полностью освободить от манипулирования со стороны государства. Данная мысль в значительной степени является отступлением от традиции. Хотя традиционные приверженцы чистого золотого стандарта в целом выступают за ограничение роли государства в денежных вопросах, в большинстве своем они поддерживают сохранение в руках государства определенных полномочий, направленных на усиление рыночной денежной системы. В частности, это касается гарантирования чистоты и веса, запрета мошенничества и т.д. Кроме того, большинство выступает против чеканки монет частными лицами и предприятиями.

Ротбард убежден в том, что именно система частичного резервирования в значительной степени виновата в инфляционных рецессиях недавнего прошлого или по меньшей мере в создании условий, в которых «инфляционная рецессия» может возникнуть. Поэтому его тезис особенно актуален для текущего периода истории денег. Развивая взгляды Саймонса и Фриденмена относительно «нестабильной» природы современного банковского дела, Ротбард утверждает, что банковская система с частичным резервированием в сочетании с расширением фидуциарной эмиссии вызывает цикл «бум—крах».

Выводы

Мировая денежная система началась с товарных денег, утвердившихся на рынке в течение столетий. В конечном счете драгоценные металлы — золото и серебро — будь то в форме слитков или полновесной монеты сделались основными повсеместно распространенными товарными деньгами.

Постепенно в денежную структуру были введены билонная монета, бумажные банкноты и банковские депозиты. Изначально новые инструменты служили в качестве «представительных денег» (или складских квитанций на реальные слитки или монеты на депозите) и их количество не превышало количества металла, которое они представляли. В скором времени, однако, такие квазиденьги стали выпускаться в количествах, намного превышающих представляемый ими металл. Таким образом в денежную систему оказались впервые включены фидуциарные элементы.

В случае банковских депозитов и чековой системы фидуциарный метод был косвенным и поначалу не осознавался. Ювелиры, привыкшие выдавать кредиты, стали первыми банкирами, совместившими депозитные и кредитные функции. В силу заменимости денег юридическая система оказалась неспособна распознать уникальную природу банковских денег и вследствие этого дала молчаливое согласие на банковскую деятельность с частичным резервированием.

Легализация этой основополагающей банковской практики, однако, не облегчила экономических кризисов, досаждающих Западной цивилизации, и не завершила поиски стабильной монетарной среды. Именно в периоды

критических экономических потрясений умы многих политических и экономических мыслителей занимали вопросы о реформировании системы, такие как предложение о металлическом стандарте со 100%-ным резервированием. Сторонники твердых денег обвиняли банки в спекулятивных бумагах и финансовых депрессиях, призывая к возврату «здорового» металлического стандарта, при котором банкноты и депозиты обеспечивались бы монетой на 100%.

Подобно всем прочим «идеальным» денежным реформам, идея металлического стандарта со 100%-ным резервированием чаще всего встречала поддержку или возрождалась в периоды денежной нестабильности — как, например, в периоды европейских банковских кризисов начала XVII в., когда на континенте были учреждены «депозитные банки»; во время экономических паник в Америке начала XIX в., когда сторонники президентов Джексона и Джефферсона возглавили «антибанковское» движение; во время английских дебатов о возобновлении размена бумажных денег на металл и о роли Банка Англии, когда денежная школа боролась за принятие закона Пиля 1844 г.; в период эмиссии гринбеков во время Гражданской войны в Америке, когда приверженцы твердых денег писали пространные статьи и книги в поддержку банковской деятельности со 100%-ным резервированием; во время Великой депрессии 1930-х годов, когда Хайек, Фишер и Саймонс пропагандировали преимущества банковской деятельности со 100%-ным резервированием; и уже в недавнем прошлом, в период экономических кризисов 1970-х — 1980-х годов, когда в стане сторонников твердых денег получила новое развитие концепция чистого золотого доллара. Во всех случаях исторические события приводили к движениям за реформирование системы в поддержку того или иного идеального денежного стандарта. Но, что не менее важно, при улучшении экономической ситуации эти идеальные стандарты, по всей видимости, всегда отходят на второй план.

ГЛАВА 3

ЭЛЕМЕНТЫ ЧИСТОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СТАНДАРТА

Функционирование металлического стандарта со 100%-ным резервированием складывалось на протяжении многих лет, и оно никоим образом не выглядит таким монолитным, как считают его сторонники. Однако различия касаются только механики, а не фундаментальных принципов, лежащих в основе системы со 100%-ным резервированием.

Фундаментальный принцип

Основополагающий принцип, разработанный денежной школой и другими сторонниками твердых денег в ходе дискуссий о золотом стандарте, состоит в следующем: деньги целиком и полностью должны состоять из полного веса товара, а все заместители денег — быть лишь требованиями на соответствующие количества денежного товара. Однако выбор в качестве базовых денег драгоценного металла, или золотых или серебряных слитков, не является произвольным. Золото избрано в качестве подходящей счетной единицы, потому что оно естественным образом выделилось в качестве наиболее эффективных денег на конкурентном рынке, вытеснив в течение столетий все другие товары, ранее использовавшиеся в качестве денег. Приверженцы 100%-ного резервирования рассматривают данный денежный стандарт в качестве последовательного рыночного подхода к вопросу о деньгах.

Отражая взгляды школы твердых денег, генерал Амаза Уолкер отмечает такие свойства золота и серебра, как стабильность ценности, портативность, ковкость, однородность, неразрушимость, повсеместный спрос, широкая распространенность, наличие в достаточном количестве и неуничтожимость при использовании¹. По мнению Уолкера, указанные характеристики золота и серебра доказывают их преимущество в качестве денег по сравнению со всеми остальными металлами или товарами.

Счетная денежная единица

Золото традиционно являлось наиболее важными деньгами; другие металлы, такие как медь и серебро, использовались для небольших сделок. Поскольку у золота с зарождения металлического стандарта цена тройской унции была наивысшей, оно естественным образом сделалось счетной

¹ Amasa Walker, *Science of Wealth*, pp. 127—129.

денежной единицей, или *numeraire*, в странах Запада. Фактически большинство из стран с действующим золотым стандартом в конце концов определяли свою валюту весом золотых слитков.

Некоторые сторонники твердых денег, такие как Чарльз Кэррол, Ж.-Б. Сэй и Мюррей Ротбард предлагали, чтобы в качестве счетной денежной единицы все национальные валюты (такие как доллар, франк, марка) были заменены тройской унцией. Ж.-Б. Сэй предпочитал использовать вес слитков вместо названий валют (хотя и не в связи с предложениями о 100%-ном резервировании): «Зачем давать название этой фиксированной, воображаемой ценности, которой деньги никогда не смогут обладать? Ибо что есть доллар, дукат, флорин, фунт стерлингов или франк; что, как не то или иное количество золота или серебра установленного стандарта качества? И в этом случае зачем давать соответствующим частям слитков какие-либо другие названия помимо естественных — веса и качества?»

«По закону пять *граммов* серебра являются эквивалентом *франка*, который есть то же самое, что пять *граммов* серебра. Таким образом, слово *франк* доносит до разума единственно понятие о пяти граммах серебра, которые в нем содержатся. Изменяет ли простой акт приписывания веса названия пшеницы, шоколада или воска? Фунт хлеба, шоколада или восковых свечей продолжает называться фунтом хлеба, шоколада или восковых свечей. Так почему бы и кусочку серебра весом в пять *граммов* не продолжать обозначаться этим термином? Почему бы просто не называть его пятью *граммами* серебра?»²

В заключении Сэй полагает такую замену весьма практичной, так как она демонстрирует бартерную природу обмена на всех рынках, и этот план также выявил бы «...систему, пропитанную обманом, несправедливостью и грабежом и, более того, сильно усложненную...»³

Почти столетия спустя Чарльз Кэррол, подписывавшийся как «торговец из Массачусетса», выступал против сбивающей с толку национальной денежной системы, призывая отказаться от доллара как денежной единицы в США, заменив его тройской унцией. Кэррол выражал уверенность в том, что ложные монетарные идеи порождены отделением денежной единицы от денежного материала⁴.

Мюррей Ротбард утверждает, что «на абсолютно свободном рынке золото бы обменивалось просто как „граммы“, граны или унции, и все эти сбивающие с толку названия, все эти „доллары“, „франки“ и т.д. были бы излишними»⁵. В другой работе он отмечает: «Товары на рынке обменивались согласно их весовым единицам, и золото с серебром не были исключением. Когда кто-либо продавал медь, чтобы купить золото и впоследст-

² J. B. Say, A Treatise on Political Economy, or the Production, Distribution and Consumption of Wealth (Philadelphia, Pa.: Claxton, Remsen, & Haffenfinger, 1880), p. 256.

³ Ibid., p. 257.

⁴ Charles H. Carrol, *Organization of Debt*, p. xiii.

⁵ Murray Rothbard, *What Has Government Done to Our Money?* (Santa Ana, Calif.: Rampart College, 1974). [*Ротбард М.* Государство и деньги. С. 24.]

вии купить масло, он продавал *фунты* меди за *унции* или *граммы* золота, чтобы купить фунты масла. Следовательно, в условиях свободного рынка денежная единица — счетная единица страны — естественным образом возникала как вес денежного товара, например унция серебра или грамм золота»⁶.

Параллельные стандарты или биметаллизм?

На протяжении всей истории денег золото становилось наиболее важной счетной денежной единицей, но лидирующая роль в качестве товарных денег всегда принадлежала серебру, и в некоторых странах его предпочитали золоту. Наличие двух (или более) видов товарных денег порождает извечный вопрос о том, каким образом следует оценивать их ценность в рамках денежной системы. Должно ли серебро быть привязано или зафиксировано по отношению к золоту, или же ему нужно позволить иметь плавающий курс в соответствии с рыночными силами спроса и предложения?

Большинство сторонников металлического стандарта предпочитали параллельные золотой и серебряный стандарты биметаллизму, при котором обменный курс между двумя металлами зафиксирован на произвольном уровне. Параллельные стандарты означали бы свободно плавающие обменные курсы между золотом и серебром. На рубеже веков Уильям Бро называл такую систему «свободным металлизмом» и писал, что «еще ни одному правительству не удалось удержать фиксированный курс между золотом и серебром; усилия, затрачиваемые на достижение этой цели, обыкновенно лишь нарушали естественное ценообразование, снижали эффективность денег и замедляли промышленный прогресс». Золоту и серебру нужно позволить «обращаться независимо», так чтобы «оба металла можно было одновременно и в границах одной страны привлечь к эффективной работе в рамках денежной системы». Бро также заявлял, что в качестве денег можно использовать и другие металлы, если они выполняют экономическую функцию⁷.

Ж.-Б. Сэй следующими словами выражает согласие с данной точкой зрения: «...на практике невозможно приписать никакого фиксированного курса товарам, отношение между которыми постоянно меняется. Следовательно, в сделках, которые люди считают нужным заключить, золоту и серебру должна быть предоставлена свобода, с тем чтобы люди нашли надлежащий уровень»⁸. Сэй также говорит о том, что те же принципы применимы к серебру и золоту.

⁶ Murray Rothbard, *Case for the 100 Percent*, p. 6.

⁷ [Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. С. 24].

⁸ J. B. Say, *Treatise*, p. 255. Дополнительное обсуждение параллельного стандарта см. в: Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 94 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 78—81].

В зависимости от страны или общественной группы тот или иной вид денег (золото или серебро) будет служить счетной единицей, а цена второго металла будет выражаться в счетной единице. Исторически обычно серебро выражалось в золоте, но следует отметить, что «с 1664 по 1717 г. соотношение между золотом и серебром не было зафиксировано властями, а поскольку серебро в то время было единственным узаконенным средством платежа, стоимость золотых монет колебалась в соответствии с колебаниями взаимной стоимости металлов на рынке»⁹. В программе сертификатов на слитки, предложенной Исайей Сильвестером, главной счетной единицей служили бы слитки золота, но серебряные слитки также являлись бы узаконенным платежным средством, цена на них выражалась бы в слитках золота¹⁰.

В 1830-х годах Уильям Гуж и Конди Рогг считали, что в США следует принять стандарт серебряного доллара, при котором золото выражалось бы в серебряных долларах¹¹.

Биметаллизм, т.е. система законодательного установления фиксированного обменного курса между золотом и серебром, представляет собой разновидность регулирования цен и поэтому считается нежелательным с точки зрения свободного рынка¹². Бро возлагает вину за проявление закона Грэшема (гласящего, что «плохие деньги вытесняют хорошие») на государство, создавшее «искусственную помеху» в виде биметаллизма¹³. По мнению Бро, в условиях свободного рынка закон Грэшема не будет действовать: «Если людям, управляющим деньгами, предоставить свободу действовать в своих личных интересах, то более эффективные деньги всегда вытеснят из обращения менее эффективные. Лишь в тех случаях, когда плохие деньги насаждаются государством в качестве узаконенного средства платежа, они могут вытеснить из обращения хорошие деньги»¹⁴. Позднее авторы, в числе которых был Людвиг фон Мизес, показали, что причина закона Грэшема в государственном вмешательстве, а не в особенностях свободного рынка. Искусственно зафиксировав обменный курс между золотом и серебром, государство создает дефицит искусственно недооцененных («хороших») денег и избыток переоцененных («плохих») денег. Мизес пишет: «Когда в качестве денег использовались одновременно два металла наряду друг с другом, власти наивно полагали своим долгом унифицировать денежную систему путем декретирования

⁹ F. A. Walker, *Money*, p. 224.

¹⁰ Isaiah W. Sylvester, *Bullion Certificates*.

¹¹ Joseph Dorfman, *Economic Mind*, p. 610.

¹² J. B. Say, *Treatise*, p. 254.

¹³ Название закон Грэшема получил в честь сэра Томаса Грэшема, основавшего в годы правления королевы Елизаветы в XVI в. Английскую королевскую биржу. Согласно закону Грэшема, если правительство фиксирует обменный курс между двумя металлами, переоцененный («плохой») металл останется в обращении, в то время как недооцененный («хороший») будет тазавирован.

¹⁴ William Brough, *Open Mints and Free Banking* (New York: Putnam, 1898), pp. 35—36. См. также: Brough, *Natural Law of Money*, p. 136.

жесткого менового отношения между золотом и серебром. Биметаллическая система потерпела полный крах. Она привела не к биметаллизму, а к чередующемуся стандарту. Металл, который по сравнению с текущим состоянием колеблющегося обменного курса золота к серебру в официально установленном соотношении был переоценен, преобладал во внутреннем обращении, тогда как другой металл исчезал. В конце концов государства отказались от своих тщетных попыток и неохотно согласились с монометаллизмом»¹⁵.

Луиджи Эйнауди объясняет, как биметаллизм может работать в течение коротких промежутков времени, пока фиксированный обменный курс приблизительно соответствует рыночной цене. Но такое состояние не может длиться вечно. Пока разница между курсом, установленным законом, и рыночной ценой незначительна, центробанк или монетный двор может отсрочить крах биметаллизма, поглощая большую часть золотых или серебряных слитков, доступных на рынке по фиксированной цене. В противном случае данная политика приведет к описанному Мизесом «чередующемуся монометаллическому стандарту». Эйнауди также упоминает возможность использования двух временных мер — взимания значительного «сеньоража» за чеканку монет либо периодическое приведение установленного законом курса к рыночному¹⁶.

Чекан монет

Основная форма, которую имеют обработанные золото или серебро, — слитки. В условиях чистого металлического стандарта такие бруски или полоски металла будут использоваться в очень крупных сделках, служа основой для счетной денежной единицы. Полоски или облатки, однако, непрактичны при использовании в небольших сделках, и для этих целей будут использоваться разнообразные золотые и серебряные монеты.

Каким образом следует удостоверять монеты? Должны ли они обращаться по весу или поштучно (на счет)? Следует ли разрешать чеканку монет частным лицам и организациям? Какова роль государства в деле чеканки монеты? Должны ли монеты являться узаконенным средством платежа? На кого должны быть возложены расходы по чеканке? Какова должны быть роль билонной монеты? Все эти серьезные вопросы должны быть затронуты при обсуждении любого денежного стандарта.

¹⁵ Ludwig von Mises, *Human Actions* (Chicago, Ill.: Regnery, 1963), p. 781 [*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 733*].

¹⁶ Luigi Einaudi, "The Theory of Imaginary Money from Charlemagne to the French Revolution," in Lane and Riemersma, *Enterprise*, pp. 239—241.

Обращение — по весу или поштучно?

Изначально первые монеты обращались исключительно по весу. Клеймо на слитках удостоверяло лишь качество или чистоту, но не вес¹⁷. До тех пор пока вес монет не был в значительной мере унифицирован, наличные деньги не обращались поштучно или на счет. Однако после унификации веса публично удостоверенные монеты настолько часто находились в обращении поштучно, что Джевонс, например, определяет монеты как «куски металла, которых вес и проба засвидетельствованы целостью выдавленной на поверхности печати»¹⁸.

Однако удостоверение веса и чистоты монет сопряжено с большими проблемами. Уильям Бро отмечает, что никто не слышал бы о законе Грэшема, если бы монеты обращались лишь по весу, поскольку в этом случае покупатель принимал бы монету только по рыночной стоимости содержащегося в ней металла»¹⁹. Закон Грэшема в данном случае вызывается изнашиванием монет, а удостоверение веса делает их эквивалентными только что отчеканенным полновесным монетам. С течением времени эффекты данного явления катастрофичны. Ротбард пишет так: «Предположим, например, что в обращении находятся золотые монеты, каждая из которых весит одну унцию. Через несколько лет, в силу естественного снашивания, некоторые монеты станут весить, скажем, 0,9 унции. Очевидно, что на свободном рынке за 100 изношенных монет будут давать только 90 полноценных. Иными словами, изношенная монета будет воплощать в себе только 90% ценности полновесной монеты. Это означает, что при обменах номинальная ценность изношенных монет перестанет приниматься во внимание. Если уж на то пошло, то именно „плохие“ монеты будут удалены с рынка. Ситуация кардинально меняется, если неким государственным актом установлено, что каждый должен считать изношенные монеты полностью равными полновесным монетам и обязан принимать их к оплате наравне с полновесными. Что в действительности сделало государство этим актом? Оно принудительно ввело государственное *регулирование цен*, вмешавшись в процесс установления „обменных курсов“ двух типов монет. Настаивая на обмене по номиналу в ситуации, когда изношенные монеты обмениваются с 10%-ной скидкой, государство искусственно *завышает ценность* изношенных монет и *недооценивает* новые. Следовательно, в обменах все будут пользоваться изношенными монетами, предпочитая накапливать или экспортировать новые, полноценные монеты»²⁰.

¹⁷ Arthur R. Burns, *Money and Monetary Policy*, p. 59. Также см.: Adam Smith, *Wealth of Nations*, p. 25 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 85]; Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 72 [Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011].

¹⁸ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 56 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 49].

¹⁹ William Brough, *Natural Law of Money*, p. 23.

²⁰ Murray Rothbard, *What Has Government Done*, pp. 10—11 [Ротбард М. Государство и деньги. С. 30—31]. См. также: Menger, *Principles*, p. 284 [Менгер К. Основания политической экономии. С. 284].

Из приведенной цитаты следует, что Ротбард одобряет обращение монет по весу, а не поштучно. Однако подобно тому как могут возникать большие проблемы с весом монеты, удостоверенной государством, имеются также и проблемы удобства, связанные с обращением монет исключительно по весу. Например, Ж.-Б. Сэй весьма критично относился к монетам, обращающимся по весу: «Сколь большим неудобством обернулась бы необходимость всегда иметь при себе весы для взвешивания уплачиваемых или принимаемых в уплату монет; и какое бесчисленное количество ошибок и споров неизбежно проистекало бы из неловкости или неправильного взвешивания»²¹.

Сэй также отмечал сложности в выявлении подделок. Карл Менгер указывает на несколько «главных недостатков» такой системы и отмечает, что точность взвешивания требует «хлопот, траты времени и точных инструментов...»²², Адам Смит упоминает «трудности» и «неудобство» взвешивания и определение пробы золота и серебра, приводящие к «самым грубым обманам и надувательствам». И далее: «Для предотвращения таких злоупотреблений, для облегчения обмена и содействия таким образом развитию всех видов промышленности и торговли во всех более или менее развитых странах было сочтено необходимым отмечать публичным клеймом определенные количества тех металлов, которые в этих странах обычно употреблялись при покупке товаров»²³.

Для решения проблем износа монет и закона Грэшема можно предложить несколько рыночных решений. К примеру, Ротбард предлагает, что «для решения проблемы износа частные монетчики могут либо устанавливать временной лимит на клеймо, гарантирующее вес, либо соглашаться заново перечеканивать монеты, сохраняя или уменьшая их вес»²⁴.

Несмотря на недостатки монет, связанные с их обращением на вес или поштучно, большинство сторонников твердых денег в той или иной форме поддерживают государственное вмешательство в чеканку монет. По словам Мизеса, «...все цели и намерения государственного вмешательства в денежную сферу заключаются лишь в том, чтобы избавить людей от необходимости определять чистоту и вес золота, которые они получают; такая задача может быть возложена только на экспертов, и ее выполнение требует значительных мер предосторожности»²⁵.

²¹ J. B. Say, *Treatise*, p. 229.

²² Carl Menger, *Principles*, pp. 280—281 [Менгер К. Основания политической экономии. С. 281].

²³ Adam Smith, *Wealth of Nations*, pp. 24—25 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 84, 85].

²⁴ Murray Rothbard, *What Has Government Done*, p. 9n [Ротбард М. Государство и деньги. С. 31 сн.].

²⁵ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, pp. 66—67 [Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011].

Билонная монета

Одной из наиболее важных мер, предпринятых государством, было введение в обращение билонной монеты, т.е. такой, номинальная стоимость которой намного выше стоимости заключенного в ней металла. Использование билонной монеты было обычным для правительств и королей методом обесценения национальной валюты, вследствие чего приверженцы твердых денег всегда смотрели на билонную монету с подозрением.

Однако Менгер, Джевонс и другие предложили для билонной монеты новый вид полезного использования — в виде «представительных денег», т.е. права требования у монетного двора определенного количества золота или серебра. При этом использование билонной монеты было бы во многом сходно с использованием бумажных банкнот или сертификатов, представляющих право на определенное количество монетарного металла. Согласно Менгеру, такое использование билонной монеты сняло бы важную проблему закона Грэшема, которая проявляется, когда государство гарантирует вес монет²⁶. Кроме того, это позволило бы частным монетным дворам обеспечить обращение такой билонной монеты, сняв необходимость постоянного взвешивания. Изнашивание билонных монет не приводило бы к снижению их ценности; их можно было бы в любое время обменять либо на новые билонные монеты, либо на представляемый ими металл.

Джевонс утверждает, что изначально «представительные деньги», такие как билонная монета и банковские депозиты, вводились главным образом для того, чтобы избежать высоких затрат на взвешивание и анализ отдельных иностранных монет. Итальянские купцы получали всевозможные обесцененные, обрезанные и иностранные монеты и размещали их на депозите в банке, где их раз и навсегда взвешивали и анализировали, после чего записывали как обязательство перед купцами²⁷. Таким образом, использование билонной монеты было не просто способом обесценить валюту, но по существу являлось рыночным решением проблем взвешивания, анализа и обесценивания монет.

Критики, впрочем, утверждают, что использование билонной монеты исключительно в качестве «представительных денег» не дает окончательного решения упомянутой выше рыночной проблемы. При широком использовании билонных монет вместо полновесных и очень ценных золотых или серебряных может возникнуть проблема фальшивомонетничества. Вот что пишет об этом Фивериер: «Перед нами во весь рост встает проблема, которая оставалась неразрешимой едва ли не до Нового времени. Пока номинал монет был значительно выше стоимости содержащегося в них металла, возникало сильное искушение их подделывать. Технологии чеканки были недостаточно совершенны для того, чтобы фальшивомонетчики не могли скопировать штамп на деньгах, подделка оправдывала себя даже в слу-

²⁶ Carl Menger, *Principles*, p. 284 [Менгер К. Основания политической экономии. С. 285].

²⁷ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 195—196 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 98—99].

чае полупенсов и фартинггов. Механизм выявления подделок также был несовершенен. Вследствие этого, как власти ни ограничивали количество официальных монет, за считанные годы фальшивомонетчики успевали подделать огромное количество денег. Любые попытки регулировать количество денег в обращении в соответствии с потребностью в них путем изъятия с рынка излишков, только повышали доходность выпуска подделок»²⁸.

В конечном счете при оценке преимуществ выпуска билонной монеты необходимо учитывать как затраты на чеканку представительных билонных монет, так и издержки, связанные с проблемой фальшивомонетничества.

Затраты на чекан

Еще один важный вопрос заключается в том, должен ли монетный двор взимать плату за чеканку новых монет, определяемую термином «брасаж». В сущности, у монетного двора имеется три варианта действий: взимать оплату большую, чем затраты (традиционно ее называют «сеньораж»); взимать оплату, едва покрывающую затраты («брасаж») или выпускать монеты без взимания платы. Традиционно, по политическим причинам и в целях увеличения доходов, взимался сеньораж — сумма, значительно превышавшая действительную стоимость чеканки монет. Под взимание сеньоража едва ли можно подвести какое-либо экономическое обоснование, кроме, быть может, предотвращения экспорта монет. Однако он вызывает призрака фальшивомонетничества²⁹.

Ротбард критически относится и к сеньоражу, и к бесплатной чеканке монет: «Сеньораж, иначе говоря, искусственное завышение цены монополистом, приводил к тому, что делать из слитков монеты становилось невыгодно. С другой стороны, в тех случаях, когда услуги государственного монетного двора были бесплатными, все стремились превратить слитки в монеты; оплачивалось это, естественно, из кармана простого налогоплательщика»³⁰.

Отмечая, что чеканка денег — это услуга, оказываемая тем, кто ею пользуется, Ж.-Б. Сэй заключает, что монеты должны продаваться с премией, взимаемой монетным двором. По его мнению, когда государство берет на себя издержки по чеканке монет (как это делала Британия в начале 1800-х годов, покрывая затраты за счет налогов), такие монеты (как, например, гинеи) оказываются недооцененными и экспортируются; это объясняется тем, что при данной цене такие монеты имеют более высокую ценность, поскольку проверка пробы и взвешивание уже были проведены³¹. Сэй, однако,

²⁸ A. E. Feaveryar, *Pound Sterling*, p. 158.

²⁹ F. A. Walker, *Money*, pp. 184—186.

³⁰ Murray Rothbard, *What Has Government Done*, pp. 31—32 [Ротбард М. Государство и деньги. С. 80].

³¹ J. B. Say, *Treatise*, pp. 229—231.

полагал, что бремя расходов по обычному изнашиванию монет, являющихся узаконенным средством платежа, должно нести общество в целом³².

Частный чекан монеты

Даже в самый расцвет эпохи золотого стандарта мало кто из авторов, отстаивавших твердые деньги, публично поддерживали идею частной чеканки монеты. Лидер экономической теории невмешательства Адам Смит считал, что частная чеканка монеты может послужить основой «самого грубого обмана и надувательства», и для предотвращения злоупотреблений требуются государственные монетные дворы³³.

Еще один сторонник свободной торговли Ж.-Б. Сэй утверждал, что «хотя правительства в данном отношении слишком часто злоупотребляли доверием, их гарантия все равно считается надежней гарантии частных лиц и с точки зрения единообразия монет, и потому, что выявление мошенничества со стороны частных эмитентов, вероятно, связано с большими трудностями»³⁴. Джевонс отвергает частную чеканку монеты, будучи уверен в том, что в таких условиях «плохие деньги вытеснят из обращения хорошие» (закон Грэшема), а фальшивомонетничество и порча монеты станут обычным делом. Он с готовностью указывает на следующее: «Правда, в прежние времена самыми вредными поддельвателями монет были сами короли, что часто вело к порче денежной единицы; но едва ли можно опасаться этого в наше время»³⁵. Бро добавляет: «...имеется естественная тенденция к снижению ценности металлической валюты, которое может предотвратить лишь постоянный надзор со стороны государства»³⁶.

Артур Бёрнс в работе по ранней истории денег приходит к следующему заключению: «На основе широкого диапазона доли золота в ранних образцах электрона* можно сделать вывод, что частные чеканщики монет обнаружили соответствующую возможность и воспользовались ею. Впрочем, вероятно, было бы чересчур поспешным заявить, что „система свободной частной чеканки везде становилась системой чеканки фальшивок“». К примеру, Бёрнс отмечает, что следствием указанной слабости и появления фальшивок «монеты с какими-нибудь оттисками принимались охотнее прочих»³⁷.

³² «Я склонен полагать, что истирание монет и оттисков должно оплачиваться обществом в целом, т.е. общественным кошельком, поскольку все общество целиком извлекает из денег пользу, и невозможно наложить на всех и каждого налог точно пропорционально пользе, которую тот получил» (Ibid., p. 265).

³³ Adam Smith, *Wealth of Nations*, p. 25 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 84].

³⁴ J. B. Say, *Treatise*, p. 229.

³⁵ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 63—64 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 56].

³⁶ William Brough, *Natural Law of Money*, p. 15.

* Зд.: сплав золота и серебра. — Прим. перев.

³⁷ Arthur R. Burns, *Money and Monetary Policy*, p. 78.

Бёрнс также комментирует естественную склонность принимать продукцию только тех частных монетных дворов, которые заработали хорошую репутацию: «Печати, встречающиеся чаще прочих, и те, опыт обращения с которыми научил людей им доверять, приобретали особое уважение, так что монеты с такими оттисками становились более распространенным средством обмена, чем монеты с другими оттисками. В некоторых местах, в особенности в Малой Азии и в Лидии, самыми известными становились монеты наиболее богатых и влиятельных торговцев. Там, где правитель приобретал политическую власть посредством открытых выборов, вопросы денег изначально вверялись в руки тирана, который использовал свою власть для подавления остающихся мелких конкурентов, таким образом приобретая монополию на чеканку монет»³⁸.

Одобрительно писала о частной чеканке монеты группа французских сторонников политики невмешательства. В «Трактате по политической экономике» Леруа-Болье высказывает следующее предложение: из-за злоупотреблений государства при чеканке монеты и эмиссии национальных валют было бы лучше, если бы чеканка денег была разрешена частным банкам со сложившейся репутацией³⁹. Еще один француз, Ж. Э. Хорн, высказывает уверенность в том, что такие фирмы, как парижский Ротшильд или лондонский Бэринг могли бы заниматься чеканкой монеты, и их монеты принимались бы публикой столь же охотно, как и государственные⁴⁰.

Любопытно, что профессор Милтон Фридмен занимает похожую позицию. Он утверждает, что хотя в прошлом удостоверение веса монет и их пробы было делом государства, не существует причин, по которым оказанием такого рода услуг не мог бы заниматься рынок, при этом, возможно, ориентируясь на опыт использования знака «Одобрено „Good Housekeeping“»⁴¹.

Одним из самых непоколебимых сторонников частных, а не государственных монетных дворов является Мюррей Ротбард: «Предлог для национализации монетных дворов — который, что любопытно, убеждает чуть ли не всех экономистов — заключается в том, что частные монетные дворы якобы стали бы обманывать публику по поводу веса и чистоты монеты. Этот аргумент звучит особенно неубедительно в свете множества примеров того, как государства занимались порчей монеты и денежного стандарта. Но даже если отвлечься от этого, нам доподлинно известно, что частным предприятиям удавалось и удастся выпускать едва ли не бесконечный ассортимент товаров, требующих соблюдения стандартов высочайшей точности; однако же никто не выступает за национализацию отраслей машиностроения или электроники для охраны этих стандартов. И никто не предлагает отменить

³⁸ Ibid., p. 445.

³⁹ Paul Leroy-Beaulieu, *Traite d'Économie Politique* (Paris, 1910), III, p. 128. См. также: Charles A. Conant, *The Principles of Money and Banking* (New York: Harper & Bro., 1905), I, pp. 127—128. Конант также сообщает о частных монетных дворах в США и Европе (с. 129—132).

⁴⁰ J. E. Horn, *La Liberté des Banques* (1866), цит. по: Vera Smith, *Rationale for Central Banking*, pp. 93—94 [Смун В. Происхождение центральных банков. С. 164].

⁴¹ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 5.

все контракты под предлогом того, что при их составлении некоторые люди могут совершить мошенничество. Правильным средством против мошенничества любого рода является защита прав собственности»⁴².

Законы об узаконенном средстве платежа

Законы об узаконенном средстве платежа, требующие от покупателя принимать в уплату долга платежные средства, определенные законом, называют «в лучшем случае излишними, а в худшем — вредным и произвольным фиксированием обменного курса»⁴³. Убежденным противником законов об узаконенном средстве платежа являлся Уильям Бро, считавший, что подобные законы заставляют людей не доверять государственным деньгам. В качестве примера он приводит банкноты времен Войны за независимость. Бро заключает: «Нужды в особом законе, принуждающем принимать деньги, не больше, чем в законе, принуждающем принимать пшеницу или хлопок. И в том и в другом случае к исполнению контракта адекватно принуждает общее право»⁴⁴.

Джевонс отмечает, каким образом золотая и серебряная монета могла получить всеобщее признание без законодательных актов о платежном средстве: «Возможность международной валюты доказывается тем фактом, что без каких-либо международных договоров монеты нескольких государств считаются узаконенным средством платежа в иных местностях». Он приводит в пример английский соверен, наполеондор, голландский дукат и мексиканский доллар⁴⁵.

Социальный философ Герберт Спенсер в данном вопросе занимает позицию невмешательства: «Запрещать выпуск чеканных или бумажных денег или принуждать принимать подобные деньги в обмен за товары — значит нарушать право мены; значит мешать людям производить обмен, который при отсутствии запрещения был бы произведен, и принуждать их к обмену, на который бы они не изъявили своего согласия»⁴⁶.

⁴² Murray Rothbard, *Case for 100 Percent*, pp. 12—13. См. также: *idem*, *What Has Government Done*, pp. 8—10 [Ротбард М. Государство и деньги. С. 27—32]. Другие авторы, выступавшие в поддержку частных монетных дворов: Herbert Spencer, *Social Statics* (New York: Appleton, 1890), pp. 438—439 [Спенсер Г. Социальная статика // Спенсер Г. Политические сочинения. В 5-ти т. Т. 1. Челябинск: Социум, 2011. С. 417—419]; Leonard Read, *Government — An Ideal Concept* (Irving-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1954), pp. 82ff; Lysander Spooner, *A Letter to Grover Cleveland* (Boston: Tucker, 1886), p. 79; J. Laurence Laughlin, *A New Exposition of Money, Credit and Prices* (Chicago: University Press, 1931), I, pp. 47—51.

⁴³ Murray Rothbard, *Case for 100 Percent*, p. 16n.

⁴⁴ William Brough, *The Natural Law of Money*, pp. 135, 77.

⁴⁵ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 168.

⁴⁶ Herbert Spencer, *Social Statics*, p. 354 [Спенсер Г. Социальная статика. С. 412].

Бумажные заместители денег

В условиях металлического стандарта со 100%-ным резервированием определенную и крайне важную роль могут играть бумажные деньги. Хотя некоторые сторонники твердых денег, как, например, Томас Джефферсон, порой высказывались за полный отказ от бумажных денег в силу «злоупотребления ими», другие указывали на то, что экономическими преимуществами бумажных денег можно пользоваться и без сопутствующих недостатков, порождаемых системой частичного резервирования. Бумажные деньги оказываются весьма дешевым и эффективным способом обработки и передачи металлических денег. Реальная передача золота или серебра может оказаться затратным процессом, в особенности при крупных сделках, поэтому передача права требования денег оказывается гораздо более удобной и эффективной операцией⁴⁷.

Фундаментальный постулат доктрины металлического стандарта со 100%-ным резервированием заключается в том, что бумажные деньги в буквальном смысле являются складскими квитанциями, или сертификатами на те товарные деньги, которые они представляют, — в точности как было в период стряпчих и ранних ювелиров-банкиров. Как говорилось выше, изначально банкноты ювелира являлись расписками ответственного хранения, складскими квитанциями или свидетельствами, без права переуступки⁴⁸. Имея юридическую форму специальных депозитных свидетельств, или документарных титулов, эти складские квитанции представляли собой имущественное право.

«Документарные титулы [собственности], такие как транспортные накладные, складские квитанции и свидетельства, являются символами владения товарами. Транспортная накладная представляет собой „выданную перевозчиком расписку на перевозимые товары, дополняемую соглашением на их перевозку в соответствии с указанными в ней условиями“... Складская квитанция, как документарный титул весьма напоминающая транспортную накладную, есть письменное признание в получении товаров и представляет собой договор на хранение, заключенный между хранителем и депонентом товаров»⁴⁹.

⁴⁷ Уильям Бро пропагандирует преимущества бумажных денег. Ср.: William Brough, *The Natural Law of Money*, p. 64. См. также: Rothbard, *What Has Government Done*, pp. 19—20 [Ротбард М. Государство и деньги. С. 53—55]. Адам Смит признавал указанные преимущества, но считал, что они могут быть получены лишь посредством частичного резервирования.

⁴⁸ R. D. Richards, *Early History of Banking in England*, pp. 223—225. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 197 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 99—100]. E. T. Powell, *Evolution of Money Markets*, p. 62ff. Дж. Э. Торольд-Роджерс отмечал, что в первых «депозитных банках» квитанция на депозит имела «природу складского свидетельства, давая владельцу право требовать не только зафиксированную в ней сумму, но и, по крайней мере теоретически, те же самые монеты, которые были отданы на хранение при открытии депозита» (J. E. Thorold Rogers, *First Nine Years of the Bank of England* (London, 1887), p. 8).

⁴⁹ William H. Spencer, *A Textbook of Law and Business* (New York: McGraw-Hill, 1938, 2nd ed.), p. 732.

Депонирование определяется как «передача личной собственности другому лицу, подразумевающая ее возврат по достижении определенной цели... При продаже мы отказываемся и от титула, и от владения. При депонировании мы лишь временно отказываемся от владения товарами»⁵⁰.

В отношении использования в качестве денег специальных депозитных квитанций Джевонс отмечает: «Самая лучшая форма депозита — это накладная, закладное свидетельство, складочное свидетельство или другого рода квитанция, удостоверяющая право собственности на определенный предмет... Самым существенным при таких записях является то, что они относятся только к действительно сложенным товарам, за исключением, конечно, явного обмана. Лицо, выдающее свидетельство, является просто хранителем склада, и так как отданные ему на хранение товары могут быть вытребованы у него во всякое время, то он ничего не может выпустить из своих рук, пока ему не было предъявлено соответственное свидетельство»⁵¹.

Однако в силу однородности денег публика, вообще говоря, не интересуется конкретными монетами или банкнотами. Таким образом, использование требований, или сертификатов, на деньги будет гораздо эффективнее, а обмен будет сопряжен с меньшими издержками, когда они юридически определяются как «общие складские свидетельства», по условиям которых «лицо, выдающее квитанцию, обязывается держать на складе товары, равные по количеству и качеству обозначенным в документе, но не те именно кули, ящики и пр., которые были отданы в склад»⁵². По словам Джевонса, важнейший недостаток общих (в отличие от специальных) свидетельств заключается в том, что «для раскрытия обмана должны быть представлены все (или большая часть) свидетельства одновременно. Тут, следовательно, возможен выпуск бумаг, основанный на чистой спекуляции. Если владелец склада заметит, что в его руках всегда остается большое количество сложенных товаров, то он найдет возможным пустить их в дело, оставляя на складе лишь столько, сколько необходимо для текущих надобностей». Таким образом, становится возможным создать «искусственное предложение товара»⁵³. Именно такой процесс был запущен ювелирами-банкирами.

Для того чтобы избежать описанной выше проблемы, Ротбард предлагает, чтобы правовая система «рассматривала общие складские свидетельства (*general warrants*), позволяющие складу возвращать депозитору любой экземпляр однородного товара, как специальные складские свидетельства (*specific warrants*), которые, подобно коносаментам, ломбардным распискам, доковым варрантам и т.д., устанавливают собственность на конкретные маркированные объекты. В случае общих складских свидетельств

⁵⁰ Robert O. Sklar and Benjamin W. Palmer, *Business Law* (New York: McGraw-Hill, 1942), p. 361.

⁵¹ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 202 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. С. 104—105].

⁵² *Ibid.*, pp. 202—203 [Там же. С. 105].

⁵³ *Ibid.*, pp. 204—205 [Там же. С. 107].

у складов возникает искушение начать обращаться с товарами, сданными на хранение, как со своей собственностью, вместо того чтобы считать их собственностью своих клиентов. Это именно то, что собирались сделать и делают банки с частичным резервированием»⁵⁴.

Тот же принцип применим к использованию чеков для снятия денег с депозита. Подобно билонной монете и банкнотам, с экономической точки зрения чеки и депозиты в сущности являются требованиями на владение деньгами или звонкой монетой и передаются подобно заместителям денег⁵⁵.

Роль банковского дела

В условиях 100%-ного металлического стандарта структура банковского дела претерпит радикальные изменения. Система 100%-ного резервирования требует «от любого учреждения, принимающего депозиты до востребования или чековые переводы, иметь один доллар денег повышенной эффективности на каждый доллар обязательств по депозитам (независимо от того, являются ли они номинально депозитами до востребования или срочными депозитами)»⁵⁶.

Ирвинг Фишер, объясняя фидуциарный стандарт со 100%-ным резервированием (что, впрочем, в равной мере относится к чистому товарному стандарту), разъясняет, каким образом будет работать такая система. Все банки должны будут поддерживать резервы на уровне 100%, так чтобы «депозиты до востребования были в буквальном смысле депозитами, состоящими из наличности, сохраняемой в интересах вкладчика... Банковские отделения текущих счетов представляли бы собою просто склады для хранения денег, принадлежащих вкладчикам...»⁵⁷ Таким образом, «предложение поддерживать для депозитов уровень резервов, равный 100%, означает применение к депозитам той же самой политики, которая применяется в отношении банкнот»⁵⁸.

Джевонс называет такую систему «простым депозитным» способом: «Количество таких билетов будет всегда в полном соответствии с количеством имеющихся в наличии металлических денег; нечего опасаться, что они вытеснят металлические деньги, так как на каждый находящийся в обращении билет имеется соответствующее количество металла в подвалах или кассах эмитента»⁵⁹.

⁵⁴ Murray Rothbard, *What Has Government Done*, p. 24n [Ротбард М. Государство и деньги. С. 63 сн. 1].

⁵⁵ *Ibid.*, p. 21 [Там же. С. 54].

⁵⁶ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 69. Хотя Фридмен здесь говорит о фидуциарной долларовой системе, металлический стандарт со 100%-ным резервированием будет требовать 100%-ного покрытия долларов золотом или серебром.

⁵⁷ Irving Fisher, *100% Money*, p. 10.

⁵⁸ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 67.

⁵⁹ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 216—217 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 118—119].

Правовые аспекты предложения о 100%-ном резервировании

Введение в банковское дело 100%-ного резервирования потребует фундаментальной перестройки юридической структуры нынешнего банковского дела. Выше обсуждалось, что с самого начала банковского дела с частичным резервированием банкир юридически находится в положении должника, а не ответственного хранителя или кладовщика — опекуна клиентских счетов. Сегодня при размещении денег на депозите они становятся собственностью банка, а не вкладчика. В сущности, имеет место эффект продажи собственности. В свою очередь, вкладчик получает право требовать эквивалентное количество наличных денег⁶⁰. При действующей системе «в то время как средний вкладчик воображает, что у него есть „наличные деньги в банке“, банкиры знают, что эта „наличность“ в действительности является лишь „кредитом“, т.е. долгом банка перед вкладчиком»⁶¹.

Таким образом, потребуется радикальное изменение, так чтобы депозиты до востребования юридически стали считаться вкладом имущества, а не просто кредитом. В этой связи Ротбард высказывается за то, чтобы «законы изменились, и банкноты с депозитами стали рассматриваться как то, чем они являются по факту с социальной и экономической точек зрения: правами требования, складскими расписками на стандартные деньги — иными словами, чтобы держатели банкнот или депозитов по закону считались владельцами золота (или бумажных денег в условиях декретного стандарта), лежащего в банковском хранилище. Депозит или банкнота, в настоящее время рассматриваемые законом как долг, должны считаться доказательством ответственного хранения. В отношении общих принципов права это не стало бы радикальным изменением, поскольку складские расписки сейчас считаются свидетельством передачи на ответственное хранение. Просто в отношении банкнот и депозитов банки будут считаться денежными складами»⁶². Кроме того, банкноты будут считаться «денежными сертификатами», правами на определенное количество денег, лежащих в банке»⁶³.

⁶⁰ Charles F. Dunbar, *Theory and History of Banking* (New York: Putnam, 1901), pp. 14—15. См. также: Powell, *Money Market*, pp. 62—73. Как ни странно, Дунбар настаивает на том, что банковская деятельность связана исключительно с процессом выдачи кредитов, а хранение в действительности не является банковской функцией. «Следует признать, что деньги можно положить в банке на „специальный депозит“, подобно посуде, украшениям и иным ценностям; в данном случае возвращаемые деньги должны быть идентичны размещенным на депозите, и, следовательно, банк не получает права собственности на то, что размещено на депозите, — ему лишь дается право временного попечения. Однако это не является банковской операцией, а депозит в данном случае размещается в банке не потому, что это банк, а потому, что у него есть надежное хранилище».

⁶¹ Irving Fisher, *100% Money*, p. 54.

⁶² Murray Rothbard, *Case for 100 Percent*, pp. 23—24.

⁶³ «Если должник — государство или банк — держит против всей суммы заместителей денег 100-процентный резерв собственнo денег, то мы называем этот заместитель денег *денежным сертификатом*» (Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 433 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. С. 404]).

Как будут работать банки в условиях 100%-ного резервирования

Как указывает Ирвинг Фишер, суть программы 100%-ного резервирования заключается «в том, чтобы сделать деньги независимыми от кредитов, т.е. чтобы отделить процесс создания и уничтожения денег от банковского дела. Проблема в том, что в условиях системы частичного резервирования банк выдает займы не деньги, а лишь обещание предоставить деньги по требованию, причем этих денег у него нет»⁶⁴. Фишер далее развивает эту мысль, указывая на то, что правило 100%-ного резервирования является «возвратом от нынешней чрезвычайно странной и пагубной системы выдачи в долг одних и тех же денег восемь-десять раз, к консервативной системе ювелиров прошлого, обеспечивавших безопасное хранение, когда они еще не начали несправедливо выдавать займы имущество, переданное им на сохранение. Именно это злоупотребление доверием, став общепринятой практикой, и породило современное депозитное банковское дело. Правда, с точки зрения доверия публики это все равно злоупотребление — пусть больше и не доверием, но кредитной и депозитной функциями»⁶⁵.

Фридмен описывает работу 100%-ного резервирования в работе «Программа денежной стабильности»: «Реализация данного предложения требует от нынешних коммерческих банков разделения на два отдельных учреждения. Одно будет исключительно депозитарным, в буквальном смысле складом для денег. Оно будет принимать депозиты, выплачиваемые по первому требованию или подлежащие переводу согласно выписанному чеку. На каждый доллар обязательств по депозитам такое учреждение должно будет иметь в своих активах доллар денег повышенной эффективности в форме, скажем, банкнот Федерального резерва или депозитов в Федеральном резерве. Кроме капитала ее собственников, у такого учреждения не будет никаких иных средств, которые оно могло бы выдать в кредит на рынке. Увеличение объема депозитов не увеличит размер средств, доступных для выдачи кредитов, поскольку необходимо будет увеличить активы в форме денег повышенной эффективности — доллар на доллар. Вторым учреждением будет инвестиционный фонд или брокерская фирма. Капитал такого учреждения будет формироваться за счет продажи акций или долговых обязательств, а аккумулированные средства будут направляться на выдачу кредитов или на покупку инвестиционных инструментов»⁶⁶.

Выделение депозитной функции банков, разумеется, потребует взимания платы за услугу хранения средств и привилегию выписки чеков. Ротбард комментирует это следующим образом: «Доход складов образован платой, которую они взимают со своих клиентов за оказываемые услуги по хранению ценностей. Банки могут взимать плату за оказываемые услуги совершенно таким же образом. Если кто-то возразит, что потребители не будут платить

⁶⁴ Irving Fisher, *100% Money*, p. xvii, 8.

⁶⁵ Ibid., pp. 18—19.

⁶⁶ Milton Friedman, *Monetary Stability*, pp. 69—70.

за эти услуги, то это лишь означает, что услуги банков не пользуются большим спросом. В этом случае использование банков просто-напросто сократится до такого уровня, который потребители считают оправданным»⁶⁷.

Кредитование в условиях 100%-ного резервирования

В условиях чистого металлического стандарта банки больше не смогут использовать депозиты до востребования в качестве источника для выдачи кредитов. Однако это совершенно не означает, что банки юридически будут исключены из кредитной деятельности. Напротив, в качестве отдельной функции банки смогут получать деньги для выдачи кредитов из следующих основных источников: 1) собственного капитала; 2) истинных сберегательных счетов на различные сроки; 3) средств, возвращаемых заемщиками по истечении срока кредита⁶⁸. Мизес пишет об этом: «Выпуск в обращение денежных сертификатов не увеличивает капитала, который банк может использовать, занимаясь ссудной деятельностью. Банк, не эмитирующий фидуциарных средств обращения, может предоставлять только товарный кредит, т.е. давать займы только собственный капитал и деньги, которые ему доверили клиенты»⁶⁹.

Ротбард развивает тему существования и использования кредита в условиях 100%-ного резервирования. «Банки, — отмечает он, — могут либо выдавать кредиты из собственных средств, сформированных за счет сбережений (уставный капитал и накопленная прибыль), либо занимать деньги у физических лиц и ссужать их предприятиям, зарабатывая на разнице процентных ставок. Заимствование (например, путем размещения облигаций) — кредитная операция; человек обменивает свои деньги на облигацию — требование на получение денег в будущем. Банки, берущие займы его средства, платят процент по займу и, в свою очередь, обменивают полученные таким образом деньги на обещание предприятий-заемщиков выплатить деньги в будущем. В данном случае имеет место дальнейшая кредитная сделка, где банк выступает в роли кредитора, а предприятие — в роли заемщика. Доход банка складывается из разницы в процентных ставках между двумя типами кредитных сделок; это плата за услуги банка в качестве посредника, направляющего сбережения людей в инвестиции. Следовательно, нет никаких причин для субсидирования путем создания денег краткосрочного кредитного рынка (в большей степени по сравнению с остальными)»⁷⁰.

⁶⁷ Murray Rothbard, *What Has Government Done*, p. 22 [Ротбард М. Государство и деньги. С. 57]. См. также: Fisher, *100% Money*, p. 10.

⁶⁸ Irving Fisher, *100% Money*, p. 17.

⁶⁹ Ludwig von Mises, *Human Actions*, p. 433 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. С. 405].

⁷⁰ Murray Rothbard, *Man, Economy and State: A Treatise on Economic Principles* (Los Angeles, Calif.: Nash Publishing, 1970), p. 708. См. также: Rothbard, *The Mystery of Banking*, pp. 77—85. «Ссудное банковское дело — производительный, неинфляционный институт» (с. 81).

Таким образом, в заключение можно сказать, что (согласно Уильяму Бро) банкир становится «посредником», который «сам выступает заемщиком для тех, кто желает предоставить средства займы, и кредитором для тех, кто желает получить кредит», а прибыль банкира образуется за счет разницы процентных ставок⁷¹.

Сберегательные счета и срочные депозиты

Абсолютное поддержание 100%-ного уровня резервирования не будет распространяться на добросовестные кредитные сделки, на рынке которых банки, конечно же, смогут конкурировать наравне со всеми остальными финансовыми институтами. Как пишет Чарльз Кэррол, 100%-ное резервирование звонкой монеты будет требоваться по всем «обязательствам до востребования», но эта норма не будет распространяться на сберегательные счета⁷². Вне всяких сомнений, регуляторы будут пристально следить за активностью в сфере последних. К так называемым «срочным депозитам», которые предлагают выдачу средств по первому требованию, будут применяться те же нормативы, что и к обычным депозитам до востребования или чековым счетам, требующим 100%-ного резервирования.

В рамках же добросовестных сберегательных счетов будут действовать отношения по типу «должник—кредитор». Для клиента это будет не «вклад» («депозит»), а предоставление «займа» банку на тот или иной срок. При этом клиент не будет иметь права ни требовать немедленной выдачи своих средств, ни ликвидировать займ путем выписки чека. «Клиент должен понимать, что он не сможет в любой момент требовать возврата своих денег и получить их в полном размере. Он должен понимать, что берет на себя кредитный риск и что его деньги будут предоставлены в кредит, разумеется, по надлежащим каналам, но таким образом, что он не может, затребовав свои деньги, принудить банкира сберегательного банка к внезапной ликвидации выданных им кредитов»⁷³.

Выводы

Отстаивая беспрепятственный и полный металлический стандарт, его сторонники видят свою задачу в устранении насколько возможно источников нестабильности в денежной системе. Области нестабильности могут

⁷¹ William Brough, *The Natural Law of Money*, p. 62.

⁷² Charles H. Carroll, “Mr. Lowell vs. Mr. Cooper on Banking and Currency,” and “Currency of the United States,” *Organization of Debt*. Также см.: Mints, *History of Banking Theory*, p. 156.

⁷³ Letter by two bankers, F. D. von Wendegger and W. L. Gregory of the Plaza Bank of St. Louis, quoted in Fisher, *100% Money*, pp. 167—168.

включать в себя высокую инфляцию, спекулятивные бумы, за которыми следуют разрушительные депрессии, кризисы платежного баланса, частое исчезновение или экспорт местных золотых или серебряных монет, обесценение национальных валют и т.д.

Хотя приверженцы твердых денег отводят государству важную роль в денежной сфере (как, например, принуждение к исполнению контрактов, наказание мошеннических банковских операций, установление норм резервирования), роль эта зачастую жестко ограничена. Фактически большинство считает государство главным источником нестабильности в денежной и банковской сферах. В качестве альтернативы для решения порождаемых государством проблем чаще всего предлагаются решения на основе «свободного рынка».

Сторонники 100%-ного резервирования, например, считают биметаллизм, обычную монетарную практику прошлых столетий (когда обменные курсы золота и серебра искусственно устанавливались государственным декретом) внутренне неустойчивой, источником закона Грэшема, вытесняющего недооцененные деньги в пользу переоцененных. Для восстановления финансовой стабильности предлагается параллельный денежный стандарт, при котором рыночным силам позволено определять обменный курс между золотом и серебром.

Сходным образом сторонники металла настроены резко критично против как практики сеньоража, которую они считают обременительным налогом на все общество, так и бесплатной чеканки монет, ведущей к экспорту местных денег. В качестве приемлемой альтернативы часто предлагается «рыночная» цена — брассаж.

Однако вопрос обращения монет по весу или на счет (поштучно) является более сложным, поскольку и рыночные, и государственные решения, по-видимому, имеют существенные недостатки, либо оказываясь неудобными в применении и открывая простор для злоупотреблений, либо также сопровождаясь нездоровыми эффектами закона Грэшема («плохие деньги вытесняют хорошие»). По меньшей мере временным решением этой сложной проблемы считается использование билонной монеты.

Обращаясь к монументальным проблемам инфляции, валютных кризисов и цикла деловой активности (вина за которые часто вменяется государственным чиновникам), сторонники твердых денег считают металлический стандарт со 100%-ным резервированием относительно идеальной реформой. Предписывая финансовым учреждениям, управляющим средствами населения, поддерживать 100%-ные резервы по депозитам до востребования, сторонники 100%-ного стандарта рассчитывают ослабить опасность денежной нестабильности.

Соответственно такой стандарт лишит государство дискреционной власти в деле порчи валюты, поскольку фискальный агент будет ограничен в получении дополнительных средств за счет заимствований и налогов. Государство не сможет получать дополнительные средства за счет денежной инфляции, или, иными словами, порчи денег, поскольку банковская деятельность с частичным резервированием будет запрещена и государство

не будет иметь возможности эмитировать банкноты сверх имеющегося в его распоряжении обеспечения в виде драгоценных металлов. Более того, банки перестанут быть источником экономической нестабильности и чрезмерных спекуляций, снижая уровень резервов до опасно низких уровней и соответственно увеличивая шансы на набег вкладчиков и утрату доверия населения, что обычно вызывает панику и разорение множества банков.

По мнению сторонников, эти ограничения не будут чрезмерно обременительны. Банкам будет разрешено осуществлять заимствования и выступать в роли финансовых посредников, но они не смогут использовать клиентские депозиты до востребования для кредитных целей.

ГЛАВА 4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЧИСТОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СТАНДАРТА

Выступая в защиту позиции ультратвердых денег — металлической системы со 100%-ным резервированием, их сторонники стремятся добиться структуры денежного обращения, совместимой со свободным рынком и правами частной собственности, которая одновременно будет служить стабильной основой для экономической и банковской систем. Они прекрасно осведомлены о проблемах действующих стандартов и практики банковской деятельности и настроены в отношении них критически. Быть может, лучше всего их чаяния можно выразить словами Веры Смит: «Открытие такой банковской системы, которая бы не служила источником катастрофических отклонений от нормы и которая бы сама с наименьшей вероятностью породила колебания, а с наибольшей — предпринимала бы верные шаги в ответ на действия публики, является на сегодняшний день самой важной нерешенной экономической проблемой»¹.

Преимущества чистого металлического стандарта

Сторонники твердых денег рассматривают свою программу как всеобъемлющее решение множества экономических проблем. Считается, эта система совместима с правами частной собственности граждан, относительно стабильна без значительных эффектов цикличности, неподвластна манипуляциям со стороны государства и свободна от инфляционных фидуциарных средств обращения, порчи денег, международных кризисов и долгосрочных дефицитов платежного баланса.

Права частной собственности и свобода

При чистом стандарте на основе товарных денег счетная денежная единица будет выбрана посредством добровольного обмена между людьми. С исторической точки зрения это означает драгоценные металлы, главным образом золото и серебро. В рамках программы полного невмешательства (*laissez faire*), предлагаемой Ротбардом и другими авторами, люди будут иметь право чеканить собственные золотые и серебряные монеты и конкурировать с остальными в удовлетворении нужд и желаний клиентов в финансовой сфере. В любом случае «деньги могут быть получены лишь

¹ Vera C. Smith, *Central Banking*, p. 171 [Смит В. Происхождение центральных банков. С. 275].

путем приобретения их за свои товары и услуги», за исключением компаний, добывающих золото и серебро, которым придется инвестировать ресурсы в производство монеты.

Соответственно, система металлического стандарта со 100%-ным резервированием искореняет «неэкономическую и аморальную практику получения людьми денег в ущерб производителю», как это происходит, по мнению некоторых, в условиях банковской деятельности с частичным резервированием². В нашем случае в банковской сфере соблюдаются все права частной собственности вкладчика и банкиры отвечают за сохранность его средств. Использование средств вкладчика для любых других целей, вроде выдачи их в долг, будет считаться формой мошенничества или даже растраты.

Независимые денежные власти

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием покончит с дискреционной властью государства по прямому манипулированию денежной массой (косвенно они смогут манипулировать ею посредством субсидий, выдаваемых производителям монеты, но это может оказаться весьма накладным занятием). В этом и заключалась одна из главных целей принципа денежной школы и закона Пиля 1844 г. По утверждению Мизеса, «это делает определение покупательной способности счетной денежной единицы независимой от политики государств и политических партий»³. Ни государства, ни банки не смогут расширять или сжимать денежную массу посредством выдачи кредитов или операций на открытом рынке.

Согласно плану товарных денег со 100%-ным резервированием «количество товара, используемого в качестве денег, будет зависеть от издержек его производства по сравнению с другими товарами и от той части богатства, которую люди захотят держать в форме денег; денежная масса будет пополняться за счет производства частными предприятиями; изменения в темпах производства будут отражать изменения в относительной ценности денежного товара и остальных товаров или в отношении издержек их производства»⁴.

Экономическая и банковская стабильность

Многие экономисты из числа сторонников свободного рынка особо указывают на стабильную природу золота и серебра, используемых в качестве реальных денег. Например, Адам Смит пишет, что: «...цена этих металлов

² Murray Rothbard, *The Case for 100 Percent*, pp. 6, 38.

³ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 416 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

⁴ Milton Friedman, *Monetary Stability*, pp. 4—5.

не совсем свободна от колебаний, но они обычно медленны, постепенны и единообразны»⁵.

Столетием позднее Ф. А. Уолкер пишет, что «драгоценные металлы обладают замечательной долговечностью, из которой проистекает то, что огромные изменения в объемах их текущего производства оказывают лишь незначительный эффект на их общее количество, находящееся в распоряжении человечества... Благодаря медленному расходу при использовании и абсолютной нетленности при хранении драгоценные металлы обладают стабильностью, которой не может похвастаться никакой другой из важных предметов торговли. Из года в год эти металлы непоколебимо идут своим путем, в то время как хлопок, кукуруза, уголь и большинство остальных товаров первой необходимости колеблются от месяца к месяцу, зачастую в широком диапазоне цен»⁶.

Гаррисон Брэйс более подробно поясняет причину указанной долгосрочной стабильности: «Запас золота состоит главным образом из всей массы драгоценного металла, который был накоплен за весь предыдущий период всемирной истории. Приток нового металла из рудников лишь добавляется к древнему запасу, который постоянно пополнялся с незапамятных времен. Однако каждое добавление к запасу, оказав свое воздействие на цену, делает последнюю более стабильной, поскольку занимает свое место в постоянном запасе. И каждая из последующих добавок данного количества металла составляет все меньший и меньший процент, так что на последних стадиях большого притока золота эффекты от этих добавок становятся все менее и менее значимыми»⁷.

Ротбард развивает эту тему с экономической точки зрения: «Поскольку спрос на золото и серебро был высоким и в силу того, что их предложение было низким по сравнению со спросом, ценность каждого из этих металлов, выраженная в других товарах, была высока, что является самым полезным атрибутом денег. Их редкость в сочетании с замечательной долговечностью означала, что годовые колебания запаса с необходимостью малы, и это еще одна полезная черта денежного товара»⁸.

Комментируя производство золота и стабильность, Мизес пишет, что золотой стандарт «не позволяет происходить резким и внезапным изменениям цен на товары со стороны денег. Самые значительные колебания в ценности денег, которые мы наблюдали в течение последнего столетия, были вызваны не обстоятельствами производства золота, а экономической политикой государств и эмиссионных банков»⁹. В этом отношении Фридмен отмечает преимущества металлического стандарта со 100%-ным резерви-

⁵ Adam Smith, *Wealth of Nations*, p. 405 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 426].

⁶ F. A. Walker, *Money*, pp. 43, 158.

⁷ Brace, *Gold Production and Future Prices* (New York: Bankers Publishing Co., 1910), pp. 112—113.

⁸ Murray Rothbard, *Case for 100 Percent*, p. 6.

⁹ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 17 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

рованием: «За короткие промежутки времени в денежной массе едва ли будут случаться значительные изменения, в силу чего такой стандарт обеспечит довольно стабильные монетарные рамки и сам не будет выступать источником краткосрочной нестабильности»¹⁰.

Согласно сторонникам чистого товарного стандарта, важным его преимуществом также является стабильность банковской деятельности. В условиях 100%-ного резервирования «переход [вкладчиков] с депозитов на наличные деньги не будет оказывать воздействия на общую денежную массу, и у банков не будет меняться отношение депозитов к резервам. В результате будет устранена всякая нестабильность денежной массы, вызываемая этими факторами. Поскольку все деньги по существу станут обязательствами государства, отпадет нужда в федеральном страховании банковских депозитов»¹¹. Поскольку главной причиной банковских банкротств является недостаток ликвидности, провоцируемый сочетанием долгосрочных ссуд и краткосрочных обязательств (а также обязательств до востребования), правило 100%-ного резервирования, возможно, снизит вероятность банковских крахов, и особенно набегов вкладчиков на банки¹².

В дополнение к практическому искоренению инфляции денег и банковских крахов некоторые из сторонников твердых денег указывают на способность такой системы противостоять колебаниям цикла деловой активности¹³. Как Хайек, так и Ротбард указывали, что хотя сдвиги в производстве золотой монеты и могут вызывать общие инфляционные или дефляционные эффекты, чистый товарный стандарт не генерирует неизбежных экономических циклов¹⁴.

Международные эффекты стандарта со 100%-ным резервированием

Аргумент стабильности отечественной банковской системы в равной степени приложим и при обсуждении стабильности на международной арене. Противники исторического золотого стандарта указывают на его подверженность внезапным дефляциям и оттоку звонкой монеты, ставящей под угрозу сохранность резервов отечественных банков. Сторонники золотого стандарта со 100%-ным резервированием утверждают, что в рамках предлагаемой ими системы эта проблема отсутствует. Профессор Леланд Игер в своей диссертации, посвященной проблемам свободно плавающих валют-

¹⁰ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 5.

¹¹ Ibid., p. 69.

¹² George S. Tolley, "100 Per Cent Reserve Banking," in Yeager, *Monetary Constitution*, p. 279.

¹³ Ibid., p. 284.

¹⁴ Friedrich Hayek, *Monetary Nationalism*, pp. 23—24, Rothbard, *America's Great Depression* (Kansas City: Sheed and Ward, 1975), pp. 37—38. Ниже это будет обсуждаться более подробно.

ных курсов, обсуждает, каким образом чистый металлический стандарт будет поддерживать стабильный международный порядок:

«В условиях международного золотого стандарта со 100%-ным резервированием денежное обращение каждой страны будет состоять исключительно из золота (или из золота и полностью обеспеченных складских квитанций на золото в форме бумажных денег и билонной монеты). Государству и его агентам не придется беспокоиться по поводу утечки своих резервов. Требования размена бумажных денег на золото не будут ставить склады золота в затруднительное положение, поскольку каждый доллар бумажных денег в обращении будет представлять доллар из золота, действительно лежащий на складе. Не будет такого понятия, как независимая национальная денежная политика; объем денег в каждой стране будет определяться рыночными силами. Общемировой запас золота будет распределен между различными странами в соответствии со спросом на остатки наличности жителей разных стран. Никакой стране не будет угрожать опасность ни полностью лишиться всего запаса золота, ни испытать нежелательного его наплыва, поскольку каждый человек будет заботиться о том, чтобы его остатки наличности сократились или расширились до такого размера, который он сочтет неприемлемым ввиду своих доходов и богатства.

В условиях золотого стандарта со 100%-ным резервированием... разные страны будут иметь общую денежную систему, подобно тому как отдельные штаты США имеют в настоящее время общую денежную систему. Причин для беспокойства насчет нарушения равновесия платежного баланса какой-либо конкретной страны будет не больше, чем причин в нынешних условиях беспокоиться о нарушении равновесия платежного баланса Нью-Йорка. Если каждый человек (и организация) станет прилагать усилия для того, чтобы избежать хронического нарушения равновесия в своем личном платежном балансе, этого будет достаточно... Действия отдельных людей в поддержании своих остатков наличности на приемлемом уровне „автоматически“ обеспечат адекватность денежной массы каждой страны»¹⁵.

Обращаясь к проблемам дефляции, сжатия и кризисов платежного баланса, Игер высказывается так: «Национальные системы частичного резервирования — вот действительный источник тех затруднений, в которых обвиняют золотой стандарт... Затруднения возникают в силу того, что смешанные национальные валюты — валюты, которые представлены преимущественно бумагой и лишь частично золотом, — в недостаточной степени интернациональны. Главная проблема исторического золотого стандарта — необходимость „защищать“ национальные золотые резервы... Проще говоря, когда центральный банк усиливает эффект притока золота или „компенсирует“ его, поведение банка несовместимо с принципами полного золотого стандарта... В самом деле, любая разновидность управ-

¹⁵ Leland B. Yeager, "An Evaluation of Freely Fluctuating Exchange Rates," unpublished Ph.D. dissertation, Columbia University, 1952, pp. 9—10.

ления денежным обращением противоречит принципам чистого золотого стандарта»¹⁶.

Возражения против чистого золотомонетного стандарта

Возражения против денежной системы чистого металлического стандарта могут выдвигаться с самых различных сторон. Оппоненты указывают на многочисленные недостатки, присущие звонкой монете, и оспаривают многие из ее (якобы мнимых) преимуществ, обсуждавшихся выше. Школа «свободного банковского дела» считает такой стандарт примером излишнего вмешательства государства в дела частных банкиров; чикагская школа и другие (Фридмен, Минтс, Симонс и Фишер) полагают, что при такой системе невозможно добиться совершенно стабильного уровня цен, причем ее функционирование сопряжено с чрезмерными издержками; традиционные неоклассические экономисты считают, что эта система слишком ограничит функции банковской деятельности, сократит прибыли до отчаянно низкого уровня и иссушит источники кредита. Кроме того, последние считают, что она слишком инфляционна, недостаточно «эластична» и чересчур непрактична для того, чтобы когда-либо проверить ее в деле.

Сторонники 100%-ного резервирования зачастую признают справедливость некоторых из этих возражений, и их ответы приведены ниже.

Правило 100%-ного резервирования и «свободная банковская деятельность»

Школа «свободной банковской деятельности», которая частично охватывает банковскую школу в Англии в 1830—1840-е годы, а также Адама Смита, Уильяма Бро, Людвига фон Мизеса и Лоуренса Уайта, атакует банковскую деятельность со 100%-ным резервированием с двух сторон. Во-первых, данная школа считает, что такая деятельность ограничивает свободу личности, а во-вторых, не позволяет денежной массе приспособиться к «нуждам бизнеса и торговли».

Вопрос о свободе и мошенничестве

Что касается первого пункта, позиция свободной банковской школы заключается именно в том, что «право давать обещания относится к базовым

¹⁶ Ibid., pp. 11—17. Критику золотого стандарта в условиях Бреттон-Вудского соглашения см.: Joseph T. Salerno, “Gold and the International Monetary System: The Contribution of Michael A. Neilperin,” in *The Gold Standard*, op. cit., pp. 81—111 [см. наст. изд., с. 375—406].

правам человека, и каждому банкиру должно быть позволено эмитировать столько банкнот, сколько он может вручить своим клиентам, при этом сохраняя такой уровень резервов металлических денег, какой, по его разумению, достаточен для выполнения своих обещаний»¹⁷.

Согласно этому рассуждению практика банковской деятельности с частичным резервированием вовсе не является мошеннической, что бы ни утверждали сторонники 100%-ного резервирования. Поддержание надлежащего уровня резервов — это вопрос разумной банковской практики. Нет ничего плохого в том, чтобы выпустить банкнот больше, чем имеется звонкой монеты, пока они по первому требованию размениваются на золото и серебро, а любые другие ограничения есть ограничения «естественной свободы»¹⁸.

Мизес не видит мошенничества в становлении банковской деятельности с частичным резервированием. Он так сравнивает банковские депозиты с хлебом: «Лицо, в распоряжении которого находится тысяча буханок хлеба, не рискнет выдать более тысячи талонов на получение одной буханки, дающих право своему держателю в любой момент потребовать выдачи буханки хлеба. С деньгами дело обстоит иначе». Но поскольку деньги не являются потребительским благом и переходят из рук в руки без каких-либо попыток со стороны публики погасить требования на деньги, банкир «поэтому в состоянии принять на себя обязательства большего объема, чем он когда-либо будет в состоянии выполнить»¹⁹.

Ф. А. Уолкер не обсуждает этику частичного резервирования — это чисто «банковский вопрос» — и сравнивает его с риском «столкновения или взрыва котла, связанного с использованием паровых машин и пароходов»²⁰. А Чарльз Конант, защищая необеспеченные банкноты, сравнивает их с рынком товарных фьючерсов: они представляют собой «просто обязательство по поставке металлических денег... В этом отношении они ничем не отличаются от обязательств по поставке пшеницы, кроме того факта, что обещанный товар принимается более широким кругом лиц... В любом случае, не является необходимым, чтобы лицо, подписывающее соглашение, имело полное количество обещанного им товара; необходимо лишь, чтобы его репутация и иные формы имущества внушали уверенность в его способности обеспечить выполнение обещания»²¹.

Уолтер Спар, сторонник действовавшего до 1933 г. золотого стандарта, при защите частичного резервирования нередко проводит аналогию с мостом. «Строитель моста приблизительно оценивает, сколько людей будет пользоваться им в течение дня. На этом основании он и строит мост,

¹⁷ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 308.

¹⁸ Adam Smith, *Wealth of Nations*, pp. 308, 313 [Смун А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 333, 338].

¹⁹ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 267 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

²⁰ F. A. Walker, *Money, In Its Relation to Trade and Industry* (New York: Henry Holland Co., 1889), p. 270.

²¹ Charles A. Conant, *Money and Banking*, Vol. II, p. 20.

а вовсе не пытается приспособить его для размещения всех жителей города на тот случай, если все они одновременно решат пройти по мосту»²². Таким образом, банкир становится инженером-предпринимателем, который пытается предсказать, какой уровень резервов достаточен для удовлетворения текущего спроса на погашение банкнот.

Сторонник свободной банковской деятельности Лоренс Уайт пишет: «Сложно понять, по какой причине такой аналитик, как Ротбард, столь преданный этике суверенитета личности, желает запретить банкам и их клиентам заключать любые договоры, которые являются для них взаимоприемлемыми». Уайт ссылается на типичную старую британскую банкноту: «Банк XYZ „обещает по требованию выдать предъявителю один фунт стерлингов“. Здесь не содержится никакого обещания насчет политики резервирования. Ничто не указывает на то, что банкнота представляет собою складскую квитанцию или предлагает договор ответственного хранения»²³. Уайт утверждает, что в действительности банкнота представляет собой «условный титул собственности» и что банк может «нанести на банкноту и включить в договор о депозите условие, оставляющее ему право отсрочить погашение, что совместимо с передачей титула собственности»²⁴. Сегодня такая практика является обычной у коммерческих банков и депозитных учреждений в отношении сберегательных счетов.

В ответ на приведенные выше аргументы в пользу банковской деятельности с частичным резервированием сторонники твердых денег со 100%-ным резервированием утверждают, что указанные аналогии ложны и некорректны и что выдача банкнот, не обеспеченных звонкой монетой, — мошенническая практика. Фундаментальная основа для такого утверждения тесно связана с юридическими взаимоотношениями между банкирами и вкладчиками. Согласно мнению сторонников 100%-ного резервирования, банкиры в действительности являются ответственными хранителями, а не собственниками средств вкладчиков. Деньги, размещенные у банкира, по-прежнему находятся во владении вкладчиков и могут быть изъяты по первому требованию либо при предъявлении банкноты, либо путем выписки чека. Таким образом, согласно Элджину Гроусклоузу, практика использования этих средств банкирами (а такова и была практика ювелиров) «в сущности является нездоровой, если не сказать нечестной и мошеннической. Кладовщик, принимающий товары на хранение и употребляющий их для своей пользы либо пользуясь ими лично, либо отдавая в долг другому лицу, совершает гражданское правонарушение — передачу товаров другому лицу, за что должен отвечать по гражданскому, если не уголовному законодательству»²⁵.

²² Spahr and Bill, eds., *A Proper Monetary and Banking System for the United States*, op. cit., цит. по: Rothbard, *The Case for 100 Percent*, p. 25.

²³ Lawrence H. White, "Free Banking and the Gold Standard," *The Gold Standard*, op. cit., p. 120.

²⁴ Ibid., p. 121.

²⁵ Elgin Groseclose, *Money: The Human Conflict*, p. 178.

В этой связи Ховард Катц отмечает: «Когда первоначальные вкладчики передавали свое золото ювелиру, морально-юридические их взаимоотношения были однозначны: золото принадлежало вкладчику, а ювелир-банкир лишь обеспечивал его сохранность и выдавал бумажные расписки, служившие доказательством владения. Если банкир использовал золото вкладчика для иных целей, это считалось воровством. Если он выпускал расписки, не обеспеченные золотом, он был виновен в мошенничестве»²⁶.

Для сравнения Катц проводит аналогию указанных морально-юридических взаимоотношений на примере шляп и гардеробщицы: «Предположим, что шляпы всех людей одинаковы, и в конкретном отеле имеется постоянный приток и отток посетителей, так что изо дня в день гардеробщице сдают шляпы на хранение (на шляпы она выдает маленькие билетки, чтобы клиенты могли получить сами шляпы когда захотят). Допустим, гардеробщица заметила, что очень редко возникает спрос более чем на 50% всех шляп, не компенсируемый притоком шляп от новых клиентов. Далее предположим, что «предприимчивая» гардеробщица решила продать 25% всех шляп и присвоить деньги, или — что эквивалентно первому — выдать билетки на шляпы, которых нет, и обменять эти билетки на деньги. Описанная ситуация — явное мошенничество: клиентов, имеющих право на свои шляпы, обманывают. Если бы гардеробщица стала утверждать, что она не сделала ничего плохого, потому что шляпы — это ее резервы, и она поддерживает достаточный уровень «резервов» для удовлетворения обычного спроса на шляпы, ее аргументация не имела бы силы. Точно так же она недействительна и в случае банкиров»²⁷.

Катц весьма критично рассматривает термины «резервы» и «конвертируемость». «Бумажные банкноты, — пишет он, — не были неким видом денег, конвертируемым в золото. Они были расписками, которые *погашались* [т.е. не пускались в обращение повторно]. Когда вы даете гардеробщице билетик и требуете свою шляпу, вы не конвертируете этот билетик в шляпу; когда вы подаете в багажное отделение квитанцию, чтобы востребовать свой багаж, вы не конвертируете квитанцию в багаж. Билетик или квитанция — лишь символ обещания вам вернуть шляпу или багаж (находящихся в вашем владении), когда бы вы их не потребовали»²⁸.

Ротбард оспаривает сравнение, которое Спар проводит между банковской деятельностью с частичным резервированием и строительством мостов, при котором все люди не могут пересечь мост одновременно. Он отвечает так: «Ключевое заблуждение этой аналогии заключается в том, что жители города не могут юридически требовать возможности пересекать мост в любое время (это было бы еще более очевидно в том случае, если бы мост находился во владении частной компании). С другой стороны, держатели заместителей денег вне всяких сомнений имеют юридическое право потребовать свою собственность в любое время по своему желанию.

²⁶ Howard S. Katz, *The Paper Aristocracy* (New York: Books in Focus, 1976), p. 65.

²⁷ *Ibid.*, pp. 65—66.

²⁸ *Ibid.*, p. 66.

Следовательно, их бумаги явно мошеннические, поскольку банк не имеет возможности выполнить все обязательства. Банк, который обанкротился, следовательно, не является просто предпринимателем, чей прогноз не оправдался. Это организация, чье злоупотребление доверием в конечном счете вскрылось»²⁹.

Ротбард сравнивает банкира, действующего на принципах частичного резервирования, с растратчиком, который «берет деньги из кассы компании, чтобы инвестировать их в те или иные личные проекты. Подобно банкиру, он видит возможность для того, чтобы получить прибыль *на чужих активах*. Допустим, растратчик знает, что первого июля придет аудитор для проверки счетов; и он всерьез намерен вернуть „займ“ до этого дня. Допустим, ему это удалось; верно ли, что никто ничего не потерял, и все выиграли? Я с этим не согласен; кража имела место, и виновный в краже должен быть наказан, а не прощен. Позвольте отметить, что защитники банков считают, что проблемы возникают лишь тогда, когда все решают вернуть свою собственность и вдруг обнаруживают, что ее нет. Но я настаиваю на том, что проблемы — кража — случаются в тот миг, когда растратчик берет деньги, а на позднее, когда его „займ“ обнаруживается»³⁰.

В сноске Ротбард достаточно осторожен, чтобы не обвинять сегодняшних банкиров в сознательном мошенничестве или растрате: «...институт банковской деятельности стал столь почитаем и свят, что мы можем лишь сказать — он позволяет узаконенное мошенничество, вероятно, почти всем банкирам неизвестное. В отношении же первых ювелиров, которые положили начало данной практике, считаю, наше мнение должно быть куда более резким»³¹. Ирвинг Фишер делает сходную оговорку³².

Оказывает ли «свободная банковская деятельность» дестабилизирующий эффект?

Кроме вопроса о мошенническом поведении банкиров велись споры о том, стремится ли «свободная банковская деятельность», при которой банки вольны определять собственный уровень резервов звонкой монеты, к равновесию или со временем идет в разнос (дестабилизируется). Этот вопрос поднимается очень часто, главным образом потому, что многие из сторонников 100%-ного резервирования считают «свободную банковскую деятельность» вторым наилучшим решением после введения правила о 100%-ном резервировании.

²⁹ Murray Rothbard, *The Case for 100 Percent*, p. 25.

³⁰ Ibid., pp. 21—22. Однако стоит отметить, что банковская политика в общем запрещает использовать средства вкладчиков на личные цели банкиров, что можно рассматривать как очевидную попытку придать законный вид банковской деятельности с частичным резервированием.

³¹ Ibid., p. 22n.

³² Irving Fisher, *100% Money*, pp. 18—19.

Школа свободной банковской деятельности отстаивает мысль о том, что условие о погашении по первому требованию, в сочетании с конкуренцией, никогда не позволит резервам упасть до опасного уровня. Адам Смит, убежденный сторонник «свободной банковской деятельности», полагает, что экспансия бумажных денег ограничена «нуждами внутренних торговых операций» и что если объем денежного обращения превысит означенные «нужды», банки столкнутся с паникой вкладчиков и зарубежным спросом на золото и серебро. Таким образом, устанавливается равновесие. Однако Смит никогда не пояснял, что он имеет в виду под «той частью банкнот, которая не могла быть поглощена обращением страны»³³.

Представитель банковской школы сэр Генри Парнелл защищает свободную банковскую деятельность («совершенно свободную от всякого вмешательства со стороны законодателей») и в качестве главного примера приводит банковскую систему Шотландии. Согласно Парнеллу, шотланские банки регулярно проводили чеки других банков через клиринговые дома, и данная система частого погашения действовала в качестве эффективного сдерживающего фактора против чрезмерного выпуска банкнот.

В рамках данной системы, «если банк А получит таким образом банкнот банка В больше, чем банк В банкнот банка А, получится положительный клиринговый баланс в пользу банка А, который может требовать погашения этого баланса из золотых резервов банка В. Следовательно, если какой-либо банк выпустит в обращение чрезмерное количество банкнот, у остальных банков баланс по отношению к нему окажется положительным, и возникший отток резервов положит конец его экспансии. Такой контроль через механизм клиринга основывается не на предъявлении банкнот населением для их погашения, а на взаимобмене банкнотами между самими банками. Вероятно, этот механизм работал бы гораздо быстрее, чем механизм, основанный на оттоке за границу драгоценных металлов в результате падения курса национальной валюты»³⁴. Парнелл делает вывод: «Именно непрерывный спрос на монету со стороны банков обеспечивает эффективность принципа конвертируемости, и по причине достаточно раннего и активного спроса на золото ни чрезмерный выпуск бумажных денег, ни их обесценивание не могут иметь места»³⁵.

В США сторонник твердых денег Конди Рогэ утверждал, что частое погашение банкнот звонкой монетой держало бы выпуск банкнот под контролем³⁶.

Уильям Стэнли Джевонс, Роберт Гиффен, Чарльз Конант и другие выражали противоположную точку зрения и выступали против свободной банковской деятельности, указывая на ее саморазрушительный потенци-

³³ Adam Smith, *Wealth of Nations*, pp. 284—287, 298 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 314, 869].

³⁴ Vera C. Smith, *Central Banking*, p. 63 [Смит В. Происхождение центральных банков. С. 120—121].

³⁵ Sir Henry Parnell, “Observations on Paper Money, Banking and Overtrading...,” Pamphlet, 1827, p. 88.

³⁶ Condy Raguet, *Currency and Banking* (1839), *passim*.

ал и утверждая, что конвертируемость сдерживает чрезмерный выпуск банкнот в недостаточной степени. Джевонс писал: «Однако если некоторые банки будут действовать более осторожно и ограничивать себя, в то время как другим будет позволено напрягать свои ресурсы до максимально возможного уровня и превзойти более благоразумные банки в размерах выплачиваемых дивидендов, первым это не принесет особенной пользы»³⁷. Остальные с ним соглашались. Маунтифорт Лонгфилд пишет об отсутствии сдерживающих факторов на пути чрезмерного выпуска банкнот и о том, что консервативные банки отдаются на милость расширяющихся, спекулятивных банков³⁸.

Чарльз Конант приводит аргументы в пользу этой точки зрения: «Когда мы включаем в рассмотрение фактор конкуренции между банками, тот банк, который в отношении размера своих металлических резервов ближе всего подходит к опасной грани, но не теряет при этом доверия публики, при прочих равных будет работать с наибольшей прибылью». Таким образом, у банков имеется сильная мотивация для того, чтобы последовать примеру последних³⁹.

Людвиг фон Мизес, возможно самый заметный из сторонников «свободной банковской деятельности» нынешнего столетия, утверждает, что в чрезмерном выпуске банкнот, в провоцировании «паник вкладчиков» и экономических катаклизмов виноваты главным образом привелигированные банки-монополисты, действующие на основе государственных лицензий. Таким образом, «вопрос об установлении режима свободной банковской деятельности никогда не рассматривался всерьез именно потому, что он слишком эффективно ограничит кредитную экспансию»⁴⁰.

Согласно Мизесу, две естественные силы ограничивают увеличение фидуциарных средств обращения: во-первых, недоверие публики, которое может привести к росту объема погашений и к возможному набегу на банк, а во-вторых, слишком быстрый рост цен, вызывающий бегство в «реальные ценности». Кроме того, при наличии множества независимых банков, если один банк чрезмерно расширяет выпуск фидуциарных денег, в конце концов этому будет положен конец, когда его же клиенты станут погашать его банкноты настоящими деньгами для оплаты товаров и услуг. Более того, «для множества независимо сосуществующих банков границы уже, чем для одного банка с неограниченной клиентурой»⁴¹.

Уайт пишет, что «наличие множества эмитентов минимизирует вероятность масштабных ошибок в предложении денег... Банки, чрезмерно расширившие свои операции, столкнутся с истощением своих резервов звонкой монеты»⁴².

³⁷ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, p. 316.

³⁸ Mountifort Longfield, "Banking and Currency," *Dublin University Magazine*, February 1840.

³⁹ Charles A. Conant, *Money and Banking*, II, pp. 71—72.

⁴⁰ Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 441 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 412].

⁴¹ *Ibid.*, pp. 436—437 [Там же. С. 408].

⁴² White, "Free Banking," *The Gold Standard*, pp. 121—122.

Ротбард занимает схожую позицию, рассматривая «свободную банковскую деятельность» в качестве своего рода второго наилучшего решения проблем денежных систем. Он пишет: «Для сторонника свободного предпринимательства система „свободной банковской деятельности“, бесспорно, привлекательна во множестве аспектов. Она не только лучше соответствует общим институтам свободного предпринимательства, но и, как показали Мизес и другие, свободная банковская деятельность приведет не к бесконечному предложению денег, о чем мечтали ее утопически настроенные сторонники — Прудон, Спунер, Грин и Мойлен, а, скорее, к куда более „твердым“ и здоровым деньгам, чем существующие сейчас, когда банки находятся под контролем центрального банка. Поэтому по сравнению с ныне существующей системой свободная банковская деятельность на практике подошла бы гораздо ближе к идеалу со 100%-ным резервированием. И все же, если «свобода торговли в банковском деле означает свободу надувательства (swindling)», тогда, разумеется, самым разумным образом действий оказалось бы полное исключение надувательства из банковской деятельности. Единственный аргумент Мизеса против банковской деятельности со 100%-ным резервированием состоит в том, что это создало бы нежелательный прецедент государственного регулирования в банковской системе. Но если банковское дело с частичным резервированием представляет собой мошенничество, тогда ее можно объявить незаконной не в форме административного государственного вмешательства в денежную систему, а как часть общего юридического запрета мошенничества и применения силы»⁴³.

И все же Мизес, Ротбард и другие согласны в том, что даже в условиях частого предъявления банкнот к погашению со стороны как вкладчиков, так и конкурирующих банков «совершенной» системы 100%-ного резервирования достичь не удастся. Сам Мизес признает, что «свободная банковская деятельность «не помешает медленному расширению кредита», она лишь не позволит ему превратиться в стремительную кредитную экспансию, что поможет избежать последствий кризисов и депрессий»⁴⁴.

Эластичность валюты и потребности бизнеса

Многие члены школы «свободного банковского дела» утверждают, что национальная валюта должна приспособливаться к «нуждам торговли». Например, Уильям Бро высказывает мнение о том, что для экономики полезно иметь систему частичного резервирования, которая колеблется вслед за

⁴³ Murray Rothbard, *The Case for 100 Percent*, p. 26. See also, *What Has Government Done*, pp. 24—25, and *The Mystery of Banking*, pp. 111—124. Ротбард недавно пересмотрел свою позицию, особенно в отношении «свободной банковской деятельности» в Шотландии. См.: Rothbard, “The Myth of Free Banking in Scotland,” *The Review of Austrian Economics* 2 (1987), pp. 229—245.

⁴⁴ Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 443 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 414].

спросом на кредиты, обеспечивая «эластичность» денежного обращения, способного легко расширяться или сжиматься в соответствии с нуждами бизнеса. Согласно Бро, как чистый металлический стандарт, так и государственный стандарт декретных денег не могут похвастаться такой эластичностью⁴⁵. Похожих представлений придерживался Адам Смит⁴⁶.

Позднее в критическом ключе о «неэластичности» металлического стандарта писали Ф. Хайек и Дж. М. Кейнс. Интересно, что первый считал жесткую неэластичность денежной массы большим преимуществом, а второй — существенным недостатком!

Согласно Кейнсу, неэластичность металлических денег — большой недостаток, особенно в условиях безработицы и «ликвидной ловушки»: «Интересно отметить, что как раз то свойство, благодаря которому золото традиционно считалось особенно удобным для выполнения функции стандарта ценности, а именно неэластичность его предложения, оказалось лежащим в основе всех затруднений»⁴⁷.

Кейнс так аргументирует нужду в эластичности денежной массы: «Таким образом, та особенность денег, что они не могут быть легко произведены с помощью труда, сразу же придает основание *prima facie* тому взгляду, что собственной норме процента на деньги будет свойственна относительно высокая сопротивляемость падению. Напротив, если бы деньги можно было бы выращивать как зерно или изготавливать как автомобили, тогда было бы возможно избегать депрессий или смягчать их, потому что если цена других активов в переводе на деньги имеет тенденцию падать, то больше труда будет направлено на производство денег»⁴⁸.

Кейнс считал, что в условиях золотого стандарта, существовавшего в 1930-х годах, где лишь небольшая часть резервов держалась в форме золотых слитков, падение уровня цен будет стимулировать производство и занятость только «в стране, добыча золота в которой — одна из главных отраслей». Однако в условиях системы золотомонетного стандарта со 100%-ным резервированием ситуация могла бы разительно отличаться. Так, Фридмен делает важное допущение о том, что «при таком стандарте увеличение спроса на деньги будет спросом на товар, а следовательно и косвенным спросом на факторы производства, используемые в производстве данного товара, а следовательно, безработица, проистекающая из „ликвидной ловушки“ кейнсианского типа, будет невозможна»⁴⁹. Здесь, конечно, предполагается отсутствие барьеров при сдвиге занятости и про-

⁴⁵ William Brough, *Open Mints and Free Banking*, pp. 73—74. Ср.: Brace, *Gold Production*, p. 84.

⁴⁶ Adam Smith, *Wealth of Nations*, pp. 284—285 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 308—309].

⁴⁷ John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest and Money* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1936), pp. 235—236 [Кейнс Дж. М. Общая теория процента, занятости и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 226].

⁴⁸ *Ibid.*, pp. 230—231 [Там же. С. 222].

⁴⁹ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 104 n.

изводства в пользу отраслей, относящихся к производству драгоценных металлов и звонкой монеты⁵⁰.

Хайек также отвергает чистый золотой стандарт в том числе из-за неспособности производства золота быстро откликаться на «подлинные» изменения в спросе на деньги: «Значительные приросты предложения золота в прошлом фактически происходили тогда, когда затянувшаяся нехватка создавала реальную потребность в них. Действительно, серьезное возражение состоит скорее в медленном приспособлении предложения золота к реальным изменениям в спросе. Временное повышение общего спроса на высоколиквидные активы или принятие золотого стандарта новой страной неизбежно вызывали значительные изменения в ценности золота, тогда как предложение приспосабливалось к этому медленно. В силу своеобразного механизма запаздывания возросшие объемы предложения золота часто появлялись только тогда, когда нужда в них уже миновала».

Сторонники металлических денег предлагали несколько вариантов ответа на такого рода критику. Например, Ф. А. Уолкер оспаривает идею о том, что фидуциарная эмиссия лучше отвечает нуждам торговли. Наоборот, Уолкер высказывается за то, что металлическая валюта более «эластична». Так, «если где-нибудь возникает чрезвычайно высокий спрос, золото или серебро реагируют на него с величайшей готовностью, в отличие от любого другого предмета, не обладающего столь же высокой ценностью за тот же объем и в то же время не являющегося таким предметом, в котором для целей обмена выражается ценность всех других товаров. Но хотя, подчиняясь сколь угодно слабым экономическим импульсам, в одни моменты времени в каком-либо месте может находиться больше таких денег, чем в другие моменты времени, общее их количество за счет этого не увеличивается... Однако в отношении размениваемых [на звонкую монету] бумажных денег такой гарантии быть не может. Возросший местный спрос удовлетворяется не предложением, черпаемым из общего резервуара и вновь возвращаемым в общее обращение после того, как нужда спадет, но эмиссиями местного происхождения и местного хождения»⁵¹.

Аналогичным образом происходит автоматическая подстройка при сезонных изменениях в спросе на деньги. Уолкер утверждает, что «скорость обращения стихийно возрастет в ответ на увеличение спроса на деньги, и объясняет эту точку зрения очень убедительно»⁵². Минтс по этому поводу пишет: «По мере приближения к сезонному пику сделок процентные ставки будут расти, что может привести к тому, что бизнесмены начнут экономить наличность. Однако более важным фактором будет наращивание остатков наличности теми, кто ожидает роста потребности в наличных позднее в данном году, а это всего лишь другой способ сказать, что скорость

⁵⁰ F. A. Hayek, *Individualism and the Economic Order*, p. 211 [Хайек Ф. Резервная валюта с товарным обеспечением. С. 251].

⁵¹ F. A. Walker, *Money*, p. 417.

⁵² Lloyd W. Mints, *History of Banking Theory*, p. 236.

обращения будет относительно низкой в то время, когда спрос на деньги не самый высокий»⁵³.

Чарльз Кэррол полностью отвергает идею эластичности. Он развенчивает концепцию о том, что «увеличение объемов торговли с необходимостью требует увеличения [количества] денег». Напротив, считает Кэррол, приспособление будет происходить в виде изменения цен. Увеличение производства золота будет компенсироваться ростом цен и наоборот, а «общее предложение золота не является важной добавкой к богатству»⁵⁴.

Не только Кэррол, но и многие сторонники твердых денег также пропагандировали идею о том, что общий запас металлических денег не имеет значения. Например, Мизес утверждал, что увеличение предложения денег не увеличивает общего благосостояния, а лишь изменяет распределение богатства посредством изменения цен: «...поскольку оно приносит пользу части общества за счет соответственной потери у другой его части»⁵⁵. На эту тему пишет и Ротбард: «Увеличение предложения денег означает лишь, что большее количество денежных единиц обслуживают общественную функцию обмена, вследствие чего покупательная способность каждой единицы снизится. В силу указанного изменения покупательной способности увеличение предложения денег, в отличие от всех прочих полезных товаров, используемых в производстве или потреблении, не приносит обществу пользы. Единственная причина, по которой добыча золота приносит пользу, фактически заключается в том, что большие запасы золота способны удовлетворить больше видов неденежного использования золота как товара»⁵⁶.

Обременительные ограничения на банковскую деятельность

Некоторые критики утверждают, что в условиях 100%-ного резервирования банковская деятельность столкнется с такими ненужными трудностями, что практически будет вычеркнута из жизни. Например, Артур Нуссбаум утверждает, что «лишь в широком и нетехническом смысле отношение депозитного банка к вкладчику может считаться опекуном. Оно не включает ни доверительную собственность (trust), ни ответственное хранение (bailment). Обратное наложило бы на банковское дело невыносимое бремя»⁵⁷.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Charles H. Carroll, "The Gold of California and Paper Money," *Organization of Debt*, pp. 19—31.

⁵⁵ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 208 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

⁵⁶ Murray Rothbard, *The Case of 100 Percent*, p. 28.

⁵⁷ Arthur Nussbaum, *Money in the Law, National and International* (Brooklyn, N.Y.: Foundation Press, 1950), p. 105.

Мизес делает аналогичное замечание относительно издержек системы со 100%-ным резервированием: «Эмиссия денежных сертификатов — занятие дорогостоящее. Необходимо напечатать банкноты, отчеканить монету, организовать сложную систему учета вкладов, безопасное хранение резервов, существует риск подделки банкнот и чеков. Всем этим издержкам противостоит незначительная вероятность того, что некоторые эмитированные банкноты будут испорчены, а некоторые владельцы депозитов могут забыть про них. Выпуск денежных сертификатов является разорительным занятием, если не связан с эмиссией инструментов, не имеющих покрытия. На заре банковского дела существовали банки, единственными операциями которых был выпуск денежных сертификатов. Однако клиенты компенсировали банку понесенные издержки»⁵⁸.

В другой работе Мизес использует более сильные выражения: «Запрет эмиссии каких бы то ни было банкнот, кроме полностью обеспеченных, а также запрет выдавать в виде ссуд средства с депозитов (каковая выдача является основой чековых и клиринговых операций), означал бы почти полное прекращение эмиссии банкнот и почти полное удушение чекового и клирингового бизнеса». Мизес, однако, признает, что запрет декретных денег не означает «смертный приговор» банковской деятельности. Банки продолжали бы выдавать кредиты и брать займы с целью выдачи ссуд⁵⁹.

Джевонс также пишет о банковской прибыли: «Банкир не мог бы получить ни гроша прибыли, если бы должен был хранить у себя уплаченные ему каким-либо клиентом соверены до тех пор, пока этот последний не предъявит ему чека на них, да банкиру и надобности нет обязываться хранить у себя данные, врученные ему соверены»⁶⁰.

Однако сторонники правила о 100%-ном резервировании не считают, что произойдет столь резкое снижение банковской активности. Естественно, будет взиматься более высокая плата за услуги, чем привычная нам, хотя можно представить, что депозитарные сборы могли бы частично компенсироваться иными прибыльными операциями банков в их усилиях захватить большую рыночную долю. Касаясь вопроса обременительности, Ротбард утверждает: «Этот аргумент указывает на предполагаемую огромную пользу банковского дела; будь польза действительно столь велика, тогда клиенты наверняка согласились бы платить за оказываемые им услуги, как они сегодня соглашаются платить за дорожные чеки. Если бы они не выражали желания оплачивать расходы банковского бизнеса, как они оплачивают расходы иных полезных для них отраслей, данный факт продемонстрировал бы, что преимущества банковского дела существенно преувеличены»⁶¹.

⁵⁸ Murray Rothbard, *The Case of 100 Percent*, p. 28.

⁵⁹ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, pp. 323—325 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

⁶⁰ W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 208—209 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 110].

⁶¹ Murray Rothbard, *Case for 100 Percent*, p. 27.

В другой работе Ротбард развивает эту тему: «Для складского бизнеса считается само собой разумеющимся требование постоянно иметь на складе все товары, оставленные на хранение владельцами (хранить 100%-ный резерв). По сути дела, иное поведение рассматривалось бы как мошенничество или кража. Доход складов образован платой, которую они взимают со своих клиентов за оказываемые услуги по хранению ценностей. Банки могут взимать плату за оказываемые услуги совершенно таким же образом. Если кто-то возразит, что потребители не будут платить за эти услуги, то это лишь означает, что услуги банков не пользуются большим спросом. В этом случае использование банков просто-напросто сократится до такого уровня, который потребители посчитают оправданным»⁶².

Ценовая стабильность и инфляция золота

Многие из оппонентов чистого металлического стандарта оспаривают заявление о том, что производство золота и серебра обеспечивает относительно стабильный уровень цен. Выше мы отмечали, каким образом в рамках этой системы предложение реальных денег зависит от спроса и предложения звонкой монеты, и хотя «спрос высок, а предложение низко», нет никакой гарантии, что производство драгоценных металлов каким-то образом совпадет с совершенно стабильным уровнем цен, будь то в краткосрочном или долгосрочном периодах.

Ф. А. Уолкер ссылается на нестабильность золота в долгосрочном периоде. «Не следует ожидать, — говорит Уолкер, — что ценность денег будет оставаться неизменной в течение долгого времени. Одна из двух сторон „длинных“ контрактов, по всей вероятности, теряет, а вторая выигрывает в результате изменения ценности. Получаемые таким образом убытки могут быть как незначительными, так и серьезными, даже фатальными»⁶³. Насколько серьезными могут быть указанные эффекты, Уолкер иллюстрирует на примере периода истории, непосредственно следующего за открытием золота в Калифорнии и Австралии, цитируя профессора Дж. Кэрнса: «Рассматривая происходящее под любым углом, мы видим неудобства, трудности и несправедливость, видим, как в торговые сделки вводится элемент неопределенности, как нарушаются задуманные фиксированными контракты, как стимулируется дух коммерческих спекуляций, и без того слишком сильный. На те классы, которые вызывают у нас наибольшую

⁶² Murray Rothbard, *What Has Government Done*, pp. 21—22 [Ротбард М. Государство и деньги. Челябинск: Социум, 2008. С. 57]. (Можно отметить, что (по словам Адама Смита) Банк Амстердама был весьма прибылен несмотря на «чрезмерные» сборы). См.: Smith, *Wealth of Nations*, pp. 448—453 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 464—469]. См. также: Dunbar, *Chapters on the Theory and History of Banking* (New York: Putnam, 1901), p. 104. Однако успех Банка Амстердама в первую очередь мог объясняться его монопольным положением.

⁶³ F. A. Walker, *Money*, p. 91.

симпатию и которые желательнее всего поддерживать по социальным причинам, падают незаслуженные убытки!»⁶⁴

Впрочем, Кэрнс и другие могли преувеличивать степень нестабильности, вызванную открытиями новых месторождений золота: в то время действовал золотой стандарт с частичным резервированием, и воздействие последнего на денежную массу и цены во много раз превышало влияние собственно самих открытий.

Гарризон Брэйс оспаривает выводы Кэрнса: «Очевидно, что алармистские пророчества Шевалье и его школы не сбылись. Мы не наблюдали тех внезапных рывков или всплесков цен, которые, как известно, происходили в прошлом из-за мощного потока драгоценных металлов из Америки. Условия бизнеса в XIX и XVI столетиях были различными: масштабы самого бизнеса стали гораздо больше, коммуникации лучше, а мир, на который могли повлиять новые запасы, заметно расширился»⁶⁵.

Спекулятивная лихорадка, последовавшая за открытием месторождений золота, обострялась «спекулятивной банковской деятельностью»: «Аномальная спекуляция и аномальный кредит идут рука об руку... Но с течением времени приходит понимание того, что данный спрос ложен — и банковские кредиты, которые привели к появлению определенных депозитов, не имеют под собой здоровой основы»⁶⁶.

Как указывает Фридмен, для достижения стабильности цен «в стационарной экономике производство [золота] необходимо лишь для покрытия потерь от износа и истирания; в растущей же экономике — также для увеличения денежной массы»⁶⁷. Согласно Фридмену, «для того чтобы товарные цены оставались примерно постоянными, [предложение денег] должно расти примерно на 4% в год»⁶⁸.

Взгляды многих критиков по поводу стабильности золота выразил Дж. М. Кейнс: «В настоящее время материальный прогресс все сильнее зависит от роста научно-технических знаний, применение которых в процессах золотодобычи неравномерно. Проходят годы без каких-либо заметных улучшений в методах извлечения золота, а затем какой-нибудь гениальный химик начинает вдруг реализовывать мистификации и мечты прошлого по превращению недргоценных элементов в похожие на драгоценные или извлекать золото из морской воды в периоды экономического бума. Золото обречено быть либо слишком дорогим, либо слишком дешевым. В любом случае, ожидать от череды случайностей, что она будет удерживать металл на одном и том же уровне, — это слишком сильное допущение»⁶⁹.

⁶⁴ John E. Cairnes, *Essays in Political Economy* (New York: Augustus M. Kelley, [1873] 1965). Цит. по: Walker, *Money*, p. 149.

⁶⁵ Harrison Brace, *Gold Production*, p. 23.

⁶⁶ *Ibid.*, pp. 81—82.

⁶⁷ Milton Friedman, *Monetary Stability*, p. 5.

⁶⁸ *Ibid.*, pp. 104—105n.

⁶⁹ J. M. Keynes, *Essays in Persuasion* (New York: Harcourt, Brace and Co., 1932), p. 201. Кейнс критически относится в отношении двух элементов финансовой политики Западного мира: к «неспособности национальных валют оставаться стабильными

Отвечая на эту критику, сторонники металлического стандарта со 100%-ным резервированием считают эфемерной цель поддержания стабильности цен в общенациональном масштабе, достижение которой в реальном мире и в условиях рыночной системы возможно лишь случайно. Их больше волнует вопрос о том, является ли система, основанная на звонкой монете, более стабильной, чем система с частичным резервированием или даже государственная система декретных денег со 100%-ным резервированием. Как выразился Луиджи Эйнауди, стабильность цен — «утопия, поскольку невозможно составить несмещенный индекс цен, который мог бы служить ориентиром для обеспечения стабильности цен». Кроме того, стабильность общего уровня цен — «наивная и безосновательная идея». Эйнауди задает вопрос: «Почему мы должны стремиться к неизменности цен в мире, где все остальное непрерывно изменяется? Должны ли мы также стремиться к неизменности каждой отдельной цены, что является очевидным абсурдом? Зачем ставить своей целью поддержание неизменности чего-то столь абстрактного, как общий уровень всех цен? Следует вспомнить, что склонность смотреть на мир с точки зрения вечности и неизменности была свойственна человеку Средних веков; широко распространенное желание наших современников иметь постоянный общий уровень цен может быть пережитком средневековых умонастроений»⁷⁰.

Большинство сторонников твердых денег признают, что предлагаемая ими чисто металлическая система подразумевает периоды роста или снижения цен, и не считают это проблемой.

История ценовой стабильности в условиях золотого стандарта

А что говорит история? По данным Майкла Дэвида Бордо, в Великобритании (1821—1914 гг.) и в США (1834—1861 и 1879—1933 гг.) в условиях классического золотого стандарта индекс оптовых цен был относительно стабильнее, чем после, когда обе страны приняли намного более дискреционный стандарт декретных денег. В обеих странах в условиях классического золотого стандарта тренд был слегка дефляционным⁷¹.

относительно того, что принято считать стандартом стоимости (а именно золота), а также неспособности самого золота оставаться стабильным с точки зрения покупательной способности». Idem., *A Tract on Monetary Reform* (London: Macmillan & Co., 1923), p. 140. Когда Кейнс высказывается против возврата к «золотому стандарту», он имеет в виду исторический золотодевизный стандарт, характеризующийся конвертируемостью в золото по фиксированной цене. По недостаткам исторического золотого стандарта имеется обширная литература, в создании которой Кейнс был одним из лидеров. Впрочем, это выходит за рамки настоящей работы.

⁷⁰ Luigi Einaudi, "Theory of Imaginary Money," in Lane and Riemersma, *Enterprise*, pp. 152—153.

⁷¹ Michael David Bordo, "The Gold Standard: Myths and Realities," in Barry N. Siegel, *Money in Crisis*, pp. 211—214.

Фридмен и Шварц также приходят к выводу: «Слепое, непреднамеренное и квазиавтоматическое действие золотого стандарта давало большую меру прогнозируемости и регулярности, чем это делал хорошо обдуманый и сознательный контроль, который осуществлялся в рамках институциональной среды, предназначенной для содействия монетарной стабильности»⁷².

Критики золота могут соглашаться с аргументом, что изменения цен относительно более умеренны в условиях классического золотого стандарта, но утверждают, с другой стороны, что «сравнение темпов роста среднего дохода на душу населения и уровня безработицы показывает, что золотой стандарт не имеет очевидного превосходства над новым устройством денежной системы; если уж на то пошло, то верно как раз обратное»⁷³.

Высокие издержки производства: драгоценные металлы — напрасная растрата ресурсов?

Один из самых популярных аргументов против золотого стандарта, да и любого товарного стандарта, фокусирует внимание на высоких затратах на производство золота или другого монетарного товара. Этот аргумент, возможно в большей степени, чем все остальные, был причиной того, что золотая и серебряная монета в качестве денежных единиц лишилась поддержки, по крайней мере с экономической точки зрения.

Мысль о том, что товарный стандарт — дорогостоящая «растрата ресурсов», чрезвычайно стара. Ее разделяли еще Адам Смит и Давид Рикардо. Адам Смит предполагал, что, заменив золото и серебро бумажными банкнотами, можно снизить затраты на денежное обращение, не ухудшив его качество. Он сравнивает драгоценные металлы с шоссейной дорогой, по которой все зерно поступает на рынок, но на которой ничего не растет⁷⁴. Рикардо придерживался схожих взглядов. Предлагавшаяся им идеальная денежная система совершенно исключала из внутреннего обращения металлические деньги, которые заменяются бумажными деньгами с минимальными издержками⁷⁵.

Упомянув взгляды Смита и Рикардо, эту позицию классической школы развивает Мизес. Использование фидуциарных денег, утверждает он, позволяет странам Запада не направлять в добычу золота ценную рабо-

⁷² Milton Friedman and Anna J. Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867—1960* (Princeton: Princeton University Press, 1963), p. 10 [Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов, 1867—1960. Киев: Ваклер, 2007. С. 8—9].

⁷³ Barry Eichengreen, “Editor’s Introduction,” in Eichengreen, editor, *The Gold Standard in Theory and History* (New York: Methuen, 1985), p. 8, *passim*.

⁷⁴ Adam Smith, *Wealth of Nations*, Book II, pp. 28, 78 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 304, 330].

⁷⁵ David Ricardo, “Proposals for an Economical and Secure Currency,” *Works*, p. 397ff. [Рикардо Д. Предложение в пользу экономного и устойчивого денежного обращения. С. 179—254].

чую силу и капитал, ведь это означало бы лишения с точки зрения «благосостояния общества». Затраты на производство звонкой монеты — одна из главных причин, по которым Мизес отвергает полный металлический стандарт⁷⁶.

В работе «Человеческая деятельность» Мизес вновь подтверждает эту точку зрения, отталкиваясь от вывода о том, что деньги отличаются от всех остальных товаров в экономике в том плане, что количество денег не имеет значения, и их «всегда достаточно, чтобы обеспечить каждому все, что делают и могут сделать деньги». А потому «с этой точки зрения можно назвать расточительными любые затраты, понесенные ради увеличения количества денег. То, что вещи, которые могут оказать другие полезные услуги, используются в качестве денег и тем самым отвлекаются от этих направлений использования, кажется чрезмерным урезанием ограниченных возможностей удовлетворения потребностей». Однако Мизес делает важную оговорку, пусть и исключительно по политическим причинам: «Если посмотреть на катастрофические последствия колоссальной инфляции бумажных денег, следует признать, что дороговизна производства золота является меньшим злом»⁷⁷. Этому политическому наблюдению, впрочем, оказалось недостаточно для того, чтобы Мизес высказался в пользу чистого золотого стандарта, но его хватило, чтобы отразить его поддержку «свободной банковской деятельности»⁷⁸.

Коллега Мизеса Ф. Хайек считает высокие издержки производства золота «серьезным возражением» против золотого стандарта. Он заявляет: «В безопасном мире в государстве с правительством, имеющим иммунитет против искушения инфляцией, было бы абсурдно тратить огромные усилия на извлечение золота из недр, если дешевые жетоны будут оказывать те же услуги, что и золото с равной или большей эффективностью»⁷⁹.

Генри Саймонс пишет о добывающих компаниях в условиях золотого стандарта как о «продавцах избыточных, бесполезных сокровищ», что приводит к «растранжириванию ресурсов мира на производство золота»⁸⁰. А Пол Самуэльсон отражает современные настроения: «Сколь абсурдно впустую растрчивать ресурсы, извлекая золото из земных недр лишь для того, чтобы вновь похоронить их в подземелье Форт-Нокса в Кентукки!»⁸¹

Простое и понятное объяснение этой точки зрения предлагает Милтон Фридмен: «...фундаментальный дефект товарного стандарта с точки зрения общества в целом состоит в том, что для увеличения запаса денег требуется использование реальных ресурсов». Этот факт служит мощным стимулом

⁷⁶ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, pp. 298—299, 323 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

⁷⁷ Ludwig von Mises, *Human Action*, pp. 421—422 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 394].

⁷⁸ Ibid. [Там же.]

⁷⁹ F. A. Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*, pp. 74—75. Ср.: Wicksell, *Lectures on Political Economy*, p. 123.

⁸⁰ Henry C. Simons, *Economic Policy*, p. 262.

⁸¹ Paul Samuelson, *Economics* (New York: McGraw-Hill, 1970, 8th ed.), p. 700.

для введения в денежную систему фидуциарных элементов⁸². Экономически издержки на то, чтобы добыть металлические деньги, в целом «никоим образом нельзя считать пренебрежимо малыми». Производство золота было бы очень затратным, даже если бы был достигнут стабильный уровень цен, пишет Фридмен. «Для того чтобы удерживать товарные цены примерно постоянными, денежная масса должна расти примерно на 4% в год», и «в растущей экономике расходование на эти цели столь существенных ресурсов служит мощным социальным стимулом для поиска более дешевого средства обмена». С другой стороны, фидуциарная валюта «потребовала бы расходования пренебрежимо малых ресурсов для производства средства обмена...»⁸³

Пешек и Сэйвинг в учебнике «Foundations of Money and Banking» предлагают графическое разъяснение данных вопросов, используя экономический инструментарий спроса и предложение⁸⁴.

Прежде всего, Пешек и Сэйвинг исследуют экономические аспекты товарных денег, таких как золото. Они сравнивают конкурентные условия производства золота с монопольными. Приведенный на стр. 334 график взят из их книги.

На графике показан конкретный запас золотых денег в некий конкретный год. Равновесный запас денег предполагается равным q_e , а цена, представляющая весь набор товаров и услуг, которые на эти деньги покупаются, — p_e . Теперь предположим, что спрос на деньги возрастает с DD до $D'D'$. Допустим, что в условиях конкуренции предложение равно $S_c S'_c$, где индекс «с» означает конкуренцию. Как видно на графике, увеличение спроса на деньги увеличит производство товарных денег с q_e до q_c . Однако если индустрия производства денег монополизирована, функция предложения окажется круче ($S_m S'_m$). Один и тот же сдвиг функции спроса вызовет увеличение запаса денег на меньшую величину, чем в условиях конкурентного производства (лишь до q_m). Также, как показывает график, в условиях меньшего запаса денег их цена будет выше — p_m (т.е. цена на товары и услуги упадет).

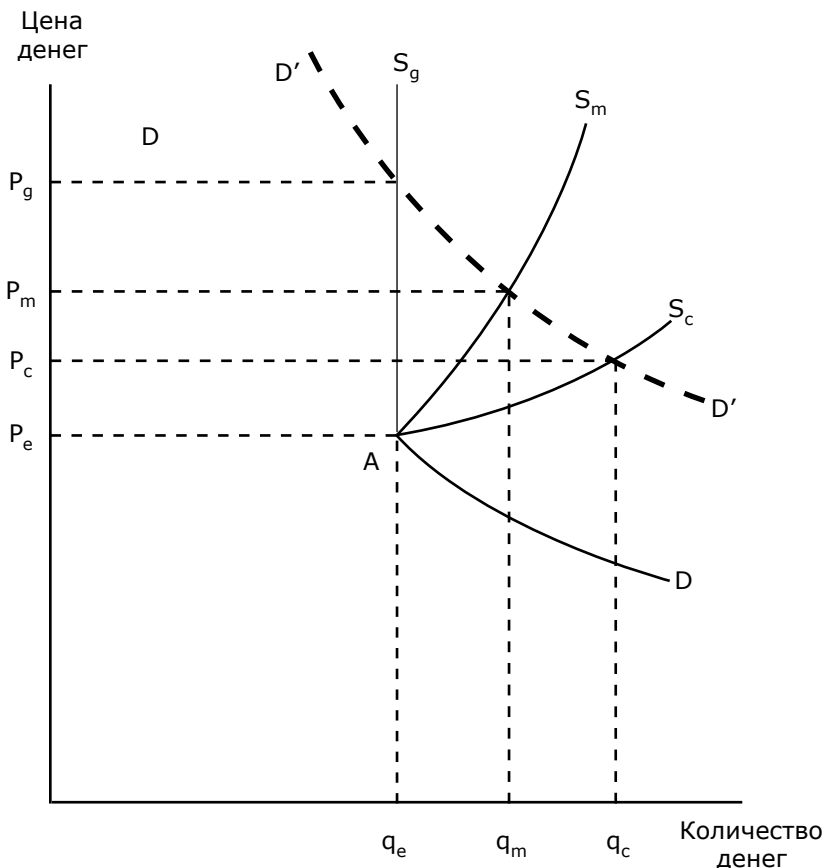
Согласно Пешеку и Сэйвингу, в отличие от производства обычных товаров, монополизация которых выгодна монополисту и вредна для остальной части общества, производство товарных денег обладает особой характеристикой, которая делает его монополизацию «желательной» с экономической точки зрения. Уникальное свойство денег состоит в том, что «денежные товары... обеспечивают поток услуг, который прямо пропорционален их цене. Это означает, что увеличить способность денежного запаса оказывать (нам) услуги средства обмена можно либо путем увеличения запаса, либо путем увеличения его цены». По существу, это совпадает с тем, на что ука-

⁸² Milton Friedman, "Should There be an Independent Monetary Authority?", *Monetary Stability*, p. 221.

⁸³ Milton Friedman, *Monetary Stability*, pp. 5—7.

⁸⁴ Boris P. Pesek and Thomas R. Saving, *The Foundations of Money and Banking* (New York: MacMillan, 1968), p. 60.

Сравнение конкурентного и монополистического производства денег

зывает Мизес: деньги не являются ни потребительским товаром, ни средством производства, поскольку утрата денег не приводит к ухудшению общего благосостояния, и «экономическое положение человечества не меняется» (здесь речь идет исключительно о денежном использовании товарных денег, а не об их промышленном или художественном использовании)⁸⁵.

В результате Пешек и Сэйвинг приходят к следующему выводу: «Уменьшая производство денежного товара, монополизация высвобождает для иных применений ресурсы, которые в противном случае использовались бы для производства денежного товара, но не оказывает влияния на реальный доход, получаемый от денег. В силу того, что монополизация

⁸⁵ Ludwig von Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 85 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения].

производства денег не уменьшает объем оказываемых деньгами услуг и, ограничивая производство и высвобождая для иного применения ресурсы, увеличивает объем услуг, оказываемых другими товарами, легко показать желательность монополизации денежного производства. (Отметим, что если мы возражаем против монопольных прибылей производителя денег, мы всегда можем обложить их налогом или, что еще проще, вверить такую монополию самому государству)».

Используя приведенный выше график, Пешек и Сэйвинг развивают свою мысль: «Конкурентная индустрия денег, увеличивающая производство денежного товара в ответ на рост спроса... растрчивает ресурсы (сырье, человеко-часы, машино-часы)... Монополия, ограничивая рост запаса (равновесный запас растет лишь до q_m), делает шаг в правильном направлении. Однако если увеличение до q_c — это напрасная растрата ресурсов, то увеличение до q_m есть то же самое, только в меньшей степени. И это действительно так. Если бы государство просто законодательно запретило любое дополнительное производство денег, зафиксировав функцию предложения $S_g S_g \dots$, желаемого увеличения оказываемых деньгами услуг можно было бы добиться путем изменения цены денег без необходимости тратить какие-либо ресурсы»⁸⁶.

Отсюда остается лишь один шаг, утверждают Пешек и Сэйвинг, до осознания того, что «если количество имеющихся денежных единиц не имеет значения», тогда «не имеет значения и то, из какого материала они изготовлены». И в таком случае можно выдвинуть экономический аргумент в пользу декретных денег в условиях государственной монополии. Но в этом случае, как предупреждают Пешек и Сэйвинг, «к сожалению, пренебрежимо малые издержки производства современных денег имеют свои недостатки. Они позволяют государству злоупотреблять монопольной властью на производство денег»⁸⁷. Впрочем, это ни в коей мере не уменьшает важность *экономических* аргументов в пользу декретной валюты.

До недавнего времени сторонники чистого золотого стандарта редко оспаривали этот аргумент против товарных денег, который, как мы отметили выше, по-видимому, является наиболее сильным экономическим аргументом против использования звонкой монеты. Фрэнсис Уолкер — один из немногих экономистов, который дает ответ на этот мнимый недостаток золотого стандарта в поддержку золота. Отвечая тем, кто рассматривает монетарное золото как «расточительство», Уолкер пишет: «Менее ли деятелен мост, по которому едет грузовой или пассажирский поезд, чем пыхтящие и фыркающие двигатели, приводящие в движение автомобили? Представьте бетонные блоки, лежащие глубоко под землей в фундаменте здания, которое служит целям промышленности, искусства или государственных нужд. Можно ли сказать, что они не используются? Бесспорно, мнение о том, что золото в хранилищах банка лежит праздным и неиспользуемым грузом, отражает недостаток научного воображения: истинные и реальные символы

⁸⁶ Pesek and Saving, *Foundations*, pp. 61—62.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 9.

золота деятельно перемещаются по поверхности земли и вне банковских стен, обслуживая повседневные обменные операции 30 млн человек»⁸⁸.

Впрочем, не так давно сторонник свободного рынка экономист Роджер Гаррисон подверг критике тезис о ресурсных издержках, выдвигаемый критиками золота. Гаррисон утверждает, что как в условиях золотого стандарта, так и в его отсутствие затраты ресурсов на производство золота «избежать не удастся». Он пишет: «После введения бумажноденежного стандарта золото не утрачивает денежной ценности... Золото продолжают добывать, выплавлять, переплавлять в слитки и монеты, хранить и сторожить; ресурсные издержки остаются с нами. Фактически бумажноденежный стандарт, администрируемый безответственными денежными властями, может настолько повысить денежную ценность золота, что при бумажноденежном стандарте ресурсные издержки окажутся намного выше, чем при золотом стандарте. Рыночные процессы, действующие с древнейших времен, выделили золото в качестве первостепенного денежного товара, и до тех пор пока внедрение на рынке альтернативного стандарта не приведет к падению цен на золото до такого уровня, когда оно станет годиться только для немонетарного использования, этих ресурсных издержек избежать не удастся»⁸⁹.

Экономика «идеального» стандарта: полностью металлический стандарт против полностью декретного

В нашей работе мы прослеживаем определенное сходство между металлическим, или товарным, стандартом со 100%-ным резервированием и предложенным Ирвингом Фишером декретным стандартом со 100%-ным резервированием, который увековечен Чикагской школой (Саймонсом, Фридменом и др.). Обе программы строго разделяют создание денег и кредитные операции. Оба подхода запрещают частичное резервирование депозитов до востребования, сводя депозитную роль банков в буквальном смысле к функции денежных складов с выполнением требования о 100%-ном резервировании. Если банки решат принять участие в кредитных операциях, им придется полагаться на собственный капитал и нераспределенную прибыль (либо выступать в качестве финансовых посредников). Однако кредит не сможет создаваться на основе депозитов до востребования (включая номинально срочные вклады, которые позволяют снятие средств по первому требованию). И металлический, и декретный стандарты сделают ненужным федеральное страхование депозитов.

⁸⁸ F. A. Walker, *Money*, p. 528.

⁸⁹ Roger W. Garrison, "The Costs of a Gold Standard," *The Gold Standard*, op. cit., p. 70. Фридмен и Шварц недавно поддержали эту точку зрения. См.: Friedman and Schwartz, "Has Government Any Role in Money?" in Anna J. Schwartz, *Money in Historical Perspective* (Chicago: University of Chicago Press, 1987), p. 310.

Эти два стандарта отличаются друг от друга лишь в двух аспектах. Во-первых, у них разные акценты и разная фундаментальная философия. Чикагская школа рассматривает предложение о 100%-ном резервировании денег как «технический прием» — эффективный и полезный инструмент для государственного контроля над предложением денег и устранения «встроенной нестабильности» банковской деятельности с частичным резервированием, который избавляет от лагов и трений банковской системы. В свою очередь, школа твердых денег считает действующую в настоящее время систему частичного резервирования не только нестабильной по своей природе, но и в высшей степени мошеннической и аморальной практикой обмана публики со стороны банков. Возврат к звонкой монете со 100%-ным резервированием считается возвратом к свободному рынку в сфере денежного обращения, а также к полному восстановлению прав собственности вкладчиков.

Второе важное отличие, конечно же, заключается в том, что один стандарт одобряет в качестве средства обмена товар, отобранный рынком за долгие годы (т.е. золото и серебро), а другой предпочитает бумажный стандарт, необеспеченный никаким товаром и всецело управляемый государственным центральным банком. В первом случае возможности государства манипулировать денежной массой серьезно ограничены; во втором же государство играет центральную роль в системе денежного обращения, полностью контролируя денежную единицу, причем в отсутствие государства декретный стандарт быстро развалится, поскольку все экономические агенты будут стремиться печатать собственную бумажную валюту.

Причины того, почему полный и свободный металлический стандарт постепенно сдал свои позиции в денежных системах современного мира в пользу фидуциарного средства обмена, многогранны и сложны. Но помимо политических соображений, объясняющих этот факт, важнейшей экономической причиной для отказа от звонкой монеты в пользу необеспеченных бумажных денег является фактор издержек. Производство золота и серебра в качестве монетарных металлов считается чрезмерно высоким финансовым бременем для общества, особенно в сравнении с пренебрежимо низкой стоимостью бумажных заменителей. Именно в этом заключается суть экономического аргумента.

Мюррей Ротбард и Роджер Гаррисон (в числе других) предпринимали попытки преодолеть это возражение, обращая внимание на дорогостоящие дефекты государственного декретного стандарта (в любой его форме, будь то система частичного резервирования или система со 100%-ным резервированием) по сравнению с чистым золотым стандартом.

Экономический аргумент против полного или частичного декретного денежного стандарта базируется на австрийской теории экономического цикла, разработанной Мизесом и Хайеком и не так давно заново переформулированной Ротбардом и другими экономистами из числа сторонников свободного рынка. По мнению экономистов австрийской школы, декретный бумажный стандарт вызывает серьезные перекосы в размещении ресурсов, оборачивающиеся гораздо большими издержками, чем мнимые издержки металлического стандарта.

Согласно Хайеку, одному из выдающихся теоретиков так называемой денежной теории ошибочных инвестиций, производство товаров производственного назначения и потребительских товаров сбалансировано. Равновесие устанавливается, когда тенденции к удлинению или укорачиванию производственной структуры нет, либо она слабо выражена. Производственная структура рассматривается как серия «стадий», которые начинаются с сырьевых товаров и благ производственного назначения, или капитальных благ «высших порядков», и заканчиваются готовыми потребительскими товарами⁹⁰. Совокупное равновесие достигается, когда спрос и предложение как потребительских товаров, так и средств производства находятся в равновесии.

Это равновесие нарушается всякий раз, когда происходят изменения в предложении денег или сберегательно-инвестиционных привычках общества. К примеру, если рост сбережений происходит *прежде* инвестиций, тогда ресурсы перенаправляются из производства потребительских товаров в производство инвестиционных товаров. Потребление падает, а инвестиции растут, и общий уровень цен почти не меняется.

С другой стороны, если в результате искусственного расширения кредита инвестиции появляются *прежде* сбережений, происходит расширение инвестиций без изменения соотношения потребления и сбережений. А поскольку производственная структура становится более окольной, начинается бум и формируется тенденция роста цен и издержек.

Согласно этому тезису расширение денежной массы посредством банковского кредита (через скупку государственных ценных бумаг Комитетом Федерального резерва по операциям на открытом рынке или путем понижения нормы обязательных резервов и выдачи дополнительных кредитов банковским сообществом) запускает экономический цикл. Этот эффект может быть достигнут как при декретном стандарте со 100%-ным резервированием, так и в условиях банковской системы с частичным резервированием.

Рост денежной массы вначале оказывает влияние на ссудный рынок, увеличивая предложение инвестиционных средств. Это ведет к снижению процентных ставок ниже того уровня, на котором они находились бы в противном случае, что вызывает рост инвестиционных расходов относительно потребительских расходов или, иными словами, падение учетной ставки увеличивает цены спроса на капитальные блага длительного пользования относительно цен спроса на наличные потребительские блага. Говоря языком австрийской школы, структура капитала удлиняется, когда бизнесмены используют полученные средства для инвестирования в производственные блага «высших порядков». Полученный в результате новый график спроса поднимает цены на капитальные блага (в частности, на блага более

⁹⁰ См.: F. A. Hayek, *Prices and Production* (London: Routledge and Kegan Paul, 1935) [Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007]. Также см.: Mises, *Theory of Money and Credit* [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения.] и Eugen von Böhm-Bawerk, *Positive Theory of Capital* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959) [Бем-Баверк О. Капитал и процент. Челябинск: Социум, 2010].

длительного пользования) и вызывает сдвиг в инвестициях с производства «нижних» порядков (ближайших к потребителю) к более «высоким» (расположенным дальше всего от потребителя) порядкам производства.

В сущности, это описание фазы «бума» делового цикла. Но, как отмечалось выше, экспансия сильнее всего затрагивает производство товаров длительного пользования и факторы производства, на которые обрушивается повышенный спрос (в частности, сырье). В конце концов бум охватывает остальные отрасли экономики, но в начальный период экспансии ближайшие к потребителю рынки затронуты в меньшей степени.

Однако фаза экспансии длится недолго. Согласно теории австрийской школы в экономике начинают действовать силы, разворачивающие денежную экспансию вспять. В конце концов увеличение количества банковских денег просачивается до факторов производства в форме заработной платы, ренты и процентов. По мере того как денежные доходы тратятся, начинает нарастать потребительский спрос. Почему? Потому что, согласно представителям австрийской школы, дополнительные доходы тратятся на основе *прежнего* соотношения потребления и сбережений. Поскольку увеличение инвестиционных фондов произошло не благодаря росту сбережений общества, а было создано декретом государства, делается предположение, что временные предпочтения и привычки сбережения людей, представляющих факторы производства, не изменились. Соответственно владельцы предприятий поднимают цены на потребительские блага (блага «нижних порядков») относительно цен на капитальные блага (блага «высших порядков»).

Поскольку рост спроса на потребительские товары происходит без предварительного увеличения предложения, цены на них начинают расти. Это приводит к тому, что зачастую называется «принудительными сбережениями» со стороны потребителей⁹¹.

Наконец, производители потребительских товаров регистрируют рост прибылей и наращивают производство. Между тем спрос на инвестиционные блага падает, их производители отмечают падение прибылей, и в результате схватки соответствующих предприятий за ликвидность процентные ставки растут. Достигается верхняя поворотная точка экономического цикла. Ожидаемого роста спроса на капитальные блага высших порядков, который служил основой для увеличения инвестиций предпринимателями, не происходит.

Отсюда в рамках экономического цикла начинается период «сжатия» или фаза «краха». По словам Ротбарда, «производители капитальных благ обнаруживают, что их инвестиции были ошибочны: то, что они считали прибыльным, приносит убытки в силу отсутствия спроса со стороны предприятий-заказчиков. Производство в отраслях „высших порядков“ оказывается убыточным, и ошибочные инвестиции теперь

⁹¹ Maurice W. Lee, *Macroeconomics: Fluctuations, Growth, and Stability* (Homewood, Ill. Richard D. Irwin, 1971), p. 225.

необходимо ликвидировать»⁹². И в этот момент обнаруживается, что бум был периодом ложного процветания, которое не может продолжаться вечно.

Джеральд О’Дрискол-мл. и Судха Шеной следующим образом резюмируют критику последствий кредитной экспансии декретных денег со стороны австрийской школы:

«Денежное расширение начинается с понижения процентных ставок. Предприниматели, введенные в заблуждение несоординированными ценовыми сигналами, пытаются привести все предельные нормы прибыли к одному уровню. Но при этом они *ex post* увеличивают норму прибыли при производстве некоторых товаров выше, чем процентные ставки. Таким образом, денежное расширение вызывает диспропорции в производстве капитальных благ, что вскрывается во время депрессии: в некоторых отраслях наблюдается перепроизводство, в то время как в других — недопроизводство...

Таким образом, денежная экспансия вызывает череду неустойчивых изменений в конфигурации производства, однако в конце концов эти изменения потребуют модификации и будут развернуты вспять. Поначалу, пока доходы растут, последствия экспансии могут казаться благоприятными. Но именно в этот период, когда цены на полуфабрикаты относительно цен на потребительские товары растут, и происходит ошибочное размещение ресурсов. По мере того как деньги проходят по системе, направление относительного изменения цен меняется на противоположное, и тогда начинают расти цены на потребительские товары. Ошибочные инвестиции теперь принимают форму убытков и безработицы, дополняющих убытки и безработицу, вызываемые постоянной необходимостью адаптировать производство к меняющимся обстоятельствам. В частности, перестают быть востребованы ресурсы в секторах, дальше всего отстоящих от потребителя. По мере роста производства потребительских товаров безработица снижается. Постоянная денежная экспансия может лишь увековечивать циклическую несоординированность капитальной структуры, тем самым увеличивая убытки и безработицу выше уровня, который сложился бы в противном случае»⁹³.

До появления теории экономического цикла австрийской школы сторонники твердых денег обычно объясняли цикл «бум—крах», который нередко сопровождал частичное резервирование и «спекулятивную» банковскую деятельность, с помощью механизма перетока звонкой монеты. Чарльз Кэррол, Дэниэл Рэймонд, Давид Юм и другие «заявляли, что сначала банки расширяют денежное обращение, вызывая рост цен и спекуляции, что,

⁹² Murray Rothbard, *America’s Great Depression*, p. 18.

⁹³ Gerald P. O’Driscoll, Jr. And Sudha R. Shenoy, “Inflation, Recession, and Stagflation,” in Edwin G. Dolan, ed., *The Foundations of Modern Austrian Economics* (Kansas City: Sheed & Ward, 1976), pp. 199—200. О’Дрисколл и Шеной предлагают интересное сравнение «австрийской» интерпретации инфляционной рецессии с кейнсианским и монетаристским взглядами.

в свою очередь, вызывает утечку звонкой монеты, после чего наступает сжатие, бизнес несет убытки и разоряется»⁹⁴.

Однако Ф. А. Уолкер в главах по влиянию изменений денежного предложения придерживается квазиавстрийского взгляда на экономический цикл. Например, он отмечает, что причиной депрессии «является, однако, не общее перепроизводство, но лишь перепроизводство в определенных секторах...»⁹⁵ Чрезмерное расширение происходит не в производстве потребительских товаров, утверждает Уолкер: «Отрасли, производящие товары массового спроса, и в особенности те, что производят товары первой необходимости, никогда не будут остановлены»⁹⁶.

Одним из немногих защитников твердых денег из числа тех, кто пропагандировал австрийский взгляд на связь экономического цикла с банковским кредитом, был немецкий экономист Филипп Йозеф Гайер. По его мнению, необеспеченные банкноты — это «искусственный» капитал (*kunstliches Kapital*). Реальный капитал, который он называет «естественным» (*natürliches*), целиком основан на полностью обеспеченных эмиссиях со 100%-ным резервированием звонкой монетой. Необеспеченные банкноты, т.е. «искусственный» капитал, вызывают кризис, первопричина которого заключается в феномене перепроизводства⁹⁷.

Критика австрийской теории делового цикла

У теории экономического цикла Хайека—Мизеса много критиков. Некоторые считают, что один из недостатков теории — предположение о «полной занятости» ресурсов и факторов производства. Морис Ли утверждает, что в верхней точке цикла предположение о полной занятости играет решающую роль, и что в его отсутствие теория становится сомнительной⁹⁸. По этому поводу Ротбард пишет, что «кредитная экспансия порождает экономический цикл независимо от наличия незанятых факторов»⁹⁹. Хотя он и заявляет, что дополнительная кредитная экспансия просто увеличивает искажения и ошибочные инвестиции, более подробное объяснение с его стороны было бы полезным.

Готтфрид Хаберлер и многие другие называют теорию Хайека—Мизеса «денежной теорией переинвестирования»¹⁰⁰. По мнению же Мизеса, это не вполне точно: «Суть бума, вызванного кредитной экспансией, заключа-

⁹⁴ Lloyd W. Mints, *History of Banking Theory*, p. 157.

⁹⁵ Francis A. Walker, *Money, Trade and Industry*, p. 121.

⁹⁶ *Ibid.*, pp. 131—132.

⁹⁷ Vera C. Smith, *Central Banking*, p. 108 [*См* В. Происхождение центральных банков. С. 187].

⁹⁸ Maurice W. Lee, *Macroeconomics*, pp. 226—227.

⁹⁹ Murray Rothbard, *Great Depression*, p. 34.

¹⁰⁰ Gottfried Haberler, *Prosperity and Depression* (Geneva: League of Nations, 1939, 2nd ed.), Chapter 3 [*Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Челябинск: Социум, 2005. Гл. III: Теория перенакопления.*]

ется не в перенакоплении, а в том, что инвестиции направляются не туда, т.е. в ошибочных инвестициях... масштабность которых не подкрепляется наличными капитальными благами»¹⁰¹.

В широко известной работе «Экономические циклы и национальный доход» Элвин Хансен критически высказывается о том, что впоследствии стало называться «эффектом Рикардо» в построениях Хайека. Эффект Рикардо проявляется, когда бум переходит на поздние стадии. В это время Хайек предсказывает падение реальных ставок заработной платы, поскольку цены на потребительские товары начинают расти. Соответственно становится все более и более прибыльным заменять механизированный труд ручным (эффект Рикардо). Данное действие отрицательно сказывается на околности производственного процесса и запускает нисходящую фазу цикла. Хансен не согласен с тем, что на поздних стадиях бума реальная заработная плата снижается, и предлагает некоторые статистические данные, которые показывают обратное¹⁰².

Экономический цикл в условиях чистого золотого стандарта

Ротбард уверен, что в отличие от декретного стандарта со 100%-ным резервированием металлический стандарт с полным резервированием не порождает цикличности.

По мнению Ротбарда, увеличение предложения золотых денег в условиях чистого золотого стандарта не может запустить цикл «бум—крах». Денежные изменения не являются «самоотменяющимися» [т.е. не активизируют в экономике силы, разворачивающие денежную экспансию вспять]. Отстаивая свое мнение, идущее вразрез с традиционными воззрениями многих сторонников твердых денег, и в частности Мизеса, он пишет:

«Важное отличие кредитной экспансии от поступления нового золота на кредитный рынок заключается в том, что банковская кредитная экспансия *искажает* рыночное отражение структуры добровольных временных предпочтений; приток золота *воплощает в себе изменения* добровольных временных предпочтений. Отставляя в сторону любые устойчивые сдвиги в распределении доходов, вызванные изменениями запаса золота, временные предпочтения могут временно упасть в переходный период — прежде чем воздействие увеличения предложения золота на систему цен полностью завершится. (С другой стороны, временные предпочтения могут временно возрасти.) Падение вызывает временное увеличение сбережений,

¹⁰¹ Ludwig von Mises, *Human Action*, p. 556 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 521].

¹⁰² Alvin Hansen, *Business Cycles and National Income* (New York: W. W. Norton & Co., 1964), pp. 392—393 [Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства. В 2-х т. Т. II. М.: Экономика, 1997. С. 195—197].

которое исчезнет, как только завершится действие новых денег на цены. Именно этот случай упоминал Мизес.

Выше приведен пример, в котором можно ожидать сначала увеличение уровня сбережений, а затем его падение. Разумеется, могут сложиться и другие случаи резких изменений временных предпочтений на свободном рынке — сначала падение, затем рост. Последние, без сомнения, будут вызывать «кризис» и временную корректировку ошибочных инвестиций, но их было бы правильнее называть нерегулярными колебаниями, а не систематическими процессами экономического цикла. Более того, предприниматели обучаются оценивать изменения и избегать ошибок. Они могут справиться с нерегулярными колебаниями и, безусловно, справятся с результатами от притока золота (по большому счету предсказуемыми). Однако они не могут предсказать результатов кредитной экспансии, поскольку она сбивает их базовые ориентиры, искажает процентные ставки и расчет капитала. При поступлении же золота в экономику таких искажений нет, что позволяет предпринимателям максимально проявить свои предсказательные способности. Отсюда следует вывод о том, что нельзя клеить ярлык «экономический цикл» на любые процессы свободного рынка. Нерегулярные колебания, возникающие в ответ на изменение предпочтений потребителей, на ресурсы и т.п., безусловно, будут происходить и время от времени приводить к совокупным убыткам. Но регулярные, систематические искажения, которые в итоге неминуемо вызывают массовые деловые ошибки и депрессии — характерные явления «экономического цикла» — могут проистекать лишь от вмешательства банковской системы в рынок»¹⁰³.

Ф. Хайек по этому вопросу придерживается на удивление похожего мнения. В работе «Денежный национализм и международная стабильность» Хайек разрабатывает функционирование международной экономики на основе «чисто металлической валюты»¹⁰⁴. В его модели имеются две страны А и Б, каждая из которых использует металлические монеты, которые «свободно и бесплатно обмениваются на монетных дворах». На основе своей модели он предсказывает влияние на цены и производство, когда некто, обыкновенно тративший деньги на продукты в стране А, теперь решает тратить деньги на продукты в стране Б. Результатом явится «неблагоприятный торговый баланс в А». В стране А кто-то получает меньше денег, а в стране Б кто-то другой — больше. В результате импорт государством А товаров из страны Б падает, т.е. растет экспорт из страны А. Поток денег направлен из А в Б. «Это окажет влияние на цены и доходы конкретных лиц и конкретных отраслей промышленности, и последствия в сущности не будут отличаться от тех, которые вызываются сдвигами спроса между различными отраслями промышленности или регионами»¹⁰⁵.

Далее Хайек предполагает, что чистый металлический стандарт будет либо дефляционным, либо инфляционным, но без экономического цикла:

¹⁰³ Murray Rothbard, *Great Depression*, p. 38.

¹⁰⁴ F. A. Hayek, *Monetary Nationalism*, pp. 4—25.

¹⁰⁵ Ibid., p. 23.

«В частности, нет причин, по которым изменение количества денег в пределах какой-то территории должно вызывать те исключительно временные изменения относительных цен, которые в случае настоящей инфляции вызывают дезориентацию производства, я говорю «дезориентацию», потому что в конце концов внутренний механизм этих инфляций имеет тенденцию разворачивать вспять эти изменения относительных цен». Хайек также предполагает, что в условиях «однородной международной валюты» отток денег из А и приток их в Б не обязательно ведет к росту процентных ставок в А и падению их в Б, но дальше эту мысль не развивает¹⁰⁶.

Резюме

В сравнении с нынешней денежно-банковской системой металлический стандарт со 100%-ным резервированием имеет, по мнению его сторонников, многочисленные преимущества. Они состоят в следующем: это система, согласующаяся с рыночными ценностями индивидов и обеспечивающая всю полноту прав собственности клиентов банков; независимость от вмешательства государства в денежное обращение, избавление от инфляции денег и обесценивания валюты; внесение порядка и гармонии в международные финансы, торговлю и перетоки звонкой монеты; экономическая и банковская стабильность внутри страны; практически полное избавление от набегов на банки, спекулятивных банковских схем и экономического цикла.

Несмотря на эти в высшей степени идеалистические заявления, идея о металлическом стандарте со 100%-ным резервированием на протяжении долгого времени вызывает непрерывную критику. В самом деле, оппоненты не только подвергают жесткой критике план 100%-ного резервирования, но также оспаривают перечисленные выше преимущества. Школа «свободного банковского дела» — от Адама Смита до Людвиг фон Мизеса — настороженно относится к банковской деятельности со 100%-ным резервированием и считает ее одним из примеров вмешательства государства в частную банковскую деятельность. Чикагская школа считает золотой стандарт со 100%-ным резервированием слишком затратным предприятием, неспособным обеспечить достижение идеала стабильного уровня цен, и, кроме того, слишком непрактичным. И наконец, критики-неокейнсианцы считают, что 100%-ное резервирование чрезмерно ограничивает банковский бизнес, зачастую ведет к инфляции и не реагирует на преходящие изменения в спросе со стороны общества.

Сторонники 100%-ного резервирования опровергают или отрицают большую часть перечисленных выше возражений. Они утверждают, что предложение о банковском деле со 100%-ным резервированием отнюдь не ограничивает свободный рынок, а, наоборот, восстанавливает его, принуждая к исполнению договоров и устраняя элемент мошенничества из банковской сферы. Тем не менее стоит отметить, что о сторонниках ультра-

¹⁰⁶ Ibid., pp. 24—25.

твердых денег нельзя сказать, что они совсем уж бескомпромиссны: например, если невозможно внедрить банковское дело со 100%-ным резервированием в чистом виде, они выступают за «свободное банковское дело» как второй наилучший вариант программы «здоровых» денег. По их мнению, «свободное банковское дело» приведет к относительно высокому (пусть и не 100%-ному) уровню резервов, в зависимости от конкуренции и политики погашения банкнот банками. Однако для того чтобы план «свободного банковского дела» работал, банковскую сферу необходимо, выражаясь словами сэра Генри Парнелла, «целиком и полностью освободить от всякого вмешательства законодателей». В противном случае «свободное банковское дело» может оказаться дестабилизирующим фактором, приводя в итоге к «спекулятивной банковской практике» («wild cat banking»). По мнению Ротбарда, «ужасы спекулятивной банковской практики в Америке в годы, предшествовавшие Гражданской войне, проистекали из двух факторов, причем вину за каждый из них следует возлагать на государство, а не на свободную банковскую деятельность:

- 1) с самого начала банковской деятельности, в 1814 г. и позднее, при возникновении паники правительства штатов позволяли банкам продолжать работу — выдавать и отзывать займы и т.д. — без необходимости погашать банкноты звонкой монетой. Иными словами, банкам давалась привилегия работать, не платя по своим обязательствам;
- 2) запрет банкам иметь филиалы в других штатах (который действует до сих пор) в сочетании с несовершенной транспортной системой не позволял банкам быстро предъявлять банкноты к погашению в отдаленные банки»¹⁰⁷.

По мнению сторонников металлического обращения, чисто металлическая валюта не должна быть «эластичной», поскольку для удовлетворения нужд бизнеса и торговли достаточно одного-единственного механизма приспособления — цен. Более того, сторонники золота не согласны с тем, что банковская деятельность со 100%-ным резервированием чрезмерно ограничит банкам возможности предлагать полезные услуги по справедливым ценам. Равным образом они отрицают нестабильность цен в результате инфляции золота, утверждая, что нестабильность, в прошлом сопутствовавшая открытию новых месторождений золота, по большей части была обусловлена национальными системами частичного резервирования, а не чисто золотым стандартом. Фактически Ротбард и Хайек утверждают, что чистый металлический стандарт свободен от любых циклических характеристик, которые зачастую неотделимы от систем частичного резервирования.

Наиболее сильный аргумент, выдвигаемый против предложения о введении металлического стандарта со 100%-ным резервированием, обращает внимание на высокие затраты труда и ресурсов, направляемые на добычу золота и серебра. В ответ приверженцы твердых денег заявляют о том, что не рассматривают добычу золота и серебра как «растрату ресурсов». В действительности необходимо сравнивать издержки, связанные с одним

¹⁰⁷ Murray Rothbard, *Great Depression*, p. 309n.

денежным стандартом, с издержками, связанными с другим, и определить, какой из них обходится дороже. Если говорить о расходах на печать государственных банкнот, являющихся узаконенным средством платежа, то очевидно, что издержки стандарта на основе бумажных денег, не обеспеченных звонкой монетой, пренебрежимо малы. Однако, по мнению экономистов австрийской школы, в этом случае имеются дополнительные издержки, которые перекрывают указанную огромную экономию. В частности, к таким издержкам можно отнести порождение на регулярной основе экономического цикла инфляции и депрессии, который может оказаться чрезвычайно затратным, если считать в потерянных ресурсах и рабочем времени. Ротбард утверждает, что эта критика в равной степени относится как к системе с частичным резервированием (в которой деньгами повышенной эффективности являются либо золото, либо банкноты Федерального резерва), так и к декретному стандарту со 100%-ным резервированием, предлагаемому чикагской школой и Ирвингом Фишером. Любое увеличение предложения декретных денег, поступающее через ссудный рынок (вне зависимости от того, равно оно годовому росту производительности или нет), все равно сеет семена ошибочного размещения ресурсов и циклического паттерна «бум—крах», за которым следуют периоды безработицы труда и других факторов производства.

Роджер Гаррисон следующим образом суммирует «альтернативные издержки» бумажноденежного стандарта по сравнению с золотым стандартом: «Истинные затраты на поддержание бумажноденежного стандарта должны включать в себя: 1) издержки, возникающие в обществе вследствие стремления различных политических группировок получить контроль над печатным станком; 2) издержки, вызванные попытками заинтересованных групп убедить того, кто контролирует работу печатного станка, злоупотребить своей властью (т.е. напечатать больше денег) в интересах данной группы; 3) издержки в форме вызванного инфляцией растраниживания ресурсов, происходящего во всех сферах экономики вследствие неспособности финансовых властей противостоять политическому давлению заинтересованных групп; и 4) издержки предпринимателей, пытающихся предсказать будущие шаги финансовых властей и принять контрмеры против возможных последствий монетарной безответственности»¹⁰⁸.

На основе перечисленных выше издержек Гаррисон заключает, что «золотой стандарт обходится дешевле бумажного». Он дает сравнение, приписываемое Алану Гринспену: «Позволить государству печатать бумажные деньги — все равно что использовать одноцентовую монетку вместо плавкого предохранителя. Пусть ресурсные издержки на монетку меньше, чем на предохранитель, но совокупные издержки, которые должны включать в себя вероятность пожара, несомненно окажутся более высокими»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Garrison, "The Costs of a Gold Standard," *The Gold Standard*, p. 69 [см. наст. изд., с. 417].

¹⁰⁹ Ibid.

ГЛАВА 5

ВЫВОДЫ

В настоящей работе затронут ряд важных проблем, которые стоит рассмотреть. Эти темы включают в себя: происхождение банковской деятельности и вызывающая споры роль ювелиров; роль государства в создании надлежащих денежных институтов (в частности, параллельные стандарты в сравнении с биметаллизмом, сеньораж, законы об узаконенном средстве платежа и банковское регулирование); вопрос о «свободной банковской деятельности», размен на звонкую монету; вопрос эластичности валюты и стабильности уровня цен в условиях различных «идеальных» денежных стандартов; и, наконец, сравнение бумажных денег с товарными, их достоинств и недостатков.

Ювелиры и зарождение банковского дела

Очевидно, наиболее значимой вехой в истории денежных систем стран Запада стало введение билонной монеты (в виде монет или бумажных денег), которое по большей части произошло в Англии конца Средних веков и в XVII в. Именно в этот поворотный момент истории денежного обращения произошло эпохальное изменение — ведь прежде Западный мир жил преимущественно в условиях 100%-ного металлического стандарта. Теперь же, с появлением бумажных денег и дешевых билонных монет, чья внутренняя ценность была значительно меньше номинальной, т.е. юридически признаваемой, ценности, фискальные власти получили возможность эмитировать обязательства сверх имеющегося количества реальных денег — монет и слитков. Высокая скорость, с которой совершилась эта трансформация, обуславливалась двумя важными факторами: во-первых, однородностью денег и заместителей денег; и, во-вторых, дешевизной билонной монеты и бумажных денег. Эти факторы послужили огромным стимулом для эмиссии банкнот и обязательств в количествах, значительно превышавших имевшиеся активы для их погашения.

Юридические последствия, связанные с чрезмерным выпуском банковских и государственных обязательств, стали камнем преткновения для судебной системы. Взаимозаменяемость денег помешала защитить в суде и сохранить денежный стандарт со 100%-ным резервированием. Поскольку по общему праву для доказательства кражи или растраты средств клиентов требовалось идентифицировать конкретные предметы или средства, которые были украдены, банковская деятельность с частичным резервированием была легализована, так сказать, по умолчанию. Неспособность банка платить по обязательствам и мошенничество невозможно было

вскрыть и доказать в судах до тех пор, пока все вкладчики одновременно не потребуют свои деньги, — событие, пусть и возможное, но в обычных обстоятельствах крайне маловероятное. Для банкиров это обернулось эпохальной победой.

Р. Г. Хоутри, Элджин Гроусклоуз, Мюррей Ротбард и другие часто подвергали критике ранних ювелиров, воспользовавшихся «законом больших чисел» для выдачи кредитов против депозитов до востребования своих клиентов, которые оставляли у них свои ценности лишь на сохранение, не рассматривая свой вклад как займ ювелиру. По мнению названных выше авторов, ювелиры были виновны в мошенническом использовании средств своих клиентов, несмотря на то что такая практика была юридически разрешена. Насколько справедливо это обвинение? Рассматривая вопрос о природе ювелиров, важно понимать, в чем заключался их бизнес. Например, стоит отметить, что еще задолго до того, как взять на себя роль хранителей средств инвесторов, ювелиры уже были опытными дилерами драгоценных металлов и давно привыкли ссужать собственные средства королям и знати. Когда богатые англичане изъяли свои сокровища у стряпчих, не обладавших достаточным собственным капиталом, и из скомпрометировавшего себя лондонского Тауэра и отдали на сохранение ювелирам, использование этих средств ювелирами для выдачи ссуд не казалось неестественным или даже незаконным. Так можно было бы сказать о стряпчих, но не о ювелирах. Что касается ювелиров, такое развитие событий могло казаться чуть ли не естественным продолжением их прошлой деятельности. Очень быстро ювелиры стали рассматривать эти депозиты как займы, размещенные под номинальный процент, начисляемый на остаток вклада.

Тем не менее вкладчики, в свою очередь, в действительности не изменяли своего мнения о депозитах до востребования. Они по-прежнему считали депозиты своей собственностью, а не займами банку — недоразумение, которое продолжается до сих пор. Вину за это недоразумение следует возложить исключительно на ранних ювелиров/банкиров, а также на правовую систему, которая признавала это несоответствие, но решила не включать вытекавшее из него важное различие в банковское право. Средства, оставляемые клиентами на сохранение в банковских хранилищах, по-прежнему называются «депозитами», а не «займами». Банкиры и суды не решились в открытую бороться с этим широко распространенным недопониманием, просто прикрыв данную проблему федеральным страхованием депозитов, требованиями об обязательном резервировании и другими мерами банковского регулирования. К сожалению, вкладчики редко воспринимают размещение средств в банке как разновидность *инвестиций* (чем они и являются в условиях нынешней банковской структуры) с относительно низкой или нулевой доходностью и относительно низким уровнем риска. Можно только гадать, будет ли когда-либо юридическая структура взаимоотношений банкира и вкладчика приведена в соответствие с представлениями публики в отношении сохранения депозитов до востребования.

О мошенничестве банков

Сторонники правила о 100%-ном резервировании настаивают на том, что современная банковская практика выдачи в кредит депозитов клиентов представляет собой легализованную форму мошенничества. Депозиты, банкноты и билонная монета в действительности суть складские квитанции на имущество (собственность), временно размещенное на хранение, а следовательно, использование сохраняемых средств для извлечения прибыли есть гражданское правонарушение (деликт).

Центральной проблемой вопроса о мошенничестве, по-видимому, является однородность денег. Очевидно, что если бы деньги или заместители денег *не* были бы взаимозаменяемыми, тогда практически все юристы и экономисты охотно согласились бы, что использование собственности вкладчика без его разрешения является мошенничеством. По сути, ситуация ничем бы не отличалась от склада, выдающего в аренду мебель и другие переданные на хранение вещи клиентов, не уведомляя последних и действуя без их согласия. Такая деятельность в рамках нынешнего законодательства о хранении явно противоправна.

Деньги же *отличаются* от предметов мебели или иного хранимого имущества. Они по существу своему однородны и взаимозаменяемы, ведь в противном случае они перестали бы быть деньгами и средством обмена. Как указывает Мизес, деньги не являются ни капитальным, ни потребительским благом. Они не потребляются [т.е. не уничтожаются в процессе использования] и не являются конечным объектом наших требований. Деньги выступают в роли посредника, приводя спрос на множество товаров и услуг в соответствие с предложением. С учетом этого может показаться, что использование денег в корне отлично от использования других форм собственности, и это может служить сильным аргументом в пользу того, что традиционная выдача кредитов против банковских депозитов является формой предпринимательской деятельности, а не растратой. Взаимозаменяемость — *sine qua non* для банковской деятельности с частичным резервированием, а также для денег. С другой стороны, взаимозаменяемость не требует частичного резервирования, а просто допускает существование последнего. Таким образом, однородность денег затемняет мошенническую природу банковской системы с частичным резервированием.

Роль государства

Сторонники твердых денег и металлического стандарта со 100%-ным резервированием по большей части не доверяют людям, контролирующим денежную систему, и во многих случаях лично оказывались свидетелями их вредоносных действий. Они настороженно относятся к таким мерам экономической политики государства, как биметаллизм — установление искусственного обменного курса между золотом и серебром в попытке навести формальный порядок в денежных вопросах. Но, вопреки намерениям

фискальных властей, данная мера вызывает обратный эффект, приводя к ситуации, известной под названием «закон Грэшема», когда недооцененная валюта вытесняется из обращения, а переоцененная встречается в изобилии. В качестве альтернативы сторонники твердых денег высказываются за подход свободного рынка — «параллельные стандарты», когда обменный курс между двумя металлами колеблется согласно рыночным условиям.

В качестве других примеров государственного вмешательства в денежные механизмы критике подвергаются законы об узаконенном средстве платежа; запрет частной чеканки монет; использование национальных счетных единиц, таких как доллары, франки и фунты, вместо веса слитков; чрезмерный сеньораж, а также бесплатная чеканка, которая приводит к постепенному исчезновению монет, отчеканенных внутри страны.

Свободная банковская деятельность: вопросы стабильности, конвертируемости и погашаемости

В сущности, при обсуждении свободной банковской деятельности споры ведутся по поводу двух важных вопросов. Во-первых, являются ли депозиты до востребования погашаемыми по первому требованию складскими расписками на имущество (собственность), временно передаваемое на попечение банкира? Или они не более чем долговые расписки, выдаваемые банкиром, который обещает конвертировать банкноту или чек в реальные деньги либо по чеку перевести указанную сумму денег с одного счета на другой? Банкноты погашаются или конвертируются? Эта дилемма похожа на ту, что обсуждалась в предыдущем разделе. По-видимому, вкладчики считают депозиты до востребования складскими расписками, в то время как банкиры и государство считают их долговыми расписками (что интересно, обе точки зрения остаются теми же в отношении *срочных* депозитов). Школа «свободного банковского дела» придерживается второй точки зрения. Быть может, указанную дилемму можно решить в рамках следующего компромисса. Почему бы не предоставить клиентам банка право выбора? Банк может предложить им принимать банкноты или чеки либо как складские расписки, либо как долговые расписки (в последнем случае уведомляя клиента о том факте, что депозит представляет собой заем банку, за который клиент получает небольшой или нулевой процент, но который может быть отозван клиентом в любое время). В этом случае правовые нормы не вступали бы в противоречие с мнением публики, в то же время обеспечивая свободу в денежной сфере.

Действительно, это является серьезной проблемой для экономистов — сторонников «свободного рынка», поддерживающих металлический стандарт со 100%-ным резервированием. Какое мошенничество совершается в случае, если клиент добровольно соглашается предоставить своему банкиру заем с документальным соглашением о том, что может по первому требованию отозвать выданные займы средства? В рыночных условиях это вполне возможно и не связано с принуждением или мошенничеством. Однако

если такие контрактные соглашения будут разрешены, то система частичного резервирования неизбежно получит широкое распространение.

Вторая проблема касается установления рыночного равновесия частного выпуска банкнот и иных обязательств. Школа свободного рынка утверждает, что спрос и предложение в банковской деятельности работает ничуть не хуже, чем на других рынках. Представители этой школы утверждают, что в условиях конкуренции, не ограничиваемой законодателями в части открытия филиалов, требований по обязательным резервам и иным аспектам банковского дела, спрос и предложение приведут к равновесному уровню резервов во всех банках — несколько ниже 100%, но, вероятно, выше нынешних искусственно низких уровней, сложившихся при Федеральной резервной системе. Причем в условиях порядка в денежных делах равновесие могло бы сохраняться.

Как это ни покажется удивительным, сторонники 100%-ного резервирования в значительной мере соглашаются с данным аргументом, считая, что «свободная банковская деятельность», пусть и не свободная от некоторых элементов мошенничества, тем не менее обеспечила бы более «твердые» деньги и более «здоровую» банковскую систему, чем действующая система с частичным резервированием. Таким образом, свободная банковская деятельность является вторым наилучшим решением, которое поддержат сторонники ультратвердых денег, если наилучший из денежных миров по каким-то причинам будет отвергнут. Однако Ротбард и его коллеги, по-видимому, недооценивают дестабилизирующие эффекты «медленной кредитной экспансии», которая, как соглашаются обе школы, будет происходить в условиях свободной банковской деятельности. Иными словами, Мизес, Ротбард и другие признают, что свободная банковская деятельность все же будет сопровождаться медленной кредитной экспансией, масштабы которой будут зависеть от рыночных условий. Ротбард предполагает, что инфляционные процессы могут продолжаться долго только в том случае, если в условиях свободной банковской деятельности будет существовать всего несколько банков¹. Основываясь на теории экономического цикла Хайека—Мизеса, названные выше представители австрийской школы указывают на то, что расширение банковского кредита неизбежно ведет к циклу «бум—крах», который, в свою очередь, может легко разрушить предположительно устойчивую природу свободной банковской деятельности, порождая периоды спекулятивных высокорисковых инвестиций со стороны банков, при замедлении экономики оборачивающиеся снижением доходов или появлением убытков, и в конце концов подрывая уверенность публики в банках в фазе депрессии — и все это невзирая на поддержание высокого уровня резервов. Таким образом, второе наилучшее решение может оказаться не чем иным, как очередным скверным решением финансовых проблем Западного мира, и было бы мудро отвергнуть решение в форме «свободной банковской деятельности» по одним лишь экономическим причинам, несмотря на благоприятные философские рассуждения.

¹ Rothbard, *The Mystery of Banking*, p. 119.

Стабильность и уровень цен

Критики предложения о золотомонетном стандарте со 100%-ным резервированием поднимают вопрос стабильности цен и неспособности товарных денег подстраиваться к меняющимся экономическим условиям. Защитники же 100%-ного резервирования в ответ считают, что их программа обеспечивает стабильную основу для экономики — по крайней мере гораздо более стабильную, чем нынешняя финансовая система. Более того, по мнению сторонников, любые региональные сдвиги в спросе или ресурсах вызовут соответствующее приспособление цен, без каких-либо значительных узких мест или длительных периодов безработицы и депрессии. Проблема заработной платы и жесткости цен обычно отбрасывается или даже игнорируется, поскольку считается следствием законодательного вмешательства в пользу определенных категорий получателей заработной платы и секторов промышленности. Сторонников товарных денег со 100%-ным резервированием мало волнует общий уровень цен, поскольку они считают, что индивидуальные агенты на рынке интересуются лишь конкретными ценами, а не искусственным общим индексом цен. Бывает так, что цены в общем растут или падают, но не нужно стараться поддерживать неизменный индекс цен. Данный подход, конечно же, резко отличается от взглядов чикагской школы, которая стремится к стабильному уровню потребительских цен посредством манипулирования предложением декретных денег.

Бумажные деньги против товарных

Считается, что главный недостаток чистого товарного стандарта — высокие издержки и финансовое бремя, ложащиеся на общество. Каждый год он обходится буквально в миллиарды долларов, которые идут на добычу и выплавку драгоценных металлов. Если устранить монетарный спрос на золото и серебро, то большая часть спроса на драгоценные металлы будет определяться спросом исключительно промышленным и ювелирным. Цены на металлы и прибыльность их добычи резко упадут (по крайней мере временно), позволяя используемым механизмам, рабочей силе, предпринимательским талантам и менеджменту устремляться в другие сектора экономики, в производство тех товаров и услуг, которые в конечном счете будут полезны для потребителей.

Здесь стоит отметить, что в условиях нынешней денежной системы — международного стандарта на основе декретного доллара — цена золота колеблется в куда более широких пределах, чем если бы золото снова было поставлено в центр всех финансовых сделок и сделано важнейшими *numeraire* [счетными деньгами] денежных систем всех стран. Однако в условиях абсолютно декретных систем, когда золото почти полностью выведено из системы [денежного обращения], цена золота зависит главным образом от денежной политики правительств стран мира. Как пишет Норман Силберлинг, «в системе неразменных денег золото становится товаром, главным

образом используемым в международных расчетах наряду с облигациями; и... отнюдь не являясь фиксированным стандартом, с которым могут „безошибочно сверяться“ все страны, оно может стать объектом, подверженным необычно резким колебаниям спроса и предложения, особенно в существующих условиях»². Конечно, золоту еще только предстоит быть низведенным в положение «одного из биржевых товаров». Для этого требуются условия совершенно стабильной денежной системы и экономики. Но несмотря на постоянную нестабильность валютных рынков и денежных систем стран Запада на цену золота по-прежнему воздействуют темпы инфляции и мировые потрясения. Золото еще не изгнано из денежной системы.

По мнению представителей австрийской школы, при выборе иной, «более дешевой» финансовой структуры, такой как декретные бумажные деньги, следует принять во внимание существенные издержки другого рода. Бумажноденежный стандарт, как в форме системы с частичным резервированием, так и стандарта с полным резервированием на основе банкнот Федерального резерва, может оказаться контрпродуктивным и циклическим, допускающим искусственное расширение кредита, за которым следует стабильно высокая безработица и низкий уровень использования ресурсов, так что масштаб издержек, возможно, превысит экономию, которую предполагалось получить за счет демонетизации драгоценных металлов. Как указывает Роджер Гаррисон, издержки могут быть также и политическими.

Здесь можно затронуть и другие интересные вопросы. Приводит ли в конечном итоге ежегодное расширение массы декретных бумажных денег к экономическим и монетарным колебаниям, размах которых с течением времени будет становиться все больше и больше? Или не менее важный вопрос: если бы дополнительное денежное предложение, созданное банковским кредитованием, было израсходовано на потребительские товары, а не на инвестиционные, могло ли это запустить экономический цикл равных масштабов? Это вопросы, на которые экономисты еще не дали окончательного ответа.

Системы 100%-ного резервирования сегодня

Интересно отметить, что хотя в новейшей истории золотомонетный стандарт со 100%-ным резервированием никогда не был реализован в масштабах государства, различные формы банковской деятельности со 100%-ным резервированием работают в течение многих лет. Самая очевидная из них, конечно же, представлена депозитными ячейками, предлагаемыми сегодня большинством банков.

Есть также другие, достаточно неожиданные примеры. Швейцарские банки имеют давнюю традицию ведения так называемых «кастодиальных счетов (Custodial Accounts) и счетов-депо (Safekeeping Accounts)»: банк

² Norman J. Silberling, “Ricardo and the Bullion Report,” in *Enterprise and Secular Change*, p. 380.

может купить для клиента слитки золота или серебра либо банкноты иностранных государств и хранить их. При такой юридической схеме золото является собственностью вкладчика, а не банка, так что если банк обанкротится, золото не может быть использовано для удовлетворения требований иных кредиторов банка. Поскольку слитки золота однородны, металл физически хранится со слитками остальных клиентов, а потому квитанции в сущности представляют собою «общие складские квитанции», по выражению Джеворса. Таким образом, данная программа сводится к банковской деятельности на основе металлической системы со 100%-ным резервированием, при которой общее число унций золота в банковских хранилищах соответствует общему количеству, принадлежащему клиентам по банковским записям, и аудиторы банка периодически удостоверяются, равно ли физическое владение общей сумме, проходящей по банковским документам. Швейцарским банкам законодательно запрещено использовать указанное золото в любых иных целях.

Кастодиальные счета [ответственного хранения] предлагаются швейцарскими банками также для хранения валюты. В этом случае клиент может попросить открыть «кастодиальный счет» в долларах США, швейцарских франках, немецких марках или в любой валюте, с которой данный банк работает. Открыв счет, банк покупает затем реальные банкноты в выбранной вами валюте и кладет их в конверт, на котором будут написаны ваше имя, номер счета и запрошенное вами количество денег. После этого конверт помещают в банковском хранилище и оставляют лежать там — отдельно от остальных банкнот — до дальнейших распоряжений. Если вы желаете снять часть денег, банк выполнит ваше распоряжение и поступит с валютой согласно вашему пожеланию. В случае разорения банка конверт с деньгами принадлежит вам, он не является активом банка; также банк не может воспользоваться данными банкнотами для урегулирования своих долговых обязательств.

Плата за ведение таких специальных «кастодиальных счетов» относительно низка, в пределах 0,2—0,3% от суммы. Таким образом, годовая плата за ведение счета на 10 000 долл. составляет 20—30 долл.

К сожалению, такие счета не работают в качестве чековых счетов, по которым вы имеете право снять средства, выписывая чек. Вы должны письменно указать цель снятия и направить этот запрос в банк, и тогда банк выполнит ваши распоряжения. Однако некоторые банки в последнее время предлагают услугу ведения «металлического кастодиального счета», на котором доступна услуга снятия чеком по требованию. По условиям предоставления данной услуги вкладчик покупает оговоренное количество золотых или серебряных слитков по текущей спотовой цене в долларах США, направляя в банк чек. Затем банк приобретает для клиента слитки золота или серебра и помещает их в банковское хранилище. После этого клиент получает особые чеки, дающие право продать любую часть слитков, выписывая чек в долларах. Когда банк через клиринговую систему Федерального резерва получает такой чек, банк списывает долларовую стоимость слитков согласно цене лондонского фиксинга на текущий день. Плата за

такую услугу существенно выше, чем по «кастодиальным счетам», предлагаемых швейцарскими банками: вначале 1% за покупку и затем 1% за списание любой суммы посредством чека. Таким образом, тариф за открытие счета на 10 000 долл. составит 100 долл. Порядок тарифов, кстати говоря, сопоставим с прямой покупкой слитков на открытом рынке, хотя они гораздо выше, чем тарифы на ведение обычных чековых счетов.

Приведенные выше тарифы не обязательно точно указывают порядок платы, которая взималась бы банками, работающими в условиях металлического стандарта со 100%-ным резервированием.

Аспекты практического внедрения

Относительно металлического стандарта со 100%-ным резервированием один из периодически задаваемых вопросов — практические аспекты введения такого стандарта в какой-либо момент в будущем. Правило о 100%-ном резервировании подвергается резкой критике, затрагивающей такие аспекты, как уклонение банков, экономические потрясения, вызванные устранением диспропорций, возникших вследствие фидуциарного кредитования, и, наконец, способность одной страны воплотить такую радикальную программу в жизнь без поддержки других стран.

Уклонение банков и срочные депозиты

Некоторые критики отмечали, насколько изобретательными были банкиры прошлого в попытках уклониться от требования о 100%-ном резервировании. К примеру, такие события имели место после введения закона Пиля 1844 г. в Англии, по которому для всех будущих эмиссий банкнот и разменной монеты устанавливалась система 100%-ного резервирования. К сожалению, данный закон не охватывал банковских депозитов, а потому банкирам было несложно обойти регулирование, используя депозиты (которые в то время не рассматривались как часть денежного предложения). Как писал Хайек, «наиболее критично настроенные разработчики закона Пиля отмечали, что банковское дело — явление текучее, и когда мы запрещаем ему представать в традиционной форме, неизвестно, не подталкиваем ли мы его лишь к перерождению в другие, менее контролируемые формы». Отметив исторический прецедент закона Пиля 1844 г., Хайек предсказывает «быстрое возникновение новых форм заместителей денег»³.

Сегодня в качестве примера этой проблемы можно назвать срочные депозиты. Во многих случаях ссудо-сберегательные ассоциации и другие банки предлагают «сберегательные счета», с которых вы можете снять свои средства по первому требованию (кое-где даже по чеку). Ассоциации и банки оставляют за собой право на 30-дневную отсрочку выдачи денег

³ Ф. А. Hayek, *Monetary Nationalism*, pp. 82—83.

со счета клиентам, но в обычных обстоятельствах данным правом никто не пользуется.

Так срочные ли это депозиты или же депозиты до востребования? Согласно Фридмену, Ротбарду и другим экономистам, их следует считать депозитами до востребования, подпадающими под правило 100%-ного резервирования. Но как тогда государство должно относиться к банкам, которые настаивают лишь на уведомлении за один день или за одну неделю, — эти депозиты срочные или до востребования? Если их считать срочными, не создаст ли это систему частичного резервирования на ограниченной основе? Чтобы ограничить банки в предложении чрезвычайно коротких срочных депозитов, власти, возможно, могли бы прописать в законе, что все легитимные срочные депозиты должны иметь срок не короче, чем срок выданного банком кредита. Однако это требование оказалось бы чрезвычайно жестким и неудобным для нынешних денежных рынков, поскольку оно практически означало бы прекращение всякого учета облигаций и иных займов.

В этом отношении трудный пример — фонды денежного рынка. Они, в сущности, представляют собою ликвидные средства взаимных фондов денежного рынка, которые инвестируются исключительно в низкодоходные бумаги, такие как банковские депозитные сертификаты, первоклассные корпоративные коммерческие облигации, банковские векселя и государственные ценные бумаги США (такие как 90- и 180-дневные казначейские облигации). Поскольку практически все эти бумаги можно продать на денежных рынках в любой момент, инвесторы в эти фонды управления наличными средствами могут отзывать свои деньги в любое время, продавая свои паи, зачастую посредством специальных чеков. Здесь мы имеем дело с фондами денежного рынка, которые во многих отношениях служат примером банковской деятельности со 100%-ным резервированием, поскольку на каждый инвестированный доллар, на который куплены ценные бумаги, имеется доллар ценных бумаг на ответственном хранении. Но, что гораздо важнее, эти фонды отражают ту же дилемму, с которой сталкиваются сторонники программы 100%-ного резервирования. Здесь имеются легитимные *срочные* депозиты, которые могут погашаться по первому требованию. Не есть ли это одна из форм уклонения от правила 100%-ного резервирования, и не могут ли они привести к искусственному расширению денежного предложения, не обеспеченному резервами? Данная проблема еще более явно проявляется с фондами в среднесрочные и муниципальные облигации, в которых активы фондов долгосрочны, но допустимо снятие по первому требованию с привилегией чекового счета.

Переходный период

Переход к золотомонетному стандарту со 100%-ным резервированием оказался бы трудным и, по мнению критиков, невыносимым — требующим огромного роста цен золота и серебра, колоссальных сдвигов в международ-

ной торговле и остатках наличности индивидов и общим потрясением для экономики. Как указывает сторонник «свободной банковской деятельности» Генри Хэзлит: «Конечно, сегодня мы не можем вернуться к „чистому“ золотому стандарту без крайне болезненного сжатия денежной массы, но мы можем вернуться к системе, которая фиксирует предложение бумажных денег и кредитов на том уровне, где они находятся сейчас»⁴.

Даже Ротбард признает некоторые из указанных почти непреодолимых проблем: «В зависимости от того, как мы определим денежную массу, — а я определил бы ее очень широко, как все требования на доллары по фиксированной номинальной цене, — рост цены золота, достаточный для приведения запасов золота к 100% всего количества долларов, составил бы от 10 до 20 раз. Конечно, это привело бы к огромным прибылям золотодобывающих компаний, но нас это не волнует. Я не думаю, что мы должны отклонить предложение о массовом попадании на Небеса лишь по той причине, что производители арф и ангельских крылышек получают огромную прибыль. Но, конечно, подлинную озабоченность вызывает огромный импульс, который такое изменение сообщило бы на несколько лет индустрии добычи золота, а также разрушение сложившихся связей в международной торговле»⁵.

Уроки традиции твердых денег: новая формулировка тезиса

В первых главах настоящей работы приводились цитаты из нескольких выдающихся экономистов о слабеющем влиянии традиции твердых денег на экономическую и денежную политику. Хайек и Мизес с иронией отмечали, сколь слабой *экономической* поддержкой (если она вообще есть) может похвастаться товарный или золотой стандарт. И все же те самые теории экономического цикла, родоначальниками которых являются названные экономисты, предоставляют теоретическое доказательство того, что чистый товарный стандарт — пожалуй, дорогой с точки зрения используемых ресурсов (сопряженный с издержками, которых, быть может, избежать невозможно) — не приводит к циклическому развитию бума и краха, характерных для стандарта декретных денег. Если из этих иронических замечаний можно извлечь какой-то урок, то он заключается в том, что ведущие сторонники золотого стандарта недооценивают мощь своих собственных теорий и не осознают всех вытекающих из них следствий. Принимая выводы австрийской школы, достоинства чистого декретного стандарта, даже подходя исключительно с экономической точки зрения, не столь ярко выражены. Отсюда следует вывод, что декретные деньги не столь уж и «дешевы», как может показаться.

⁴ Henry Hazlitt, "To Restore World Monetary Order," in Hans F. Sennholz, ed., *Gold Is Money* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975), pp. 75—76.

⁵ Murray Rothbard, *The Case for 100 Percent*, pp. 39—40. См. также его недавнюю статью: "The Case for a Genuine Gold Dollar," in *The Gold Standard*, pp. 10—14.

Кроме того, представители партии твердых денег в течение последних двух-трех столетий играли важную роль, анализируя механизм работы денежной системы с частичным резервированием и критикуя его. Их критика касалась не только юридических и моральных проблем, возникающих во взаимоотношениях банкира и клиента, но и указывала на вредные экономические последствия международных кризисов, на чрезмерную эмиссию банкнот и инфляционную рецессию. Эти проблемы не решены по сей день.

Если бы из истории экономической мысли, рассматривающей металлический стандарт со 100%-ным резервированием, можно было почерпнуть только одну важную идею, она заключалась бы в том, что любой международный или национальный денежный стандарт, целиком или частично основанный на фидуциарных элементах, будет цикличным и нестабильным. Относительная нестабильность и изменение темпов роста производства будет зависеть от количества декретной валюты и темпов роста денежной базы. Если смотреть с этой точки зрения, современные денежные реформы, направленные на отход от товарного, или металлического, стандарта к фидуциарному стандарту, по всей вероятности, приведут к дальнейшим экономическим проблемам и в конечном счете к очередному международному кризису.

Если говорить о политических аспектах, сторонники 100%-ного резервирования, по всей видимости, вряд ли могут играть большую роль, нежели роль критиков-теоретиков. Как показано в настоящей работе, металлический стандарт со 100%-ным резервированием со всеми его преимуществами может быть введен лишь путем осуществления серьезных реформ, и его введение будет сопряжено с большими потрясениями в экономике. Он может быть сколь угодно красивым теоретически, но ему недостает привлекательности [pedestrian attributes]. Несмотря на такие пессимистические выводы, сторонники 100%-ного резервирования внесли значительный вклад в экономическую науку в части:

- 1) разработки денежной программы, согласующейся с принципами свободного рынка;
- 2) подчеркивания важности учета банковских депозитов при определении денежной массы и экономических показателей;
- 3) детального описания пагубных эффектов банковской кредитной экспансии и деятельности центральных банков;
- 4) демонстрации недостатков денежных систем с товарным резервом в количестве, меньшем 100%;
- 5) в указании на цену золота как на барометр экономической стабильности в мире.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СРАВНЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ДЕНЕЖНЫХ СТАНДАРТОВ

В настоящей работе с той или иной степенью детальности описаны четыре типа денежных стандартов:

- металлический стандарт со 100%-ным резервированием;
- система «свободной банковской деятельности»;
- действующая в настоящее время система с частичным резервированием;
- декретный денежный стандарт со 100%-ным резервированием.

В чем же заключаются отличия указанных денежных стандартов по базовым характеристикам, по роли правительства, по факторам, определяющим денежное предложение, по преимуществам и недостаткам (с точки зрения как сторонников, так и критиков), по аспектам практического внедрения и по идейным вдохновителям каждой из программ? Краткое описание отличительных характеристик и философии перечисленных выше денежных систем может помочь в поиске «идеального» денежного стандарта, который обеспечит стабильность и свободу — две важные цели Западного мира.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

Счетная денежная единица — золото или серебро. Все депозиты до востребования — складские квитанции, требующие 100%-ного обеспечения резервами. Банкир выступает в качестве попечителя или ответственного хранителя размещенных на депозите средств, и ему запрещено их использование под страхом наказания за мошенничество. Банкир может предлагать размещение средств на срочных депозитах, но такие средства не могут быть досрочно востребованы, хотя срок депозитов может быть разным. Банкир также может выступать в качестве посредника между кредиторами и заемщиками.

Параллельные стандарты согласно ценам золота и серебра.

Использование билонной монеты в качестве «представительных денег» для мелких обменов.

Процентные ставки колеблются в соответствии со спросом и предложением.

Свободная банковская деятельность:

Счетная денежная единица — золото или серебро. Банки вольны определять свой уровень резервов, обеспеченных звонкой монетой. Срочные депозиты могут варьировать от депозитов до востребования до долгосрочных сертификатов. Государственная политика — строгое невмешательство (*laissez faire*), государство не определяет резервные требования и т.д.

Параллельные стандарты согласно ценам золота и серебра.

Использование билонной монеты.

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Счетная денежная единица: исторически — звонкая монета *либо* банкноты, эмитированные центральным банком. Все депозиты до востребования представляют собою займы банку и обеспечены звонкой монетой или банкнотами в зависимости от требований в отношении резервов. Срочные депозиты варьируют по длительности.

Устанавливаемый центральным банком уровень обязательных резервов может составлять лишь незначительную долю общей суммы депозитов.

Использование билонной монеты, не обязательно обеспеченной золотом или серебром.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Счетная денежная единица: банкноты Федерального резерва или центрального банка. Все депозиты до востребования — складские квитанции, требующие 100%-ного резервирования в банкнотах или депозитах центрального банка.

Срочные депозиты не могут быть отозваны по требованию, но могут варьировать по срокам.

Процентные ставки колеблются в соответствии с рыночными условиями.

Использование билонной монеты, не обязательно обеспеченной драгоценными металлами.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДЕНЕЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

Денежное предложение определяется условиями спроса и предложения золота и серебра, базируясь на издержках их производства по сравнению с другими товарами и спросе общества на остатки наличности.

Свободная банковская деятельность:

Денежное предложение определяется спросом и предложением на звонкую монету и конкурентными банковскими условиями (чем быстрее происходит погашение банкнот, тем больший уровень резервов должен поддерживаться, и соответственно тем меньше банковский мультипликатор расширения банковского кредита).

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Денежное предложение определяется требованиями по уровню обязательных резервов, операциями центробанка на открытом рынке, спросом на займы и взимаемыми с работающих через банки физических лиц и организаций процентами.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Денежное предложение определяется исключительно операциями центрального банка на открытом рынке.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

Главным образом надзор за выполнением нормы о 100%-ном резервировании депозитов до востребования. Кроме того, возможно, чеканка монеты, принуждение к выполнению договоров и т.д.

Свободная банковская деятельность:

Пренебрежимо малая роль, политика полного невмешательства. Роль государства ограничена чеканкой монеты, добычей драгоценных металлов, удостоверением веса и чистоты монет и т.д. При этом строгое невмешательство в части выдачи лицензий, преференций или издания законов о банковской деятельности, резервных требований, открытия филиалов в разных штатах и т.д.

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Существенная роль государства. Установление центральным банком нормативов обязательных резервов, операции на открытом рынке для воздействия на процентные ставки и денежное предложение, ограничение на открытие филиалов и других видов банковской деятельности, кредитное законодательство, страхование депозитов, вмешательство во время банковских кризисов и т.д. Кредитные операции проводятся частными банками под надзором государства.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Государство играет центральную роль в определении денежного предложения. Процентные ставки и параметры срочных депозитов свободно изменяются согласно рыночным условиям. Помимо полного контроля над денежным предложением и его ростом, а также надзора за соблюдением правила 100%-ного резервирования по депозитам до востребования, государству практически не отводится иной роли.

ПРЕИМУЩЕСТВА (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТОРОННИКОВ)

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

Деньги практически свободны от вмешательства государства, которое не имеет дискреционной власти. Доходы государства формируются за счет сбора налогов и размещения государственных займов, но не за счет создания денег.

Юридически соблюдаются права вкладчиков, которые сохраняют право собственности на свои средства.

Избавление от монетарной инфляции или инфляции, вызванной действиями государства, а также от экономических циклов, международных валютных кризисов, дефицита платежных балансов, закона Грэшема.

Свободная банковская деятельность:

Структура денежной системы в значительной мере свободна от контроля со стороны государства.

Обеспечивает относительно твердые деньги, здоровую банковскую систему.

В банковских делах предоставляется широкая свобода действий.

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Обеспечивает «эластичную» валюту, что необходимо при изменении сезонных или долгосрочных экономических факторов.

Предоставляет многочисленные способы контроля над денежным предложением и процентными ставками в соответствии с нуждами общества.

Позволяет напрямую решать денежные проблемы и сдерживать рискованное поведение банков. Относительно дешевая денежная система с широким использованием бумажных денег.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Способность достичь цели стабильного уровня цен.

Простота денежной политики — с помощью такого простого средства, как операции на открытом рынке, центральный банк постоянно держит под контролем денежное предложение.

Дешевая денежная система, в которой в обращении находятся бумажные деньги и билонная монета.

Удастся избежать широких колебаний темпов роста денежной массы.

НЕДОСТАТКИ (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРИТИКОВ)

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

Невозможность колебания денежного предложения в соответствии с потребностями бизнеса. Низкая эластичность валюты или ее полное отсутствие.

Чрезвычайно затратная система, отвлекающая много ресурсов на добычу драгоценных металлов. Слишком строгие ограничения, налагаемые на банковскую деятельность. Не допускает государственных манипуляций в «чрезвычайных» условиях финансовых кризисов.

Неспособна обеспечить в долгосрочном плане стабильный уровень цен. Допускает периоды дефляции, за которыми в моменты «золотой лихорадки» следуют периоды высокой инфляции.

Свободная банковская деятельность:

Неспособность целиком освободиться от цикличности экономики.

Может оказываться дестабилизирующей в силу экономического цикла и отсутствия возможности для государственного вмешательства в регули-

рование уровня резервов, при том что данный уровень может оказаться слишком низким в силу недостатка конкуренции между банками.

Нездоровые банковские операции и избыточное денежное предложение могут привести к хаосу.

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Сложность контроля над денежным предложением в краткосрочном периоде в силу наличия ряда независимых переменных, таких как спрос на кредиты.

Юридическая суть взаимоотношений между вкладчиком и банкиром обманчива и скрыта от глаз широкой публики. Чрезмерная зависимость от каждого банка в поддержании стабильности финансовой системы: банкротство одного крупного банка оказывает серьезное влияние на обязательства связанных с ним банков.

Центральному банку предоставляется слишком большая власть в контроле над денежным предложением и способности увеличивать данный агрегат, что ведет к чрезмерной монетарной инфляции и последующим рецессиям. Международные валютные кризисы и дефицит платежного баланса.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Предоставляет слишком большую власть центральному банку в части слишком быстрого роста денежного предложения.

Создает циклы бум—крах, оказывающие дестабилизирующее воздействие на бизнес и занятость.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВНЕДРЕНИЕ

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

В высшей степени сложно провести в жизнь. Введение такого стандарта приведет к значительному росту цен на золото и серебро, что создаст проблемы на валютных рынках и в международной торговле.

Введение стандарта может быть сопряжено с экономическими рисками в силу устранения искажений, вызванных монетарной инфляцией в прошлом.

Огромная вероятность того, что банки будут пытаться всеми силами обойти требование 100%-ного резервирования. Возможность существенно сжатия денежного предложения, ведущего к депрессии.

Свободная банковская деятельность:

Проще, чем воплотить в жизнь идею 100%-ного резервирования. Центральный банк будет покупать и продавать золото по цене свободного рынка, по которой будут погашаться все банкноты и депозиты.

Значительные, радикальные перемены в вопросе открытия банковских филиалов; колебания в резервных требованиях — возврат к «спекулятивному банковскому делу»?

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Система действует в настоящее время.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Легко внедряется, поскольку имеющиеся банкноты Федерального резерва не обеспечены золотом. Увеличение резервов по депозитам до востребования, доведение их до уровня 100% оказалось бы несложной бухгалтерской задачей.

Однако это потребует радикальных изменений в работе ссудосберегательных ассоциаций, а также сберегательных банков, которые уже не смогут разрешать отзываться средства со счетов по первому требованию.

СТОРОННИКИ

Металлический стандарт со 100%-ным резервированием:

Многие из сторонников твердых денег, такие как Давид Юм, денежная школа в Англии, сторонники президентов Джексона и Джефферсона в начале XIX в., Чарльз Кэррол, Амос Уолкер, Элджин Гроусклоуз, Мюррей Ротбард, Говарт Катц и др. Симпатию выражали, среди прочих, Хайек и Фридмен.

Свободная банковская деятельность:

В определенной степени — банковская школа в Англии, Людвиг фон Мизес, Генри Хэзлит, Лисандер Спунер, Уильям Стэнли Джевонс, Уильям Бро, Давид Рикардо (там, где он выступал за конвертируемость), Лоренс Уайт и др.

Банковская деятельность с частичным резервированием:

Большинство банкиров с момента зарождения банковского дела, неокейнсианцы, такие как Пол Самуэльсон.

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием:

Ирвинг Фишер, чикагская школа Саймонса, Фридмена и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ

- Adams, John. Works. Boston: Little, Brown & Co., 1856.
- Adams, John Quincy. *Writings*. Edited by Worthington C. Ford. New York: Macmillan, 1916.
- Amber, Charles H. *Thomas Ritchie, A Study in Virginia Politics*. Richmond: Bell Book and Stationery Co., 1913.
- Beach, Frank Herman. *The Monetary Theories of John Law, An Abstract of a Thesis*. Urbana, Ill.: University of Illinois, 1933.
- Böhm-Bawerk, Eugen von. *Capital and Interest*. South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959.
- Bordo, Michael D. and Anna J. Schwartz, eds., *A Retrospective on the Classical Gold Standard*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- Brace, Harrison H. *Gold Production and Future Prices*. New York: Bankers Publishing Co., 1910.
- Bronson, Henry. *The Money Problem*. 1877.
- Brough, William. *The Natural Law of Money*. New York: Putnam, 1894.
- Brough, William. *Open Mints and Free Banking*. New York: Putnam, 1898.
- Burns, Arthur R. *Money and Monetary Policy in Early Times*. New York: Knopf, 1927.
- Byrdsall, Fitzwilliam. *The History of the Loco-Foco or Equal Rights Party*. New York, 1842.
- Cairnes, John E. *Essays in Political Economy*. New York: Augustus M. Kelley, [1873] 1965.
- Carlile, W. W. *The Evolution of Modern Money*. London: Macmillan, 1901.
- Carroll, Charles Holt. *Organization of Debt into Currency and Other Papers*. Edited by Edward C. Simmons. Princeton, N.J.: D. Van Nostrand Co., 1964.
- Cernuschi, Henri. *Contre le billet de banque*. Paris, 1866.
- Chase, Samuel P. *Legal Tender Cases*. 12 Wall 586.
- Colwell, Stephen A. *The Ways and Means of Payment*. Second edition. 1860.
- Conant, Charles A. *The Principles of Money and Banking*. New York: Harper, 1905. Two volumes.
- Cox, James. *Metallic Money, Its Value and Its Function*. 1841.
- Dolan, Edwin G., editor. *The Foundations of Modern Austrian Economics*. Kansas City: Sheed and Ward, 1976.
- Dorfman, Joseph. *The Economic Mind in American Civilization*. New York: Viking Press, 1949.
- Dunmar, Charles F. *The Theory and History of Banking*. New York: Putnam, 1901.
- Dunmar, Charles F. *Chapters on the Theory and History of Banking*. New York: Putnam, 1907. Second edition.

- Eichengreen, Barry editor. *The Gold Standard in Theory and History*. New York: Methuen, 1985.
- Einaudi, Luigi. "The Theory of Imaginary Money from Charlemagne to the French Revolution." In Frederic C. Lane and Jelle C. Riemersma, eds., *Enterprise and Secular Change*. Home-wood, Ill.: Irwin, 1953.
- Elibank, Patrick Murray. *Essays*. 1755.
- Farrand, Max, editor. *The Records of the Federal Convention of 1787*. New Haven, Conn., 1937.
- Farrer, T. H. *Studies in Currency*. London: Macmillan, 1898.
- Feaveryear, A. E. *The Pound Sterling*. Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Fisher, Irving. *The Instability of Gold*. New York: Alexander Hamilton Institute, 1912.
- Fisher, Irving. *The Money Illusion*. New York: Adelphi Co., 1928.
- Fisher, Irving. *100% Money*. New Haven, Conn.: The City Printing Co., 1945.
- Friedman, Milton. *A Program for Monetary Stability*. New York: Fordham University Press, 1960.
- Friedman, Milton and Anna J. Schwartz, *A Monetary History of the United States 1867—1960*. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Gallatin, A. A. A. *Considerations, Etc.* 1831.
- Gallatin, A. A. A. *Writings*. Edited by Henry Adams. New York: 1960.
- Geyer, Philip Joseph. *Banken und Krisen*. 1865.
- Gouge, William M. *A Short History of Paper Money and Banking in the United States*. New York: B. & S. Collins, 1835.
- Groseclose, Elgin. *Money, The Human Conflict*. Normal: University of Oklahoma Press, 1934.
- Groseclose, Elgin. *Money and Man*. New York: Frederick Ungar, 1961.
- Haberler, Gottfried. *Prosperity and Depression*. Geneva: League of Nations, 1939. Second edition.
- Hansen, Alvin H. *Business Cycles and National Income*. New York: W. W. Horton, 1964.
- Harris, Joseph. *An Essay Upon Money and Coins*. 1757—1758.
- Hawtrey, R. G. *The Gold Standard in Theory and Practice*. London: Longmans, Green and Co., 1933. Third edition.
- Hawtrey, R. G. *Currency and Credit*. London: Longmans, Green and Co., 1937.
- Hayek, F. A. *Prices and Production*. London: Routledge and Kegan Paul, 1935. Second edition.
- Hayek, F. A. *Monetary Nationalism and International Stability*. New York: Longmans, Green and Co., 1937.
- Hayek, F. A. *Individualism and Economic Order*. Chicago: University of Chicago Press, 1948.
- Hayek, F. A. *The Denationalization of Money*. London: The Institute of Economic Affairs, 1976.
- Hazlitt, Henry. *Return to Gold*. New York: Newsweek, 1954.
- Hazlitt, Henry. *What You Should Know About Inflation*. New York: Funk and Wagnalls, 1965.
- Horn, J. E. *La Liberte des Banques*. 1866.

- Hume, David. *Political Discourses*. 1752.
- Jastram, Roy W. *The Golden Constant*. New York: John Wiley and Sons, 1977.
- Jefferson, Thomas. *Writings*. Edited by T. E. Bergh. Washington, D.C.: Jefferson Memorial Association of the United States, 1904.
- Jevons, W. Stanley. *Money and Mechanism of Exchange*. London: Kegan Paul, 1905. Fifteenth Edition.
- Joplin, Thomas. *An Essay on General Principles and Present Practices of Banking*. London: Baldwin, 1826.
- Katz, Howard. *The Paper Aristocracy*. New York: Books in Focus, 1976.
- Kemmerer, E. W. *Gold and the Gold Standard*. New York: McGraw-Hill, 1944.
- Kendall, Amos. *Autobiography*. Edited by William Stickney. Boston: P. Smith, 1872.
- Keynes, John Maynard. *A Tract on Monetary Reform*. London: Macmillan, 1923.
- Keynes, John Maynard. *Essays in Persuasion*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1932.
- Keynes, John Maynard. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1936.
- Lane, Frederic C. and Jelle C. Riemersma, eds. *Enterprise and Secular Change*. Homewood, Ill.: Irwin, 1953.
- Laughlin, J. Laurence. *A New Exposition of Money, Credit and Prices*. Chicago: University of Chicago Press, 1931.
- Law, John. *Considerations sur le numeraire et le commerce*. Edited by Daire. Paris, 1851.
- Lee, Maurice W. *Macroeconomics: Fluctuations, Growth and Stability*. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1971.
- Leggett, William. *A Collection of the Political Writings of William Leggett*. Edited by Theodore Sedgewick, Jr. New York, 1840.
- Leroy-Beaulieu, Paul. *Traite d'Economie Politique*. Paris, 1910.
- Loyd, Samuel Jones. *Reflections Suggested by a Perusal of Mr. J. Horsley Palmer's Pamphlet on the Causes and Consequences of the Pressure on the Money Market*. 1837.
- Madison, James. *The Madison Papers*. Washington, D.C., 1840.
- Martin, J. B. *Grasshopper in Lombard Street*. 1676.
- McCulloch, J. R. *Old and Scarce Tracts on Money*. London: King, 1933.
- Menger, Carl. *Principles of Economics*. Edited by James Dingwall and Bert F. Hoselitz. Glencoe, Ill.: Free Press, 1950.
- Miller, Harry E. *Banking Theories in the U.S. Before 1860*. Cambridge: Harvard University Press, 1927.
- Mints, Lloyd W. *A History of Banking Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Mises, Ludwig von. *The Theory of Money and Credit*. New Haven: Yale University Press, 1953. Second edition.
- Mises, Ludwig von. *Human Action*. Chicago: Henry Regnery Co., 1966. Third revised edition.

- Nussbaum, Arthur. *Money in the Law, National and International*. Brooklyn, N.Y.: Foundation Press, 1950.
- O'Connor, Michael J. L. *Origins of Academic Economics in the United States*. New York: Columbia University Press, 1944.
- Paterson, Isabel. *The God of the Machine*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1943.
- Paul, Ron and Lewis Lehrman. *The Case for Gold*. Washington, D.C.: Cato Institute, 1982.
- Pesek, Boris P. and Thomas R. Saving. *The Foundations of Money and Banking*. New York: Macmillan, 1968.
- Pennsylvania Legislature. *Journal of the House*. 1820—1821.
- Phillips, C. A., T. F. McManus, and R. W. Nelson. *Banking and the Business Cycle*. New York: Macmillan, 1937.
- Powell, E. T. *The Evolution of the Money Market*. London: Frank Cass and Co., 1966.
- Raguet, Condy. *A Treatise on Currency and Banking*. Second edition. 1840.
- Raymond, Daniel. *Thoughts on Political Economy*. Baltimore: F. Lucas, Jr. and E. J. Coale, 1820.
- Raymond, Daniel. *Elements of Political Economy*. Baltimore: F. Lucas, Jr. and E. J. Coale, 1823. Two volumes.
- Read, Leonard. *Government — An Ideal Concept*. Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education, 1954.
- Ricardo, David. *Works of David Ricardo*. London: John Murray, 1876.
- Richards, R. D. *The Early History of Banking in England*. London: Frank Cass & Co., 1958.
- Ridgeway, William. *The Origin of Metallic Currency and Weight Standards*. Cambridge, Mass.: Wilson, 1892.
- Robbins, Lionel. *Economic Planning and International Order*. London: Macmillan, 1937.
- Robertson, Ross M. *History of the American Economy*. New York: Harcourt, Brace and World, 1964.
- Rockwell, Llewellyn J., Jr., ed., *The Gold Standard: An Austrian Perspective*. Lexington, Massachusetts: Lexington Books, 1985.
- Rogers, J. E. Thorold. *First Nine Years of the Bank of England*. London, 1887.
- Ropke, Wilhelm. *Economics of a Free Society*. Chicago: Regnery, 1963.
- Rothbard, Murray N. *Panic of 1819*. New York: Columbia University Press, 1962.
- Rothbard, Murray N. *Man, Economy and State*. Los Angeles: Nash Publishing, 1970. Two volumes.
- Rothbard, Murray N. *The Case for a 100 Percent Gold Dollar*. Washington, D.C.: Libertarian Press, 1974.
- Rothbard, Murray N. *What Has Government Done to Our Money*. Santa Ana, Calif.: Rampart College, 1974.
- Rothbard, Murray N. *America's Great Depression*. Kansas City: Sheed and Ward, 1975. Third edition.

- Rothbard, Murray N. *The Mystery of Banking*. New York: Richardson and Snyder, 1983.
- Samuelson, Paul A. *Economics*. New York: McGraw-Hill, 1970. Eighth edition.
- Say, Jean-Baptiste. *A Treatise on Political Economy, or the Production Distribution and Consumption of Wealth*. Philadelphia: Claxton, Remsen and Haffelfinger, 1880.
- Schumpeter, Joseph A. *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press, 1954.
- Schwartz, Anna J. *Money in Historical Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Sennholz, Hans F., editor. *Gold is Money*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975.
- Sennholz, Hans F. *Inflation or Gold Standard?* Lansing, Mi.: Constitutional Alliance, 1975.
- Siegel, Barry N., ed. *Money in Crisis*. San Francisco: The Pacific Institute for Public Policy Research, 1984.
- Simons, Henry C. *A Positive Program for Laissez Faire*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
- Simons, Henry C. *Economic Policy for a Free Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1948.
- Sklar, Robert O. and Benjamin W. Palmer. *Business Law*. New York: McGraw-Hill, 1942.
- Slade, William. *Banks or No Bank*. N.d.
- Smart, William. *Economic Annals of the Nineteenth Century*. New York: Augustus M. Kelley, 1964. Two volumes.
- Smith, Adam. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. New York: The Modern Library, [1776] 1937.
- Smith, Vera C. *The Rationale for Central Banking*. London: King, 1936.
- Spahr, Walter E. and James Washington Bell, editors. *A Proper Monetary and Banking System for the United States*. New York: Ronald Press, 1960.
- Spencer, Herbert. *Social Statics*. New York: Robert Schalkenbach Foundation, 1954.
- Spooner, Lysander. *A Letter to Grover Cleveland*. Boston: Tucker, 1886.
- Stamp, Sirjosiah. *Papers on Gold and the Price Level*. London: P. S. King & Sons, 1931.
- Sylvester, Isaiah W. *Bullion Certificates as Currency*. New York: U.S. Assay Office, 1882.
- Tracy, Antoine Destutt de. *Treatise on Political Economy*. Georgetown, Washington, D.C., 1817.
- Vethake, Henry. *The Principles of Political Economy*. 1838.
- Virginia General Assembly. *Journal of the House of Delegates*, 1820—1821.
- Walker, Amasa. *Nature and Uses of Money and Mixed Currency, with A History of the Wickaboag Bank*. Boston: Crosly, Nichols, and Co., 1857.
- Walker, Amasa. *The Science of Wealth*. Boston: Little, Brown, 1874. Third edition.

- Walker, Francis A. *Political Economy*. New York: Henry Holt and Co., 1888.
- Walker, Francis A. *Money in its Relations to Trade and Industry*. New York: Henry Holt and Co., 1889.
- Walker, Francis A. *Money*. New York: Holt, 1891.
- White, Lawrence H. *Free Banking in Britain, 1800—1845*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Wicksell, Knut. *Lectures on Political Economy*. New York: Macmillan, 1935.
- Wilson, James, Esq. *Capital, Currency, and Banking*. London: D. M. Hird, 1859.
- Wu, Chi-Yuen. *An Outline of International Price Theories*. London: Routledge, 1939.
- Yeager, Leland B., editor. *In Search of a Monetary Constitution*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.

Памфлеты

- Hume, David. "Banks and Paper Money." Financial Pamphlet, vol. 22.
- Parnell, Sir Henry. "Observations on Paper Money, Banking and Overtrading, including those parts of the evidence taken before the Committee of the House of Commons which explained the Scotch System of Banking." Pamphlet. 1827.

Диссертации

- Yeager, Leland B. "An Evaluation of Freely-Fluctuating Exchange Rates." Unpublished Ph.D. dissertation, Columbia University, 1952.

Статьи

- Angell, James W. "The 100 Per Cent Reserve Plan," *Quarterly Journal of Economics*, 50:34 (November, 1935).
- Bradford, Gamaliel. "Lombard and Wall Street," *North American Review*, XIX, 1874.
- Bradford, Gamaliel. "Three Systems of Currency," in *Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science*. 1875.
- Carroll, Charles Holt. "The Currency and the Tariff." *Hunt's Merchants' Magazine and Commercial Review*, XXXIII (August 1855), pp. 191—199.
- Friedman, Milton. "Real and Pseudo Gold Standards," *Journal of Law and Economics* 4 (October, 1961), pp. 66—79.
- Friedman, Milton and Anna J. Schwartz. "Has Government Any Role in Money?" *Journal of Monetary Economics* (January, 1986), pp. 37—62.
- Hart, Albert G. "The 'Chicago Plan' of Banking Reform," *Review of Economic Studies*, 2:104—116 (1935).
- Garrison, Roger W., "Gold: A Standard and an Institution," *Cato Journal* 3:1 (Spring, 1983), pp. 233—238.
- Graham, Frank D. "Partial Reserve Money and the 100 Per Cent Proposal," *American Economic Review*, XXVI (1936), pp. 428—440.

- Longfield, Mountifort. "Banking and Currency," *Dublin University Magazine*, February 1840.
- Reynolds, Alan. "Why Gold?" *Cato Journal* 3:1, 1983, pp 211—232.
- Rothbard, Murray. "The Myth of Free Banking in Scotland," *The Review of Austrian Economics* 2 (1987), pp. 229—245.
- Salerno, Joseph T. "Gold Standards: True and False." *Cato Journal*, 3:1, 1983, pp. 239—267.
- Trimble, William. "Diverging Tendencies in New York Democracy in the Period of the Locofocos," *American Historical Review*, №3, April 1919.
- Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. II: Позитивная теория капитала; Т. III: Экскурсы. Челябинск: Социум, 2010.
- Гуттри Р. Дж. Деньги и кредит. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930.
- Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006.
- Кейнс Дж. М. Общая теория процента, занятости и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
- Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 57—286.
- Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011.
- Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической науке. Челябинск: Социум, 2005.
- Рикардо Д. Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот // Рикардо Д. Соч. Т. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 45—104.
- Рикардо Д. Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибыли Банка Англии, поскольку она связана с интересами государства и собственников капитала банка // Рикардо Д. Соч. Т. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С. 179—254.
- Ротбард М. Государство и деньги: как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Смит В. Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996.
- Спенсер Г. Социальная статика // Спенсер Г. Политические сочинения. В 5-ти т. Т. 1. Челябинск: Социум, 2011.
- Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Челябинск: Социум, 2005.
- Хайек Ф. Резервная валюта с товарным обеспечением // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 249—260.
- Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996.
- Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2007.

- Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства. В 2-х т. М.: Экономика, 1997.
- Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001.
- Юм Д. О деньгах // Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5.
- Юм Д. О торговом балансе // Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5.

Дж. Салерно

**ЗОЛОТО
И МЕЖДУНАРОДНАЯ
ВАЛЮТНАЯ
СИСТЕМА**

вклад Майкла Хелперина

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

Введение

Рассматривая некоторые важные вопросы, которые порождает международная валютная система, основанная на золоте, я решил сосредоточить внимание на работах незаслуженно забытого экономиста Майкла Хелперина¹. Как я полагаю, для этого есть веские причины.

Прежде всего, на протяжении всей своей выдающейся, долгой и плодотворной карьеры, растянувшейся почти на четыре десятилетия (1931—1968), Хелперин резко критиковал инфляцию неразменных бумажных денег и был бескомпромиссным защитником золотого стандарта. Практически единственным среди профессиональных экономистов после Второй мировой войны он выступал за возвращение к относительно твердым деньгам, «классическому» золотому стандарту образца начала XX в. (до 1914 г.), и благодаря занимаемым им влиятельным постам сумел добиться того, что к его взглядам прислушивались люди, определявшие валютную политику

¹ Подробности о жизни и карьере Хелперина найти непросто. Приведенный ниже биографический очерк составлен в основном по сведениям с пыльных обложек его книг. Кое-какая полезная информация также содержалась в сборнике «The 1964 Handbook of the American Economic Association». Майкл Анджело Хелперин родился 6 мая 1909 г. в Варшаве (Польша). И степень магистра, и степень доктора экономики он получил в Женевском университете в 1929 и 1931 г. соответственно. Он также учился в аспирантурах Лондонской школы экономики и Кембриджского университета. С 1935 по 1938 г. он был доцентом на факультете Института международных исследований (Graduate Institute of International Studies) в Женеве. В 1930-е годы также преподавал в различных учебных заведениях США, в том числе колледже Брин Мор в Пенсильвании и Калифорнийском университете в Беркли. В 1941 г. Хелперин был назначен доцентом экономики в Гамильтон-колледже, Нью-Йорк, покинув этот пост в декабре 1945 г. В 1953 г. он вернулся в Институт международных исследований в Женеве, где служил профессором международной экономики до 1964 г. В этот период он также являлся младшим редактором и западноевропейским корреспондентом журнала *Fortune*, а с 1964 по 1966 г. входил в состав редколлегии журнала. Хелперин работал приглашенным профессором по международным финансам в Университете Южной Калифорнии в 1968 г. После этой даты мне не удалось найти какой-либо иной биографической информации о нем.

Хелперин публиковал книги и статьи на трех языках — польском, французском и английском. Его работы на французском языке включают докторскую диссертацию, защищенную в 1931 г., под названием «Le Probleme Monetaire D'Apres-Guerre et la Solution en Pologne, en Autriche et en Tchecosloquie», а также книгу «Monnaie, Credit, et Transfert» (Paris, 1931). В число основных работ Хелперина на английском языке входят следующие книги и монографии: «International Monetary Economics» (London: Longmans, Green, 1939); «International Monetary Reconstruction: The Bretton Woods Agreements» (New York: American Enterprise Association, 1945); «The Trade of Nations» (New York: Alfred A. Knopf, 1947); «Studies in Economic Nationalism» (Geneva: Librairie E. Droz, 1960); «Aspects of the Pathology of Money: Monetary Essays from Four Decades» (London: Michael Joseph Limited, 1968). Единственной статьей, которую мне удалось найти в англоязычном профессиональном журнале, помимо вошедших в последнюю книгу из перечисленных выше, является статья «Economics of Banking Reform» (*Political Science Quarterly* 50 (September 1935):359—376).

Западного мира². Тем не менее его работы были полностью забыты не только экономическим мейнстримом, но и все более многочисленными современными сторонниками международной валютной системы, основанной на золоте. Это особенно печально, поскольку Хелперин имел склонность формулировать свои предложения и аргументацию в защиту золота в свете соображений современной экономической политики. Так что я пытаюсь привлечь внимание к достижениям Хелперина, не только имея в виду значение его рекомендаций как таковых, но и с целью исправить столь очевидное упущение в развитии науки.

Другое важное соображение состоит в том, что Хелперин поддерживал жизнь классического анализа платежного баланса и валютных курсов в эпоху, когда монетарные объяснения дефицитов и обесценения валют были отброшены ради кейнсианских теорий, в которых подчеркивались «реальные» причины изменений платежного баланса и валютных курсов: «технологические разрывы», «искаженная эластичность валютных рынков», «избыточное поглощение национального дохода» и «мультипликаторы внешней торговли». В этом отношении Хелперин выступает как важный, но до сих пор непризнанный предвестник современного денежного подхода к платежному балансу.

Внимательное изучение работ Хелперина поучительно и по третьей причине. Подобно более известному стороннику золотого стандарта Жаку Рюэффу³, Хелперин долгое время выступал против золотодевизного стандарта, высказывая глубокие критические замечания в адрес этой системы, особенно в том виде, в каком она действовала в эпоху Бреттон-Вудса (1946—1971). Его прогнозы о ее неизбежном крахе поначалу вызывали смех, но, как показали дальнейшие события, попали в точку. Это служит бесценной иллюстрацией той роли, которую трезвая и логичная экономическая теория играет в предсказании расцвета и заката крупных форм экономической деятельности. Более того, возражения Хелперина против золотодевизного стандарта актуальны и сейчас, когда в поддержку системы, аналогичной Бреттон-Вудсу, раздаются голоса влиятельных сторонников экономики предложения и других сторонников «ценового правила» денежной политики⁴.

² Например, Хелперин был членом престижной «группы Белладжио», состоявшей из 32 ученых-экономистов, собранных вместе в 1964 г. Фрицем Махлуном для обсуждения вопросов денежной реформы. Он был одним из всего лишь двух членов группы (вторым был Жак Рюэфф), рекомендовавших возвращение к классическому золотому стандарту при существенно более высокой цене золота. См. раздел «International Finance» в книге «International Monetary Arrangements: The Problem of Choice — Report on the Deliberations of an International Study Group of 32 Economists» (Princeton, N.J.: Princeton University, 1964), где, в частности, на с. 115—116 приводятся расхождения между общим мнением и позицией Хелперина.

³ Критику со стороны Рюэффа можно найти в его книгах: Jacques Rueff, *The Age of Inflation* (Chicago: Henry Regnery, 1964); Idem., *Balance of Payments: Proposals for the Resolution of the Most Pressing World Economic Problem of Our Time* (New York: Macmillan, 1967); Idem., *The Monetary Sin of the West* (New York: Macmillan, 1972).

⁴ Например, см. многие из статей в сборнике: Jack Kemp and Robert Mundell, eds., *A Monetary Agenda for World Growth* (Boston: Quantum, 1983).

Наконец, современные защитники подлинного золотого стандарта, как мы надеемся, извлекут урок из фатальных ошибок, которые совершил Хелперин, при описании и отстаивании международного золотого стандарта. Его ошибки в этом отношении проистекают из фундаментального непонимания природы и эволюции денег и финансовых институтов, характерного для большинства современных теоретиков и лиц, определяющих экономическую политику. Именно этот «конструктивистский» подход к деньгам привел Хелперина к идее «полуавтоматического» или «управляемого» золотослиткового стандарта, в котором государству отводится роль управляющего деньгами. Прискорбный факт заключается в том, что подобные предложения придали достоверности искаженному изображению золотого стандарта в виде всего лишь схемы фиксирования цен государством в грандиозном масштабе.

Золотой стандарт и «механизм восстановления равновесия»

С наступлением эпохи Бреттон-Вудса большинство экономистов отвергли юмовский, классический подход, согласно которому существует рыночный механизм, автоматически поддерживающий и восстанавливающий равновесие платежного баланса страны. В господствовавших тогда посткейнсианских теориях платежного баланса деньгам отводилась пассивная роль средства, служащего для компенсации неизбежных расхождений между дебитом и кредитом по торговому и капитальному счетам.

Кейнсианцы считали, что направление и величина международных денежных потоков целиком и полностью определяются решениями, которые принимаются в «реальном» секторе экономики, т.е. на рынках товаров и капиталов⁵. Поскольку бесчисленные домохозяйства и компании независимо друг от друга принимают решения о том, где и сколько продавать, покупать или инвестировать, нет оснований рассчитывать на то, что для отдельно взятой страны будет стихийно достигнуто равновесие между совокупными внешними поступлениями и платежами ее резидентов. Из кейнсианской точки зрения на платежный баланс вытекают два важных следствия: во-первых, для предотвращения хронического дефицита платежного баланса страны государство должно проводить ту или иную политику, а во-вторых, по этой причине сравнительно нерегулируемый классический золотой стандарт является нестабильным и неустойчивым валютным режимом.

Именно в этой интеллектуальной атмосфере Хелперин ярко и убедительно заново сформулировал и обосновал теорию Давида Юма и экономистов-

⁵ См. критику различных посткейнсианских подходов: Harry G. Johnson, "The Monetary Approach to the Balance of Payments: A Nontechnical Guide," *Journal of International Economics* 7 (August 1977): 251—268; Idem., "Money and the Balance of Payments," *Banca Nazionale Del Lavoro Quarterly Review* (March 1976), pp. 3—18.

классиков о том, что при международном золотом стандарте существуют мощные рыночные силы, в результате стихийного действия которых происходит быстрая и точная корректировка неравновесия платежного баланса. В доктрине классической школы неявно признается, что деньги играют активную и существенную роль в платежном балансе и что, в частности, люди принимают решения о продаже, покупке или инвестировании, имея в виду достижение или сохранение желаемого уровня денежных остатков. Важнейшее следствие, вытекающее отсюда, состоит в том, что инфляционная кредитно-денежная политика препятствует работе механизма автоматической балансировки международных платежей и в конце концов его разрушает. Рассмотрим внимательнее процесс корректировки платежного баланса, как его понимал Хелперин, в условиях международного золотого стандарта.

То, что Хелперин называет «механизмом восстановления равновесия», запускается при возникновении несоответствия между платежами и поступлениями в ходе внешнеэкономических операций страны, как торговых, так и финансовых. Хелперин анализирует этот механизм в простейшем случае международной золотой валюты, при котором «золото является единственными деньгами в обращении в разных странах»⁶. Такие «полностью золотые» (all-gold currency) или «простые металлические» (simple specie currency) деньги характеризуются как деньги, при которых «национальной денежной политики не существует вовсе»⁷.

Чтобы проиллюстрировать действие механизма установления равновесия при таком денежном режиме, предположим, что в совокупном платежном балансе страны возникает дефицит. Немедленным следствием этого становится отток золота за границу. Как замечает Хелперин, «это означает сокращение средств обращения в стране, теряющей золото, и их увеличение в другой стране или других странах. Как следствие, в первой стране цены падают, а во второй растут, что препятствует импорту и способствует экспорту первой страны, в то время как во второй происходит обратное»⁸. Эти движения относительных цен автоматически восстанавливают равновесие в платежном балансе страны, испытывающей дефицит.

Эта схема известного механизма «цена—переток звонкой монеты», который связывают с именами Юма и Рикардо. Но есть и другой фактор, помимо изменения относительных цен, который способствует автоматическому поддержанию равновесия платежного баланса. Разумеется, это прямое влияние на расходы как на отечественные, так и на импортные товары и услуги, вызываемое перетоком денег из одной страны в другую. Например, снижение предложения денег в стране, имеющей дефицит [платежного баланса], при прочих равных условиях приведет к сокращению денежных доходов ее жителей, что вызовет прямое снижение спроса как на импорт, так и на отечественную продукцию. Аналогичная последовательность событий, только

⁶ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 145.

⁷ *Ibid.*, p. 7.

⁸ *Ibid.*, p. 152.

в противоположном направлении, будет развертываться в стране, испытывающей профицит [платежного баланса], где денежные остатки и денежные доходы возрастают. «Таким образом, страна, платежный баланс которой сводится с дефицитом, будет покупать меньше товаров другой страны (в предположении, что имеется только две страны), а вторая увеличит свой импорт из первой». Одним словом, «изменения спроса, вызванные платежами между странами, влияют на торговлю между ними таким образом, что в международных платежах восстанавливается равновесие...»⁹

Сегодня этот эффект известен как эффект «реальных кассовых остатков» и особо выделяется в современном монетарном подходе к платежному балансу. Проведенный Хелперином анализ этого эффекта, однако, не вполне удовлетворителен, поскольку не учитывает явным образом предпочтения индивидов относительно размера кассовых остатков¹⁰. Тем не менее он отражает дух монетарного подхода в том смысле, что в нем выявлен автоматический характер соотношений между платежным балансом, предложением денег и совокупными денежными доходами и расходами. Так, Хелперин говорит об «изменениях на денежных рынках разных стран, которые вызваны неравновесием в международных платежах. Даже в отсутствие всякой политики [со стороны государства] эти изменения должны оказывать влияние на структуру международной торговли и внутреннего спроса»¹¹.

Резюме: «В системе простых металлических денег дефицит платежного баланса приводит к изменению предложения денег в странах, участвующих в торговле, что влияет на торговлю а) напрямую, через изменения спроса вследствие изменений в предложении денег (эффект прямых расходов или денежных остатков) и б) косвенно, через изменение цен вследствие перемещения золота из страны в страну (эффект относительных цен)»¹². Уравновешивающее влияние дефицита [платежного баланса] на предложение денег сохраняется до полного исчезновения дефицита и восстановления равновесия платежного баланса.

Хотя в описываемой в учебниках абстрактной модели стопроцентного золотого стандарта дефицит платежного баланса устраняется автоматически, классический золотой стандарт требует, чтобы балансирующий механизм дополнялся государственной кредитно-денежной политикой, направленной на восстановление равновесия. Потребность в такой политике обусловлена определенными институциональными особенностями классического золотого стандарта. Самой важной из них является то, что

⁹ Ibid., p. 154.

¹⁰ Странное отсутствие явных упоминаний спроса на деньги омрачает всю работу Хелперина по международной денежной экономике. Это тем более любопытно, учитывая тот факт, что Хелперин, по собственному признанию, работал «в течение трех лет практически в ежедневном контакте с профессором Людвигом фон Мизесом», который в тот период (1935—1938) был ведущим европейским представителем подхода к спросу на деньги с точки зрения остатков наличности.

¹¹ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 155—156.

¹² Ibid., p. 163.

весь запас монетарного золота в стране сосредоточивается в центральном банке, использующем его в качестве резервов по собственным обязательствам в виде банкнот и депозитов.

Банкноты центрального банка и остатки на депозитах принадлежат населению и частным банкам и подлежат законному размену на золото по первому требованию. Поскольку дефицит платежного баланса необходимо финансировать путем поставки золота частных лиц иностранцам, он напрямую влияет на золотой запас центрального банка. Для противодействия дефициту центральный банк вынужден повышать учетную ставку, ограничивая собственное кредитование частных банков. Как отмечает Хелперин, политика повышения учетной, или «банковской», ставки «оказывает двойное влияние на ситуацию в денежно-кредитной сфере: 1) повышение банковской ставки ведет к сокращению той части денежной массы, которая обеспечена не золотом, а коммерческими бумагами, восстанавливая долю золотого покрытия всего объема денег, выпущенного центральным банком; 2) повышение процентной ставки также способствует привлечению краткосрочных капиталов из-за границы»¹³.

Изменение денежной массы в стране, вызванное сдерживающей политикой учетной ставки, способствует усилению эффектов относительных цен и прямых расходов (сдвиг спроса), возникающих благодаря автоматическому механизму, и тем самым ускоряет корректировку платежного баланса. Более того, приток иностранных краткосрочных капиталов в ответ на повышение внутренних процентных ставок непосредственно сокращает размер дефицита.

Хелперин заключает, что при классическом золотом стандарте восстановление равновесия платежного баланса в первую очередь зависит от правильной политики денежных властей: «Ясно, что для достижения нового равновесия по внешним платежам необходимо проводить политику, которая будет стимулировать экспорт и препятствовать импорту страны (или стран), испытывающих дефицит. Противоположные действия должны предприниматься в стране (или странах), имеющих профицит. Правильной политикой будет ограничение кредита в стране с дефицитом и расширение кредита в стране с профицитом. Этого можно добиться соответствующей корректировкой банковской ставки или путем операций на открытом рынке, направленных на достижение той же цели»¹⁴.

Помня о том, что в 1920-е годы британский и американский центральные банки постоянно использовали операции на открытом рынке в инфляционных целях, Хелперин сразу же предупреждает об огромном разрушительном потенциале этого мощного инструмента государственной кредитно-денежной политики, способного исказить или полностью расстроить действие золотого стандарта: «Безусловно, обращаясь к операциям на открытом рынке, необходимо пользоваться ими надлежащим образом — т.е. для ограничения денежной массы в стране, испытывающей дефицит

¹³ Ibid., p. 148.

¹⁴ Ibid., p. 163—164.

платежного баланса, и ее расширения в обратном случае. На практике этот метод слишком часто применялся для того, чтобы помешать, а не помочь работе балансирующего механизма; типичный пример — *покупка* ценных бумаг центральными банками в ситуации, когда золото утекает из страны, что противодействует необходимому сокращению средств обращения»¹⁵.

В действительности именно это порочное использование операций на открытом рынке в угоду стремлению монетаристов-фишерманцев к стабильности цен добило и без того ослабленный золотой стандарт 1920-х годов:

«Идея стабилизации „уровня цен“ привела к проведению таких операций на открытом рынке, которые были прямо противоположны мерам, необходимым для поддержания долгосрочного равновесия платежного баланса. В результате в странах, теряющих золото, денежной массе не позволили упасть, а банковской ставке — повыситься, в то время как в странах, испытывающих приток металла, денежная масса увеличивалась, а банковская ставка падала. В этих условиях механизмы корректировки, конечно, не могли работать надлежащим образом, вследствие чего неизбежно накапливались глубинные дисбалансы.

Участь „нового золотого стандарта“ была предрешена навязчивой идеей о надвигающемся „дефиците“ золота и попытками добиться стабильности цен *вопреки* „правилам игры“»¹⁶.

Постоянно подчеркивая, что «большинство проблем с платежным балансом вызвано инфляцией внутри страны»¹⁷, Хелперин предвосхищает еще одну важную идею современного монетарного подхода. Она состоит в том, что хронический дефицит по счету внешних платежей в экономике возникает только тогда, когда вследствие монетарной инфляции на внутреннем денежном рынке постоянно воссоздается избыток кассовых остатков. В этой ситуации непрерывные попытки населения избавиться от лишних денег ведут к чистому импорту товаров и ценных бумаг из-за границы и чистому оттоку золотых резервов. Равновесие платежного баланса восстановится только тогда, когда прекратится создание денег, а денежные остатки достигнут желаемого уровня.

Поскольку Хелперин считал, что монетарные факторы играют основную роль в определении платежного баланса, неудивительно, что он оказался одним из немногих экономистов, несогласных с доминировавшей точкой зрения, согласно которой нехватка долларов в Европе после Второй мировой войны была вызвана некими структурными или реальными факторами, действующими бесконечно долго. Сюда входили технологическая отсталость Европы по сравнению с США, разрушение европейских экспортных рынков и отраслей во время войны, огромная «потребность» в импорте для восстановления инфраструктуры и основных отраслей европейской промышленности, а также другие объяснения.

¹⁵ Ibid., p. 164.

¹⁶ Ibid., p. 192.

¹⁷ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 257.

Одним из многочисленных экономистов, представлявших структуралистскую интерпретацию дефицитов европейских стран, был ведущий американский кейнсианец того времени Элвин Хансен. Он писал: «Фундаментальная проблема нехватки долларов остается в большей или меньшей степени неразрешимой загадкой... Отчасти это вопрос технологий — колоссального превосходства американского массового производства широкого круга товаров, пользующихся большим спросом в современном мире, в том числе автомобилей, электроприборов, оборудования и т.д. В определенной степени она связана с высокими таможенными пошлинами в США. Отчасти она вызвана тем, что массовый американский потребитель твердо предпочитает отечественную продукцию, что подкрепляется постоянной рекламой. Товары, производимые внутри страны в условиях монополистической конкуренции или олигополии, едва ли могут быть вытеснены за счет притока импорта. Отчасти это связано с неверной оценкой стоимости многих иностранных валют. Наконец, нельзя отрицать, что дисбалансу способствует торговая политика многих стран»¹⁸.

По мнению же Хелперина нехватка долларов была обусловлена исключительно постоянной инфляцией в европейских странах в сочетании с привязанными обменными курсами, которые в условиях обесценения этих валют оказывались завышенными по отношению к доллару: «Нет сомнений в том, что в послевоенные годы причиной значительной части трудностей с платежными балансами является инфляционная политика в сочетании с поддержанием курсов валют на искусственно завышенном уровне»¹⁹.

В 1949 г. Хелперин доказывал, что ограничения импорта и валютный контроль не помогут справиться с дисбалансом платежей между США и Европой и единственным действенным решением для европейских стран был бы возврат к твердым деньгам: «Я отнюдь не уверен, что проблему европейского восстановления разумно обсуждать исключительно в терминах доступности так называемых „твердых валют“, т.е. главным образом доллара. Если не сделать „твердыми“ и европейские валюты, остановив инфляцию и восстановив конвертируемость, то я уверен, что дефицит долларов никогда не прекратится»²⁰.

Смелый прогноз Хелперина подтвердился в 1958 г., когда большинство западноевропейских стран отменило драконовские ограничения на внешнюю торговлю и инвестиции и вернуло неограниченную конвертируемость между своими валютами и долларом по реалистичному курсу. Казавшийся непреодолимым дефицит долларов почти мгновенно исчез. На самом деле вскоре возник даже «избыток долларов», который в конечном счете привел к краху Бреттон-Вудской системы.

Это подводит нас ко второму примеру того, как Хелперин использовал трезвый экономический анализ в качестве основы для точного прогноза

¹⁸ Alvin H. Hansen, *Monetary Theory and Fiscal Policy* (New York: McGraw-Hill, 1949), pp. 212—213.

¹⁹ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 235.

²⁰ *Ibid.*, p. 206—207.

влияния политэкономических институтов на широкий спектр экономических стимулов и видов деятельности. На этот раз он показал, что золотодевизный стандарт, восстановленный после Второй мировой войны под эгидой Бреттон-Вудской системы, являлся нестабильной международной валютной системой, которая неизбежно приведет к росту инфляции по всему миру и хронической диспропорции в платежных балансах.

Золотодевизный стандарт был впервые введен в 1920 г. для предотвращения надвигавшегося всемирного «дефицита золота», которого ожидали в ответ на очередную «стабилизацию» обесценившихся европейских валют путем привязки к золоту. Поскольку в ходе Первой мировой войны эти валюты значительно обесценились, наиболее очевидным и реалистичным решением было бы открыто признать этот факт и вернуться к золотому стандарту по более низкому паритету, т.е. по более высокой «цене» золота в национальной валюте. К сожалению, на Генуэзской конференции 1922 г. было решено установить размен по довоенным курсам, но в целях экономии на золоте позволить большинству стран держать валютные резервы в размениваемых на золото «ключевых валютах». В Великобритании и США должен был действовать полноценный золотой стандарт, а фунт и доллар должны были использоваться в качестве ключевых валют. С 1925 по 1928 г. страна за страной вводили у себя золотодевизный стандарт²¹.

Хелперин одним из первых увидел инфляционную природу этой схемы. В 1939 г. он писал, что подобное устройство породит «инфляционные тенденции во всемирном масштабе»²². Это следует из того факта, что «если валютные резервы некоторых стран хранятся в форме обычных остатков в коммерческих банках стран золотого стандарта, то на основе имеющихся запасов монетарного золота возможно двойное расширение денежной массы: в стране с золотым стандартом существует обычная „перевернутая кредитная пирамида“, включающая золото, банкноты, счета до востребования („банковские деньги“); но теперь часть верхнего слоя этой пирамиды становится основой аналогичной пирамиды в стране с золотодевизным стандартом. Каждый краткосрочный кредит, выдаваемый страной золотого стандарта стране, использующей золотодевизный стандарт, может стать основой для кредитной экспансии в последней без малейшего сокращения кредитования в первой!»²³ Хелперин делает вывод о том, что предполагавшаяся экономия золота «может произойти только в том случае, если золотодевизный стандарт становится инструментом инфляции... Все идет очень хорошо, пока последствия инфляции не проявляются, а страны, перешедшие на золотодевизный стандарт, не пользуются правом конвертировать свои зарубежные счета в золото. Но поскольку и то и другое

²¹ О зарождении и разрушении золотодевизного стандарта в 1920-е годы см.: Heilperin, *Pathology of Money*, pp. 173—175; Murray N. Rothbard, *The Mystery of Banking* (New York: Richardson and Snyder, 1983), p. 245—247.

²² Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 2.

²³ *Ibid.*

скорее всего рано или поздно случится, экономия в использовании золота связана с прогрессирующей нестабильностью денежной системы»²⁴.

Таким образом, золотодевизный стандарт становился «фальсифицированной версией золотого стандарта», «машиной постоянной инфляции»²⁵. Именно использование этой машины для достижения химеры стабильности цен привело к инфляционному буму 1920-х годов и последовавшей Великой депрессии²⁶. А «неверный экономический диагноз, усугубленный семантическими ошибками», привел к тому, что вина за депрессию и мировой финансовый кризис 1930-х годов была возложена на классический золотой стандарт. На самом деле именно золотодевизный стандарт «ослабил сигнальную систему и весь тонкий механизм восстановления равновесия при золотом стандарте»²⁷.

После Второй мировой войны Хелперин одним из первых экономистов, наряду с Рюэффом, разглядел, что под прикрытием Бреттон-Вудской системы был тихо восстановлен золотодевизный стандарт со всем его потенциалом валютной нестабильности. В 1961 г. он забил тревогу и предсказал, что мировая валютная система стоит на грани неминуемого краха:

«Международная валютная система, построенная частично на золоте, частично на валютах, размениваемых на золото, — золотодевизный стандарт — в межвоенные годы показала себя крайне опасной и была тайно восстановлена после окончания Второй мировой войны. Она способствует инфляции в оптимистической фазе, или фазе расширения, и дефляции (или даже краху) в пессимистической фазе, или фазе сжатия. Она порождает дефицит платежного баланса — и делает его хроническим — в тех странах, чья валюта используется за границей в качестве резервной (поскольку эти страны не покрывают свой дефицит, что привело бы к корректировке экономической политики, а просто наращивают свой внешний долг, подлежащий конвертации в золото. Чем дольше в условиях золотодевизного стандарта продолжается фаза расширения, тем больше нарастают обязательства стран — эмитентов ключевых валют и тем сильнее возрастает риск международного кризиса доверия, требований колоссальных выплат золотом и в конечном счете — распада международной валютной системы.

Если страны — эмитенты ключевых валют проводят политику, направленную на восстановление равновесия платежного баланса, то предложение их валют в целях формирования резервов сокращается. На самом деле любой золотодевизный стандарт либо должен тихо почить в бозе в результате разумной политики стран — эмитентов ключевых валют, либо скончаться в конвульсиях, через кризис доверия к ключевым валютам и предъявление огромных требований к оплате золотом»²⁸.

²⁴ Ibid., p. 217.

²⁵ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 270, 284.

²⁶ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 190—192.

²⁷ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 273.

²⁸ Ibid., p. 254—255.

Несмотря на многочисленные политические уловки, предпринимавшиеся для оттягивания конца Бреттон-Вудской системы, ее существование закончилось хаосом, который, как в замедленной съемке, начался в 1960 г., когда цена золота на свободном рынке временно превысила официальную цену, и завершился в 1971 г., когда президент Никсон официально «закрыв золотое окно»²⁹.

Поучительно обратить внимание на то, как проделанный Хелперинем словесный логический анализ механизма и структуры стимулов золото-девизного стандарта позволил ему сделать точный качественный прогноз, или «структурное предсказание»³⁰, относительно типа экономических явлений, которые будут развиваться в рамках этого института, а именно инфляции и хронических диспропорций платежного баланса, порожденных кредитно-денежной политикой стран — эмитентов ключевых валют. С этим резко контрастирует упорное отрицание подавляющим большинством традиционных экономистов-«эмпириков» в 1960-е годы неизбежности и даже возможности распада такого прославленного и пользующегося доверием института, как Бреттон-Вудская система.

Международный золотой стандарт и внутренняя экономическая стабильность

Еще в 1923 г. Джон Мейнард Кейнс заявил, что выбор международного валютного режима подразумевает неприятную дилемму. Кейнс утверждал, что «если... внешний уровень цен находится вне нашего контроля, то необходимо смириться с тем, что либо внутренний уровень цен, либо курс нашей валюты подвергается внешним влияниям. Если внешний уровень цен нестабилен, то мы не можем одновременно обеспечить стабильность и внутренних цен, и курса нашей валюты. И, соответственно, мы вынуждены выбирать»³¹.

По сути дела, Кейнс утверждал, что действие механизма, уравнивающего платежные балансы в условиях золотого стандарта, регулярно и неизбежно провоцирует в стране вспышки инфляции или дефляции. Такая характеристика золотого стандарта на первый взгляд подтвердилась событиями 1925 г., когда Великобритания, вернувшись к размену фунта, сразу же столкнулась с дефляционным давлением на экономику. То, что Великобритания смогла компенсировать это давление «автономной» политикой рефляции только после отмены золотого стандарта в 1931 г., казалось бы, служит еще одним подтверждением справедливости рассуждений Кейнса.

²⁹ Обзор Бреттон-Вудской системы см. в книге Rothbard, *The Mystery of Banking*, pp. 251—254.

³⁰ О природе «структурного предсказания» в общественных науках см. F. A. Hayek, *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (New York: Simon and Schuster, 1969), pp. 22—42.

³¹ J. M. Keynes, *A Tract on Monetary Reform* (London, 1923), pp. 154—155.

Однако Хелперин считал, что в основе мнения о том, что нормальное функционирование золотого стандарта несовместимо со стабильностью внутренних цен, лежит ряд серьезных ошибок в экономическом анализе и исторических интерпретациях.

Так, эту дилемму он рассматривал скорее как «кажущуюся, а не реальную», поскольку «ее источником является чрезмерно упрощенная теория функционирования золотого стандарта»³².

Одним из наиболее существенных аспектов этого упрощения является использование понятия внутреннего уровня цен при обсуждении работы механизма корректировки. Как отмечает Хелперин, такие «статистические конструкторы», на первый взгляд, «дают удобный выход из осложнений, создаваемых множественностью и неоднородностью экономического мира и происходящих в нем процессов... Но разнообразие тем не менее реально существует и его игнорирование ведет к ошибочным или бессмысленным выводам о мире и экономических процессах. Средние значения чаще скрывают реальность, нежели вскрывают ее, и использовать их необходимо крайне осторожно даже в однородных наборах данных; а в наборах, не являющихся однородными, они попросту не имеют смысла. В реальном экономическом мире нет „общего уровня цен“, а то, что есть, — это цены, и для понимания экономических явлений первостепенное значение имеют и соответственно реальный интерес представляют именно движения цен и изменения в структуре денежных ценностей (включая цены, доходы, долги)»³³.

Так, проведя анализ в терминах уровня цен в стране в целом, мы естественным образом приходим к заключению о том, что в случае дефицита необходимо снижение этого уровня, т.е. «дефляция». Но это скрывает тот факт, что на самом деле для восстановления равновесия платежного баланса при дефиците необходимо снижение отдельных цен, что едва ли подпадает под определение дефляции в обычном понимании. Таким образом, становится очевидным, что «движения цен, которые включаются в процесс корректировки платежного баланса, едва ли будут иметь достаточную амплитуду для того, чтобы оказывать серьезное влияние на экономическую деятельность и вызывать дефляцию (или инфляцию)»³⁴.

Более того, для описания процесса корректировки платежного баланса при международном золотом стандарте в высшей степени ошибочно использовать термины «инфляция» и «дефляция», если только не быть готовым применять ту же самую терминологию для объяснения эффектов любого локального перетока денег. По этому поводу Хелперин с одобрением ссылается на новаторский анализ Фридриха Хайека³⁵. По мнению Хелперина, ключевой для теории Хайека является идея о том, что корректировка нарушения равновесия платежного баланса происходит путем после-

³² Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 13.

³³ *Ibid.*, p. 267—268.

³⁴ *Ibid.*, p. 169.

³⁵ *Ibid.*

довательных изменений отдельных цен, доходов и расходов без привязки к воображаемым национальным границам. Масштаб и даже направление изменения цены конкретного товара тем самым не зависит от того, в какой стране продается товар. Хайек объясняет: «Важным здесь является следующее. Какие доходы и какие цены должны будут измениться в ответ на первоначальное изменение, будет определяться тем, зависит ли прямо или косвенно, и если да, то в какой степени, ценность конкретного фактора или услуги от конкретного изменения спроса, а не от того, происходит ли последнее внутри той же „валютной зоны“. Это можно представить яснее, если изобразить серию последовательных изменений денежных доходов, которые следуют за первоначальным изменением спроса, как отдельные звенья цепи, забыв на время о дополнительных ответвлениях, которые будут происходить в каждом звене. Такая цепочка либо очень быстро приведет в другую страну, либо сначала сделает множество витков на родине. Но воздействие на конкретного индивида будет определяться тем, является ли он частью конкретной цепочки, т.е. обслуживает ли он более или менее непосредственно людей, доходы которых были затронуты первыми, а не просто тем, находится он в той же самой стране или нет»³⁶.

Хайек делает вывод о том, что такой дезагрегированный подход к анализу платежного баланса показывает, «насколько искусственным и неверным является род аргументации в терминах цен и доходов страны, как будто они обязательно движутся в унисон или хотя бы в одном и том же направлении. Затронуты будут цены и доходы конкретных отраслей, и последствия не будут существенно отличаться от тех, которые возникают вследствие изменений спроса между разными отраслями или территориями»³⁷.

Именно необоснованное оперирование агрегированными и средними величинами в сочетании с причудливой статистической компиляцией помешало экономистам понять простую истину: для равновесия платежного баланса все цены в стране не обязательно должны двигаться в одном и том же направлении. Как отмечает Хайек, «совершенно случайный факт», что показатель уровня цен строится для цен в той или иной стране, ведет к ошибочному убеждению в том, что «в каком-то смысле можно сказать, что все цены в одной стране движутся вместе относительно цен в других странах». Излишне говорить, что «тот факт, что средние значения по (более или менее произвольно выбранным) группам цен движутся по-разному в разных странах, разумеется, никоим образом не доказывает, что структура цен в стране имеет какую-либо тенденцию двигаться в целом относительно цен в других странах»³⁸.

Аргументы Хайека против использования терминов «инфляция» и «дефляция» для описания международных финансовых потоков при золотом стандарте имеют и другой аспект. Он вытекает из того, что при

³⁶ F. A. Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability* (New York: August M. Kelley, 1964), pp. 21—22.

³⁷ Ibid., p. 23.

³⁸ Ibid., p. 45.

международном золотом стандарте золото выступает в качестве «однородной мировой валюты» и поэтому изменение количества денег в конкретной стране ничуть не более и не менее значимо, чем изменение количества денег в отдельном городе или домохозяйстве. Причина в том, что каждая из этих единиц, включая страну, не образует независимой «валютной зоны», а является составной частью всемирной валютной зоны, в которой золото используется в качестве общего средства обращения.

При запрете на изменение предложения золота в мире чистый переток денег из одной страны в другую в долгосрочном периоде будет происходить только в ответ на относительное изменение совокупного спроса на деньги между двумя территориями. Но то же самое сегодня верно и для чистого перетока долларовых остатков из одного региона в другой в пределах США или долларовой валютной зоны. В последнем случае мы вряд ли будем говорить, скажем, о том, что потеря долларов жителями Нью-Джерси и их приобретение жителями Нью-Йорка представляет собой соответственно дефляцию или инфляцию. Таким образом, утверждать, что колебания запаса денег в стране при международном золотом стандарте означают дефляцию или инфляцию, означает путать «перераспределение денег между территориями», являющимися компонентами единой валютной зоны, с изменениями «количества денег в замкнутой системе»³⁹.

Эту мысль хорошо проиллюстрировал лорд Роббинс:

«Рассмотрим колебания в закрытой экономике, где существует только одна валютная система. Предположим, что в некоторой части этой экономики происходят изменения в относительной ценности продуктов или услуг факторов производства, оказываемых на этой территории, например открытие месторождений природных ресурсов, повышение популярности туризма или (как это иногда происходит после периода войн и разрухи) повышение производительности труда по отношению к товарам, спрос на которые эластичен. Очевидно, что в такой ситуации можно ожидать увеличения денежных доходов на этой территории, а также соответствующего повышения цен в той степени, в какой некоторые продукты избежали удешевления в результате действия первопричины колебаний. Можно ли называть это инфляцией? Конечно, это вопрос семантики; слова могут иметь такой смысл, какой вам угодно, но я бы полагал, что называть подобные колебания инфляционными крайне неудобно и порождает путаницу. Достаточно довести эту идею до предела и рассмотреть повышение цен и соответствующее увеличение доходов в отдельно взятой отрасли вследствие любой из упомянутых причин, чтобы увидеть, насколько странной она может быть.

В точности то же самое происходит на территориях отдельных стран, являющихся частями мировой экономики. Если спрос на их продукцию возрастает в сравнении со спросом на продукцию других стран, или если предложение этих продуктов на рынках с эластичным спросом увеличивается, то в условиях фиксированного обменного курса работники и владельцы

³⁹ Ibid., p. 24.

производительных ресурсов, расположенных в соответствующей стране, могут получить возросшую долю мирового производства, причитающуюся им благодаря рынку, следующим образом: доходы и цены на товары внутреннего производства возрастают *pari passu**, а увеличение реальных доходов принимает форму возросшей способности покупать импортные товары, товары из импортных комплектов или различные виды иностранных услуг... Подобные колебания можно представить в таком контексте, где изменение уровня цен в мире в целом не является инфляцией»⁴⁰.

В свете приведенных выше соображений Хелперин делает вывод о том, что серьезное или «фундаментальное» неравновесие платежного баланса, требующее масштабных корректировок структуры внутренних цен в стране, является не следствием повседневного функционирования золотого стандарта, а результатом попыток денежных властей ему воспрепятствовать. По словам Хелперина, «в свободной экономике главной причиной кумулятивного дефицита платежного баланса страны является инфляция»⁴¹. Дефициты, являющиеся следствием роста внутренних цен, вызванного монетарной инфляцией, в свою очередь усугубляются оттоком краткосрочных капиталов и снижением привлекательности долгосрочных инвестиций для иностранцев в результате утраты доверия к способности государства поддерживать размен национальной валюты в условиях наращивания дефицита платежного баланса и оттока золота. В таких условиях продолжение инфляции ведет к разрушению золотого стандарта и нестабильности валютного курса.

Хелперин пишет: «В стране, придерживающейся золотого стандарта, сохранение инфляционной политики ведет к кумулятивным потерям золота, и в конечном счете — к отказу от этой системы; тогда национальная валюта может свободно обесцениваться. В стране, валюта которой не конвертируется в золото, инфляция ведет к постоянному обесценению по отношению к иностранным валютам»⁴².

Таким образом, жертвовать стабильностью внутренних цен страну вынуждает не следование международному золотому стандарту. Напротив, именно инфляционная денежная политика в конечном счете ведет к отмене золотого стандарта, провоцирует внутреннюю и внешнюю нестабильность в форме раскручивающейся спирали внутренних цен и соответствующее свободное падение национальной валюты на мировом валютном рынке. Таким образом, правильно понимаемое функционирование золотого стандарта не ставит никакой дилеммы между внутренней и внешней стабильностью: «При „нормальных“ [неинфляционных] условиях нет необходимости выбирать между стабильностью цен и стабильностью валют. Они

* Наравне и одновременно (*лат.*). — *Прим. перев.*

⁴⁰ Lord Robbins, “Inflation: An International Problem” in Randall Hinshaw, ed., “Inflation as a Global Problem” (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1972), pp. 16—17. Также см.: Lionel Robbins, *Economic Planning and International Order* (London: Macmillan, 1937), pp. 281—283.

⁴¹ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 123.

⁴² *Ibid.*

не только могут быть стабильными в одно и то же время, но, как это очевидным образом следует... должны быть стабильными одновременно для сохранения равновесия»⁴³.

Но как быть с «аномальным» случаем, когда относительно высокая внутренняя инфляция заставляет правительство отказаться от обещания обеспечивать размен национальной валюты на золото? Разве в такой ситуации «валютная стабилизация» и восстановление золотого стандарта не требуют (как можно более масштабной и продолжительной) внутренней дефляции денег и цен? Ответ — «нет»; все, что денежным властям требуется делать в подобной ситуации, это остановить дальнейшее обесценение денежных запасов и затем снова осуществить привязку к золоту при более низком паритете, который приблизительно отражает величину предшествующей инфляции.

Именно эту политику отстаивал Хелперин: «Существует один комплекс обстоятельств, при которых „плавающий курс“ не только приемлем, но и необходим, — в случае если валюта отклоняется от паритета с другими странами вследствие высокой внутренней инфляции, ситуации на мировом рынке (включая тяжелую депрессию в одном из крупнейших экономических центров мира) или в случае войны. Тогда для нее должен быть найден новый паритет»⁴⁴.

На самом деле именно такой курс проводила Франция в период реформ Пуанкаре 1926—1928 гг., а также позже, когда в 1958 г. был восстановлен размен франка на золото. Ни в том, ни в другом случае Франция не сталкивалась ни с дефляцией, ни с экономическим спадом. Жак Рюэфф, игравший существенную роль в проведении обеих реформ, сообщает, что «главной идеей было найти обменный курс, который не приводил бы к сокращению заработной платы вследствие той цены во франках, которая установилась бы благодаря ему на импортные товары. Трудности, с которыми столкнулась Англия в период с 1925 по 1930 г., пытаясь поддерживать курс, позволяющий сохранить внешние рынки для британских товаров, только за счет недостижимого снижения заработной платы, подтверждает мудрость этого последнего критерия»⁴⁵.

Хелперин хорошо описывает причины и печальные последствия решения Англии вернуться в 1925 г. к золотому стандарту при значительно завышенной цене золота: «Надеясь вернуть былой престиж и влияние Лондона как финансового центра, Англия вернулась к золотому стандарту по довоенному курсу, хотя в реальности фунт обесценился на 10%. Это привело к необходимости дефляции, с тем чтобы снизить цену золота до уровня, при котором экспортные отрасли британской экономики снова стали бы конку-

⁴³ Ibid., p. 169—170.

⁴⁴ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 228.

⁴⁵ Rueff, *The Age of Inflation*, pp. 80—81. Подробное описание реформ Пуанкаре см в: Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare: A Financial and Economic History of the United States, 1914—1946* (Indianapolis: Liberty Press, 1979), pp. 164—170.

рентоспособными на мировом рынке. Однако дефляцию оказалось крайне трудно реализовать вследствие негибкости структуры цен и в особенности уровня заработной платы. Фунт оставался переоцененным, и экспортные отрасли серьезно страдали от этого. Такой ситуации не возникло бы, если бы курс фунта по отношению к золоту был установлен на более низком и более экономически обоснованном уровне... Дилемма „инфляция или девальвация“ сделала прекрасную карьеру в ходе последней депрессии. Ее корни, вероятно, следует искать в опыте Англии 1925—1932 гг.»⁴⁶

Короче говоря, чтобы обеспечить беспрепятственное возвращение к золотому стандарту, после продолжительного периода инфляции неразменных бумажных денег цену золота следует изменять. Как только золотой начнет нормально функционировать, исчезнет необходимость регулировать соотношения между валютами и золотом, чтобы гарантировать стабильность всей мировой валютной системы.

Это подводит нас к последнему возражению против международного золотого стандарта, утверждающему, что он якобы несовместим с внутренней макроэкономической стабильностью. Пусть даже нормальное действие золотого стандарта обеспечивает приемлемую долгосрочную стабильность цен в мировой экономике, но разве он не способствует распространению на весь мир случайных шоков и ошибок кредитно-денежной политики в одной стране? Например, повышение цен в крупной экономике, вызванное аномально экспансионистской политикой, приведет к профициту платежного баланса и притоку золота в страну с относительно неинфляционной политикой. Если вторая страна строго придерживается золотого стандарта, то она будет лишена возможности вернуться к «автономной» или «независимой» кредитно-денежной политике, направленной на смягчение инфляционного влияния на внутренние цены. И наоборот, сокращение экономической активности за рубежом приведет к дефициту платежного баланса и потере золотого запаса в рассматриваемой стране вследствие падения спроса на ее продукцию на мировых рынках, испытывающих спад. Вызванное этим сокращение денежной массы приведет к избытку предложения на внутреннем товарном рынке и толкнет вниз внутренние цены, занятость и реальный доход.

Нам говорят, что всего этого можно избежать с очень небольшими издержками — достаточно всего лишь отпустить в «свободное плавание» национальную неразменную бумажную валюту. При таком валютном режиме, когда на страну оказывается экспансионистское давление из-за рубежа, обменный курс просто начнет расти, устраняя необходимость корректировки платежного баланса через инфляцию. И наоборот, спад в зарубежных экономиках будет надежно остановлен на границах страны путем безболезненного снижения обменного курса, которое заменит мучительное сжатие денежной массы, цен и экономической активности, необходимое при золотом стандарте.

⁴⁶ Heilperin, *Pathology of Money*, pp. 89—90.

Хелперин выдвигает два возражения против этого на первый взгляд несокрушимого аргумента в пользу гибких валютных курсов. Во-первых, он утверждает, что обещанная валютная и экономическая независимость страны далеко не бесплатна (costless); на самом деле ее ценой является распад мировой валютной зоны, защищенной международным золотым стандартом, и ослабление единственного действенного антиинфляционного ограничения, связывающего руки национальным денежным властям.

По словам Хелперина, «реальный смысл золотого стандарта... в том, что он допускает свободную конвертируемость валют друг в друга и тем самым дает наилучшее приближение к мировой валюте»⁴⁷. «Таким образом, золотой стандарт минимизирует искажающее влияние, оказываемое на международные торговые и финансовые отношения множественностью национальных валют»⁴⁸. Кроме того, положение золота как «фундамента денег и кредита является единственным способом защиты от резких колебаний в стоимости валют... И чуткая реакция денежного предложения на приток и отток золота из страны была бы наиболее эффективным дисциплинирующим фактором для национальной экономической политики»⁴⁹.

Далее, Хелперин признает, что при системе плавающих валютных курсов существует «абстрактная возможность валютного интернационализма», т.е. стабильных валютных курсов и неискаженных торговых и финансовых потоков. Однако абстрактная модель не подкрепляется реальным опытом⁵⁰. В этом, безусловно, заключается тот урок, который необходимо вынести из 1930-х годов: «Политика „изоляции“ ведет к разрыву международных экономических связей. Ранние „автономисты“ рассуждали в терминах стабильных цен в своей стране и гибких валютных курсов. На бумаге у такой схемы были свои преимущества; на практике она оказалась неприемлемой даже для плановых экономик. Колебания валют провоцировали спекуляцию и вели к кризисам доверия, вызывая „бегство капитала“. Всемирный хаос, последовавший за распадом международной валютной системы, оказался очень благоприятным для роста „горячих денег“. Столкнувшиеся с кризисами доверия и бегством капитала, государства сочли простейшим выходом валютный контроль и ограничения внешних платежей... Вместо стабильных внутренних цен и гибких валютных курсов развилась практика „привязывания“ курса, защищенного валютным контролем и связанного с внутренней инфляцией»⁵¹.

Считается, что мир 1930-х годов представляет собой экстраординарный случай, поскольку все страны стремились переложить на других свои проблемы с безработицей и вытащить собственную экономику из депрессии. Тем не менее в 1952 г. Хелперин, чья интуиция теоретика формировалась на основе этого исторического опыта, сумел точно предвидеть

⁴⁷ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. x.

⁴⁸ *Ibid.*, pp. 179—180.

⁴⁹ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 270.

⁵⁰ Heilperin, *International Monetary Economics*, pp. 220—221.

⁵¹ Heilperin, *Pathology of Money*, pp. 169—170.

очертания мира колеблющихся национальных неразмменных бумажных валют.

По его словам, «свобода действий... которой отдельные страны — и большие и малые — располагают в отсутствие международной валютной системы, позволяет иметь инфляцию во многих странах одновременно, различную по интенсивности, но защищаемую валютным контролем и ограничениями на импорт, принятыми соответствующими правительствами. Эта одновременная и параллельная инфляция в разных странах является характерной особенностью мира „независимых“ валютных систем, „изолированных“ друг от друга и „защищенных“ национальными программами „развития“ и „полной занятости“... Кроме того, инфляционные привычки стали настолько общепринятыми, что многие политики и даже экономисты начинают считать инфляцию как „образ жизни“ абсолютно рациональной и приемлемой»⁵².

Далее, я утверждаю, что приведенный выше отрывок представляет собой гораздо более точный прогноз результатов пост-Бреттон-Вудского (или, точнее, пост-Смитсоновского) эксперимента с плавающими курсами неразмменных бумажных валют по сравнению с прогнозом, который мог бы быть получен из абстрактной модели, представленной кем-нибудь из современных монетаристов — сторонников свободно плавающих валютных курсов. Согласно им плавающие валютные курсы приведут к снижению протекционизма вследствие того, что каждое правительство очень скоро поймет, что ему не надо беспокоиться о платежном балансе, быстро и автоматически приводимом в равновесие с помощью соответствующих изменений валютного курса. Кроме того, утверждалось, что мир вскоре достигнет более высокой степени макроэкономической стабильности, поскольку более искушенные и предусмотрительные правительства смогут проводить «независимую» кредитно-денежную политику и не будут вынуждены автоматически импортировать последствия ошибок и перекосов, совершаемых менее разумными правительствами с меньшей степенью самоограничения.

Хотя монетаристский сценарий считается одним из теоретически возможных результатов функционирования режима плавающих валютных курсов, отнюдь не этот сценарий разворачивался на протяжении последнего десятилетия. Монетаристские прогнозы оказываются ошибочными именно потому, что они игнорируют (в отличие от Хелперина) социологический вывод о том, государство — институт по своей природе инфляционный и его склонность к созданию денег на практике может обуздать только золотой стандарт. Более того, чтобы закамуфлировать очевидные и непопулярные последствия монетарной инфляции, такие как падение курса национальной валюты и рост цен на импорт, от государства естественным образом можно ожидать применения таких уловок, как фиксирование валютного курса на завышенном уровне и введение ограничений на международную торговлю и инвестиции.

⁵² Ibid., p. 170.

Масштабы спекулятивных потоков краткосрочного капитала — еще одна особенность сегодняшней ситуации, которую защитники плавающих валютных курсов не смогли предвидеть. Эти потоки являются следствием неопределенности, порожденной постоянной угрозой потенциально резких и внезапных изменений валютных курсов, которые, в свою очередь, вызваны волатильными ожиданиями об относительных изменениях в национальных уровнях инфляции. Этот эффект, однако, не ускользнул от Хелперина, который заключает, что «колебания валютных курсов будут, безусловно, оказывать воздействие на международные финансы. Отсутствие стабильных курсов является препятствием для долгосрочного иностранного кредитования — не единственным, но очень важным. А если говорить о краткосрочных финансовых сделках, то колебания курсов и ожидания относительно этих колебаний являются сильнейшими стимулами для спекуляций и „бегства капитала“. Всякий раз, когда случаются финансовые неурядицы, колебания валютных курсов становятся значительными и накапливаются»⁵³.

Помимо того, что они способствуют инфляции (и последующим рецессиям) и созданию политических барьеров для международной торговли и инвестиций, плавающие валютные курсы снижают мировой доход еще двумя путями. Во-первых, спекулятивная активность на рынке иностранной валюты поглощает ограниченные ресурсы, которые в противном случае могли быть использованы для производительного удовлетворения спроса потребителей. А во-вторых, повышенная неопределенность, связанная с международными торговыми и финансовыми операциями, снижает их объем и создает искажения в их структуре по сравнению с оптимальным распределением ресурсов, основанным на сравнительных преимуществах.

Хелперин предвосхищает хорошо известный монетаристский контраргумент о том, что рынок иностранной валюты позволяет «хеджировать» риски курсовых колебаний, замечая, что «в долгосрочном периоде такое „хеджирование“ бесполезно. А что касается текущей торговли, то это краткосрочные сделки, в значительной степени не подверженные влиянию курсовых колебаний. В отличие от этого международное разделение труда и региональная (и национальная) специализация производства — вопрос долгосрочный»⁵⁴.

Попытка изолировать национальную экономику с помощью политики плавающих валютных курсов не только оказывается чрезмерно дорогостоящей, но и, по утверждению Хелперина, представляет собой цель, не достижимую до тех пор, пока жители страны имеют право участвовать в каких бы то ни было международных экономических отношениях. Плавающие валютные курсы не способны обеспечить внутреннюю стабильность — хотя и могут стабилизировать некий произвольным образом выбранный индекс цен — поскольку структура внутренних цен в стране или реальная структура относительных цен определяется прежде всего рыночными силами мирового рын-

⁵³ Ibid., p. 68—69.

⁵⁴ Heilperin, *Trade of Nations*, p. 50.

ка. Таким образом, «сам *факт* международной торговли должен служить предупреждением для защитников выбора [между внутренней и внешней стабильностью]! Колебания валют *неизбежно* влияют на формирование цен в любой отдельно взятой стране, и это влияние нарастает, по мере того как внешняя торговля играет все более важную роль в экономике страны. Страны, работающие на импортном сырье, едва ли могут сохранить стабильность внутренних цен при ослаблении или укреплении валют стран, из которых они импортируют сырье. Если сторонники внутренней стабильности в противовес стабильности внешней будут отстаивать свою позицию в терминах структуры цен, а не средних уровней цен, они немедленно увидят слабость своей аргументации, если только не станут осуждать саму внешнюю торговлю как возмущающий фактор и отстаивать политику автаркии»⁵⁵.

Как сторонник австрийской теории экономического цикла, разработанной Мизесом и Хайеком, Хелперин подчеркивает ключевую роль, которую играют в колебаниях конъюнктуры относительные изменения цен капитальных товаров и цен потребительских товаров, вызванные монетарной инфляцией⁵⁶. Но система плавающих валютных курсов не мешает распространению изменений в относительных ценах в международном масштабе; она лишь нейтрализует внешние силы, действующие на абсолютный уровень цен в данной стране. Действительно, сторонники свободного плавания валют неустанно провозглашают, что одним из величайших достоинств их схемы является то, что она не исключает международные изменения в относительных ценах, порождающие перераспределение производительной деятельности в соответствии с постоянно меняющимся диктатом сравнительных преимуществ.

Однако в этом-то и заключается причина того, почему Хелперин и австрийцы отрицают способность плавающих валютных курсов успешно изолировать страну от макроэкономических воздействий извне. Например, когда денежные власти другого достаточно крупного государства раздувают предложение национальной валюты, как правило путем расширения банковского кредитования внутренних коммерческих заемщиков, то цена капитала или цены товаров «отдаленных порядков» растут не только в стране — инициаторе инфляции, но и во всей мировой экономике, поскольку международные товарные рынки взаимосвязаны. Повышение цен капитальных товаров относительно потребительских дает коммерческим компаниям в соответствующих отраслях всех стран сигнал расширять производство капитальных товаров и сокращать производство потребительских товаров. Стимул к производству капитальных товаров будет сохраняться до тех пор, пока инфляция не будет остановлена. В этот момент начинается обратное движение искаженных инфляцией относительных цен, а руководители компаний наконец осознают, что многие долгосрочные инвестиции

⁵⁵ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 12.

⁵⁶ Благожелательное обсуждение австрийской теории делового цикла см. в Heilperin, *Pathology of Money*, pp. 153—162. Также см.: Heilperin, *International Monetary Economics*, pp. 91—94.

в капитальные товары, сделанные в период инфляционного бума, не приносят прибыли и должны быть ликвидированы. Выявление инвестиционных ошибок и неверного распределения факторов производства совпадает с началом всемирной рецессии или депрессии.

Интегрированные в всемирном масштабе рынки капитала служат еще одним механизмом для распространения экономического цикла из одной страны в другую. Таким образом, импульс (искусственного) снижения ставок на рынке денег и капитала в стране, в которой происходит банковская кредитная экспансия, быстро распространяется по всей мировой экономике, поскольку возникающий разрыв в процентных ставках будет подталкивать внутренних и внешних инвесторов к перемещению средств в более доходные вложения за границей. Кроме того, иностранные компании найдут выгодным увеличить объем продаж своих ценных бумаг на том рынке, где их цены начали расти в ответ на снижение процентных ставок, одновременно сокращая заимствования и предложение ценных бумаг на своих внутренних кредитных рынках. Подобные уравнивающие сдвиги между национальными рынками капитала (на самом деле подрынками) в предложении и спросе на сбережения ведут к тому, что даже ограниченная исключительно национальными рамками инфляция банковского кредита вызывает единообразное снижение процентных ставок будут во всей мировой экономике. Падение процентных ставок даст новый импульс всемирному буму цен и производства капитальных товаров, поскольку более низкие процентные ставки способствуют увеличению капитальной стоимости заводов и оборудования, имеющих длительный срок службы. С другой стороны, когда страна — инициатор инфляции прекращает создавать банковский кредит, импульс повышения процентных ставок путешествует по всем мировым рынкам капитала, порождая глобальное падение капитальной стоимости инвестиционных товаров и начало рецессии.

Поэтому до тех пор пока страна участвует в международной торговле, она может столкнуться с циклом «бум—крах», имея абсолютно «стабильный» уровень внутренних цен, находящийся под защитой плавающего валютного курса, когда под действием инфляционного бума, устроенного денежными властями другого государства, происходят обратимые изменения в относительных ценах и процентных ставках на мировых рынках товаров и капитала. Приписываемые системе плавающих валютных курсов преимущества, приобретенные за счет разрушения международных денег, оказываются всего лишь миражом макроэкономического теоретизирования.

Таким образом, Хелперин утверждает, что «необходимо отвергнуть точку зрения, согласно которой экономические возмущения и колебания являются импортируемым злом, от которого страна может изолироваться с помощью плавающего валютного курса. Основной корпус теории экономического цикла разработан исходя из допущения о закрытости экономики. Международные отношения распространяют и синхронизируют экономические колебания»⁵⁷.

⁵⁷ Ibid., p. 71.

Хотя Хелперин не описывает процесс распространения экономических колебаний между странами так же подробно, как я сделал это выше, он является единственным представителем теории экономического цикла австрийской школы, обратившимся к этой проблеме в контексте мира, состоящего из открытых экономик с плавающими валютными курсами. И общие выводы его исследования совершенно однозначны: «Однако даже в отсутствие международной денежной системы инфляция хотя и представляет собой преимущественно внутренний феномен отдельных стран, далеко не является исключительно их внутренним феноменом. Даже несмотря на то что разные страны имеют „независимые“ денежные системы... инфляция, происходящая в одной из них, может иметь — и зачастую имеет — последствия, выходящие за границы этой страны. Это тем более верно, если страна, испытывающая инфляцию, является важной экономической единицей... Экономически значимая страна, если она испытывает инфляцию, может породить инфляцию за границей. То же самое, конечно, верно и для дефляции, которая наступает после прекращения инфляционного процесса. Таким образом, даже в отсутствие международной валютной системы значимые экономические единицы могут передавать „вирус“ инфляции другим странам»⁵⁸.

В качестве эмпирической иллюстрации своего тезиса Хелперин указывает на инфляцию в США, вызванную финансированием корейской войны: «Во-первых... мы привлекаем в США чрезмерную долю в поставках сырья [товаров отдаленных порядков, или капитальных благ] в Западном мире, тем самым усиливая описанные выше инфляционные тенденции. Во-вторых, надстраивание пирамиды производства для военных нужд над производством для несократившихся гражданских нужд неизбежно приведет к перенапряжению наших производственных возможностей в области капитальных товаров, что имеет большое значение для проблемы экономического цикла. Поскольку США стали мировым „лидером“ в любых масштабных инфляционных или дефляционных тенденциях... американская инфляция и переинвестирование американской промышленности становятся не просто взрывоопасными внутренними трудностями, но и серьезными международными проблемами»⁵⁹.

Критическое резюме

Хотя работы Хелперина содержат бесценные идеи относительно теории и истории золотого стандарта, аргументацию в пользу желательности последнего существенно ослабляет его точка зрения на происхождение и природу денег и денежных институтов. Одним словом, Хелперин — «моне-

⁵⁸ Ibid., p. 164. К сожалению, Хелперин нигде не приводит более подробного описания механизма распространения инфляции в мировом масштабе при гибких валютных курсах.

⁵⁹ Ibid., p. 177.

тарный конструктивист», полагающий, что деньги — это, в сущности, инструмент, сознательно созданный для решения задач экономической политики национального правительства. Это резко противоречит Менгеровой, или австрийской, концепции денег как общественного института, возникшего стихийно в ходе экономических процессов на свободном рынке, главной задачей которого является координация разнородных и разнонаправленных планов участников рынка⁶⁰.

Этот вопрос поднимается здесь не для того, чтобы как-то принизить значительный вклад Хелперина в науку, а чтобы показать, как элементарная, и в наши дни широко распространенная, ошибка в понимании роли денег в рыночной экономике может иметь серьезные последствия для обоснования экономической политики. Это особенно своевременно, поскольку, как мы увидим, ошибка Хелперина сводит на нет наиболее широко освещавшееся предложение о восстановлении золотого стандарта, а именно «правило цены золота», отстаиваемое Артуром Лаффером, Джудом Ванниски, Робертом Манделлом и др.⁶¹ Наконец, работа Хелперина необычайно хорошо подходит в качестве объекта этой критики как раз потому, что он является бесстрашным логиком, который четко и последовательно развивает линию своих рассуждений, доводя их до логического завершения в рамках экономической политики.

Как я уже упоминал, Хелперин рассматривает деньги как сознательно созданный объект политико-правовой системы. Это очевидно из его определения денежного стандарта: «Денежный стандарт — это товар, цена которого, выраженная в национальных денежных единицах, зафиксирована законом страны и поддерживается на стабильном уровне денежными властями этой страны»⁶². Это означает, что денежная единица страны существует как бесплотное название прежде того, как некий товар был законодательно утвержден в качестве денежного стандарта, и независимо от этого товара; и действительно, Хелперин неоднократно призывает не путать эти два понятия. Так, он пишет: «Тот факт, что деньги (currency) могут быть разменены по первому требованию на некий товар (скажем, золото) по фиксированной цене, не делает эти деньги товаром. Это просто деньги, основанные на товарном стандарте»⁶³. В другом месте он заявляет, что «Никогда не будет лишним подчеркнуть, что деньги при золотом стандарте (gold-standard currency) — это бумажные деньги, привязанные к золоту (а иногда и размениваемые на него); это не золотые деньги (gold currency)»⁶⁴. К сожалению, Хелперин делает лишь смутные намеки на исторический процесс, в ходе которого полновесные, выбранные рынком товарные деньги транс-

⁶⁰ Сравнение этих двух подходов к деньгам см. в: Joseph T. Salerno “Gold Standards: True and False”, *The Cato Journal* 3 (Spring 1983): 261—267 [наст. изд., с. 452—458].

⁶¹ Обзор и критику подобных предложений с менгеровских позиций см.: *Ibid.*, pp. 258—261 [наст. изд., с. 449—452]. Также см.: Salerno, *The Gold Standard: An Analysis of Some Recent Proposals, Policy Analysis Series* (Washington, D.C.: The Cato Institute, 1982).

⁶² Heilperin, *International Monetary Economics*, pp. 126—127.

⁶³ *Ibid.*, p. 16.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 25, note 2.

формируются в политизированные и дематериализованные деньги классического золотого стандарта⁶⁵.

По признанию Хелперина, из этого подхода следует, что исторический золотой стандарт является продуктом просто-напросто государственной схемы фиксирования цен. По его словам, «основной особенностью [золотого стандарта]... является то, что цена золота в национальной денежной единице фиксируется и поддерживается на постоянном уровне центральным банком или казначейством в зависимости от организации денежной системы. Следует обратить внимание на то, что деньги золотого стандарта — это не золотые деньги, а бумажные билеты, управляемые таким образом, чтобы цена золота оставалась постоянной... Мы также заметим, что необходимым свойством системы является конвертируемость, поскольку это именно тот инструмент, посредством которого происходит стабилизация цены золота. И даже более того, обязательства центрального банка покупать и продавать золото по определенной цене — это более фундаментальная особенность системы, чем фиксированный характер этой цены в долгосрочном периоде. Деньги остаются привязанными к золоту до тех пор, пока золото можно продавать и покупать в неограниченных количествах по цене, контролируемой денежными властями, — даже в том случае, если эта цена в дальнейшем будет изменяться компетентными органами»⁶⁶.

Хелперин возлагает на классический золотой стандарт ответственность за то, что тот способствовал распространению той идеи, что цена золота, выраженная в национальной валюте, должна постоянно оставаться фиксированной и ни при каких обстоятельствах не использоваться для восстановления равновесия платежного баланса. Так, он осуждает то, что «при золотом стандарте отсутствовал последовательный способ преодоления серьезных нарушений платежного баланса. Даже при том что каждая страна имела право изменять по своему усмотрению золотой паритет своей валюты, этого не делалось, вследствие чего возникало широко распространенное — и ошибочное — впечатление, что страны золотого стандарта брали на себя обязательства по сохранению „золотого содержания“ своей денежной единицы в любых обстоятельствах. В то же время при определенных изменениях экономического положения страны корректировка паритета с целью изменения обменного курса национальной валюты становится весьма уместной»⁶⁷.

Как порождение национальных суверенитетов, чьи денежные власти должны управлять системой согласно «правилам игры», золотой стандарт по своей сути является «управляемой денежной системой»⁶⁸. Как пишет Хелперин, «даже довоенный золотой стандарт [до 1914 г.] был до некоторой степени управляемыми деньгами. Следует признать, что диапазон возможностей, доступных центральным банкам, был ограничен, а принципы управ-

⁶⁵ Ibid., p. 16—17, 176.

⁶⁶ Ibid., pp. 176—177.

⁶⁷ Heilperin, *Trade of Nations*, pp. 59—60.

⁶⁸ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 178, note 1.

ления денежной системой были очень простыми и ясными, но факт остается фактом — система была скорее управляемой, нежели автоматической»⁶⁹.

Еще одним следствием предположения о том, что золотой стандарт является целенаправленным творением политических властей, является наличие идентифицируемых целей, на достижение которых была направлена система. По мнению Хелперина, главной целью золотого стандарта является обеспечение денежного равновесия в международном масштабе в мире, где «кредитно-денежная политика является прерогативой национальных властей»⁷⁰. По этому «следует сказать прямо: задача золотых резервов не в том, чтобы „гарантировать“ „ценность“ банкнот, а в том, чтобы способствовать поддержанию международной валютной стабильности... Главная монетарная функция золота — покрытие дефицитов в международных платежах...»⁷¹

Другой, хотя и второстепенной, целью размена денег на золото является ограничение потенциала для монетарной инфляции: «Невозможность увеличения денежного обращения сверх некоторого коэффициента к золотым резервам, принадлежащим денежным властям, ограничивает пределы роста цен, что облегчает восстановление равновесия в международных платежах с помощью золотых резервов»⁷².

Соответственно, Хелперин утверждает, что для страны, в которой отсутствуют международные экономические отношения, нет абсолютно никакого смысла присоединяться к золотому стандарту: «В изолированном сообществе („закрытой экономике“) нет смысла в установлении золотого стандарта кроме как в качестве переходной системы, ведущей от валюты, обеспеченной золотом, к бумажной валюте, с золотом никак не связанной»⁷³.

Эти соображения привели Хелперина к той точке зрения, что золотой стандарт с ограниченной конвертируемостью, как, например, рикардрианский золотослитковый стандарт, является предпочтительным по сравнению с системой, при которой национальная валюта полностью конвертируема. Он утверждает, что «ограниченная конвертируемость, препятствующая „внутренней утечке“ золота, не создавая помех его движению в международном масштабе, вполне соответствует международному золотому стандарту. Это было сделано после [Первой мировой] войны путем ограничения

⁶⁹ Heilperin, *Pathology of Money*, p. 83. Хелперин даже доходит до отрицания того, что 100%-ный золотой стандарт, или «простая металлическая валюта», может действовать автоматически. В мире международных финансовых сделок при наличии неравновесия платежного баланса для реализации соответствующей политики учетных ставок требуется политическое управление (Heilperin, *International Monetary Economics*, pp. 152—153, 156). Не вдаваясь в подробную критику этой точки зрения, ограничимся тем, что Хелперин здесь игнорирует важную идею Хайека о том, что «при однородных международных деньгах [т.е. золоте], очевидно, нет никаких причин к тому, чтобы отток денег с одной территории и приток в другую необходимо привел бы к повышению процентных ставок в первой и их падению во второй» (Hayek, *Monetary Nationalism*, p. 24).

⁷⁰ Heilperin, *International Monetary Economics*, p. 95.

⁷¹ *Ibid.*, pp. 181—185.

⁷² *Ibid.*, pp. 182.

⁷³ *Ibid.*, pp. 178.

конвертируемости банкнот в монеты при сохранении обязательства центрального банка покупать и продавать золото в слитках (так называемый „золотослитковый стандарт“)⁷⁴.

Защита Хелперином (с оговорками) Бреттон-Вудского соглашения от критики традиционных сторонников золотого стандарта, таких как Бенджамин Андерсон, Эдвин Кеммерер и Мельхиор Пальи⁷⁵, также объясняется его взглядом на золотой стандарт как на творение национальных правительств, имевшее своей главной целью восстановление равновесия платежных балансов при достаточно стабильных обменных курсах. Гладкая работа международного золотого стандарта требует соблюдения правил игры всеми разномастными национальными денежными властями⁷⁶. До 1914 г. благодаря доминировавшему тогда духу либерального интернационализма можно было рассчитывать на соблюдение этих правил в отсутствие четкого международного соглашения⁷⁷. Но после Первой мировой войны золотой стандарт так и не был должным образом восстановлен и в конечном счете рухнул, поскольку взамен самопроизвольного соблюдения неписаных правил либерального, интернационалистского валютного режима так и не появилось никаких формальных соглашений. Поэтому для Хелперина Бреттон-Вудское соглашение было по крайней мере первым маленьким шагом к международному сотрудничеству, требующемуся для обеспечения функционирования золотого стандарта во всемирном масштабе⁷⁸.

Так, Хелперин писал: «Бреттон-Вудский план — это ближайшая аппроксимация золотого стандарта, достижимая в сегодняшнем мире, мире, переживающем кризис, смятение, беды, мире агрессивного национализма, мире, где отсутствует международное доверие. Золотой стандарт — это воспоминание из прошлого и, как можно надеяться, возможность для будущего; но по крайней мере на данный момент это не практический план»⁷⁹.

Полезно сравнить позицию Хелперина относительно природы и полезности международного золотого стандарта с позицией Мельхиора Пальи, одного из традиционалистов — сторонников золотого стандарта, которому Хелперин оппонировал в дискуссии по поводу Бреттон-Вудса. По мнению Пальи, золотые деньги не были порождением национальных правительств, а являлись органичной частью мировой рыночной экономики: «Классический золотой стандарт был неотъемлемой частью экономического порядка. Он был краеугольным камнем в системе права, общественных обычаев и институтов, называемой „капитализмом“... системе, опирающейся на кажущуюся сегодня неограниченной свободой потребительского выбора, предпринимательства и рынков»⁸⁰.

⁷⁴ Ibid., p. 185. См. также: Heilperin, *International Monetary Reconstruction*, p. 10.

⁷⁵ Heilperin, *International Monetary Reconstruction*, pp. 79—80.

⁷⁶ Перечисление «правил» см.: Ibid., pp. 10—11.

⁷⁷ Ibid., p. 8.

⁷⁸ Ibid., p. 11—14; см. также: Heilperin, *Trade of Nations*, pp. 144—157.

⁷⁹ Heilperin, *International Monetary Reconstruction*, p. 80.

⁸⁰ Melchior Palyi, *The Twilight of Gold 1914—1936: Myths and Realities* (Chicago: Henry Regnery, 1972), p. 5.

Отсюда следует, что золотой стандарт был инструментом, предназначенным не для использования политическими властями в их собственных целях, инструментом общества для защиты личности, товаров и рынков от политических властей. Пальи утверждает, что золотой стандарт «был важным инструментом экономической свободы. Он защищал индивида от произвольных действий государства, предлагая удобное укрытие от „конфискационного“ налогообложения, а также от обесценения или девальвации валюты. Это был инструмент „мобильности“ в рамках национальных границ и за их пределами. Самое главное, он воздвиг мощный барьер против авторитарного вмешательства в экономические процессы... Всевозможные авторитарные лидеры были вынуждены обуздывать свою склонность к инфляции и воздерживаться от избыточного налогообложения, чтобы предотвратить утрату населением веры в деньги, разрушение стандарта. Общественный кошелек должен был быть туго завязан»⁸¹.

Более того, поскольку золотой стандарт не был «ничьим изобретением»⁸², он требовал лишь минимальной кооперации между национальными денежными властями. «Это была международная „игра“, в которой „сотрудничество центральных банков“ было случайным и нерегулярным. Действительно, отдельные центральные банки помогали друг другу лишь в самых чрезвычайных ситуациях, и то лишь в течение короткого времени»⁸³. Главное, однако, в том, чтобы каждая страна воздерживалась от монетарной инфляции, и тогда золотой стандарт повсеместно будет работать без сбоев. Таким образом, «ни одна страна не могла бы рассчитывать на иностранную помощь для раскручивания маховика кредитной экспансии на протяжении длительного времени. Все должны были подчиняться финансовой дисциплине и полагаться на долгосрочные рациональные интересы всех участников „игры“, включая закрепленный законом интерес эмиссионных институтов в поддержании своей платежеспособности»⁸⁴.

Следовательно, по мнению Пальи, Бреттон-Вудское соглашение не только не было необходимой предпосылкой для восстановления золотого стандарта после войны, а совсем наоборот: это был способ институционализировать девальвацию валют, являющуюся неизбежным следствием разрушения международного золотого стандарта. В отличие от Хелперина, Пальи не считал изменение «цены» золота возможным вариантом политики денежных властей в случае серьезных проблем с платежным балансом. Напротив, он рассматривал девальвацию как инфляционное политическое вмешательство, направленное на уклонение от дисциплины золотого стандарта. Так, он утверждал, что «вероятно, нет более эффективного средства для инфлирования денежной базы, на которую опирается кредитная пирамида, чем порча золотого содержания валюты»⁸⁵.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid., p. 14.

⁸³ Ibid., p. 11.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Melchior Palyi, *An Inflation Primer* (Chicago: Henry Regnery, 1961), p. 60.

Именно на этих основаниях Пальи непримиримо выступал против международной валютной системы, задуманной в Бреттон-Вудсе, доказывая, что «преднамеренная девальвация стала приемлемой в качестве инструмента кредитно-денежной политики... В 1944 г. этот „новый“ инструмент обмана кредиторов был „легализован“ Бреттон-Вудским соглашением, пусть только для случаев „фундаментального неравновесия“»⁸⁶.

Предпринятая выше попытка явным образом проследить связи между базовым представлением автора о деньгах и его рекомендациями в сфере кредитно-денежной политики приводит к двум важным выводам.

Первый состоит в том, что последовательная аргументация в пользу подлинного золотого стандарта, валютной системы с полным и безусловным разменом всех бумажных требований на золото, так что денежная единица фактически является весовой единицей золота⁸⁷, должна опираться на идеи Карла Менгера и австрийской школы о том, что институт денег — это «органическое» или стихийное порождение рыночной экономики⁸⁸. Как ясно видно из работ Хелперина, принятие постулата о том, что деньги являются артефактом, созданным государственными чиновниками, логически, хотя и неосознанно, приводит к защите денежных систем, которые в лучшем случае имеют номинальное сходство с классическим золотым стандартом.

Вторым результатом этого обсуждения является то, что оно позволяет обнаружить неявные предпосылки тех из нынешних авторов, связанных с экономикой предложения, которые выступают за создание нового золотого стандарта или даже нового Бреттон-Вудса. Как и Хелперин, эти авторы защищают идею «фиксирования» цены золота центральным банком через его покупку и продажу или даже путем операций на открытом рынке. Как отмечалось выше, такая политика, ограничивающая выпуск неразменных бумажных денег «ценовым правилом», едва ли может считаться золотым стандартом в любом исторически значимом смысле слова. Однако более важно, что те, кто выступает за подобную связь между золотом и долларом, разделяют предпосылку Хелперина о том, что золото не является средством обмена, возникшим для координации разрозненных планов на рынке, а представляет собой полезный политический инструмент, с помощью которого государственные плановые органы могут изменять стихийно сложившиеся на свободном рынке сочетания цены и выпуска для того, чтобы обеспечить достижение заранее сформулированных макростатистических целей. В случае современных сторонников ценового правила их целью является стабильность некоего ценового индекса, хорошим приближением которого считается цена на золото.

Эти идеи должны помочь предотвратить путаницу между позициями традиционных сторонников золотого стандарта и теми, кто недавно начал выступать за новый золотой стандарт.

⁸⁶ Melchior Palyi, *Twilight of Gold*, p. 281.

⁸⁷ Salerno, *Gold Standards: True and False*, pp. 250—258. Библиографию работ, раскрывающих механизм работы чистых товарных денег см.: Ibid., p. 251 n. 32 [наст. изд., с. 442].

⁸⁸ Ссылки на литературу см. в: Ibid., pp. 261—267 [наст. изд., с. 453—456].

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

Р. Гаррисон

**ИЗДЕРЖКИ
ЗОЛОТОГО
СТАНДАРТА**

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

Введение

Как в историческом, так и в теоретическом контекстах термин «золотой стандарт» может обозначать совершенно разные вещи. И какого бы из этих значений мы ни придерживались, трудно однозначно сказать, что может означать выражение «издержки золотого стандарта». Тем не менее среди экономистов и в обыденном сознании широко распространено мнение о том, что проблема издержек не позволяет рассматривать золото как жизнеспособное средство обмена для современной экономики.

Цель данной статьи — рассмотреть те аргументы против золотого стандарта, которые основываются на соображениях издержек. Вначале будут показаны преимущества золотого стандарта с целью помещения дальнейшей дискуссии в надлежащий контекст, затем мы сопоставим два диаметрально противоположных взгляда на золотой стандарт и на ресурсы, необходимые для его поддержания. После обсуждения реалистичной оценки ресурсной цены золота мы воспользуемся концепцией альтернативных издержек, понимаемых в широком смысле, чтобы продемонстрировать несущественность *ресурсных издержек* при золотом стандарте по сравнению с альтернативными системами денежного обращения. Наконец, будет поставлена под сомнение мнимая эквивалентность монетарной стабильности и стабильности уровня цен. Именно это допущение, на которое опираются многие оценки издержек, приводит к заметной путанице по поводу ряда фундаментальных вопросов, породив и у теоретиков-монетаристов, и у политиков предубеждение в отношении золотого стандарта.

Золотой стандарт: издержки и преимущества

По самой своей природе любое обсуждение издержек золотого стандарта и противоречий, окружающих этот вопрос, будет однобокой. Сравнение золотого стандарта с альтернативными стандартами на основе издержек бессмысленно без учета соответствующих преимуществ. Выделение конкретного типа золотого стандарта и выявление его преимуществ — по сравнению с бумажным стандартом — позволяет поместить сравнение издержек в надлежащий контекст и в значительной мере говорит в пользу обоснованности последних.

В настоящей статье термин «золотой стандарт» используется применительно к результату рыночного процесса. Такое применение этого понятия позволяет сформулировать как минимум три утверждения — основанных как на экономической теории, так и на исторических свидетельствах — о природе рынков и денег:

- 1) предоставленная сама себе, рыночная экономика приведет к возникновению того или иного средства обмена¹;

¹ Carl Menger, "On the Origin of Money," *Economic Journal* 2 (June 1892): 239—255. См. также: Menger, *Principles of Economics*, translated and edited by James Dingwall and

- 2) в качестве средства обмена будет выбран товар, обладающий набором определенных характеристик²;
- 3) этот набор характеристик наиболее явно и заметно воплощен в золоте³.

Золотой стандарт, понимаемый таким образом, по крайней мере в своей самой чистой форме, не нуждается в том, чтобы государство регулировало денежную массу, и не допускает этого. Кроме того, как будет показано ниже, отсутствие централизованного, дискреционного контроля над денежным обращением представляет собой важнейшее преимущество золотого стандарта.

Представления неспециалистов о чрезмерно высоких издержках золотого стандарта легко объяснимы. При наличии золотого стандарта поставщики товаров или трудовых услуг обменивают свои товары на золото (или банкноты, погашаемые золотом) не из-за того, что усматривают в золотом стандарте большие преимущества, а из-за того, что золото является общепринятым средством обмена. Для каждого участника рынка золото как таковое не имеет особых достоинств, хотя обычай наделяет его такими достоинствами. Размышляя о природе денег, неспециалист, скорее всего, будет рассматривать этот обычай в неверном контексте и увидит в той ценности, которую другие люди — или рынок — придают золоту, нечто иррациональное, основанное на суевериях или мифологии. В глазах простого человека золото — «варварский пережиток» (по выражению Джона Мэйнарда Кейнса). Тем не менее и в современной экономике люди тратят большие средства на то, чтобы запастись этим желтым блестящим металлом. Не найдется ли другого обычая, приносящего такие же выгоды, но не требующего столь высоких издержек?

Рыночно-ориентированные экономисты придерживаются третьего взгляда на золотой стандарт, который отличается от представлений и участников рынка, и неспециалистов, рассуждающих о золоте. Экономисты выделяют три затруднения — с сопутствующими издержками, — препятствующие замене сложившегося обычая искусственно созданной системой. Разногласия между экономистами связаны с различиями в оценке природы и значимости этих затруднений.

Bert F. Hoselitz (Glencoe, Ill.: Free Press, 1950), pp. 257—262. [Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 257—286.]

² Один из первых списков таких характеристик включал в себя: 1) полезность и ценность; 2) транспортабельность; 3) неразрушимость; 4) однородность; 5) делимость; 6) стабильность ценности; 7) узнаваемость. См.: William Stanley Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange* (New York: D. Appleton, 1882), p. 31 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 23]. Можно отметить, что когда конкретный товар становится средством обмена, существенно возрастают как его ценность, так и стабильность последней (пункты 1 и 6 в списке Джевонса).

³ *Ibid.*, p. 41 [Там же. С. 39]. Джевонс называет следующие возможные средства обмена в порядке снижения их предпочтительности: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо. См. также: Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, translated by H.E. Batson (New Haven: Yale University Press, 1953), pp. 30—34 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2011].

Экономисты, выступающие против золотого стандарта, возможно, согласятся с необходимостью ряда мер, требуемых для того, чтобы централизованно контролируемый бумажноденежный стандарт стал предпочтительнее децентрализованного золотого стандарта. Милтон Фридмен задает ключевой вопрос: «Каким образом... нам создать денежную систему, которая бы была стабильной, не допускала бы безответственного вмешательства и не могла бы стать источником власти, угрожающей экономической и политической свободе?»⁴ Иными словами, возможна ли система, не допускающая манипулирования ею? И если Фридмен далее выдвигает свои предложения по поводу такой системы, то экономисты, выступающие за золотой стандарт, утверждают, что эта задача неосуществима, поскольку включает в себе неустранимое противоречие. Любой монетарный институт, задуманный и созданный центральной властью, не обладает иммунитетом против злоупотреблений со стороны последней.

Сторонники золота аргументируют свою позицию не тем, что безответственные манипуляции неизбежны вне зависимости от природы денежной системы; вместо этого они проводят четкое различие между институтами, созданными искусственно и возникшими естественным путем. Сознательно сконструированный монетарный институт в значительно большей степени подвержен манипулированию, чем тот, что появился в результате рыночного процесса. Ф. Хайек напоминает позитивистский лозунг, гласящий, что «все, сделанное человеком, тот может изменить в угоду своим желаниям»⁵. Позитивисты правы в этом отношении, когда речь идет об институтах, выстроенных сознательно и целенаправленно, таких как бумажноденежный стандарт. Разумеется, бумажный стандарт создали государственные чиновники (а не «человек»), и они же получают возможность манипулирования бумажным стандартом (и пользуются ею). Хайек далее указывает на пределы, в рамках которых взгляды позитивистов сохраняют свою истинность. Этот лозунг проявляет свое «полное *non-sequitur*», если под „сделанным“ понимать и то, что возникло в результате действий человека, но при этом не входило в его замысел»⁶.

Золотой стандарт — возникший в результате рыночного процесса — не так-то легко подстроить под цели и намерения государства. Мы бы зашли слишком далеко (и погрешили бы против исторической истины), если бы утверждали, что государство в долгосрочной перспективе не может влиять на функционирование золотого стандарта. Правда (и теоретическая, и историческая) состоит в том, что государство может заменить стихийно

⁴ Milton Friedman, “Should There Be an Independent Monetary Authority?,” in Leland B. Yeager, ed., *In Search of a Monetary Constitution* (Cambridge: Harvard University Press, 1962), p. 228.

⁵ F. A. Hayek, “The Results of Human Action but not of Human Design,” in Hayek, *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (New York: Simon and Schuster, 1969), p. 104.

* Не следует (*лат.*). Логическая ошибка, состоящая в том, что положение, которое нужно доказать, не вытекает из приведенных в подтверждение доводов. — *Прим. ред.*

⁶ *Ibid.* Язык и деньги, вероятно, являются двумя самыми поразительными примерами социальных явлений, «непреднамеренно возникших в результате действий людей».

развившуюся денежную систему системой, находящейся под централизованным контролем, лишь после продолжительной борьбы, в ходе которой оно медленно и постепенно преодолевает (путем пропаганды и принуждения) нежелание рынка расставаться с золотом. Именно значительный иммунитет золотого стандарта к манипуляциям со стороны государства, а вовсе не связанные с золотом предрассудки и мифы, делают оправданным использование золота в качестве платежного стандарта. По словам Людвига фон Мизеса, «преимущество золотого стандарта... состоит исключительно в том, что после того, как его примут все, на него нельзя будет повлиять с помощью конкретных политических мер»⁷. По мнению сторонников золотого стандарта, преимущества золота и свобода от государственного вмешательства, как и ее следствие — монетарная стабильность, — с лихвой перевешивают ресурсные издержки золота и иные издержки, связанные с золотым стандартом.

Затраты на добычу золота: чрезмерные или недостаточные?

Дискуссии о золотом стандарте, как правило, вращаются вокруг вопроса об объеме ресурсов, необходимых для его поддержания. Хорошо описанные рыночные процессы направляют определенную долю ресурсов на добычу золота — иногда больше, иногда меньше, в зависимости от состояния рынка в других секторах экономики. Изменение рыночных условий сказывается как на ценах, так и на объемах торговли. Рассмотрим, например, повышение спроса на деньги, вызванное стремлением части рыночных агентов увеличить свою ликвидность. Это изменение спроса оказывает понижающее давление на цены. Поскольку в реальности коррекция цен происходит не мгновенно, повышенный спрос на деньги вызывает временные количественные эффекты, выражающиеся в возникновении излишков товаров и ресурсов — как труда, так и капитала. В целом, чем быстрее корректируются цены, тем менее заметными будут корректировки количеств, и, напротив, чем медленнее они корректируются, тем корректировки количеств заметнее.

Процессу приспособления отчасти способствует изменение рыночных условий в золотодобыче и смежных отраслях. На этих рынках количественные и ценовые изменения идут в противоположном направлении по сравнению с рынками товаров, продающихся за деньги. Общее снижение цен влечет за собой возрастание ценности денежного товара; избыток труда и капитала приводит к повышению доступности ресурсов, необходимых

⁷ Ludwig von Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, translated by Bettina Bien Graves and edited by Percy L. Graves, Jr. (Dobbs Ferry, N.Y.: Free Market Books, 1978), p. 80 [Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. ... Челябинск: Социум, 2011. С. 20]. См. также: Mises, *Human Action*, 3rd rev. ed. (Chicago: Henry Regnery, 1966), pp. 471—476 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 439—444].

для золотодобычи. И ценовые, и количественные изменения стимулируют производство денежного товара; в ходе этого процесса ослабляется давление, выступающее в роли стимула. Все это приводит к тому, что повысившийся спрос на деньги отчасти компенсируется снижением номинальных цен, а отчасти — увеличением количества денежного товара. Относительный вес двух этих компенсирующих факторов зависит от величины предложения со стороны золоторудной отрасли.

Недовольство золотым стандартом в значительной степени вызвано тем количеством ресурсов, которое тратится на добычу и выплавку золота. Как ни странно, но некоторые противники золотого стандарта полагают, что он неэффективен из-за недостаточности средств, выделяемых на его поддержание, в то время как другие считают, что на золотодобычу тратится слишком много ресурсов. Неудивительно, что они рассуждают совершенно по-разному.

Рассуждения первых основаны на предположении о чрезмерной негибкости цен, в соответствии с которым любая реакция на изменение рыночных условий должна носить количественный характер. Повышение спроса на деньги означает снижение спроса на товары. Поскольку теперь все товары не могут быть проданы по существующим ценам, накапливаются излишки, производство сокращается и рабочие оказываются на улице. Так возникает общеэкономический кризис. Остается избыточный спрос лишь на денежный товар. Но из-за природы золота — его относительной редкости — золоторудная промышленность может принять лишь малую часть безработных. Спрос на деньги невозможно полностью удовлетворить при существующем уровне цен. Если бы золоторудная промышленность могла поглотить все те трудовые ресурсы, которые остались без применения в результате повышения спроса на деньги, то золотой стандарт, по мнению сторонников такого подхода, действовал бы как автоматический контрциклический механизм и заслуживал бы всяческих похвал. Рабочая сила перетекала бы в золоторудную отрасль из других отраслей и обратно, но общий уровень занятости оставался бы постоянным. К сожалению, золотодобыча не в состоянии поглотить достаточное количество трудовых ресурсов и капитала, чтобы таким образом обеспечить экономическую стабильность⁸. Подобные рассуждения даже привели одного реформатора к идее

⁸ John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (New York: Harcourt, Brace and World, 1964), pp. 229—236 [Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 221—226]. Кейнс недвусмысленно высказывается в этом отношении: «Интересно отметить, что как раз то свойство, благодаря которому золото традиционно считалось особенно удобным для выполнения функций стандарта ценности, а именно неэластичность его предложения, оказалось лежащим в основе всех затруднений». Это утверждение следует за более красочным описанием проблем, связанных с золотым стандартом: «Безработица возникает, так сказать, потому, что люди хотят достать луну с неба. Они не могут найти работы, когда предмет желания (т.е. деньги) — это нечто такое, что не может быть произведено, и спрос на этот предмет не может быть легко задавлен. Здесь нет иного средства, как только убедить публику, что молодой сыр практически то же самое, и поставить фабрику молодого сыра (т.е. центральный банк) под контроль государства» (Ibid., pp. 235—236 [Там же. С. 226]).

о том, чтобы отказаться от золота и использовать в качестве денежного стандарта обыкновенные кирпичи⁹.

Другой подход предусматривает создание централизованной системы бумажных денег, которая могла бы оказывать на экономику такое же контрциклическое воздействие, как кирпичный стандарт, но не требовала бы выделения никаких ресурсов на производство кирпичей или добычу золота. Любое повышение спроса на деньги сопровождалось бы увеличением денежной массы без каких-либо затрат на ее производство. Экономика, сделки в которой обслуживались бы такими бумажными деньгами, никогда бы не испытывала резкого падения цен, приводящего к высвобождению незадействованных ресурсов. Таким образом, экономика могла бы направить все свои ресурсы на производство реальной (неденежной) продукции. С учетом такой возможности выделение каких-либо экономических ресурсов на добычу золота рассматривается как бессмысленная растрата сил и средств¹⁰.

Сторонникам золотого стандарта не следует вступать в дискуссии ни в рамках одного, ни в рамках другого подхода, доказывая, что на производство золота в реальности выделяется вполне достаточно и не слишком много ресурсов. Практически любой объем ресурсов можно счесть и чрезмерным, и недостаточным, в зависимости от конкретной точки зрения оппонента. Однако оба подхода можно поставить под сомнение путем анализа смысла и релевантности используемых в них ключевых понятий. В контексте дискуссий о золотом стандарте особое значение приобретают понятия издержек, ресурсных издержек, ценовой стабильности и монетарной стабильности. Именно этим и сопутствующим вопросам будут посвящены следующие разделы настоящей статьи.

Издержки по добыче золота и по поддержанию стабильного уровня цен

Оценки ресурсных издержек золота в первую очередь зависят от предполагаемого уровня его добычи. Реальный уровень производства золота, как было показано в предыдущем разделе, определяется состоянием рынка. В условиях экономического роста и при данном уровне предложения со

⁹ О «кирпичном стандарте», впервые предложенном К. О. Харди, см.: James M. Buchanan, "Predictability: the Criterion of Monetary Constitutions," in Yeager, In Search of a Monetary Constitution, pp. 155—183.

¹⁰ Milton Friedman, "Commodity-Reserve Currency," in *Essays in Positive Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1953), pp. 204—250. Рассматривая вопрос об эластичности предложения альтернативных денежных товаров, Фридмен указывает на недостатки эластичности, превышающей нулевую (с. 209—210), как и гибкость ниже бесконечной (с. 210—214). Идея о том, что использование денежного товара с эластичностью предложения выше нуля подразумевает «растрату ресурсов», имеет давнюю историю, и ее разделяли экономисты классической школы, включая Смита и Рикардо.

стороны золотодобытчиков увеличение спроса на деньги приводит к тому, что в золоторудную отрасль направляются дополнительные ресурсы. Если конкурирующие силы в банковской отрасли выпускают в обращение погашаемые [золотом] банкноты, это приведет к значительному снижению спроса на золото, вызванного развитием экономики. Дополнительное количество ресурсов, расходуемых на добычу золота, зависит от эластичности предложения и величины повышения спроса. Относительная неэластичность предложения золота ведет к тому, что каким бы сильным ни было повышение спроса на золото, в первую очередь оно влияет на цены, а не на количества. Иными словами, ценность золота возрастает, или, наоборот, цены на другие товары снижаются относительно цен на золото. Количество поставляемого золота также несколько возрастает, но вследствие ценового эффекта это увеличение оказывается небольшим по сравнению с повышением спроса. Соответственно сумма затрат на дополнительную добычу золота будет невелика.

К сожалению, самые распространенные оценки ресурсных издержек основаны на допущении об отсутствии обращения банкнот и каких-либо ценовых эффектов. Более того, предполагается абсолютная гибкость предложения золота¹¹. При этих допущениях повышение спроса на деньги полностью удовлетворяется увеличением золотодобычи. Иными словами, предполагается, что уровень добычи золота достаточно высок, чтобы полностью компенсировать понижательное давление на цены, которое в противном случае неизбежно имело бы место в расширяющейся экономике. Тот факт, что в реальности предложение золота *не отличается гибкостью*, просто игнорируется. В результате соответствующая оценка ресурсных издержек становится вовсе не оценкой издержек на золотой стандарт, а скорее оценкой издержек по поддержанию постоянного уровня цен в условиях гибкости предложения товарных денег.

Неудивительно, что основанные на этих предположениях реальные оценки затрат на товарные деньги получаются чрезвычайно завышенными. По оценкам Фридмена, пренебрегшего изменениями в скорости обращения денег, в первой половине XX в. ресурсные издержки на поддержание чистого золотого стандарта составили бы около 1,5% национального дохода, или около половины годовых темпов роста выпуска. (С учетом изменений скорости обращения эти цифры составили бы 2% национального дохода и $\frac{2}{3}$ годовых темпов экономического роста¹².) Эти конкретные оценки устарели на тридцать лет, однако методика их получения используется до сих пор. Аллан Мельтцер, приводя оценку Фридмена, корректирует ее с учетом

¹¹ Ibid., p. 210. См. также: Milton Friedman, *A Program for Monetary Stability* (New York: Fordham University Press, 1959), p. 5.

¹² Эти оценки взяты из статьи Фридмена «Commodity-Reserve Currency», впервые опубликованной в 1951 г. В статье «Program for Monetary Stability», опубликованной в конце десятилетия, Фридмен приводит еще более высокие оценки ресурсных издержек. Отталкиваясь от чуть более высокого уровня экономического роста, он оценивает, что на производство дополнительного количества денежного товара будет тратиться около 2,5% выпуска экономики, или 8 млрд долларов в год.

текущего отношения денежной массы к доходу. Согласно новым расчетам, издержки составляют уже не 50% годовых темпов роста, а примерно 16%. Но издержки по поддержанию золотого стандарта, по мнению Мельтцера, «остаются высокими»¹³.

Однако методика оценки, используемая Фридменом и Мельтцером, некорректна как с позитивной, так и с нормативной точек зрения. Позитивный анализ основан на классической долгосрочной перспективе, в которой все кривые предложения совершенно эластичны. Фридмен подчеркивает, что его оценка издержек не зависит от того, какой товар используется в качестве денежного стандарта¹⁴. Однако допущение об абсолютной гибкости предложения совершенно неприемлемо, когда речь идет о золотом стандарте. Предложение золота негибко в краткосрочной перспективе из-за увеличения предельных затрат на добычу и негибко в долгосрочной перспективе из-за малой распространенности этого конкретного элемента в природе. Ни Фридман, ни Мельтцер в своих расчетах не замечают этих особенностей золота, которые в значительной степени и позволяют ему стать денежным товаром. Собственно, такой подход вообще не учитывает никаких различий между золотом и остальными товарами.

Нормативная оценка, на которой строятся эти расчеты издержек, гласит, что поддержание постоянного уровня цен является бесспорным *desideratum** и представляет собой подходящую основу для оценки альтернативных монетарных систем. Значение постоянного уровня цен в этом контексте будет рассмотрено в предпоследнем разделе данной статьи. В следующих же двух разделах мы сравним две различные концепции издержек и подвергнем сомнению использование ресурсных издержек в качестве критерия выбора между альтернативными монетарными институтами.

Издержки, ресурсные издержки и золотой стандарт

Выше мы показали, что самые распространенные оценки ресурсных затрат на золото основаны на неправдоподобных допущениях об условиях предложения в золоторудной отрасли и о желательном поведении уровня цен. Этот раздел будет посвящен релевантности любых оценок ресурсных затрат

¹³ Allan H. Meltzer, "Monetary Reform in an Uncertain Environment," *The Cato Journal* 3, no. 1 (Spring 1983): 93—112 (более свежая оценка Мельтцера приводится на с. 105). Данная процедура оценки, согласно которой ресурсные издержки на золото всегда пропорциональны темпам экономического роста, приводит к интересному парадоксу. Если злоупотребление бумажноденежной системой порождает такой хаос в экономике, что темпы роста падают до нуля, то ресурсные издержки на поддержание золотого стандарта тоже должны упасть до нуля; однако если теперь мы примем совершенно незатратный в сложившейся ситуации золотой стандарт и восстановим стабильность экономики, обеспечив ее рост, то поддержание золотого стандарта снова станет слишком затратным.

¹⁴ Friedman, "Commodity-Reserve Currency," p. 210; *A Program for Monetary Stability*, p. 5.

* Желаемое, требуемое (лат.). — Прим. ред.

при сравнении золотого и бумажноденежного стандартов. Будет показано, что ресурсные издержки нерелевантны при оценке относительных достоинств и относительных издержек двух альтернативных стандартов. Если не проводить различие между 1) ресурсными издержками на добычу золота и 2) издержками на поддержание золотого стандарта, из поля зрения пропадает ряд критически важных моментов. Оба эти типа затрат никак не связаны друг с другом, несмотря на сходство в названиях. В данном разделе издержки на поддержание золотого и бумажноденежного стандартов понимаются в более широком плане, нежели ресурсные издержки в узком смысле; в следующем разделе вопрос о ресурсных издержках на золото будет помещен в надлежащую перспективу.

Так называемые ресурсные издержки представляют собой неадекватную подмену понятия совокупных, или альтернативных, издержек, если первый термин не определен таким образом, чтобы сделать его синонимом двух последних, но в таком случае определение «ресурсные» становится избыточным и сбивает с толку. Неадекватность этого понятия становится особенно очевидна, когда мы рассматриваем относительные издержки двух альтернативных монетарных институтов¹⁵. Система наказаний, в которой осужденные преступники изолируются от остального общества, может требовать больших ресурсных издержек, чем система, в которой преступникам дают подзатыльник и отпускают на волю. Но вряд ли кто-то будет спорить с тем, что совокупные издержки, включающие в себя и последующие преступления, совершенные осужденными преступниками, в первом случае будут ниже, чем в последнем.

Аналогичная трудность возникает при сравнении издержек золотого и бумажноденежного стандартов. Сравнение ресурсных издержек на золото и бумагу не позволяет решить вопрос. Истинные издержки по поддержанию бумажноденежного стандарта должны включать в себя: 1) издержки, возникающие в обществе вследствие стремления различных политических группировок получить контроль над печатным станком; 2) издержки, вызванные попытками заинтересованных групп убедить того, кто контролирует работу печатного станка, злоупотребить своей властью (т.е. напечатать больше денег) в интересах данной группы; 3) издержки в форме вызванного инфляцией растраниживания ресурсов, происходящего во всех сферах экономики вследствие неспособности финансовых властей противостоять политическому давлению заинтересованных групп; и 4) издержки предпринимателей, пытающихся предсказать будущие шаги финансовых властей и принять контрмеры против возможных последствий монетарной безответственности. Имея в виду все эти соображения, нетрудно поверить

¹⁵ Этот момент подчеркивает Рональд Коуз: «Представляется желательным использовать схожий подход [альтернативных издержек] при разработке вопросов экономической политики и сравнивать полный продукт, получаемый при альтернативных социальных установлениях» (Ronald Coase, "The Problem of Social Cost," *Journal of Law and Economics* 3 (October 1960): 43 [Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. С. 147]).

в то, что золотой стандарт стоит [обществу] меньше, чем бумажноденежный стандарт. Мнение о меньшей затратности золотого стандарта отражается в следующем афоризме, который приписывают Алану Гринспену: позволить государству печатать бумажные деньги — все равно что использовать монетку вместо плавкого предохранителя. Пусть ресурсные издержки на монетку меньше, чем на предохранитель, но совокупные издержки, которые должны включать в себя вероятность пожара, несомненно окажутся более высокими.

Некоторые сторонники бумажного стандарта основывают свои контраргументы на более широком понимании издержек золотого стандарта, нежели узко определяемые ресурсные издержки. Однако в отношении золотого стандарта затруднительно составить список издержек, сопоставимый со сразу же приходящим на ум перечнем издержек бумажноденежного стандарта. Чаще всего упоминаемый вид издержек связан с неэластичностью предложения золота, т.е. с тем, что производство золота хронически отстает от реального экономического роста¹⁶. Это обстоятельство требует постоянного снижения цен в соответствии со стабильным уменьшением отношения количества денег к реальному выпуску. А рыночный процесс, посредством которого происходит такая коррекция индивидуальных цен, может быть затратным и требовать много времени. Монетарное неравновесие, по сути дела, транслируется в неравновесие на всех рынках в экономике¹⁷. До тех пор пока равновесие не восстановится, неравновесные цены будут приводить к тому, что одни ресурсы будут тратиться впустую, а другие останутся незадействованными. При наличии бумажноденежного стандарта денежные власти могут устранить потребность в постоянной коррекции цен, непрерывно увеличивая объем денежной массы в соответствии с реальным ростом экономики.

На определенном уровне абстракции такая аргументация противников золотого стандарта звучит если не убедительно, то правдоподобно. Но при более глубоком анализе, выйдя за рамки проблемы об изменении *уровня* цен при использовании золотого или бумажноденежного стандарта, мы увидим, что от этих аргументов не останется и следа, так как их авторы не учитывают по крайней мере трех моментов. Во-первых, в рыночной экономике отдельные цены все время меняются в ответ на изменение рыночных условий. Одни цены повышаются, другие снижаются. Если предложение золота не возрастает так же быстро, как уровень реального производства, это отразится на характере изменения индивидуальных цен. Те цены, которые повышаются, повысятся несколько меньше; те цены, которые снижа-

¹⁶ Было бы, разумеется, грубой ошибкой прибавлять издержки, вызванные предполагаемой неэластичностью предложения золота, к издержкам, оцененным на основе предположения о совершенной эластичности.

¹⁷ Аргументы подобного рода восходят к работам Кларка Уорбертона. См.: Clark Warburton, "The Monetary Disequilibrium Hypothesis," in Warburton, *Depression, Inflation, and Monetary Policy, Selected Papers, 1945—1953* (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1966), pp. 25—35. См. также: Leland B. Yeager, "Stable Money and Free Market Currencies," *Cato Journal* 3, no. 1 (Spring 1983): 305—326.

ются, упадут еще сильнее. Те цены, которые могли бы немного повыситься, не изменятся; те, которые остались бы постоянными, немного снизятся. В результате всех этих процессов *уровень* цен — средневзвешенная цена на все товары и услуги — понизится. Однако было бы ошибкой связывать издержки, вызванные изменениями цен, с изменением уровня цен. Цены изменились бы в любом случае, хотя и немного иначе.

Во-вторых, даже если абстрагироваться от изменения отдельных цен и рассматривать только общий уровень цен, то эластичное предложение денег не устранит необходимости в дорогостоящей корректировке цен. Рассмотрим, например, растущую экономику, в которой реальный уровень процентных ставок снижается. Какой именно уровень цен денежные власти должны поддерживать постоянным — уровень потребительских цен, уровень цен на факторы производства или общий уровень цен (который учитывает цены как потребительских товаров, так и факторов производства)? Если поддерживать постоянным уровень потребительских цен, то придется постоянно повышать цену факторов производства в соответствии со снижением процентных ставок; если поддерживать постоянным уровень цены факторов производства, то придется постоянно снижать уровень потребительских цен; наконец, если поддерживать постоянным общий уровень цен, то вследствие снижения процентных ставок придется постоянно корректировать и уровень цены факторов производства, и уровень потребительских цен. Нет такого уровня цен, постоянство которого устранит необходимость корректировки индивидуальных цен в пределах всей экономики.

В-третьих, издержки золотого стандарта, связанные с корректировкой цен, определяются путем сравнения реальной работы золотого стандарта с идеальной работой бумажноденежного стандарта. Подобные сопоставления нельзя принимать за основу для разумного выбора между несколькими альтернативными системами. Они оставляют за скобками все релевантные издержки бумажноденежного стандарта. Если бумажноденежный стандарт будет администрироваться ангельскими денежными властями, чья единственная задача — минимизировать неравновесие, вызванное монетарными причинами, то выбор между золотым и бумажноденежным стандартом будет не столь актуальным, как в нашем реальном мире. Однако реальный бумажноденежный стандарт тоже сопряжен с издержками, вызванными корректировкой цен. Как учит нас история, при золотом стандарте понижательные корректировки цен и соответствующие издержки ничтожны по сравнению с масштабами корректировки цен в сторону повышения и соответствующих издержек при бумажноденежном стандарте¹⁸.

¹⁸ О золоте и бумажных деньгах в исторической перспективе см.: Murray N. Rothbard, *What has Government Done to Our Money?* (A Pine Tree Publication, 1963), pp. 27—49 [Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. С. 11—69]; Ron Paul and Lewis Lehrman, *The Case for Gold: A Minority Report of the U.S. Gold Commission* (Washington, D.C.: Cato Institute, 1982), pp. 17—142; Alan Reynolds, "Why Gold?," *The Cato Journal* 3, no. 1 (Spring 1983): 211—232.

Неизбежность ресурсных издержек

В предыдущем разделе мы упоминали, что при выборе между альтернативными денежными стандартами вопрос ресурсных затрат несущественен. Разумной основой для их сопоставления являются общие издержки, слабо связанные с ресурсными затратами. В данном разделе мы покажем, что ресурсные затраты, представляя собой лишь небольшую долю общих издержек, составляют часть общеэкономических издержек как при золотом, так и при бумажноденежном стандарте. Точнее говоря, ресурсные затраты на золото входят в состав издержек при обоих стандартах, но ни при том, ни при другом стандарте не равнозначны общим издержкам. Таким образом, эти издержки не могут служить фактором, который необходимо учитывать при выборе между двумя денежными стандартами.

Преувеличенное значение, которое придается аргументу о ресурсных издержках, основано на распространенном представлении о том, что добыча золота, его выплавка, переплавка в слитки или перечеканка в монеты, их хранение и охрана в совокупности являются пустой растратой ресурсов, а также на неявном допущении, что если заменить золотой стандарт бумажным, то всех этих видов деятельности можно будет избежать. Однако достаточно сделать его из неявного явным, чтобы показать его ложность. После введения бумажноденежного стандарта золото не утрачивает денежной ценности. Считать иначе означает наивно полагать, будто государство в состоянии отменять экономические законы. Золото продолжают добывать, выплавлять, переплавлять в слитки и монеты, хранить и сторожить; ресурсные издержки остаются с нами. Фактически бумажноденежный стандарт, администрируемый безответственными денежными властями, может настолько повысить денежную ценность золота, что при бумажноденежном стандарте ресурсные издержки окажутся намного выше, чем при золотом стандарте. Рыночные процессы, действующие с древнейших времен, выделили золото в качестве первостепенного денежного товара, и до тех пор пока внедрение на рынке альтернативного стандарта не приведет к падению цен на золото до такого уровня, когда оно станет годиться только для немонетарного использования, этих ресурсных издержек избежать не удастся.

При сравнении издержек имеется известная асимметрия, превращающая вопрос о ресурсных издержках в аргумент против бумажноденежного стандарта. Когда безответственные финансовые власти выпускают слишком много бумажных денег, рыночные агенты начинают запасаться золотом, что стимулирует золоторудную промышленность и ведет к повышению ресурсных издержек. Однако в случае открытия новых месторождений золота рыночные агенты не бросаются запасаться банкнотами или настраивать печатные станки на выпуск неразменных денег. Золото — хорошая замена для официально учрежденных бумажных денег, но бумага — плохая замена для официально признанных металлических денег. По причине этой асимметрии можно было бы избежать ресурсных издержек, вызванных попытками государства навязать экономике бумажноденеж-

ный стандарт и управлять предложением бумажных денег, если бы государство просто признало золото в качестве денег. Таким образом, эти издержки можно считать фактором, работающим против бумажноденежного стандарта.

Как указывалось выше, те сравнения ресурсных издержек, при которых бумажноденежный стандарт получает преимущество, в реальности представляют собой сравнение реального золотого стандарта с воображаемым бумажноденежным стандартом¹⁹. Как правило, рассматриваемые альтернативы просто несопоставимы: мы сравниваем рыночный процесс, который приводит к использованию золота как средства обмена, и результат, к которому не в состоянии привести ни один из известных процессов. Каким чудесным местом стал бы мир, если бы золото (серебро, медь...) не имело никакой денежной ценности и если бы денежные власти были по закону обязаны увеличивать выпуск бумажных денег в относительно медленном, фиксированном и заранее известном темпе! И еще более чудесным местом он бы стал, если бы у нас имелся какой-либо другой денежный товар, который был бы относительно редок и его нельзя было бы добыть никакими известными методами, но который медленно, непрерывно и бесплатно самозарождался бы в тех местах, где наблюдается экономический рост. Такие миры выглядели бы точно так же, как тот мир, в котором мы живем, — за минусом ресурсных издержек на добычу золота. Выдумывание таких миров может стать основой для плохих научно-фантастических романов, но отнюдь не основой для монетарных теорий или для выбора между альтернативными денежными системами.

Постоянный уровень цен против монетарной стабильности

Допущение о постоянном уровне цен имеет давнюю историю. В течение многих лет теоретики, представлявшие различные школы мысли, использовали это допущение в попытках абстрагироваться от влияния денег на ход экономической деятельности, и со временем приняли в качестве самоочевидной истины, что постоянный уровень цен является главным призна-

¹⁹ Опять же, именно Рональд Коуз привлек внимание коллег к «обычному подходу к проблемам [социальных издержек, при котором] анализ ведется в терминах сравнения между состоянием *laissez faire* и неким идеальным миром». Далее он указывает, что «совсем не нужен анализ, чтобы показать, что идеальный мир лучше, чем состояние *laissez faire*, если только определения того, что есть идеальный мир и что есть состояние *laissez faire*, не окажутся идентичными» (Coase, "The Problem of Social Cost," p. 43 [Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. С. 147]. Гарольд Демсец подчеркивает различие между «подходом нирваны» (который неявно используется многими критиками золотого стандарта) и «подходом сравнения институтов» (используемый в настоящей статье): Harold Demsetz, "Information and Efficiency: Another Viewpoint," *Journal of Law and Economics* 12 (April 1969): 1—22.

ком монетарной стабильности. Важное значение постоянного уровня цен для теории и экономической политики стало восприниматься настолько самоочевидным и само собой разумеющимся, что в экономической литературе практически отсутствуют попытки обосновать эту всеобщую практику. Однако выборочный анализ работ многочисленных авторов, которые не ставят под сомнение это допущение, и тех немногих, кто это делает, показывает, что именно это допущение является ахиллесовой пятой всеобщей предубежденности против золотого стандарта, а также множества других теоретических высказываний и рекомендуемых мер экономической политики.

В начале 1930-х годов Хайек отмечал, что преимущества постоянного уровня цен по непонятной причине подчеркивались в трудах таких видных специалистов в области денежной теории, как Густав Кассель и А. С. Пигу²⁰. То, что страна должна регулировать свое денежное обращение с целью поддержания постоянного уровня цен, казалось Касселю «простейшим допущением». По мнению Пигу, если денежное обращение страны регулировать таким образом, то деньги не будут оказывать влияния [на экономику]. К концу 20-х годов общим местом стала идея о «естественном» равенстве между экономическим ростом и ростом денежной массы и о том, что деньги, предложение которых возрастает в соответствии с этим равенством, «нейтральны». Всеобщее признание этой идеи устраняло необходимость в ее теоретическом обосновании.

В последующие десятилетия допущение о релевантности и желательности постоянного уровня цен прочно обосновалось в работах американских экономистов. В начале 1950-х годов Кларк Уорбертон включал в свой список допущений, лежащих в основе денежной теории, необходимость в росте денежной массы, который бы соответствовал реальному экономическому росту. «Вследствие [роста населения, технологического развития и повышения производительности труда и] постоянства обычаев (таких как периодичность выплаты дивидендов), которые влияют на скорость обращения денег, для равновесия в экономике требуется постоянно увеличивать количество денег»²¹. Следуя его примеру, Фридмен «для удобства» прибегал к допущению о том, что стабильный уровень цен на готовую продукцию является целью экономической политики²². (С одной стороны, весьма показательно, а с другой — вызывает некоторую оторопь то, что в произведенной Фридменом оценке ресурсных издержек золотого стандарта, о которой шла речь выше, критическое значение имеет допущение, принятое ради удобства.)

²⁰ F. A. Hayek, *Prices and Production*, 2nd ed. (New York: Augustus M. Kelley, 1967), p. 107 [Хайек Ф. А. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008. С. 129].

²¹ Warburton, "The Monetary Disequilibrium Hypothesis," p. 28. Уорбертон отмечает, что это допущение «настолько распространено в экономической литературе XIX — начала XX в., что обосновывающие его ссылки на источники представляются излишними» (*Ibid.*, p. 29).

²² Friedman, "Commodity-Reserve Currency," p. 210.

В конце 1960-х годов Фридмен еще раз подтвердил, что «в соответствии с давней традицией и почти полным консенсусом по этому вопросу я просто принимал как само собой разумеющееся, что стабильный уровень цен на конечную продукцию является желательной целью»²³. Задача статьи, в которой содержалось это утверждение, состояла в том, чтобы заметить оптимум постоянного уровня цен, принятый в качестве допущения, оптимумом, выведенным теоретически. Выявив затраты и выгоды, связанные с изменением уровня цен, Фридмен, следуя стандартным микроэкономическим процедурам, приравнял предельные издержки к предельным выгодам и решил уравнение для оптимальных, или максимизирующих благосостояние, темпов изменения уровня цен. Оказалось, что при предполагаемых годовых темпах экономического роста в 3—4% максимальное экономическое благосостояние будет достигнуто при падении цен на 4—5% в год²⁴. При таких темпах дефляции цен предельные выгоды от вызванного дефляцией роста реальных денежных остатков, будут в точности компенсированы пренебрежимо малыми предельными издержками по увеличению предложения денег. (Эти результаты относятся к экономике, в которой используются неразменные бумажные деньги. Если вместо них используется золото, то предельные издержки по его добыче сделают оптимальные темпы дефляции цен чуть более высокими.)

Однако Фридмену не удастся полностью убедить в достоинствах теоретически выведенного им оптимума даже самого себя. Он завершает свою статью «Заключительной шизофренической заметкой», в которой колеблется между одобрением монетарного правила, которое, в соответствии с его теорией, будет оптимизировать благосостояние, и монетарного правила, которое будет поддерживать постоянный уровень цен. В ретроспективе расчеты Фридмена можно рассматривать как пример забавного и надуманного упражнения в маржинализме. Но сегодня его аргументы никого не убедят. Принимаемый на веру постулат о желательности сохранения постоянного уровня цен снова широко используется в дискуссиях о монетарной политике.

Экономисты австрийской школы всегда разделяли мнение меньшинства о том, что денежная стабильность и постоянный уровень цен — две разные вещи²⁵. В основе своей их аргументы весьма просты. Они требуют лишь самого поверхностного рассмотрения того, что скрывают агрегаты и сред-

²³ Milton Friedman, "The Optimum Quantity of Money," in *The Optimum Quantity of Money and Other Essays* (Chicago: Aldine, 1969), p. 48.

²⁴ *Ibid.*, p. 46.

²⁵ Hayek, *Prices and Production*, pp. 105—131 [Хайек Ф. А. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008. С. 126—160]; Mises, *Human Action*, pp. 219—228 и passim [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 206—215]; Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, pp. 1—49 [Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2011. С. 3—49]; Mises, *Theory of Money and Credit*, pp. 108—169 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2011].

ние величины более ортодоксальной монетарной теории. Повышение производительности действительно ведет к повышению уровня выпуска и тем самым оказывает понижающее давление на уровень цен. Компенсирующее увеличение общего количества денег может оказать повышающее давление, сохранив постоянный уровень цен. Однако было бы ошибкой считать, что повышение производительности никак не сказывается на структуре производства. Экономический рост не сводится к пропорциональному увеличению количества всех производимых товаров. Производство одних товаров расширяется, других — сокращается, возрастает качество отдельных товаров, появляются новые товары. Вызванные экономическим ростом изменения в структуре производства сопровождаются изменениями в структуре цен. Тот факт, что уровень цен, рассчитанный на основе новой структуры цен, окажется ниже рассчитанного на основе старой структуры цен, не играет никакой роли. В той степени, в какой каждое отдельное изменение в структуре цен может быть приписано немонетарным факторам, монетарное вмешательство является излишним, несмотря на снижение уровня цен²⁶.

Далее австрийская школа указывает, что в случае увеличения предложения денег в целях «компенсации» экономического роста влияние, оказанное этим вливанием денег на цены, будет составным, а не нейтрализующим. Возможно, экономический рост, сопровождаемый ростом денежной массы, оставляет уровень цен постоянным, однако экономический рост оказывает на структуру цен свое влияние, а рост предложение денег — свое. Хотя можно себе представить, что увеличение денежной массы влияет только на общий уровень цен, однако природа денег не позволяет добиться этого одиночного эффекта на практике. Реальное вливание денег, как при наличии, так и при отсутствии экономического роста, всегда ненейтральны²⁷. Они всегда вызывают изменение относительных цен, что, в свою очередь, влияет на структуру выпуска. Таким образом, постоянный уровень цен не может служить ни подходящим допущением при разработке монетарных теорий, ни наиболее желательной целью монетарной политики.

В текущих дискуссиях цель поддержания постоянного уровня цен пользуется определенной популярностью по двум причинам. Обе имеют свои достоинства, но ни одна из них не является серьезным аргументом

²⁶ Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 123 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011]. Мизес требует различать «два типа факторов, определяющих меновое отношение между деньгами и другими экономическими благами — те, что действуют на денежную часть отношения, и те, что действуют на его товарную часть». При рассмотрении вопроса о нейтральности денег следует учитывать лишь факторы первого типа.

²⁷ Mises, *Human Action*, p. 418 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 390—391]. «Понятие нейтральных денег не менее противоречиво, чем понятие денег со стабильной покупательной способностью. Деньги без собственной движущей силы, не могут быть совершенными деньгами; они вообще не будут деньгами». На том, что деньги не нейтральны, сходятся такие теоретики, как Мизес, Хайек, и прочие представители австрийской традиции.

против золотого стандарта. Первая причина носит политический характер. Утверждается, что проще убедить центральный банк принять в качестве цели поддержание постоянного уровня цен, чем потребовать от него полностью сдаться на милость товарных денег. Постановка такой цели по крайней мере станет шагом в правильном направлении и не будет мешать дальнейшему движению к товарному стандарту, если это окажется желательным и достижимым. Однако сторонники золотого стандарта, не ждут, что центральный обанк поставит перед собой цель поддержания уровня цен. На самом деле, они полагают, что именно нежелание центрального банка делать это — или, иными словами, вести себя ответственно — и является одним из важнейших аргументов в пользу товарного стандарта. Кроме того, они считают, что вопрос о том, какой монетарный институт наиболее желателен, следует отделять от вопроса о политической осуществимости требуемых институциональных изменений²⁸.

Вторая причина популярности этой цели следует из роли денег как единицы ценности и их соответствующего сходства в этом отношении с другими единицами — такими как единица длины или единица веса²⁹. Аналогия между необходимостью иметь фиксированные эталоны длины и веса и необходимостью в фиксированном эталоне ценности выглядит весьма соблазнительно. Плотники не преуспели бы в своем ремесле, если бы пользовались измерительными устройствами, которые бы удлинялись и укорачивались сами по себе; водители грузовиков как огня боялись бы постов весового контроля, не имея представления о том, сколько сегодня весит фунт. Образы, порождаемые подобного рода примерами, придают такой аналогии еще больше убедительности. Единицы длины, веса и ценности не должны изменяться с течением времени, иначе ими невозможно будет пользоваться. Подобные рассуждения было бы полезно выслушать тем, кто выступает за инфляцию или проповедует искусственно заниженные кредитные ставки, даже если это имеет своим следствием инфляцию.

Однако сторонники здоровых денег почерпнули бы для себя больше полезного из тех смыслов, в которых эта аналогия не работает, чем из тех, в которых она работает. В отличие от единиц длины и веса единицу ценности невозможно сделать неизменной. Нынешние попытки найти или создать инвариантную меру ценности (в форме мультитоварных стандартов,

²⁸ Фридмен, провозгласивший эту максиму, сам не всегда ее придерживался. «На мой взгляд, роль экономиста в дискуссиях о публичной политике заключается в том, чтобы давать рекомендации о том, что следует сделать, в свете того, что можно сделать, без оглядки на политику, а не предсказывать, что „политически осуществимо“, а затем рекомендовать это» (Milton Friedman, “Comments on Monetary Policy,” in *Essays in Positive Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1953), p. 264). Уильям Хатт, критически относившийся к максиме Фридмена, рекомендует, чтобы экономисты принимали в расчет политические соображения, но лишь в том случае, если эти соображения высказываются явным образом. Такова, по его мнению, задача старой доброй «политической экономии» (William H. Hutt, *Politically Impossible..?* (London: Institute of Economic Affairs, 1971), pp. 22—27).

²⁹ Yeager, “Stable Money and Free-Market Currencies,” pp. 305—308.

механизмов индексации и пр.) представляют собой откат к старым домаржиналистским, досубъективистским экономическим теориям. Они требуют от нас забыть все то, чему нас учат бесплодные поиски Рикардо³⁰.

Поясним этот момент аналогией другого рода. (Одну аналогию можно одолеть лишь другой аналогией.) Денежный товар представляет собой скорее отправную точку, начало отсчета, чем единицу измерения. Физическим аналогом абсолютного эталона *ценности* для измерения любой другой ценности является абсолютная *точка* отсчета в космосе. Можно указать, что Земля не может служить такой точкой отсчета, поскольку она вращается вокруг Солнца, последнее, в свою очередь, вращается вокруг центра галактики Млечный путь, а та вращается во Вселенной. Абсолютная точка отсчета не должна быть привязана ко всем этим движениям. Можно предложить различные варианты размещения такой точки, принимающие во внимание все относительные перемещения небесных тел, однако не составляет труда понять, что абсолютная точка отсчета будет столь же бесполезна, сколь и иллюзорна. Наиболее релевантная точка отсчета — та, в которой мы оказались по воле космических явлений. То же само можно сказать о ценности. Наиболее релевантным товаром-ориентиром является денежный товар, выделившийся благодаря рыночным процессам. После того как золото утвердилось в качестве всемирного денежного товара, уже неважно, что определенные цены или общий уровень цен могут быть «нестабильными» относительно каких-либо других мер ценности или индексов цен. В отсутствие серьезного политического вмешательства золото следует рассматривать как стабильные деньги до тех пор, пока сам рыночный процесс, по каким-то причинам, не начнет благоволить какому-то другому товару в качестве ориентира ценности³¹.

Разные противники золотого стандарта не желают пользоваться золотом в качестве денег по совершенно разным причинам. Одни хотят обуздать монетарные силы и вручить поводья государству; другие желают избавиться от монетарных сил, проявляющих себя в любом товарном стандар-

³⁰ «Поиск стабильной единицы счета — в конечном итоге это поиск инвариантного стандарта ценности, дон-кихотовская цель классической политической экономии» (Gerald P. O'Driscoll, Jr., "A Free-Market Money: Comment on Yeager," *The Cato Journal* 3, no. 1 (Spring 1983): 328).

³¹ «Экономический расчет не требует денежной стабильности в том смысле, какой в этот термин вкладывают сторонники движения за стабилизацию. То, что устойчивость покупательной способности денежной единицы невообразима и неосуществима, никак не вредит экономическому расчету. Денежный расчет требует денежной системы, функционирование которой не подрывается вмешательством государства»: Mises, *Human Action*, p. 223 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 211]. Следует отметить, что отмечавшиеся в последние годы резкие колебания цен на золото не означают, что золото перестало являться жизнеспособным денежным товаром. Как раз наоборот, резкие колебания спроса на твердые деньги отражают нестабильность современных монетарных институтов. Свою жизнеспособность теряют бумажные деньги, а не золото. См.: Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, pp. 76—77 [Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика // Мизес Л. фон. ... Челябинск: Социум, 2011. С. 72—73].

те. Первые представляют себе монетарную стабильность как такую систему, которая обеспечит полную занятость населения; вторые понимают под монетарной стабильностью такую систему, которая позволяет сохранять постоянный уровень цен. В отличие от них, сторонники золотого стандарта считают, что ни полная занятость, ни постоянный уровень цен не должны являться целями государственной политики. Кроме того, ни одна из этих целей несовместима с монетарной стабильностью. Для достижения такой цели, как стабильность денег, которая вполне может привести и к снижению безработицы, и к настолько стабильному уровню цен, насколько это возможно, нужно лишь, чтобы государство воздержалось от посягательств на выбранные рынком товарные деньги.

Заключительные замечания

Противники золотого стандарта исчисляют цену добычи золота в долларах и центах и приводят итог своих расчетов в форме процентов общего выпуска в экономике. Цель подобных манипуляций очевидна: если бы не затраты на добычу золота, насколько производительнее работала бы экономика! Мы бы не советовали сторонникам золотого стандарта отвечать на эти расчеты собственными цифрами. Если истинные издержки золотого стандарта вообще возможно рассчитать, то они должны включать в себя монетарную нестабильность, связанную с использованием альтернативных стандартов, и соответствующий ущерб для экономики. Однако учет этих соображений, несомненно, приведет к тому, что величина издержек окажется отрицательной. Золотой стандарт не имеет чистых издержек — только чистые выгоды. Оценку этих выгод, хотя и не в точном количественном смысле, удобнее всего произвести путем сопоставления исторических примеров, показательных в плане работы экономики при золотом стандарте и при бумажноденежном стандарте. Превосходство первой по сравнению с последней и представляет собой чистые выгоды золотого стандарта³².

В конечном счете, издержки любого действия, товара или института — это альтернативные действия, товары и институты, от которых мы отказались. Из всех издержек реальное значение имеет лишь альтернативные издержки, т.е. ценность варианта, от которого было решено отказаться. Издержки какого-либо института — это отказ от альтернативных институтов; издержки золотого стандарта — отказ от бумажноденежного стандарта; издержки здоровых денег — отказ от нездоровых денег.

³² Ссылки на исторические исследования приводятся выше, в прим. 18.

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

Дж. Салерно

ЗОЛОТЫЕ СТАНДАРТЫ

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

I. Введение

Текущие дискуссии о роли золота в денежной системе США получили неожиданное развитие, потенциально имеющее серьезные последствия для монетарной теории и политики, однако этот факт практически прошел мимо внимания представителей обоих лагерей. Речь идет о новых защитниках золотого стандарта, аргументы которых принципиально отличаются от традиционных доводов в пользу золота. Это явление оказалось в тени всевозможных проектов монетарной реформы, исходящих из лагеря сторонников золота¹. Однако при внимательном рассмотрении этих проектов выясняется, что они распадаются на два четко выраженных типа, различаясь не только в смысле причин, по которым золотой стандарт объявляется желательным, но и в смысле представлений о том, какая именно монетарная система может называться «золотым стандартом».

В первую группу входят проекты, опирающиеся на традиционную аргументацию в пользу «твердых денег». Эта аргументация построена на предпочтительности товарных денег, функционирующих в условиях свободного рынка, по сравнению с бумажными деньгами, эмиссия которых монополизирована государством. Основным смысл подобных предложений сводится к тому, чтобы сделать государственную монетарную политику ненужной, восстановив подлинный золотой стандарт, при котором количество и ценность денег будут определяться исключительно рыночными силами².

Вторая группа сторонников золота, чьи предложения получили наибольшую известность, отказалась от традиционных аргументов в пользу твердой валюты, предложив вместо этого совершенно новый подход, призванный продемонстрировать, что золото может стать для денежных властей эффективным инструментом по управлению предложением денег

¹ Обзор и критику этих проектов со стороны противников золота см.: Richard N. Cooper, "The Gold Standard: Historical Facts and Future Prospects," in William C. Brainard and George L. Perry, eds., *Brookings Papers on Economic Activity* (Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1982), pp. 25—36; обсуждение ряда этих проектов с точки зрения сторонников золотого стандарта см.: Joseph T. Salerno, "The Gold Standard: An Analysis of Some Recent Proposals," *Cato Institute Policy Analysis* (September 9, 1982).

² См., например: Rep. Ron Paul and Lewis Lehrman, *The Case for Gold: A Minority Report of the U.S. Gold Commission* (Washington, D.C.: The Cato Institute, 1982); Murray N. Rothbard, "To the Gold Commission," *The Libertarian Forum* 16 (April 1982): 1—7; George Reisman, *Gold: The Solution to Our Monetary Dilemma* (Minneapolis: U.S. Paper Exchange, 1980); Lawrence H. White, "Gold, Dollars, and Private Currencies," *Policy Report* 3 (June 1981): 6—11; idem, "Inflation and the Federal Reserve: The Consequences of Political Money Supply," *Cato Institute Policy Analysis* (April 15, 1982); R.H. Timberlake, Jr., "Solving the Monetary Crisis," *Policy Report* 3 (October 1981): 9—11; Joseph T. Salerno, "A Proposal for Monetary Reform: The 100% Gold Standard," *Policy Report* 3 (July 1981): 6—11; idem, "The Case for the Gold Standard," *The University of Baltimore Business Review* 1 (October 1981): 1—4; idem, "The 100 Percent Gold Standard: A Proposal for Monetary Reform," in Richard H. Fink, ed., *Supply-Side Economics: A Critical Appraisal* (Frederick, Md.: University Publications of America, 1982), pp. 454—488.

в рамках существующей системы декретных денег³. С точки зрения этой группы *raison d'être** монетарного режима на основе золота заключается в том, что он способствует достижению целей государственной монетарной политики. Нужно ли говорить, что золотой стандарт в понимании сторонников этого направления весьма радикально отличается от идеала борцов за твердые деньги. «Правило цены» на золото, к которому сводится монетарная реформа, предлагаемая большинством представителей первого лагеря, имеет лишь весьма поверхностное сходство с традиционной концепцией золотого стандарта.

В последующих разделах данной статьи мы представим традиционную позицию сторонников золотого стандарта и дадим краткий обзор разновидностей монетарной системы, логически совместимых с этой позицией. Далее мы рассмотрим новый подход к золотому стандарту и продемонстрируем, в чем состоят его принципиальные противоречия с позицией сторонников твердой валюты. Кроме того, будет показано, что правило цены на золото не удовлетворяет базовым критериям подлинного золотого стандарта, в реальности представляя собой «псевдо-» или «ложный» золотой стандарт. Наконец, будут прослежены специфические разногласия, разделяющие обе группы сторонников золотого стандарта, вплоть до выявления малоизвестного, хотя и фундаментального расхождения во взглядах относительно происхождения, природы и функции денег в рыночной экономике. Сторонники золота, видящие в нем средство экономической политики, исходят из предпосылки, преобладающей сегодня среди большинства теоретиков и лиц, определяющих экономическую политику в монетарной сфере, и гласящей, что деньги — это политический инструмент, функционирование которого невозможно без какого-либо политического контроля. Напротив, сторонники твердой валюты всегда отталкивались от идеи о том, что деньги — это «естественный» социальный институт, чье возникновение, эволюция и метод работы в конечном счете всегда определялись спонтанными рыночными силами.

II. Традиционный подход к золотому стандарту

Сущность традиционных аргументов в пользу золотого стандарта, или твердой валюты, весьма проста. Как указывал более 50 лет назад Людвиг

³ Этот подход в первую очередь проявляется в предложениях монетарной реформы, выдвигаемых сторонниками экономики предложения. В число таких предложений входят: Arthur B. Laffer, *Reinstatement of the Dollar: The Blueprint* (Rolling Hills Estates, Cal.: A.B. Laffer Associates, 1980); Robert A. Mundell, "Gold Would Serve into the 21st Century," *Wall Street Journal*, September 30, 1981, p. 32; Eugene A. Birnbaum, "Stabilizing the World's Money," *Wall Street Journal*, April 3, 1981, p. 22; Jack Kemp, "The Renewal of Western Monetary Standards," *Wall Street Journal*, April 7, 1982, p. 32; Alan Reynolds, "The Monetary Debate: Stabilize Prices, Not Money," *Wall Street Journal*, June 29, 1982, p. 26.

* Разумное основание, смысл (*франц.*). — *Прим. ред.*

фон Мизес, «принцип здоровых денег имеет два аспекта: позитивный — в смысле одобрения сделанного рынком выбора в отношении общепринятого средства обмена, и негативный — в том смысле, что он препятствует склонности государства к вмешательству в денежную систему»⁴.

Изъятие контроля за предложением денег из рук частных игроков, реагирующих на рыночные сигналы и стимулы, и передача его в ведение политического монополиста порождает две неразрешимые проблемы. Первая связана с отсутствием знаний и именно она лежит в основе, по выражению Мизеса, «положительного» аспекта аргументов в пользу твердых денег. Вторая касается стимулов, определяющих принятие решений теми, кто обладает законной монополией на эмиссию денег, и соответствует «отрицательному» аспекту в определении Мизеса.

Первая проблема состоит в том, что у политических властей отсутствуют необходимые знания для того, чтобы заранее определить количество денег, «оптимальное» для экономики в любой конкретный момент времени. Этого невозможно сделать без информации обо всех факторах, определяющих совокупный спрос на деньги в экономике. Такая информация не хранится в каком-то определенном месте, а разбросана по всей экономике, среди отдельных участников рынка, каждый из которых осведомлен лишь об относительной силе своего собственного желания приобрести и хранить наличность.

Сделанная индивидуумом оценка его потребности в наличности в конкретных обстоятельствах по необходимости субъективна, и другие люди смогут узнать о ней лишь *ex post* числом, т.е. путем реального наблюдения за графиком продаж и покупок этого индивидуума на рынке и соответствующими колебаниями суммы его денежных остатков. Но даже если мы сможем получить такую информацию, она вряд ли поможет нам в попытках предсказать, какое количество денег индивидууму понадобится в какой-то момент в будущем, поскольку это количество не является жестко фиксированным, а подвержено вариациям в результате как реально происходящих, так и ожидаемых изменений рыночных условий, т.е. изменений цен, ставок процента, прибыльности, стоимости капитальных активов и т.д. Эти непрерывные изменения объективных экономических величин, так же как и постоянный пересмотр определяемых ими индивидуальных ожиданий, с научной точки зрения, естественно, непредсказуемы.

Общий спрос на деньги в экономике нельзя оценить и путем учета исключительно «объективных» факторов, от которых зависят решения индивидуумов о хранении денег. Уже давно показано, что быстрое представление о том, что совокупный спрос на деньги якобы непосредственно и механически определяется различными макропеременными (такими как общий реальный объем производства) в сочетании с факторами, влияющими на «скорость» обращения денег (в их число входят, например, платежные обычаи данного сообщества, степень интеграции производственных процессов,

⁴ Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, H.E. Batson, trans. (Irvington-on-Hudson, N.Y.: The Foundation for Economic Education, Inc., 1971), p. 414.

уровень развития кредитных и клиринговых институтов и т.д.), несовместимо с фундаментом современной экономической теории — теорией выбора.

В конце XIX в. Карл Менгер и Леон Вальрас разработали микроэкономический подход к определению спроса на деньги как спроса на остатки наличности, который объясняет совокупный спрос на деньги на основе сознательных и субъективных решений индивидуумов хранить часть своего богатства в форме наличных денег⁵. Как справедливо указывает Д. Робертсон, такая концепция спроса на деньги «заставляет нас присмотреться к работе человеческого разума, вместо того чтобы привязывать понятие спроса к потоку неодушевленных товаров»⁶. Усматривая субъективные корни спроса на деньги в том, что Менгер называл «потребностью [индивидуума] в деньгах», а Вальрас описывал как «*encaisse désirée*» (желаемая кассовая наличность), предложенный ими подход справедливо ставит спрос на деньги на одну доску со спросом на любой другой товар в экономике.

Развивая идеи Менгера—Вальраса, Мизес впоследствии продемонстрировал серьезные недостатки их подхода, который не принимает во внимание индивидуальный выбор и субъективные оценки и предпочтения, на которых основывается спрос на деньги:

«Если мы хотим дать описание индивидуального спроса на деньги, следует начать с анализа того, что влияет на желание данного лица получать деньги и расставаться с ними.

Каждый экономический агент вынужден хранить определенный запас общих средств обмена, достаточный для покрытия возможных потребностей делового и личного характера. Потребное для этого количество средств обмена зависит от конкретных обстоятельств. На это количество влияют как привычки и индивидуальные особенности данного лица, так и общие характеристики организации общественного производства и обмена.

Но все эти объективные факторы всегда оказывают свое воздействие только в форме мотивов, которыми руководствуется индивид. Объективные факторы не в состоянии оказывать непосредственного влияния на фактическую величину спроса на деньги. Здесь, как и во всех других разделах экономической теории, решающее значение имеют только индивидуальные субъективные оценки отдельных экономических агентов. Запас покупательной способности двух индивидов, находящихся в одинаковых объективных обстоятельствах, может быть совершенно различным, если они по-разному оценивают преимущества и издержки обладания этим запасом»⁷.

⁵ Обсуждение вклада, внесенного Менгером и Вальрасом в развитие микроэкономического подхода, см.: Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory: From John Law to the Present Day*, Jane Degras, trans. (New York: Augustus M. Kelley Pub., 1966), pp. 345—353; о Менгере см. также: Karl Helfferich, *Money*, Louis Infield, trans. (New York: Augustus M. Kelley Pub., 1969), pp. 448—449; и Mises, *Theory of Money and Credit*, pp. 131—132 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2011].

⁶ D. H. Robertson, *Money* (Chicago: University of Chicago Press, 1966), p. 28.

⁷ Mises, *Theory of Money and Credit*, p. 132 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2011].

Теперь, после выяснения субъективной основы спроса на деньги, становится очевидно, что проблема недостаточной информации, встающая перед государственными менеджерами, управляющими предложением денег, ничем не отличается от проблемы, связанной с попытками централизованного планирования производства любого товара в экономике. В обоих случаях плановики неспособны своевременно получить точные сведения о спросе на их продукцию и тем самым обеспечить ее поставки в необходимом количестве, потому что они не могут воспользоваться объективным рыночным тестом на прибыли и убытки, который руководит решениями и поступками частных производителей. В случае денег решения об их поставках на рынок основываются на прибыльности золотодобычи в сочетании с предельным денежным продуктом, или чистой отдачей, на единицу золота в неденежных направлениях использования. В распоряжении политических менеджеров, управляющих предложением денег, просто не имеется сравнимых нерыночных критериев, позволяющих им объективно и точно оценивать потребность общества в их продукции.

Короче говоря, любой проект политизации и централизации решений относительно предложения общественного средства обмена в сущности представляет собой частный случай централизованного планирования в любом секторе экономики и страдает тем же самым общепризнанным дефектом: невозможностью найти работоспособную замену системе цен, которая позволяла бы быстро и эффективно доводить до сведения плановых органов огромное количество информации, рассеянной по всей экономике.

Сторонники твердых денег на основе золотого стандарта уже давно идентифицировали наличие этой информационной проблемы, порождаемой попытками политических властей узурпировать рыночную функцию предложения денег. Возможно, первым эту проблему четко и во всей полноте сформулировал полузабытый ныне теоретик-буллионист лорд Кинг. В 1803 г. он писал: «Не существует метода, позволяющего априори вычислить количество средств обращения, требующееся обществу в данных обстоятельствах; ...эта величина не определяется никакими правилами или критериями; и... ее истинные размеры задаются только фактическим спросом»⁸.

Во второй половине XIX в. Уильям Стэнли Джевонс также демонстрировал ущербность политического контроля за предложением денег, решительно и резко отстаивая ключевую роль рынка в определении и обеспечении надлежащего количества денег⁹. Перечислив факторы, которые вызывают непредсказуемые колебания спроса на деньги, Джевонс делает вывод: «единственный способ регулирования денежного обращения заключается в предоставлении деньгам полной свободы. Уровень денежного обращения должен устанавливаться таким же образом, как уровень воды; деньги

⁸ Lord King, *Thoughts on the Effects of the Bank Restrictions*, 2nd ed. (London, 1804), p. 27.

⁹ См.: W. Stanley Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange* (New York: D. Appleton and Co., 1899), pp. 307, 327—328.

должны свободно передвигаться из страны в страну, смотря по колебаниям торговли, которых ни одно правительство не может ни предусмотреть, ни задержать»¹⁰.

Джевонс резко возражал против любых бумажных денег, не обеспеченных на 100% золотым запасом: «Бумажное обращение должно расширяться и сжиматься в соответствии с количеством золота, помещенного на депозиты в обмен на бумажные деньги. В то же время не придется думать о количестве бумажных денег, выпущенных таким образом. Задача столь строгого регулирования — не управлять количеством, а позволять ему колебаться согласно естественным законам спроса и предложения. По моему мнению, именно выпуск бумажных представительных билетов, принимаемых вместо монеты, является произвольным вмешательством в естественные законы, управляющие колебаниями чисто металлической валюты...»¹¹

Этот аспект аргументов в пользу золотого стандарта был лаконично резюмирован в недавнем заявлении Ф. Хайека о том, что «никакая власть не может заранее установить „оптимального количества денег“, выявить это может только рынок»¹².

Рассмотрим теперь второй, или «отрицательный», аспект аргументации в пользу твердых денег. В его основе лежит идея о том, что передача политическим властям законной монополии на эмиссию денег неизбежно влечет за собой инфляцию. Причина этого очевидна. Собственно, как уроки истории, так и здравый смысл говорят нам о том, что любая группа, обладающая законной монополией в какой-то сфере экономики, без колебаний поставит эту монополию на службу своим собственным интересам.

В случае монополизированной правительством эмиссии декретных денег создание дополнительного количества денег во всех смыслах ничего не стоит. В то же время политические власти, особенно в условиях современной демократии, имеют сильные стимулы и широкие возможности для того, чтобы воспользоваться этой монополией. Например, денежная инфляция обеспечивает правительство дополнительными средствами, необходимыми для финансирования программ государственных расходов, которые позволяют политикам, находящимся у власти, «завоевать голоса». Денежная инфляция, вызванная экспансией банковского кредита, дает «дешевые деньги», необходимые для кратковременного увеличения инвестиций, занятости и реального выпуска, что опять же способствует популярности политиков, находящихся у власти. Наконец, инфляционная монетарная политика приносит политическим властям дополнительный фискальный урожай, облегчая реальное долговое бремя и усугубляя феномен «bracket creep» [перехода налогоплательщиков в группу, облагаемую по более высо-

¹⁰ Ibid., pp. 332—333 [Джевонс У. С. Деньги и механизм обмена. Челябинск: Социум, 2006. С. 179].

¹¹ Ibid., pp. 334—335.

¹² F. A. Hayek, *Denationalisation of Money — The Argument Refined: An Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies*, 2nd ed. (London: Institute of Economic Affairs, 1978), p. 77 [Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С. 135].

ким ставкам], который позволяет увеличить налоговые поступления без прямого повышения налоговых ставок.

Более того, поскольку публика слабо разбирается в процессе инфлирования денежной массы через современные монетарные и финансовые институты, государство может избежать ответственности за нежелательные последствия инфляции, такие как снижение реальных доходов и богатство населения. В распоряжении политиков всегда имеются козлы отпущения — ОПЕК, корпорации-монополисты, алчные профсоюзы, расточительные потребители, а также неблагоприятные погодные условия. И напротив, финансирование дефицита путем повышения налогов гораздо менее популярно, потому что всем ясно, за чей счет оно производится.

В свете этого анализа у нас имеется достаточно оснований считать государство институтом, инфляционистским по своей природе. Поэтому сторонники твердых денег полагаются на золотой стандарт как на единственное надежное средство против инфляции, потому что он является единственным монетарным режимом, который полностью отделяет государство от денег. Упразднение государственной монополии на эмиссию денег эффективно избавляет экономику от мощного стимула к возрастанию денежной массы, который порождается естественными инфляционистскими наклонностями политиков. При наличии товарных денег, функционирующих в условиях свободного рынка, которые нам дает подлинный золотой стандарт, совокупное количество денег в экономике полностью определяется действиями децентрализованных, ориентированных на рынок компаний и индивидуумов, чьи решения о предложении денег сдерживаются необходимостью инвестировать редкие, а потому дорогостоящие ресурсы в добычу дополнительных объемов золота или в перевод существующих запасов золота из неденежных в денежные области использования. Когда производство денежного товара определяется исключительно рыночными силами спроса и издержек производства, ценность денежной единицы надежно ограждена от произвольных политических манипуляций объемом денежной массы.

Монополистическую и инфляционистскую эксплуатацию жителей страны, являющуюся неизбежным результатом дарования какому-либо институту исключительного права на эмиссию денег, подметил уже на первых шагах развития денежной теории все тот же лорд Кинг. Он указывал, что выдавать Банку Англии любую «исключительную привилегию» на выпуск банкнот «так же несправедливо и политически вредно, как даровать монополию в любой другой отрасли промышленности или ремесла какому-либо частному торговцу или компании»¹³. Далее он утверждает, что законная привилегия на отказ обменивать банкноты на звонкую монету, полученная Банками Англии и Ирландии по закону о приостановлении размена 1797 г., привела к инфляции банкнот, выпущенных этими учреждениями, и обогатила их владельцев за счет общества в целом.

¹³ King, *Thoughts on the Effects of the Bank Restrictions*, p. 111.

Предвосхищая доводы современных монетарных теоретиков, Кинг называет инфляцию налогом на остатки наличности. Он отмечает, что во время обесценивания бумажных денег, вызванного инфляцией, общество облагается «косвенным налогом... не на благо всего народа, а на благо отдельных лиц. Он взимается самым пагубным образом и наименее продуктивен из всех налогов в смысле относительного бремени и причиняемых им неудобств»¹⁴.

Последующие монетарные теоретики классической школы в большинстве своем хорошо усвоили уроки лорда Кинга. Одним из его видных сторонников был Нассау Сениор, называвший произведения Кинга *locus classicus** в области защиты твердых металлических денег. По словам Сениора, «Сочинение лорда Кинга... содержит настолько полное, и по большей части настолько верное изложение теории бумажных денег, что после сорока лет обсуждений к нему почти нечего добавить и почти нечего исправлять»¹⁵. Сениор следующим образом формулирует, как он выражается, «принцип лорда Кинга»: «Бумажные деньги могут сохранять ценность, равную ценности представляемых ими металлических денег, лишь в том случае, если они „подлежат немедленному размену на звонкую монету по желанию владельца“... Право на выпуск неразменных денег, кем бы оно ни было получено или приобретено, в конце концов неизменно приводило к злоупотреблениям»¹⁶. Позже Генри Маклеод ссылаясь на «закон бумажных денег лорда Кинга»¹⁷, а Фрэнсис Уолкер говорил об «учении лорда Кинга»¹⁸.

В начале XX в. Мизес таким образом резюмировал классический антиинфляционистский аргумент в пользу золотого стандарта: «Причина для использования *товарных* денег состоит как раз в том, чтобы вывести ценность денежной единицы из-под прямого влияния политических факторов. Золото является стандартными деньгами не только из-за его блеска или физических и химических характеристик. Оно является стандартными деньгами главным образом потому, что рост или уменьшение его количества в обращении не зависят от воли политических властей. Отличительная черта золотого стандарта состоит в том, что изменения в количестве денег зависят от прибыльности добычи золота»¹⁹.

¹⁴ Ibid., p. 70.

* Классическое место (*лат.*). — *Прим. ред.*

¹⁵ Nassau Senior, Review of *A Selection from the Speeches and Writings of the Late Lord King*, *Edinburgh Review* (October 1846), p. 168.

¹⁶ Ibid., p. 169.

¹⁷ H.D. McLeod, "A History of Banking in Great Britain," in H.D. McLeod at al., *A History of Banking in All the Leading Nations*, 2 vols. (New York: Journal of Commerce and Commercial Bulletin, 1896), 2: 20; также см.: McLeod, *The Principles of Economical Philosophy*, 2 vols., 2nd ed. (London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1875), 2: 303—304.

¹⁸ Francis A. Walker, *Money* (New York: Augustus M. Kelley Pub., 1968), p. 352.

¹⁹ Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, Bettina Bien Greaves, trans. (Dobbs Ferry, N.Y.: Free Market Books, 1978), p. 22 [*Мизес Л. фон. Стабилизация денежной единицы с точки зрения теории // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2011*].

Почти 50 лет спустя, когда манипулируемый государством псевдозолотой стандарт Бреттон-Вудской системы бился в предсмертных судорогах, Мизес вновь решительно повторил аргументы в пользу золота, в первую очередь исходя из того, что «только золотой стандарт делает определение покупательной способности денежной единицы независимым от амбиций и действий диктаторов, политических партий и групп давления»²⁰.

С аргументацией в пользу золота соглашались даже те, кто полагал, что в теории идеальная монетарная система должна состоять исключительно из бумажных денег, количество которых находится под полным дискреционным контролем политических властей. Таких взглядов, например, придерживался выдающийся немецкий специалист в области теории денег Карл Гельфферих. В своей классической работе «Деньги», впервые изданной в 1903 г., Гельфферих писал, что при металлическом стандарте «ценность денег подвержена неустрашимым влияниям, которые невозможно регулировать никаким планом». Напротив, бумажные деньги, по его мнению, представляют собой «такую денежную систему... при которой контроль над ценностью денег находится в руках государства. При подобной организации денежная масса не зависит от явлений, более или менее от нас независимых... Сама природа такой денежной системы позволит в любой момент добиваться абсолютного равновесия между спросом на деньги и их предложением, тем самым обеспечивая стабильность ценности при полной независимости денег от любых экономических явлений». Таким образом, согласно Гельффериху, «соображения справедливости и общественный интерес, как и историческое развитие денег, явно указывают на бумажную валюту в чистом виде [т.е. декретные деньги. — Дж. С.] как на идеальную организацию денежной системы»²¹.

Проявив себя в теоретической сфере протомонетаристом, Гельфферих тем не менее утверждал, что «зависимость ценности денег от ценности драгоценных металлов будет оставаться и впредь наиболее желательным и нормальным состоянием дел»²². Свое мнение он обосновывает двумя причинами. Во-первых, «нам не хватает знаний» для того, чтобы судить о том, какой критерий должны применять денежные власти, пытаясь определить направление и степень колебаний спроса на деньги. (Проанализировав раннее правило индекса цен и предкейнсианское правило процентных ставок в качестве принципов, определяющих монетарную политику, Гельфферих их отвергает.) Во-вторых, «по меньшей мере столь же важными», как и проблема знаний, Гельффериху казались нежелательные, однако неизбежные последствия передачи какому-либо институту монопольного контроля над ценностью денежной единицы. Согласно Гельффериху, эта проблема заключается в том факте, что изменения предложения декрет-

²⁰ Mises, *On Current Monetary Problems* (Lansing, Mich.: Constitutional Alliance, Inc., 1969), p. 30 [Мизес Л. фон. О текущих денежных проблемах // Мизес Л. фон. Инфляция — абсолютное зло. Челябинск: Социум, 2012].

²¹ Helfferich, *Money*, pp. 619—620.

²² *Ibid.*, p. 620.

ных денег диктуются не только «требованиями денежной системы»: в этом отношении часто дает о себе знать «денежный голод государства»²³.

Поэтому Гельфферих подчеркивает, что «деморализацию экономической и социальной жизни», вызываемую нестабильностью денег, можно свести к минимуму лишь в том случае, если «поставить ценность денег в зависимость от ценности одного из драгоценных металлов, ценность которого не подвержена влиянию ни одной из экономических партий и свойства которого дают наибольшую гарантию относительной стабильности его ценности, чем для любого другого товара»²⁴. Ричард Вагнер недавно ссылаясь на этот аргумент в пользу золотого стандарта в контексте теории общественного выбора²⁵.

Противники золота также признают, что подлинный золотой стандарт может послужить надежной защитой от склонности политиков к инфляции. Можно упомянуть самого Милтона Фридмена, который давно говорит:

«Если бы деньги представляли собой исключительно физический товар... то в принципе у государства не возникало бы нужды их контролировать...»

Если бы имелась возможность создать автоматический товарный стандарт, он представлял бы собой превосходное решение либеральной дилеммы о том, как создать стабильные монетарные рамки, не подверженные угрозе безответственного распоряжения монетарными полномочиями. Абсолютный товарный стандарт (например, кристально честный [honest-to-goodness] золотой стандарт, при котором 100% денег состояло бы буквально из золота), пользовавшийся бы широкой поддержкой публики, пропитанной мифологией золотого стандарта и верой в то, что вмешательство государства в его функционирование аморально и предосудительно, представлял бы собой эффективное средство удержать правительство от махинаций с деньгами и от безответственных шагов в денежной сфере. При наличии такого стандарта государство обладало бы самыми минимальными монетарными полномочиями»²⁶.

В последнее время ряд признанных авторитетов в сфере монетарной теории и политики поднимали тему антиинфляционных последствий золотого стандарта, известных из теории и из истории. Например, Роберт Барро в недавнем исследовании делает вывод о том, что «по сравнению с режимом декретных денег ключевым элементом товарного стандарта является его потенциал автоматического саморегулирования и соответствующее отсутствие политического контроля за денежной массой и абсолютным уровнем цен...» Барро также отмечает, что «в реальности золотой стандарт действовал в течение долгого времени... в то время как мир еще не видел

²³ Ibid., p. 530.

²⁴ Ibid., p. 621.

²⁵ Richard E. Wagner, "Boom and Bust: The Political Economy of Economic Disorder," *Journal of Libertarian Studies* 4 (Winter 1980): 12—14.

²⁶ Milton Friedman, "Should There Be an Independent Monetary Authority?" in Leland B. Yeager, ed., *In Search of a Monetary Constitution* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962), pp. 220—222.

ни одной системы декретных денег, которой была бы присуща очевидная „стабильность“»²⁷.

Уильям Феллнер утверждает о наличии «значительной доли истины в заявлении о том, что декретные деньги в течение всей своей истории становились предметом злоупотреблений... что всегда вело к порче денег». Более того, согласно Феллнеру, «в качестве элемента пакета, включавшего в себя фактически неинфляционное управление спросом, размен на золото играл важную роль в прошлом... [и] когда состояние экономики при неравновесных валютах достаточно сильно ухудшалось, возврат к более здоровому монетарному состоянию обычно сопровождался возвратом к бумажным деньгам, размениваемым на звонкую монету»²⁸.

Наконец, Герберт Стейн недавно отмечал, что «едва ли можно вообразить себе гиперинфляцию и всю сопутствующую ей неопределенность в условиях, когда государство соблюдает обязательство продавать золото по фиксированной цене. Поэтому некоторые разновидности золотого стандарта могут быть полезными... служа гарантией того, что существует барьер, ограничивающий пределы инфляции»²⁹.

III. Основные характеристики подлинного золотого стандарта

Подобные осторожные выражения симпатии к золоту как к потенциально полезному средству сдерживания наиболее вопиющих эксцессов политического контроля над денежным обращением едва ли следует принимать за одобрение общих традиционных аргументов в пользу золотого стандарта. Ведь в изложенной выше аргументации заложено представление об идеальной монетарной системе, при которой государство полностью и навсегда лишено возможности манипулировать денежной массой. При идеальном режиме твердых денег состав, количество и ценность денежного товара определяются исключительно рыночными силами. Строго говоря, сторонники твердых денег не выступают именно за золотой стандарт, а согласны на любой товар, выбранный рынком в качестве всеобщего средства обмена. Программу твердых денег обычно формулируют в терминах золотого стандарта, потому что золото служит символом тех денег, которые в прошлом появились на свет благодаря многовековому процессу естественного отбора в условиях свободного рынка.

Сделав эту оговорку, вернемся к характеристикам «реального», или «подлинного», золотого стандарта, каким он понимается в контексте тра-

²⁷ Robert J. Barro, "Money and the Price Level Under the Gold Standard," *Economic Journal* 89 (March 1979): 31.

²⁸ William Fellner, "Gold and the Uneasy Case for Responsibly Managed Fiat Money," in Fellner, ed., *Essays in Contemporary Economic Problems: Demand, Productivity, and Population* (Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1981), p. 99.

²⁹ Herbert Stein, цит. по: Alan Reynolds, "Honest Money," *Reason: Free Minds and Free Markets* 14 (January 1983): 30.

диционных аргументов в пользу золота. Определяющие черты такой монетарной системы весьма выразительно сформулированы Милтоном Фридменом. По его словам, «настоящий, кристально честный [honest-to-God] золотой стандарт... это такой стандарт, при котором золото в буквальном смысле слова является деньгами, а деньги в буквальном смысле слова являются золотом, и любые сделки осуществляются буквально либо непосредственно в желтом металле, либо в кусочках бумаги, представляющих собой 100%-ные складские сертификаты на золото»³⁰.

Таким образом, при подлинном золотом стандарте денежная единица, фактически, так же как и юридически, является единицей веса золота — как в тех случаях, когда денежная единица носит название стандартной единицы веса, будь то «грамм» или «унция», так и в тех случаях, когда она имеет особое название, например «доллар» или «франк», конкретно обозначая стандартный вес денежного товара.

Хотя определенные типы государственного вмешательства в денежную систему совместимы с базовым критерием подлинного золотого стандарта, так же верно и то, что этот денежный стандарт может работать без всякого участия государства. Действительно, как отмечает Фридмен, «если в качестве внутренних денег используется товар, будь то чистый золотой стандарт или стандарт на основе раковин каури, принципы денежной политики очень просты. Их просто нет. Товарные деньги позаботятся о себе сами»^{31,32}.

Соответственно, при идеальном режиме твердых денег процесс увеличения денежного предложения полностью приватизирован. Добыча, чеканка, сертификация и хранение денежного товара производятся частными компаниями, конкурирующими друг с другом ради прибыли на ничем не ограниченном и полностью нерегулируемом рынке. Денежная масса состоит из золотых слитков различной формы и весовых номиналов, а также квитанций на золото в форме бумажных билетов или чековых депозитов до

³⁰ Friedman, “Has Gold Lost Its Monetary Role?” in Meyer Feldberg, Kate Jowell, and Stephen Mulholland, eds., *Milton Friedman in South Africa* (Johannesburg, South Africa: The Graduate School of Business of the University of Cape Town and The Sunday Times, n.d.), p. 34. (Выступление Фридмана в Кейптаунском университете, 2 апреля 1976).

³¹ Friedman, “Monetary Policy: Theory and Practice,” *Currency Competition*, October 1982, p. 2.

³² Сущность и функционирование чисто товарных денег подробнее освещаются в: Rothbard, “The Case for a 100 Per Cent Gold Dollar,” in Yeager, *In Search of a Monetary Constitution*, pp. 94—136; Rothbard, *Man, Economy, and State: A Treatise on Economic Principles*, 2 vols. (Los Angeles: Nash Publishing, 1970), 2: 661—764; idem, *What Has Government Done to Our Money?* (Novato, Cal.: Libertarian Publishers, 1978); Friedman, “Real and Pseudo Gold Standards,” in *Dollars and Deficits* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968), pp. 247—265; idem, *Essays in Positive Economics* (Chicago: The University of Chicago Press, 1970), pp. 206—210; idem, *A Program for Monetary Stability* (New York: Fordham University Press, 1959), pp. 4—9; idem, “Should There Be an Independent Monetary Authority,” in Yeager, *In Search of a Monetary Constitution*, pp. 220—224; Mark Skousen, *The 100 Percent Gold Standard: Economics of a Pure Money Commodity* (Lanham, Md.: University Press of America, Inc., 1980); Salerno, “The 100 Percent Gold Standard,” pp. 458—474.

востребования, которые принимаются в денежных сделках вместо физического денежного товара. Эти заместители денег в буквальном смысле представляют собой складские расписки, по первому требованию подлежащие размену на золото эмитировавшими их учреждениями, которые хранят специально предназначенные для этого резервы золота, величина которых точно соответствует их обязательствам до востребования. Тем самым, исключая случаи фальшивомонетничества, общее денежное предложение в экономике всегда равно общему весу хранящегося в денежных остатках у частных лиц и в резервах банков.

Общее предложение денег в сочетании с совокупным спросом населения на деньги определяет ценность, или покупательную способность, денег относительно других товаров и услуг на рынке. Так, например, если спрос на деньги повышается при неизменном объеме предложения денег, то покупательная способность денег возрастает. Иными словами, увеличивается альтернативное количество товаров и услуг, на которые можно обменять данную денежную единицу, например унцию золота; с другой стороны, выраженная в деньгах цена товаров и услуг снижается. Повышение покупательной способности денег также может произойти в результате сокращения предложения денег в условиях постоянного спроса на деньги. С другой стороны, снижение спроса на деньги или увеличение их предложения при прочих равных условиях приводит к снижению покупательной способности денежной единицы, проявляясь в общем повышении цен в экономике.

Как и покупательная способность денег, само количество денег зависит исключительно от рыночных условий, определяющих общий спрос на деньги и их предложение. Сюда входят общий спрос на золото для денежного и неденежного использования, а также денежные издержки добычи золота. Изменение любого из этих факторов влечет за собой изменение предложения денег в экономике.

Чтобы понять, как это происходит, давайте начнем с положения равновесия, когда предложение денег и спрос на них, а следовательно, и их покупательная способность постоянны. В этой ситуации золотодобывающие компании максимизируют свою денежную прибыль, за год производя золота ровно столько, сколько его расходуется, т.е. уничтожается, в сфере денежного обращения в течение года в результате, например, износа. В такой равновесной ситуации чистая отдача на единицу (скажем, на унцию) золота, используемого в промышленном производстве, как правило, равна эквивалентному весу денежного золота.

Усовершенствования в технологии золотодобычи, а также открытие новых, более доступных месторождений разрушают первоначальное равновесие, снижая затраты на золотодобычу и увеличивая ее прибыльность, что приводит к повышению годового производства золота. При неизменном спросе на деньги увеличение предложения денежного товара приводит к общему повышению цен и к уменьшению покупательной способности денег, так как за одну унцию золота на рынке теперь можно купить меньше товаров и услуг.

Общий рост цен в экономике включает и цены на товары, в производстве которых золото применяется как сырье, таких как украшения, зубные протезы и различные электронные товары. В результате единица золота, используемая в промышленном производстве, в пересчете на монетарное золото дает большую прибыль, чем ее собственный вес, что поощряет предпринимателей к тому, чтобы направить дополнительные объемы золота на производство различных потребительских товаров и средств производства. В свою очередь увеличение производства этих товаров постепенно приводит к снижению цен на них и устраняет разницу между ценностью монетарного и немонетарного золота. Таким образом, передача части дополнительного золота для немонетарного использования смягчает воздействие увеличения добычи золота на предложение денег. Тем не менее в новом равновесии предложение монетарного золота возрастет, приводя к общему повышению цен или снижению покупательной способности денег.

В противоположном случае, когда издержки производства денежного металла возрастают, например вследствие истощения самых доступных месторождений золота, годовое производство золота сокращается. В долгосрочном плане это влечет за собой уменьшение промышленного применения золота, а также сокращение предложения денег, и соответственно общее падение цен, или повышение покупательной способности денег.

Поэтому хотя изменение денежных издержек на добычу золота действительно сказывается на денежной массе, этот эффект, как правило, минимален. Причина этого в том, что золото является чрезвычайно редким, но в то же время крайне долговечным товаром, и его годовое производство составляет незначительную долю от имеющегося запаса. В результате даже относительно большое снижение или повышение издержек производства золота не приведет к крупным краткосрочным колебаниям предложения денег.

Количество денег зависит также от сил, действующих на стороне спроса. Например, повышение спроса на деньги при прочих равных условиях приведет к общему снижению цен в экономике, включая снижение цен на ресурсы, используемые при добыче золота. Соответственно производство золота станет более прибыльным по сравнению с производством других товаров и услуг. Предприниматели реагируют на это, увеличивая добычу на уже действующих рудниках, вводя в строй старые рудники, прежде признанные убыточными по сравнению с производством других товаров и услуг, и начиная разработку известных, но до этого бывших субпредельными золотых месторождений. Кроме того, увеличиваются инвестиции в поиск новых источников золота и в разработку новых, менее затратных методов извлечения его из руды. Более того, повышение монетарной цены золота дает частным лицам стимул к тому, чтобы переводить дополнительное количество имеющегося золота из сферы промышленного и потребительского использования в сферу монетарного использования. Таким образом, повышение рыночного спроса на деньги, поначалу удовлетворяемое ростом покупательной способности денежной единицы, приводит к постепенному увеличению предложения денег, которое в долгосрочном плане

компенсирует первоначальное снижение цен и возвращает покупательную способность денег на прежний уровень.

И наоборот, снижение спроса на деньги вызывает общее повышение цен, в том числе приводя к росту затрат на золотодобычу. Последнее, в свою очередь, снижает прибыль золоторудных компаний, и производство металла начинает сокращаться. Кроме того, общий рост цен в экономике распространяется на все промышленное сырье, включая золото, и это служит стимулом к выводу некоторого количества золота из сферы денежных остатков в сферу промышленного использования. Работа этих сил в конечном счете приводит к сокращению предложения денег, которое отчасти компенсирует первоначальный рост цен и восстанавливает прежнюю покупательную способность денежной единицы.

Данный анализ факторов, определяющих количество и покупательную способность денег при чистом товарном стандарте, позволяет дать ответ на два традиционных и взаимосвязанных возражения против золотого стандарта.

Первое из них состоит в том, что предложение золота и, следовательно, предложение денег определяется «произвольно», поскольку они зависят от таких случайных факторов, как открытие новых месторождений и технологические усовершенствования в золотодобыче. Однако применять в таком контексте понятие «произвольности» смешно и даже бессмысленно, поскольку изменения в доступности естественных ресурсов, как и достижения технологии, влияют на объемы производства нефти, меди, пшеницы — собственно говоря, любых товаров на рынке. Более того, в случае золота чисто случайные открытия новых месторождений и усовершенствование методов добычи уже давно перестали существенно сказываться на ежегодных объемах производства золота. Причем такое упорядочивание производства золота произошло в результате работы самого рынка. В новаторской статье «Causes of Changes of Gold Supply»³³, к сожалению, не привлекая к себе того внимания, которого она заслуживает, Фрэнк Пэйш отмечал: «Способность экономических сил ускорять или откладывать истощение существующих месторождений, а также стимулировать либо затруднять открытие новых месторождений в наше время столь велика, что изменения в объемах производства золота сейчас носят гораздо менее „случайный“ и гораздо более „индуцированный“ (induced) характер, чем полвека назад. Вообще говоря, сегодня у нас нет причин предполагать, что производство золота менее чувствительно к колебаниям цен, чем производство других товаров»³⁴.

Второе обвинение, обычно предъявляемое золотому стандарту, заключается в том, что он не в состоянии обеспечить потребности растущей экономики в деньгах. Предполагается, что для того, чтобы финансировать покупки все большего количества товаров и услуг, появляющихся на рынке

³³ F.W. Paish, *The Post-War Financial Problem and Other Essays* (London: Macmillan & Co. Ltd., 1950), pp. 149—186.

³⁴ *Ibid.*, p. 151.

благодаря экономическому росту, необходимо увеличивать предложение денег. Золотой стандарт не позволяет производить требуемое увеличение предложения денег в нужное время и в нужной пропорции. Следствием же недостатка денег станет остановка экономического роста, а возможно, и глубокая депрессия.

Однако при кажущейся правдоподобности эти рассуждения не выдерживают критики, поскольку игнорируют механизм спроса и предложения, работающий на свободном рынке денег. Как мы видели выше, рынок гарантирует, что для исполнения роли средства обмена достаточно любого количества денег, так как в зависимости от условий спроса и предложения их покупательная способность изменяется. Экономический рост, а соответственно и увеличение запасов товаров, которые продавцы стремятся обменять на деньги, влечет за собой общее повышение спроса на деньги. Таким образом, если количество денег остается неизменным в условиях роста реального выпуска, результатом станет общее снижение цен в экономике и соответствующее повышение покупательной способности денег. Поскольку теперь каждая денежная единица может быть обменена на большее число товаров и услуг, то прежнего количества денег хватает для финансирования возрастающего объема сделок.

Но на этом процесс ни в коем случае не останавливается. Общее снижение цен, вызванное повышением спроса на деньги, непосредственно стимулирует увеличение предложения денег. С одной стороны, добыча золота становится более прибыльной. С другой стороны, снижается использование золота в сфере промышленного производства. В результате за счет двух этих источников золота происходит возрастание денежных остатков населения. Увеличение предложения денег замедляет темпы падения цен в экономике. Таким образом, в условиях подлинного золотого стандарта рост реального производства естественным образом приводит к росту предложения денег.

Наконец, позвольте мне рассмотреть возражение, выдвигаемое конкретно против золотого стандарта со 100%-ным резервированием, как правило, сторонниками системы частичного резервирования на золотой основе, или системы «свободного» банковского дела. Эти критики утверждают, что предъявление банкам требования поддерживать 100%-ный резерв представляет собой неоправданное вмешательство в работу банковской системы, функционирующей в условиях свободного рынка, в то время как соображения прибылей и убытков требуют от банкиров держать в золоте лишь небольшую часть суммы, соответствующей их обязательствам до востребования.

Ошибка, лежащая в основе этого возражения, состоит в том, что оно путает учреждения двух совершенно разных типов. Учреждение первого типа — назовем его «банком» — оказывает влияние на предложение денег. Учреждение второго типа, который за неимением более пригодного определения мы будем называть *взаимным фондом денежного рынка* (money market mutual fund), оказывает лишь косвенное влияние на денежную массу, воздействуя на спрос на деньги. Оба эти института могут и, вероят-

но, будут существовать как результат исключительно частных контрактных установлений, совместимых с монетарным режимом свободного рынка. Вся проблема состоит лишь в точном определении этих контрактных установлений.

В случае банка требование о 100%-ном резерве не навязывается банкирам по произволу внерыночных сил, а диктуется самой природой роли банка как склада денег. Возможно, такое учреждение и не следовало бы называть «банком», но это другой вопрос.

Для нас важно то, что если люди в целом ощущают потребность по тем или иным причинам хранить часть своих денежных остатков не дома и не на работе, предприниматели в условиях свободного рынка будут инвестировать в строительство денежных складов. Такая компания будет принимать вклады в золоте и хранить их по условиям, оговоренным в контракте, который заключается со вкладчиком, по ценам, определенным на конкурентном рынке. Такая сделка не является кредитной. Золото вкладчиков не *ссужается* денежному складу, чтобы тот распоряжался им, как сочтет нужным (в течение оговоренного периода времени), а выдается ему на условиях залога именно с целью сохранения. По условиям залога, депонент передает свое имущество в физическое владение хранителю для оговоренной цели. Если доверенное лицо воспользуется этой собственностью в каких-либо иных целях, помимо оговоренных в контракте, оно нарушит соглашение и совершит мошенничество в отношении депонента.

Таким образом, денежный склад, работающий на свободном рынке, обязан всегда держать у себя золото вкладчиков в полном объеме. Попытка ссудить его третьей стороне, очевидно, является нарушением контракта.

Ничего не изменится от того, что складские расписки, или денежные сертификаты, выданные складом вкладчикам, которые уполномочили компанию на физическое владение их золотом на условиях, записанных в контракте, будут использоваться вместо денег в качестве средства обмена. Если склад выпустит и ссудит своим клиентам дополнительное количество (псевдо-)расписок, а потом погасит их, используя золото вкладчиков, он все равно совершает мошенничество в отношении них, даже если всегда будет иметь в своем распоряжении резерв золота, с лихвой достаточный для удовлетворения всех требований о погашении расписок. Точно так же портной обманет клиента, дав напрокат третьей стороне смокинг, оставленный ему для починки, даже если портной примет специальные меры к тому, чтобы смокинг оказался на месте, когда владелец явится за ним с выданной ему квитанцией.

Короче говоря, при монетарном режиме свободного рынка банки обязаны хранить золотой резерв, на 100% обеспечивающий их банкноты и депозиты до востребования именно из-за наличия прописанных в договоре условий, на которых выпущены эти заместители денег. В этом отношении на свободном рынке банки берут на себя те же самые юридические обязательства, что и владельцы инкассаторских броневикулов в современной экономике. Деньги ссужаются последним на условиях выполнения конкретных задач по перевозке и временному хранению. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь все-

рьез стал говорить, что юридические обязательства, по которым эти компании получают в свое физическое обладание всю сумму денег, на которую они выдали расписки, представляют собой произвольное вмешательство в работу свободного рынка.

Однако существует второй тип небанковских учреждений, который с высокой вероятностью возникнет и будет процветать на неограниченном рынке монетарных и финансовых услуг, оказывая существенное, хотя и косвенное влияние на денежную массу. Прототипом таких учреждений являются нынешние взаимные фонды денежного рынка.

В отличие от банков как денежных складов взаимные фонды не занимаются хранением денег. Их функция, определенная контрактными обязательствами, состоит в том, чтобы управлять портфелем краткосрочных инвестиций с фиксированным доходом в интересах инвесторов или акционеров. Фактически во владении каждого акционера находится не конкретная денежная сумма, а пропорциональная доля инвестиционного портфеля. Таким образом, акции инвестиционных фондов представляют собой требования собственника не на деньги, а на неденежные финансовые активы, срок платежа по которым фактически наступает каждый день. Чеки, выписываемые на инвестиционный фонд — это просто-напросто приказ менеджеру фонда ликвидировать определенную часть доли данного акционера в портфеле активов и выплатить ее третьей стороне в соответствии с условиями контракта между менеджерами фонда и акционерами.

В условиях денежной системы свободного рынка вследствие специфических контрактных установлений, определяющих их существование и функционирование, взаимные фонды юридически не обязаны хранить 100%-ный золотой резерв, как и вообще какой-либо резерв. Впрочем, вполне возможно, что некоторые фонды, например с целью повысить свою привлекательность для более осторожных пайщиков, предлагают инвестиционные портфели, содержащие значительную долю денег или складских расписок на деньги. Например, фонд может предлагать портфель, на 20% состоящий из инвестиций в денежное золото. В таком случае менеджеры фонда по контракту будут обязаны всегда держать 20% активов фонда в виде золота. Называть ли такое учреждение «банком с частичным резервированием» или нет — вопрос несущественный. Для сторонника подлинного золотого стандарта со 100%-ным резервированием важно то, что такая финансовая система есть результат частных договорных отношений и потому совместима со свободным рынком денег.

В случае взаимного фонда, чьи активы отчасти существуют в форме денег, его паи являются требованиями собственника на денежные остатки, а также на неденежные финансовые активы. Такой фонд фактически является гибридным учреждением, частично функционирующим как денежный склад, а частично — как банк. Поэтому его денежные активы должны пропорционально распределяться между денежными остатками отдельных пайщиков и учитываться в совокупном предложении денег.

Инвестиционные фонды, как чистого, так и гибридного типа, не только полностью соответствуют принципам подлинного золотого стандарта,

но нетрудно себе представить, что при денационализованном монетарном режиме их паи превратятся в предпочтительное средство платежа в экономике. Это приведет к резкому снижению спроса на деньги, а соответственно и на золото, используемое в монетарной сфере, большая часть которого постепенно переместится в сферу немонетарного использования. В предельном случае следствием такой ситуации станет почти полное исчезновение из обращения золотых денег, и в монетарной сфере останется лишь незначительная часть накопленных запасов золота исключительно как средство для клиринговых расчетов между взаимными фондами, чьи паи останутся единственными средствами платежа, применяемыми широкой публикой.

Хотя этот гипотетический сценарий едва ли осуществится на практике, он служит иллюстрацией того, каким образом рыночные силы могут уменьшить пресловутые «ресурсные издержки» подлинного золотого стандарта. Только в этом случае, в отличие от случая монополии государства на выпуск декретных денег, будет иметь место подлинная экономия издержек, потому что она станет следствием добровольного выбора участников рынка.

IV. О правиле цены золота

Радикально расходясь во взглядах со сторонниками подлинного золотого стандарта, стремящимися положить конец монетарной политике государства, полностью денационализовав процесс предложения денег, сторонники правила цены золота выступают за интеграцию золота в существующую систему декретных денег, с тем чтобы улучшить проведение государственной монетарной политики.

Например, экономист Алан Рейнольдс, решительный сторонник монетарной политики, основанной на правиле цены золота, утверждает: «Цель золотого стандарта — повысить эффективность и предсказуемость монетарной политики путем создания гибкой сигнальной системы и механизма по созданию баланса между предложением денег и спросом на деньги при стабильных ценах»³⁵. В другом месте он пишет: «Ключевая проблема, однако, состоит в том, оценивать ли монетарную политику с помощью таких неуклюжих инструментов, как агрегат M1, т.е. по ее результатам. Когда чувствительные цены [например, цена золота. — Дж. С.] снижаются, [это означает, что] деньги слишком зажаты; когда цены растут, [это означает, что] денег слишком много»³⁶.

Два других видных сторонника правила цены золота, Артур Лаффер и Чарльз Кэдлек, считают, что «цель золотого стандарта — не в том, чтобы превратить каждую долларовую бумажку в расписку на получение эквивалентного количества золота, а в том, чтобы обеспечить центральный

³⁵ Reynolds, *Testimony before the United States Gold Policy Commission*, Political and Economical Communications (Morristown, N.J.: Polyconomics, Inc., 1981), p. 15.

³⁶ Reynolds, "The Monetary Debate," p. 26.

банк операционным правилом, которое облегчит поддержание стабильного уровня цен»³⁷.

Представитель того же лагеря Джек Кемп указывает: «Новой целью монетарной политики должен стать какой-то показатель, отражающий уровень цен... В этом отношении может принести пользу механизм учетной ставки, поскольку он способствует тому, чтобы объем предложения денег в краткосрочном периоде соответствовал спросу на деньги. Это позволит избежать крупных и ненужных колебаний процентных ставок и выпуска, вызванных количественным правилом. Однако мы тагитируем стабильный уровень цен, а не стабильные процентные ставки»³⁸.

Наконец, по словам Джуда Ванниски, «цель стабилизации цены золота — не инфляция или дефляция, а восстановление стабильной счетной единицы... Деньги — это идея, стандарт, единица счета, которая должна сохранять постоянное значение, вне зависимости от предлагаемого количества единиц»³⁹.

Самое главное в приведенных выше цитатах — явная или неявная характеристика золотого стандарта как «механизма», сознательно созданного для осуществления конкретных политических целей — таких как «стабильный уровень цен», которые поставили перед собой государственные финансисты. В конечном счете именно подобное понимание природы и роли денег, лежащее в основе такого отношения к золотому стандарту, встает непреодолимым барьером между традиционными и современными защитниками монетарного режима на основе золота. Подробнее мы рассмотрим этот момент после того, как объясним, почему правило цены золота не является подлинным золотым стандартом.

Фридмен удачно определил псевдозолотой стандарт как «систему, при которой золото, вместо того чтобы являться деньгами и определять политику страны, представляет собой товар, цена на который устанавливается государством»⁴⁰. Хотя Фридмен имел в виду международную валютную систему в 1934—1971 гг., его характеристика пригодна и для различных проектов монетарного режима, основанного на правиле цены золота. Собственно говоря, сторонники правила цены золота сами указывают на Бреттон-Вудскую систему как на историческое воплощение сущности их предложений⁴¹.

В принципе, при следовании правилу цены золота на Федеральный резерв возложена задача поддерживать фиксированную цену золота в долларах. Однако само золото представляет собой не деньги, а «внешний стандарт», цену которого Федеральный резерв устанавливает в пересчете на существующие декретные доллары. Нет также необходимости в том,

³⁷ Arthur B. Laffer and Charles W. Kadlec, “The Point of Linking The Dollar to Gold,” *Wall Street Journal*, October 13, 1981, p. 32.

³⁸ Kemp, “The Renewal of Western Monetary Standards,” p. 32.

³⁹ Jude Wanniski, “The Interest-Rate Mystery,” *Wall Street Journal*, April 2, 1982, p. 22.

⁴⁰ Friedman, “Has Gold Lost Its Monetary Role?” p. 36.

⁴¹ См., например: Kemp, “The Renewal of Western Monetary Standards,” p. 32; и Mundell, “Gold Would Serve into the 21st Century,” p. 32.

чтобы сам Федеральный резерв непосредственно занимался покупкой и продажей долларов за золото с целью поддержания фиксированной цены на него. «Интервенционный актив», т.е. тот актив, который Федеральный резерв обменивает на рынке на золото, вполне может быть государственными ценными бумагами, иностранной валютой или любым товаром. Все, что требуется от Федерального резерва — продавать на открытом рынке какие-либо активы за доллары, когда цена золота растет, тем самым снижая объем денежной массы и возвращая цену золота к «целевому» уровню. Если цена золота начинает снижаться, Федеральному резерву следует покупать на рынке золото или иные активы, инфлируя предложение долларов, что возвращает цену золота на «целевой» уровень.

Используя цену золота как показатель, отражающий общий уровень цен, сторонники правила цены золота надеются стабилизировать покупательную способность декретного доллара. Если из этого лагеря время от времени и раздаются невнятные пожелания вернуть в обращение золотую монету⁴², совершенно очевидно, что правило цены золота предлагается не затем, чтобы у нас были подлинные золотые деньги.

Фактически при таком режиме само золото может вообще не играть никакой роли. Как указывают Артур Лаффер и Марк Майлз, внешним стандартом «может служить один товар или корзина товаров (ценовой индекс)»⁴³. Собственно, недавно в адрес Федерального резерва прозвучали призывы учредить ценовое правило на основе тагетирования индекса цен на товары с немедленной поставкой⁴⁴.

Ценовое правило, очищенное от терминологии золотого стандарта, может рассматриваться как ориентир для денежных властей при управлении предложением декретной валюты. В этом отношении оно похоже по своей природе, если не по техническим деталям, на количественное правило, предлагаемое монетаристами. Это совершенно очевидно следует из слов Лаффера и Майлза, признающих, что «в неизменном мире, где вся информация бесплатна и доступна, разумеется, будет действовать „количественное правило“, соответствующее данному „ценовому правилу“»⁴⁵.

В таком случае этот, так сказать, «монетаризм ценового правила» уязвим для критики по тем же самым основаниям, что и традиционный «монетаризм количественного правила». Самая серьезная претензия к обоим разновидностям монетаризма состоит в том, что они не в состоянии устранить фундаментальную причину инфляции, а именно монополию государства на предложение денег. Встроенный инфляционный уклон политического процесса практически гарантирует, что и количественное правило, и ценовое правило будут проигнорированы или подвергнуты пересмотру всякий раз,

⁴² Mundell, “Gold Would Serve into the 21st Century,” p. 32 и Laffer, *Reinstatement of the Dollar*, p. 7.

⁴³ Arthur B. Laffer and Marc A. Miles, *International Economics in an Integrated World* (Oakland, N.J.: Scott, Foresman and Co., 1982), p. 399.

⁴⁴ См.: Reynolds, “The Monetary Debate,” p. 26; и Laffer and Kadlec, “Has the Fed Already Put Itself on a Price Rule?” *Wall Street Journal*, October 28, 1982, p. 30.

⁴⁵ Laffer and Miles, *International Economics in an Integrated World*, p. 401.

как это понадобится государственным менеджерам, управляющим предложением денег.

За свидетельствами о том, насколько успешно удавалось правилу цены золота ограничить наплыв государственных декретных денег, можно обратиться к истории. За примером далеко ходить не придется — достаточно сослаться на почившую в бозе и никем не оплакиваемую Бреттон-Вудскую систему (1946—1971 гг.). При этой системе «фиксированных обменных курсов» денежные власти США следовали правилу цены золота, покупая и продавая золото по официально установленной цене в 35 долларов за унцию. В свою очередь, зарубежные денежные власти следовали правилу цены доллара, поддерживая фиксированный курс обмена своих валют на доллар. По словам Лаффера и Майлза, «пока правила системы выполнялись, увеличение объемов любой валюты ограничивалось жесткими соотношениями обмена валют друг на друга и на золото»⁴⁶.

К сожалению, «правила системы» многократно и постоянно нарушались или игнорировались, в том числе в виде открытой корректировки ценовых правил, т.е. девальваций валютного курса, когда они становились препятствием для инфляционной политики, проводимой тем или иным национальным правительством. Стоит ли говорить, что Бреттон-Вудская система не предотвратила инфляции в мировом масштабе, которая поставила систему на колени в 1968 г. и привела к ее окончательному краху в 1971 г.?

V. Деньги: инструмент экономической политики или общественный институт?

Из этого краткого обзора правила цены золота становится очевидно, что его сторонники разделяют доминирующий в наше время взгляд на деньги как на «инструмент» государственной политики. Согласно этому взгляду, монетарная система сознательно и рационально строится или должна строиться таким образом, чтобы как можно эффективнее содействовать достижению различных макроэкономических целей, которые ставит перед собой правительство. Цели экономической политики формулируются и ранжируются в соответствии с критериями, которые вырабатываются независимо от оценок и предпочтений рыночных игроков, выражаемых в структуре количеств и цен, стихийно складывающейся в экономике свободного рынка, а зачастую и вопреки этим оценкам. Исходя из этой точки зрения, та степень, в которой данная монетарная политика оценивается как «оптимальная», зависит от того, насколько ей удастся изменить ход стихийных микроэкономических процессов в экономике, чтобы привести к макроэкономическим результатам, совпадающим с поставленными целями экономической политики.

Таким образом, аргументация тех, кто выступает за золотой стандарт по причине его превосходства или оптимальности как инструмента моне-

⁴⁶ Ibid., p. 260.

тарной политики, мало отличается от аргументации сторонников декретных денег. Все аргументы обеих сторон посвящены почти исключительно вопросу о том, какие средства, т.е. какая монетарная политика, более всего подходят для достижения определенных выявляемых и поддающихся количественной оценке целей макроэкономической политики, чья желательность — за исключением возможных разногласий, касающихся методов присвоения весов и статистического выражения результатов, — никем не оспаривается.

В число тех целей, к которым должна приводить успешная монетарная политика, обычно входят: поддержание стабильной стоимости денежной единицы или, точнее говоря, стабильности того или иного индекса цен, например индекса потребительских цен, дефлятора ВВП или индекса цен на биржевые товары; подавление циклических колебаний посредством стабилизации различных статистических агрегатов и средних, таких как уровень безработицы, индекс ВВП, индекс промышленного производства и т.д.; поддержание высокого уровня реального экономического роста, опять же оцениваемого по поведению различных статистических индикаторов; стабильность «реальных» процентных ставок.

Вопрос о том, должны ли процессы, протекающие на свободном рынке, модифицироваться в интересах достижения этих внерыночных целей макроэкономической политики путем манипуляций государства с предложением денег — т.е. должно ли государство вообще проводить какую-либо монетарную политику, — очевидно, даже не ставится теми, кто открыто рассматривает деньги как политический инструмент, специально приспособленный именно для такого конкретного употребления.

Короче говоря, аргументы сторонников золота как инструмента экономической политики основаны на специфическом отношении к феномену денег, которое они разделяют с противниками золота и которое, как будет показано ниже, решительно отвергается сторонниками твердых денег. Это отношение состоит в том, что деньги представляют собой механизм, сознательно спроектированный и реализованный на практике ради выполнения известных целей. Эти задачи ставит перед собой небольшая группа согласованно действующих лиц, а именно государственных плановиков, и поэтому задачи эти немногочисленны, поддаются единообразному и последовательному ранжированию и могут быть легко доведены до сведения тех, кто определяет устройство монетарной системы. Вслед за Хайеком отношение к монетарным институтам, возникающее из такой предпосылки, можно назвать «конструктивизмом»⁴⁷.

Конструктивистский подход к природе и функциям денег логически связан с определенным представлением о возникновении денег. Согласно это-

⁴⁷ Поучительную критику конструктивистского подхода к социальным явлениям см.: Hayek, "Kinds of Rationalism," in idem, *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (New York: Simon & Schuster, 1969), pp. 82—95; и idem, "The Errors of Constructivism," in idem, *Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas* (Chicago: University of Chicago Press, 1978), pp. 3—22.

му взгляду деньги появились на свет вследствие вне рыночного общественного соглашения или были созданы юридическим декретом как полезная условность для борьбы с неэффективностью и проблемами прямого обмена товарами.

Одним из ранних сторонников представления о конвенционалистском возникновении денег был представитель классической монетарной теории Давид Юм. Ему принадлежит следующее известное высказывание: «Деньги не составляют предмета торговли в собственном смысле слова; они суть только орудие, которое люди, по общему соглашению, употребляют для того, чтобы облегчить обмен одного товара на другой. Это не одно из колес торговли, а масло, благодаря которому движение колес становится более плавным и свободным»⁴⁸. В другом месте Юм пишет, что деньги имеют «преимущественно фиктивную ценность, возникающую в результате установлений и соглашений между людьми...»⁴⁹

Современные монетарные конструктивисты как про-, так и антизолотой направленности вполне согласны с юмовско-конвенционалистским представлением о происхождении денег, поскольку оно служит обоснованием для их веры в то, что монетарные институты могут и должны целенаправленно модифицироваться в соответствии с теми политическими целями, на службу которым они поставлены. В конце концов, если деньги некогда были «изобретены» как инструмент, пригодный для решения определенных задач, то мы без всяких колебаний можем перепроектировать его, с тем чтобы повысить его эффективность или приспособить для выполнения других, новых, задач.

Традиционные сторонники золотого стандарта отвергают, по крайней мере неявно, такое конструктивистское отношение к деньгам как к политическому инструменту, взамен предлагая концепцию денег как стихийно возникшего и развивающегося общественного института, ни в коем случае ни «спроектированного» (designed) — какой бы смысл ни вкладывался в это слово, — ни служащего для решения какой-либо конкретной задачи или набора политических целей. С этой точки зрения деньги являются интегральным элементом рыночной экономики, чья функция состоит в том, чтобы содействовать координации и достижению множества не связанных друг с другом и несформулированных целей, одновременно преследуемых отдельными участниками процесса денежного обмена. В этом контексте важны не различные макростатистические результаты процесса, а та степень, в которой любые участвующие в нем лица добиваются успеха в достижении намеченных ими целей, известных только им самим. Процесс денежного обмена содействует успеху этого множества индивидуальных и децентрализованных, но в то же время взаимно обусловленных усилий, заключая в текущих (и ожидае-

⁴⁸ David Hume, *Writings on Economics*, Eugene Rotwein, ed. (Madison: Wis.: The University of Wisconsin Press, 1970), p. 33. [Юм. Бентам / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1895. С. 20.]

⁴⁹ *Ibid.*, p. 48.

ных) ценах гигантское количество информации, необходимое каждому отдельному рыночному игроку для реализации своих намерений путем адаптации своих планов и поступков к планам и поступкам всех остальных рыночных игроков.

Хайек четко противопоставляет эту концепцию денег как института социальной координации концепции денег как инструмента государственной политики: «Единственное монополистическое правительственное агентство не может, во-первых, владеть информацией, из которой должно было бы исходить предложение денег, а во-вторых, даже если бы оно знало, что необходимо делать в общих интересах, оно, как правило, оказалось бы не в состоянии действовать соответствующим образом. В самом деле, если, как я убежден, главное преимущество рыночного порядка состоит в том, что цены сообщают деятельным людям всю необходимую информацию, только постоянное наблюдение за текущими ценами конкретных товаров может информировать нас о том, на что следует тратить больше или меньше денег. Деньги не являются инструментом политики, которая может достичь точных предсказуемых результатов путем контроля за их количеством. Они должны быть частью саморегулирующегося механизма, который побуждает людей постоянно приспосабливать свою деятельность к обстоятельствам, информацию о которых они получают только через абстрактные ценовые сигналы. Цены должны быть рабочим звеном в процессе, сообщающем о результатах событий, никогда и никому полностью не известных, звеном, необходимым для поддержания такого порядка, при котором достигается взаимосогласование планов его участников»⁵⁰.

Сразу же возникает вопрос: если мы перестанем относиться к деньгам как к политическому инструменту и начнем рассматривать их как стихийно возникший общественный институт, чья основная функция — координация децентрализованных планов рыночных агентов, то как отличить «хорошие» деньги от «плохих» денег? Полный ответ на этот вопрос требует понимания того, каким образом деньги стихийно возникли в рамках рыночной экономики.

Карл Менгер в своем новаторском исследовании демонстрирует, что деньги являются «органическим» или «непреднамеренно созданным» общественным институтом, представляя собой «непреднамеренный результат бесчисленных стремлений хозяйствующих субъектов к индивидуальным интересам»⁵¹. Как заключает Менгер, «деньги не установлены государством, они не продукт законодательного акта, и санкционирование их государственной властью вообще чуждо поэтому понятию денег. Функциони-

⁵⁰ Hayek, *Denationalisation of Money*, p. 98. [Хайек Ф. Частные деньги. М.: ИНМЭ, 1996. С. 165—166.]

⁵¹ Carl Menger, *Problems of Economics and Sociology*, Louis Schneider, ed. and Francis J. Nock, trans. (Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1963), p. 158. [См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 418.]

рование определенных товаров в роли денег образовалось естественно на почве экономических отношений, без государственного вмешательства»⁵².

Более того, как отмечает Менгер, точно таким же образом на свет появилось вообще множество институтов, приносящих пользу обществу⁵³. Но такие сложные «органические» социальные институты, включая деньги, в силу своего стихийного возникновения и развития очень сильно напоминают другое порождение рыночных процессов — более простые экономические явления, объяснение которых представляет собой общепризнанную задачу экономической теории. По словам Менгера, «право, язык, государство, деньги, рынки, все эти социальные явления в их различных формах проявления и в их постоянном движении в весьма значительной степени суть несознательные результаты социального развития: цены вещей, проценты, земельные ренты, рабочие платы и тысяча других явлений социальной жизни вообще и народного хозяйства в частности представляют точно такую же особенность... их выяснение... должно быть аналогичным выяснению социальных институтов, возникающих несознательным путем»⁵⁴.

Таким образом, в резком противоречии с юмовско-конвенционалистскими взглядами представления Менгера о происхождении денег основываются на ключевой идее о том, что деньги возникли в ходе многовековых процессов в рамках рыночной экономики как результат бесчисленных решений участников рынка, желающих найти самое эффективное средство для достижения своих личных целей. Денежный обмен развился как непреднамеренный, но необходимый побочный продукт действий, предпринимавшихся индивидуумами при преследовании своих непосредственных целей, и тем не менее со временем сформировал связную и устойчивую систему благодаря тому, что эти действия сулили каждому индивидууму большой успех в достижении его целей. Тем самым институт денег не был сознательно придуман для решения конкретной задачи, так же как и механизм денежного обмена не создавался с целью достижения конкретных макростатистических агрегатов.

В свете предложенного Менгером объяснения происхождения денег ответ на вопрос о том, как придумать и внедрить хорошие деньги, становится очевидным. Деньги, которыми начинает пользоваться рынок, это именно те деньги, которые наилучшим образом выполняют социально-координирующую функцию всеобщего средства обмена. Они представляют собой продукт совершаемого рынком естественного отбора — процесса, учитывающего опыт и знания буквально миллионов людей. Утверждать, что деньги, выбранные рынком, можно и нужно усовершенствовать, означает

⁵² Menger, *Principles of Economics*, James Dingwall and Bert F. Hoselitz, trans. (New York: New York University Press, 1981), pp. 261—262. [Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 263—264.]

⁵³ См.: Menger, *Problems of Economics and Sociology*, p. 157. [См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 417.]

⁵⁴ *Ibid.*, p. 147. [Там же. С. 405.]

героически предполагать, что бесчисленное количество участников сделок последовательно и раз за разом ошибались в оценке относительных выгод и издержек, присущих альтернативным средствам обмена. Более того, как отмечает Менгер, постоянно повторяющееся формирование рыночных цен аналогично возникновению денег в том отношении, что и то и другое является результатом анонимных усилий бесчисленных индивидуумов, из которых и складывается рыночный процесс. Следовательно, если на рыночный процесс можно положиться в смысле определения «правильных», всеми признаваемых цен на почти бесконечный ассортимент товаров, то, безусловно, мы можем быть уверены, что тот же процесс поможет нам найти и внедрить «правильное» средство обмена, а затем непрерывно и разумно корректировать этот институт в соответствии с изменением экономических условий.

Здесь следует подчеркнуть, что основной момент, являющийся причиной разногласий между монетарными конструктивистами и сторонниками менгеровского подхода, носит не нормативный, а экзистенциальный характер, т.е. сводится к вопросу не о том, *должны ли* быть деньги политическим инструментом или составным элементом рыночных процессов, а о том, *являются ли* они первым или вторым. Утверждая, что деньги — это рыночный институт, сторонники твердых денег не собираются отрицать того, что деньги могут быть объектом политического контроля, так же как они не отрицают, что рыночные цены и процентные ставки могут контролироваться политическими властями. Собственно говоря, сам Менгер отмечал, что «на этот „органический“ процесс образования [денег] законодательная власть нередко воздействует и таким образом ускоряет или изменяет результаты этого процесса»⁵⁵. Однако именно в этом состоит суть борьбы за твердые деньги.

Как регулирование цен изменяет «качество» этих цен, так и монетарная политика правительства посягает на «качество» института денег. С точки зрения участников рынка цена, подлежащая изменению только посредством бюрократических приказов, перестает эффективно функционировать в качестве носителя относительно свежей и точной информации о текущих и будущих изменениях экономических условий, а также стимула к тому, чтобы действовать в соответствии с этой информацией. Тем самым в рыночную экономику вносится элемент несогласованности — его самым очевидным (но не единственным) проявлением служит несоответствие планов продавцов и покупателей, что отражается в создании избытка или дефицита регулируемого товара.

Вполне может быть так, что состояние вещей, возникшее как результат регулирования цен, по крайней мере временно совпадает с целями государственной политики, как было, например, в США во время топливного кризиса 1970-х годов. Тем не менее вполне ясно, что с точки зрения функции денег как средства социального координирования в противоположность их функции как политического инструмента регулируемая цена по определе-

⁵⁵ Ibid., p. 157. [Там же. С. 416.]

нию ущерба по сравнению с ценой, определяемой свободным рынком. Или, иными словами, целенаправленно пытаюсь превратить стихийные рыночные цены в инструмент реализации своих собственных вне рыночных целей, государственные плановики делают их менее пригодными для решения многочисленных задач, которые ставят перед собой участники рынка.

Аналогичным образом, когда политические власти присваивают себе законодательную монополию на выпуск денег, характер процесса предложения денег претерпевает радикальную трансформацию. Государственные менеджеры, управляющие декретными деньгами, не в состоянии получить ту же информацию об изменении условий, влияющих на спрос денежного товара и его производство, которую получают поставщики денег на свободном рынке. Кроме того, будучи де-факто монополистами, они не имеют стимулов к тому, чтобы должным образом реагировать на такую информацию, даже если каким-то чудом они ее получают. В результате участники рынка имеют в своем распоряжении низкокачественное средство обмена, неизбежно подверженное инфляции и сильно ухудшающее их координацию, а следовательно, и достижение индивидуальных целей. Так произойдет даже в том случае, если, вопреки урокам теории и истории, мы предположим, что государственные менеджеры, управляющие денежным обращением, ведут борьбу с инфляцией и преуспели в достижении заявленных ими макростатистических политических целей, таких как стабильный уровень цен, относительно высокий и постоянный уровень роста реального производства и т.д. Причина этого в том, что деньги и монетарная политика не «нейтральны» по отношению к микроэкономическим процессам и величинам, из которых и складывается экономика в целом. Поэтому манипулирование денежной массой с целью обеспечения конкретных агрегированных статистических результатов неизбежно сказывается на этих процессах и величинах, препятствуя тому, чтобы они соответствовали предпочтениям рыночных потребителей-сберегателей.

ДЭВИД МЕЙЗЕЛМАН⁵⁶

В ЗОЛОТЕ ЛИ ДЕЛО?

Любой призыв к отмене монополии, включая мнимую монополию государства на производство или выпуск денег, несет в себе большую привлекательность. Профессор Салерно ранее уже утверждал, что «Дорога к долгосрочной монетарной стабильности в конечном счете ведет к полному отказу от государственной монополии на выпуск денег»⁵⁷. Однако убеждение в том, что государство обладает монополией на выпуск денег, представляет собой искажение фактов; оно попросту неверно. Мы живем в мире банковского дела с частичным резервированием. Вне зависимости от разногласий и путаницы по поводу того, какой набор активов следует называть деньгами и где проходит граница между деньгами и не-деньгами, факт состоит в том, что большая часть денежной массы США представляет собой требования на частные банки и частные финансовые учреждения.

Непосредственно государством эмитируются лишь монеты и банкноты. В сумме они составляют лишь 27,4% (или примерно 133 млрд долл.) узкого измерителя денежной массы M1, составляющего сейчас 485 млрд долл. В широком измерителе денежной массы наличные деньги занимают еще меньшую долю. Короче говоря, *государственной монополии на выпуск денег не существует*. Более того, мне неизвестны сколько-нибудь заметные выступления за отмену банковской системы с частичным резервированием, при которой большая часть наших денег представляет собой банковские депозиты. Система 100%-ного резервирования существует только в научных дискуссиях, но не в серьезных обсуждениях или в проектах реформирования денежной системы и управления денежным обращением.

Возможно, профессор Салерно и другие авторы путают монополию на выпуск денег с монопольным контролем за денежной базой — суммой наличности, находящейся в распоряжении публики, плюс резервы, хранящиеся на депозитах в Федеральном резерве. Контроль за денежной базой играет ключевую роль при контроле за денежной массой, но, к сожалению, не он служит объектом критики профессора Салерно; по-видимому, не занимает он существенного места и в рассуждениях многих авторов из числа тех, кто видит причину всех проблем в мнимой, но реально несуществующей государственной монополии на выпуск денег.

Я согласен с профессором Салерно в том, что 100%-ный золотой стандарт обладает большой привлекательностью. Результаты государственной

⁵⁶ Cato Journal, Vol. 3, No. 1 (Spring 1893): 269—275. Дэвид Мейзелман — профессор экономики и директор Graduate Economic Program в Виргинском политехническом институте и государственном университете.

⁵⁷ Joseph T. Salerno, “The Gold Standard: An Analysis of Some Recent Proposals,” Cato Institute Policy Analysis (September 9, 1982), p. 23.

монетарной политики варьировались от неудовлетворительных до откровенно катастрофических. Это особенно верно в отношении дискреционной монетарной политики при нашей нынешней системе декретных денег с частичным резервированием.

Привлекательность денег, привязанных к золоту, основана на нескольких важных факторах. Во-первых, при 100%-ном золотом стандарте или при какой-либо иной системе золотого стандарта всегда имеется возможность существования механизма автокоррекции и высокая способность к стабилизации. Эти вопросы обсуждаются в выступлениях других участников этой конференции, анализирующих альтернативные монетарные системы. Я же отмечу лишь, что хотя согласно общему заключению система, привязанная к золоту, или даже 100%-ный золотой стандарт могут быть более удачны, чем альтернативные системы, однако золото в принципе не может обеспечить стабильность цен и стабильность экономики, о чем свидетельствует история различных систем на основе золота. Действительно, как ясно продемонстрировали события 1929—1933 гг. в США и Великобритании, сохранение фиксированной цены золота вообще может привести к катастрофе.

Нестабильность и банковский крах за пределами США, так же как и целенаправленное девальвирование французского франка в попытке французского правительства привлечь в страну золото из других стран, стали главными факторами, обусловившими резкое сокращение золотого запаса США в 1930—1931 гг. Соблюдая правила золотого стандарта, Федеральный резерв поднял учетную ставку и предпринял другие дефляционные меры для защиты золотого запаса в тот момент, когда американская экономика уже переживала дефляцию и тяжелый кризис. Золото, правда, перестало утекать из страны. Разумеется, по критериям золотого стандарта политика Федерального резерва была успешной. Однако неприятным побочным эффектом этой политики стал последовавший экономический коллапс.

История 1930-х годов демонстрирует, что работа золотого стандарта на практике в первую очередь зависит от выявления и понимания причин, вызывающих изменение спроса на золото. Кроме того, ее результаты заставляют серьезно усомниться в стабилизирующих свойствах золота и показывают, что одна отдельно взятая страна, использующая золотой стандарт, не в состоянии защититься или оградить себя от серьезных потрясений за границей, особенно при фиксированных курсах обмена валют.

Большинство сторонников денежной системы, основанной на золоте или связанной с ним, по-видимому, предполагают, что правительство США является единственным источником инфляции и нестабильности во всем мире, в противном случае не знавшим бы ни того ни другого. Будь это так, одностороннее принятие золотого стандарта могло бы иметь смысл. Однако США — не единственная страна, виновная в монетарных манипуляциях. Нам хватает проблем и с нашим собственным правительством, а если Америка примет золотой стандарт, то как нам заставить остальной мир вести себя прилично?

Другая привлекательная сторона денежной системы, связанной с золотом, состоит в том, что при ней несколько легче разобраться с тем, что же является деньгами. Я признаю, что граница между деньгами и не-деньгами

порой весьма расплывчата. Однако эту проблему не решить заявлением о том, что денежная единица определяется как некая фиксированная мера золота, что якобы имело место до 1933 г., когда такой денежной единицей считалась приблизительно $\frac{1}{20}$ часть унции золота. Строго говоря, до 1933 г. цена золота составляла 20 долларов 67 центов за унцию, так что один доллар равнялся приблизительно $\frac{1}{20}$ от унции золота. Однако система, при которой за единицу счета принимается $\frac{1}{20}$ часть унции золота, отражает лишь тот факт, что цена золота зафиксирована — посредством государственного вмешательства и декретов — на уровне в 20 долларов за унцию. Таким образом, доллар как единица счета равен $\frac{1}{20}$ унции золота просто потому, что золото стоит 20 долларов за унцию! Если мы установим фиксированную цену на пшеницу в 5 долларов за бушель, станет ли $\frac{1}{5}$ часть бушеля пшеницы денежной единицей?

Вмешательство государства и установление фиксированных цен на тот или иной товар не делают деньги или единицы счета «настоящими», так же как не гарантируют того, что реальная ценность данного товара будет соответствовать его номинальной ценности. Для привязки номинальной цены на такой товар, как золото, требуется, чтобы план фиксирования цены финансировался эмиссией денег, когда цена привязки оказывается выше рыночной цены. Когда же цена привязки оказывается ниже рыночной, данный товар следует продавать на рынке, а деньги, полученные от его продажи, изымать из обращения, тем самым уменьшая величину денежной массы. Более того, когда государственные закупки золота или иного товара увеличивают количество денег, это приводит к инфляции и к повышению номинальных цен на *другие* товары, за исключением номинальной фиксированной цены золота. Верно и обратное, когда государство начинает продавать золото, чтобы удержать цену на него от повышения.

Фиксированная цена гарантирует лишь то, что номинальная цена остается постоянной в пересчете на номинальные доллары, по крайней мере до тех пор, пока правительство не изменит фиксированную цену. Отсюда не следует, что другие цены (в пересчете на единицу товара с фиксированной номинальной ценой) тоже останутся стабильными или что стабильным останется некое среднее от прочих номинальных цен. Соответственно, фиксированием *номинальной* цены на один товар невозможно добиться стабильности *реальной* стоимости, включая и реальную стоимость товара, цена на который фиксирована.

Америка прежде (до 1933 г.) поддерживала фиксированную номинальную цену золота. Однако бухгалтерия все равно велась в долларах, а не в двадцатых частях унции золота, хотя вмешательство государства в рынок золота сделало их эквивалентными друг другу. Когда цена золота выросла до 35 долларов за унцию, означало ли это, что цены действительно поднялись на 75%, потому что теперь доллар был равен $\frac{1}{35}$ унции золота? Или же это снижение ценности доллара затронуло только иностранцев, имеющих возможность покупать золото у американского казначейства и у американцев, которым было позволено продавать золото казначейству (но сами они покупать у него золото не могли)?

Профессор Салерно пытается ответить на интересный вопрос: каков будет механизм платежей и устройство финансовой и банковской системы при 100%-ном золотом стандарте, когда любые золотые сертификаты на 100% обеспечены золотом, а банки обязаны иметь 100%-ные золотые резервы по депозитам и банкнотам. Банки, по крайней мере первоначально, превратятся в склады золота, а банкноты и депозиты будут представлять собой складские квитанции на золото.

С учетом экономических стимулов, присущих такой системе, скорее всего, она переродится в систему с частичным резервированием, где роль резервов будет выполнять золото. В таком случае этой системе будут присущи те самые проблемы экономической и ценовой нестабильности, которые свойственны системе с частичным резервированием. И особенно верно это будет не в контексте модели закрытой экономики, которой, по-видимому, придерживается профессор Салерно, а в реалистичном контексте открытой экономики, когда другие страны не обязательно придерживаются того же золотого стандарта со 100%-ным или частичным резервированием и где постоянно происходят экономические, политические и военные неурядицы⁵⁸.

Фактически широко распространенное неявное допущение наличия закрытой экономики представляется мне одним из самых серьезных изъянов, присущих аргументам сторонников золотого стандарта. Если они желают установить международный золотой стандарт, то перед нами встанет проблема, как заставить присоединиться к этой многосторонней системе русских, итальянцев и аргентинцев. Если США в одностороннем порядке установят фиксированную цену золота, то сам по себе этот шаг едва ли побудит другие страны последовать американскому примеру, особенно те страны, которые не привязаны к доллару фиксированным обменным курсом.

Другим изъяном в этих аргументах является неявное допущение о том, что когда запас золота или денег изменяется, цены реагируют на это мгновенно, единообразно и без дополнительных издержек, благодаря чему и относительные цены, и реальные переменные *в краткосрочном периоде* фактически не меняются. При этом игнорируется инерция цен и ставок заработной платы, так же как неопределенность и издержки, связанные с пересмотром цен. Это едва ли соответствует как фактам, так и рассуждениям великих австрийских экономистов, к авторитету которых профессор Салерно избирательно апеллирует.

Золотой стандарт со 100%-ным резервированием привлекателен тем, что он служит простым и однозначным правилом для принятия решений; то же самое верно и в отношении фиксированной цены золота. Сторонники золотого стандарта и фиксированной номинальной цены золота в этом отношении имеют огромное преимущество перед оппонентами. Беда лишь в том, что фиксированная цена золота — это *неверное правило*; можно придумать рецепт получше.

⁵⁸ См.: Milton Friedman, "Real and Pseudo Gold Standards," *Journal of Law and Economics* 4 (October 1961): 66—79; перепечатано в его же *Dollars and Deficits* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968), pp. 247—265.

Интервенции с целью поддержания цен на золото вынуждают казначейство покупать золото, когда его цена на свободном рынке падает, и продавать, когда цена золота на свободном рынке повышается. Золото и сейчас *конвертируемо* в доллары, но не по цене, фиксированной законодательством; у нас существует свободный рынок золота. Проблема не в конвертируемости, а в фиксированной цене. Следует добавить, что в прошлом забота о поддержании фиксированных цен на золото являлась главной причиной и обоснованием самого широкого диапазона антиконкурентных и дорогостоящих интервенций со стороны государства.

Задумаемся над тем, какие интервенции потребовались бы, если бы США в последние годы осуществляли политику фиксированных цен на рынке золота. В то время как инфляция уменьшалась, правительство было бы вынуждено совершать колоссальные закупки золота, если бы цена на него была фиксирована на уровне 1980 г. при 800 долл. за унцию, или на уровне 1981 г. примерно при 500 долл. за унцию, или на уровне прошлой весны при 300 долл. за унцию. С другой стороны, после июля 1982 г. золото пришлось бы продавать в огромных количествах, так как цена на него возросла с 300 долл. за унцию до нынешних 500 долл. Кто знает, сколько золото будет стоить на следующей неделе или в следующем месяце?⁵⁹

Закупки золота государством с целью поддержания цен на него будут финансироваться не налогами или продажами американских государственных облигаций, а непосредственно работой печатного станка, т.е. созданием новых денег. Инфляция может порождаться золотыми сертификатами с той же легкостью, с какой она порождается банковскими депозитами и банкнотами Федерального резерва. Иными словами, если Россия продает золото, чтобы покупать зерно, если Ирак или Иран продают золото, чтобы финансировать свою войну или компенсировать снижение цен на нефть и ее добычу, то интервенции казначейства ради поддержания цены золота увеличивают объем денежной массы в США, увеличивая инфляцию. Отсюда встает вопрос, нужна ли нам такая монетарная система, при которой плохой урожай в России или война в Персидском заливе не только являются причиной несчастий в России, Иране и Ираке, но и усиливают инфляцию в США?

Эти примеры из современной жизни иллюстрируют тот принцип, что связанное с золотым стандартом правило фиксированных цен на золото несовместимо с правилом или политикой медленного и стабильного роста денежной массы, необходимого для того, чтобы удержать инфляцию в разумных рамках и не допустить резких колебаний экономического цикла и процентных ставок. Соблюдая правило фиксированных цен на золото, финансовые власти США вынуждены реагировать на любые потрясения,

⁵⁹ В начале февраля 1983 г., через несколько недель после этого выступления на конференции Института Катона, цена на золото упала приблизительно до 100 долл. за унцию вслед за вестями о снижении мировых цен на нефть. Следовало ли американскому казначейству в ответ на эти хорошие новости производить закупки золота, тем самым увеличивая объем денежной массы в США, что сопровождалось бы инфляцией других цен?

не имеющие отношения к стабильности цен и стабильности денег. Сюда входят и колебания внутренних «реальных» факторов, таких как открытие новых месторождений золота, изменение технологических условий, а также изменения цен на товары, заменяющие золото, которые приводят к изменению рыночных цен на золото, а также всевозможные потрясения, происходящие за границей. У нас хватает своих проблем, чтобы прибавлять к ним заимствованные из-за рубежа.

Установление фиксированной цены золота, возможно, было бы более удачным вариантом или по крайней мере не столь плохим, как бесконтрольное и хаотическое использование печатного станка, но это не единственные альтернативы. Существуют еще *более удачные* монетарные правила, включая правило нулевого роста денежной массы, предложенное мной в другой работе⁶⁰.

Фиксированная номинальная цена золота не гарантирует, не может гарантировать и никогда не гарантировала стабильных цен. Авторы предложений о золотом стандарте путают реальные цены с номинальными. Кроме того, они путают юридически установленную номинальную цену золота с покупательной способностью денег. Невозможно поддерживать стабильный уровень цен и фиксированную номинальную цену золота одновременно. Если под «качеством денег» понимать стабильность их реальной ценности, или покупательной способности, то монетарное правило, имеющее своим следствием стабильные цены, а не установленные государством фиксированные цены на рынке золота, также является правилом, обеспечивающим качество денег.

Наконец, я согласен с Джимом Бьюкененом, Карлом Бруммером и другими участниками этой конференции в том, что нам отчаянно необходимо положить конец дискреционной монетарной политике и дискреционной фискальной политике. Кроме того, я согласен с тем, что это нужно сделать по возможности конституционными методами или законом, если в том будет необходимость. В противном случае те же самые учреждения, те же самые люди, те же самые стимулы и те же самые ограничения приведут к тем же самым печальным результатам.

Я не настолько оптимист, чтобы предполагать наличие достаточного понимания или достаточно сильной коалиции интересов для того, чтобы конституционным путем или посредством принятия закона замедлить или остановить печатный станок. Но может настать тот момент, когда издержки инфляции и нестабильности окажутся столь велики, или же выгоды инфляционной политики или политики типа «стой-иди» окажутся столь низки, что необходимые конституционные изменения станут политически осуществимыми. Я питаю самую глубокую надежду на то, что когда придет такое время, у нас наготове будут работоспособные идеи.

⁶⁰ См.: David Meiselman, "Is There a Conflict Between Monetarism and Supply-Side Economics?", in *Supply-Side Economics in the 1980s* (Westport, Conn.: Quorum Books, 1982), pp. 41—48; "Fiscal Policy and Interest Rates: The Great Deficit Swindle of 1982," *Tax Review* 43 (May 1982): 21—28.

Х. Уэрта де Сото

**ТЕОРИЯ
100 %-НОГО
РЕЗЕРВИРОВАНИЯ**

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

В этой, заключительной, главе мы дадим вначале краткий обзор предложений о переходе к 100%-ному резервированию, сделанных в XX в. Затем представим наши собственные рекомендации по реформированию банковской системы. Они сводятся к установлению системы свободной банковской деятельности, функционирующей в соответствии с традиционными принципами права, которые управляют договором банковского денежного вклада (100%-ный коэффициент резервирования). Затем мы проведем сопоставление преимуществ этой системы с альтернативными, прежде всего с ныне действующей, а также с системой свободной банковской деятельности с частичным резервированием. Здесь же мы ответим на различные возражения, которые обычно выдвигаются против со 100%-ным резервированием. Далее мы представим программу конкретных мер, которые необходимо осуществить для перехода от нынешней банковской и финансовой системы к предлагаемой нами. Глава заканчивается обсуждением применимости наших рекомендаций к двум конкретным случаям — Европейскому монетарному союзу и финансовому восстановлению в странах бывшего Восточного блока. В конце помещен свод важнейших выводов, относящийся к книге в целом.

1

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ 100%-НОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ

Мы видели, что недоверие к банковской практике с частичным резервированием восходит по крайней мере к XVI—XVII вв., когда над этой проблемой размышляли теоретики Саламанкской школы. В XVIII в. это был Давид Юм и в первые десятилетия после основания Соединенных Штатов теоретики, работавшие в традиции Джефферсона—Джексона. В XIX в. влиятельная группа экономистов работала в этом направлении в континентальной Европе. Во Франции это были Чернуски и Модесте, в Германии — Михаэлис, Хюбнер, Гейер и Телькампф. Далее, в XX столетии ряд выдающихся экономистов, таких как Людвиг фон Мизес и по крайней мере четверо лауреатов Нобелевской премии по экономике (Фридрих Хайек, Милтон Фридмен, Джеймс Тобин и Морис Алле) в разные моменты поддерживали идею обязательного резервирования 100% средств, положенных в банк на вклад до востребования.

Предложение Людвиг фон Мизеса

Людвиг фон Мизес был первым экономистом XX в., который предложил организовать банковскую систему со 100%-ным резервированием по вкладам до востребования. Эта рекомендация содержалась в первом издании его книги «Теория денег и фидуциарных средств обращения», вышедшем в 1912 г. В конце книги, в разделе, который был без изменений воспроизведен во втором издании 1924 г., Мизес сформулировал следующий вывод: «Фидуциарные средства обращения незначительно отличаются по своей природе от денег. Их предложение воздействует на рынок точно так же, как предложение настоящих денег. Изменения их количества влияют на объективную меновую ценность денег в точности таким же образом, как изменения количества настоящих денег. Следовательно, логически к ним должны быть применимы те же правила, которые действуют в отношении настоящих денег. И в их случае должны быть предприняты те же попытки, направленные на ограничение настолько, насколько это возможно, человеческого воздействия на меновое отношение между деньгами и другими экономическими благами. Возможность вызывать кратковременные возмущения менового отношения между благами высших и низших порядков посредством эмиссии фидуциарных средств обращения и связанные с этим опасные последствия в виде расхождения динамики естественной и денежной ставками процента приводят нас к этому выводу. *Очевидно, что единственный способ устранить человеческое воздействие этого рода на кредитную систему состоит в запрете дальнейшей эмиссии фидуциарных средств обращения. Необходимо восстановить базовые положения Закона Пилля. Они должны быть реализованы более последовательно и полно, чем это было сделано в Англии в то время. Законодательное запрещение должно быть распространено на расширение кредита в форме банковских остатков*». Мизес добавляет к этому: «Было бы ошибочным предполагать, что современная организация обмена обязательно сохранится. Она несет в себе зародыш своего собственного разрушения — развитие фидуциарных средств обращения должно с необходимостью привести к ее распаду»¹. Мизес вновь предложил модель идеальной банковской системы в опубликованной в 1928 г. книге «Денежная стабилизация и циклическая

¹ Mises, *The Theory of Money and Credit*, pp. 446—448 (курсив мой. — У. де С.). Цитата приводится в переводе с последнего — и лучшего — английского издания книги. Вышеприведенный фрагмент в изложении самого Мизеса выглядит следующим образом: «Es leuchtet an, daß menschlicher Einfluß aus dem Umlaufsmittelwesen nicht anders ausgeschaltet werden kann als durch die Unterdrückung der weiteren Ausgabe von Umlaufsmitteln. Der Grundgedanke der Peelschen Akte mußte wieder aufgenommen and durch Miteinbeziehung der in Form von Kassenführungsguthaben ausgegebenen Umlaufsmittel in der gesetzliche Verbot der Neuausgabe vollkommenerer Weise durchgeführt werden als dies seinerzeit in England geschah... Es wäre ein Irrtum, wollte man annehmen, daß der Bestand der modernen Organisation des Tauschverkehrs für die Zukunft gesichert sei. Sie trägt in ihrem Innern bereits den Keim der Zerstörung. Die Entwiklung des Umlaufsmittels muß notwendigerweise zu ihrem Zusammenbruch führen» (Mises, *Die Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*, ss. 418—419).

политика» (*Geldwertstabilisierung und Konjunkturpolitik*). Мизес пишет: «Важнейшей предпосылкой любой циклической политики вне зависимости от того, насколько скромны ее цели, является отказ от всяких попыток понизить процентную ставку посредством банковской политики до уровня ниже того, который устанавливается рынком. Это означает возвращение к теории денежной школы, которая пыталась пресечь расширение фидуциарного кредита и тем самым всякое дальнейшее создание фидуциарных средств обращения. Однако это не означает возврата к предложению старой денежной школы, которая ограничивала свои рекомендации банкнотами. Напротив, это предполагает принятие новой программы, базирующейся на теории старой денежной школы, но распространяемой, в свете сегодняшнего состояния научного знания, на эмиссию фидуциарных средств обращения, в том числе и в форме банковских депозитов. Банки будут обязаны в каждый момент времени поддерживать металлическое обеспечение всех банкнот — кроме суммы уже выпущенных банкнот, которые не покрыты металлом, — равное общей сумме эмитированных банкнот и открытых депозитов. Это будет означать полный пересмотр законодательства о центральном банке... Посредством одного этого решения циклическая политика будет на самом деле направлена на исключение [возможности возникновения] кризисов»².

Два года спустя, 10 октября 1930 г., Мизес выступил перед Финансовым комитетом Лиги Наций с меморандумом «Пригодность методов определения изменений покупательной способности для проведения международной валютной и банковской политики» («The Suitability of Methods of Ascertaining in the Purchasing Power for the Guidance of International Currency and Banking Policy»). Перед монетарными и банковскими экспертами Мизес выразил свои идеи следующим образом: «Золотой стандарт характеризуется тем, что не позволяет банкам увеличивать количество банкнот и остатков на счетах без обеспечения золотом сверх общего количества, которое

² Mises, *Geldwertstabilisierung und Konjunkturpolitik*, s. 81. Английский перевод: Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, p. 57—173. Вышеприведенная цитата находится на с. 167—168 английского издания, курсив мой. Пассаж, который Мизес поместил между двумя тире, показывает, что он, сохраняя дух Закона Пиля, призывает к 100%-ному резерву только для *вновь эмитируемых* фидуциарных средств обращения (банкнот и депозитов). Это будет означать, что запас этих средств, уже эмитированных к моменту начала реформы, останется необеспеченным запасами металла. Реализация предложения Мизеса будет огромным шагом вперед, и на практике может быть легко осуществлена без того, чтобы вызвать сильные начальные изменения рыночной цены золота. Однако это предложение не свободно от недостатков. Оно разрешает банкам не обеспечивать те банкноты и депозиты, *которые были соответственно эмитированы и созданы в прошлом*. Тем самым банки становятся весьма уязвимыми перед возможными кризисами доверия. Поэтому в этой главе мы предлагаем более радикальную программу, содержащую требование 100%-ного резервирования всех фидуциарных средств обращения, как не эмитированных, так и уже выпущенных к этому моменту. Предложение Мизеса было детально развито Беттиной Бьен Гривс. См.: Bettina Bien Grievs, “How to Return to the Gold Standard,” *The Freeman: Ideas on Liberty* (November 1995): 703—707.

находится в обращении в тот момент, когда система [золотого стандарта] вводится в действие. Закон Пиля 1844 г. и различные банковские законы, более или менее основанные на нем, представляли собой попытку учредить чистый золотой стандарт этого рода. *Эти попытки не удались, потому что соответствующие ограничения касались только банкнот и не распространялись на остатки по банковским счетам, против которых могли выписывать чеки.* Основатели денежной школы не смогли увидеть принципиальное сходство между платежом чеком и платежом банкнотой. В результате этого упущения те, кто отвечал за соответствующие законодательные акты, не достигали своей цели»³. Позже Мизес пояснил, что банковская система, опирающаяся на золотой стандарт и 100%-ный коэффициент резервирования, порождает тенденцию к некоторому снижению цен, что выгодно большинству граждан, поскольку это увеличивает их реальные доходы не посредством номинального увеличения доходов, а вследствие снижения цен на потребительские товары и услуги при относительно постоянных номинальных доходах. Мизес находит такую денежно-банковскую систему много более совершенной, чем современная, находящаяся в тисках хронической инфляции и повторяющихся бумов и спадов. Говоря об экономической депрессии, охватившей в то время мир, Мизес делает следующий вывод: «Причина зла коренится не в ограничении [фидуциарной эмиссии], а в предшествующей экспансии. Действия банков заслуживают критики не за то, что они наконец прекратили кредитную экспансию, а за то, что они позволили ей начаться»⁴.

Спустя 10 лет после выступления в Лиге Наций Мизес еще раз выступил в поддержку 100%-ного коэффициента резервирования в первом немецком издании его всеобъемлющего трактата по экономической теории, появившегося под заголовком «Экономическая наука: теория деятельности и обмена» (*Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens*). Здесь Мизес еще раз вернулся к своему утверждению: суть учения денежной школы предполагает требование 100%-ного резервирования всех фидуциарных средств обращения, не только банкнот, но и банковских депозитов. Более того, защищая в этой книге тезис об отмене центрального банка, Мизес указывает на то, что, даже если полностью запретить эмиссию новых фидуциарных средств обращения (банкнот и депозитов), все равно, пока существует этот институт, будет сохраняться постоянная опасность того, что «неотложные» нужды государственного бюджета будут использованы как политическое оправдание эмиссии новых фидуциарных средств обращения для облегчения финансирования государственных нужд. Тем самым Мизес неявно ответил тем теоретикам чикагской школы, которые в 1930-х годах предлагали установить для банковской деятельности требо-

³ Mises, *Money, Method and Market Process*, Richard M. Ebeling (ed.), p. 90 (курсив мой. — У. де С.). Это выступление было забыто и обнаружено в архивах Лиги Наций Ричардом Эбелингом, когда он собирал материал для книги «Деньги, метод и рыночный процесс».

⁴ Ibid., p. 91 (курсив мой. — У. де С.).

вание 100%-ного резервирования, но с тем, чтобы денежная база осталась фидуциарной, а ответственность за эмиссию и контроль за денежной массой продолжал бы нести центральный банк. Мизес не считал это лучшим решением. В этом случае даже при поддержании 100%-ного коэффициента резервирования деньги все равно в конечном счете будут зависеть от центрального банка, оставшись объектом разного сорта давления и влияния. Особенно опасной является возможность, остающаяся у государства, эмитировать деньги в случае собственных финансовых затруднений. Согласно Мизесу идеальным решением было бы установление свободы банковской деятельности (т.е. банковская система без центрального банка), подчиненной традиционным принципам права (т.е. со 100%-ным коэффициентом резервирования)⁵. В этой книге Мизес дополнил свою защиту 100%-ного резервирования возражениями не только против существования центрального банка, но также и против системы свободной банковской деятельности с частичным резервированием. Хотя подобная система в значительной мере ограничила бы эмиссию фидуциарных средств обращения, она была бы неспособна полностью устранить ни кредитную экспансию, ни повторяющиеся бумы и спады, которые являются ее неизбежным следствием⁶.

В 1949 г. издательство Йельского университета опубликовало первое английское издание экономического трактата Людвиг фон Мизеса под названием «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории» (*Human Action: A Treatise on Economics*). Здесь Мизес повторил свою аргументацию, сформулированную им в немецком издании, но здесь он

⁵ Мизес так пишет об этом: «Wenn heute, dem Grundgedanken der Currency-Lehre entsprechend, auch für das Kassenführungsguthaben volle — hundertprozentige — Deckung verlangt wird, damit die Erweiterung der Umlaufmittelausgabe auch in dieser Gestalt unterbunden werde, dann ist das folgerichtiger Ausbau der Ideen, die jenem alten englischen Gesetz zugrundelagen... Auch das schärfste Verbot der Erweiterung der Umlaufmittelausgabe versagt gegenüber einer Notstandsgesetzgebung» (Mises, *Nationalökonomie*, 2nd ed. (Munich: Philosophia Verlag, 1980), s. 403).

⁶ Весьма наглядным в этом отношении является пассаж, который Мизес поместил в виде примечания на с. 402 *Nationalökonomie*: «Für die Katallaktik ist der Begriff 'normale Kreditausweitung' sinnlos. Jede Kreditausweitung wirkt auf die Gestaltung der Preise, Löhne und Zinssätze und löst den Prozess aus, den zu beschreiben die Aufgabe der Konjunkturtheorie ist». Это примечание затем было переведено на английский язык и появилось на с. 442 третьего, переработанного издания *Human Action*: «Понятие "нормальной" кредитной экспансии абсурдно. Выпуск в обращение дополнительных инструментов, не имеющих покрытия [зд.: фидуциарных средств обращения], вне зависимости от их количества всегда приводит к изменениям в структуре цен, опisanie которых является задачей теории циклов производства. Разумеется, если дополнительно эмитированная сумма невелика, то не будет и неизбежных последствий инфляции» (Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. С. 412, прим. 17). Этот пассаж Мизеса породил путаницу среди тех представителей австрийской школы, которые отстаивают систему свободной банковской деятельности на началах частичного резервирования (Уайт, Селджин, Хорвиц и др.). Эта констатация показывает, что такая система не избежит фаз экспансии и спада, характерных для экономического цикла, хотя они будут менее тяжелыми, чем те, которые затрагивают нынешнюю банковскую систему с центральным банком. Вспомним также то, что говорилось выше, в прим. 120 к главе 8.

специально остановился на плане Ирвинга Фишера, который предлагал введение 100%-ного резервирования, что Мизес полностью поддержал. Однако Фишер попытался соединить эту меру с сохранением центрального банка и с принятием индексной денежной единицы. Согласно Мизесу предложение воссоздать 100%-ное резервирование, но сохранить при этом центральный банк является недостаточным: «Но даже если план 100%-ного резерва был бы принят на основе чистого золотого стандарта, он не смог бы полностью устранить изъяны, присутствующие в любом виде государственного вмешательства. Для того чтобы предотвратить любое дополнительное расширение кредита, необходимо поместить банковскую деятельность в условия общих принципов коммерческого и гражданского законодательства, заставляющего каждого индивида или фирму выполнять все свои обязательства в полном соответствии с условиями договора»⁷. Мизес вновь повторил идею требования 100%-ного резервирования в приложении («Реконструкция денежной системы») к английскому переизданию 1953 г. его книги *Theory of Money and Credit*. Он явным образом формулирует свою мысль: «Главное, чего государство не должно быть более в состоянии делать, это увеличивать количество денег в обращении и количество денег на чековых счетах, не полностью, т.е. не на 100%, обеспеченных вкладами, сделанными публикой». Кроме того, в этом же приложении Мизес дал описание процесса перехода к идеальной системе, имея в виду следующую цель: «Ни одному банку не должно быть разрешено расширять общий объем своих чековых депозитов или сальдо указанных депозитов по любому индивидуальному клиенту, будь то частный гражданин или министерство финансов США, иначе, кроме как получая от населения вклады либо наличными деньгами в форме банкнот, являющихся узаконенными средствами платежа, либо чеками, выданными на другой отечественный банк, подчиняющийся этому же ограничению. Это означает жесткий 100%-ный резерв по всем будущим депозитам, т.е. по всем депозитам, еще не существующим в первый день реформы»⁸.

Позже мы вернемся к процессу перехода к идеальной банковской системе. Тем не менее отметим, что здесь Мизес, как и в 1928 г., предлагает схему перехода, в свое время реализованную применительно к банкнотам в соответствии с Законом Пиля (который требовал, чтобы только вновь создаваемые банкноты были обеспечены металлом)⁹.

⁷ Мизес. Человеческая деятельность. С. 413. Здесь Мизес впервые указывает на то, что проблемы банковского сектора проистекают из того факта, что его участники не являются субъектами традиционных принципов права. Эту фундаментальную идею стал позже развивать Мюррей Ротбард. Она же образует сердцевину нашего тезиса.

⁸ Mises, *The Theory of Money and Credit*, p. 481, 491 (курсив мой. — У. де С.).

⁹ Несмотря на кристально ясные формулировки предложений Мизеса в поддержку 100%-ного коэффициента резерва, его защита свободной банковской деятельности как косвенного шага к идеалу 100%-ного резерва (и тем самым к банковской системе, подчиненной традиционным принципам права) побудила некоторых теоретиков австрийской традиции, принадлежащих к новой банковской школе, дать такую интерпретацию Мизеса, которая поддерживала бы их позицию. Эти теоретики рассматри-

Фридрих Хайек и его предложения о 100%-ном резервировании

Фридрих Хайек, без сомнения, самый блестящий ученик Мизеса, в первый раз написал о 100%-ном резервировании в возрасте 25 лет в статье «Денежная политика Соединенных Штатов в период после преодоления кризиса 1920 г.» (“Die Währungspolitik der Vereingte Staaten seit der Überwindung der Krise von 1920”). Эта статья была написана по итогам его научной командировки в США. В ней он резко критиковал денежную политику, которую в то время начал проводить Федеральный резерв. Она была нацелена на поддержание стабильности покупательной способности доллара на фоне быстрого роста производительности. Федеральный резерв уже тогда начал генерировать значительную кредитную экспансию, которая в конце концов привела к Великой депрессии. В одном из примечаний, имеющих в этой содержательной статье, мы находим первое в работах Хайека упоминание о 100%-ном резервировании. Он пишет: «Как мы уже подчеркивали, теории старой английской денежной школы лучше ухватили суть проблемы, чем большинство экономистов, работавших после них. Денежная школа рассчитывала также предотвратить циклические колебания посредством предложенного ими регулирования эмиссии банкнот. Но поскольку они приняли во внимание последствия только банкнотной эмиссии и пренебрегли рассмотрением депозитных денег, то ограничения, налагаемые на банковский кредит, всегда можно было обойти расширением передачи средств [заемщикам] посредством записей на банковских счетах. Поэтому Закон Пиля и устав центрального банка, созданный в соответствии с ним, не смогли достичь этой цели. Проблема предотвращения кризисов будет окончательно решена, если базовая концепция Закона Пиля трансформируется в предписание банкам иметь 100%-ное золотое покрытие и банковских депозитов, и банкнот»¹⁰.

Спустя 12 лет в своей примечательной работе «Денежный национализм и международная стабильность» (*Monetary Nationalism and International Stability*), опубликованной в 1937 г., Хайек вновь пишет о реорганизации банковской системы на началах 100%-ного резервирования. К тому времени

вают Мизеса как сторонника в первую очередь свободной банковской деятельности с частичным резервированием и лишь во вторую очередь — банковской системы со 100%-ным резервированием. См., напр.: White, “Mises on Free Banking and Fractional Reserves,” pp. 517—533. В своей содержательной статье Джозеф Салерно недавно показал, что позиция Уайта несостоятельна, «поскольку он упустил из виду важный пассаж в той же самой работе Мизеса, на которую ссылается, и поскольку он игнорирует серьезное развитие мизесовой теории денег в период между первым немецким изданием «Теории денег и фидуциарных средств обращения» в 1912 г. и публикацией *Nationalökonomie* в 1940-м» (Salerno, “Mises and Hayek Dehomogenized,” pp. 137—146).

¹⁰ Hayek, “The Monetary Policy of the United States after the Recovery from the 1920 Crisis,” in Hayek, *Money, Capital and Fluctuations: Early Essays*, ch. 1, p. 29 (курсив мой. — *U de C.*). Эта статья представляет собой английский перевод теоретического раздела немецкого оригинала, опубликованного по-немецки: Hayek, “Die Währungspolitik der Vereingte Staaten seit der Überwindung der Krise von 1920,” *Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik*, no. 5 (1925), bd. I—III, ss. 25—63; bd. IV—VI, ss. 254—317.

теоретики чикагской школы уже выдвинули похожее предложение. Правда, в качестве резервных денег они предлагали использовать бумажные деньги центрального банка. В отличие от них, Хайек заявил, что идеальным решением была бы комбинация 100%-ного резервирования с возвратом к чистому золотому стандарту. При этом все банкноты и депозиты были бы обеспечены золотом на 100%, и возникла бы мировая устойчивая денежная система, способная успешно противостоять манипуляциям правительств и «денежному национализму». Хайек пишет в заключение: «Неоспоримая привлекательность этого предложения связана именно с тем его свойством, благодаря которому он может показаться несколько нереалистичным, с тем, что оно фактически означает... отказ от депозитной банковской деятельности в том виде, в каком мы ее знаем сегодня»¹¹.

Почти через 40 лет Хайек вновь взялся за денежно-банковскую тематику в своей знаменитой книге «Частные деньги» (*Denationalization of Money*). Несмотря на то что современные приверженцы свободной банковской деятельности с частичным резервированием старались использовать эту книгу для обоснования своей модели, нет сомнений в том, что Хайек, предлагающий в ней сочетание свободной банковской деятельности и частной эмиссии денежных единиц, в конечном счете хочет получить модель банковской системы, в которой торжествует требование 100%-ного резервирования. Хайек пишет, что огромное большинство банков «будет вынуждено довольствоваться чужими валютами. Таким образом, они должны будут следовать тактике “банковского дела со 100-процентным обеспечением” и держать достаточный резерв по всем своим обязательствам, подлежащим оплате по требованию». Кроме того, Хайек подвергает здесь резкой критике современную банковскую систему: «Сторонники явления, оказавшегося таким вредным, а именно банковской системы с частичными резервами, не предполагающей ответственности отдельного банка за деньги (т.е. чековые депозиты), которые он создал, не вправе сетовать, если поддержка правительственной монополии, сделавшей его существование возможным, будет ликвидирована»¹².

¹¹ Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*, pp. 81—84, esp. p. 82. Хайек особенно восхваляет предложение о 100%-ном резервировании, «потому что оно ведет к сердцевине проблемы» (р. 81). Он видит в нем только один недостаток, помимо «некоторой нереалистичности»: в этой схеме [необеспеченные] банковские счета, похоже, возникнут вновь, принимая во внимание тот факт, что «банковская деятельность является всепроникающим явлением» (р. 82). Позже мы рассмотрим это возражение.

¹² Хайек Ф. Частные деньги. М.: ИНМЭ, 1996. С. 197, 198. Хайек также призывает к проведению различия между простой банковской деятельностью по хранению вкладов (deposit banking), к которой применимо правило 100%-ного резервирования, и инвестиционными банковскими услугами, которые должны быть ограничены предоставлением кредитов из средств, полученных от клиентов в виде займа. Хайек заключает: «Я думаю, что вскоре обнаружится, что бизнес по созданию денег плохо уживается с управлением крупными портфельными инвестициями и даже с контролем за крупными секторами промышленности» (Хайек. Частные деньги. С. 198). Резкая, хотя и справедливая критика других предложений Хайека, связанных с денационализацией денег и учреждением валюты, основанной на индексе товарных цен, т.е. таких его

Предложение Мюррея Ротбарда: чистый золотой стандарт со 100%-ным коэффициентом резервирования

В 1962 г. была опубликована ставшая классической статья профессора Ротбарда «В защиту доллара, на 100% обеспеченного золотом» (“The Case for a 100-Percent Gold Dollar”). Статья вышла в сборнике «В поисках денежной конституции» (*In Search of a Monetary Constitution*¹³) под редакцией Леланда Йигера, куда помимо статьи Ротбарда вошли работы и других ученых (Джеймса Бьюкенена, Милтона Фридмена, Артура Кемпа и др.). В этой статье Ротбард впервые выдвинул свое предложение о чистом золотом стандарте, основанном на свободе банковской деятельности со 100%-ным резервированием, подвергнув критике авторов, которые поддерживали возврат к иллюзорному золотому стандарту, предполагающему сохранение частичного резервирования и центрального банка. Вместо этого, по мнению Ротбарда, единственное последовательное и стабильное в долгосрочном плане решение состоит в свободе банковской деятельности с обязательным 100%-ным резервированием, ликвидации центрального банка и установлении чистого золотого стандарта. Согласно Ротбарду в результате можно будет избежать циклически повторяющихся бумов и спадов, генерируемых частичным резервированием. Кроме того, его схема освобождает банковскую систему от различного рода вмешательств, вызванных особенностями политической или финансовой ситуации, — возможность, заложенную в схеме чикагской школы 1930-х годов, предполагающей наряду со 100%-ным резервированием сохранение центрального банка.

Тем не менее главным вкладом Ротбарда мы считаем солидное юридическое обоснование, которым он снабдил свое предложение. Он дополняет экономический анализ настоящим юридическим исследованием, хотя и имеющим междисциплинарный характер, показывая, что банковская деятельность на началах 100%-ного резервирования является логическим следствием применения традиционных принципов права к банковскому делу. В этом отношении наше собственное исследование представляет собой не более чем развитие оригинального тезиса Ротбарда. Он, в частности, сравнивает банкира, ведущего бизнес с частичным резервированием, с преступником, виновным в незаконном присвоении: «Он изымает деньги компании, чтобы инвестировать их в некое начинание для собственной выгоды. Подобно банкиру, он видит возможность получить прибыль посредством *использования чужих активов*. Преступник, присвоивший имущество компании, знает о том, что аудитор, проверяющий счета, придет в компанию, скажем, 1 июня. Он искренне намерен погасить «ссуду» до наступления этого срока. Предположим, ему это удастся. Действительно ли в этом случае никто не понес

предложений, которые лишь косвенно связаны с предметом нашей книги, см.: Murray N. Rothbard, “The Case for a Genuine Gold Standard,” in *The Gold Standard*, Llewellyn H. Rockwell, Jr., ed. (Lexington, Mass.: Lexington Books), 1985, pp. 2—7.

¹³ *In Search of a Monetary Constitution*, Leland B. Yeager, ed. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962).

никакого ущерба и все только выиграли? Я не согласен с этим — кража произошла, и эта кража должна преследоваться в законном порядке, она не может быть предана забвению. Позвольте заметить, что сторонники [нынешней] банковской деятельности предполагают, что дела идут не так, только когда все [вкладчики], решив вернуть свою собственность, обнаруживают, что там, куда они ее поместили, ее нет. Но я настаиваю на том, что это ошибочная логика. Кража происходит в тот момент, когда преступник забирает деньги компании, а не в более поздний момент, когда факт этого «заимствования» оказывается раскрытым»¹⁴. Хотя Ротбард правильно излагает юридический аспект проблемы, он следует англосаксонской правовой традиции. Вместе с тем, как мы установили в начальных главах книги, европейская континентальная традиция, восходящая к римскому праву, обеспечивает его позицию более сильными аргументами¹⁵.

Морис Алле и европейские сторонники 100%-ного резервирования

В Европе сторонником требования 100%-ного резерва был французский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1988 г. Морис Алле.

¹⁴ Murray N. Rothbard, *The Case for a 100 Percent Gold Dollar* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1991), pp. 44—46.

¹⁵ В сентябре 1993 г. я в первый раз лично поделился с Мюрреем Ротбардом результатами моего исследования юридических оснований банковского вклада, восходящих к римскому праву, а также рассказал ему о позиции теоретиков Саламанкской школы по этому вопросу. Реакция Ротбарда была восторженной, а позже он вдохновил меня на опубликование краткого свода моих выводов в статье, написанной для *Review of Austrian Economics*. К сожалению, он не увидел эту статью напечатанной в журнале, поскольку скорострительно скончался 7 января 1995 г. Другие работы Ротбарда, в которых он касался этой проблематики, включают в себя: *What Has Government Done to Our Money?*, 4th ed. (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1990) (русск. изд.: Ротбард М. Государство и деньги. Челябинск: Социум, 2008); *The Mystery of Banking; Man, Economy and State*, pp. 703—709; статьи: “The Myth of Free Banking in Schotland,” pp. 229—245; “Aurophobia: Or Free Banking on What Standard?” pp. 99—108. Помимо Мюррея Ротбарда, в США сторонниками банковской деятельности со 100%-ным резервированием являются, в частности, Г.-Г. Хоппе, У. Блок, М. Скоузен: Hans-Hermann Hoppe, *The Economics and Ethics of Private Property* (Dordrecht, Holland: Kluwer Academic Publishers, 1993), pp. 61—93, Idem., “How is Fiat Money Possible? — or, The Devolution of Money and Credit,” pp. 49—74; Joseph T. Salerno, “Gold Standards: True and False,” *Cato Journal: An Interdisciplinary Journal of Public Policy Analysis* 3, no. 1 (Spring 1983): 239—267, Idem., “Mises and Hayek Dehomogenized,” pp. 137—46; Walter Block, “Fractional Reserve Banking: An Interdisciplinary Perspective,” pp. 24—32; Skousen, *The Economics of a Pure Gold Standard*. Последняя книга представляет собой докторскую диссертацию Марка Скоузена на тему банковской деятельности со 100%-ным резервированием и содержит в высшей степени ценный и полный обзор литературы по теме, вышедшей к тому времени. Подобно Ротбарду, все вышеперечисленные авторы принадлежат к старой американской традиции, начинающейся с таких мыслителей и политических деятелей, как Джефферсон и Джексон, исходившей из необходимости подчинения банковской деятельности твердым правовым принципам и правилу 100%-ного резерва. Наиболее ценный вклад в рамках этой традиции в XIX в. внес Амаца Уолкер: Amasa Walker, *The Science of Wealth*, pp. 138—168, 184—232.

Как пишет Алле: «Кредитный механизм, в том виде, каким он является сегодня, основанный на частичном покрытии вкладов, создающий деньги из ничего, выдающий в виде долгосрочных ссуд ресурсы, заимствованные на короткие сроки, существенно усиливает потрясения, описанные выше. Действительно, все крупные кризисы в XIX—XX вв. имели своей причиной существенное расширение кредита, монетизацию простых векселей и спекуляции, которые разжигала и делала возможными эта экспансия»¹⁶. Морис Алле часто цитирует Людвиг фон Мизеса и Мюррея Ротбарда, а его экономический анализ банковской системы с частичным резервированием и его роли в провоцировании экономических кризисов безупречен и в значительной мере основывается на австрийской теории экономического цикла. Однако в конце Алле настаивает на сохранении центрального банка в качестве института, который в конечном итоге будет нести ответственность за контроль над денежной базой и следить за ее ростом, который должен быть зафиксирован на уровне 2% в год¹⁷, поскольку он считает, что выгоды от

¹⁶ Maurice Allais, “Les conditions monétaires d’une économie de marchés: des enseignements du passé aux réformes de demain,” *Revue d’économie politique* 3 (May–July 1993): 326. Вышеприведенная цитата в оригинале звучит так: «Le mécanisme du crédit tel qu’il fonctionne actuellement et qui est fondé sur la couverture fractionnaire des dépôts, sur la création de monnaie *ex nihilo*, et sur le prêt à long terme de fonds empruntés à court terme, a pour effet une amplification considérable des désordres constatés. En fait, toutes les grandes crises des dix-neuvième et vingtième siècles ont résulté du développement excessif du crédit, des promesses de payer et de leur monétisation, et de la spéculation que se développe a suscité et rendue possible» (курсив мой. — У. де С.). Морис Алле представил эти положения также и широкой публике в своей хорошо известной статье «Фальшивомонетчики» (“*Lex faux monnaieurs*”), опубликованной в *Le Monde* 29 октября 1974 г. Кроме того, он воспроизвел их в главах 6—9 своей книги *L’impôt sur le capital et la réforme monétaire* (Paris: Hermann Éditeurs, 1989), pp. 155—257. В 1994 г. во Франции также вышла моя статья, содержащая критику частичного резервирования, см.: Huerta de Soto, “Banque centrale ou banque libre,” pp. 379—391.

¹⁷ См. цитаты из Ротбарда на с. 316, 317 и 320 в книге Алле *L’impôt sur le capital et la réforme monétaire*. См. также ссылки на Амасу Уолкера и в особенности ссылки на Людвиг фон Мизеса, книгу которого «Теория денег и фидуциарных средств обращения» Алле хорошо знает и цитирует во многих случаях, среди прочих на с. 355, 317 и 320. Более того, Морис Алле отмечает вклад Мизеса в следующих теплых словах: «Если либеральное общество и могло до сего дня сохраняться в западном мире, то во многом благодаря мужественной деятельности таких людей, как Людвиг фон Мизес (1881—1973), который на протяжении всей своей жизни постоянно защищал непопулярные идеи наперекор течениям мысли, господствовавшим в его время. Мизес был человеком исключительного ума, и его вклад в экономическую науку был вкладом самого высокого порядка. Постоянно подвергаясь нападкам со стороны могущественных противников, он провел свои последние дни в бедности и без помощи кого-либо из друзей, едва обеспечивая себе пристойное существование. Общество, которое не способно быть на высоте своей элиты и предоставить лучшим своим защитникам удовлетворительные условия жизни, — такое общество обречено.» Хотя на практике Морис Алле полностью соглашается с анализом и рекомендациями австрийской школы в части денежной теории и теории циклов, он избирает в качестве метода математического анализ общего экономического равновесия. Это резко отделяет его от традиции австрийской школы, что доказываются и серьезными ошибками в его исследовании (см.: Huerta de Soto, *Socialismo, cálculo económico y función empresarial*, pp. 248—249). Паскаль Сален на этом основании заключает,

экспроприации, связанной с возможностью создавать деньги, должно получать исключительно государство, а не банкиры. Поэтому его предложения о 100%-ном резервировании не вытекают логически из требования применить к банковской деятельности традиционные принципы права, как это имеет место у Ротбарда. Наоборот, схема Алле представляет собой попытку помочь государству в проведении стабильной денежной политики, предотвращая эластичную и разрушительную кредитную экспансию, которую из ничего генерируют все системы частичного резервирования. В этом смысле Морис Алле просто следует старой традиции некоторых представителей чикагской школы, предлагавших 100%-ное резервирование с тем, чтобы государственная денежная политика была более эффективна и предсказуема.

Поддержка 100%-ного резервирования как традиция старой чикагской школы

Традиция чикагской школы требовать установления 100%-ного коэффициента резервирования восходит к 16 марта 1933 г., когда Генри Саймонс, Ллойд Минтс, Аарон Директор, Фрэнк Найт, Генри Шульц, Пол Дуглас, Альберт Харт и другие соавторы распространили анонимный 6-страничный документ под названием «Реформа банковской системы и денежного обращения» (*Banking and Currency Reform*)¹⁸. Затем Альберт Харт расширил эту программу до статьи «“Чикагский план” банковской реформы» (“The ‘Chicago Plan’ of banking Reform”), которая была опубликована в 1935 г. В этой статье Харт явным образом указал на Мизеса как на интеллектуального отца их предложения¹⁹. В ноябре 1935 г. Джеймс Энджел

что Морис Алле не является либеральным экономистом типа Ф. Хайека, а представляет собой социального инженера с сильной личной приверженностью экономической свободе (*laissez faire*). Алле, согласно П. Салену, это теоретик, которого его математический метод часто приводит к тому прагматическому утилитаризму, который Хайек и австрийцы называли бы «конструктивистским» или «сциентистским». См.: Pascal Salin, “Maurice Allais: Un économiste liberal?”, рукопись, подготовленная к публикации, с. 12. Сален также опубликовал статью, в которой анализирует австрийскую теорию экономического цикла и соответствующие рекомендации в отношении банковской системы. См.: Pascal Salin, “Macro-Stabilization Policies and the Market Process,” *Economic Policy and the Market Process: Austrian and Mainstream Economics*, K. Groenveld, J.A.H. Maks, and J. Muysken, eds. (Amsterdam: North-Holland, 1990), pp. 201—221. Выше, в прим. 98 к главе 8, объяснялось, почему мы не можем согласиться с Саленом в его поддержке свободной банковской деятельности с частичным резервированием.

¹⁸ См.: Ronnie J. Phillips, *The Chicago Plan and New Deal Banking Reform* (Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1995), pp. 191—198.

¹⁹ Albert G. Hart, “The ‘Chicago Plan’ of Banking Reform”, *Review of Economic Studies* 2 (1935): 104—116. Ссылка на проф. Мизеса и Хайека находится на с. 104. Другое интересное изложение истории чикагского плана можно найти в книге Фредерика Содди, лауреата Нобелевской премии по химии: Frederick Soddy, *Wealth, Virtual Wealth and Debt* (New York: E.P. Dutton, 1927). Найт в том же году написал хвалебную рецензию на книгу Содди: Frank H. Knight, “Review of Frederick Soddy’s *Wealth, Virtual Wealth and Debt*,” *Saturday Review of Literature* (April 16, 1927): 732.

опубликовал подробнейшую статью, в которой отстаивал свою позицию и анализировал различные аспекты этого плана. Вслед за его статьей «План 100%-ного резерва» (“The 100-Percent Reserve Plan”)²⁰ в 1936 г. вышла статья Генри Саймонса «Правила против администрирования в денежной политике» (“Rules versus Authority in Monetary Policy”)²¹.

Из всех чикагских теоретиков ближе всех к тезису о 100%-ном резервировании как о чем-то большем, чем просто предложение в сфере экономики, подошел Генри Саймонс. Он отметил необходимость рассматривать эту проблему в связи с институциональной сетью правил, которые жизненно важны для функционирования рыночной экономики. Саймонс утверждал: «Демократическая система свободного предпринимательства для своего эффективного функционирования и выживания предполагает и требует наличия стабильной системы определенных правил, положенных в основание законодательства и изменяющихся очень постепенно, с тщательным учетом законных интересов участников экономической игры»²². Тем не менее Генри Саймонс отстаивает требование 100%-ного резервирования в сочетании с базовым предложением об установлении полного государственного контроля над количеством денег в обращении и их ценностью. Он объявил об этом предложении годом ранее в брошюре, озаглавленной «Позитивная программа для экономической свободы: некоторые предложения по либеральной экономической политике», опубликованной в 1934 г. Как следует из этой брошюры, в то время Саймонс уже полагал, что депозитные банки, которые поддерживают «100%-ные резервы, просто не могут разориться и не могут ни создавать, ни разрушать действующую денежную систему. Эти институты будут принимать вклады так же, как склады принимают товары. Их доход будет проистекать исключительно от платы за услуги — возможно, весьма невысокой платы за перевод средств посредством чеков или тратт... Эти предложения, касающиеся банковского дела, определяют способы устранения вредной эластичности кредита, которая имеет место в системе частной коммерческой банковской деятельности и установления полного контроля со стороны центрального правительства над количеством фактически обращающихся денег и их ценностью»²³.

²⁰ James W. Angell, “The 100-Percent Reserve Plan”, *The Quarterly Journal of Economics* 50, no. 1 (November 1935): 1—35.

²¹ Henry C. Simons, “Rules versus Authorities in Monetary Policy”, *Journal of Political Economy* 44, no. 1 (February 1936): 1—30.

²² Simons, “Rules versus Authorities in Monetary Policy”, p. 181. Перепечатано в качестве главы 7 его книги *Economic Policy for a Free Society* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), p. 181. В высшей степени существенен тот факт, что Саймонс осуществляет свой юридически-институциональный анализ в той самой статье, в которой он предлагает свой вариант банковской реформы на базе требования о 100%-ном резервировании.

²³ Henry C. Simons, “A Positive Program for Laissez-Faire: Some Proposals for a Liberal Economic Policy,” *Public Policy Pamphlet* no. 15, Harry D. Gideonse, ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1934), перепечатано в: Henry C. Simons, *Economic Policy for a Free Society*, ch. 2, pp. 64—65. О Генри Саймонсе см. статью Уолтера Блока: Walter Block, “Henry Simons is Not a Supporter of Free Enterprise,” *Journal of Libertarian Studies* 16, no. 4 (Fall, 2002): 3—36.

За Саймонсом²⁴ последовали Фриц Леман со своей статьей «Стопроцентные деньги»²⁵ и Фрэнк Грэхэм, который в сентябре 1936 г. опубликовал статью под заголовком «Деньги частичного резервирования и предложение о 100%-ных резервах»²⁶.

Этот набор предложений дополняет книга Ирвинга Фишера, внесшего свой вклад в виде книги «Стопроцентные деньги»²⁷. После Второй мировой войны эта тема вновь была поднята в уже упоминавшейся книге Саймонса. Она затрагивалась также в книге Ллойда Минтса «Денежная политика для конкурентного общества»²⁸. Кульминацией этого потока публикаций стало появление в 1959 г. работы Милтона Фридмена «Программа стабилизации денежной системы»²⁹. Как и его предшественники, Милтон Фридмен рекомендовал замену действующей ныне системы на такую, в которой бы действовало требование 100%-ного резервирования³⁰. Единственное отличие состояло в том, что Фридмен предложил выплачивать процент на эти резервы и в любопытном примечании упомянул систему с полной свободой банковской деятельности, отстаиваемую Гэри Беккером как один из способов решения этой задачи³¹.

Ближе всех к признанию юридически-институциональной потребности в установлении 100%-ного резервирования подошел Генри Саймонс³².

²⁴ «По-видимому, сильнейшая экономическая нестабильность присуща любой системе, в которой *одни и те же средства* служат одновременно и *источником финансирования инвестиций и торговли, и резервами ликвидной наличности частных лиц*. Наша финансовая структура в значительной степени опирается на иллюзию, что средства могут быть в одно и то же время и доступны, и инвестированы. Это же относится и к нашим сберегательным банкам (и в меньшей степени ко многим другим финансовым институтам), а также к депозитным коммерческим банкам» (Simons, *Economic Policy for a Free Society*, p. 320, n. 7).

²⁵ Fritz Lehman, "100 Percent Money," *Social Research* 3, no. 1: 37—56.

²⁶ Frank D. Graham, "Partial Reserve Money and the 100 Percent Proposal," *American Economic Review* 26 (1936): 428—440.

²⁷ Irving Fisher, *100 Percent Money* (New York: Adelphi Company, 1935).

²⁸ Lloyd W. Mints, *Monetary Policy for Competitive Society* (New York, 1950), pp. 186—187.

²⁹ Milton Friedman, *A Program for Monetary Stability* (New York: Fordham University Press, 1959). Впервые Фридмен представил свои идеи о 100%-ном резервировании в 1953 г. в статье "A Monetary and Fiscal Framework for Economic Stability," *American Economic Review* 38, no. 3 (1948): 245—264. См. критический отзыв Ротбарда об этой статье: Murray N. Rothbard, "Milton Friedman Unraveled," *Journal of Libertarian Studies* 16, no. 4 (Fall, 2002): 37—45.

³⁰ Friedman, *A Program for Monetary Stability*.

³¹ Фридмен не упоминает Мизеса, который почти за 50 лет до его книги в немецком издании и за 25 лет в английском уже приводил подробную версию той же самой теории. См.: Milton Friedman, *A Program for Monetary Stability*, n. 10. Много лет спустя было опубликовано предложение Гэри Беккера: Gary S. Becker, "A Proposal for Free Banking," *Free Banking*, vol. 3: *Modern Theory and Policy*, White, ed., ch. 2, pp. 20—25. Хотя Гэри Беккер совершенно очевидно принадлежит к современной новой банковской школе, отстаивающей достоинства свободной банковской деятельности с частичным резервированием, он признает, что в данном случае система с требованием 100%-ного резервирования была бы существенным улучшением нынешней финансовой и банковской системы (p. 24).

³² Ирвинг Фишер также рассмотрел юридический аспект 100%-ного резервирования. Он указывал, что при такой системе «вклады до востребования были бы в буквальном

Но в целом теоретики чикагской школы выдвигали тезис о необходимости 100%-ного резервирования, руководствуясь исключительно практически-ми соображениями. Они считали, что это облегчит государству проведение более предсказуемой денежной политики. Теоретиков чикагской школы можно упрекнуть в наивности — они приписывали государству и желание, и возможности такого администрирования денежной системы, чтобы при любых обстоятельствах денежная политика оставалась стабильной³³.

смысле слова вкладами, состоящими из наличности и сохраняемыми по поручению вкладчика... Отделы чековых вкладов в банках стали бы просто складскими хранилищами денег, принадлежащих вкладчикам». (Irving Fisher, *100 Percent Money*, p. 10). К сожалению, экономической теорией, в рамках которой работал Фишер, был монетаризм, и, следовательно, он никогда не понимал, каким образом кредитная экспансия, порождаемая частичным резервированием, затрагивает структуру стадий производства в обществе. Более того, Фишер рекомендовал установление индексного стандарта и сохранение государственного контроля над денежной политикой, что Людвиг фон Мизес подверг резкой критике (см.: Мизес. Человеческая деятельность. С. 413—413). В частности, Фишер использует монетаристское уравнение обмена, что ведет к существенным ошибкам в ходе теоретического анализа и оборачивается ошибочными экономическими прогнозами. Фишер не сумел понять, что помимо макроэкономических эффектов, отражаемых этой формулой, увеличение предложения денег исказит производственную структуру, с неумолимой силой втаскивая экономику в кризисы и спады. Так, в конце 1920-х годов Фишер полагал, что расширение экономики будет продолжаться «бесконечно», и не понял, что экспансия опирается на искусственный фундамент, который должен разрушиться. И действительно, Великая депрессия, начавшаяся в 1929 г., стала для него совершенной неожиданностью и почти уничтожила его состояние. Об интересной личности знаменитого экономиста см. книгу Ирвинга Н. Фишера «Мой отец, Ирвинг Фишер» (Irving N. Fisher, *My Father, Irving Fisher* (New York: A Reflection Book, 1956)). См. также биографию Ирвинга Фишера, написанную Робертом Лоринг-Алленом: Robert Loring Allen, *Irving Fisher: A Biography*. (О прогнозах Фишера, который предрекал дальнейший рост фондового рынка, а после его краха 24 октября 1929 г. — отсутствие предпосылок к его дальнейшему падению, см. статью Марка Скоузена «Кто предсказал крах 1929 г.» в сборнике «Экономический цикл: анализ австрийской школы», Челябинск: Социум, 2005. С. 172—215, в особенности, с. 175—177. Последний оптимистический прогноз был опубликован Фишером за 2 дня до обвала рынка в октябре 1929 г. — Прим. перев.)

³³ Как пишет Паскаль Сален в своей статье о Морисе Алле, «вся история денег показывает, что государство отказывается принимать во внимание законы денежного обращения и что первопричиной инфляции в конечном счете являются институциональные ошибки» (см.: Pascal Salin, «Maurice Allais: un économiste liberal?», p. 11). Поэтому мы не можем полагаться на то, что центральный банк, который всегда до той или иной степени испытывает на себе воздействие текущей политической ситуации, будет в состоянии проводить такую денежную политику, которая избавит общество от ужасов экономического цикла, даже если для частных банков будет установлено обязательное 100%-ное резервирование. Ведь центральному банку ничто не мешает напрямую финансировать государственные расходы либо, осуществляя операции на открытом рынке, путем масштабных приобретений государственных облигаций и других ценных бумаг, накачивать в систему ликвидность через рынок ценных бумаг. Тем самым сохраняется возможность внесения временных искажений процентной ставки и структуры стадий производства. Это приводит в действие механизм экономического цикла, который периодически сбрасывает экономику в глубокие спады. Это аргумент *prima facie* против сохранения центрального банка. Он указывает на необходимость сочетания восстановления принципов права в частном банковском бизнесе

Эта наивность схожа с той, которую демонстрируют современные сторонники свободы банковской деятельности с частичным резервированием, когда они полагаются на способность стихийных процессов сальдирования межбанковских обязательств и механизмов клиринга остановить одновременное расширение кредита большинством банков. Эти теоретики не понимают, что, хотя свободная банковская деятельность с частичным резервированием накладывает больше ограничений, чем нынешняя система, она не предотвращает ни создания фидуциарных средств обращения, ни, что является логическим следствием этого, не обеспечивает защиты рынка от экономических кризисов. Поэтому мы должны заключить, что *единственным эффективным способом избавить общество от привилегий избранных и экономических циклов является система свободной банковской деятельности, подчиняющаяся общим принципам права, т.е. требованию 100%-ного резервирования*³⁴.

2

НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО РЕФОРМЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Результаты исследования, предпринятого в этой книге, логически подводят нас к совершенно конкретной программе реформы банковской системы. С одной стороны, институты, относящиеся к финансовому рынку, должны быть приведены в соответствие с традиционными принципами права. С другой стороны, должны быть упразднены государственные агентства, которые до сего дня контролируют финансовую систему и руководят ею. Для того чтобы создать по-настоящему стабильную финансовую и денежную систему XXI в., которая защитит экономику от экономических кризисов и спадов, необходимо обеспечить: (1) полную свободу в выборе валюты; (2) свободу банковской деятельности и упразднение центрального банка и самое важное (3) обязательное соблюдение традиционных правил и принципов права всеми субъектами, участвующими в свободной банковской деятельности, в частности соблюдение принципа, в соответствии с которым

с полным дерегулированием сектора и упразднением центрального банка. О традиционной склонности чикагской школы к интервенционизму см.: “Symposium: Chicago versus the Free Market,” *Journal of Libertarian Studies* 16, no. 4 (Fall, 2002).

³⁴ В кейнсианском лагере Джеймс Тобин, получивший в 1981 г. Нобелевскую премию по экономике, предложил систему «деPOSITНЫХ средств обращения», которая включает в себя многие черты чикагского плана 100%-ного резервирования. См.: James Tobin, “Financial Innovation and Deregulation in Perspective,” *Bank of Japan Monetary and Economic Studies* 3 (1985): 19—29. См. также комментарий Чарльза Гудхарта на предложение Тобина ввести требование 100%-ного резерва: Charles Goodhart, *The Evolution of Central Banks*, pp. 87ff. Недавно Алекс Поллок вновь обосновывал подобную банковскую систему в своей статье: Alex Hocker Pollock, “Collateralized Money: An Idea Whose Time Has Come Again?” *Durrel Journal of Money and Banking* 5, no. 1 (March 1993): 34—38. Главным недостатком схемы Поллока является то, что он считает, что резервы должны храниться не в форме денежных средств, а в активах, имеющих такую рыночную ценность, которая обеспечивает их быструю ликвидность.

никто не пользуется привилегией предоставлять ссуды из доверенных ему на хранение вкладов до востребования. Короче говоря, в банковской системе необходимо постоянно поддерживать 100%-ный коэффициент резервирования. Теперь перейдем к подробному рассмотрению каждого элемента нашего предложения.

Полная свобода выбора валюты

Мы рекомендуем приватизировать деньги и прекратить вмешательство со стороны государства или центрального банка в вопросы их эмиссии или контроль за их покупательной способностью. Эта задача предполагает упразднение законодательства об узаконенном средстве платежа, которое принуждает всех граждан, даже против их воли, во всех случаях принимать денежные единицы, эмитируемые государством, в качестве средств добровольного платежа. Отмена законов об узаконении средств платежа тем самым является существенным моментом всякого дерегулирования финансового рынка. Такая «денационализация денег», по выражению Хайека, позволит экономическим агентам, обладающим гораздо более точной, из первых рук, информацией о специфических обстоятельствах времени и места, в которых они действуют, в каждом конкретном случае решать, какой тип денежной единицы им удобно использовать в своих договорах.

О будущей эволюции денег невозможно теоретизировать априори. Теоретическое исследование ограничивается констатацией: деньги являются стихийно возникающим институтом, подобно праву, языку и другим юридическим и экономическим институтам, в которых воплощены гигантские объемы информации. Такие институты возникают эволюционным путем, в течение длительных периодов времени, с участием многих поколений людей. Далее, подобно тому, как это имеет место с языком, определенные институты, которые в ходе общественного процесса проб и ошибок выполняют свои функции лучше, постепенно начинают преобладать. Только опыт посредством стихийного, эволюционного рыночного процесса может привести к преобладанию тех институтов, которые лучше обеспечивают общественное сотрудничество. Ни один человек или группа не располагает прозорливостью и информацией, необходимой для создания таких институтов *ex novo*.

Эти соображения полностью приложимы к процессу возникновения и эволюции денег³⁵. Следовательно, в этой сфере мы должны с особой осто-

³⁵ О теории возникновения институтов см.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. Кн. 3. Гл. 2. С. 396—409. Об эволюционной теории возникновения денег см.: Менгер К. Основания политической экономии // Там же. Гл. 8. С. 257—284. Carl Menger, "On the Origins of Money," *Economic Journal*, vol. 2 (1892), pp. 239—255. Напомним также о сформулированной Мизесом теореме регрессии, в соответствии с которой цена, или покупательная способность денег, определяется спросом на них и их предложением, которые, в свою очередь, определяются на их сегодняшней покупательной способностью, а тем знанием, которое экономический

рожностью подходить ко всем предложениям, предполагающим создание искусственных денег, безотносительно к тому, какие преимущества, как представляется, сулят эти планы на первый взгляд³⁶.

Таким образом, наше предложение о свободном выборе валюты понятно. В процессе перехода, который мы разбираем ниже, деньги в своей нынешней форме подлежат приватизации посредством их замены на такую форму, которая в ходе эволюции, поколение за поколением, утвердилась

агент сформировал на основе ее вчерашнего уровня. В то же время вчерашняя покупательная способность определялась спросом на деньги, сформированным на базе знания их позавчерашней покупательной способности. Это рассуждение мы можем проследить вплоть до момента, когда впервые в истории люди начали предъявлять спрос на определенные блага как на средства обмена. Таким образом, эта теорема отражает теорию Менгера о стихийном возникновении и эволюции денег, но ход ее доказательства состоит в учете этого, обратного [эволюции денег] процесса. Теорема регрессии имеет важнейшее значение для любого проекта реформирования денежной системы. Она объясняет, почему в этой сфере не может быть никаких «прыжков в никуда», почему попытки создания денежной системы *ex novo*, т.е. такой системы, которая не была бы продуктом эволюции, обречены на провал, как в лингвистике провалилась попытка создания языка эсперанто. О теореме регрессии см.: Мизес. Человеческая деятельность. С. 382—383, 398, 570. Внедрение на рынок новых технологий платежа (вначале бумажных, затем пластиковых карт, сегодня — электронных «денег») не влияет на экономические выводы нашего исследования. Не является ни возможным, ни удобным пытаться внедрить совокупность частных неразменных электронных денег, конкурирующих друг с другом в хаотическом мире гибких валютных курсов, особенно когда нам известен конечный итог многовековой и свободной рыночной эволюции человечества: единый признанный во всем мире товар (золото), которым не могут манипулировать ни частные лица, ни государственные чиновники. По этим причинам мы не можем принять предложение Жан-Пьера Сенти: Jean-Pierre Centi, “Hayekian Perspectives on the Monetary Systems: Toward Fiat Private and Competitive Money”, in *Austrian Economics Today I*, The International Library of Austrian Economics, Kurt R. Leube, ed. (Frankfurt: FAZ Buch, 2003), pp. 89—104. См. также прим. 104 к настоящей главе.

³⁶ Наиболее известный план денационализации денег содержится в одноименной книге Ф. Хайека (русск. изд. называется «Частные деньги»), опубликованной в 1976 г. Однако первые безрассудные попытки поддержать искусственные денежные стандарты он предпринял за тридцать лет до этого в статье: Friedrich A. Hayek, “A Commodity Reserve Currency”, *Economic Journal* 53, no. 210 (June—September, 1943): 176—184 (См.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изорафт, 2000. Гл. 10. С. 201—209). Мы считаем анализ Хайеком менгеровского процесса эволюции институтов совершенно корректным и согласны с ним в том, что было крайне благотворным в денежной сфере, как и во всякой другой, допустить частное рыночное экспериментирование. Вместе с тем мы находим крайне прискорбным тот факт, что Хайек в конце концов предложил в качестве новой денежной единицы полностью искусственный стандарт (содержащий корзину различных товаров). Хотя это предложение можно интерпретировать в том духе, что это может быть процедурой возврата к традиционным деньгам (чистый золотой стандарт и 100%-ное резервирование), Хайек, очевидно, заслужил ту критику, которой его подвергли некоторые экономисты австрийской школы. Эти экономисты встретили предложение Хайека весьма жестко, назвав его «сциентистским» и «конструктивистским». Среди них были Мюррей Ротбард, Ганс-Герман Хоппе и Джозеф Салерно (в своей статье “Mises and Hayek Dehomogenized”). Эти же возражения могут быть сделаны против похожего предложения Леланда Йигера (см.: Leland Yeager, “The Perils of Base Money”, p. 262).

в истории, — на золото³⁷. На самом деле, достаточно бессмысленно пытаться внезапно внедрить на рынок новую широко распространенную денежную единицу, игнорируя тысячи лет эволюции, в течение которых золото стихийно заняло доминирующую позицию в качестве денег. В соответствии с теоремой регрессии такой трюк невозможен, поскольку никакая форма денег не может использоваться в обществе в качестве общепризнанного средства обмена, если она не опирается на весьма продолжительный исторический опыт, начало которого восходит к первому промышленному или коммерческому применению обсуждаемого товара, подобно золоту и серебру. Таким образом, наше предложение сводится к приватизации денег в их сегодняшней форме посредством ее замены на металлический эквивалент в золоте. С момента перехода рынок должен получить возможность развиваться свободно, в результате чего либо подтвердится статус золота как общепризнанной формы денег, либо в ходе стихийного и постепенного процесса возникнет новый денежный стандарт³⁸.

Система полной свободы банковской деятельности

Второй элемент нашего предложения указывает на необходимость отмены банковского законодательства и ликвидации центрального банка, а также вообще любого государственного ведомства, занимающегося контролем и вмешательством в финансовый и банковский рынки. Как писал в 1869 г. достопочтенный Лауреано Фигерола-и-Баллестер, необходимо предоставить

³⁷ Серебро может быть рассмотрено как вторичный, параллельный металлический стандарт, который, если того пожелают экономические агенты, может сосуществовать с золотом при колеблющемся курсе, определяемом в каждый момент рынком этих двух денежных металлов. Мы должны признать, далее, что уменьшение использования серебра в XIX в. было ускорено действиями государств, которые устанавливали фиксированные курсы обмена золота на серебро на искусственно заниженном уровне. См.: Rothbard, *Man, Economy and State*, pp. 724—726. (На русском языке по этой проблеме см.: Ротбард М. Государство и деньги. С. 78—81; Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела. Челябинск: Социум, 2005. С. 103—106, 109—111 и др. — *Прим. перев.*)

³⁸ Предлагаемый нами золотой стандарт не имеет ни малейшего сходства с фиктивным золотым стандартом, действовавшим до начала 1930-х годов (основные параметры этого слиткового и золотодевизного стандарта были согласованы в ходе первых послевоенных международных конференций 1919—1922 гг. — *Прим. перев.*). Тот стандарт основывался на существовании центральных банков и банковской системе с частичным резервированием. Как указывает Милтон Фридмен: «Действительным, кристально честным золотым стандартом... был бы такой стандарт, при котором золото буквально было бы деньгами, а деньги буквально были бы золотыми, при котором сделки буквально осуществлялись бы либо в желтом металле, либо в листках бумаги, которые бы представляли собой 100%-ные складские сертификаты на золото» (Milton Friedman, "Has Gold Lost its Monetary Role?" *Milton Friedman in South Africa*, Meyer Felberg, Kate Jewel, and Stephen Mulholland, eds. [Johannesburg: Graduate School of Business of the University of Cape Town, 1976]). Об экономической теории золота см.: Mark Skousen, *The Structure of Production*, Ch. 8 "The Theory of Commodity Money: Economics of Pure Gold Standard", pp. 265—281.

«выбор формы банковского дела всякому, кто знает, каким образом выбрать наилучшую, соответствующую конкретным обстоятельствам времени и места»³⁹. Тем не менее защита свободы банковской деятельности не предполагает, что банкам разрешается вести операции с частичным резервированием. Здесь должно быть совершенно ясно: банковская деятельность должна быть подчинена традиционным принципам права, что предполагает поддержание в любой момент времени 100%-ного коэффициента резервирования по вкладам до востребования, хранящимся в банке. Свобода банковской деятельности не означает выдачи лицензии на нарушение этого правила, поскольку такое нарушение не только подрывает традиционные принципы права, но и запускает цепь последствий, весьма опасных для экономики. Юридический и экономический аспекты этой проблемы тесно связаны. Невозможно нарушить правовые и моральные принципы без того, чтобы не вызвать серьезные пагубные последствия для стихийного процесса общественного сотрудничества. Поэтому свобода банковской деятельности не должна иметь никаких ограничений, кроме тех, которые установлены системой общих правовых принципов⁴⁰. Это подводит нас к третьему элементу нашего предложения, рассмотрением которого мы сейчас займемся.

³⁹ Laureano Figuerola, *Escritos económicos*, edición y estudio preliminar de Francisco Cabrillo Rodríguez (Madrid: Instituto de Estudios Fiscales, 1991, p. 268). Эта констатация, которую сами Мизес и Хайек не смогли бы сформулировать точнее, фигурирует в отчете Лауреано Фигерола, направленном в Испанское учредительное собрание 22 февраля 1869 г.

⁴⁰ Короче говоря, мы рекомендуем заменить паутину административного законодательства, регламентирующего банковскую деятельность сегодня, несколькими простыми статьями Уголовного и Торгового кодексов. Например, в Испании весь корпус банковского законодательства может быть отменен и просто заменен новой редакцией статей 180 и 182 Торгового кодекса. Текст этой новой редакции может выглядеть так (места, отличающиеся от ныне существующей редакции, выделены курсивом):

Статья 180. Банки должны держать в своих хранилищах наличность в количестве, равном *общему* объему вкладов, чековых счетов и банкнот (bills), выпущенных в обращение.

Статья 182. Сумма банкнот (bills), находящихся в обращении, вместе со средствами, соответствующими вкладам и чековым счетам, ни в каком случае не должна превышать общего количества наличности, *хранящейся в каждом банке в каждый момент времени*.

В данные статьи Торгового кодекса нет необходимости включать ссылки на операции, осуществляемые для того, чтобы избежать выполнения норм закона путем сокрытия истинного договора вклада (сделки с соглашением об обратном выкупе или американские опционы «пут» и т.п.). Этой необходимости не появляется, поскольку юридическая трактовка доктрины ухода от требований закона позволяет объявить такие операции ничтожными и недействительными. Однако для того чтобы избежать возможности преобразования той или иной финансовой «инновации» в деньги до ее отмены по закону, было бы разумным добавить в статью 180 следующее: *«То же обязательство должно быть выполнено всеми физическими и юридическими лицами, которые, уклоняясь от закона, осуществляют законные сделки, направленные на сокрытие истинного договора о денежном вкладе»*.

Что касается Уголовного кодекса, то в случае Испании необходимые изменения были бы минимальными. Тем не менее, для того чтобы еще больше прояснить содержание статьи 252 нового Уголовного кодекса Испании и сделать ее редакцию совмес-

Обязательства всех участников системы свободной банковской деятельности соблюдать традиционные принципы права и юридические правила, в частности, поддерживать 100%-ный коэффициент резервирования по вкладам до востребования

Нам осталось добавить весьма немного к нашей рекомендации о 100%-ном резервировании, требуемом от банков. Обоснованию данного третьего элемента нашего предложения, логически имеющему тесную связь с первыми двумя, посвящена вся эта книга. Действительно, единственный способ искоренить государственное ведомство, осуществляющее централизованное планирование денежной и финансовой системы (т.е. центральный банк), — это позволить обществу возобновить использование той формы частных денег, которая эволюционным путем возникла в истории (золото и, в меньшей степени, серебро). Более того, экономика свободного рынка может действовать только в рамках, обеспечиваемых правилами материального права. Применительно к банковской системе эти правила требуют установления полной свободы банковской деятельности, но такой, при которой банкиры последовательно соблюдают принцип поддержания 100%-ных резервов против договоров о вкладе до востребования.

Сочетание этих трех элементов составляет ядро программы реформирования и приватизации современной денежно-банковской системы, направленной на освобождение ее от влияний, которые сегодня дестабилизируют эту систему, прежде всего от вмешательства центрального банка и предоставленных государством привилегий, которыми пользуются большинство влиятельных игроков финансового сектора. Эта реформа может открыть дорогу такому развитию банковских учреждений, которое *на самом деле* благоприятствует рыночной экономике. Эти институты будут способствовать экономическому развитию и накоплению *разумно инвестированного*

тимой с нашей редакцией статей 180 и 182 Торгового кодекса, приводим ее формулировку, которая должна выглядеть следующим образом:

Статья 252. Указанные санкции будут наложены на каждого, кто, в ущерб другим лицам, присваивает или растрчивает деньги, товары или иное движимое имущество или наследственный актив, который был получен в качестве простой поклажи, иррегулярной поклажи или денежного банковского вклада, в порядке кониснации или доверительного управления, или посредством *любого* другого *аналогичного* требования, налагающего обязанность поставить или вернуть имущество, а также в отношении того, кто отказывается признать, что получил их... Эти санкции будут увеличены на 50% в случае, если необходимая поклажа, *иррегулярная поклажа или денежный банковский вклад, или любая другая операция будут скрывать — в целях уклонения от закона — денежную иррегулярную поклажу.*

Эти простые изменения в Уголовном и Торговом кодексах позволяют отметить все банковское законодательство Испании. Банки становятся подсудны обычным судам, которые оценивают деяния физических лиц, подозреваемых в нарушении любого из вышеперечисленных запретов. (Это логически предполагает, что на банки начинают распространяться все конституционные гарантии, очевидно отсутствующие сегодня, что проявляется во множестве административных действий, предпринимаемых центральным банком.)

капитала, предотвращая в то же время структурные диспропорции и кризисы, порождаемые сегодняшней, строго контролируемой и централизованной банковской системой.

Как могла бы выглядеть финансово-банковская система в полностью свободном обществе?

Мы согласны с Израэлем Кирцнером в том, что сегодня невозможно знать, какая информация и какие институты будут завтра свободно использоваться и стихийно изобретаться предпринимателями — участниками будущей финансовой банковской системы. Ведь они не будут испытывать на себе никакого институционализированного государственного принуждения, а просто будут действовать в рамках норм материального права, обязательных для любого рынка. Как мы установили, для банковской деятельности важнейшей из этих норм является принцип поддержания 100%-ного коэффициента резервирования⁴¹.

Несмотря на сказанное выше, мы попытаемся, последовав примеру Хайека⁴², высказать некоторые предположения о будущем. При вышеописанных условиях можно ожидать стихийного появления самых разнообразных паевых фондов⁴³, в которые люди смогут инвестировать часть своих

⁴¹ «Мы не в состоянии нарисовать картину капитализма будущего хоть сколько-нибудь конкретно. Одна из причин этой неспособности состоит именно в том, что вселяет в нас уверенность в экономическом будущем капитализма как времени прогресса и развития. Те обстоятельства, которые исключают возможность рассматривать будущее капитализма как нечто предопределенное, являются теми же самыми обстоятельствами, в которых, пока работает система предпринимательства, мы живем, не привязанные к какой-то схеме [будущего]. Само отсутствие элементов предопределенности и предсказуемости парадоксальным образом позволяет нам испытывать доверие к долгосрочной жизнеспособности и прогрессу экономики, развивающейся в условиях капитализма» (Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Progress* (Chicago and London: University of Chicago Press, 1985), p.168).

⁴² Хайек. Частные деньги. С. 205—209.

⁴³ Об этой сети паевых фондов см. статью Джозефа Салерно: Joseph T. Salerno, “Gold Standard: True and False,” pp. 257—258. Представление, согласно которому акции таких паевых фондов постепенно станут деньгами, неверно, так как эти акции — просто титулы реальных инвестиций. Они не гарантируют возврата номинальной ценности инвестиций, которые всегда будут подвержены тенденциям изменения рыночных цен на соответствующие капитальные блага, акции, облигации и т.п. Иными словами, несмотря на свою высокую ликвидность, эта ликвидность, во-первых, не является мгновенной и, во-вторых, не предполагает существования номинальной ценности, по определению присущей денежной единице. На самом деле, любое лицо, нуждающееся в ликвидности, должно найти на рынке кого-то, кто согласился бы поставить ему эту ликвидность посредством оплаты золотом рыночной ценности соответствующих акций этих паевых фондов. Следовательно, паевые фонды не могут гарантировать ни [неизменной] ценности вложенного капитала в момент приобретения акций, ни процентной ставки на эти вложения. Любая «гарантия» ликвидности имеет в виду лишь относительную легкость, с которой акции фондов можно продать на рынке, хотя здесь не существует юридических гарантий того, что такая продажа будет возможной

текущих «вкладов». Бумаги этих паевых фондов обладали бы высокой ликвидностью вследствие наличия развитого вторичного финансового рынка. Однако представляется логичным, что они не будут гарантировать своим пайщикам возврата в любой момент времени номинальной ценности сделанных вложений. Изменения рыночной ценности свойственны всем ценным бумагам, обращающимся на вторичном рынке. Таким образом, внезапные изменения (хотя это и маловероятно) общественной нормы временного предпочтения могут вызвать общие колебания ценности акций. Такие колебания затронут только держателей соответствующих акций и не затронут, как это происходит сегодня, всех граждан, которые год за годом наблюдают за существенным падением покупательной способности эмитируемых государством денежных единиц, которые они обязаны использовать.

Вполне возможно, что широкая сеть паевых фондов будет дополнена целой системой институтов, предоставляющих своим клиентам такие услуги, как платежи, переводы, ведение счетов и вообще кассовые операции. Такие компании будут вести свой бизнес в условиях свободной конкуренции, взимая плату за свои услуги (по соответствующим рыночным расценкам).

Также вполне можно представить себе появление ряда частных фирм, вообще никак не связанных с кредитом, занятых добычей, дизайном и поставкой различных форм частных денег. Такие компании также получали бы прибыль (более скромную, чем нынешние) от предоставления своих услуг. Мы употребили термин «добыча», поскольку не сомневаемся в том, что в условиях полной свободы преобладающей формой денег всегда будет металл, обладающий по меньшей мере теми же уникальными характеристиками, которыми сегодня обладает только золото: неизменность свойств, высокая степень однородности и, прежде всего, редкость⁴⁴.

3

ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВ ПРЕДЛОЖЕННОЙ СИСТЕМЫ

Этот раздел посвящен главным преимуществам системы свободной банковской деятельности, подчиненной общим принципам права, требованию 100%-ного резервирования и функционирующей в условиях полностью частной формы денег (золото). Эта система предложена как вариант, противоположный системе централизованного финансового планирования (центральный банк), которая сегодня во всех странах контролирует финансовую и банковскую сферы.

при любых обстоятельствах, и еще меньшие гарантии имеются относительно твердой цены [продаваемых акций].

⁴⁴ Поэтому вовсе не является капризом истории тот факт, что в условиях свободы именно золото стало преобладать как общепринятое средство обмена. Этот факт связан с тем, что золото обладает существенными характеристиками, которые, с точки зрения принципов права и экономической теории, должно иметь широко распространенное средство обмена. В этой сфере, как и во многих других, за экономической теорией стоят стихийные результаты процесса эволюции общества.

1. Предлагаемая система предотвращает банковские кризисы.

Даже самые авторитетные сторонники частичного резервирования в сочетании со свободной банковской деятельностью признали, что установление требования 100%-ного резервирования положит конец банковским кризисам⁴⁵. Действительно, банковские кризисы проистекают от свойственной банкам [при частичном резервировании] нехватки ликвидности. Эти институты используют для выдачи кредитов большую часть средств, которые клиенты банков разместили в них до востребования. Если, в соответствии с традиционными принципами права, применимыми к иррегулярной поклаже, любой, кто получает деньги в качестве банковского вклада, будет обязан в каждый момент времени иметь на руках *tantundem*, эквивалентный 100% принятых на хранение денег, то очевидно, что вкладчики будут иметь возможность в любое время изъять всю сумму своих вкладов, не вызывая никакого напряжения в финансовом положении соответствующих банков.

Разумеется, банки, не ограничиваясь только депозитными операциями, например, выполняя функции посредников на ссудном рынке, могут столкнуться с экономическими трудностями в результате предпринимательских ошибок или некачественного менеджмента. Однако в этих случаях для ликвидации банковских операций этого типа будет достаточно действия обычного законодательства о банкротстве⁴⁶. Это произойдет обычным образом, никак не затрагивая гарантированного возврата сумм с вкладов до востребования. С юридической и экономической точек зрения этот второй тип банковского «кризиса» ни в количественном, ни в качественном отношении не имеет ничего общего с традиционными кризисами, которые свирепствуют среди банков с того самого момента, как они начали вести операции с частичными резервами. Единственным способом избавления от этих кризисов является именно прекращение банковской практики частичного резервирования.

2. Предлагаемая система предотвращает экономические кризисы.

Как говорят нам и теория, и история, следующие один за другим циклы искусственных экономических бумов и спадов начинали поражать рыночную экономику с тех пор, как банки начали использовать частичное резервирование. Последствия этих циклов стали более разрушительными, когда государства наделили банки привилегией вести такие операции легально. Разрушения стали еще более масштабными и болезненными с появлением центрального банка с его функцией кредитора последней инстанции, учрежденного для того, чтобы снабжать систему необходимой ликвидностью во время затруднений. Хотя центральные

⁴⁵ Среди прочих следует упомянуть Паскаля Салена, который подтверждает, что «банковский кризис при 100%-ном резервировании невозможен» (Salin, "Are Banking Crises a Free Market Phenomenon?" p. 2).

⁴⁶ См.: Cabrillo, *Quiebra y liquidacion de empresas: análisis económico del depecho español* (Madrid: Unión Editorial, 1989).

банки уменьшают частоту таких кризисов, они не в состоянии положить конец экономическим спадам, которые, наоборот, становятся более глубокими и тяжелыми.

Банковская система, настроенная на традиционные правовые принципы защиты собственности (т.е. со 100%-ным резервированием), иммунизирует наше общество от повторяющихся экономических кризисов. В действительности в этих условиях объем кредитов не может увеличиваться без предшествующего параллельного увеличения реальных добровольных сбережений общества. В этих условиях невозможно вообразить, что производственная структура будет искажена в результате рассогласования поведения двух групп экономических агентов — тех, кто инвестирует, и тех, кто сберегает. Лучшей гарантией от возникновения межвременных несоответствий в производственной структуре является соблюдение общих принципов права, заложенных на уровне внутренней логики, лежащей в основании конкретных институтов права, управляющих иррегулярной поклажей и правами собственности⁴⁷.

Вопреки убеждению теоретиков чикагской школы (тех из них, кто отстаивает требование банковской деятельности со 100%-ным резервированием), искоренение экономических кризисов и спадов явным образом зависит от полной приватизации денег (чистый золотой стандарт). Поскольку, если центральный банк продолжает отвечать за эмиссию полностью фидуциарных денег, нет и не может быть никакой гарантии того, что этот институт посредством операций на открытом рынке не сможет на время искусственно понизить процентные ставки и накачать рынок капитала искусственной ликвидностью. Последняя обеспечивает точно такой же эффект рассогласования производственной структуры, как инициирование частными банками кредитной экспансии, не обеспеченной реальными сбережениями⁴⁸. Основные представители чикагской школы, являющиеся сторонниками 100%-ного резервирования (Саймонс, Минтс, Харт и Фридмен), стремились главным образом оказать содействие реализации денежной политики и предотвратить банковские кризисы (см. выше, пункт 1), но их макроэкономический монетаристский аналитический метод не позволил им понять, что циклические кризисы экономики, которые банковская система

⁴⁷ Точное определение прав собственности в отношении договора денежного банковского вклада (100%-ный коэффициент резервирования) и жесткая, эффективная защита этих прав являются тем самым единственным, необходимым условием для создания «стабильной денежной системы», т.е. для решения той задачи, которую папа Иоанн Павел II называл в числе самых важных (и весьма немногих) обязанностей государства в экономической сфере. См.: John Paul II, *Centesimus Annus: Encyclical Letter on the Hundredth Anniversary of Rerum Novarum*, 1991, no. 48 (London: Catholic Truth Society, 1991), pp. 35—36. Иоанн Павел II говорит об этом так: «Экономическая деятельность, в особенности деятельность в рыночной экономике, не может осуществляться в институциональном, юридическом и политическом вакууме». Это утверждение прекрасно гармонирует с нашей поддержкой применения правовых принципов к конкретному случаю договора денежного банковского вклада.

⁴⁸ Как мы видели, государство может также породить *горизонтальное* рассогласование, эмитируя новые деньги для финансирования части своих расходов.

с частичным резервированием насылает на реальную производственную структуру, опаснее даже самых разрушительных банковских кризисов. Только полная отмена законодательства об узаконенном средстве платежа и полная приватизация сегодняшней государственной эмиссии денег смогут воспрепятствовать государственным институтам запустить экономический цикл даже после того, как в отношении центральных банков будет установлено требование 100%-ного резервирования.

В заключение мы должны признать, что предлагаемая система не позволит избежать *всех* экономических кризисов и спадов. Она предупреждает лишь повторяющиеся циклы бумов и спадов (которые составляют подавляющее большинство всех вообще экономических кризисов и представляют собой наиболее серьезную опасность). Наша система не предотвратит те изолированные кризисы, которые провоцируются войнами, природными катастрофами и схожими явлениями. Характеризуясь внезапным подрывом доверия и резкой сменой временных предпочтений экономических агентов, такие кризисы могут вызывать потрясения производственной структуры и потребовать значительных и болезненных корректировок. Тем не менее мы не должны впасть в заблуждение, как это делают многие экономисты, прежде всего представители «неоклассической школы», считая, что все экономические кризисы возникают в результате внешних шоков. Эти теоретики не понимают, что большая часть кризисов имеет эндогенное происхождение и их топливом является та самая кредитная экспансия, которую порождает банковский сектор, а организатором и дирижером выступают центральные банки. В отсутствие того разрушительного влияния, которое сегодняшняя банковская система оказывает на кредит, количество шоков сократится до минимума. Это произойдет не только потому, что исчезнет первопричина нестабильности наших экономик, но и потому, как будет показано ниже, что государства будут вынуждены быть гораздо более дисциплинированными в отношении своих бюджетов. Предлагаемая система, делая ограничения более жесткими, со временем вынудит прекратить многие виды деятельности, которые способствуют финансовой безответственности и, более того, насилию, конфликтам и войнам. А именно такие события, без сомнения, провоцируют внешние шоки, которые приносят экономике значительный ущерб.

3. Предлагаемая система в наибольшей мере соответствует частной собственности.

Установление требования 100%-ного резерва для договоров банковского вклада до востребования способно исправить и искоренить правовую порочность, которой банковское дело поражено с момента своего появления. Как показало наше историческое исследование эволюции банковской системы, вначале государство не распознало мошеннической природы частичного резервирования. Затем, когда последствия, порождаемые этой системой, проявились более наглядно, вместо адекватного определения и защиты традиционных принципов прав собственности государство стало соучастником, а затем и движущей силой соответствующих процессов кредит-

ной экспансии. Целью всегда было стремление получить удобный источник финансирования политических проектов. Эволюция банковской системы, проходившая на границе действия принципов права, породила лишь негативные последствия: она стимулировала все виды мошеннического и безответственного поведения, запустила искусственное расширение кредита и механизм разрушительных повторяющихся экономических спадов и социальных кризисов. В конце концов она предопределила неизбежное в этих условиях возникновение центральных банков и породила целую сеть административного регулирования банковской деятельности. Этот способ регулирования не обеспечил достижения целей, которые ставились перед ним и продолжают сегодня, в начале XXI в., что вызывает особое удивление, дестабилизировать мировую экономику.

4. Предложенная модель способствует стабильному и устойчивому экономическому росту, тем самым значительно снижая рыночные транзакционные издержки, которые, в частности, осложняют переговоры на рынке труда.

Девяносто лет хронической всемирной инфляции и длительный период полностью бесконтрольной кредитной экспансии извратили стереотипы и привычки экономических агентов. Сегодня большинство из них считают, что для стимулирования экономического развития необходимы инфляция и кредитная экспансия. Более того, стало весьма распространенным заблуждение, согласно которому экономика, не находящаяся в состоянии бума, считается пораженной «стагнацией». Люди не могут понять, что слишком быстрое расширение экономики практически всегда имеет искусственную причину. Этот процесс обречен на то, чтобы повернуть вспять в форме спада. Короче говоря, мы уже привыкли жить в маниакально-депрессивной экономике и приспособили наше поведение к нестабильности и тревогам.

Однако маниакально-депрессивную модель экономического развития можно заменить другой, гораздо более стабильной и устойчивой, если осуществить предложенную нами реформу. Ведь она будет предотвращать не только искусственную экспансию со всеми ее *стрессами* (экономическими, природными, социальными и личными), но также и спады, неизбежно следующие за каждым периодом такой экспансии. В предлагаемой нами модели денежная система характеризуется жестким и неэластичным предложением денег, в отношении как увеличения количества денег в обращении, так и, в особенности, его уменьшения. Требование 100%-ного резервирования полностью предотвращает экспансионистское увеличение предложения денег в форме кредитов, и поэтому увеличение количества денег будет ограничиваться естественным ростом, привязанным к росту мирового запаса золота. В последние 100 лет мировой запас золота увеличивался в среднем на 1—3% в год⁴⁹. Вследствие этого при денежной системе,

⁴⁹ См.: Skousen, *Structure of Production*, Ch. 8 “The Theory of Commodity Money: Economics of a Pure Gold Standard,” pp. 269—271. Скузен также поясняет, что благодаря неизменной природе золота его мировой запас на протяжении истории только увели-

представляющей собой чистый золотой стандарт в сочетании с требованием 100%-ного резервирования для банковской деятельности, в предположении 3%-ного роста производительности мы получаем экономическую модель, в которой возникает *постепенное и постоянное снижение цен на потребительские товары и услуги*. Это снижение не только соответствует устойчивому — по теоретическим и практическим меркам — экономическому росту, но и гарантирует выгодность такого роста для всех граждан, поскольку обеспечено постоянное увеличение покупательной способности принадлежащих им денежных единиц⁵⁰.

Эта модель растущей производительности, экономического развития и медленно увеличивающегося предложения денег (темпом около 1% в год) генерирует в результате снижения цен рост реальных доходов факторов производства, в особенности труда, что, в свою очередь, приводит к огромному снижению высоких издержек, которые сегодня ассоциируются с процессом заключения коллективных договоров. При стабильном спросе на деньги, росте производительности труда в среднем на 3% в год, увеличении предложения денег на 1% в год цены должны снижаться примерно на 2% в год. В этой модели реальный доход всех производственных факторов, в особенности труда, корректируется автоматически. Поэтому можно избежать переговоров о коллективных договорах, которые сегодня служат источником огромной напряженности и бесчисленных конфликтов в западных экономиках. Этот механизм будет востребован лишь в отдельных случаях, когда, например, повышенный рост производительности труда или рыночных цен на специфические виды труда вызывает необходимость

чивается, никогда не уменьшаясь. Поэтому, при прочих равных, при постоянной мировой добыче золота темпы прироста мирового запаса снижаются. Это обстоятельство, однако, компенсируется технологическими инновациями и техническим прогрессом в добывающем секторе экономики, которые и определили пределы прироста мирового запаса с 1900 г. в диапазоне от 1 до 3% в год. Мизес в этой связи указывает, что годовое увеличение мирового запаса золота в среднем соответствует постепенному долгосрочному темпу прироста, обусловленному ростом спроса на деньги со стороны увеличивающегося населения. Вследствие этого если спрос на деньги растет с темпом 1—3% в год (как и совокупный золотой запас), то цены будут ежегодно падать примерно на 3%, а номинальная процентная ставка будет колебаться между 0,25 и 1% в год (все это в предположении, что совокупная производительность экономики растет в среднем на 3%). См.: Мизес. Человеческая деятельность. С. 387—388. Мизес не упомянул еще о том, что естественная, долгосрочная тенденция к дефляции, вызванная ростом производительности, при прочих равных, обуславливает снижение спроса на деньги, допуская более высокую номинальную ставку процента.

⁵⁰ Джордж Селджин недавно сказал, что лучшим правилом для проведения денежной политики было бы позволить общему уровню цен снижаться в соответствии с ростом производительности. См.: Selgin, *Less Than Zero: The Case for a Falling Price Level in a Growing Economy*, Hobart Paper no. 132 (London: Institute of Economic Affairs, 1997). Мы находим это предложение в высшей степени здравым. Тем не менее по причинам, которые были изложены в главе 8 нашей книги, мы не можем полностью принять его тезисы. В частности, мы не согласны с его утверждением о том, что наиболее эффективной институциональной мерой для реализации его предложения является установление свободы банковской деятельности с частичным резервированием.

согласовать более значительный рост реальных доходов, чем тот, который автоматически происходит каждый год в меру снижения общего уровня цен. Более того, в этих случаях даже не будет необходимости во вмешательстве профсоюзов (хотя эта возможность тоже не исключается), поскольку сами рыночные силы, направляемые предпринимательским мотивом прибыли, будут стихийно приводить к росту доходов, обусловленному изменениями относительных условий [на данном рынке]. Таким образом, на практике переговоры по коллективным договорам будут ограничены теми отдельными случаями, когда производительность труда растет меньше, чем в среднем, что вызывает необходимость определенного снижения номинальных зарплат. В любом случае это снижение будет много меньше снижения общего уровня цен⁵¹.

В заключение мы хотели бы отметить, что главное достоинство жесткости предлагаемой денежной системы состоит в том, что она *полностью* исключает внезапное сокращение предложения денег, неизбежное на стадии спада, которое в рамках экономического цикла наступает после каждой экспансии. Таким образом, быть может, главным преимуществом предлагаемой нами реформы является полное устранение возможности сжатия кредита, которое наступает после каждого бума и является одним из самых ясных сигналов одного из очередных экономических кризисов, периодически сотрясающих наши экономики. Мировой запас золота не подвержен резким изменениям, поскольку этот металл накапливался в течение всей истории человечества. Поэтому невозможно представить, что в какой-то момент будущего его объем внезапно стремительно упадет. Одним из наиболее характерных свойств золота, оказавших наибольшее воздействие на доминирование золота в роли денег, является его однородность и неизменность в течение столетий. Таким образом, главным преимуществом предлагаемой модели является то, что она исключает

⁵¹ В меморандуме, подготовленном для Лиги Наций, о котором мы упоминали выше, Мизес выразил эту идею коротко и ясно: «Если все случаи расширения банковского кредита будут исключены, мир получит денежную систему, при которой — даже в случае открытия новых месторождений золота в Калифорнии, Австралии и Южной Африке — цены будут демонстрировать долгосрочную тенденцию к падению. Большинство наших современников найдут достаточно оснований, чтобы считать такую систему плохой, поскольку они находятся в плену убеждения, согласно которому *хорошее состояние рынка и высокие цены — одно и то же. Но это предрассудок.* Если бы на протяжении восьмидесяти лет или более мы имели медленно понижающиеся цены, мы привыкли бы оценивать улучшение жизненного уровня и увеличение реального дохода в форме понижающихся цен при стабильном или понижающемся денежном доходе, а не в форме роста денежных доходов. В любом случае, решение трудной задачи реформирования нашей денежно-кредитной системы не должно отвергаться только на том основании, что оно предполагает продолжительное понижение цен. Помимо всего прочего, мы не должны позволять, чтобы на наше мнение оказывали влияние негативные последствия недавнего *резкого* падения цен. Медленное и постепенное понижение цен ни в каком отношении не может быть сравнимо с тем, что происходит при сегодняшней [денежно-кредитной] системе: *внезапное и значительное повышение уровня цен, сменяющееся таким же внезапным и резким падением*» (Mises, *Money, Method, and the Market Process*, p. 90—91 (курсив мой. — У. де С.)).

случаи внезапного сокращения объемов кредита и, следовательно, количества денег в обращении, которые до сего дня повторяются в «эластичной» денежно-кредитной системе, преобладающей сегодня во всем мире. Кратко подытоживая сказанное, мы утверждаем, что чистый золотой стандарт в сочетании со 100%-ным резервированием предотвратил бы дефляцию, понимаемую как любое падение количества денег и кредита, находящихся в обращении⁵².

5. Предлагаемая система покончит с лихорадочными финансовыми спекуляциями и их разрушительными последствиями.

Создание банками денег посредством кредитной экспансии можно уподобить открытию ящика Пандоры. Для того чтобы его закрыть, необходимо исключить все стимулы, которые побуждают людей потворствовать всяким разновидностям бесчестного и мошеннического поведения. Подобные стимулы приносят огромный вред, так как они развращают людей, отучая их от привычки к сбережениям и добросовестному труду, т.е. от привычки прилагать постоянные, честные, ответственные и долгосрочные экономические усилия⁵³. Более того, деструктивными могут быть и дикие спекуляции на фондовом рынке, и попытки корпоративных поглощений, которые, будучи сами по себе безвредными, могут иметь место, только если для них имеются настоящие, объективные, экономические причины. Они не должны быть результатом только возросшей легкости получения внешнего финансирования, являющегося следствием создания банковским сектором кредитов из ничего. Как пишет об этом Морис Алле: «Предложения о покупке контрольного пакета акций (take-over bids) — это достаточно полезная вещь, однако государственное регулирование этого рынка должно быть

⁵² Следует напомнить, что в период Великой депрессии 1929 г. предложение денег упало на 30%. Такое сжатие было бы невозможным, действуя тогда золотой стандарт и требование 100%-ного резервирования. Для предлагаемой нами сегодня системы предположение о возможности такого сокращения является нереалистичным. Поэтому в нашей модели сокращение денежного предложения, ошибочно выдаваемое за главную причину Великой депрессии, не может произойти ни при каких обстоятельствах. В то же время в высшей степени невероятным является и вариант, при котором комбинация чистого золотого стандарта и 100%-ного резервирования когда-либо могла бы воплотить в жизнь инфляционный рост цен. См.: Skousen, *Economic on Trial: Lies, Myths and Realities* (Homewood, Ill.: Business One Irwin, 1991), pp. 133—138. В действительности, ни в одном году, начиная с 1492 г. и до наших дней, темп прироста общего объема совокупного предложения золота не превышал 5%, а среднее увеличение, как мы указывали выше, никогда не выходило за пределы 1—3%.

⁵³ Очень точно это описывает Морис Алле: «Спекуляция, иступленная и лихорадочная, сегодня вызывается, питается и усиливается кредитом» (Maurice Allais, “Les conditions monétaires d’une économie de marchés,” p. 326). Возможно, никто не дал более краткой и элегантной характеристики явлению, которое испанцы в последние годы стали называть популярным выражением *la cultura del pelotazo* («культура легких денег»). Это явление, без сомнения, было вскормлено бесконтрольной кредитной экспансией, осуществлявшейся нашей финансовой системой. Ален Гринспен пустил в оборот выражение «иррациональная эйфория», имея в виду типичное поведение инвесторов во время последнего финансового бума.

пересмотрено. Нельзя допускать, чтобы их финансирование осуществлялось с использованием платежных средств, создаваемых из ничего банковской системой или новыми эмиссиями «мусорных облигаций», как это делается в США»⁵⁴.

Экспансионистское предложение кредитов, не обеспеченных сбережениями, создает на рынке свой собственный спрос, который часто воплощается в действиях недобросовестных экономических агентов, единственным намерением которых является получение краткосрочных выгод от тех преимуществ, которые они, к ущербу для всех остальных граждан, имеют от использования первыми вновь созданных средств платежа.

6. Предлагаемая система уменьшает число экономических функций государства до минимума, позволяя, в частности, ликвидировать центральный банк.

Рекомендуемая нами система устраняет необходимость в существовании Федерального резерва, Европейского центрального банка, Банка Англии, Банка Японии и вообще любых ведомств в форме центрального банка или иного государственного учреждения, которые представляют собой государственную организацию, обладающую монополией на эмиссию денег и, будучи органом централизованного финансового планирования, монополично контролируют и управляют банковско-финансовой системой своих стран. Даже некоторые политики, например выдающийся американский государственный деятель президент Эндрю Джексон, прекрасно понимали эту идею. Вдохновленные ею, они резко возражали против учреждения центральных банков. К сожалению, влияние этих политиков не было настолько сильным, чтобы предотвратить создание современной системы централизованного планирования в банковско-финансовом секторе, так что им не удалось уберечь наши экономики ни от одного из вредных последствий, прошлых и настоящих, создания этих институтов⁵⁵.

Более того, как показано теорией общественного выбора, привилегированные заинтересованные группы и политики всегда будут стремиться использовать к собственной выгоде любую систему фидуциарных средств обращения, базирующуюся на монополии государства на выпуск денег. В действительности политики всегда стоят перед непреодолимым

⁵⁴ Allais, “Les conditions monétaires d’une économie de marchés”, p. 347.

⁵⁵ В этом месте мы обязаны высказать резкую критику в адрес тех авторов, которые, подобно Алану Рейнольдсу, Артуру Лафферу, Марку Майлзу и др., пытались отставить псевдозолотой стандарт, при котором центральный банк продолжает играть ключевую роль в реализации денежно-кредитной политики, но ориентируясь на золото. Фридмен удачно охарактеризовал этот псевдозолотой стандарт как «систему, при которой золото вместо того, чтобы быть деньгами, было бы товаром, цена которого фиксирована государством» (см.: Friedman, “Has Gold Lost its Monetary Role?” p. 36). Предложение Лаффера и Майлза фигурирует в их книге: Arthur B. Laffer, Marc A. Miles, *International Economics in an Integrated World* (Oakland, N. J.: Scott and Foresman, 1982). См. также краткую блистательную критику этого предложения в: Salerno, “Gold Standards: True and False,” pp. 258—261.

искусением постараться *купить* голоса с помощью средств, созданных из ничего. Это явление проанализировано среди прочего в рамках теории политического цикла⁵⁶. Более того, возможность расширять деньги и кредит позволяет политикам финансировать государственные расходы, не обращаясь к налогам, этой непопулярной и болезненной мере. При этом снижение покупательной способности денег работает в пользу политиков, поскольку подоходный налог обычно всегда имеет прогрессивную шкалу. По этим причинам особенно важно, что денежная система, подобная предложенной нами, позволяет прервать вмешательство государства в денежно-финансовую сферу. Эти аргументы весьма удачно подытожил Мизес: «Довод в защиту использования товарных денег состоит как раз в том, что они не позволяют политическим соображениям оказывать непосредственное влияние на ценность денежной единицы. Золото представляет собой стандартные деньги... прежде всего потому, что увеличение или уменьшение их доступного количества не зависит от указов, издаваемых политической властью. Отличительным свойством золотого стандарта является то, что он ставит изменения количества денег в зависимость от прибыльности золотодобычи»⁵⁷.

Таким образом, мы убедились в том, что чистый золотой стандарт со 100%-ным резервированием возникает как результат выбора многих миллионов экономических агентов на рынке в ходе длительного эволюционного процесса. Он обеспечивает жизненно важную возможность пресечь тенденцию, свойственную всем государствам, вмешиваться в денежно-кредитную систему и манипулировать ею⁵⁸.

7. Предложенная система соответствует демократии в наибольшей мере. Один из ключевых принципов демократии состоит в том, что финансирование деятельности государства должно быть предметом обсуждения и открытого принятия решений со стороны политических представителей народа.

⁵⁶ См., напр.: Juan Francisco Corona Ramón, *Una introducción a la teoría de la decisión pública (Public Choice)* (Alcalá de Henares; Madrid: Instituto Nacional de Administración Pública, 1987), ch. 5 “Ciclo Político-Económico,” pp. 116—142, а также приведенную там библиографию. Напомним также прим. 75 к главе 6.

⁵⁷ Mises, *On the Manipulation of Money and Credit*, p. 22 (курсив мой. — У. де С.).

⁵⁸ См.: Mises, *The Theory of Money and Credit*, p. 455. Мизес пишет: «Таким образом, принцип устойчивых денег имеет два аспекта, положительный и отрицательный. Положительный состоит в том, что этот принцип утверждает рыночный выбор общепризнанного средства обмена. Отрицательный аспект состоит в том, что он противостоит склонности государства вмешиваться в систему денежного обращения». На этом основании мы считаем, что наше предложение намного лучше предложенный школы денежного конституционализма, сторонники которой пытаются решить проблему путем установления конституционных ограничений на увеличение денег и регулирования с помощью этих законов банковского и финансового рынков. Денежный конституционализм не предполагает в качестве необходимой меры установление чистого золотого стандарта в сочетании со 100%-ным резервированием. Поэтому он не способен оградить общество от постоянно испытываемого политиками искушения манипулировать кредитом и деньгами.

Сегодняшняя монополия на эмиссию денег, которой обладают государственный орган и банковская индустрия, ведущая операции с частичным резервированием, позволяет создавать покупательную способность *ex nihilo*, нанося ущерб остальным членам общества. В основном данной возможностью пользуется государство, которое с помощью этого механизма финансирует свои расходы, не увеличивая налоги, что является более наглядным и политически трудным способом. Государство старается маскировать этот механизм, риторически требуя, чтобы бюджеты финансировались «традиционными» способами, а дефициты не покрывались эмиссией денег и кредитов *непосредственно*. Тем не менее на практике результаты такой политики оказываются весьма схожими с вариантом эмиссии значительных объемов государственных облигаций, которыми бюджет финансируется позже, когда их купят центральный и частные банки на новые деньги, которые они сами же и создают (косвенный процесс монетизации государственного долга). Более того, необходимо подчеркнуть, что скрытая экспроприация богатства граждан, которую позволяет произвести фидуциарная инфляция, выгодна не только государству, но и банкирам. Действительно, поскольку банкиры ведут операции с частичным резервированием, а государство не обязывает их направлять весь объем кредитной экспансии на финансирование государственного сектора (принуждая покупать только государственные бумаги), банки также осуществляют постепенную, распределенную экспроприацию большей части покупательной способности денежных единиц, принадлежащих гражданам. Банковские балансы отражают накопление значительных по объему активов, что представляет собой кумулятивный итог исторического процесса экспроприации. В этом смысле протесты банкиров против предложений, в соответствии с которыми они должны направлять значительную долю активов своих банков на финансирование дефицита государственного бюджета, нужно понимать как жалобы одного из соучастников процесса кредитной экспансии, наносящего ущерб обществу, на другого соучастника. Оба они «торгуются» между собой за то, кому какая доля «прибыли» должна достаться.

В отличие от вышеописанной системы, чистый золотой стандарт в сочетании с требованием 100%-ного резервирования побуждает государство полностью определить свои расходы и источники своих доходов. Эта система не дает государству осуществлять скрытое финансирование, которое возможно при инфляции и кредитной экспансии. Более того, такая система также не позволяет частным банкирам извлекать выгоду, удерживая значительную часть «инфляционного налога». Морис Алле сделал по этому поводу следующий исчерпывающий комментарий: «Так как любое создание денег оказывает тот же эффект, что и истинный налог, которым облагаются все, чей доход уменьшается вследствие повышения цен, неизбежно следующего за эмиссией денег, то прибыль, полученная таким способом, должна возвращаться государству, позволяя тем самым уменьшать общий объем налогообложения»⁵⁹.

⁵⁹ Allais, “Les conditions monétaires d’une économie de marchés,” p. 331. Здесь же Алле пишет о том, что он называет наиболее поразительным парадоксом нашего времени:

Однако наше предложение сулит много больше выгод налогоплательщикам: государство следует лишить власти эмитировать деньги, так, чтобы при финансировании всех своих расходов оно было обязано полагаться только на налоги. Это заставит его быть полностью прозрачным. В результате граждане смогут непосредственно ощущать соответствующие издержки и, следовательно, будут в значительно большей степени мотивированы осуществлять мониторинг за всеми государственными ведомствами.

8. Предложенная система приводит к мирному и гармоничному сотрудничеству между народами.

Изучение истории войн за последние два столетия со всей очевидностью показывает, что многие вооруженные конфликты, раздиравшие человечество, можно было бы предотвратить или сделать гораздо менее разрушительными, если бы государствам не удалось добиться столь значительного влияния в денежной сфере и в конце концов подчинить себе кредитную экспансию и создание денег. Действительно, государства скрывали истинный объем расходов на войны от своих граждан, финансируя их расходы посредством механизма инфляции, к которому, под предлогом очередной военной опасности, государства прибегали совершенно безнаказанно. Таким образом, мы с полным основанием можем заключить: инфляция служит топливом войны. Если бы граждане, вовлекаемые в очередную военную схватку, всякий раз понимали истинные масштабы соответствующих затрат, то либо с помощью демократических механизмов они вовремя предотвращали бы соответствующие боевые столкновения, либо требовали бы от своих правительств найти решение путем переговоров задолго до того, как разрушения и угроза человечеству достигали масштабов, которых они, к огромному сожалению, достигли фактически. Поэтому мы полностью разделяем вывод Людвиг фон Мизеса: «Можно без преувеличения утверждать, что инфляция есть неотъемлемый интеллектуальный инструмент милитаризма. Без нее последствия войн для благосостояния людей становились бы наглядными быстрее и убедительнее, а усталость от войн наступала бы много раньше»⁶⁰.

хотя публика прекрасно знает о серьезной опасности, таящейся в использовании государством печатного станка, граждане остаются совершенно неосведомленными о точно такой же опасности, которую несет с собой кредитная экспансия, не обеспеченная реальными сбережениями, источником которой является банковская система с частичным резервированием. Испанский автор Хуан Антонио Гимено Улластрес исследовал налоговые эффекты инфляции, хотя он, к сожалению, не сумел разглядеть последствий, вызываемых кредитной экспансией банков с частичным резервированием. См.: Juan Antonio Gimeno Ullastres, "Un impuesto llamado inflación," in *Homenaje a Lucas Beltrán* (Madrid: Editorial Moneda y Credito, 1982), pp. 803—823.

⁶⁰ Ludwig von Mises, *Nation, State and Economy: Contributions to the Politics and History of Our Time* (New York and London: New York University Press, 1983), p. 163 [русск. пер. см. в кн.: Мизес Л. фон. Политическая экономия войны и мира. Челябинск: 2008]. См. также: Мизес. Человеческая деятельность. С. 413. Первая книга представляет собой перевод на английский язык книги: Mises, *Nation, Staat, und Wirtschaft* (Vienna and Leipzig: Manzschel Verlags Buchhandlung, 1919). По этой важной теме см. также:

В то же время установление чистого золотого стандарта в сочетании с требованием 100%-ного резервирования привело бы к принятию единого мирового денежного стандарта де-факто. При этом не возникает никакой нужды в международном центральном банке и, следовательно, никакого риска, что этот банк станет манипулировать предложением денег и кредита в мировом масштабе. Это тот способ, с помощью которого можно пользоваться всеми преимуществами единого международного денежного стандарта, не испытывая никаких неудобств, связанных с существованием межгосударственных агентств по управлению денежным обращением. Более того, эта система не провоцирует возникновения подозрений в утрате национального суверенитета, поскольку страны и общественные группы получают выгоды от наличия единой денежной единицы, которой никто не может ни управлять, ни манипулировать. Таким образом, чистый золотой стандарт и требование 100%-ного резервирования способствуют международной интеграции в гармоничных правовых рамках взаимной удовлетворенности, в рамках, минимизирующих социальные конфликты, стимулирующих мир и добровольную торговлю между всеми странами.

4

ОТВЕТЫ НА ВОЗМОЖНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ НА ПРЕДЛОЖЕННУЮ НАМИ РЕФОРМУ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Хотя до настоящего времени наш план банковской реформы не встретил единой, связной и систематической критики⁶¹, существует ряд отдельных, несистематизированных возражений против предложения организовать банковскую систему на началах 100%-ного резервирования. Ниже мы последовательно приводим эти возражения и ответы на них.

1. «*Банки исчезнут, потому что исчезнет их raison d'être и основной источник дохода*».

Это критическое замечание безосновательно. Все, что банки теряют, принимая схему 100%-ного резервирования, — это возможность создавать ссуды *ex nihilo*, т.е. ссуды, не обеспеченные приростом добровольных сбережений. Предлагаемая реформа не позволит банковской системе в целом

Joseph T. Salerno, "War and the Money Machine: Concealing the Costs of War Beneath the Veil of Inflation," in *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*, John V. Denson, ed. (New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1997), ch. 17, pp. 367—387. Тем не менее нужно отметить, что первым, кто указал на тесную связь между милитаризмом и инфляцией, был все тот же отец Хуан де Марианна. См.: Father Juan de Mariana, "Tratado y discurso sobre la moneda de vellón," in *De Monetæ Mutatione*, 1609, p. 35 (англ. изд.: *A Treatise on the Alteration of Money*).

⁶¹ «В ходе тщательного исследования, однако, не удалось обнаружить опубликованной критики этого предложения» (Walter Block, "Fractional Reserve Banking," p. 31). На беглую критику Лиланда Йигера ответ уже дан в этом разделе. См.: Leland Yeager, "The Perils of Base Money," pp. 256—257.

искусственно расширять кредит, а с ним и предложение денег, запуская циклы бумов и спадов.

В рамках банковского дела останется значительное число совершенно законных видов деятельности. Банкиры смогут продолжать заниматься ими, удовлетворяя потребности клиентов. Одним из таких видов деятельности будет истинное посредничество на кредитном рынке, включающее в себя предоставление ссуд из различных средств, предоставленных банку его клиентами в качестве займов (а не вкладов до востребования). В дополнение к этому, работая как депозитные учреждения (со 100%-ным резервированием), банки могут предоставлять услуги по хранению и сохранению [денег]. Банки будут взимать плату за оказание этих услуг по рыночным расценкам и комбинировать их с другими, имеющими периферийный характер (проведение платежей, переводы, регистрация операций клиентов и т.п.). Если добавить к этому доверительное управление ценными бумагами, аренду сейфов, банковских ячеек и т.д., то становится очевидным, что широкий набор законных банковских функций будет продолжать существовать.

Таким образом, мы считаем мнение, согласно которому восстановление требования 100%-ного резервирования будет означать гибель банковского бизнеса, необоснованным. Произойдет лишь модификация его структуры и операций, причем процесс этот будет протекать в целом эволюционно и без особых потрясений. Мы уже упоминали о такой вполне вероятной тенденции, как стихийное развитие банковской системы в направлении создания множества паевых фондов, депозитных учреждений, поддерживающих 100%-ный коэффициент резервирования, и компаний, специализирующихся на учете и кассовых операциях. Вместе с Людвигом фон Мизесом мы должны заключить по этому поводу следующее: «Ясно, что запрещение фидуциарных средств обращения ни в коей мере не означает, как некоторые иногда полагают, смертного приговора банковской системе. Банки будут продолжать заниматься своим делом, согласовывая условия предоставления кредитов или занимая средства для целей кредитования»⁶².

Короче говоря, банки продолжают заниматься множеством видов деятельности, удовлетворяя потребности своих клиентов и получая за это законную прибыль.

2. «Предложенная система существенно уменьшит объем доступного кредита, повысив тем самым процентную ставку и затруднив экономическое развитие».

Это популярное возражение, которое часто приходится слышать, раздается главным образом со стороны тех экономических агентов, на которых оказывают влияние внешние, наиболее заметные характеристики экономической системы. Среди них много бизнесменов, журналистов, политиков и т.п. Согласно этому возражению, если мы не разрешим банкам создавать

⁶² Mises, *The Theory of Money and Credit*, p. 361.

ссуды из ничего, многие компании столкнутся с существенно большими трудностями в получении финансирования. Вследствие этого *ceteris paribus* вырастет процентная ставка и затормозится экономический рост. Это возражение проистекает из того факта, что сегодня благодаря кредитной экспансии, когда экономика находится на такой фазе своего развития, что банкиры не боятся расширять объемы своих ссуд, бизнесмены не испытывают каких-либо затруднений при обосновании потребности в финансировании всех или большинства своих инвестиционных проектов вне зависимости от того, насколько эти проекты нелепы. Кредитная экспансия изменила традиционные привычки, ассоциирующиеся с «предпринимательской культурой», которые были основаны на гораздо более благоразумном, ответственном и тщательном рассмотрении дела до момента принятия решения о том, начинать некий инвестиционный проект или нет.

В любом случае, серьезной ошибкой было бы предполагать, что в банковской системе со 100%-ным резервированием кредит исчезнет. Верно как раз обратное. Банки будут продолжать ссужать средства, но *только* те средства, которые экономические агенты предварительно сберегли в добровольном порядке. Короче говоря, предложенная система гарантирует: ссудить можно лишь то, что было сбережено. Это свойство нового механизма обеспечит согласование рыночного спроса на настоящие и будущие блага и их предложения. Тем самым будет предотвращено появление ошибочных инвестиций в таких масштабах, которые производит сегодня современная банковская система и которые в конце концов генерируют экономические кризисы и спады.

Кроме того, заблуждением является полагать, будто предназначенный для инвестиций ссудный фонд в современной системе может в конечном итоге превышать совокупный объем добровольных сбережений общества. Как мы видели, сбережения *ex post* всегда равны инвестициям, и если *ex ante* банки предоставляют ссуды (посредством кредитной экспансии) с большей интенсивностью, чем растут добровольные сбережения, то предприниматели просто-напросто начинают массово ошибаться и выделять редкие, реальные ресурсы, сбереженные обществом, на *несоразмерное* количество инвестиционных проектов, успешно завершить которые они окажутся не в состоянии.

Итак, второе возражение также является безосновательным. При 100%-ном резервировании банки будут продолжать предоставлять кредиты, но лишь в пределах предварительно сделанных сбережений. Поэтому предприниматели будут инвестировать сбереженные средства гораздо более продуманно и реалистично. Если бизнесмены, изыскивая финансирование для своих проектов, с самого начала будут сталкиваться с более значительными трудностями, чем обычно, это будет логическим проявлением здоровой работы рынка — ведь только рыночный механизм может остановить убыточные инвестиционные проекты в самом начале, тем самым делая невозможным лавину бессмысленных и нескоординированных инвестиций, которую сегодняшняя система порождает во время каждого кредитного бума.

Что касается процентной ставки, то нет никаких признаков того, что в предложенной системе она установится на долгосрочном уровне, превышающем тот, который сложился в нынешней. Действительно, процентная ставка в конечном итоге зависит от субъективных временных предпочтений экономических агентов. В нашей модели экономические агенты не затронуты процессом масштабного растраниживания капитальных благ, сопровождающего сегодняшние спады. Далее, очевидно, что при прочих равных в системе, подобной нашей, номинальная процентная ставка будет стремиться к достаточно низким значениям вследствие того, что соответствующая надбавка, отражающая ожидания изменения покупательной способности денег, в большинстве случаев будет отрицательной. Кроме того, компонента рыночной ставки, отражающая риск, связанный с обоснованностью каждого инвестиционного проекта, при отсутствии периодических общих экономических спадов так же в долгосрочном периоде будет снижаться. Следовательно, нет никаких теоретических оснований для предположения о более высокой процентной ставке при рекомендуемой системе, чем при нынешней. Верно прямо противоположное. Существует достаточно весомых причин, чтобы считать, что рыночная процентная ставка, как реальная, так и номинальная, будет ниже, чем те значения, к которым мы привыкли сегодня⁶³.

Таким образом, предложенная система чистого золотого стандарта в сочетании с требованием 100%-ного резерва не станут препятствием на пути экономического роста. Напротив, такая система приведет к возникновению модели стабильного и непрерывного роста, свободного от *маниакально-депрессивных* реакций, к которым мы приспособились с таким трудом и которые, к несчастью, влекут за собой масштабные ошибочные инвестиции, нанося серьезный ущерб устойчивому экономическому росту и общественной гармонии.

3. «Предложенная система наказывает тех, кто извлекает прибыль из существования нынешней банковской и финансовой системы».

Иногда можно слышать, что предлагаемая система несправедливо наказывает всех, кто имеет прибыль вследствие существования сегодняшней банковско-финансовой системы. Среди главных бенефициариев мы должны в первую очередь назвать государство, которое, как мы видели, прямо и косвенно финансирует свои расходы посредством кредитной экспансии, не прибегая к политически болезненным мерам по повышению налогов. Следующими идут сами банкиры, пополняющие свои карманы тем же способом, что и государство (только делая это непосредственно и частным

⁶³ Например, пусть экономика растет средним темпом 3% в год, предложение денег (мировой запас золота) увеличивается на 1,5%. При таких допущениях мы будем наблюдать незначительную дефляцию, т.е. цены будут понижаться с темпом около 1,5% в год. Если реальная рыночная ставка процента составляет 4% годовых (естественная ставка на уровне 3% и премия за риск в размере 1%), то номинальная рыночная ставка составит около 2,5% в год. В прим. 48 к настоящей главе мы предположили, что номинальная процентная ставка будет даже ниже вследствие роста населения и соответствующего векового тренда медленного увеличения спроса на деньги.

образом). Наконец, среди бенефициариев мы видим и вкладчиков, если они получают проценты по своим вкладам, но «не платят» за множество периферийных услуг, предоставляемых банками⁶⁴.

Однако те, кто возражает таким образом, не принимают во внимание, что многое из того, что люди считают «прибылью», полученной от банковской системы, таковой вовсе не является. Действительно, не вполне правильно полагать, что вкладчики, получающие сегодня значительные выгоды (пользуясь кассовыми, платежными и учетными услугами банков), не платят за них. Ведь вкладчики сами полностью несут все издержки этой выгоды, явно или неявно.

Что касается процентов, часто начисляемых на вклады [до востребования], то эти выплаты обычно компенсируются постоянным снижением покупательной способности денежных единиц. В предлагаемой системе, включающей требование 100%-ного резервирования, покупательная способность денег, положенных на вклад, не только не будет снижаться, но, как мы видели, будет постепенно и постоянно расти. Эта огромная выгода для *всех* граждан будет существенно превышать предполагаемые «преимущества» получения на руки процентных выплат, едва компенсирующих обесценение денег. Ведь сегодня в большинстве случаев реальные процентные ставки, т.е. после вычитания темпа изменения покупательной способности, близки к нулю или даже отрицательны.

В обществе, где действует чистый золотой стандарт со 100%-ным коэффициентом резервирования, *все* граждане выигрывают от постепенного и непрерывного увеличения покупательной способности своих денежных единиц. Они будут получать проценты на фактические сбережения и будут обязаны явным и открытым образом по рыночным расценкам оплачивать те законные банковские услуги, которыми они пожелают воспользоваться. Таким образом, предлагаемая система является гораздо более понятной и последовательной. По сравнению с нынешней банковско-финансовой системой она почти наверняка будет предоставлять больше преимуществ всем людям⁶⁵.

Что касается аргумента, согласно которому государство и банкиры не смогут более извлекать ту прибыль, которую они имеют от существующей системы, то это свойство нашей системы представляет собой нечто

⁶⁴ «В условиях конкуренции выгоды частично достаются самим держателям банковских частично обеспеченных обязательств. Они удерживают выигрыш в явной (в виде процентных выплат), скрытой (в виде сниженной платы за банковские услуги) или комбинированной форме» (Selgin, "Are Banking Crises a Free-Market Phenomenon?" p. 3).

⁶⁵ «Невозможно предоставлять услуги бесплатно, если их оказание связано с издержками, которые необходимо компенсировать. Если вкладчик свободен от издержек, связанных с ведением его счетов, банк должен сам нести эти издержки. В нынешней ситуации банк может это делать, поскольку получает прибыль соответственно модели возникновения денег посредством механизма кредита. Кто на самом деле несет на себе издержки? Потребители в целом в результате повышения цен, являющегося следствием роста денежной массы» (Allais, "Les conditions monétaires d'une économie de marchés," p. 351).

большее, чем ее дефект и мотив для критики. Это тот позитивный результат, который оправдывает систему *prima facie*. Действительно, выше мы подчеркивали огромную важность недопущения для государства возможности использовать инфляцию и кредитную экспансию для скрытого финансирования его расходов. Что касается частных банкиров, то нам нет нужды еще раз напоминать о невразумительных правовых основаниях и вредных последствиях их способности создавать ссуды и депозиты [из ничего].

4. «Требование 100%-ного резервирования есть пример государственного вмешательства, угрожающего договорной свободе сторон».

Последователи современной новой банковской школы (сторонники свободы банковской деятельности с частичным резервированием) часто говорят о «неприемлемости» ограничения свободы заключения договоров сторонами с «либертарианской точки зрения». В частности, это касается возможности для вкладчиков свободно заключать со своими банкирами такие соглашения, по которым первые согласны открывать депозитные счета до востребования, предполагающие поддержание резервов только на часть хранящихся там средств. В первых трех главах этой книги мы показали, что 100%-ный коэффициент резервирования по вкладам до востребования вовсе не означает нестерпимого государственного вмешательства и произвола («законодательство приказов», по терминологии Хайека). Наоборот, эта мера представляет собой скорее естественное распространение традиционных юридических принципов прав собственности на договор иррегулярной покладажи, т.е. субстантивное, или материальное, право, по терминологии того же Хайека⁶⁶. Далее, добровольное решение обеих сторон о заключении договора и полное знание об их *причине* (что, между прочим, не всегда имеет место при нынешней банковской системе) представляют собой необходимые условия законности сделки. Но они ни в коей мере не являются достаточными для того, чтобы иметь законную силу в рамках традиционных правовых принципов. В действительности если в результате этого договора наносится вред третьим сторонам, то он считается незаконным, ничтожным и недействительным, поскольку разрушает социальный порядок⁶⁷. В соответствии

⁶⁶ «Свободный рынок не означает свободы совершать мошенничества или другие формы кражи. Совсем наоборот. Критику такого рода можно нейтрализовать, трактуя введение обязательного 100%-ного резервирования не как административное распоряжение правительства, а как часть правовой защиты собственности от мошенничества» (Rothbard, *Man, Economy, and State*, p. 709). Как сформулировал Джевонс: «В прошлом положение о том, что дарение или переуступка несуществующих товаров недействительны, считалось общей нормой права. Следует лишь возродить и обеспечить соблюдение этого правила, чтобы фиктивные денежные заместители оказались вне закона. И тогда банковское дело можно объявить полностью свободным, хотя и не вольным отступать от 100%-ного резервирования» (Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, pp. 211—212 [см.: Джевонс У. Ст. Деньги и механизм обмена. М.: Социум, 2006. С. 109]).

⁶⁷ По той же причине, если две стороны добровольно заключают «договор», по которому одна сторона должна оплатить другой убийство третьего лица, то такой договор является недействительным, поскольку он разрушает социальный порядок и влечет причинение вреда третьей стороне. Такой договор будет ничтожным и недействительным,

с результатами исследования, предпринятого в этой книге, именно такого рода недостаточная законность свойственна банковской деятельности с частичным резервированием. Эта практика не только приводит к созданию дополнительных средств платежа, к ущербу всех граждан, сталкивающихся со снижением покупательной способности их денежных единиц⁶⁸, но и вводит в заблуждение всех бизнесменов, побуждая их инвестировать там и тогда, где и когда они не делали бы этого [в отсутствие кредитной экспансии], запуская тем самым повторяющийся цикл бумов и спадов со значительными человеческими, экономическими и социальными издержками.

Наконец, мы должны рассмотреть часто встречающийся аргумент⁶⁹, сводящийся к упреку в том, что экономические агенты не хотят *по доброй воле* устанавливать 100%-ное резервирование в банковской системе, доказательством чего служит тот факт, что сегодня они могут свободно договариваться о таком резервировании (но не делают этого), заключая на рынке сделки об аренде банковских сейфов. В ответ на это мы должны заметить, что аренда банковского сейфа ни в каком отношении не аналогична договору об иррегулярной поклаже такого заменимого блага, как деньги. Наоборот, договор аренды банковского сейфа скорее похож на типичный договор о регулярной, простой поклаже, т.е. о передаче на хранение неких конкретных вещей. Кроме того, договор аренды сейфа (означающий для клиента

даже в отсутствие обмана или мошенничества и даже если обе стороны соглашения вступили в него по собственной воле и полностью осознавали его природу.

⁶⁸ Здесь мы имеем в виду падение покупательной способности не в абсолютном выражении, а относительно того роста, который мог бы быть достигнут в банковской системе со 100%-ным коэффициентом резервирования. В этом отношении экономические последствия современной банковской системы аналогичны фальшивомонетничеству, т.е. такой деятельности, в отношении которой все согласны в том, что она должна преследоваться как разрушение социального порядка, даже если невозможно установить личности потерпевших.

⁶⁹ Этот аргумент, среди прочих, упоминает и Хосе Торибио Давила, см.: José Toribio Dávila "Problemas Éticos en los Mercados Financieros," представлено для выступления на конференции *Encuentros sobre la dimensión ética de las instituciones y mercados financieros*, состоявшейся в Мадриде под эгидой *Fundación BBV* в июне 1994 г. Кроме того, Торибио Давила считает, что стабильная денежная политика может быть реализована при любом коэффициенте резервирования. Он не принял во внимание факторы, связанные с теоретической невозможностью централизованного планирования вообще и, в частности, в применении к финансовому сектору. Эти факторы определяют неспособность и нежелание центрального банка адекватно рассчитать спрос на деньги и контролировать их предложение, которое предположительно должно соответствовать спросу. Более того, Торибио Давила упустил из виду масштабные эффекты рассогласования, порождаемые любым увеличением денежного предложения в форме кредитной экспансии (т.е. без обеспечения реальными сбережениями), которые затрагивают производственную структуру. Наконец, имеется очевидная связь между требованием 100%-ного резервирования и этикой деловых операций финансовых институтов. В действительности эта связь очевидна не только в свете этически безответственного поведения, которое провоцируется лихорадочной спекуляцией во время кредитной экспансии, но также и в свете того несомненного факта, что экономические кризисы и спады представляют собой следствие нарушения этических принципов, требующих поддержания 100%-ных резервов против договоров денежного банковского вклада.

необходимость оплаты этой услуги и поэтому, по их субъективному мнению, отличный от договора о банковском денежном вкладе) реально не может конкурировать с существующей системой частичного резервирования. На самом деле, банки сегодня, как правило, выплачивают проценты по вкладам до востребования (что само по себе предполагает их ненадлежащее использование). Банки также предлагают ценные услуги без явного взимания платы за них, что делает невозможной конкуренцию с ними добровольных договоров со 100%-ным резервом. Невозможность успеха 100%-ного резервирования связана также с инфляционной средой, в которой покупательная способность денег непрерывно уменьшается. Схожий контраргумент применяется, когда говорят об отсутствии прямых затрат для потребителей общественных благ, поставляемых государством. Общеизвестно, насколько трудно выживать частным компаниям, работающим в условиях свободного рынка, когда они планируют предоставление тех же услуг по рыночным ценам. Причиной этого является нечестная конкуренция со стороны привилегированных государственных агентств. Эти агентства обеспечивают гражданам «бесплатные» выгоды и генерируют огромные убытки, которые покрываем в конечном счете все мы — из наших налогов, перераспределяемых государственным бюджетом («инфляционный налог»)⁷⁰.

5. «Финансовые инновации неизбежно спровоцируют возрождение практики частичного резервирования».

Согласно этому аргументу любые предупредительные законодательные меры, запрещающие банковскую деятельность с частичным резервированием, которые тем самым установят обязательное 100%-ное резервирование вкладов до востребования, окажутся недостаточными. Эти меры всегда будут обойдены посредством новых операций и финансовых «инноваций», которые, в обход закона или нет, тем или иным образом смогут достигать тех же целей, что и частичное резервирование. Еще в 1937 г. Хайек заявил: «Наиболее критически настроенные авторы этого плана давно заметили, что банковский бизнес представляет собой весьма *быстро изменяющееся* явление. Вопрос в том, не случится ли так, что, воспрепятствовав его традиционным формам, мы просто-напросто подтолкнем его к иным, менее поддающимся контролю?»⁷¹

⁷⁰ Как объясняет Хюльсманн: «Смещение денежных титулов и таких феноменов частичного резервирования, как *IOU* [долговая расписка (по созвучию с «I owe you» — «я должен вам»). — *Прим. науч. ред.*], породило то, что принято называть законом Грэшема. Представьте себе потенциального клиента банка, которому предлагается сделать два банковских вклада двух разных типов. Он полагает, что оба типа вкладов означают предоставление одной и той же услуги. Единственная разница состоит в том, что за вклад первого типа он должен платить, а за второй нет (или там даже платят ему). Очевидно, он выберет «не благотворительный» вариант и положит деньги на вклад второго типа. Когда смешивают денежные титулы и счета *IOU*, то эти последние будут вытеснять первые с рынка» (Hülsmann, “Has Fractional-Reserve Banking Really Passed the Market Test?” pp. 408—409).

⁷¹ Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*, p. 82. На эту же тему см.: Simons, “Rules versus Authority in Monetary Policy,” p. 17.

В подтверждение своих слов Хайек сослался на Закон Пиля 1844 г. как на наиболее примечательный прецедент. Поскольку инициаторы этого закона пренебрегли введением требования 100%-ного коэффициента резервирования в отношении депозитов, то начиная с этого момента денежная экспансия стала осуществляться преимущественно в форме создания депозитов, а не эмиссии банкнот⁷².

Отвечая на это возражение, начнем с того, что, даже если оно справедливо, оно не содержит ни малейшего намека на то, почему бы не попытаться достичь такой идеальной цели: должным образом сформулировать и защитить традиционные юридические принципы прав собственности применительно ко вкладам до востребования. Мы видим на примере многих сфер жизни, в частности в сфере преступной деятельности, что, хотя применение традиционных принципов права в техническом отношении представляет собой подчас весьма сложную задачу, это обстоятельство не препятствует непрерывным попыткам в максимальной степени обеспечить законность⁷³.

Далее, несмотря на бытующее мнение, частичное резервирование вовсе не является таким уж «всепроникающим», чтобы с ним нельзя было бороться на практике. На протяжении всей этой книги мы неоднократно указывали на существование различных легальных форм бизнеса, которые создавались с целью замаскировать денежный (иррегулярный) банковский вклад под договор иного типа. Мы затрагивали такие операции, как соглашения об обратном выкупе по номинальной ценности, различные сделки с «американскими» опционами «пут», так называемые срочные «вклады»,

⁷² Только представьте, насколько иной была бы экономическая история последних 150 лет, если бы Закон Пиля распространил требование 100%-ного резервирования и на депозиты! Кстати говоря, Хайек писал о невозможности провести резкие границы между различными инструментами, способными представлять деньги в качестве общепризнанных средств обмена, и указывал на то, что мы имеем дело с «континуумом» различных степеней ликвидности. Поэтому установление того, соблюдаются защищаемые нами традиционные принципы права или нет, представляет собой еще более сложную задачу. Мы не считаем это опасение обоснованным. Как утверждает Менгер, на практике всегда можно провести адекватное различие между деньгами и всеми остальными высоколиквидными инструментами, которые, однако, не являются непосредственными, общепризнанными средствами обмена. Разница между этими двумя типами благ коренится в том факте, что деньги представляют собой не просто высоколиквидный инструмент. *Деньги являются единственным благом, обладающим абсолютной ликвидностью.* Поэтому люди хотят иметь их, даже если не получают процентов, пока держат их на руках, в то время как держатели других, пограничных инструментов, не обладающих *абсолютной* ликвидностью, требуют процент за владение ими. Сущностная разница между деньгами и остальными периферийными «средствами обращения» зависит от наличия у первых абсолютной ликвидности (или от отсутствия у вторых абсолютной, мгновенной доступности). Джералд О'Дрисколл анализирует эту проблему в своей статье: Gerald P. O'Driscoll, "Money: Menger's Evolutionary Theory," pp. 601—616.

⁷³ Например, безусловно возможным является совершение убийства с использованием изощренных ядов, не оставляющих следов и затрудняющих установление точной причины и природы преступления. Тем не менее никто не сомневается в том, что убийство представляет собой нарушение базовых принципов права, и в том, что они должны предотвращаться, а в случае совершения — расследоваться и наказываться по закону.

на практике являющиеся истинными депозитами до востребования, а также депозиты до востребования, предлагаемые страховыми компаниями, не имеющими никакого отношения к банковской деятельности. Конкретная комбинация этих легальных форм бизнеса и любые другие возможные комбинации, которые могут быть разработаны в будущем, легко устанавливаются и подводятся под действие гражданского и уголовного законодательства (см. наши предложения в прим. 40 к настоящей главе). Ведь для любого непредвзятого судьи не составляет никакого труда установить, подразумевает ли суть этих операций возможность возврата первоначально отданных средств и рассматривают ли люди в своем практическом поведении соответствующие требования как деньги, т.е. общепризнанные средства обмена, в любой момент обладающие абсолютной доступностью (т.е. ликвидностью).

Более того, изобретение новых видов операций и новых «контрактов» в попытке обойти базовые принципы права и любые новые комбинации, изобретавшиеся в рамках банковской деятельности, осуществлялись в условиях, когда экономические агенты не были в состоянии установить степень, в которой эти «инновации» являются незаконными и в которой они наносят ущерб экономической системе и обществу в целом. Если отныне государственные и правоохранительные органы будут ясно отдавать себе отчет в предмете, исследованном в этой книге, то бороться со случаями отклоняющегося поведения, которые могут иметь место в финансовом секторе, станет намного легче. Неудивительно, что после Закона Пиля 1844 г. произошло непропорционально большое расширение банковских депозитов. Ведь это было время, когда экономисты-теоретики еще не установили абсолютную идентичность между депозитами и банкнотами в терминах природы этих инструментов и последствий их применения. Закон Пиля не достиг своих целей не вследствие «всепроникающей» природы банковского дела с частичным резервированием, а именно в результате неспособности людей понять, что банкноты и депозиты имеют одну и ту же природу и ведут к одним и тем же экономическим последствиям. В отличие от той ситуации, сегодняшняя экономическая теория может обеспечить судей бесценными средствами анализа, позволяющими им точно установить криминальный характер операций и руководствоваться справедливыми и продуманными юридическими правилами применительно к «сомнительным» случаям, которые могут возникнуть на практике.

Наконец, мы должны сделать несколько важных замечаний относительно самой концепции «инноваций» на финансовом рынке. Имеется фундаментальное отличие упомянутых «инноваций» от технологических и предпринимательских инноваций, предлагаемых в промышленности и торговле. Инновации, успешно реализованные промышленностью и торговлей, должны приветствоваться априори, так как они увеличивают производительность и позволяют лучше удовлетворять желания потребителей. Однако в финансовом секторе, в котором деятельность всегда должна осуществляться в неизменных рамках стабильных и предсказуемых принципов права, «инновации» вначале должны встречаться с известным подозрением. Действительно, в банковско-финансовой сфере инновации могут

расцениваться как нечто положительное, если, к примеру, они сводятся к применению новых компьютеров и программного обеспечения, каналов распределения и т.п. Однако, если «инновации» напрямую затрагивают ту роль, которую важнейшие принципы права должны играть, обеспечивая неизменность условий функционирования рынка в целом, всякие изменения наносят серьезный ущерб обществу, которое должно противостоять им и нейтрализовать их. Поэтому употребление термина «финансовые инновации» к тому, что задумано как средство скрыть мошенничество и обойти общие принципы права, жизненно важные для здорового функционирования и поддержания рыночной экономики, звучит как плохая шутка⁷⁴.

Финансовые продукты, соответствующие различным типам контрактов, традиционно развиваемых в рамках закона, и основные свойства этих типов не могут быть модифицированы без искажения и нарушения большинства базовых правовых принципов. Вследствие этого единственный способ для внедрения «новых» финансовых продуктов, который можно себе представить, — это создание разнообразных комбинаций легитимных, существующих контрактов, хотя, конечно, инновационный потенциал в этой сфере крайне ограничен. Следует также напомнить, что часто подобные «инновации» во многом порождены налоговой прозорливостью государства и неразберихой налогового законодательства, которое оно напринимало на протяжении всей истории. Во многих случаях эти «инновации» направлены на возможно большее уменьшение налоговых платежей и порождают весьма причудливые, вынужденные, сложные и юридически неестественные формы бизнеса. Здесь — один шаг до прямого нарушения традиционных принципов права⁷⁵, и опыт показывает, что искушение прикарманить значительные прибыли, обеспечиваемые частичным резервированием, заставляет многих без колебаний делать этот шаг. Таким образом, в этой сфере важно поддерживать привычку к постоянной и неукоснительной бдительности, привычку к недопущению нарушения традиционных принципов права.

⁷⁴ Существуют также финансовые инновации, которые, подобно предложениям о покупке контрольного пакета акций, выполняют законные рыночные функции и сами по себе не нарушают никаких традиционных принципов права. Однако при существующей сегодня системе частичного резервирования и кредитной экспансии, не обеспеченной реальными сбережениями, их характер неизбежно извращается. Краткое, но исчерпывающее исследование финансовых «инноваций», которые стали результатом процесса, ошибочно именуемого «дерегулированием финансового сектора» (на самом деле сводившегося к снижению требований следовать принципам права), см. в книге Луиса Барралата: Luis Barrallat, *La banca española en el año 2000: un sector en transición* (Madrid: Ediciones de las Ciencias Sociales, 1992), pp. 172—205. Мы должны указать, что многие из таких «финансовых инноваций» возникают в возбужденной атмосфере спекулятивной лихорадки (иррациональной эйфории), являющейся следствием кредитной экспансии, питаемой системой частичного резервирования.

⁷⁵ Здесь мы имеем еще одну великолепную иллюстрацию значительного искажающего влияния, которое налоговый и экономический интервенционизм государства оказывает на концепции субстантивного, или материального, права, общественные привычки и понятие справедливости. Этот вопрос детально обсуждается нами в книге: Уэрга де Сото. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. С. 144—152.

6. «Предложенная система не позволяет предложению денег расти тем же темпом, каким растет экономика».

Экономические агенты, привыкнув к сегодняшнему инфляционному фону, считают экономический рост без некоторой кредитной экспансии и инфляции невозможным. Кроме того, различные школы экономической мысли приветствовали увеличение эффективного спроса и поддерживали вечно популярные призывы к инфляции. Тем не менее аналогично тому, как экономические агенты адаптировались к инфляции, они адаптируются к такому положению дел, при котором покупательная способность денежной единицы постоянно и непрерывно увеличивается.

Здесь снова важно различать два различных смысла термина «дефляция» (и «инфляция»), которые часто смешиваются в теоретических дискуссиях. Дефляцией называют либо абсолютное уменьшение, или сжатие, предложение денег, либо результат, к которому часто (но не всегда) ведет это уменьшение, в виде увеличения покупательной способности денежной единицы, или, иными словами, понижения общего «уровня» цен. Предлагаемая система чистого золотого стандарта в сочетании с требованием 100%-ного резервирования, очевидно, является совершенно неэластичной к сжатию [денежной массы]. Поэтому такая система будет предотвращать любую дефляцию, понимаемую как уменьшение денежного предложения. Это — как напоминает нам каждый экономический кризис — и есть именно то свойство, которое не может гарантировать нам современная «гибкая денежная система»⁷⁶.

Если под дефляцией понимается падение общего уровня цен (или увеличение покупательной способности денежной единицы), то очевидно, что, когда совокупная производительность экономики растет быстрее, чем предложение денег, такая «дефляция» будет иметь место в рекомендуемой нами системе. Выше мы давали описание модели экономического роста — она имеет преимущества не только в виде предотвращения экономических

⁷⁶ После краха фондового рынка в октябре 1987 г. сжатие кредита было предотвращено лишь масштабными дозами ликвидности, которую все центральные банки закачали в систему. Но даже при этих обстоятельствах во время последовавшего за этим экономического спада (1990—1991 гг.) руководители центральных банков оказались беспомощными в деле убеждения экономических агентов в необходимости занимать новые деньги. И это при том что процентные ставки упали до исторически минимальных значений (в США до 2—3%). Более свежий пример (2001 г.) — японские денежные власти понизили процентную ставку в Японии до 0,15%, но не смогли инициировать предсказанного экспансионистского эффекта. Позже история повторилась — после краха американского фондового рынка в 2001—2002 гг. и установления Федеральным резервом процентной ставки на уровне 1% годовых. [Денежные власти (monetary authorities) — как правило, так называют центральный банк и министерство финансов в совокупности. Этот термин подчеркивает совместную ответственность этих государственных органов над установлением целей и реализацией денежной политики. Институциональный аспект их взаимоотношений (расчеты по государственному долгу, администрирование выполнения государственного бюджета, обслуживание рынка государственных ценных бумаг) принимается в данном случае не важным. — Прим. перев.]

кризисов и спадов, но и в виде распространения плодов экономического роста на всех граждан посредством стимулирования постепенного, непрерывного увеличения покупательной способности денежных единиц, принадлежащих каждому лицу, при одновременном снижении спроса на деньги со стороны каждого.

Необходимо признать, что предлагаемая система не гарантирует денежной единицы с неизменной покупательной способностью. Это недостижимая цель, но даже если бы она была достигнута, она не дала бы никаких преимуществ, кроме ликвидации премии, включаемой в [рыночную] процентную ставку в ожидании будущей динамики покупательной способности денег. Однако в этом отношении важным является только то, что на практике экономические агенты легко могут предсказать эту динамику и учесть ее в своих решениях. Этого будет достаточно, чтобы не допустить того внезапного и несправедливого перераспределения доходов между кредиторами и должниками, которое в прошлом неизменно сопровождало экспансионистский кредит или денежные шоки, которые экономические агенты не смогли вовремя предвидеть.

Утверждается, что если предложение металлических денег растет медленнее, чем продуктивность экономики, то происходящее вследствие этого повышение покупательной способности денежной единицы (или понижение общего уровня цен) при определенных обстоятельствах может даже превысить общественную норму временного предпочтения, являющуюся важнейшим компонентом рыночной процентной ставки⁷⁷. Хотя общественная норма временного предпочтения зависит от субъективных оценок людей и, следовательно, ее изменение теоретически не может быть установлено заранее, нужно признать, что если она упадет до очень низких значений (из-за существенного усиления общественной тенденции к сбережению), то отмеченный эффект может иметь место. Однако рыночная ставка процента ни при каких обстоятельствах не может достичь нулевого значения и уж тем более стать отрицательной. Для начала отметим, что здесь проявляется хорошо известный эффект Пигу: увеличение покупательной способности денежной единицы повышает ценность реальных остатков наличности, которые держат экономические агенты. Их богатство в реальных единицах растет, и они увеличат свое потребление, возвращая общественную норму временного предпочтения к первоначальному значению⁷⁸. К тому же предприниматели благодаря положительной процентной ставке всегда смогут найти финансирование для всех тех инвестиционных проектов, которые генерируют ожидаемую бухгалтерскую прибыль, превышающую процентную ставку, преобладающую на рынке в каждый момент времени, вне

⁷⁷ Этот аргумент см. в статье: С. Maling, "The Austrian Business Cycle Theory and its Implications for Economic Stability under Laissez-Faire," chapter 48 of J.C. Wood and R.N. Woods, *Friedrich A. Hayek: Critical Assessments* (London: Routledge, 1991), vol. 2, p. 267.

⁷⁸ Об эффекте Пигу см.: Don Patinkin, "Real Balances," *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 4, pp. 98—101.

зависимости от того, насколько эта прибыль низка. Необходимо принять во внимание, что постепенное понижение рыночной ставки процента повышает дисконтированную (текущую) стоимость капитальных благ и инвестиционных проектов: снижение ставки с 1 до 0,5% удваивает дисконтированную стоимость капитальных благ с большими сроками службы. Она вырастет еще в 2 раза при падении ставки с 0,5 до 0,25% годовых. Таким образом, невозможно представить, что номинальная процентная ставка упадет до нуля: если она достигнет этого предела, увеличение дисконтированной стоимости капитальных благ приведет к возникновению фантастических возможностей для роста предпринимательской прибыли, что всегда будет гарантировать неиссякаемый поток предпринимательских прибылей и инвестиционных возможностей.

Следовательно, одно обстоятельство, которое мы можем предугадать, сводится к тому, что в предлагаемой модели номинальные процентные ставки достигнут исторически минимальных уровней. Действительно, если мы можем ожидать в будущем среднегодовой темп прироста продуктивности экономики на уровне 3%, а мировые запасы золота будут увеличиваться на 1% в год, то это будет означать небольшую дефляцию, на уровне около 2% в год. Если теперь взять некое реалистичное значение рыночной процентной ставки, включающей риск, на уровне 3—4%, это будет означать, что рыночная ставка установится на уровне 1—2% годовых. Она будет колебаться в весьма узких пределах, с вариацией около $\frac{1}{8}$ процентного пункта. Экономические агенты, жившие только при инфляции, порождаемой денежно-кредитной экспансией, могут счесть нарисованную картину чем-то потусторонним, но эта [макроэкономическая] ситуация является в высшей степени благоприятной, и экономические агенты приспособятся к ней без каких-либо значительных проблем⁷⁹.

Даже некоторые представители новой банковской школы (сторонники свободы банковской деятельности с частичным резервированием) преувеличивают предполагаемые опасности «дефляции». Например, Стивен Хорвиц ставит под сомнение постепенный характер понижения цен в нашей модели. Он утверждает, что точно так же, как сегодня неожиданные события воздействуют на рост цен, так и в нашей модели будут неизбежны случаи внезапного падения цен! Хорвиц не понимает, что денежный стандарт, негибкий к сжатию [денежного предложения], делает практически неве-

⁷⁹ «В мире растущей покупательной способности денежной единицы способ мышления людей приспособится к этому положению дел точно так же, как в нашем сегодняшнем мире он приспособился к падающей покупательной способности денежной единицы. Сегодня каждый считает рост своих номинальных или денежных доходов улучшением своего материального благополучия. Внимание людей направлено по преимуществу на увеличение ставок номинальной зарплаты и денежного эквивалента богатства, а не на увеличение предложения благ. В мире растущей покупательной способности денежной единицы их будет интересовать прежде всего снижение стоимости жизни. Это приведет к осознанию того факта, что экономический прогресс состоит в том, чтобы делать доступ к средствам существования более легким» (см.: Мизес. Человеческая деятельность. С. 447).

роятным внезапное снижение цен, кроме случаев природных катастроф, войн и тому подобных явлений. В нормальных условиях не будет никаких причин для постоянного роста спроса на деньги. В действительности он будет постепенно снижаться, так как постепенное увеличение покупательной способности денежной единицы делает ненужным для экономических агентов держать такие большие реальные остатки наличности⁸⁰.

Модель незначительной, постепенной и непрерывной «дефляции», имеющей место в системе с чистым золотым стандартом и 100%-ным коэффициентом резервирования, не только не препятствует устойчивому, гармоничному экономическому росту, но и активно способствует ему. Более того, такое неоднократно случалось в прошлом. Вспомним, например, уже упоминавшийся период в истории экономики США после окончания Гражданской войны — с 1867 по 1879 г. Даже Милтон Фридмен и Анна Шварц вынуждены признать, что этот период «был периодом энергичного и продолжительного экономического роста, который вывел Соединенные Штаты в число первых стран мира. Тот факт, что этот период совпал с общим понижением цен, порождает серьезные сомнения в правильности широко распространенного сегодня мнения, согласно которому дефляция цен и экономический рост несовместимы между собой»⁸¹.

7. «Поддержание чистого золотого стандарта в сочетании со 100%-ным резервированием потребует слишком больших затрат экономических ресурсов и поэтому будет препятствовать экономическому росту».

Этот аргумент был выдвинут Джоном Мейнардом Кейнсом, считавшим золотой стандарт «варварским пережитком прошлого». Мы находим его

⁸⁰ См.: Horwitz, “Keynes’ Special Theory,” pp. 431—432, n. 18. Кроме того, Хорвиц заявляет, что те последователи австрийской школы, которые отстаивают требование 100%-ного резервирования, не в состоянии объяснить, почему последствия снижения спроса на деньги будут обязательно другими в свете возможности экономических кризисов, чем последствия увеличения предложения денег. Хорвиц упустил из виду тот факт, что именно фидуциарные средства обращения, не обеспеченные реальными сбережениями, т.е. кредитная экспансия, а вовсе не общее снижение спроса на деньги искажает производственную структуру и вызывает кризисы. При прочих равных падение спроса на деньги может привести лишь к падению покупательной способности денежной единицы и не обязательно влияет на процесс создания кредитов, не обеспеченных реальными сбережениями, и тем самым на производственную структуру. Следовательно, мы должны отвергнуть вывод Хорвица, согласно которому «банковская деятельность со 100%-ным резервированием является недостаточно гибкой для того, чтобы обеспечивать денежное равновесие», поскольку это утверждение базируется на ошибочном теоретическом анализе, с помощью которого нельзя адекватно изучать механизмы рассогласования, запускающие экономический цикл.

⁸¹ Friedman and Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867—1960*, p. 15 (курсив мой. — У. де С.). Мизес пришел к такому же выводу, см.: Mises, *Money, Method, and the Market Process*, pp. 90—91. Мы обнаружили эту же мысль в упоминавшемся выше выступлении Мизеса 1930 г. перед специалистами финансового комитета Лиги Наций. См. также детальное обсуждение истории американской экономики в 1873—1896 гг., включенное Селджином в его книгу: Selgin, *Less Than Zero*, pp. 49—53.

в большинстве наиболее используемых учебников по экономике. Так, Пол Самуэльсон указывает: «Абсурдно тратить ресурсы на то, чтобы добывать золото из недр земных только для того, чтобы затем прятать его в хранилищах форта Нокс»⁸². Очевидно, что чистый золотой стандарт с его незначительной «дефляцией», т.е. с непрерывным и постепенным увеличением покупательной способности денежной единицы, предлагает постоянный стимул для разведки и добычи больших количеств золота. Таким образом, редкие и ценные экономические ресурсы оказываются занятыми в процессе поисков, добычи и транспортировки желтого металла. Хотя единства в оценках величины экономических затрат на поддержание этого денежного стандарта и не существует, для обсуждения мы можем даже признать их, как это делает Леланд Йигер, равными 1% суммарного валового внутреннего продукта всех стран⁸³. Очевидно, что выпускать бумажные деньги намного «дешевле», чем добывать золото из недр ценой 1% ВВП всех стран мира.

Тем не менее отвергать денежный стандарт на том основании, на котором его отвергают Кейнс и Самуэльсон, означает вводить людей в заблуждение. Простое сопоставление издержек добычи золота и издержек производства бумажных денег является некорректным. Вместо этого нужно сравнить общие (прямые и косвенные) издержки для обеих денежных систем. Чтобы провести такое сравнение, мы должны оценить не только серьезный ущерб, который периодические экономические спады причиняют экономике, но и целый ряд издержек, связанных с существованием эластичного, полностью фидуциарного и подконтрольного государству денежного стандарта. Обязательным чтением по данному вопросу является работа Роджера Гаррисона «Издержки золотого стандарта»⁸⁴. В этой статье профессор Гаррисон оценивает *альтернативные издержки* чистого фидуциарного денежного стандарта и сопоставляет их с альтернативными издержками чистого золотого стандарта со 100%-ным резервированием. Гаррисон пишет: «Истинные издержки бумажного стандарта, которые необходимо принимать во внимание, включают: (1) издержки, возлагаемые на общество различными группами политиков в попытках установить свой контроль над печатным станком; (2) издержки, порождаемые действиями различных групп интересов в их попытках побудить контролера печатного станка злоупотребить своими обязанностями (т.е. напечатать больше денег) к выгоде отдельных групп; (3) издержки в форме вызванного инфляцией ошибочного размещения ресурсов в экономике, которое является результатом уступок денежных властей под давлением групп интересов; (4) издержки, порожденные предпринимателями в попытках предугадать, что же денежные власти предпримут в будущем, и соответствующей подстраховке на случай вероятных, но не определенных последствий безот-

⁸² Samuelson, *Economics*, 8th ed. (New York: Macmillan, 1970).

⁸³ Leland B. Yeager, "Introduction," in *The Gold Standard: An Austrian Perspective*, p. x.

⁸⁴ Roger W. Garrison, "The Costs of a Gold Standard," in *The Gold Standard: An Austrian Perspective*, ch. 4, pp. 61—79.

ветственности денежных властей. Принимая это во внимание, нетрудно понять, что золотой стандарт дешевле бумажного»⁸⁵.

Сюда следует добавить высокие издержки на содержание мировой сети центральных банков и их высокооплачиваемых служащих и значительные экономические ресурсы, отвлекаемые на сбор статистики и финансирование «исследований», проведение международных конференций (Международный валютный фонд, Всемирный банк и т.п.). Необходимо также принять во внимание существенные затраты на избыточное развитие индустрии банковских услуг, особенно в виде расползания новых отделений и связанного с этим вопиющего расточительства людских и экономических ресурсов⁸⁶. Неудивительно поэтому, что даже Милтон Фридмен, много лет присоединявшийся к большинству, считавшему издержки чистого золотого стандарта слишком высокими, изменил свое мнение и теперь считает, что, говоря экономическим языком, чистый золотой стандарт не является проблемой в терминах альтернативных издержек⁸⁷.

Итак, мы делаем следующий вывод: денежно-банковская система, основанная на чистом золотом стандарте и требовании 100%-ного резервирования для банковской системы, представляет собой «общественный институт», жизненно необходимый для нормального функционирования рыночной экономики. Общественный институт можно определить как множество поведенческих стереотипов, стихийно сформировавшихся в течение очень длительного периода времени в результате вклада десятков и сотен поколений людей, внесенного в общественные процессы путем участия в них. Таким образом, институты, подобные чистому золотому стандарту, законам частной собственности и семье, заключают в себе гигантские объемы информации. Они проявили себя на практике в самых разных исторических контекстах и в самых разных обстоятельствах места и времени. Это объясняет, почему мы не можем без ущерба для себя распрощаться с подобным институтом, а также пожертвовать моральными принципами, не понеся огромных социальных издержек. Ведь поведенческие стереотипы, традиции и моральные принципы, далеко не сводясь к «репрессивным и подавляющим социальным обычаям» (как называли их Руссо и безответственные

⁸⁵ Ibid., p. 68.

⁸⁶ Кроме того, Роджер Гаррисон напоминает, что издержки в виде ресурсов, направляемых на производство и транспортировку золота, в значительной степени являются неизбежными. Люди продолжают тратить значительные объемы этих ресурсов на добычу, аффинаж, транспортировку и хранение желтого металла безотносительно к тому, формирует он основу денежного стандарта или нет. См.: Ibid., p. 70.

⁸⁷ См.: Friedman and Schwartz, "Has Government any Role in Money?" pp. 37—62. Таким образом, ясно, что чистый золотой стандарт и 100%-ное резервирование должны иметь неотразимую привлекательность для монетаристов, поскольку именно этот порядок равносителен принятию их относительно стабильного денежного правила. «Неисчезаемость» золотого запаса делает невозможным внезапное сжатие предложения денег, совершенно исключая при этом произвол государства в денежной сфере. С этой точки зрения неудивительно, что Фридмен, руководствуясь желанием иметь сильную последовательную позицию, все больше склоняется к золотому стандарту, с которым он был категорически не согласен ранее.

авторы «от науки»), делают возможным развитие цивилизации. Однажды люди стали обожествлять разум и уверовали в то, что они могут изменять и «совершенствовать» социальные институты или даже пересоздавать их *ex novo* (среди экономистов эту веру наиболее активно распространяли кейнсианцы и монетаристы). При этом они утратили жизненно важные ориентиры и точки отсчета и потеряли из виду, начав всего-навсего рационализировать свои наиболее атавистические и примитивные страсти, поставив под угрозу систему общественного сотрудничества и координации. Золотой стандарт и 100%-ное резервирование представляют собой неотъемлемый элемент множества жизненно важных институтов, которые должны служить автопилотом и корректировать поведение человека в процессе общественного сотрудничества. Безответственное изъятие этих институтов порождает значительные и непредсказуемые издержки в форме социального напряжения и рассогласования, угрожающих мирному, гармоничному прогрессу цивилизации и человечества.

8. *«Установление системы, подобной предложенной, приведет к слишком сильной зависимости мира от таких стран, как Южная Африка или страны бывшего Советского Союза, которые всегда были крупнейшими производителями золота».*

Опасения по поводу того, что чистый золотой стандарт может слишком сильно зависеть от добычи золота в Южной Африке и странах бывшего СССР, слишком преувеличены. Более того, эти тревоги основаны на ошибочном игнорировании одного факта. А именно, хотя на эти страны приходится существенная доля *нового* золота, добываемого ежегодно (Южная Африка добывает 34%, страны бывшего СССР — 18% ежегодной мировой добычи золота⁸⁸), относительная важность этих объемов по сравнению с существующим мировым запасом золота [добытым за всю человеческую историю] практически незначима (годовая добыча не превышает 0,5% имеющегося мирового запаса). В действительности самые большие запасы золота сосредоточены в странах Европейского союза, Америки и Южной Азии. Более того, теперь, когда закончилась «холодная война» не вполне понятно, каким образом Южная Африка и страны бывшего Советского Союза, годовая добыча которых составляет ничтожную долю мирового запаса, могли бы играть разрушительную роль, в особенности если принять во внимание, что эти страны будут первыми, кто пострадает от любых действий, направленных на искусственное ограничение добычи золота.

В любом случае мы должны признать, что, как мы увидим в следующем разделе, переход к новой системе, подобной предлагаемой нами, неизбежно увеличит в несколько раз (а может быть, и более чем в 20) рыночную ценность золота в терминах сегодняшних денежных единиц. Это увеличение ценности золота первоначально обязательно приведет к существенному одномоментному выигрышу от прироста капитала для держателей золота, и в частности для компаний, добывающих и транспортирующих золото.

⁸⁸ Skousen, *Economics on Trial*, p. 142.

Однако желание не допустить неза заслуженной (в некотором смысле) прибыли для каких-то третьих сторон, которую они получают от исправления денежной системы, что принесет обществу столько выгод, вообще не может служить аргументом против такой системы⁸⁹.

9. «Но требование 100%-ного резервирования уже провалилось в Аргентине в период правления генерала Перона».

Двадцатый век дал нам один пример попытки установить в банковской системе, по крайней мере декларативно, обязательное 100%-ное резервирование. Однако в этом случае реформа не сопровождалась ни полной приватизацией денежной системы, ни упразднением центрального банка. Наоборот, кредит был полностью национализирован, что вызвало значительную инфляцию и породило сильнейшие искажения, разорившие аргентинскую экономику. Таким образом, данный пример не показывает никаких недостатков предлагаемой нами реформы. Наоборот, он дает прекрасную историческую иллюстрацию того ущерба, который наносит финансам, денежной системе и кредиту вмешательство государственного сектора. Позвольте более подробно остановиться на аргентинской истории.

Реформа была предложена вскоре после того, как в 1946 г. генерал Перон возглавил Аргентину. Она была проведена указом, имеющим статус закона, за № 11554, ратифицированным законом № 12962. В соответствии с положениями этого указа вклады в банках национализировались на том основании, что с этого момента аргентинское государство гарантирует все вклады. В мотивирующей части соответствующей статьи говорилось, в частности, следующее: «Действительно, теперь, когда вклады должны оставаться в банках, а связанные с этим финансовые и административные издержки берет на себя центральный банк и банки, принимающие вклады,

⁸⁹ Как пишет по этому поводу Ротбард: «В зависимости от того, как мы определим предложение денег — а я определил бы его весьма широко, как все требования на доллары по номиналу, — увеличение цены золота, достаточное для уравнивания золотого запаса и 100% общего объема долларов, будет составлять от 10 до 20 раз. Естественно, это породит огромный непредвиденный выигрыш для золотодобывающих компаний, но это не должно нас заботить. Я не считаю, что мы должны отвергать предложение о массовом попадании в рай только потому, что производители арф и ангельских крыльев получат непредвиденную прибыль» (Rothbard, “The Case for a 100-Percent Gold Dollar,” p. 68 (курсив мой. — У. де С.)). В любом случае следует признать вслед за Ротбардом, что этот рост ценности золота даст, в основном в первые годы после перехода, сильнейший толчок развитию золотодобывающей промышленности. Соответственно каким-то образом изменится нынешняя структура международной торговли, трудовой миграции и международных потоков капитала. Позже Мюррей Ротбард поменял свое мнение. Чтобы не дать банкам получить непромерную прибыль, он предложил, чтобы конверсии в золото подлежали только банкноты [а не банкноты плюс банковские депозиты]. Эта мера должна запустить механизм дефляции денежного запаса, соответствующего банковским вкладам. Несмотря на это изменение позиции Ротбарда, мы находим наше предложение (см. ниже) более правильным, поскольку оно позволяет избежать ненужной дефляции, имеющей место в схеме Ротбарда. См.: Murray N. Rothbard, “The Solution,” *The Freeman: Ideas on Liberty* (November 1995): 697—702.

больше не имеют права использовать их без согласования с центральным банком, эти вклады больше не отягощают банки, перестав толкать их к расширению кредитов за экономически разумные пределы. Это дорога к здоровому кредиту, кредиту, обеспечивающему в большей мере решение долгосрочных экономических задач, чем достижение банками чисто финансовых целей»⁹⁰.

Тем не менее, несмотря на эту кажущуюся разумной *риторику*, банковская реформа Перона с самого начала была обречена на провал. На самом деле, ее основой была полная национализация денежной системы и банковского сектора. Ответственность за предоставление новых кредитов была возложена на центральный банк, руководители которого подчинялись непосредственно правительству. Иными словами, государство не осуществило масштабной приватизации финансовых и денежных институтов и не позволило кредиту стихийно выйти на уровень, соответствующий норме сбережений, сложившейся в стране. Хуже того, центральный банк в действительности затеял безрассудную кампанию по расширению кредита для привилегированных заемщиков. Эти кредиты попадали в экономическую систему через операции на открытом рынке, проводившиеся на фондовой бирже, и в особенности через учетную ставку, по которой учитывались процентные бумаги тех банков, которые имели наиболее тесные связи с администрацией.

Реформа предоставила центральному банку власть через операции на открытом рынке увеличивать предложение денег на 15% ежегодно. Она также полностью лишила аргентинскую валюту всякого золотого обеспечения и разорвала ранее существовавшую связь между этой валютой и золотом. В 1949 г. законом № 13571 был изменен статус и порядок избрания совета директоров центрального банка. Министр финансов по должности сделался президентом совета, что превратило центральный банк в придаток правительства. Наконец, реформа предусматривала, что отныне кредиты будут предоставляться центральным банком в форме учета бумаг по дисконтной ставке, различной для разных банков, причем не устанавливается никаких лимитов — ни на объем получаемых кредитов, ни на общую «мощность» создания кредитов центральным банком. Тем самым гигантские ресурсы перераспределялись в пользу тех институтов, которые поддерживали тогдашний политический режим. Следовательно, несмотря на риторику, реформа Перона привела к беспрецедентному росту объемов кредитования, огромной экспансии платежных средств и тяжелейшей инфляции. Все это сильнейшим образом исказило производственную структуру и вызвало к жизни тот длительный и глубокий экономический спад, после которого Аргентина восстанавливалась в течение многих лет. За 9 лет правления Перона (с 1946 по 1955 г.) предложение денег увеличилось на 970%,

⁹⁰ Краткое и ясное описание аргентинской банковской системы периода правления генерала Перона см. в: José Heriberto Martínez, “El sistema monetario y bancario argentino,” in *Homenaje a Lucas Beltrán* (Madrid: Editorial Moneda y Crédito, 1982), pp. 435—460. Приведенная цитата находится на с. 447—448.

а обеспечение эмитированных банкнот золотом и иностранной валютой упало со 137% в 1946 г. до 3,5% в 1955 г.

Реформа была отменена революционерами, свергшими генерала Перона в 1956 г. и вновь приватизировавшими депозиты. Тем не менее эта мера оказалась недостаточной для прекращения финансового хаоса — частные банки с энтузиазмом продолжили экспансионистскую политику, следуя примеру, поданному центральным банком времен Перона. В итоге аргентинская гиперинфляция, став хронической, сделалась пугалом для всего мира⁹¹.

Можно сделать следующий вывод: архитекторы аргентинского эксперимента стремились к тому, чтобы преимущества кредитной экспансии достались исключительно государству. Именно для этого они не допустили банки к прибыли от значительной доли расширения кредита, которой те пользовались ранее. В любом случае в намерения реформаторов никогда не входила ни приватизация денежной системы, ни ликвидация центрального банка. Перонистская реформа подтвердила факт, о котором мы писали выше: требование 100%-ного резервирования в сочетании с монополией центрального банка на эмиссию банкнот и предоставление кредитов наносят серьезный вред экономике, если денежные власти по политическим причинам решают вести политику кредитной экспансии (либо создавая и предоставляя кредиты непосредственно, либо осуществляя покупки бумаг на открытом рынке). Поэтому провал аргентинского эксперимента периода генерала Перона никоим образом не служит иллюстрацией недостатков 100%-ного резервирования. Наоборот, он подтверждает необходимость сочетать такую реформу с полной приватизацией денег и упразднением центрального банка.

Короче говоря, система Перона была направлена на предотвращение экспансионистского расширения ссуд частными банками. Однако она заменила их деятельность еще большей кредитной экспансией необеспеченных кредитов, сосредоточенной в руках самих центральных банков и правительства. Таким образом, ущерб, нанесенный денежной, финансовой и экономической системам страны, оказался еще более масштабным.

⁹¹ Любопытно, что банковские вклады опять перешли под контроль государства во время нового короткого перонистского периода, начавшегося в 1973 г. Это решение о национализации вкладов было отменено, когда режим был свергнут военной хунтой, пришедшей к власти 24 марта 1976 г. То, что произошло потом, оставит свой след в экономической истории как убедительная иллюстрация того, как система «свободной банковской деятельности» и безответственности оказалась почти такой же разрушительной, как система Перона. Аргентине еще раз выпала сомнительная честь иллюстрировать экономическую теорию в декабре 2001 г. Тогда рухнул режим валютного управления (currency board), построенный на началах частичного резервирования. Люди утратили доверие к нему и соответственно бросились забирать из банков свои доллары. Это заставило министра финансов Доминго Кавальо ограничить количество долларов, которые люди могли снять с банковского счета, суммой в 250 долларов в неделю (этот лимит тут же прозвали «корралито»). Все это с очевидностью продемонстрировало верность важного положения экономической теории: существование банковской системы с частичным резервированием невозможно без кредитора последней инстанции.

Упразднение одной из форм кредитной экспансии (частичное резервирование частных банков) при условии, что само государство начинает использовать другую (напрямую и в гораздо больших масштабах), разумеется, не обеспечивает никакого выигрыша⁹².

10. *«Предложенная реформа не может быть реализована в отдельно взятой стране, но потребует сложного и дорогостоящего международного соглашения».*

Хотя наилучшим вариантом было бы установление чистого золотого стандарта и 100%-ного резервирования в международном масштабе, и такое соглашение значительно облегчило бы переход на новую систему, нет никаких причин, по которым различные страны не могли бы самостоятельно работать над переходом к идеальной денежной системе, пока такое международное соглашение не станет возможным. Это именно тот вариант, который Морис Алле рекомендовал Франции до того, как эта страна решила присоединиться к Европейскому монетарному союзу⁹³. Алле указывает, что введение требования 100%-ного резервирования и проведение максимально жесткой денежной политики центральным банком, не позволяющей денежной базе расти быстрее, чем на 2% в год, могло бы стать первым шагом в правильном направлении. США, ЕС, Япония, Россия и любая другая страна могут сделать его самостоятельно. Более того, мы можем иметь эту идею в виду, оценивая различные программы валютного объединения, предлагаемые для различных экономических зон, в частности программу Европейского монетарного союза. Эта тема будет рассмотрена в следующем разделе.

Более того, установление фиксированных, хотя и пересматриваемых обменных курсов между валютами различных стран может обязать страны, входящие в одну экономическую зону, следовать за странами-лидерами, которые наиболее явно и последовательно будут продвигаться в правильном направлении. Таким образом, может сформироваться непреодолимая тенденция продвижения к намеченной цели⁹⁴.

⁹² Эксперимент Перона выявил провал не 100%-ного резервирования, а национализации кредита. Здесь имел место тот опасный эффект, который Людвиг фон Мизес предсказал в статье «Национализация кредита», написанной в 1929 г.: Ludwig von Mises, *Die Verstaatlichung des Kredits: Mutalisierung des Kredits* (Bern, Munich and Leipzig: Travers-Borgstroem Foundation, 1929; ee английская версия: “The Nationalization of Credit?” in Mises, *A Critique of Interventionism: Inquiries into the Economic Policy and the Economic Ideology of the Present* (New York: Arlington House, 1977), pp. 153—164.

⁹³ См. раздел “Une objection générale: la construction européenne” на с. 359—360 его статьи: Allais, “Les conditions monétaires d’une économie de marchés”.

⁹⁴ В любом случае, если бы такие страны с сильной экономикой, как США и ЕС, установили золотой стандарт и требование 100%-ного резервирования, то в вопросах денежной системы они тем самым подали бы чрезвычайно важный пример, который не могли бы игнорировать все другие страны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРЕХОДА К ПРЕДЛОЖЕННОЙ ДЕНЕЖНОЙ И БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ

Мы начнем этот раздел с краткого перечня главных вопросов любой политической стратегии, направленной на экономическую реформу в любой сфере, включая финансы, кредит и деньги.

Базовые стратегические принципы

Наиболее серьезную опасность для любой стратегии реформы представляет *политический прагматизм ежедневной рутинны*, который часто побуждает власти к отказу от конечных целей на том основании, что их достижение «невозможно» в короткие сроки. Это смертельная опасность, из-за которой в прошлом срывались различные программы реформ. Действительно, прагматизм систематически заставляет политиков приходить к совместным и ситуативным (*ad hoc*) решениям, что обеспечивает им получение или сохранение политической власти. Эти решения часто весьма непоследовательны и контрпродуктивны в отношении достижения наиболее ценных, долгосрочных целей. Более того, поскольку любые дискуссии концентрируются прежде всего на проблеме политической реализуемости в ближайшем будущем, а конечные цели все время откладываются или забываются, власти не делают двух важнейших вещей: во-первых, они не проводят необходимых детальных исследований этих целей и, во-вторых, не обеспечивают процесс вовлечения в эти цели широких масс людей. В итоге существенно уменьшается возможность создания коалиции интересов, которая могла бы выступать в поддержку реформы, — эти усилия ослабляются и заслоняются другими программами и целями, которые считаются более неотложными уже в ближайшем будущем.

Наиболее правильная стратегия для реализации предложенной нами реформы должна вследствие этого опираться на дуальный принцип. Его первая часть сводится к постоянному изучению и образованию публики, ознакомлению ее с теми значительными выгодами, которые люди получают от достижения конечных средне- и долгосрочных целей. Вторая часть предполагает принятие некоей краткосрочной политики постепенного движения к этим целям. Такая политика должна всегда быть последовательной, не упуская этих целей из виду. Только такая стратегия сделает в средне- и долгосрочном периоде возможным то, что сегодня кажется особенно трудным⁹⁵.

⁹⁵ См. ставшую классической книгу Уильяма Хатта: William H. Hutt, *Politically Impossible...?* (London: Institute of Economic Affairs, 1971). Весьма схожее с этим исследование осуществлено нами применительно к реформе системы социального страхования Испании, см.: Huerta de Soto, "The Crisis and Reform of Social Security: An Economic Analysis from the Austrian Perspective," *Journal des Economistes et des Etudes*

Теперь вернемся к главному предмету раздела — банковской реформе в рыночной экономике. В нижеследующих подразделах предлагается процесс реформирования нынешней системы. Формулируя наши рекомендации, мы принимали во внимание указанную выше стратегию и принципы, относящиеся к существу реформы, исследованные в этой книге.

Стадии реформирования финансово-банковской системы

На рисунке 9-1 представлены пять основных стадий процесса реформирования финансово-банковской системы. На рисунке стадии сменяют одна другую слева направо* в естественном порядке: от системы с наибольшей степенью контроля (централизованное планирование банковско-финансового сектора) к наименее контролируемой (в которой центральный банк упразднен и господствует полная свобода банковской деятельности, хотя банковское дело подчинено принципам права, следствием чего является поддержание 100%-ного коэффициента резервирования).

Первая стадия соответствует «централизованному планированию» финансов и банковской деятельности. Иными словами, эта система жестко контролируется и регулируется центральным банком. Именно этот тип существует сегодня в большинстве западных стран. Центральный банк имеет монополию на выпуск банкнот и в каждый момент времени определяет общий объем денежной базы, а также учетную ставку, применяемую к частным банкам. Частные банки ведут операции с частичным резервированием и расширяют кредит, не обеспеченный реальными сбережениями. Эти операции основаны на банковском мультипликаторе, который регулирует увеличение количества фидуциарных средств обращения. Он устанавливается центральным банком. Таким образом, центральный банк дирижирует кредитной экспансией и увеличивает предложение денег посредством покупки ценных бумаг на открытом рынке (что приводит к частичной или полной монетизации государственного долга). Кроме того, центральный банк направляет частным банкам инструкции в отношении степени жесткости условий, на которых они предоставляют кредиты. Эта стадия характеризуется независимостью денежной политики отдельных стран (монетарный национализм) и более или менее хаотическим международным порядком с гибкими обменными курсами, которые часто используются как мощное

Humaines 5, no. 1 (March 1994): 127—155. Наконец, нами разработана новая версия изложения идеи о наилучших шагах по дерегулированию экономики, представленная в статье: Jesús Huerta de Soto, “El economista liberal y la política,” *Manuel Fraga: homenaje académico* (Madrid: Fundación Cánovas del Castillo, 1997), vol. 1, pp. 763—788. Английская версия: Huerta de Soto, “A Hayekian Strategy to Implement Free Market Reforms,” in *Economic Policy in an Orderly Framework: Liber Amicorum for Gerrit Meijer, J.G. Backhaus, W. Heijmann, A. Nentjes, and J. van Ophem*, eds. (Münster: LIT Verlag, 2003), pp 231—254.

* У автора «справа налево», но мы позволили себе изменить направление на, как нам представляется, более «естественное» для русского читателя. — *Прим. науч. ред.*

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ

<http://учебники.информ2000.pdf/napisat-diplom.shtml>

ПЯТЬ СТАДИЙ ПРОЦЕССА ТЕРМИНИЗАЦИИ БАНКОВОЙ СИСТЕМЫ

**Система с централизованно
планируемым финансово-банковским
сектором**

Смешанная система

**Система с полностью частным
финансово-банковским сектором,
подчиненным принципам права**

Стадия 1

Стадия 2

Стадия 3

Стадия 4

Стадия 5

1. Центральный банк зависит от правительства; управление *ad hoc*, отсутствие денежного правила

1. Независимость центрального банка. Денежное правило: рост денежного предложения превышает рост продуктивности и составляет 4-6% в год

1. Независимость центрального банка. Денежное правило: рост денежного предложения примерно на 2% в год. Требования 100%-ного резерва для банков. Банкиры становятся управляющими паевыми фондами

1. Упразднение центрального банка (свобода банковской деятельности). Обмен всех денег (банкнот и вкладов) на золото. Свободный выбор средств обращения

1. Полная свобода банковской деятельности, подчиненная принципам права: требование 100%-ного резервирования. Свободный выбор средств обращения (преобладание золота?)

2. Монетарный национализм

2. Международное сотрудничество в банковской сфере

2. Международное сотрудничество

2. Международное соглашение о принятии чистого золотого стандарта и требования 100%-ного резервирования

2. Распространение реформы в международном масштабе и консолидация по вопросу реформы

3. Гибкие курсы обмена валют

3. Фиксированные (но пересматриваемые) обменные курсы

3. Фиксированные (но пересматриваемые) обменные курсы

3. Единый мировой денежный стандарт (эквивалентный фиксированным курсам обмена)

3. Единый мировой денежный стандарт

4. Масштабная инфляционная кредитная экспансия

4. Более умеренная кредитная экспансия. Умеренная инфляция

4. Отсутствует кредитная экспансия (рост количества денег финансирует часть госрасходов). Ценность денег стабильна

4. Кредитная экспансия отсутствует, продолжающаяся «дефляция» (рост добычи золота может вызвать начальный инфляционный шок)

4. Кредитная экспансия отсутствует. Постепенная медленная дефляция

5. Кризисы фондового рынка и экономические спады

5. Умеренные кризисы фондового рынка и экономические спады

5. Кризисы фондового рынка и экономические спады практически прекратились

5. Устойчивый экономический рост. Отсутствие кризисов фондового рынка и спадов в экономике

5. Постоянный и устойчивый экономический рост

Наиболее контролируемые системы

США

Экономический и монетарный союз

Наименее контролируемые системы

Рис. 9-1

Вернуться в каталог учебников

<http://учебники.информ2000.pdf/учебники.shtml>

конкурентное оружие в международной торговле. Эта система порождает масштабную кредитную экспансию, которая искажает производственную структуру и периодически провоцирует бумы на фондовом рынке и неустойчивость экономического роста с периодическими сильными экономическими кризисами и спадами, распространяющимися по всему миру.

Вторая стадия процесса реформирования представляет собой первый шаг в правильном направлении. Центральный банк законодательно делается «независимым» от правительства. Предпринимается попытка установления денежного правила (вообще говоря, промежуточного), отражающего цели денежной политики центрального банка. Эти цели обычно формулируются в терминах темпа прироста денег, превышающего темп прироста продуктивности экономики (т.е. в диапазоне 4—6% в год). Эта модель была разработана Бундесбанком (центральным банком Федеративной Республики Германии) и оказала влияние на Европейский центральный банк и другие центральные банки во всем мире. Такая система стимулирует интенсификацию международной кооперации центральных банков и способствует, даже в весьма обширных географических регионах мира, более единообразному по своему экономическому и торговому положению установлению системы фиксированных (хотя и пересматриваемых в отдельных случаях) обменных курсов. Такой порядок нацелен на прекращение конкурентной анархии хаоса гибких обменных курсов. В итоге кредитная экспансия становится более умеренной, хотя и не исчезает полностью. Кризисы фондового рынка и экономические спады продолжают периодически сотрясать экономику, хотя они становятся менее сильными, чем на первой стадии⁹⁶.

На *третьей стадии*, притом, что центральный банк остается независимым, в процессе реформирования осуществляется радикальный шаг: для частных банков устанавливается требование 100%-ного резервирования. Как было показано в начале этой главы, такой шаг влечет за собой определенное изменение законодательства, а именно вносятся изменения в уголовный и торговый кодексы. Эти изменения позволяют ликвидировать большую часть сегодняшнего корпуса актов административного регулирования, выпущенных центральным банком для контроля над депозитными и кредитными институтами. Единственная оставшаяся функция центрального банка состоит в гарантировании того, что предложение денег будет расти темпами, равными, или несколько ниже, чем темпы увеличения продуктивности экономической системы (мы видели, что Морис Алле предлагает установить этот темп на уровне 2% в год).

Важность третьей и последующих стадий реформы: возможность выплаты государственного долга или обязательств по пенсиям социального страхования

Применительно к собственно банковской индустрии вся реформа вращается вокруг идеи превращения сегодняшних банкиров в менеджеров

⁹⁶ Хосе Антонио де Агирре в своем приложении к испанскому изданию книги Веры Смит «Происхождение центральных банков» объяснил, почему возник широкий консенсус по вопросу о желательности независимости центральных банков.

паевых фондов. Более конкретно, как только власти объявят о реформе и объяснят ее суть гражданам, банкиры могут предложить держателям текущих вкладов до востребования (или их эквивалентов) возможность по своему желанию в течение разумного периода времени обменять эти вклады на акции (паи) паевого фонда. (Люди будут предупреждены о том, что, если они примут это предложение, им больше не будет гарантирован номинал их вкладов.) Потребность в наличности будет побуждать их продавать свои паи на фондовом рынке, получая за них рыночную цену, сложившуюся на момент продажи⁹⁷. Каждый вкладчик, которому предлагается такая возможность, получает количество акций, строго пропорциональное сумме вкладов в этом банке. Каждый банк переводит свои активы в паевой фонд, который будет распространяться на все имущество банка и его требования (за вычетом в основном части, соответствующей его собственному капиталу).

По окончании периода, в течение которого держатели депозитов могут выразить желание продолжать оставаться таковыми, вместо того, чтобы приобретать акции паевого фонда, учрежденного в ходе реформы, как рекомендовал Фрэнк Найт⁹⁸, необходимо напечатать банкноты на сумму, равную всем вкладам до востребования и их эквивалентам в балансах всех банков (за вычетом сумм, обмененных на акции вышеуказанных фондов). Очевидно, что эмиссия центральным банком этих банкнот не имеет никакого инфляционного характера, поскольку единственной целью этого действия будет обеспечение общего объема вкладов до востребования (и их эквивалентов). Каждый банк получит банкноты ровно на сумму соответствующих вкладов, хранящихся у него. Этим путем обеспечение требования 100%-ного резервирования может быть достигнуто немедленно, и в дальнейшем банкам будет запрещено предоставлять ссуды против вкладов до востребования. В любом случае, такие вклады всегда будут должны уравниваться

⁹⁷ Вкладчик банка является держателем «денег», поскольку он хочет хранить этот депозит в банке, даже если это хранение не приносит ему процентов. Тот факт, что при частичном резервировании вклады часто путают с займами [банку], делает разумным, по нашему мнению, предоставить вкладчикам возможность обмена депозитов в течение некоторого периода на акции паевого фонда, представляющие активы банка. Тогда станет ясно, чьи вклады субъективно расцениваются как деньги, а чьи — как истинные займы банку (включаящие временную потерю доступности). Это способ, которым можно будет предотвратить масштабный, беспокойный и не необходимый перевод инвестиций из вкладов в акции паевых фондов после того, как реформа будет завершена. Как писал Мизес: «Чековые депозиты имеют другое назначение, чем кредиты, данные банку. Это наличность бизнесмена, подобная монетам и банкнотам. Вкладчик намерен распоряжаться ими ежедневно. Он не требует процента или по крайней мере он вручает деньги банку даже если не получает процента» (Mises, *Money, Method and the Market Process*, p. 108 (курсив мой. — У. де С.).

⁹⁸ «Будут созданы необходимые резервные фонды посредством печатания бумажных денег и вручения их банкам, которым нужны резервы, в порядке дарения. Разумеется, такая операция является не инфляционной, поскольку эта эмиссия будет обездвижена путем увеличения резервных требований» (Hart, “‘The Chicago Plan’ of Banking Reform,” pp. 105—106, и прим. 1 на с. 106, где Харт пишет, что автором этого предложения является Фрэнк Найт).

резервами (в форме банкнот, которые держат банки), в точности равными общему объему вкладов до востребования и их эквивалентов.

Необходимо указать, что новые бумажные деньги, эмитированные центральным банком для обеспечения вкладов, Харт предлагает передавать банкам в *порядке дарения*. Если это произойдет, то банковские балансы отразят неожиданный излишек, в точности равный сумме вкладов до востребования, обеспеченных резервами на 100%.

Может возникнуть вопрос, кто должен владеть полной величиной банковских балансовых активов, превышающих их собственный капитал? Ведь только что описанная нами операция наглядно выявила тот факт, что, работая с частичными резервами, частные банки исторически создали средства платежа в форме кредитов, предоставленных *ex nihilo*. И именно эти кредиты позволяли банкам постепенно экспроприировать богатство остальной части общества. Если рассмотреть данные о разнице между доходами и расходами банков за каждый год, то совокупное богатство банковской системы, накопленное в ходе указанной экспроприации (посредством процесса, который имеет те же последствия, что и налогообложение, давая [банкам] те же возможности, какие инфляция дает государству), окажется в точности равным активам банков, которыми они владеют в форме недвижимости, региональных офисов, оборудования и в особенности суммы их инвестиций в ссуды промышленности и торговле, ценных бумаг, приобретенных на фондовом рынке и любым иным образом, казначейских облигаций, выпущенных правительством⁹⁹.

Предложение Харта положить в основание реформы простое *дарение* банкам суммы банкнот, которая нужна им для достижения 100%-ной нормы резервирования, является горькой пилюлей, которую придется проглотить. Этот метод делает ненужным бухгалтерскую увязку общей суммы текущих активов частных банков с обеспечением вкладов. Следовательно, согласно бухгалтерским правилам, указанные активы автоматически начинают рассматриваться как собственность акционеров банка. Мюррей Ротбард также

⁹⁹ Мизес первым указал на то, что банкноты и депозиты, созданные из ничего банковской системой с частичным резервированием, генерируют богатство, которое можно рассматривать как прибыль самих банков. Мы уже объясняли это в главе 4, когда отмечали, что такие депозиты обеспечивают неиссякаемый источник финансирования. Тот факт, что в бухгалтерских книгах ссуды, созданные *ex nihilo*, балансируются депозитами, также созданными *ex nihilo*, скрывает от публики фундаментальную экономическую реальность: вклады в конечном итоге представляют собой деньги, которые никогда не изымаются из банка, а банковские активы воплощают в себе огромное богатство, экспроприированное у остального общества. Владение этим богатством исключительно прибыльно для банковских институтов и их акционеров. Любопытно, что банкиры сами признавали этот факт, явно или неявно. Как пишет Карл Маркс: «...банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) путем уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего округа — создается передаточной надписью банка» (Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. С. 595).

поддерживал это решение¹⁰⁰, которое не кажется нам справедливым. Ведь если какая-то группа экономических агентов и имела в прошлом преимущества, обеспечиваемые привилегией предоставлять экспансионистские ссуды, не обеспеченные реальными сбережениями, так это были акционеры банков (с точностью до того обстоятельства, что в это же самое время государство частично экспроприировало прибыль от такого привлекательного занятия, заставляя банкиров отдавать часть создаваемой ими денежной массы для финансирования государства).

Сумма активов частных банков может и должна быть передана ряду паевых фондов ценных бумаг, управление которыми станет после реформы главным видом деятельности частных банковских институтов. Кто должен быть владельцем акций этих паевых фондов, которые в момент своего создания будут иметь стоимость, равную совокупному объему активов всей банковской системы (за исключением первоначального акционерного капитала их акционеров)? Мы предлагаем, чтобы акции новых паевых фондов, созданных на базе активов банковской системы, были обменены на казначейские облигации, выпущенные к этому времени во всех странах, где имеется значительный государственный долг. Эта идея является достаточно простой: владельцы казначейских облигаций в обмен на них получают соответствующее число акций паевых фондов, созданных на базе активов банковской системы¹⁰¹. Этот шаг позволит ликвидировать значительный (или даже весь) объем облигаций, эмитированных государством, что является выгодным для всех граждан, так как с этого момента они не будут должны платить налоги для финансирования процентных выплат по

¹⁰⁰ О переходе к 100%-ному резервированию см.: Rothbard, *The Mystery of Banking*, pp. 249—269. Вообще говоря, мы согласны с программой перехода, предложенной Ротбардом. Однако возражаем против предлагаемого им дарения банкам. Это позволит им продолжать владеть активами, которые они в прошлом экспроприировали у общества. По нашему мнению, было бы в высшей степени справедливо использовать эти активы на другие цели, обсуждавшиеся в этой книге. Ротбард и сам признает, что это слабое место в его построениях, когда пишет: «Наиболее убедительная критика этого плана сводится к простой вещи: почему банки должны получить подарок? Тем более что этот подарок образуется в процессе приватизации национализированного государством золота? Банки, будучи институтами частичного резервирования, несли и несут ответственность за инфляцию и безрассудную банковскую деятельность» (p. 268). Ротбард, по-видимому, склонялся к решению, представленному в его книге, поскольку хотел, чтобы и банкноты, и депозиты получили 100%-ное обеспечение, а не одни только банкноты, поскольку последнее, очевидно, имело бы дефляционный эффект. Тем не менее похоже, что ему не пришло в голову соображение, которое мы приводим в тексте. Кроме того, мы должны напомнить, что, как было указано в конце прим. 89, незадолго до смерти Ротбард изменил свое мнение и предложил, чтобы на золото менялись только банкноты, находящиеся в обращении, без учета депозитов.

¹⁰¹ В идеале обмен должен производиться по соответствующим рыночным ценам как казначейских облигаций, так и акций соответствующих паевых фондов. Это потребует, чтобы эти фонды были созданы и размещены на рынке за некоторое время до начала указанного обмена (в особенности, принимая во внимание число тех вкладчиков, которые могут первыми воспользоваться возможностью стать акционерами, перестав быть вкладчиками).

государственному долгу. Более того, для держателей (на момент реформы) казначейских облигаций этот обмен не представляет никакой опасности, поскольку их бумаги с фиксированным доходом меняются на акции паевых фондов, к моменту обмена уже имеющих признанную рыночную ценность и доходность¹⁰². Кроме того, существуют другие государственные обязательства (например, пенсионные обязательства системы социального страхования), которые могут быть конвертированы в облигации и также обменены на акции новых паевых фондов либо вместо, либо наряду с казначейскими облигациями, с весьма выгодными экономическими последствиями.

На рис. 9-2 показана структура различных активов и обязательств, которая образуется в консолидированном балансе банковской системы после того, как все вклады будут обеспечены резервами на 100% и на базе активов [старой] банковской системы будут созданы паевые фонды. С этого момента банковская деятельность будет состоять в управлении паевыми фондами, а банкиры смогут получать новые ссуды (в форме новых акций этих фондов) и инвестировать их, удерживая небольшой процент за осуществление таких операций. Банкиры также смогут продолжить заниматься другими законными видами деятельности, которыми их коллеги всегда занимались в прошлом (проведение платежей, кассовые услуги, ведение счетов, переводы и т.п.). Они будут брать за них вознаграждение в соответствии с рыночными расценками.

В любом случае на третьей стадии будет иметь место международное сотрудничество (и существовать фиксированные, хотя и иногда пересматриваемые обменные курсы). Но поскольку вклады будут на 100% обеспечены резервами, всякая кредитная экспансия прекратится. Как мы отмечали, центральный банк будет ограничен в увеличении предложения денег небольшим темпом. Этот прирост будет использоваться на финансирование части государственных расходов, как предлагает Морис Алле¹⁰³. Ни в коем

¹⁰² Например, в Испании в 1997 г. вклады до востребования и их эквиваленты составляли 60 трлн песет (или около 60% ВВП). Казначейские облигации, выпущенные в обращение и находящиеся на руках индивидуальных держателей, достигал примерно 40 трлн песет. Таким образом, обмен, который мы предлагаем, может быть осуществлен без каких-либо потрясений, позволив при этом оплатить все казначейские облигации, не ставя их владельцев в невыгодное положение, с одной стороны, и не создавая лишнего инфляционного напряжения — с другой. В то же время необходимо напомнить, что значительная часть обращающихся казначейских облигаций принадлежит банкам и, следовательно, в их случае вместо обмена будет произведено простое списание с баланса. Разница между 60 трлн песет во вкладах до востребования и их эквивалентах, которые на 100% будут обеспечены резервами, и 40 трлн песет казначейских облигаций, может быть использована для аналогичного частичного обмена, включающего иные финансовые государственные обязательства, например в сфере пенсий социального страхования. В любом случае, суммы, необходимые для такого обмена, будут представлять собой разность между всеми вкладами и теми вкладами, которые вкладчики решат добровольно обменять на акции упоминавшихся выше паевых фондов.

¹⁰³ Морис Алле настаивает на том, чтобы не только увеличение денежной массы направлялось на финансирование текущих расходов государства (что позволит снизить прямые налоги, в частности, подоходный), но также на том, чтобы деятельность

СУММАРНЫЕ АКТИВЫ	СУММАРНЫЕ ПАССИВЫ
Активы, соответствующие собственному капиталу владельцев (собственность акционеров банка).	Собственный капитал владельцев до реформы (собственность акционеров банка).
Банкноты, выпущенные для обеспечения полной суммы депозитов и переданные банкам для того, чтобы они поддерживали 100%-ные резервы с самого начала реформы.	Сумма депозитов до востребования и остатки, которые их владельцы решили не обменивать на акции фондов. (Подавляющая часть бухгалтерских обязательств банков до реформы.)
Сумма всех остальных банковских активов, которые переводятся во взаимные фонды и управляются банками. (Принадлежащие банкам казначейские облигации аннулируются в бухгалтерских документах.)	Сумма акций новых фондов, заменяющих обращающиеся на рынке казначейские облигации и по возможности используемых для частичной или полной ликвидации других обязательств государства (пенсионной социальной страховании и т.д.).
АКТИВЫ, ВСЕГО	ПАССИВЫ, ВСЕГО

М (денежная масса) одинакова до и после того, как депозиты обеспечиваются 100%-ными резервами в форме банкнот.

Рис. 9-2. Консолидированный баланс банковской системы (в которой банки становятся просто управляющими фондов)

случае эти новые деньги не должны использоваться для операций на открытом рынке или непосредственно для расширения кредита. Это именно та деятельность, которая пыльным цветом цвела во время провалившейся попытки Аргентины провести банковскую реформу при генерале Пероне. Реформа, описанная выше, позволит почти полностью устранить кризисы фондового рынка и экономические спады. Начиная с этого момента, поведение сберегателей и инвесторов на рынке будет весьма тесно скоординированным.

Установление требования 100%-ного резервирования — необходимое условие, для того чтобы в конечном итоге упразднить центральный банк. Это составляет содержание *четвертой стадии* реформы. Действительно, коль скоро частные банки подчинены в своей деятельности общим принципам права, коль скоро установлена полная свобода банковской деятельности, остаточное регулирование со стороны центрального банка может быть упразднено, как и сам центральный банк. Это потребует замены сегодняшних фидуциарных денег, право и власть эмитировать которые сегодня имеет только центральный банк. Эти деньги будут заменены на частные деньги. Невозможно прыгнуть в никуда и учредить искусственный денежный стандарт, который не был бы результатом эволюционного процесса. По этой причине новая форма денег должна состоять из вещества, которое человечество исторически рассматривало как деньги *par excellence*: из золота¹⁰⁴.

депозитных банков (со 100%-ным резервированием) была резко отделена от инвестиционной банковской деятельности, предполагающей ссуды третьим сторонам тех денег, которые банк предварительно получил от своих клиентов в виде займа (Allais, “Les conditions monétaires d’une économie de marchés”). Подробный анализ переходных мер, предлагаемых М. Алле, см.: Allais, *L’Impôt sur le capital et la réforme monétaire*, pp. 319—320. Разделение депозитных и инвестиционных операций отстаивает также Хайек в своей книге «Частные деньги».

¹⁰⁴ Невозможность замены сегодняшних фидуциарных денег на искусственный частный денежный стандарт следует из теоремы денежной регрессии, как было объяснено в прим. 34. По этой причине Мюррей Ротбард был в высшей степени скептически настроен в отношении таких авторов, как Хайек, Гринфилд и Йигер, которые время от времени рекомендовали создание искусственного денежного стандарта на базе корзины товаров. Ротбард пишет: «Именно потому что экономическая история является системой, зависящей от пути (*path depended* — понятие в математической экономике, описывающее класс объектов, количественные характеристики состояния которых в некий момент времени будут различными в зависимости от траектории, приводящей к этому состоянию. — Прим. перев.), мы не хотим навязывать будущему систему, которая не будет работать. Она не будет работать главным образом потому, что все эти индексы и средства обращения не могут органично появиться вследствие действий индивидов на рынке. Разумеется, идея разоблачения государства и возвращения назад (или устремления вперед) к свободному рынку должна быть совместима с рынком насколько это возможно и предполагать прекращение государственного вмешательства со всей возможной быстротой. Но навязывание публики диких схем, противоречащих природе и функциям рынка, — это в точности та разновидность технократической социальной инженерии, от которой мир уже достаточно настрадался в XX столетии» (Rothbard, “Aurophobia: or Free Banking on What Standard?” p. 107, n. 14). Ротбард выбрал это название для своей статьи («Золотофобия, или Свободная банковская деятельность, основанная на каком стандарте?»), чтобы привлечь

Мюррей Ротбард в деталях продумал процесс обмена на золото всех банкнот, выпущенных Федеральным резервом. Этот шаг следует после установления требования 100%-ного резерва в отношении всех банковских вкладов [до востребования]. Основываясь на данных 1981 г., Ротбард пришел к выводу, согласно которому такой обмен даст цену золота на уровне 1696 долл. за [тройскую] унцию. За последние 15 лет цена этого обмена значительно увеличилась. Если мы воспользуемся данными 1997 г., когда рыночная цена золота составила 350 долл. за унцию, станет ясно, что в стране с такой большой экономикой, как у США, полная приватизация фидуциарных денег и замена их золотом потребуют почти двадцатикратного увеличения сегодняшней рыночной ценности золота¹⁰⁵. Резкий взлет цены золота первоначально повлияет на увеличение его предложения и, возможно, вызовет инфляционный шок, количественные характеристики которого едва ли можно предугадать. Однако это произойдет лишь один раз и не внесет значительных искажений в реальную производственную структуру¹⁰⁶.

На пятой, завершающей стадии, в ходе которой единый золотой стандарт распространится по всему миру, разным странам стоило бы достичь международного соглашения, целью которого должно стать предотвра-

нимание к упорным попыткам различных теоретиков обойтись без золота (исторически бывшим квинтэссенцией денежной формы) в своих праздноумствованиях на тему идеальной формы частных денег. См. ответ Ротбарда на критику теоремы регрессии Ричардом Тимберлейком (Richard H. Timberlake, "A Critique of Monetarist and Austrian Doctrines on the Utility and Value of Money," *Review of Austrian Economics* 1 (1987): 81—96); Murray N. Rothbard, "Timberlake on the Austrian Theory of Money: A Comment," *Review of Austrian Economics* 2 (1988): 179—187. Как пронизательно заметил Ротбард, Тимберлейк недвусмысленно утверждает, что деньги представляют собой непосредственную субъективную полезность, подобно любому другому товару. При этом он не понял, что полезность деньги обретают только в качестве средства обмена, в отличие от потребительских и промежуточных товаров, и что по этой причине их абсолютное количество не имеет отношения к выполнению ими своих функций. Таким образом, для объяснения того, каким образом экономические агенты оценивают покупательную способность денег сегодня, основываясь на той, которую они имели вчера, необходимо обратиться к «теореме денежной регрессии» (которая представляет собой ретроспективную версию теории эволюционного возникновения денег Карла Менгера). Это ключ к выходу из порочного круга при размышлении над данной проблемой.

¹⁰⁵ Rothbard, "The Case for a Genuine Gold Dollar," in *The Gold Standard: An Austrian Perspective*, p. 14; см. также Idem., "The Solution," p. 700.

¹⁰⁶ Таким образом, ненужной и опасной была бы реализация предложения Хайека, которое он выдвинул в 1937 г., когда, упомянув переход банковской системы на 100%-ное резервирование в условиях чистого золотого стандарта, писал: «Это, очевидно, требует установления международного контроля над добычей золота, поскольку иначе увеличение ценности золота приведет к огромному увеличению его предложения. Такой контроль обеспечит лишь наличие некоего клапана, который возможно понадобится в любом случае, чтобы система не была слишком жесткой (Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*, p. 82). В любом случае первоначальный инфляционный шок может быть уменьшен, если за год до перехода к пятой стадии центральные банки осуществят свое 2%-ное увеличение предложения денег посредством покупок золота на открытом рынке.

щение ненужных последствий для реальной экономики, которые могут иметь место в процессе перехода. Речь не идет о начальном инфляционном шоке, который будет неизбежен, поскольку скачок ценности золота приведет к масштабному выбросу на рынок дополнительных количеств металла. Такое соглашение должно содержать в качестве предварительного условия установление режима фиксированных обменных курсов для всех валют. Оно сделает возможным единообразное определение мирового предложения фидуциарных средств обращения и перераспределение между экономическими агентами и частными банками разных стран суммарного золотого запаса центральных банков мира. Это перераспределение будет производиться строго пропорционально суммам депозитов и банкнот в каждой стране.

Таким будет заключительный этап приватизации банковского и финансового сектора. Экономические агенты смогут вновь запустить стихийный рыночный процесс экспериментирования в денежно-финансовой сфере, прерванный в прошлом, когда были национализированы денежные системы и создан институт центральных банков.

Приложение теории банковской и финансовой реформы к европейскому Экономическому и монетарному союзу и построению финансовой системы в странах бывшего Восточного блока

Сформулированные выше предложения по реформированию западной банковско-финансовой системы могут оказаться полезными при проектировании и поддержании европейского Экономического и монетарного союза. Эта тема сегодня привлекает большое внимание специалистов в соответствующих областях¹⁰⁷. Наши предложения могут по крайней мере указать направление реформы денежной системы ЕС, которая могла бы быть осуществлена в любое время, а также назвать те опасности на этом пути, которых следует избегать. Очевидно, что мы должны освободиться от системы монопольных национальных валют, конкурирующих друг с другом в хаотическом мире гибких обменных курсов. Кроме того, мы должны избежать сохранения такого института, как Европейский центральный банк, который предотвращает конкуренцию между валютами в рамках большого экономического региона, не может справиться с вызовом банковской реформы (требование 100%-ного резервирования), не в состоянии гарантировать такой уровень денежной стабильности, который на протяжении истории демонстрировали наиболее стабильные национальные валюты и воздвигает непре-

¹⁰⁷ См., напр.: *España y la unificación monetaria europea: una reflexión crítica*, Ramón Febrero, ed. (Madrid: Editorial Abacus, 1994). Другие работы по этой теме: Pascal Salin, *L'unité monétaire européenne: au profit de qui?* (Paris: Economica, 1980); Robin Leigh Pemberton, *The Future of Monetary Arrangements in Europe* (London: Institute of Economic Affairs, 1989). Различные взгляды на роль европейских стран см. в: Jesús Huer-ta de Soto, "A Theory of Liberal Nationalism," *Il Politico* LX, no. 4 (1995): 583—598.

одолимые препятствия на пути продолжения реформы, предполагающего упразднение органа централизованного финансового планирования (центрального банка). Вследствие этого, возможно, наиболее практичной мерой в кратко- и среднесрочном периоде было бы установление во всей Европе полной свободы выбора валюты, государственной или частной, как в рамках [Европейского] Союза, так и вне его пределов. Национальные валюты, все еще используемые в силу традиции, должны быть помещены в систему фиксированных обменных курсов¹⁰⁸, которые дают возможность каждой стране с этого момента проводить стабильную и ответственную денежную политику. Таким образом, у стран — членов ЕС сохраняется возможность приступить, по крайней мере в будущем, к осуществлению трех важнейших реформ в денежно-банковской сфере: установлению свободы выбора валюты, переходу к свободной банковской деятельности и введению требования 100%-ного резервирования вкладов до востребования. Начавшие эту реформу страны вынудят других членов Союза последовать за лидерами в денежной сфере, как об этом пишет Морис Алле.

Важным является то, чтобы с момента учреждения Европейского центрального банка 1 июня 1998 г. он и идея единой европейской валюты подвергались бы критике, которая была бы сосредоточена на фиксации разрыва между имеющейся и предлагаемой валютной системой и идеальной (чистый золотой стандарт и 100%-ное резервирование). Многие либертарианские теоретики (в основном чикагской школы) ошибочно концентрируют свою критику на том факте, что новая система порывает с системой монетарного национализма и гибкими обменными курсами. Однако единый европейский денежный стандарт настолько жесткий, насколько это возможно, был бы шагом в правильном направлении, шагом к чистому золотому стандарту. Более того, он стал бы завершением формирования европейской системы свободной торговли, поскольку исключает возможность вмешательства в денежную систему и манипулирование со стороны отдельных стран — членов Союза. Он вынудит страны с наиболее жесткой структурой экономики (например, Германию и Францию) модифицировать экономику в сторону большей конкурентоспособности в условиях, когда больше нет возможности прибегать к инфлированию национальной валюты для компенсации структурной негибкости.

¹⁰⁸ Рекомендация перейти к фиксированным обменным курсам является традиционной для теоретиков австрийской школы, считающих эту меру вторым наилучшим вариантом на пути к идеальной денежной системе с чистым золотым стандартом. В системе фиксированных курсов экономические потоки освобождаются от воздействия ненужных потрясений денежной системы. Наиболее исчерпывающее исследование системы фиксированных обменных курсов, проведенное в рамках австрийской школы, см. в книге Хайека: Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*. Странником фиксированных обменных курсов был и Мизес (см.: Мизес. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. М.: Социум, 2007. С. 354—359; его же. Человеческая деятельность. С. 732—753). Ценное (с точки зрения австрийской школы) исследование теории, лежащей в основании концепции фиксированных обменных курсов см. в: José Antonio de Aguirre, *La moneda única europea* (Madrid: Unión Editorial, 1990), pp. 35ff.

Аналогичные соображения могут быть применимы для построения банковско-финансовой системы в экономиках бывшего Восточного блока. Мы признаем, что эти страны начали реформы в крайне неблагоприятных условиях — после десятилетий централизованного планирования. Их переход к рыночной экономике открывает уникальную историческую возможность избежать большинства ошибок, совершенных и до сих пор совершаемых на Западе. Они могут начать прямо с третьей или четвертой стадии нашего плана реформирования. Переход сразу к четвертой стадии осуществим для стран бывшего СССР, поскольку их значительный золотой запас позволяет им установить чистый золотой стандарт, т.е. осуществить тот шаг, который принесет стране максимальные преимущества. В любом случае, если эти страны не попытаются научиться на опыте других, а, неуклюже имитируя Запад, организуют банковскую систему с частичным резервированием, управляемую центральным банком, постоянное финансовое давление приведет к их политике безудержной кредитной экспансии и огромному ущербу для производственной структуры. Такая политика способствует спекулятивной лихорадке и создает в обществе атмосферу неуверенности. Это может даже осложнить весь процесс перехода этих стран к полноценной рыночной экономике¹⁰⁹.

6

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА СВОБОДНОГО ОБЩЕСТВА

Теория денег, банковского кредита и финансовых рынков бросает великий теоретический вызов экономистам начала XXI столетия. Не будет преувеличением сказать, что с тех пор, как теоретическая загадка социализма была разрешена, возможно, самой важной, хотя и наименее понятой теоретической проблемой оставались деньги. Причиной этого, как мы выяснили в книге, является то, что данная область науки полна методологических ошибок, теоретической путаницы и, как результат, денежная система является ареной систематического государственного вмешательства. Обще-

¹⁰⁹ В главе 6 (прим. 109) мы упоминали о масштабных банковских кризисах, уже разразившихся в России, Чехии, Румынии, Албании, Латвии и Литве. Причиной этих кризисов было пренебрежение, продемонстрированное в этих странах, по отношению к подобным рекомендациям. См.: Richard Layard and Andrea Richter, "Who Gains and Who Loses from Russian Credit Expansion?" *Communist Economies and Economic Transformation* 6, no. 4 (1994): 459—472. О других проблемах, осложнявших планы реформ денежной системы бывших коммунистических стран, см. среди прочего: *The Cato Journal* 12, no. 3 (Winter, 1993). См. также: Stephen H. Hanke, Lars Jonung, and Kurt Schuler, *Russian Currency and Finance* (London: Routledge, 1993). Авторы предлагают валютное управление (currency board) в качестве идеальной модели трансформации денежной системы бывшего СССР. По причинам, приведенным в прим. 91, мы считаем это предложение гораздо менее адекватным, чем наше — установить чистый золотой стандарт в сочетании с требованием 100%-ного резервирования, используя значительный золотой запас России.

ственные отношения, в которых используются деньги, до сих пор остаются наиболее абстрактными и неясными, а знание, порожденное ими, — наиболее обширным, сложным и трудным для постижения. Следовательно, систематическое вмешательство правительств и центральных банков в эту сферу до сих пор остается наиболее опасным. В любом случае откладывание интеллектуальной работы в области теории денег и банков оказывает огромное влияние на развитие мировой экономики, которое проявляется, как мы видели, в форме повторяющихся циклов бумов и спадов, которые продолжают сотрясать рыночные экономики в начале нового тысячелетия.

Экономическая мысль, специализирующаяся на изучении банковского дела, имеет давнюю историю и, как мы показали, может быть прослежена до схоластов Саламанкской школы. Ближе к нашему времени мы обнаруживаем полемику между банковской и денежной школами. Эта дискуссия заложила фундамент для последующего развития теории. Мы попытались показать отсутствие окончательного согласия между представителями школы свободной банковской деятельности и банковской школы, с одной стороны, и школой центрального банка и денежной школой, с другой. Позиция многих сторонников свободы банковской деятельности опиралась на ошибочную и несостоятельную инфляционистскую аргументацию банковской школы. Большинство теоретиков денежной школы собирались достичь своих целей (финансовой состоятельности банковской системы и экономической стабильности) путем вмешательства со стороны центрального банка, который преодолевал бы отрицательные свойства частных банков. Однако с самого начала формирования денежной школы некоторые ее авторы сочли невозможным и утопическим полагать, будто центральный банк может сделать что-то большее, кроме как усугубить возникающие проблемы. Эти авторы поняли, что лучшим способом ограничить создание фидуциарных средств обращения и добиться стабильности денежной системы была бы свобода банковской деятельности, подчиняющаяся, как и во всех других видах бизнеса, традиционным принципам гражданского и торгового законодательства, т.е. установление обязательного 100%-ного резервирования вкладов до востребования. Парадоксальным образом почти все представители банковской школы в конце концов охотно согласились с идеей учреждения центрального банка, который, выполняя функции кредитора последней инстанции, призван гарантировать и сохранять привилегии частных банков. При этом частные банкиры с нарастающей решимостью стремились к участию в таком привлекательном «бизнесе», как генерирование фидуциарных средств обращения путем кредитной экспансии. Они были не склонны задумываться над вопросами собственной платежеспособности, поскольку полагались на поддержку, которую в любой момент времени им был готов предоставить центральный банк — кредитор последней инстанции.

Далее, хотя авторы денежной школы были правы почти во всех своих теоретических построениях, они не сумели понять, что все те отрицательные последствия, которые они увидели в свободе частных банков эмитировать необеспеченные банкноты, присущи и «бизнесу» по предоставлению экспансионистских ссуд, выдаваемых против банковских вкладов

до востребования. Эти последствия были менее явными и поэтому — гораздо более опасными. Авторы денежной школы совершили еще одну ошибку, когда посчитали, что наиболее подходящей мерой будет принятие законодательства, которое бы ограничило свободу эмиссии банкнот, необеспеченных золотом, и учредило бы центральный банк как орган, стоящий на страже фундаментальных принципов денежной политики. Только Людвиг фон Мизес, следовавший традиции Модесте, Чернуски, Хюбнера и Михаэлиса, смог понять, что рекомендация денежной школы в части учреждения центрального банка является ошибочной и единственным способом отстаивать здравые принципы денежной школы является свободная банковская деятельность, осуществляемая без привилегий (нарушать закон), т.е. на условиях 100%-ного резервирования.

Неудача денежной школы имела фатальные последствия. Авторам, которые несли ответственность за разработку и принятие Закона Пиля 1844 г., несмотря на их благие намерения, не удалось исключить практику создания фидуциарных счетов, хотя они и запретили выпуск необеспеченных банкнот. Кроме того, представители денежной школы отстаивали идею банковской системы с институтом центрального банка. Отчасти под влиянием ошибочных идей банковской школы центральный банк со временем стал обосновывать и проводить безрассудную денежную политику и способствовать финансовым излишествам государства, т.е. вести себя намного глупее, чем могли себе представить теоретики, требовавшие его учреждения.

Таким образом, центральный банк в своей ипостаси органа централизованного планирования банковско-денежной сферы не может считаться естественным результатом эволюции свободного рынка. Наоборот, он был навязан рынку извне, когда правительства решили попытаться извлечь выгоду из высокоприбыльных банковских операций с частичным резервированием. В действительности этим шагом государство вышло за пределы своих обязанностей, состоящих в адекватном установлении и защите прав собственности вкладчиков банков. Государство стало использовать практически безграничные возможности в деле создания денег и кредита, когда освоило практику установления нормы обязательных резервов, обеспечивающих банкноты и депозиты. Таким образом, нарушив принципы права в сфере прав собственности, государство нашло свой вожделенный философский камень, обеспечивший ему неограниченное финансирование без обращения к налоговой системе.

Создание подлинной свободной банковской системы обязательно подразумевает восстановление требования 100%-ного резервирования средств, полученных в виде вкладов до востребования. Пренебрежение этим принципом породило все те проблемы в сфере денег и кредита, которые позволили возникнуть современной нам финансовой системе с ее высочайшей степенью государственного вмешательства.

Идея состоит в том, чтобы реализовать знаменитую концепцию Хайека применительно к деньгам и банковской деятельности. В соответствии с этой концепцией, когда нарушаются традиционные нормы поведения, посредством силового государственного вмешательства или посредством

предоставления государством специальных привилегий отдельным лицам или организациям, рано или поздно, но неизбежно начинают проявляться важные нежелательные последствия, наносящие серьезный ущерб стихийным процессам общественной координации.

Как было показано в первых трех главах книги, традиционные правила поведения применительно к банковской деятельности сводятся к соблюдению одного важного правового принципа. Согласно этому принципу обязательство *сохранения*, будучи важнейшим элементом договора хранения (поклажи) незаменимых вещей, в договоре, определяющем передачу на хранение заменимых вещей (таких как деньги), проявляется в виде требования постоянно поддерживать 100%-ный резерв заменимых вещей (денег), полученных в виде банковского вклада. По этой причине любое использование этих денег, особенно для выдачи ссуд, означает нарушение этого принципа и, таким образом, представляет собой преступное деяние незаконного присвоения.

На каждом этапе истории банкиры подвергались искушению нарушить это традиционное правило поведения и использовать деньги вкладчиков в своих интересах. Вначале они делали это тайно, стыдясь, поскольку знали о бесчестной природе своего поведения. Только много позже банкирам удалось перейти к нарушению традиционного принципа права как к открытой и узаконенной практике. Это произошло тогда, когда они получили от государства *привилегию* использовать деньги своих вкладчиков, почти всегда в форме ссуд, которые первоначально часто давались самому государству. Так сложились отношения соучастников, объединенных общим интересом. Эти отношения между государством и банкирами, ставшие обычными, объясняют сегодняшнее «взаимопонимание» и «сотрудничество» между этими двумя разными институтами. Эта атмосфера коллаборационизма стала повсеместной, она примерно одинакова во всех западных странах, вне зависимости от любых конкретных обстоятельств. Ведь банкиры вскоре сообразили, что нарушение вышеуказанного традиционного принципа права, позволяя им вести дела с огромной прибылью, требует наличия кредитора последней инстанции — центрального банка. Этот институт должен снабжать их ликвидностью, необходимой в моменты кризиса, который, как подсказывал им их опыт, рано или поздно всегда повторяется. Центральный банк также взялся за организацию совместной скоординированной кредитной экспансии и заодно за принуждение граждан соблюдать законодательство об узаконенном средстве платежа, т.е. о монополюно выпускаемой центральным банком национальной валюте.

Тем не менее бедственные социальные последствия этой привилегии, выданной банкирам (и больше никакому институту или лицам!), были не вполне поняты, пока Мизес и Хайек не разработали австрийскую теорию экономического цикла. В ее основание они положили теорию денег и капитала, рассмотренную нами в главах 5—7. Авторы австрийской школы выявили последствия попытки достичь теоретически недостижимой цели (эта невозможность связана с юридически-договорными и технолого-экономическими факторами). Имеется в виду попытка внедрить в практику

договор, в котором соединены фундаментально несоединимые элементы, комбинирующий свойства паевых фондов (в части получения дохода на «вклад») и свойства традиционного договора вклада (который по определению обязательно предполагает возможность изъятия денег в любое время по номиналу). Теоретики австрийской школы показали, что эти попытки рано или поздно неизменно запускают механизм стихийной коррекции. Коррекция начинается с неконтролируемого расширения предложения денег, инфляции, приводящих к массовым ошибочным решениям по размещению производительных ресурсов на микроэкономическом уровне. Однако в конце концов она выражается в спаде, ликвидации ошибок и искажений производственной структуры, произведенных кредитной экспансией, и в масштабной безработице.

Важно понять, что привилегия, позволяющая банкам вести операции с частичным резервированием, представляет собой очевидное искажение государством корректного определения прав собственности частных вкладчиков и пренебрежение их защитой. Между тем соблюдение этих прав весьма существенно для адекватного функционирования рыночной экономики. В результате этого неизбежно возникает эффект типичной «трагедии общинных выпасов», что происходит всегда, когда права частной собственности не определены и не защищены должным образом. Этот эффект состоит в растущем стремлении части банкиров опередить своих конкурентов, расширив свой кредитный портфель быстрее и в больших масштабах, чем другие. По этой причине банковская система с частичным резервированием всегда имеет тенденцию к более или менее безудержной кредитной экспансии. Эта тенденция имеет место, даже когда «мониторинг» процесса осуществляет центральный банк, который сегодня, в отличие от того, что обычно происходило в прошлом, вполне серьезно (а не только на уровне риторики) озабочен установлением ограничений на расширение кредита.

Итак, важнейшей целью денежной политики должно стать подчинение банков традиционным принципам гражданского и торгового права, в соответствии с которыми каждое частное лицо или компания обязаны выполнять обязательства в строгом соответствии с условиями, согласованными сторонами в договоре (в нашем случае — требование 100%-ного резервирования).

В то же время мы должны в высшей степени критически оценить большинство работ, в которых авторы, следуя на шумевшей книге Хайека «Частные деньги», вышедшей в конце 1970-х годов, отстаивают модель свободной банковской деятельности с частичным резервированием. Самый главный вывод, который можно сделать на основе этой литературы, заключается в том, что ее авторы не понимают, насколько часто они повторяют старые ошибки банковской школы. В главе 8 мы показали, что это относится прежде всего к работам Уайта, Селджина и Дауда. В том внимании, которое они уделяют преимуществам систем межбанковского клиринга как способу самоконтроля [банковского сообщества] в отношении кредитной экспансии, нет ничего ошибочного. Предлагаемая ими система будет иметь лучшие результаты, чем сегодняшняя система с центральным банком, что первоначально

начально установил еще Людвиг фон Мизес. Однако свобода банковской деятельности с частичным резервированием остается «вторым наилучшим» решением, которое вряд ли станет преградой на пути той волны безудержного оптимизма при предоставлении ссуд, которая в результате совместных действий разных банков. В любом случае, эти авторы не поняли, что до тех пор, пока сохраняются привилегии частичного резервирования, обойтись без центрального банка на практике будет невозможно. Как мы показали в книге, единственным способом упразднить орган централизованного планирования в банковско-кредитной сфере (т.е. центральный банк) является отказ от привилегии частичного резервирования, которой сегодня пользуются частные банкиры. Это необходимая, но недостаточная мера: центральный банк должен быть полностью упразднен, а фидуциарные деньги, которые он создал к этому моменту, должны быть приватизированы.

Если мы хотим построить по-настоящему стабильную денежно-финансовую систему XXI века, которая защитит нашу экономику, насколько это в силах человека, от кризисов и спадов, мы должны сделать следующее. *Первое:* обеспечить полную свободу выбора денег, основанных на металлическом стандарте (золоте), которые заменят все фидуциарные средства обращения, выпущенные в прошлом. *Второе:* организовать банковскую систему на началах свободы банковской деятельности. И, самое важное, *третье:* настоять на том, чтобы все агенты, вовлеченные в свободную банковскую деятельность, подчинялись и следовали традиционным нормам и принципам права, в частности норме, согласно которой никто, даже банкир, не может пользоваться привилегией ссужать кому-то нечто, доверенное ему на хранение до востребования. Это и будет означать свободу банковской деятельности со 100%-ным резервированием.

Пока специалисты и общество в целом полностью не усвоят базовые теоретические и правовые принципы, связанные с деньгами, банковским кредитом и экономическими циклами, реалистически глядя на вещи, мы можем ожидать, что мир будет страдать от экономических спадов. Эти спады будут неизбежно периодически повторяться до тех пор, пока центральные банки не будут лишены власти эмитировать бумажные деньги и придавать статус узаконенного средства платежа, пока частные банкиры не будут лишены привилегии (предоставленной им государством) вести операции с частичным резервированием. Мы завершаем книгу, повторяя то, что было сказано в ее начале. Теперь, после того, как мы увидели исторический крах социализма и в теории, и на практике, главным вызовом, брошенным и профессиональным экономистам, и сторонникам свободы, будет использование всей мощи интеллекта для противостояния институту центрального банка и привилегиям частных банкиров.

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август, император 98
Агирре, Хосе Антонио 526 сн., 535 сн.
Адамс, Джон Куинси 249, 270
Аддисон, Джозеф 85
Алле, Морис 476–478, 496, 497 сн., 499, 505 сн., 522, 530–532 сн., 535
Андерсон Б. М. 201 сн., 403
Аристофан 93
Ардт, Э. Х. Д. 171 сн.
Ашер, Эббот Пейсон 258–259
- Бааш, Эрнст 47
Барбур, сэр Дэвид 190
Бём-Баверк, Ойген фон 338 сн.
Бентон, Томас Х. 272
Бернс А. Р. 92 сн., 93 сн., 97 сн., 99 сн., 255 сн., 256 сн., 294, 299
Бернус, Яков 53
Боден, Жан 23
Бозанкет, Чарльз 109–110
Бордо, Майкл Д. 247 сн., 330
Бонифаций VIII, папа 16
Брайан, Уильям Дженнингс 139, 142
Брэйс, Гаррисон 313, 329
Бро, Уильям 292–294, 299, 301, 302 сн., 307–308, 316, 323, 366
Бронсон, Генри 280
Бруммер, Карл 464
Брэдфорд, Гамалиел 280
Буллок, Чарльз Джесс 94, 117
Бьюкенен, Джим 464
Бьюкенен, Джеймс 287
Бюш, Иоганн-Георг 59, 62
- Вагнер, Ричард 440
Вальполь. См. Уолпол, Горацио
Вальрас, Леон 434,
Ван Бюрен, Мартин 272, 274
Ванниски, Джуд 400, 450
Вебстер, Даниэль 268
Ведэйк, Джон 274
Ветэйк, Генри 273
Вибе 23
Виктория I 85
Вильгельм III Оранский 42–43, 76, 78, 85–86
Виссеринг, Джерард 162 сн.
- Гайер, Йозеф 249, 280, 341
Гамильтон, Александр 120–123
Галлатин, Альберт 268
Гаррисон, Вильям 140
Гаррисон, Генри 272
Гаррисон, Роджер У. 336, 337, 346, 353
Гарфилд, Джеймс 140
Гельфферих, Карл 23, 34, 439
Гиффен, Роберт 321
Годфри, Майкл 83
Гольдшмидт, Левин 17, 20, 61
Гошен, виконт 207
Гринспен, Алан 418
Гроусклоуз, Элджин 249, 262–263, 284, 318, 347, 365
Грэшем, сэр Томас 35 сн., 51 сн., 293
Гувер, Герберт 155
Гуд, Томас 186
Гуж, Уильям 273, 293
- Дабберстайн У. 91 сн.
Даллес, Э. 211 сн.
Дана Хортон, Сэмюэль 34 сн.
Де Марес, Гийом 17
Дель Мар, А. 117 сн.
Демсец, Гарольд 421 сн.
Дефо, Даниэль 56, 62
Джевонос, Уильям Стенли 161, 164, 255, 257–258, 263, 295, 297, 299, 301, 303–304, 321–322, 327, 354, 366, 435, 506 сн.
Джейкобс, Уильям 100 сн.
Джексон, Эндру 272–273, 365, 497
Джефферсон, Томас 118–119, 249, 251, 267, 269–271, 302, 365
Джоплин, Томас 270, 275
Диккенс, Чарльз 186
Диоклетиан 99
Дионисий 93
Донкомб, Чарльз 71–72
Допш, Альфонс 5
Дорфман, Джозеф 273, 279 сн., 280, 293 сн.
Драйден, Джон 71
Дьюи, Дэвис 141
Дюпюи, Уильям 92 сн.
Дюто, Шарль 25

- Зетбер, Адольф 22
Зюсс, Эдуард 239
- Игер, Леланд *См.* Йигер, Лиленд
Ингэм С. Д. 127–128
Иоан Павел II 491 сн
Иосиф II Габсбург 45
- Йигер, Лиленд 287, 314 сн., 315–316,
475 сн., 484 сн., 501 сн., 516 сн.,
- Карл II Стюарт 67, 78, 80
Карл V Габсбург 26, 51, 54
Карлайл, Уильям 93 сн.
Карузерс, Нил 123 сн., 187 сн.
Кафлин, Чарльз 187
Кассель, Густав 422
Катков В. Д. 61 сн.
Катц, Ховард 318, 365
Кауфман И. И. 55 сн.
Кейнс, лорд Джон Мейнард 177 сн., 194,
196 сн., 324, 329, 387, 410, 515, 516
Кеммерер, Эдвин У. 403
Кемп, Джек 450
Кемп, Артур 256, 287
Кендалл, Эймос 273
Кеннан, Эдвин 110 сн.
Кеньон, Роберт 102 сн., 103 сн., 104 сн.,
105 сн.
Кинг, Питер 435, 437–438
Кирцнер, Израэль 488 сн.
Клавдий 99
Кливленд, Гровер 142, 155
Коген, Артур 50
Кокс, Джеймс 275
Колвэлл, Стивен 279
Кольбер, Жан-Батист 52
Конант, Чарльз 317, 321
Контарини 38
Коуз, Роналд 417 сн., 421 сн.
Крокетт, Дэйви 272
Кромвель, Оливер 41, 83
Кросби, С. 117 сн.
Кроуфорд, Артур 155
Кэдлек, Чарльз 449
Кэрнс, Джон Э. 328
Кэрролл, Чарльз 249, 279–280, 291, 308,
326, 364, 365
- Лаббок, сэр Джон 110 сн.
- Лафлин, Лоуренс 134, 301
Лаффер, Артур 400, 449, 451–452, 497 сн.
Леггетт, Уильям 275
Лексис, Вильгельм 3, 22, 24
Леопольд I 51
Лербуа 3
Леруа-Болье, Поль 300
Леман, Фриц 480
Ливерпуль, первый граф 103 сн., 111–113
Ливерпуль, Чарльз 34 сн.
Ливингстон, Уолтер 119
Линдси А. М. 171
Ло, Джон 29
Лойд, Сэмюэль Джонс 249, 275, 277
Локк, Джон 25, 33, 63, 73–74, 76, 108,
114 сн.
Лонгфилд, Маунтифорт 322
Лотрелль, Нарцисс 69 сн.
Лоу, Томас 273
Лоундз, Уильям 70 сн., 74
Лудовици, Гюнтер 58–59
Людовик IX Святой 4 сн., 6
Людовик XIV Бурбон 51
- Майерс, Уильям 155 сн.
Майлз, Марк 451–452, 497 сн.
Мак-Куллох, Джон Р. 112 сн.
Маклеод, Генри 107 сн., 438
Маколей, Томас Бабингтон 32–33, 42–44
Малинс, Джерард де 62
Манделл, Роберт 400
Мариана, Хуан де 501 сн.
Маркс, Карл 528 сн.
Марпергер, Пауль Якоб 45, 58
Махлуп, Фриц 378
Мелтцер, Аллан 415–416
Менадье, Юлиус 8
Менгер, Карл 255, 296–297, 405, 434,
455–457, 483 сн., 509 сн., 533 сн.
Мизес, Людвиг фон 246–247, 252, 277 сн.,
283, 293–294, 296, 307, 312–314, 316–317,
322–323, 326–327, 331–332, 337, 341–342,
344, 349, 357, 366, 397, 412, 433, 438 сн.,
439, 468–472, 477, 480 сн., 484 сн., 486 сн.,
494 сн., 495 сн., 498 сн., 500, 502, 514 сн.,
515 сн., 522 сн., 527 сн., 535 сн., 538
Минтс, Ллойд 480, 491
Монтегю, Чарльз 33, 73–75, 77–78, 83, 85
Монтесума 22
Моррис, Гувернер 267

- Моррис, Роберт 118, 267
Мэдисон, Джеймс 266, 270
Мэйсон, Джордж 267
Мэн, Томас 62
Мэттингли, Гарольд 95–96, 97 сн., 98 сн.
- Нассау, Сениор У. 438
Найт, Фрэнк 527
Нерон 99
Никсон, Ричард 387
Норман, Джордж 249, 275–276, 277
Норт, Дадлей 42, 73, 75
Нуссбаум, Артур 326
Ньютон, Исаак 33–34, 73, 108, 114 сн.
Ньютон, Уолтер 155 сн.
- О’Дрискол, Джералд 340, 509 сн.
О’Коннор, Майкл 271
Осгуд, Сэмюэль 119
- Палгрейв, Р. Инглис 112 сн.
Палмер, Бенджамин 303
Пальи, Мельхиор 283, 403, 404–405
Парнелл, Генри 278, 321
Патинкин, Дон 513 сн.
Пауэлл, Эллис 262, 264–265, 302 сн., 305 сн.
Перон, Хуан 519–522, 532
Паттерсон, Уильям 43
Петерсон, Уильям 82–83
Петр Великий 27
Пешек, Борис 333–335
Пешель 3
Пигу, А. 422
Пиль, сэр Роберт 469
Плиний Младший (Гай Плиний Секунд) 95
Пол, Рон 247 сн.
Полк, Джеймс 272
Поллок, Алекс 482 сн.
Пробин, Лесли 183
Пуанкаре 392
Пэйш, Фрэнк 445
- Расселл, Генри 139 сн.
Рейнольдс, Алан 449
Ривз, Уильям 270
Рид, Леонард 301 сн.
Риджуэй, Уильям 90 сн., 92 сн., 93 сн., 95, 100 сн.
Рикардо, Давид 110, 276, 331, 366
- Ритчи, Томас 271
Ричардс, Р. Д. 261–262, 263 сн., 302
Ричардс, Ч. С. 162 сн.
Роббинс, лорд 390
Роге, Конди 272, 275, 293, 321
Ростовцев, Михаил 94 сн., 99 сн.
Ротбард, Мюррей 247 сн., 250, 269–273, 285, 287, 291–292, 295–295, 298, 300–301, 302 сн., 304–305, 307, 312–314, 318, 320, 323, 327, 337, 339–341, 343, 345, 348, 351, 356–357, 365, 475 сн., 476 сн., 485 сн., 506 сн., 519 сн., 529 сн., 532 сн., 533 сн.
Роун, Спенсер 271
Рудинг, Роджерс 104 сн., 105 сн., 108 сн., 111 сн.
Рузвельт, Франклин Делано 155–156, 158–159, 187
Рут, Элайху 200 сн.
Рэймонд, Даниэль 272, 340
Рэндольф, Томас 249, 271
Рюефф, Жак 283, 378, 386, 392
- Савари, Жак 56, 56–58
Саймонс, Генри 266, 282–283, 285, 316, 332, 366, 479, 480, 491
Сален, Паскаль 510 сн., 490 сн., 478 сн., 481 сн., 534 сн.
Салерно, Джозеф 316 сн., 473 сн., 484 сн., 473 сн., 488 сн., 500 сн.
Саммер, Уильям 117 сн.
Самуэльсон, Пол 332, 366, 516
Селджин, Джордж 494 сн., 505 сн., 515 сн.
Сеннхольц, Ганс 283
Силберлинг, Норманн 114 сн., 192 сн., 352
Сильвестер, Исайя 249, 280–281, 293
Скоузен, Марк 476 сн., 485 сн., 493 сн., 496 сн., 518 сн.
Смит, Адам 73, 120, 198 сн., 232, 239, 259, 278 сн., 296, 299, 312, 316–317, 321, 324, 328 сн., 331, 344
Смит, Вера 311, 321, 341, 526 сн.
Снайдер, Карл 194
Сомерс, Джон 33, 73–77, 85
Спенсер, Герберт 301
Спунер, Лисандер 366
Стейн, Герберт 441
Сэй, Жан-Батист 291–293, 296, 298–299
Сэйвинг, Томас Р. 333–335
Сюлли, Максимильен де Бетюн 52

- Табашников И. 61 сн.
Телькампт, Иоганн Л. 249, 280
Тимберлейк, Ричард 533 сн.
Тобин, Джеймс 482 сн.
Торнтон, Генри 207–208
Торренс, Роберт 249, 275
Траси, Дестют де 271
Тримбл, Уильям 275
Тук, Томас 278
- Уайт, Лоренс Х. 316, 318, 322, 366
Уайт, Ч. П. 128
Уилбур, Рей Л. 155
Уилсон, Джеймс 278
Уильямс, Джон 248
Уиндом, Уильям 140
Уолкер, Аманса 249, 258–259, 279–280, 290, 365
Уолкер, Фрэнсис А. 100 сн., 438, 257, 276, 280, 293, 298, 313, 317, 325, 328, 335, 341
Уолпол, Горацио 56
Уорбертон, Кларк 422
Уотсон, Д. К. 134 сн.
Уэст, Луис 94 сн., 97 сн., 99 сн.
- Феллнер, Уильям 441
Ферфакс, Томас 72
Фивериер, А. Е. 261 сн., 262 сн., 276 сн., 297
Филипп II Габсбург 26
Филипп V Красивый 9
Филипп Македонский 102
Фишер, Ирвинг 238, 249, 260, 281–283, 285, 287, 304, 305 сн., 306–307, 316, 320, 336, 346, 366
Фламстид (Флемстид), Джон 75
Фридмен, Милтон 250, 284 сн., 285–288, 300, 304 сн., 306, 312 сн., 313–314, 316, 324, 329, 331–333, 336 сн., 356, 365, 411, 415–416, 422–423, 440, 442
Фридрих II Гогенштауфен 4 сн.
Фридрих Великий 25 сн., 26, 35, 51
Фуллертон, Джон 278
- Хабеллер, Готфрид 341
Хайд, Артур 155
Хайек, Фридрих Август 246–247, 249, 252, 284–285, 314, 324–325, 332, 343–344, 355, 357, 365, 388–389, 397, 411, 422, 436, 453, 455
- Хансен, Элвин 342
Харрис, Джозеф 266 сн.
Харт, Альберт 283 сн.
Хелперин, Майкл 377–405
Хоккинс, Эдвард 102
Хорн, Ж.-Э. 300
Хоутри, Р. Дж. 263 сн., 348
Хэзлитт, Генри 283, 357, 365
- Цезарь, Гай Юлий 97–98, 102
- Чалмерс, Роберт 117
- Шахт, Яльмар 209 сн.
Шаубе, Адольф 18–20
Шварц, Анна 331, 396 сн., 515, 517 сн.
Шеной, Судха 340
Шерман, Джон 135, 140
Шоу, Уильям-Артур 8, 104 сн., 106 сн., 108 сн., 109 сн., 111 сн.
Шулер, Курт 534 сн., 536 сн.
Шумпетер, Иозеф А. 246
- Эванс, Джордж 123 сн.
Эдуард I Плантагенет 67, 7
Эйнауди, Луиджи 294, 330
Элибенк, Мюррей 286 сн.
Энджел, Джеймс У. 478–479
- Юм, Давид 56, 266, 272, 340, 365, 380, 454
- Якоб 3
- Angell, James 283 сн. Barro, Robert J. 441 сн.
- Baasch, Ernst 47 сн.
Bell, James W. 283 сн., 318 сн.
Biener, Friedrich 20 сн.
Birnbaum, Eugene A. 432 сн.
Brainard, William C. 431 сн.
Bresson, Jacques 51 сн.
Brunner, Heinrich 18 сн.
Buchenau, Heinrich 27 сн.,
Büsch, Johann Georg 59, 62
- Cahn, Julius 13 сн.
Cassell, Gustav 239
Chevalier, Michel 3 сн.
Cohen, Arthur 49 сн., 50
Cooper, Richard N. 431 сн.

- Däbritz, Walther 51 сн., 53 сн., 55 сн.
Dana Horton, Samuel 34 сн.
Davidsohn, Robert 18 сн.
Delisle, Léopold 3 сн.
Des Marez, Guillaume 17
Dietz, Alexander 53 сн.
Dunbar, Charles F. 38 сн., 260 сн., 305 сн.,
328 сн.
Dutot, Charles 25
- Eager, Leland B. 440 сн., 442 сн.
Ehrenberg, Richard 51 сн.
Eichengreen, Barry 331 сн.
- Farrand, Max 287 сн.
Fellner, William 441 сн.
Friedensburg, Ferdinand 4 сн., 7–8 сн.,
12 сн., 13 сн., 28 сн.
Fink, Richard H. 431 сн.
Friedman, Milton 440 сн., 442 сн., 450,
462 сн.
- Goldschmidt, Levin 17, 20, 61
- Hayek, Friedrich A. 436 сн., 453 сн.,
455 сн.
Heilperin, Michael A. 316 сн.
Helfferich, Karl 35 сн., 434 сн., 439 сн.
Hildebrand Veckinhusen 21 сн.
Houghton, John 54 сн.
Hume, David 454 сн.
Huvelin, Paul 17 сн.
- Inama-Sternegg, Karl Theodor von 7 сн.,
12 сн.
- Jaffé, Edgar 44 сн.
Juritsch, Georg 4 сн.
Jonung, Lars 536 сн.
Jowel, Kate 485 сн.
- Kadlec, Charles W. 450 сн.
Kalkmann, Philipp 25 сн., 36 сн.
Kaphahn, Fritz 52 сн.
Kemp, Jack 432 сн.
Kemp, Jack 450 сн.
Kiener, Fritz 50 сн.
King, Peter 435 сн., 437 сн.
Kuntze, Johannes 20 сн.
- Laffer, Arthur B. 432 сн., 450 сн., 451 сн.,
452 сн.
Lamprecht, Karl 4 сн., 8 сн.
Landmann, Julius 51 сн., 53 сн.
Landry, Adolphe 4 сн., 5 сн., 10 сн., 13 сн.,
30 сн.
Lawson, William 44 сн.
Layard, Richard 536 сн.
Lee, Maurice 339 сн., 341 сн.
Lehrman, Lewis 247 сн., 431 сн.
Lemerre, Alphonse 17 сн.
Lenz, Friedrich 47 сн.
Lexis, Wilhelm 3, 22, 24, 36 сн.
Leube, Kurt R. 484 сн.
Limburg, Hermann 49 сн.
Liverpool, Charles Jenkinson 34 сн.
Luschin von Ebengreuth, Arnold 4 сн.,
12–14 сн.
- Machlup, Fritz 232 сн.
Macleod, Henry Dunning 438 сн.
Mailing, C. 513 сн.
Malynes, Gerard de 62
Martin, J. B. 262
Mauer, Hermann 49 сн.
Meiselman, David 464 сн.
Menger, Carl 455–456 сн.
Miles, Marc A. 451 сн., 452 сн.
Miller, Harry 274
Mints, Lloyd 273 сн., 276–277 сн., 279 сн.,
308 сн., 316, 325
Mortimer, Thomas 54 сн.
Mulholland, Stephen 485 сн.
Mundell, Robert A. 432 сн., 451 сн.
- Nentjes, A. 524 сн.
Neumann, Max 21 сн.
- Ophem, J. van 524
- Paish, Frank W. 445 сн.
Paul, Ron 431 сн.
Pemberton, Robin Leigh 534 сн.
Perry, George L. 431 сн.
Philippovich, Eugen von 51 сн.
Pirenne, Jacques 17 сн.
- Rager, Fritz 45 сн.
Raumer, Friedrich von 4 сн.

- Reisman, George 431 сн.
Reynolds, Alan 432 сн., 441 сн., 449 сн.,
451 сн., 497 сн.
Richter, Andrea 536 сн.
Rist, Charles 434 сн.
Robertson, D. H. 434 сн.
Robertson, Ross 269
Rogers, J. E. Thorold 260, 302 сн.
Röpke, Wilhelm 263
Röscher, Wilhelm 4 сн.
Rothbard, Murray N. 431 сн., 442 сн.
- Salerno, Joseph T. 431 сн.
Samuel, Ludwig 54 сн.
Sayous, André-Émile 60 сн.
Schanz, Georg 4 сн.
Schaps, Georg 61 сн.
Schaube, Adolf 4 сн., 18–20
Schmelzle, Hans 51 сн.
Schmidt, Alfred 7 сн., 29 сн., 36 сн.
Schrötter, Friedrich 7 сн., 8 сн.
Schulte, Aloys 7 сн., 17 сн.
Senior, Nassau W. 438 сн.
Shaw, William-Arthur 4 сн., 5 сн., 8 сн.,
13 сн.
Sieveking, Georg 5 сн.
Sinclair, John 56 сн.
Sklar, Robert O. 303
Spahr, Walter E. 283 сн., 318–319
Sperander 62 сн.
- Spencer, William H. 302
Srbik, Heinrich 45 сн., 53 сн.
Stein, Herbert 441 сн.
Stieda, Wilhelm 4 сн.
Strieder, Jacob 46–47 сн., 51 сн., 64 сн.
- Taine, Hippolyte 49 сн.
Thorsch, Otto 51 сн.
Tille, Armin 4 сн., 5 сн.
Timberlake, Jr., R.H. 431 сн.
Tolley, George S. 314 сн.
Toribio Dávila, Juan J. 507 сн.
Troeltsch, Walter 47 сн.
- Unholtz, Otto 47 сн.
- Van Dillen, Johannes 40 сн.
Vega, Joseph de la 54 сн.
Vührer, A. 52 сн.
- Wachsmuth, Ernst 4 сн.
Wagner, Richard E. 440 сн.
Walker, Francis A. 438 сн.
Wanniski, Jude 450 сн.
Wartmann, Hermann 45 сн.
Weyermann, Moritz 47 сн.
White, Lawrence H. 431 сн.
Wicksell, Knut 282 сн.
Wood, John Cunningham 513 сн.
Woods, Ronald N. 513 сн.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абиссиния 27
- Австралия
- влияние на цену золота 197
 - открытие золотых месторождений 130, 197
- Австрия 22, 26, 28, 56, 30–31, 45, 52–53, 55
- стабилизация валюты после Первой мировой войны 149
 - переход на золотодевизный стандарт 171
- Автаркия 227, 229
- Азия, Малая, чеканка монет в древности 91–92
- Ангел, золотая монета в средневековой Англии 106
- Америка
- открытие и завоевание 22
 - экспорт золота 22, 35
 - экспорт серебра 22
- Амстердам 45, 56
- Англия 4, 7, 26, 29, 56, 232. *См. т.ж*
- Британия, древняя
- англиканская церковь 86
 - бегство банкротов 64
 - бирмингемская монета 29
 - ввоз золота на рубеже XVII–XVIII вв. 36
 - возврат к платежу звонкой монетой в 1821 г. 114–115
 - война с американскими колониями 56
 - гиней 70–71, 78, 81, 114, 225
 - два века квазибиметаллизма в Англии 106–109
 - девальвация в XV в. 105–106
 - денежное обращение, история 12, 25, 28, 29, 31, 35–36
 - закон Пиля 1844 г. 115, 248, 272, 277–278, 280, 312
 - золотой стандарт с 1821 г. до Первой мировой войны 115
 - золотые монеты до введения золотого стандарта 102–109
 - комитет Макмиллана 157, 204
 - монетная реформа XVII в. 33–34
 - монетный двор, тауэрский 32, 67–68
 - оптовые цены в период действия золотого стандарта 191–192
 - перечеканка 1696–1699 гг. 108
 - подъем оптовых цен в Первую мировую войну 147
 - при золотом стандарте 387, 392
 - приостановка размена банкнот в 1797 г. 111–112, 437
 - проекты восстановления денежного обращения 73–77
 - распространение векселя 62
 - ссуды короне 84
 - стряпчие 261
 - хаотичность денежного обращения 71
 - ювелиры (серебряки, золотых дел мастера) 40, 42, 71, 78, 81, 251–265, 284, 288, 302, 318–320, 347–348
- Антверпен 26, 38
- ассигнации на должников 38
 - заем английскому королю 51
 - разграбление, 1576 г. 54
- Антильские острова 48
- Ас древнеримский, его вес и разновидности 94–96
- Ассирия, древние монеты 91–92
- Ауреус
- Константина 99–100
 - разновидности 98
 - снижение веса 98–99
 - Юлия Цезаря 98–99
- Африка, африканское золото 22, 27
- Бавария 12, 27, 49–52, 56
- Банк Амстердама 25, 37, 38, 40, 42, 79–80, 249, 260, 282, 328 сн.
- Банк Англии 37, 44, 51, 437
- возобновление размена банкнот 114–115
 - и билль о сборе с тоннажа 83–84
 - и тори 86
 - приостановка размена банкнот 111–112
 - проекты учреждения 42–43, 80–82, 85
 - Управляющий и Компания Английского банка 83

- учреждение и начало операций 41–44, 85
- Банк Венеции 249, 258
- Банк Гамбурга 25, 37, 40, 249, 259
- Банк Ирландии 437
- Банк Королевский (Пруссия) 48
- Банк международных расчетов 179, 181 сн.
- Банк Прусский 49
- Банк Св. Георгия (генуэзский) 37, 42, 79–80
- Банки
 - активные операции 41
 - банковая монета 37, 40
 - банкротства 38
 - депозитные, континентальные 249, 259–260
 - законодательство 234
 - привилегия на учреждение 41, 45
 - публичные
 - возникновение 37–38
 - кредитование государства 49–56
 - кредитование торговли 38
 - расчет между государством и его кредиторами 38, 45
 - резервные требования 237
 - национальные
 - посредничество при расчетах 37
 - учет векселей 44, 62
- Банкиры 71, 78–79
 - английские 40, 44
 - венецианские, и коммерческий кредит 37
 - выдача ссуд 41
 - выпуск банкнот 44
 - итальянские 15–16, 18, 20
 - кредитование государства 49–56
 - определение Марпергера 45
 - средневековые 15–17, 43
 - учет векселей 62
- Банкноты 34, 41, 81, 231–232, 234–235, 242, 263–265, 302–304, 305, 347–349
 - выпуск, в Англии 44
 - и инфляция 437, 463
 - как средство кредитования 44
 - обеспеченность золотом 436, 447, 462
 - привилегия на выпуск 44, 437
 - размен на золото 41, 437–438, 441, 443
 - ограниченный 402–403
 - по паритету 392
 - эмиссия 459
- Банковская школа 234, 278
- Банковская деятельность
 - дерегулирование 485–486
 - на основе частичного резервирования 251–253, 258, 262–266, 278–279, 281–282, 312, 317–320, 336, 340, 347–349, 351, 360–366, 448, 459–460, 462, 475
 - паевые фонды 489
 - свободная 252, 278, 316–323, 344–345, 351, 360–366, 446
 - спекулятивная 249, 344–345
- Банковская реформа
 - в Аргентине 519–522
 - генерал Хуан Перон, анализ его банковской реформы 519–522
 - для предотвращения экономических циклов 490–492
 - предложения по реформе, преимущества 489–501
 - стратегия проведения реформы, базовые принципы 523–524
 - этапы 524–526
- Банкротство, банкрот 16, 28, 38, 42, 47, 63–64, 78
- Безант, византийская золотая монета 103
- Безналичные операции 15–16, 37
- Бельгия
 - отказ от золотого стандарта 154
 - рост цен в Первую мировую войну 147
 - стабилизация валюты после Первой мировой войны 149
- «Беовульф», упоминание о средствах обмена 103
- Биллонная монета 28, 36, 248, 256–258, 297–298, 304, 347
- Биметаллизм 35–36, 226, 230, 292–294
 - в США, 1792–1861 гг. 124–133
 - во Франции 111
 - два века квазибиметаллизма в Англии 106–109
 - Международное биметаллическое соглашение, провал попыток заключения 138
 - недооценка серебра. См. т.ж. Преступление 1873 г.
 - в 1834–1861 гг. 129–134
 - в 1873–1896 гг. 137–139
 - рекомендации Гамильтона 123, 123 сн.
- Биржа 39, 54
 - амстердамская 51
 - антверпенская 54

- гамбургская 62
- лионская 54
- лондонская 42
- франкфуртская 64
- Богемия 2–3, 28
 - монеты 7–8, 13 сн., 22
 - серебряные рудники 25–26
- Боливия, золотодевизный стандарт в 179
- Бразилия 23, 27
- Брактеат 6, 12
- Брассаж 298
- Бреттон-Вудская система 378, 385, 386–387, 403, 404–407, 439, 452
- Британия, древняя. *См. тж* Англия
 - древние монеты 102–103
 - золотые, серебряные и бронзовые слитки как деньги 102
 - порча монеты в древности 103
- Бронзовые деньги
 - в Древнем Риме 95–96
 - в Палестине 96
- Брюссельская Международная финансовая конференция 147, 210
- Бумажноденежный стандарт 177
 - в годы Гражданской войны в США 133
 - декретный 252, 336–337, 360–366
 - катастрофа после Первой мировой войны 147
 - фактический в Англии 1797–1821 гг. 109–111, 113–114
- Бундесбанк 526
- Валютные курсы
 - плавающие 392, 535
 - колебания 393–399
 - послевоенные европейские дефициты и 384–385
 - спекулятивные потоки краткосрочных средств и 396
 - фиксированные 534, 535
 - хеджирование от колебаний в. к. 396
- Вексель 19, 21, 34, 37, 38, 45, 49, 60, 78–79, 81. *См. тж* Тратта
 - 24 чуда 62
 - акцепт 19
 - и размен монеты 21
 - индоссамент 60–62
 - как кредитный документ 17
 - на иностранные рынки 21, 45, 63
 - переводной 17–20, 60
 - происхождение 16–18
 - простой 17–18, 20
 - протест 19
 - учет 38–39, 41, 44, 49, 62
- Великая депрессия 386
- Венесуэла 160
- Венгрия, монеты 3, 8, 26–27
- Венеция 5, 13, 15–16, 37,
 - банки 37–39, 41, 44
 - выпуск монет 4 сн., 6–8, 26–27, 37
 - использование векселей 18–19 сн., 60–61
 - система трансферта 38
 - Banco del Giro 37–38, 41
 - Banco del Rialto 38
- Вест-Индия 43, 82
 - приток серебряных долларов из США в 1793–1833 гг. 126
- Взаимные фонды денежного рынка 446, 448–449
- Виги 44, 73–74, 83, 86
- Вклады
 - в банки 37, 44
 - проценты 16
 - трудности размещения, в Пруссии 47–49
 - хранение
 - в церквах и монастырях 3
 - у менял 16
 - у золотых дел мастеров 40, 42
 - в торговых домах XVI в. 46
- Война и кредитная система 500–501
- Всемирная экономическая конференция 1933 г. 158, 187
- Ганза 21 сн.
- Генуэзская конференция 177, 385
- Генуя 4, 15, 18 сн.
 - банки 37, 42, 44
 - ярмарка 37, 55
- Германия
 - бегство от марки в 1922–1923 гг. 209 сн.
 - германские княжества 5–7, 26
 - добыча благородных металлов 22, 25–26
 - запрет иностранной монеты 30
 - медная монета 28
 - монета Средневековья 7–8, 11–13
 - монетное хозяйство в XVII–XVIII в. 29, 34–35

- новое введение золотой рейхсмарки 149, 209
- погашение государственных займов 52–53
- появление векселя 21
- принудительное снижение процента по государственным займам 54–56
- рост цен в период Первой мировой войны 146–147
- стабилизация валюты после Первой мировой войны 154
- чеканка монеты 11–12, 26, 29–30
- Гинейя, английская монета 35–36, 70–71, 78, 81, 225
 - замена совереном в 1817 г. 114
- Гиперинфляция 441
- Государственная теория денег 236
- Государственные займы
 - бессрочные консолидированные 55
 - биржевой курс 54
 - в немецких государствах 52–53
 - выплата процентов 52, 55–56
 - источники покрытия 54–55
 - лотерейные 55
 - облигации 53
 - обращение на бирже 54
 - погашение 52, 55
 - принудительное понижение процента 52–53
 - принудительные 52
 - размещение 54–55
- Государство
 - вмешательство 186–187, 199–200, 285, 349–350, 456
 - в денежное обращение 225, 238, 433, 439–440, 442
 - в процесс образования денег 457
 - в рынок золота 461
 - в рыночные явления 227, 239
 - манипулирование
 - денежными обращением 239–242, 441, 453, 458, 460
 - денежными стандартами 237–238
 - заместителями денег 237–238
 - золотым стандартом 236, 440
 - национальной валютой 240–241
 - покупательной способностью денег 227–228
 - ценами и ставками заработной платы 227, 461
 - меры по увеличению количества денег в обращении 230
 - монополия на
 - контроль ценности денег 439
 - предложение денег 451
 - эмиссию денег 431, 458–459
 - отделение государства от денег 437
- Греция Древняя, система двойного стандарта 93. *См. тж* Квазибиметаллизм
- Гроссоне, миланская монета 26
- Грошен пражский, или чешский 4, 7–8, 13, 26, 35
- Грэшема закон. *См.* Закон Грэшема
- Гульден 25
 - венгерский 8
 - итальянский 8
 - нидерландский 8
 - рейнский 8, 13
 - флорентийский 7
- Дания 26
 - переход на золотой стандарт в 1931 г. 154
- Дарик, древнеперсидская монета 92–93
- Девальвация 240–241
 - в Англии XV в. 105–106
 - в древности 93, 95–96, 98–99
 - в США 1834–1837, 1876–1877, 1933–1934 гг. 158–160
 - валютного курса 452, 460
 - как инфляционное политическое вмешательство 404–405
 - упрощение девальвации при золотослитковом и золотодевизном стандартах по сравнению с золотомонетным 183
 - французского франка 460
- Демократия и кредитная система 498–500
- Демонетизация
 - серебра 225
 - золота 235
- Денарий, древнеримская монета 6, 96
- Денационализация
 - монетарного режима 449, 483–485
 - предложения денег 449
 - предложения Уэрта де Сото по приватизации денег 482–489
- Денежная политика 231–232, 234, 431, 439, 449

- государственная 432, 457, 459-460
- дискреционная 460, 464
- ее цели 450, 452-453
- инфляционная 391-392, 436-437
- экспансионистская 393
- Денежная школа 249, 270, 272, 275-278, 312
- Денежное обращение
 - расширение 23
 - хаотичность 15, 29, 31, 39, 47
 - условия 15, 29, 37
- Денежное предложение (денежная масса) 23-24, 431, 443-446
 - декретных денег 440
 - и манипуляции государства 453
 - и цены 446
 - политизация и централизация 435, 458
 - политический контроль 433
 - приватизация 442
 - регулирование
 - правило индекса цен 439
 - правило медленного стабильного роста денежной массы 463
 - правило нулевого роста денежной массы 464
 - правило процентных ставок 439
 - правило фиксированных цен на золото 463
 - правило цены золота 405, 432, 449-452
 - сокращение 445
- Денежные резервы 235, 237-238
- Денежная реформа 432
 - 1880-1890-е гг. 230
 - возражения против предложений Уэрта де Сото и ответы 501-516
- Денежные склады 447, 462
- Денежный стандарт 431-432. *См. тж* Золотодевизный стандарт; Золотой стандарт
 - биметаллизм 230. *См. тж* Биметаллизм
 - бумажный 177, 230. *См. тж* Бумажноденежный стандарт
 - гибкий золотовалютный 233-235, 237, 240, 242
 - двойной 225, 230, 232
 - декретных денег 252, 336-337, 360-366, 440. *См. тж* Денежная масса, регулирование
 - денационализированный 449
 - идеальный режим 441-442, 449.
См. тж Деньги, в условиях свободного рынка
 - манипулирование 237-238
 - на основе правила цены золота 450-451
 - определение Хелперина 400
 - отделяющий государство от денег 437
 - параллельный 35, 292-294, 350
 - простая металлическая валюта 380, 402 сн.
 - псевдозолотой 450
 - свободного рынка 447. *См. тж* Деньги, в условиях свободного рынка
 - серебряный 25, 226, 230, 236, 292-293
 - сравнение издержек двух д. с. 516-518
 - стерлинговый стандарт до 1914 г. 199-202
 - чистый товарный 443-445
- Денежный стандарт США
 - с 1934 г. 159-160
 - в будущем 204-205
- Деньги. *См. тж* Деньги, бумажные; Деньги, декретные; Заместители денег; Средства обмена; Средства платежа
 - «бегство» от 208-209
 - в условиях свободного рынка 431, 437-438, 441-442, 446-448, 458, 463
 - возникновение 453-454, 405, 420, 421
 - денационализация 449, 483-485
 - денежная единица 164
 - весовая 6
 - счетная 6, 8, 14, 37-38
 - денежные платежи и сделки 5, 8, 23
 - денежные повинности 3, 5, 50-51
 - как единица ценности 425-426
 - как товар 437, 442
 - как идея 450
 - как политический инструмент 432, 453-455
 - как социальный институт 432, 454-456
 - качество 464
 - количество 433, 443-444
 - и добыча золота 438
 - и инфляция 461
 - и роль рынка 435
 - контроль властей за 439
 - оптимальное 436
 - координирующая функция 456
 - металлические, и Конституция США 119-120

- мировые 13
- монеты, сохранившиеся с древности 7
- нейтральность 424
- определение 90
- в остатках наличности 228, 231, 433, 434, 438, 446
- порча 441
- покупательная способность 227, 228, 230, 238, 443–446, 464. *См. тж* Деньги, ценность
- потребность в наличности 433–434
- при феодальном строе 99–100
- происхождение 255–257
- происхождение слова «монета» 96 сн.
- скорость обращения 325, 433
- спрос на 23–24, 412, 414–415, 433–434, 443, 446
 - микроэкономический подход к 434–435
 - повышение 444, 446
 - снижение 443, 449
 - факторы 434
- стабильность их ценности 439–440, 453
- стандартные 438
- сущность 227
- твердые 431–432, 435, 437, 438, 441
- товарные, издержки 415–416
- упоминания в Новом Завете 97 сн.
- ценность 232, 238, 437–439. *См. тж* Деньги, покупательная способность
 - и ценность драгоценных металлов 440
 - как единицы веса золота 442
- экономия на 231–233, 238, 239
- эмиссия 436, 459, 461
- Деньги, бумажные 4, 29, 81, 230, 234, 236, 239, 302–303, 347, 352–353, 431, 439
 - банковские билеты, США 226
 - кредитные билеты 267–268
 - количество 439
 - монополизация выпуска 436–437
 - обеспеченность золотом 436
 - размен на золото 437–438, 441, 443
 - теория 438
- Деньги, декретные 432, 436, 439, 441, 449, 452, 458
 - доллар 450–451
 - издержки 417, 419–421
 - интеграция золота в систему д. д. 449
 - стандарт, с частичным резервированием 460
- День, франко-норманнский эквивалент пенни 104
- Депозитные сейфовые ячейки 507–508
- Депозиты
 - до востребования 253, 258–259, 305
 - история 44, 47–49
 - квитанции на 39
 - срочные 308, 355–356
 - условные 258–259
- Депозитные деньги и банкноты в США, 1896–1914 гг. 143
- Дефицит
 - механизм восстановления равновесия 379–382
 - уровень внутренних цен и 388
 - послевоенные в Европе 384–385. *См. тж* Платежный баланс
- Дефляция 450, 460
 - до довоенного золотого паритета, основные аргументы за и против 149–152
 - здоровая 494–495
 - как возражение против системы Уэрта де Сото 511–515
 - корректировка в условиях золотого стандарта 388–390
 - результаты 150–151
- Дидрахма, первая римская серебряная монета 96
- Дисконтеры 62–63
- Дискуссия о слитках в Англии, 1810–1814 гг. 110, 207–208
- Доверие общества
 - влияние движения золота на 183
 - высокое, к золоту 185–186
- Доллар 26
 - его золотое содержание и полномочия президента по его изменению 158–159
 - по Закону о золотом стандарте 142–143
 - принятый в качестве денежной единицы Континентальным конгрессом 1785 г. 119
 - рекомендации Гамильтона по денежной единице США 121–122
 - уменьшение цены золота в 1934 г. 158–159
- Драхма 93
- Дукат венецианский 7, 12, 25–27, 39
- Дукатон, миланская монета 26

- Закон Грэшема 8, 32, 68, 93, 98, 106–108, 124–126, 141–142, 239, 293–294, 295–296, 299, 350
- Законное платежное средство 12, 239–240
- Законы об узаконенном средстве платежа 301
- Заместители денег 226, 228, 231, 240, 442–443, 447
- в обращении 237
 - внутренние 242
 - во внутренней торговле 232
 - их обеспеченность 231, 234
 - манипулирование 237–238
 - фидуциарные средства 231
- Занятость
- в золотодобывающей промышленности 413
 - безработица 413
- Золото. *См. тж* Размен на золото
- амальгамирование 22
 - борьба государства против 229
 - в искусстве 168–169
 - в обращении 230, 232, 234, 238
 - вытеснение из обращения 234
 - демонетизация 235
 - денежное 168–169
 - денежный спрос на 165–166
 - дефицит 239
 - добыча 413, 415, 420
 - закупки государством 461, 463
 - запасы 3, 22–23
 - интеграция в систему декретных денег 449
 - как внешний стандарт 450
 - как инструмент экономической политики 431–432, 452–453
 - как международные деньги 229
 - как символ 441
 - как стандартные деньги 438
 - как товар 230–231, 444
 - количество денег (золота) в обращении 230, 231 сн., 237
 - конфискация 229, 240
 - коррективка дефляции и 388–390
 - меновая ценность 426 сн.
 - месторождения, открытия 328–330
 - в Австралии и Калифорнии 197
 - в Америке 128–130
 - обращение
 - в Америке XVII–XVIII вв. 116–118
 - в древней Палестине 96–97
 - покупательная способность 228, 231–234, 236–239, 241
 - производство 227, 229–230, 412–413, 415, 493–494
 - затраты на 231, 443–444
 - прибыльность 435, 438, 443–445
 - спад 239, 444
 - технология 443, 445
 - предложение 228, 236
 - неэластичность 415–419
 - рудники 2, 22–24
 - складские расписки на з. 443, 447, 462
 - слитки 232, 255, 276–377, 290–293
 - снижение ценности 230–231, 233–235
 - соотношение ценности з. и других товаров 230
 - спрос на 165–166, 231–233, 236, 238, 443, 449, 460
 - характеристика металла 90, 164–166
 - «хорош, как золото», выражение Чарльза Диккенса 186
 - цена 230–231, 233–235, 237, 241, 450–451
 - в США до 1933 г. 461
 - рыночная 464
 - фиксированная при золотом стандарте 166–167, 461–464
 - экономия 231–233, 238
 - ювелирное 168–169
 - накопление резервов золота при золотодевизном и золотослитковом стандартах 175, 183–184
- Золотодевизный стандарт 281, 283, 329–330 сн., 385–387
- гибкий 232–233, 235, 238
 - будущее 183, 205–206, 208
 - и инфляция 402
 - издержки 232
 - накопление резервов золота 175, 183–184
 - Первая мировая война и 177
 - примеры, сильные и слабые стороны 171–183
 - принципы 171
 - принципы на примере опыта Филиппин в 1905–1910 гг. 171–176
 - рекомендации Генуэзской международной конференции 177–179
 - слабые стороны послевоенного золотодевизного стандарта 181–183

- центральный банк как фактор з/д с. 179–181
- широкое распространение модифицированных принципов после 1924 г. 179–181
- Золотой стандарт 25, 35–36, 238, 240, 246–247. *См. тж* Золотой стандарт со 100%-ным резервированием; Размен на золото
 - автоматическое действие 186–187
 - в будущем 204–211
 - «варварский пережиток» 225
 - выгоды 409–412. *См. тж* Золотой стандарт, издержки
 - достоинства и недостатки 185–199
 - затратность 198
 - и внутренняя экономическая стабильность 387–399
 - и Первая мировая война 146–153, 403
 - и ценность золота 236
 - издержки 409–427, 449. *См. тж* Золотой стандарт, выгоды
 - ресурсные 414–421
 - изъяны 228
 - как символ 226–227
 - классический
 - центральная роль в условиях капитализма 403–404
 - как результат государственной политики фиксирования цен 401–402
 - восстановление равновесия при 381–382
 - и корректировка инфляции и дефляции 388–390
 - кристально честный, по М. Фридману 442
 - манипулирование 236–237
 - международный характер 187–191
 - негибкость 198, 200
 - неограниченный рынок золота 167
 - нестабильность золотого стандарта 197–198
 - определение и разъяснение 161–164
 - переход к з. с., паритет и 392
 - подлинный 431–432, 437, 440–449
 - разновидности 170–184
 - силы природы, породившие з. с. 197
 - со 100%-ным резервированием 446–448, 459–462
 - стабильность 191–196
 - традиционная концепция 432–441
 - характеристики 441–449
 - цены — переток звонкой монеты, механизм 380
 - чистый 232–235
- Золотой стандарт со 100%-ным резервированием 246–247, 359–366
 - возражения 316–336
 - затратность 286, 326–327, 331–336, 352
 - как идеальный стандарт 336–337
 - преимущества 311–314
 - стабильность 312–314
 - экономический цикл в условиях 342–344
- Золотомонетный стандарт 170–171
- Золотослитковый стандарт 181, 183–184, 402
 - накопление резервов золота 175, 183–184
- Золотые резервы 231, 236, 237
 - издержки хранения и обращения 233–234, 239
 - конфискация, у индивидов 240
 - на депозитах, в Федеральном резерве 459
 - у банков 443, 447, 462
- Золотые сертификаты в США 144–145
- Издержки, альтернативные 417
- Индия 39, 51
 - Индийский валютный комитет 1898 г. 171
 - запасы золота 166, 169
 - комитет Фаулера 183, 188
 - комитет Хершелла 188 сн., 189 сн.
 - отказ от золотого стандарта в 1931 г. 154
 - предложение золотодевизного стандарта 171
 - проблемы с обменным курсом при серебряном стандарте 190
 - рекомендации по принятию золотослиткового стандарта 183
- Инфляционизм 228, 240
- Инфляция 234, 328–331, 436, 438, 441, 450, 458
 - банкнот 437
 - в Европе и в США во время и после Первой мировой войны 147
 - золотодевизный стандарт и 402

- и Бреттон-Вудская система 452
- и платежный баланс 383, 391
- издержки 464
- инфляционная рецессия 288, 340
- источник 460, 463
- как налог на остатки наличности 438
- в США и Корейская война 399
- корректировка при золотом стандарте 388–390
- одновременная и параллельная в разных странах 395
- последствия 437
- причина 451
- размен на золото как ограничитель 385–386
- склонность политиков к 440
- Информация, об экономических условиях 433, 435, 455, 457
- Иоанниты 3
- Иоганнес, португальская золотая монета в обращении в колонии Массачусетс 117
- Испания 8, 21, 26
 - банкротство 54
 - и американское серебро 24
 - обращение иностранных монет 12
 - пистоль 27
 - рост цен 24
- Испанские монеты в обращении США
 - до середины XIX в. 133
 - раздробление монет 132
- Италия
 - банки 258–259, 297
 - банкиры 15–16, 18, 20
 - кредитные операции в Средние века 18–19
 - монетная регалия 11, 60
 - отказ от золотого стандарта 154
 - рост цен в ходе Первой мировой войны 147
 - стабилизация валюты после Первой мировой войны 149
 - чеканка золотых монет 104 сн.
- «Йеллоубеки» (золотые сертификаты) 144
- Калифорния, открытие золотых месторождений 130, 197
- Канада, переход на золотой стандарт в 1931 г. 154
- Капитал
 - и производство золота 231
 - накопление 233
 - рынок 226
 - международно интегрированный 398–399
 - цены потребительских благ относительно капитальных благ 397
- Кастодиальные счета 353–355
- Кейнсианцы 379
- Китай 146, 165, 166, 188
- Колониальный период Америки, деньги 116–118
- Колумбия
 - золотодевизный стандарт в 179
 - золотой стандарт 160
 - центральный банк 180, 210
- Конвертируемость в золото. См. Размен на золото
- Конструктивизм монетарный, конструктивисты 400, 453–454, 457
- Континентали 266
- Корова, как древняя единица ценности 92
- Кредит
 - банковский, с металлическим покрытием 38–39
 - в Средние века 5, 6, 18–19
 - государственный 51–56
 - и морская торговля 39, 47
 - и торговые дома XVI в. 46–47
 - публичный 51–56
 - покупателю 59–64
 - торговый 56, 59–64
 - учет векселей 17–19, 38–39, 41, 44, 49, 62
- Кредитная культура легких денег, питаемая кредитной экспансией 496
- Кредитная экспансия 227–228, 436
- Кредитные билеты 29, 267–268
- Кунобелин (Цимбелин) 102
- Курс золотых и серебряных монет
 - в Англии 106–108, 225–26
 - в США 123–131
 - рекомендованный в 1792 г. Гамильтоном курс 15:1 122
 - недооценка золота в 1792–1834 гг. 124–128
 - курс 16:1, установленный в 1834–1861 гг. 128–129
 - переоценка золота в 1834–1861 гг. 129–133

- Латинский монетный союз 226
- Ливр 8
- Лига Наций 153 сн., 202 сн.
- Лидия, древние монеты 92
- Ликвидная ловушка 324
- Ломбард-стрит 42, 79
- Ломбардная операция 45, 49
- Луидор 27
- Манипулирование денежным стандартом 153, 160
- Марка 6
- банковская 37
- Медные монеты в США по Монетному акту 1792 г. 123
- Медь, начало использования в качестве денег в Древней Греции 93. *См. тж* Бронзовые деньги, монеты
- Международная монетарная конференция 211
- Международная торговля 284, 314–315, 343
- и курсы национальных валют 150–152, 188, 190
- Международные финансы и изменения курса национальных валют 190–191
- Международный банк
- функции 210–211
 - рекомендации 210
- Мексика 22, 90, 146, 188
- Мексиканская валютная комиссия 188 сн.
- Менялы 15–17, 39, 45
- Миланский фунт 13
- Монета. *См. тж* Порча монеты
- банковая 37, 40
 - биллонная 28, 36, 248, 256–258, 297–298, 304, 347
 - в США
 - по Монетному Акту 1792 г. 123–124
 - золотая, по постановлению Континентального конгресса в 1785–1786 гг. 119
 - вечная 10
 - взвешивание 14, 32, 70
 - влияние неполноценной заграничной монеты на обращение серебряной монеты в США 126–127
 - вывоз 5, 30
 - вытеснение из обращения хорошей м. 68. *См. тж* Закон Грэшема
 - городская 11, 28
 - доходы от чеканки 9–10, 12–14, 27
 - дробление 107–109, 131–132
 - дробные номиналы 7, 28
 - золотая 7–8, 13, 16, 25, 27, 35–36, 225, 229, 232–234, 240
 - из Богемии 7–8, 13 сн., 22
 - из электрона в VIII в. до н.э. 92
 - издержки производства 9, 14, 31
 - иностранная 12, 13 сн., 25, 30, 39
 - как заместители денег 226, 231, 235
 - королевская 12
 - курс 13, 29 сн., 36
 - медная 25, 27–29
 - монеты 13, 29, 36
 - машинной работы 68
 - многообразие 6–8, 12–13, 27–28, 30, 34
 - недостаток 3–5, 76
 - неполновесная 11, 13, 29–30
 - номинальная ценность 11, 14, 27–28, 31–32
 - неполновесная 68, 71, 75
 - обрезывание 67–69, 72
 - перечеканка 30, 33–34, 74
 - размен на золото 226, 242
 - ручной работы 68
 - серебряные 225–226
 - содержание благородного металла в 6–15, 20, 31, 34–35
 - фальсификация 14–15, 28
 - феодальная 12–13
 - чеканка 67–68, 232
 - чеканка в древности в Малой Азии, Греции и в Персидской империи 92–93
- Монетаризм 395
- Монетная регалия 11–12, 15, 28, 31
- Монетное обращение 15, 29, 34, 39, 47, 225
- издержки 232, 239
- Монетные дворы 11–12, 33, 38–39
- Мина, древневавилонская единица веса 91
- Мировые запасы золота 99–100, 155, 197
- Мойдор, обращение в колонии Массачусетс 117
- Монетный акт 1792 г., учреждающий монетный двор 120–124
- доклад Александра Гамильтона о чеканке монеты 120–123
 - сбор за чеканку монеты 124 золото 167

- Монометаллизм
– агитация за 126–128
– золотой 226
- Мошеничество 251, 316–320, 347–349, 447
- Национальный долг, конвертация
в рамках реформы банковской системы
526–541
- Неравновесие
– денежное 418
– механизм восстановления равновесия
и 379–387
- Опционы, «пут» и «колл» 124 сн., 510
«Орел», золотая монета США 119,
124–125
- Паевой фонд, характеристики и роль
в будущем 526–534
- Палестина древняя, основные деньги
в 97 сн.
- Пенни, английская золотая монета 104
– происхождение знака пенса (d) 104
- Первая мировая война, ее влияние на
золотой стандарт 146–153, 403
- Перу 22, 180–181
– золотодевизный стандарт в 179
– центральный банк 210
- Пигу эффект 513
- Пистоль 27, 29 сн., 42
- Платежный баланс 379–393
– автоматическая корректировка
379–382
– дезагрегирование 388–390
– кейнсианский подход 376
– современный денежного подход 378
– механизм восстановления равновесия
379–387
- Польша
– рост цен во время Первой мировой
войны 147
– стабилизация валюты после Первой
мировой войны 149
- Порча монеты 5, 8–12, 23, 27, 35, 67–70,
225, 441
– износ 9
– как средство фиска 9–10, 13, 30–31
– масштабы 32–33
– народные волнения в связи с 8, 10,
28–29, 71
- обрезывание 9, 31–32, 67–69, 107–109,
126, 132
– смертная казнь за 67–69, 123
- Права собственности 311–312
- Права принципы
– не противоречат свободе договора
506–508
– неотвратимые 508–511
– общие, традиционные и
универсальные 487–488
- Предельные издержки, изменения
уровня цен 423
- Преступление 1873 г. 134
- Производство золота 99–100, 197
– обратная зависимость между
производством золота и ценами на
другие товары 167–168
- Процент. См. Ссудный процент
«Пут», опцион на продажу 124 сн., 510
- Размен на звонкую монету
– возобновление размена в Англии
в 1821 г. 125 сн.
– возобновление размена в США
в 1879 г. 134
– приостановка размена в Англии
в 1797 г. 111–112, 437
– приостановка размена в США в 1861 г.
133
– факторы приостановки размена
в Англии в 1797 г. 111
- Размен на золото 208–210. См. т.ж
Банкоты, размен на золото; Монета,
размен на золото
- Резервы банковские 233, 235, 237–238,
443, 447, 459, 462,
- Реальных кассовых остатков эффект 381
- Регрессии теорема (Мизеса) 483
- Рецессия инфляционная 288, 340
- Рим Древний
– начало чеканки золотых монет 97
– роль золота 94–99
– эдикт о британских монетах 103
- Римский ас, монета 94–95
- Римский фунт, вес 94
- Родос древний, чеканка золотых и
серебряных монет 83
- Россия, рост цен во время Первой
мировой войны 147
- Ростовщики 78

- Рузвельта администрация, радикальные меры 158
- Сеньораж 294, 298
– в Средние века 100–101
- Серебро
– демонетизация 225
– доллар серебряный 124–126, 129, 133–134, 139–142
– запасы 3, 22–23
– как древние деньги 91–93, 95–97
– монеты дробного номинала 125–126, 129–133
– монеты США 124–134, 139–142
– преобладание над золотом в английской валюте 1492–1699 гг. и преобладание золота над серебром в XVIII в. 106–109
– снижение производства в «темные века» 99–100
- Серебряный стандарт 25, 188, 226, 230, 236
- Сикль, двевнеавилонская денежная единица 91 сн.
- Силы природы, породившие золотой стандарт 197
- Симметализм, древний 92
- Скрупула, древнеримская денежная единица 97
- Слитки 4, 16, 39, 42
– в качестве денег 90–92, 94–97, 102, 116–117
- Соверен золотой, английская монета 8, 114
- Солид, шиллинг 6
- Средства обмена 225, 227, 229–230. *См. тж* Деньги
- Средства платежа
– банкноты 40–41
– векселя 16, 19, 21
– монеты 12, 14–15
– натуральные 4–6
– слитки 14
– хлеб 4
– чеки 41
- Ссудный процент, ограничения 63, 73
- Сравнительно-институциональный подход 421 сн.
- Средние века, роль золотых денег 99–101
- Стабилизационный фонд (США), учрежден в 1934 г. 159
- Стабильность
– внутренняя экономическая с. и международный золотой стандарт и 387–399
– денежная 412
– в отличие от постоянного уровня цен 421–427
– золотого стандарта 191–196
– индекса цен 453
– процентных ставок 453
– реальной стоимости товаров
– системы декретных денег 441
– цен 449–450, 458, 460
– ценности денег 439, 441, 453
- Стабилизация
– покупательной способности декретного доллара 451
– статистических агрегатов 453
– цены золота 450
- Статир, древняя золотая монета. *См. тж* Дарик
– в Персии 93
– на Родосе 93
- Стерлинг, происхождение слова 103 сн.
100%-ного резервирования требование 251–252, 258–260, 262, 281–283, 304–310, 353–355, 446–447, 459, 462, 467–482
– история предложения 468–482
– критический анализ 501–522
– предложение Джеймса Тобина 482 сн.
– предложение Мизеса 468–473
– предложение Мориса Алле 476–478
– предложение Ротбарда 475–476
– предложение Хайека 473–474
– предложение Чикагской школы 478–482
– уклонение банков 355–356
- Стерлинговый стандарт до 1914 г. 199–202
- США. *См. тж* Цены, оптовые, в США
– акт Шермана о закупках серебра 1890 г. 139
– отмена 142
– положения закона 140–141
– банкноты 226
– дробные номиналы ок. 1850 г. 131–132
– обесценение в 1813 г. 114
– банковские каникулы 1933 г. 155–157, 196 сн.

- банковские чеки 145
- в середине XIX в. 129–130
- девальвация в 1834–1837, 1876–1877, 1933–1934 гг. 158–160
- закон Блэнда–Аллисона 1878 г. 139–140
- закон о банках 1933 г. 155–156
- закон 1879 г. о возобновлении платежей звонкой монетой 134–135
- закон о золотом резерве 1934 г. 158–159
- закон о золотом стандарте 1900 г., его положения 142–143
- законодательная стабилизация 1934 г. в США 158–159
- золотой монометаллизм 226
- золотые резервы
 - накопленные к 1877–1879 гг. 135–136
 - снижение в 1891–1893 гг. 141–142
 - определенные законом о золотом стандарте 1900 г. 142–143
- золотой стандарт 136, 240
 - в 1879–1914 гг. 136–137, 143–145
 - после 1929 г. 154–160
- испанские монеты в обращении
 - до середины XIX в. 133
 - раздробление монет 132
- «Йеллоубеки» (золотые сертификаты) 144
- казначейские билеты США 1890 г. по закону о золотом стандарте 1900 г. 142
 - их выпуск 140–141
 - их погашение 141
- казначейские облигации Массачусетса 1752 г., оплачиваемые золотом или серебром 117
- Конституция США, полномочия по выпуску денег 119–120, 266–267
- континентали 266
- Континентальный конгресс, постановление о золотой и серебряной монете 117–118
- корейская война и инфляция 399
- массачусетская колония, золотые монеты 117
- медные монеты по закону о монете 1792 г. 123
- мексиканские монеты в обращении до 1857 г. 133 сн.
- Новый курс 240–241
- «орел» и его номиналы 119, 124–125
- открытие золотых месторождений в начале и середине XIX в. 128–130, 197
- прибыль от девальвации по закону 1934 г. 158–159
- смертная казнь за подделку и порчу монеты по Монетному акту 1792 г. 123
- спичечники 274–275
- субсидии 1758 г. Массачусетсу, выплаченные золотом 117
- торговый доллар 133 сн.–134 сн.
- Федеральный резерв 237, 450–451, 459–460, 463
- эмбарго на вывоз золота в 1917–1919 гг. 146, 148
- Талер 26, 28, 34–35, 42
- Тамплиеры 3
- Тевтонский орден 3
- «Темные века», деньги в 99–100
- Товарные цены
 - в странах золотого стандарта 1879–1894 гг. 136–138
 - влияние изменений цены золота на 167–168
 - причины и результаты снижения в США в 1873–1894 гг. 136–138
- Товарообмен простой, в Средневековье 90
- Трансферт, банковская операция 38–40
- Тратта 18–21. *См. тж* Вексель
- Турноз (турский ливр) 6, 12
- Узаконенное средство платежа 161
- Украшения, спрос на золото для 165–166
- Уоррена план по закупке золота 158
- Фальшивомонетничество 9, 11, 28, 32, 99, 113, 257, 296–301
- Фидуциарные средства обращения 231
- Филиппины, золотодевизный стандарт в 1905–1910 гг. 171–176
- Фландрия 8, 21, 34
- Флоренция 6–7, 18 сн., 19, 21
- Флорин 7–8, 25
 - банковский 37–38, 40
 - дробные номиналы флорина в XIV в. 105
 - золотая монета XIII в. 100, 104 сн.

- Фонды денежного рынка 356
- Франция 3–5, 21, 29
 - девальвация франка 460
 - золотой монометаллизм 226
 - луидор 27
 - обращение иностранных монет 12–13
 - ограничение ссудного процента 63
 - переход на золотой стандарт в 1936 г. 154
 - платежи золотом 8
 - реформы Пуанкаре 392
 - рост цен в Первую мировую войну 147
 - спекуляции Джона Ло 29
 - стабилизация валюты в 1928 г. 148–149
 - феодальная монета 11–12
 - чеканка медной монеты 27
- Фунт 6
 - древнеримский, размер и дробные доли 94–95
 - после Первой мировой войны 149–150
 - стерлингов, стабилизация 1821 г. 114–115
 - тауэрский серебряный в 1066 г. 103
- Хаммурапи кодекс 90–91
- Цена золота, фиксированная при золотом стандарте 166–167
- Ценность
 - референтная 426
 - единица 425
- Цены
 - автоматическое выравнивание платежного баланса и 379–382
 - издержки корректировки 413, 419
 - потребительские, уровень 397–398, 418–419
 - товарные
 - в Англии в годы действия золотого стандарта 190–193
 - в США в годы действия золотого стандарта 136–137, 192 сн., 193–196, 203
 - рост 228
 - падение 230, 239
 - в золотом эквиваленте 230, 234
 - уровень цен
 - денежная стабильность и 421–427
 - концепция 388
 - неэластичность предложения золота и 418
 - постоянный 414–416, 421–427
 - общий 418
 - темпы изменений, максимизирующие благосостояние 423
 - факторов производства 419
 - фиксирование 401–402
- Цены, оптовые
 - в Англии в годы действия золотого стандарта 190–193
 - в США
 - в годы действия золотого стандарта 136–137, 194–197, 203
 - в период бумажно-денежного стандарта 137
 - после закона о чрезвычайных ситуациях 1933 г. 156
- Цены — переток звонкой монеты, механизмы 380
- Центральный банк 42–44, 240, 242, 449–450
 - и золотой стандарт будущего 210
 - как фактор золотодевизного стандарта 179–181
 - ликвидация 497–498
 - нежелание достигать цели постоянного уровня цен 425
 - политика учетной ставки 382
 - операции на открытом рынке 382–383
- Цехин, венецианская золотая монета 100
- Чеканка монет 257, 294–301. *См. тж*
 - Монетная регалия; Сеньораж
 - в Англии в 1797 г. 111–113
 - в Древней Греции 92–94
 - в древней Малой Азии 91–92
 - в США
 - предложения по чеканке в Америке 118–119
 - система Сэмюэля Осгуда и Уолтера Ливингстона 119
 - первые в США 124–127
 - дробные номиналы серебряной монеты 133
 - из золота и серебра в 1793–1833 гг. 143–144
 - из золота и серебра в 1834–1861 гг. 129–131

- отмена сбора за чеканку монеты 129
- доходы от 9-10, 12-14, 27
- откуп на 39
- свободная 161, 163
- феодальное право ч. м. 11, 13
- частная 256, 298-301
- Чикагская школа, ее план 100%-ного резервирования 478-472
- Чили
 - золотодевизный стандарт в 179-180
 - центральный банк 210
- Эквадор 180
 - золотодевизный стандарт в 179
- Экономические циклы 251, 288, 337-346, 397-398
 - восстановление
 - вслед за кризисом 327-328
 - контрпродуктивность сопротивления ей 330-333
 - распространение между странами 398-399
 - теория австрийской школы 251, 288, 337-346
- Экономический рост, постоянный уровень цен и 423
- Экю 8, 25, 39
- Эффект Рикардо 342
- Эластичность валюты 323-325, 345
- Ювелирное золото
 - изменения цены при золотом стандарте 168-169
 - спрос на 165-166
- Ювелиры (серебряки, золотых дел мастера) 40, 44, 71, 78, 81, 251-265, 284, 288, 302, 318-320, 347-348
- Южно-Африканский Союз
 - опыт монетной системы 1919-1920 гг. 162-163
 - открытие золотых месторождений 143
- Ява, золотодевизный стандарт 171
- Япония, отказ от золотого стандарта в 1931 г. 154
- Ярд, стандартная единица Британской империи 164

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>И. М. Кулишер</i> КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ	1
<i>Т. Б. Маколей</i> ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В АНГЛИИ В XVII В.	65
<i>Э. У. Кеммерер</i> ЗОЛОТО И ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ: ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ	87
<i>Л. фон Мизес</i> МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЗОЛОТЫМ СТАНДАРТОМ	223
<i>М. Скоузен</i> ЭКОНОМИКА ЧИСТОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА	243
<i>Дж. Салерно</i> ЗОЛОТО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА: ВКЛАД МАЙКЛА ХЕЛПЕРИНА	375
<i>Р. Гаррисон</i> ИЗДЕРЖКИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА.	407
<i>Дж. Салерно</i> ЗОЛОТЫЕ СТАНДАРТЫ: ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ	429
<i>Д. Мейзелман</i> В ЗОЛОТЕ ЛИ ДЕЛО?	459
<i>Х. Уэрта де Сото</i> РЕФОРМА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРИЯ 100%-НОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ	465

СОДЕРЖАНИЕ

И. М. Кулишер

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 1. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ДЕНЕЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	3
ГЛАВА 2. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ЦЕНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ.	22
ГЛАВА 3. КРЕДИТ И БАНКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ	37

Т. Б. Маколей

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В АНГЛИИ В XVII В.

ГЛАВА 1. ОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЗВОНКОЙ МОНЕТЫ.	67
ГЛАВА 2. АНГЛИЙСКИЙ БАНК	78

Э. У. Кеммерер

ЗОЛОТО И ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ: ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	89
ГЛАВА 1. МЕСТО ЗОЛОТЫХ ДЕНЕГ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА И В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	90
Происхождение золотого стандарта.	90
Чеканка первых монет в Малой Азии	91
Чеканка на территории Древней Греции	92
Роль золота в денежном обращении Древнего Рима.	94
Золотые деньги в эпоху республики.	97
Золотые деньги в период Западной Римской империи	98
Роль золотых денег в средневековой континентальной Европе	99
<i>Характер экономики в Средние века.</i>	99
<i>Золотые монеты.</i>	100
<i>Сеньораж</i>	100
ГЛАВА 2. ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ЗОЛОТЫХ ДЕНЕГ В АНГЛИИ.	102
С древнейших времен до 1492 г.	102
<i>От царствования Генриха III до открытия Америки</i>	103
С 1492 по 1821 г.	106
<i>Два столетия квазибиметаллизма: преобладание серебра над золотом</i>	107
<i>Столетие преобладания золота над серебром</i>	108
<i>Бумажный фунт</i>	109
<i>Банкноты и депозиты</i>	110
<i>Письмо лорда Ливерпуля королю.</i>	111
<i>Законодательный переход на золотой стандарт.</i>	113
<i>Золотой стандарт вступает в силу</i>	114

ГЛАВА 3. ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬГИ И ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ В США ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	116
Доконституционный период	116
Колониальный период	116
Период Войны за независимость и Конфедерации.	117
Учреждение национальной валюты	119
Золото при биметаллической системе, 1792—1861 гг.	123
Период недооценки золота, 1792—1834 гг.	124
Агитация за монометаллизм	126
Биметаллизм продолжается	128
Новый коэффициент в действии.	129
Отмена биметаллизма в 1873 г.	133
Начало золотого стандарта де-факто	134
Эпоха золотого стандарта, 1879—1914 гг.	136
Снижение товарных цен	136
Критика золотого стандарта со стороны биметаллистов	137
В защиту золотого стандарта	138
«Как-нибудь помогите серебру»	139
Закон о золотом стандарте 1900 г.	142
ГЛАВА 4. КРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА, ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЕ И НОВАЯ КОНЧИНА.	146
Международная денежная ситуация после начала Первой мировой войны	146
Всеобщее стремление к возвращению золотого стандарта	147
Возврат к золоту.	148
Стабилизационные курсы	148
Золотой стандарт 1920-х годов	151
Новая экономическая ситуация	151
Новый ослабленный золотой стандарт	152
Недолгая жизнь послевоенного золотого стандарта	153
Золотой стандарт в США после 1929 г.	154
События, которые привели к новому типу золотого стандарта	154
Американский золотой стандарт нового типа	158
ГЛАВА 5. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА.	161
Что является золотым стандартом.	161
Определение и пояснения.	161
Денежная единица: фиксированный вес, а не фиксированная ценность	164
Золото как денежный металл	164
Высокая эластичность спроса на золото	165
Свойства золота при золотом стандарте	166
Денежное и ювелирное золото	168
ГЛАВА 6. РАЗНОВИДНОСТИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА.	170
Золотомонетный стандарт	170
Золотодевизный стандарт	171
Принципы золотодевизного стандарта на примере Филиппин, 1905—1910 гг.	171
Преимущества золотодевизного стандарта для Филиппин	175
Золотодевизный стандарт и Первая мировая война	177
Генуэзская международная конференция и золотодевизный стандарт	177

<i>Широкое распространение принципов золотодевизного стандарта.</i>	179
<i>Слабые стороны послевоенного золотодевизного стандарта.</i>	181
Золотослитковый стандарт	183
ГЛАВА 7. БАЛАНС ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ.	185
Достоинства золотого стандарта	185
<i>Простота и понятность</i>	185
<i>Высокое доверие людей к золоту</i>	185
<i>Автоматическое действие золотого стандарта не требует особого политического регулирования</i>	186
<i>Международный стандарт</i>	187
<i>Стабильность золота</i>	191
Недостатки золотого стандарта	197
<i>Порождение слепых сил природы</i>	197
<i>Нестабильность ценности</i>	197
<i>Негибкость</i>	198
<i>Затратность</i>	198
<i>До 1914 г. золотой стандарт фактически был стерлинговым стандартом</i>	199
Ответ на критику	199
После 1914 г. международный золотой стандарт ни разу не подвергался настоящему испытанию	202
<i>Золотой стандарт в США в 1918—1933 гг.</i>	203
ГЛАВА 8. ДЕНЕЖНЫЙ СТАНДАРТ БУДУЩЕГО	204
Предпосылки к дискуссии	204
Разновидности послевоенного золотого стандарта	205
Создание международного золотого стандарта	206
Конвертируемость золота	208
Золотой стандарт и центральный банк	210
Международный банк	211
Международная монетарная конференция	211
ДЕНЕЖНЫЙ СТАНДАРТ БУДУЩЕГО	211
БИБЛИОГРАФИЯ	212

Л. фон Мизес

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЗОЛОТЫМ СТАНДАРТОМ

ГЛАВА 1. ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ	225
1. Исторический обзор	225
2. Спрос на деньги	229
3. Экономия на деньгах	231
4. Процент на «праздные» резервы	233
5. Золото остается деньгами	234
ГЛАВА 2. МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЗОЛОТЫМ СТАНДАРТОМ	236
1. Денежная политика и покупательная способность золота	236
2. Изменения покупательной способности золота	238
3. Эволюция современных методов манипулирования денежным обращением	239

М. Скоузен

ЭКОНОМИКА ЧИСТОГО ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	245
ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ	246
Традиция 100%-ного резервирования	248
<i>Функционирование чистого металлического стандарта.</i>	251
<i>Экономические вопросы и денежная политика</i>	252
<i>Вклад школы твердых денег</i>	253
ГЛАВА 2. ТРАДИЦИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СТАНДАРТА СО 100%-НЫМ РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ	255
<i>Происхождение денег.</i>	255
<i>Введение биллонной монеты</i>	256
<i>Появление банкнот</i>	258
<i>Континентальные депозитные банки</i>	259
<i>Банковское дело в Англии.</i>	260
<i>Роль ювелиров.</i>	261
<i>Взгляды на современное банковское дело.</i>	265
<i>Реакция американцев на бумажные деньги</i>	266
<i>Антибанковские настроения в начале XIX в.</i>	269
<i>Антибанковское движение в 1830-х годах</i>	273
<i>Британская денежная школа</i>	275
<i>Экономическая мысль периода Гражданской войны.</i>	278
<i>Чистый металлический стандарт в XX в.</i>	281
<i>Возрождение металлического стандарта со 100%-ным резервированием?</i>	287
<i>Выводы</i>	288
ГЛАВА 3. ЭЛЕМЕНТЫ ЧИСТОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СТАНДАРТА	290
<i>Фундаментальный принцип</i>	290
<i>Счетная денежная единица</i>	290
<i>Параллельные стандарты или биметаллизм?</i>	292
<i>Чекан монет</i>	294
<i>Обращение — по весу или поштучно?</i>	295
<i>Биллонная монета.</i>	297
<i>Затраты на чекан</i>	298
<i>Частный чекан монеты</i>	299
<i>Законы об узаконенном средстве платежа</i>	301
<i>Бумажные заместители денег.</i>	302
<i>Роль банковского дела.</i>	304
<i>Правовые аспекты предложения о 100%-ном резервировании.</i>	305
<i>Как будут работать банки в условиях 100%-ного резервирования.</i>	306
<i>Кредитование в условиях 100%-ного резервирования</i>	307
<i>Сберегательные счета и срочные депозиты.</i>	308
<i>Выводы</i>	308
ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЧИСТОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО СТАНДАРТА	311
<i>Преимущества чистого металлического стандарта.</i>	311
<i>Права частной собственности и свобода</i>	311

Независимые денежные власти	312
Экономическая и банковская стабильность.	312
Международные эффекты стандарта со 100%-ным резервированием.	314
Возражения против чистого золотомонетного стандарта	316
Правило 100%-ного резервирования и «свободная банковская деятельность»	316
Вопрос о свободе и мошенничестве.	316
Оказывает ли «свободная банковская деятельность» дестабилизирующий эффект?	320
Эластичность валюты и потребности бизнеса	323
Обременительные ограничения на банковскую деятельность	326
Ценовая стабильность и инфляция золота	328
История ценовой стабильности в условиях золотого стандарта	330
Высокие издержки производства: драгоценные металлы — напрасная растрата ресурсов?	331
Экономика «идеального» стандарта: полностью металлический стандарт против полностью декретного	336
Критика австрийской теории делового цикла	341
Экономический цикл в условиях чистого золотого стандарта.	342
Резюме	344
ГЛАВА 5. ВЫВОДЫ.	347
Ювелиры и зарождение банковского дела	347
О мошенничестве банков.	349
Роль государства	349
Свободная банковская деятельность: вопросы стабильности, конвертируемости и погашаемости	350
Стабильность и уровень цен.	352
Бумажные деньги против товарных	352
Системы 100%-ного резервирования сегодня	353
Аспекты практического внедрения	355
Уклонение банков и срочные депозиты	355
Переходный период.	356
Уроки традиции твердых денег: новая формулировка тезиса	357
ПРИЛОЖЕНИЕ	359
Сравнение четырех денежных стандартов	359
Характеристики	359
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	359
Свободная банковская деятельность	360
Банковская деятельность с частичным резервированием	360
Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	360
Факторы, определяющие денежное предложение	360
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	360
Свободная банковская деятельность	361
Банковская деятельность с частичным резервированием	361
Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	361
Роль государства.	361
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	361
Свободная банковская деятельность	361
Банковская деятельность с частичным резервированием	362

Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	362
Преимущества (с точки зрения сторонников)	362
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	362
Свободная банковская деятельность	362
Банковская деятельность с частичным резервированием	363
Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	363
Недостатки (с точки зрения критиков)	363
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	363
Свободная банковская деятельность	363
Банковская деятельность с частичным резервированием	364
Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	364
Практическое внедрение	364
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	364
Свободная банковская деятельность	365
Банковская деятельность с частичным резервированием	365
Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	365
Сторонники	365
Металлический стандарт со 100%-ным резервированием	365
Свободная банковская деятельность	366
Банковская деятельность с частичным резервированием	366
Декретный стандарт со 100%-ным резервированием	366
БИБЛИОГРАФИЯ	367

Дж. Салерно

**ЗОЛОТО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ВАЛЮТНАЯ
СИСТЕМА: ВКЛАД МАЙКЛА ХЕЛПЕРИНА**

Введение	377
Золотой стандарт и «механизм восстановления равновесия»	379
Международный золотой стандарт и внутренняя экономическая стабильность	387
Критическое резюме	399

Р. Гаррисон

ИЗДЕРЖКИ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА

Введение	409
Золотой стандарт: издержки и преимущества	409
Затраты на добычу золота: чрезмерные или недостаточные?	412
Издержки по добыче золота и по поддержанию стабильного уровня цен	414
Издержки, ресурсные издержки и золотой стандарт	416
Неизбежность ресурсных издержек	420
Постоянный уровень цен против монетарной стабильности	421
Заключительные замечания	427

Дж. Салерно

ЗОЛОТЫЕ СТАНДАРТЫ: ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ

I. Введение	431
II. Традиционный подход к золотому стандарту	432
III. Основные характеристики подлинного золотого стандарта	441
IV. О правиле цены золота	449
V. Деньги: инструмент экономической политики или общественный институт?	452

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д. Мейзелман. В золоте ли дело?	459
---	-----

Х. Уэрта де Сото

ТЕОРИЯ 100%-НОГО РЕЗЕРВИРОВАНИЯ:
РЕФОРМА БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

1. История современных концепций 100%-ного резервирования	467
<i>Предложение Людвига фон Мизеса</i>	468
<i>Ф. Хайек и его предложения о 100%-ном резервировании</i>	473
<i>Предложение Мюррея Ротбарда: чистый золотой стандарт со 100%-ным коэффициентом резервирования</i>	475
<i>Морис Алле и европейские сторонники 100%-ного резервирования</i>	476
<i>Поддержка 100%-ного резервирования как традиция старой чикагской школы</i>	478
2. Наше предложение по реформе банковской системы	482
<i>Полная свобода выбора средств обращения.</i>	483
<i>Система полной свободы банковской деятельности</i>	485
<i>Обязательства всех участников системы свободной банковской деятельности соблюдать традиционные принципы права и юридические правила, в частности, поддерживать 100%-ный коэффициент резервирования по вкладам до востребования</i>	487
<i>Как могла бы выглядеть финансово-банковская система в полностью свободном обществе?</i>	488
3. Обсуждение преимуществ предложенной системы	489
4. Ответы на возможные возражения на предложенную нами реформу денежной системы	501
5. Экономический анализ процесса реформирования и перехода к предложенной денежной и банковской системе	523
<i>Базовые стратегические принципы</i>	523
<i>Стадии реформирования финансово-банковской системы</i>	524
<i>Важность третьей и последующих стадий реформы: возможность выплаты государственного долга или обязательств по пенсиям социального страхования</i>	526
<i>Приложение теории банковской и финансовой реформы к европейскому Монетарному и экономическому союзу и построению финансовой системы в странах бывшего Восточного блока.</i>	534
6. Заключение. Банковская система свободного общества	536

Узнайте стоимость написания студенческой работы на заказ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ
Теория, история, политика

Художник: *К. Кожухова*
Верстка: *Г. Шингарев*
Корректор: *Е. Голубева*

Подписано к использованию 02.02.20
Формат 15,0×23,0 см
Гарнитура Journal

Издательство «Социум»
117321, Москва, ул. Островитянова, 26, корп. 1
Тел.: (495) 330-51-98
Сайт: <http://sotsium.ru>
Эл. почта: mail@sotsium.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиагор»
Сайт: <http://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

Из множества способов организации банковского дела худшим является тот, который мы имеем сегодня... Другой, более фундаментальный пример [банковской реформы] состоит в отделении платежной системы от рискованного кредитования — то есть недопущение банковского дела с частичным резервированием... Предложение исключить возможность банковской деятельности с частичным резервированием прямо признает: претензии на то, что безрисковые депозиты могут быть обеспечены рискованными активами, есть алхимия.

*Мервин Кинг, управляющий Банка Англии,
25 октября 2010 г.*

Нам необходима система, которая будет включать доллар, евро, иену, фунт стерлингов, юань и развиваться в сторону интернационализации и открытия рынков. Эта система должна, видимо, включать золото как международный стандарт, который будет служить показателем ожидаемого рынками уровня инфляции.

*Роберт Зеллик, президент Всемирного банка,
8 ноября 2010 г.*

Золотой стандарт [заставляющий страны обеспечивать свои валюты золотыми слитками] — совершенно «законная» денежная система. Частота кризисов не обязательно сократится. Но периоды ценовой стабильности или стабильности уровня цен будут длиннее; однако я не знаю, будет ли ниже безработица или количество банковских банкротств.

*Томас Хеннинг, президент Федерального резервного
банка Канзаса, 5 января 2011 г.*

Внастоящий момент мы имеем систему секретных денег, которая, в сущности, представляет собой деньги, печатаемые государством, и эти полномочия обычно возложены на центральный банк. Должен существовать механизм, который ограничивает количество производимых денег, механизм типа золотого стандарта или «валютного комитета», потому что если такого механизма нет, то, как показывает история, возникает инфляция, оказывающая пагубное влияние на экономическую активность... Многие из нас, включая меня, были твердо уверены, что США отлично чувствовали себя в период с 1870 по 1914 г., в условиях золотого стандарта.

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты, чертежи...
2. Диссертации и научные работы
3. Школьные задания

Онлайн-консультации

ЛЮБАЯ тематика, в том числе ТЕХНИКА

Приглашаем авторов

www.учебники.информ2000.рф/student-aspirant.shtml

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ -
полные тексты

На сайте электронной библиотеки

www.учебники.информ2000.рф